РУССКАЯ ИСТОРІЯ

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ТОМЪ 1

ИЗДАНІЕ Т-ВА „МІРЪ"
МОСКВА

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО,

ПРИ УЧАСТІИ

Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева.

Томъ I.

Изданіе Т-ва „МІРЪ“.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К⁰.** Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1913.

947
P761GB
t.1

Предисловіе.

1.

Мы охотно выбрали бы для своей книги менѣе претенціозное заглавіе. „Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ“ слишкомъ близко напоминаетъ „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева. Мы всего менѣе, конечно, собирались выступить соперниками человѣка, который одинъ, своими единоличными усиліями, собралъ и пустилъ въ оборотъ больше историческаго матеріала, чѣмъ иное ученое общество. Наша задача гораздо скромнѣе. Мы не стремимся ни къ какимъ историческимъ открытіямъ, ни въ области фактовъ, ни въ дѣлѣ освѣщенія отдѣльныхъ, спеціальныхъ научныхъ проблемъ. Мы будемъ исходить отъ того, что ранѣе насъ добыто историками-спеціалистами по тому или иному вопросу. Наша роль — роль посредниковъ между изслѣдователями деталей историческаго процесса и тѣми широкими слоями читающей публики, которые желаютъ знать, какъ же представляетъ себѣ этотъ процессъ современная наука, но которые въ то же время не имѣютъ ни времени, ни навыка, необходимыхъ для того, чтобы ознакомиться съ детальными изслѣдованіями въ подлинникѣ.

Если мы собираемся брать цѣликомъ у другихъ, у изслѣдователей первоисточниковъ, ихъ матеріалъ и отказываемся заранѣе отъ всякихъ претензій на оригинальность въ этомъ случаѣ, это не значитъ, что мы осуждаемъ себя на роль простыхъ компиляторовъ. Мы не можемъ быть ими: намъ нечего компилировать. Существующія въ нашемъ научномъ оборотѣ историческія обобщенія почти цѣликомъ принадлежатъ той научной формаціи, которая сама давно

готова стать предметомъ исторіи. Трудность нашего положенія въ томъ и состоитъ, что матеріалъ, собранный историками-*идеалистами,* намъ приходится обрабатывать съ *матеріалистической* точки зрѣнія. *). „Новизна" нашего метода (недавно отпраздновавшаго полувѣковой юбилей) вынуждаетъ насъ поэтому въ своихъ *объясненіяхъ* быть оригинальнѣе, чѣмъ полагается обыкновенно историку-популяризатору, а такъ какъ новое объясненіе вынуждаетъ очень часто и къ новой фактической обосновкѣ, то намъ придется больше привлекать къ дѣлу сырого матеріала, чѣмъ мы бы сами хотѣли, и выступать иногда въ роли, если не изслѣдователей, то передовыхъ развѣдчиковъ, нащупывающихъ новые пути и для разрѣшенія чисто спеціальныхъ вопросовъ. Мы прекрасно сознаемъ, что въ этой особенности нашей книги—ея ахиллесова пята, открытая брешь для враждебной критики. Мы были бы очень счастливы подкрѣпить каждое изъ выставляемыхъ нами „новыхъ" положеній, цѣлой диссертаціей; но тогда наша книга никогда не была бы написана. Намъ остается только позавидовать историкамъ-популяризаторамъ грядущихъ поколѣній, когда наука будетъ уже вполнѣ очищена отъ идеалистическихъ предразсудковъ. Для себя же мы можемъ лишь пожелать, чтобы наши критики не ограничились обнаруженіемъ нашей матеріалистической злокозненности, а указали намъ и чисто фактическіе, и методологическіе наши промахи, при относительной (относительно существующей въ наличности литературы) новизнѣ нашей работы совершенно неизбѣжные.

Намъ остается сказать въ заключеніе, какъ распредѣляется между нами эта работа и отвѣтственность. За исключеніемъ первой главы, трактующей о до-исторической Россіи и принадлежащей перу В. К. Агафонова, весь остальной *текстъ* принадлежитъ перу насъ двоихъ, подписавшихъ это предисловіе, при чемъ главы, касающіяся исторіи религіи и церкви, написаны Н. Никольскимъ, а все остальное—М. Покровскимъ. Подборъ документальныхъ *приложеній*, а также подборъ *рисунковъ* и составленіе текста къ нимъ являются совершенно самостоятельной работой В. Н. Сторожева, планъ и цѣли которой объяснены имъ въ особомъ слѣдующемъ далѣе введеніи.

М. Покровскій
Н. Никольскій

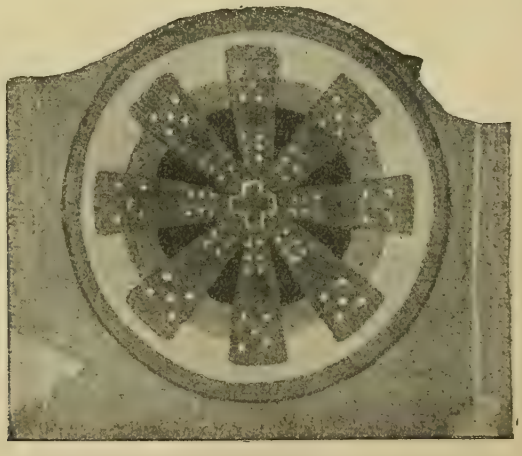
---

*) Можно лишь указать на „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія" Н. А. Рожкова (два выпуска), какъ на попытку провести матеріалистическую точку зрѣнія въ области русской исторіи, но попытка эта далеко не закончена.

ллюстрація курса русской исторіи, подобнаго настоящему, представляетъ весьма крупныя затрудненія и внѣшняго характера, и по существу. Поставленныя мнѣ заданія были таковы: иллюстративный матеріалъ помѣщается *исключительно* въ видѣ отдѣльныхъ листовъ-вкладокъ; число такихъ вкладокъ *не* должно превышать одной сотни; содержаніемъ иллюстрацій должны быть мотивы культурно-бытовые; наконецъ, каждая изъ иллюстрацій сопровождается объяснительнымъ текстомъ, не превышающимъ по своему размѣру одной печатной страницы. *Механическій* подборъ въ хронологическомъ порядкѣ лицъ, вещей и композицій батальнаго характера, конечно, исключался, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ была предоставлена совершенная свобода въ выборѣ иллюстративнаго матеріала. Имѣя въ виду общую программу, методологическіе пріемы работы, равнымъ образомъ историческое міровоззрѣніе авторовъ текста „Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ“, иллюстраторъ понялъ свою задачу, какъ написаніе путемъ подбора соотвѣтственнаго живописнаго матеріала совершенно самостоятельной главы по культурной исторіи Россіи. Для такой работы въ прошломъ нашей литературы, сколько мнѣ помнится, не было достаточно широкаго опыта. Искусство вообще и живопись въ частности есть одно изъ проявленій народнаго быта; произведенія искусства для историка—прежде всего одинъ изъ первоисточниковъ для историческаго изученія и, стало-быть, для построенія общей схемы историческаго процесса; они часто говорятъ намъ яснѣе, чѣмъ пожелтѣвшій листъ сухой лѣтописи или злободневная статья политической газеты. Изъ общаго запаса доступнаго автору въ данный моментъ живописнаго матеріала былъ выбранъ тотъ, который въ своихъ сюжетахъ трактуетъ историческія темы или самъ по себѣ является исторически характернымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Такія, напр., картины, какъ „Явленіе Спасителя народу“ *А. А. Иванова*, „Послѣдній день Помпеи“ *К. П. Брюллова*, „Блудная жена“ *В. Д. Поленова* или „Бурлаки на Волгѣ“ *И. Е. Репина*, не заняты темами по русской исторіи, но сами онѣ настолько превосходный матеріалъ для пониманія эволюціи нашей общественной интеллигентности, чтобы ихъ можно было игнорировать. Картина *Г. И. Угрюмова* „Избраніе М. Ѳ. Романова на царство“ сама по себѣ не предста-

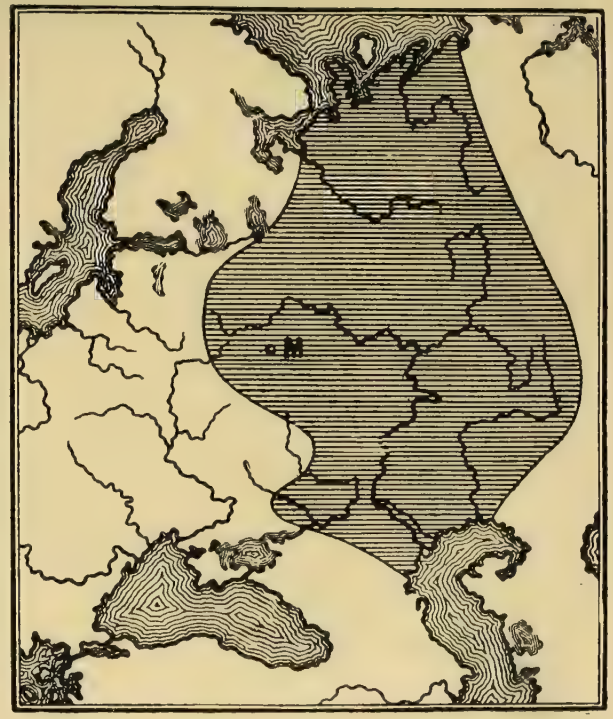
вляетъ художественнаго интереса и никогда не могла быть *исторической* картиной въ собственномъ смыслѣ слова, но ее надо взять, ибо она не только характерна для пріемовъ академической школы старой русской живописи, но и типична для исторіи русской общественности. „Группа крестьянъ“ и „Гумно“ *А. Г. Венеціанова* тоже не историческія картины, но ихъ нельзя миновать, разъ необходимо иллюстрировать моментъ, въ который русское искусство начинаетъ подходить, говоря языкомъ XVIII столѣтія, къ изображенію „подлыхъ“ людей. Путемъ извѣстнаго подбора произведеній мы часто входимъ въ міръ цѣнныхъ историческихъ сопоставленій. „Нерушимая стѣна“ кіевской Софіи, Спасо-Нередицкая Богородица Великой Панагіи и Богоматерь В. М. Васнецова могутъ быть образчикомъ одного изъ такихъ сопоставленій. Кажется, всего труднѣе иллюстрировать XIX вѣкъ по той программѣ, которая мною имѣется въ виду. Но, думаю, что положеніе—*бытовой жанръ XIX вѣка есть одинъ изъ историческихъ источниковъ новой Россіи*—уже не требуетъ въ наши дни доказательствъ, и этимъ матеріаломъ я предположилъ воспользоваться достаточно широко. Какъ бы ни отнестись критически строго къ подобной попыткѣ набросать живописную главу по исторіи Россіи, она, во всякомъ случаѣ, должна удовлетворить тому основному требованію, чтобы представлять собою извѣстную цѣльность, создать опредѣленое впечатлѣніе и быть чуждой механической полноты столько же, сколько нагроможденія критически непровѣреннаго и не современнаго эпохѣ сырого матеріала, или же притянутой за волосы искусственной композиціи.

В. Сторожевъ.



Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды.

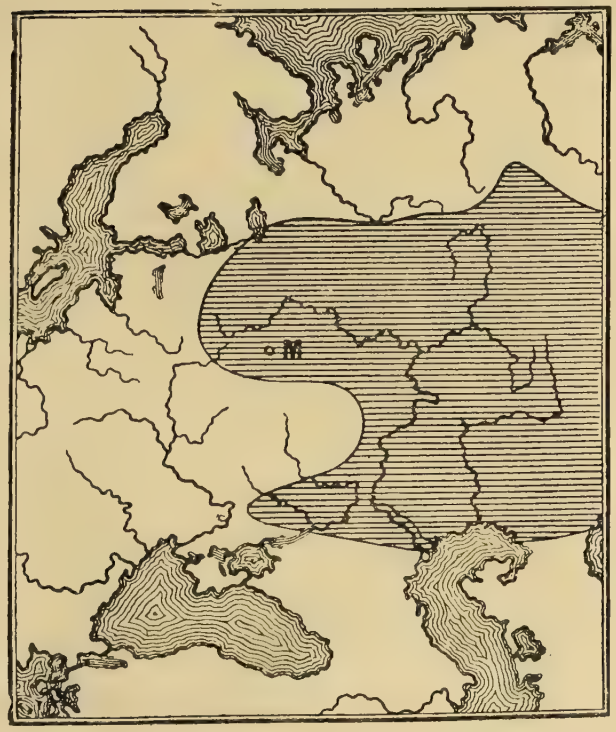
№ 1. Распредѣленіе моря и суши въ кембрійскій и первую половину силурійскаго періода.



№ 2. Распредѣленіе моря и суши въ девонскій періодъ.

Зачерченное поперечными линіями было покрыто моремъ.
М. означаетъ мѣсто, гдѣ въ настоящее время находится Москва.

Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды.



№ 3. Распредѣленіе моря и суши въ началѣ каменноугольнаго періода.

№ 4. Распредѣленіе моря и суши въ концѣ каменноугольнаго періода.

Зачерченное поперечными линіями было покрыто моремъ.
М. означаетъ мѣсто, гдѣ въ настоящее время находится Москва.

ГЛАВА I.

Великая россійская равнина въ прошломъ.

1.

Великая россійская равнина принадлежитъ съ самыхъ древнѣйшихъ геологическихъ временъ къ наиболѣе спокойнымъ площадямъ земной коры. По крайней мѣрѣ, даже такіе древніе осадки, какъ кембрійскіе и силурійскіе, залегаютъ здѣсь горизонтальными или слабо наклонными слоями. Если въ этой области и совершались болѣе или менѣе значительныя движенія земной коры, то они происходили въ древнѣйшую архейскую эру, когда на сѣверо-западѣ россійской равнины поднялся финно-скандинавскій „щитъ“, частью котораго является также Кольскій полуостровъ и западная окраина Олонецкой губерніи, а на югѣ образовалась днѣпровская кристаллическая полоса — широкая гранитная гряда, тянущаяся съ с-з. отъ долины р. Припети черезъ Волынскую, Кіевскую, Херсонскую губ. между Днѣпромъ и Бугомъ къ Азовскому морю.

Если Финляндія съ Кольскимъ полуостровомъ и западной частью Олонецкой губ. уже никогда со времени своего

Примѣчаніе. Исторія земной коры дѣлится на эры: архейская, палеозойская мезозойская и кайнозойская.

поднятія изъ нѣдръ земли не покрывалась моремъ и въ теченіе всѣхъ дальнѣйшихъ періодовъ жизни земли оставалась сушей, то этого нельзя сказать про днѣпровскую кристаллическую гряду, которая въ концѣ вторичной эры и особенно къ началу третичной уже такъ была размыта водой, что океанъ могъ затопить ее своими водами. Въ настоящее время эта древняя возвышенность является такой же черноземной степью, какъ и вся южная полоса Россіи. Граниты, гнейсы и кристаллическіе сланцы, складывающіе днѣпровскую кристаллическую гряду, обнаруживаются теперь лишь въ береговыхъ разрѣзахъ рѣкъ, промывшихъ третичныя и четвертичныя отложенія. Этими древними кристаллическими породами сложены, напр., Днѣпровскіе пороги. Кромѣ указанныхъ нами выше двухъ первобытныхъ массивовъ, древнія кристаллическія породы обнажаются на пространствѣ Европейской Россіи въ Тиманскомъ кряжѣ, на Уралѣ и на Кавказѣ; но здѣсь эти древнія породы выведены на дневную поверхность поднятіями земной коры, совершавшимися на Уралѣ въ теченіе каменноугольнаго, а на Кавказѣ—преимущественно, въ теченіе третичнаго періода.

Въ другихъ мѣстностяхъ Россіи архейскія кристаллическія породы покрыты столь мощными отложеніями послѣдующихъ періодовъ, что онѣ не обнаруживаются даже въ самыхъ глубокихъ рѣчныхъ долинахъ, и только въ артезіанскихъ колодцахъ Петербурга, на глубинѣ приблизительно 200 метровъ, были встрѣчены древнія кристаллическія породы. Такимъ образомъ, если бы снять съ россійской равнины всѣ пласты, болѣе молодые, чѣмъ архейскія кристаллическія породы, то поверхность ея явилась бы въ видѣ громадной неглубокой котловины. Эта каменная котловина въ теченіе милліоновъ лѣтъ—всѣхъ послѣдующихъ геологическихъ эпохъ—наполнялась то въ одной, то въ другой своей части осадками морей, то наступавшихъ въ меридіанальномъ или въ широтномъ направленіяхъ, то спадавшихъ.

Архейскіе пласты очень богаты драгоцѣнными камнями и металлами, при чемъ послѣдніе встрѣчаются то почти въ чистомъ видѣ (золото, платина), то въ химическомъ или механическомъ соединеніи съ другими веществами; подобнаго рода соединенія носятъ общее (но далеко не научное) названіе р у д ъ. Наиболѣе рудоносныя архейскія породы залегаютъ въ Россіи на Уралѣ, главнымъ образомъ, на восточномъ склонѣ его. Здѣсь встрѣчаются многіе драгоцѣнные камни (изумруды, бериллы, топазы, турмалины, гранаты, хризолиты и мног. др.), а также золото, мѣдь, желѣзо (бурый желѣзнякъ, магнитный

желѣзнякъ); серебро находится рѣдко (въ видѣ серебросодержащаго свинцоваго блеска).

Въ настоящее время геологія не можетъ еще установить распредѣленія суши и морей въ архейскую эру; но если когда эта задача и будетъ поставлена и разрѣшена, то наибольшія трудности она встрѣтитъ въ Россіи, гдѣ архейскія породы не только не выходятъ на дневную поверхность (исключая окраины), но лежатъ на громадныхъ глубинахъ, замаскированныя мощными пластами отложеній послѣдующихъ эпохъ.

Что касается остатковъ организмовъ, которые повѣдали бы намъ о жизни этихъ сѣдыхъ временъ, то—увы!—до сихъ поръ въ нижнихъ архейскихъ пластахъ не встрѣчено не только окаменѣлостей, но даже никакихъ слѣдовъ ихъ. И мы до сихъ поръ не можемъ опредѣленно высказаться, были ли эти времена дѣйствительно „азойскими“, или же остатки предполагаемыхъ первичныхъ организмовъ исчезли безслѣдно во время тѣхъ безконечныхъ измѣненій, которыя пришлось пережить заключавшимъ ихъ породамъ въ теченіе милліоновъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ начала архейской эры.

Но въ верхнихъ, значитъ, болѣе молодыхъ пластахъ архейской эры, въ породахъ такъ называемаго алгонскаго періода, среди пластовъ кристаллическихъ сланцевъ встрѣчаются прослои известняковъ, вѣроятно, органическаго происхожденія, а также и твердой и наиболѣе богатой углеродомъ разновидности каменнаго угля, которой проф. Иностранцевъ, впервые открывшій ее въ мѣстечкѣ Шунга, Олонецкой губ., далъ названіе шунгита. Шунгитъ, несомнѣнно, образовался изъ жившихъ въ ту эпоху растеній. Въ другихъ мѣстахъ алгонскихъ породъ были открыты радіоляріи, губки, отпечатки низшихъ червей (анненгидъ) и даже низшихъ ракообразныхъ.

Какъ начало всякой исторіи, такъ и начало исторіи земной коры является самымъ неяснымъ, самымъ плохо изученнымъ періодомъ и, несмотря на то, что архейская эра охватываетъ періодъ времени несравненно болѣе значительный, чѣмъ всѣ геологическіе періоды, слѣдующіе за ней, взятые вмѣстѣ, мы можемъ разсказать про нее въ тысячу разъ меньше, чѣмъ про каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

2.

Слѣдующіе за архейскими пласты земной коры даютъ уже столько матеріала для изученія какъ петрографическаго характера этихъ отложеній, такъ и ихъ флоры и фауны, что

и въ данный моментъ является возможнымъ дать общую картину какъ жизни въ эти все же чрезвычайно далекіе отъ насъ геологическіе періоды, такъ и распредѣленія суши и моря. Въ странахъ, геологически наиболѣе изученныхъ, какъ, напр., Западная Европа, такая реставрація былого является болѣе точной и детальной, но и русская геологія стоитъ уже настолько высоко, что дѣлаетъ возможнымъ намѣтить хотя бы основныя линіи подобной геологической реставраціи Европейской Россіи. Прилагаемыя карты показываютъ намъ, въ грубыхъ чертахъ, конечно, каково было распредѣленіе суши и моря въ великой россійской равнинѣ въ различныя геологическія эпохи. Въ этомъ распредѣленіи можно подмѣтить уже опредѣленную связь съ движеніями земной коры въ опредѣленныя эпохи. Такъ, напримѣръ, въ періоды, когда по уральской геосинклинали начали подниматься Уральскія горы (во вторую половину каменноугольнаго и особенно въ пермскій періодъ) мы замѣчаемъ, что и моря тянутся въ этомъ же—меридіанальномъ направленіи; въ періоды же, когда могучія земныя волны начали постепенно выталкивать на земную поверхность Кавказскій хребетъ (въ юрскую, верхнемѣловую эпоху и особенно въ третичный періодъ), и моря россійской равнины располагаются вдоль этого хребта, т.-е. въ широтномъ направленіи.

Палеозойская эра, слѣдующая за архейской, дѣлится геологами на пять періодовъ—кембрійскій, силурійскій, девонскій, каменноугольный и пермскій.

Въ кембрійскій періодъ и первую часть силурійскаго въ нынѣшней Европейской Россіи море являлось въ видѣ широкой поперечной полосы, оканчивающейся на востокѣ, у нынѣшняго Урала, двумя вѣтвями, раздѣленными другъ отъ друга выдававшеюся сушей — антиклиналью (см. карту № 1). Съ теченіемъ времени эта антиклиналь все болѣе и болѣе вдвигалась на западъ въ силурійское море и въ верхнесилурійскую эпоху мы видимъ, что русское море распалось на двѣ части—сѣверную и южную, при чемъ послѣдняя вслѣдствіе опусканія дна ея продвинулась далѣе на востокъ.

Постепенно измѣняя свое широтное направленіе, русское силурійское море превращается въ началѣ девонскаго періода въ морской бассейнъ, вытянутый въ меридіанальномъ направленіи и занимавшій, между прочимъ, нынѣшній Уралъ. Этотъ нижне-девонскій меридіанальный бассейнъ, въ свою очередь измѣняясь и покидая югъ и сѣверъ, затопляетъ во время средне-девонской эпохи часть Западной и Средней Россіи.

Наконецъ, въ верхне-девонскую эпоху море захватываетъ большую часть Европейской Россіи, но къ концу этой эпохи освобождаетъ сѣверо-западную часть ея (см. карту № 2). Такія схематическія карты характеризуютъ, конечно, только одинъ геологическій моментъ даннаго періода и не даютъ представленія о процессѣ измѣненія взаимоотношенія суши и моря. Повидимому, это взаимоотношеніе мѣнялось медленно и постепенно отъ силурійскаго періода къ девонскому и, кромѣ того, мѣнялось различно въ разныхъ частяхъ великой россійской котловины.

Какъ видно изъ слѣдующей карты (см. карту № 3), въ началѣ каменноугольнаго періода сравнительно съ концомъ его площадь девонскаго моря на пространствѣ, занимаемомъ современной Европейской Россіей, значительно уменьшилась: съ запада поднялась изъ воды значительная полоса девонской суши, и море приняло широтное направленіе, но къ концу каменноугольнаго періода это широтное направленіе снова смѣняется меридіанальнымъ (см. карту № 4).

Каменноугольная система получила свое названіе благодаря своему богатству горючими углеродистыми соединеніями, которыя въ общежитіи объединяются подъ общимъ названіемъ каменнаго угля. Но изъ этого не слѣдуетъ, что пласты каменноугольной системы сложены исключительно или главнымъ образомъ изъ каменнаго угля. Каменный уголь здѣсь, какъ и въ другихъ системахъ, занимаетъ подчиненное мѣсто, а первенствующую роль играютъ известняки, доломитъ, гипсъ, глинистый сланецъ, глины, песчаники и конгломераты. Съ другой стороны, во многихъ, напримѣръ, мѣстностяхъ Россіи пласты каменноугольной системы совершенно не заключаютъ въ себѣ каменнаго угля. Можно утверждать, что образованіе каменнаго угля происходило во всѣ геологическія эпохи, происходитъ и нынѣ.

Отложенія каменноугольной системы въ Европейской Россіи занимаютъ громадныя пространства и являются въ видѣ непрерывной серіи пластовъ; ихъ разбиваютъ на отдѣльныя площади: московскій каменноугольный бассейнъ, донецкій каменноугольный бассейнъ, отложенія Симбирской, Самарской и Саратовской губерній, отложенія на Уралѣ и Тиманскомъ кряжѣ и, наконецъ, польскія каменноугольныя отложенія, составляющія восточную часть силезскаго бассейна.

Палеонтологическое изученіе окаменѣлостей нижняго и верхняго „горныхъ известняковъ“ каменноугольнаго періода показало, что въ нижнемъ преобладаютъ организмы мелководнаго моря, а въ верхнемъ — глубоководнаго, а такъ

какъ, по мѣрѣ движенія съ запада на востокъ, нижній горный известнякъ постепенно пропадаетъ и замѣщается верхнимъ, то изъ этого можно заключить, что къ востоку каменноугольное море становилось все болѣе глубоководнымъ. Но въ западной части Европейской Россіи нужно допустить медленное опусканіе дна каменноугольнаго моря, которое продолжалось, повидимому, даже въ слѣдующій, пермскій, періодъ. На Уралѣ же въ началѣ каменноугольнаго періода нужно предположить медленное опусканіе, затѣмъ болѣе или менѣе продолжительный покой, во время котораго и отложилась здѣсь главная часть морскихъ осадковъ, и слѣдствіемъ чего явилось обмелѣніе моря; въ слѣдующую затѣмъ эпоху дно этого моря снова начало опускаться, и въ немъ начали отлагаться глубоководные осадки. Въ среднекаменноугольную эпоху началось наступаніе моря, которое къ концу каменноугольнаго періода затопило, какъ мы уже упоминали, большую часть нынѣшней Европейской Россіи (отложенія верхняго каменноугольнаго известняка).

Перейдемъ теперь къ послѣднему періоду—палеозойской эры—къ пермскому.

Какъ видно изъ прилагаемой карты (см. карту № 5), море въ этотъ періодъ сильно уменьшилось сравнительно съ каменноугольнымъ и даже пріобрѣло характеръ Средиземнаго моря. Это уменьшеніе моря явилось слѣдствіемъ поднятія по западной окраинѣ большой широкой полосы суши. Московскій каменноугольный заливъ исчезъ совершенно, донецкій бассейнъ превратился въ узкую лагуну, сообщеніе которой съ моремъ временами прекращалось совершенно, и тогда въ этой лагунѣ отлагались каменная соль, гипсъ и ангидритъ. Также стало менѣе глубоководнымъ и море сѣверо-восточной части Европейской Россіи: и здѣсь среди известняковъ мы находимъ отложенія гипса и соли.

Въ пермскій же періодъ началось интенсивное образованіе Уральскаго хребта. Къ концу пермскаго періода море обмелѣло на пространствѣ всей Европейской Россіи. Это—эпоха отложенія, такъ называемыхъ, „пестрыхъ рухляковъ“ и осажденія соли и гипса.

Постепенно, къ концу пермскаго періода море, покрывавшее большую часть великой россійской равнины, отступаетъ, и мѣстность эта превращается въ материкъ, усѣянный громадными озерами и лагунами, населеніе которыхъ представляетъ нѣкоторое сходство съ современными большими озерами Центральной Африки.

* *
*

Теперь перейдемъ къ общей характеристикѣ тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣли животное и растительное царства въ теченіе различныхъ геологическихъ періодовъ.

Мы уже упоминали, что начало жизни не могло отпечатлѣться въ архейскихъ пластахъ земной коры столь ясными признаками, чтобы мы въ состояніи были въ настоящее время уловить ихъ. Изученіе кембрійскихъ и силурійскихъ окаменѣлостей показываетъ, что это были организмы, достигшіе уже довольно высокой степени развитія и которыхъ поэтому нельзя считать представителями первыхъ стадій органическаго міра.

Первыми болѣе или менѣе хорошо сохранившимися растеніями нужно считать бурыя водоросли кембрійскаго и силурійскаго періодовъ. Наземная флора этихъ періодовъ представлена до сихъ поръ весьма еще скудно, но зато фауна ихъ, главнымъ образомъ, водная, морская, даетъ намъ представителей самыхъ разнообразныхъ классовъ, семействъ, родовъ и видовъ. Въ силурійскихъ моряхъ жили губки (кремневыя), черви, иглокожіе, брюхоногіе, головоногіе и пластинчато-жаберные моллюски, и особенно широкимъ распространеніемъ и громаднымъ разнообразіемъ различныхъ формъ отличались кораллы. Во всякія геологическія эпохи имѣлась одна какая-нибудь группа или классъ, игравшій первенствующую роль и поэтому характерный именно для данной эпохи. Такимъ типомъ для силурійскаго періода являются трилобиты, относящіеся къ классу ракообразныхъ; кромѣ трилобитовъ, извѣстны уже и, такъ называемые, гигантскіе раки. Къ концу силурійскаго періода появляются въ крайне незначительномъ числѣ экземпляровъ и видовъ первыя хрящевыя рыбы, но нѣтъ еще ни одного существа съ костнымъ позвоночникомъ — млекопитающія, птицы, пресмыкающіяся, амфибіи отсутствуютъ. Нужно отмѣтить, что почти всѣ силурійскія окаменѣлости морского происхожденія; наземные организмы попадаются чрезвычайно рѣдко (остатки скорпіона и прямокрылаго насѣкомаго).

Переходя къ девонскому періоду, мы должны прежде всего отмѣтить, что растительные девонскіе остатки дошли до насъ въ весьма скудномъ количествѣ и къ тому же большинство сохранившихся видовъ тождественно съ растеніями каменноугольнаго періода, и потому мы ихъ разсмотримъ заодно

съ послѣдними. Что касается девонской фауны, то наиболѣе характерной чертой ея является развитіе въ большомъ числѣ видовъ и экземпляровъ хрящевыхъ ганоидныхъ рыбъ. Многія изъ нихъ интересны еще и въ томъ отношеніи, что представляютъ переходныя ступени между существующими въ настоящее время, весьма отдаленными одна отъ другой группами. Къ числу самыхъ странныхъ формъ, когда-либо существовавшихъ на земномъ шарѣ, относятся ганоидныя панцырныя рыбы, тѣло которыхъ было покрыто цѣликомъ или отчасти костными пластинками. Въ это же время жили хищныя, прожорливыя рыбы, похожія на акулъ. Девонская фауна безпозвоночныхъ такъ же богата, какъ и силурійская; число видовъ плеченогихъ моллюсковъ начинаетъ уменьшаться, но господство попрежнему принадлежитъ головоногимъ моллюскамъ, при чемъ среди послѣднихъ впервые появляются аммониты.

Для флоры каменноугольнаго періода характерны наземныя растенія, сигилляріи, лепидодендроны, папоротники, каламиты. Не останавливаясь на другихъ споровыхъ растеніяхъ каменноугольнаго лѣса, укажемъ, что въ немъ встрѣчались также и сѣменныя растенія, родственныя нашимъ саговымъ пальмамъ или цикадовымъ и аурокаріе-виднымъ хвойнымъ. Но цвѣтковыхъ растеній каменноугольная флора еще не знала. Фауна каменноугольнаго періода, подобно флорѣ, представляетъ непосредственное продолженіе девонской, но, конечно, и здѣсь произошли существенныя измѣненія. Такъ, кораллы и губки уже не играютъ значительной роли. Исполинскіе раки исчезли, трилобиты также почти вымерли, но зато появляются болѣе высокоорганизованныя формы—десятиногіе раки. Каменноугольныя насѣкомыя представляютъ коллективные типы, которые лишь съ большой натяжкой можно подвести подъ нынѣшніе отряды и семейства. Конечно, нѣтъ насѣкомыхъ, существованіе которыхъ связано съ цвѣтковыми растеніями, но зато найдены виды, питавшіеся или листвой и деревомъ каменноугольныхъ лѣсовъ, или живой добычей: тараканы, саранча, кузнечики. Моллюски каменноугольнаго періода, имѣющіе широкое распространеніе, (кромѣ брахіоподъ), по сравненію съ девонскими формами, не представляютъ характерныхъ особенностей. Рыбы все еще хрящевыя, но панцырныя рыбы успѣли уже вымереть. Наиболѣе характернымъ для каменноугольной фауны нужно считать появленіе первыхъ позвоночныхъ, такъ назыв., стегоцефаловъ, по своему наружному виду напоминавшихъ то лягушекъ, то ящерицъ, то змѣй.

Морская фауна кембрійскаго_періода: трилобиты, медузы, полипы, слизняки.

Фауна девонскаго періода—вокругъ высыхающей лужи видны: на заднемъ планѣ исполинскіе раки, а на переднемъ панцырныя и легочнодышащія рыбы въ моментъ выхода на сушу.

Флора пермской системы въ нижнихъ ея горизонтахъ представляетъ большое сходство съ каменноугольной флорой, но мало-по-малу господство переходитъ къ папоротникамъ и хвойнымъ, къ цикадовымъ и саговымъ пальмамъ. Такимъ образомъ, флора верхнихъ горизонтовъ пермской системы приближается уже къ флорѣ мезозойской. Такое рѣзкое измѣненіе въ характерѣ флоры въ концѣ палеозойской эры можно объяснить однимъ только переселеніемъ растеній, которое, вѣроятно, шло изъ Индо-африканскаго материка. Въ Европейской Россіи этотъ переходный и миграціонный характеръ флоры и фауны выяснился еще съ большей ясностью, чѣмъ для западно-европейскихъ отложеній, благодаря изслѣдованіямъ проф. *Амалицкаго* самыхъ верхнихъ пермскихъ русскихъ пластовъ, такъ называемыхъ пестрыхъ рухляковъ или мергелей. Оказалось, что эти пестрыя породы—прѣсноводныя отложенія, образовавшіяся въ озерахъ и лагунахъ верхне-пермскаго материка. Для нихъ особенно характерными являются прѣсноводные моллюски, близкіе къ современнымъ намъ уніямъ и анадонтамъ, такъ назыв. антракозиды. Кромѣ антракозидъ, въ сухоно-двинскомъ бассейнѣ найдены нѣкоторыя ракообразныя и чешуи ганоидныхъ рыбъ, а изъ наземныхъ животныхъ—остатки амфибій, стегоцефалъ и, наконецъ, громадныя скопленія костей и цѣлыхъ скелетовъ разнообразныхъ пресмыкающихся изъ отряда теромофоръ. Теромофоры совмѣщаютъ въ себѣ признаки стегоцефалъ, низшихъ пресмыкающихся и низшихъ млекопитающихъ. Думаютъ, что это сборный типъ ящеровъ, изъ которыхъ впослѣдствіи обособились млекопитающія.

Флора этихъ русскихъ верхне-пермскихъ отложеній состоитъ, главнымъ образомъ, изъ папоротниковъ—глоссоптерисовъ и гангамоптерисовъ. Вообще, по мнѣнію проф. Амалицкаго, весь органическій міръ этой эпохи указываетъ на сходство съ организмами, такъ называем., глоссоптеріевой области (слои Каroo Южной Африки, гондванскіе слои Индіи, соотвѣтственныя отложенія Австраліи, Бразиліи и Техаса) и сближаетъ пермскій міръ съ мезозойскимъ.

3.

Мезозойская эра.

Мезозойская эра дѣлится на три періода: тріасовый, юрскій и мѣловой.

Къ началу тріасоваго періода океанъ покрывалъ Южную Европу и проникалъ въ Центральную Азію, но Европейская Россія на большей части своего протяженія была сушей въ теченіе всего этого періода. Море простиралось въ эту эпоху только въ Крыму, на Кавказѣ и тянулось оттуда на сѣверъ— къ донецкой возвышенности, но послѣдняя въ срединѣ юрскаго періода выходитъ изъ-подъ уровня моря, которое затопляетъ Польшу, Кіевскую и Оренбургскую губерніи и, вѣроятно, доходило до южной части Нижегородской губерніи. Къ концу этой эпохи море покрываетъ уже значительную часть Европейской Россіи — Центральную Россію, Донецкій бассейнъ, Польшу, Крымъ, Кавказъ.

Дальнѣйшая трансгрессія моря въ Центральную Россію влечетъ за собой соединеніе русскаго юрскаго моря съ полярнымъ и съ индійскимъ и вызываетъ соотвѣтственную миграцію организмовъ. Центральное русское море соединялось съ донецкимъ, а послѣднее съ западно-европейскимъ Средиземнымъ.

Это распредѣленіе суши и моря въ Европейской Россіи, продержавшееся почти до самаго конца юрскаго періода и представлено на прилагаемой картѣ (см. карту № 6). Въ самомъ концѣ юрскаго періода проливъ, соединявшій донецкій бассейнъ съ московскимъ, вслѣдствіе соотвѣтственнаго поднятія земной коры, исчезаетъ, и московскій бассейнъ остается соединеннымъ только съ арктическимъ юрскимъ моремъ, покрывавшимъ и часть Сибири и Сѣв. Америки; конечно, это отражается на фаунѣ Московскаго бассейна, въ которой начинаютъ преобладать полярныя формы.

Къ концу юрскаго періода началось обмелѣніе русскаго моря; въ Центральной Россіи это обмелѣніе продолжалось и въ началѣ мѣлового періода. По Московской губерніи проходила сѣверная береговая линія моря (осадки этой полосы исключительно береговые или даже прѣсноводные). Тѣ же прибрежныя отложенія наблюдаются и въ Саратовской губ., но въ Симбирской уже выступаютъ мощные пласты глинъ. Нижнемѣловое Крымское и Кавказское море соединялось, вѣроятно, съ одной стороны, съ моремъ Южной Европы, съ другой, съ азіатскимъ моремъ. Въ общемъ же русское море въ началѣ мѣлового періода было вытянуто въ меридіанальномъ направленіи (см. карту № 7).

Во второй половинѣ мѣлового періода море постепенно затопляетъ южную часть Россіи; только нѣсколько большихъ острововъ выдавалось надъ поверхностью этого моря, но за то сѣверная часть Европейской Россіи была къ концу этой эпохи

уже сушей. Прилагаемая карта и представляетъ взаимоотношеніе суши и моря въ концѣ мѣлового періода. Какъ видитъ читатель, море снова имѣетъ уже широтное направленіе (см. карту № 8).

* * *

Въ мезозойскую эру царство растеній сдѣлало большой шагъ впередъ, особенно на сушѣ. Вмѣсто палеозойскихъ болотистыхъ лѣсовъ изъ каламитовъ, сигиллярій и лепидодендроновъ, появляются обширные хвойные лѣса, среди которыхъ растутъ многочисленные исполинскіе хвощи; цикадовыя и саговыя пальмы достигаютъ наивысшей степени своего развитія, встрѣчаются новые папоротники и, наконецъ, появляются первые представители скрытосѣмянныхъ, т.-е. высшихъ цвѣтковыхъ растеній: ива, дубъ, кленъ и т. п. Но все же, если палеозойскую эру можно характеризовать, какъ царство споровыхъ растеній, то мезозойская эра, безспорно, является эпохой господства голосѣмянныхъ.

Переходя къ характеристикѣ фауны мезозойской эры, мы должны прежде всего отмѣтить господство пресмыкающихся. Въ мезозойскую эру пресмыкающіяся отличались не только большимъ разнообразіемъ формъ, но и чудовищными размѣрами. Одни изъ этихъ животныхъ напоминали нашихъ морскихъ млекопитающихъ, другія—нашихъ слоновъ, превосходя ихъ размѣрами, третьи—хищныхъ. Но рядомъ съ этими исполинами не было недостатка и въ маленькихъ пресмыкающихся, похожихъ на нашихъ ящерицъ. Въ то же время въ воздухѣ носились своеобразные „драконы“, безобразные птеродактили и первобытныя зубатыя птицы. Потомки палеозойскихъ стегоцефаловъ—нѣчто среднее между амфибіями и пресмыкающимися—еще уцѣлѣли и соперничали по своей величинѣ съ исполинскими ящерицами.

Въ морской фаунѣ мезозойской эры тоже находимъ нѣкоторые новые типы, сильно отличающіеся отъ палеозойскихъ. Такъ, появляются шестилучевые кораллы, новыя морскія лиліи (неокринодеи) и морскіе ежи, число рядовъ пластинокъ которыхъ не превышаетъ 20-ти. Плеченогія и наутилиды утрачиваютъ свое господствующее значеніе, и на первый планъ теперь выступаютъ аммониты и белемниты. Белемниты—близкіе родственники современныхъ каракатицъ—наводняли мезозойскія моря и пожирали мелкихъ животныхъ. Аммониты тоже встрѣчаются въ громадномъ числѣ видовъ и экземпляровъ. Нѣкоторые имѣли раковину величиной въ колесо.

Изъ ракообразныхъ, рядомъ съ палеозойскими длинохвостыми формами, являются первые крабы—самый высшій разрядъ этого класса. Рыбы обнаруживаютъ рѣзкія измѣненія: ганоидныя рыбы съ несимметричными хвостовыми плавниками понемногу вымираютъ и замѣщаются ганоидными же, но съ симметричными хвостовыми плавниками; эти рыбы достигаютъ въ теченіе мезозойской эры наивысшей ступени своего развитія, но затѣмъ и онѣ постепенно доходятъ до той скудости экземпляровъ и формъ, которыми онѣ отличаются и въ настоящее время. Рядомъ съ ними появляются первые представители истинныхъ акулъ и костистыхъ рыбъ, т.-е. типовъ, господствующихъ и въ настоящее время. Появляются первыя птицы.

Въ виду малаго развитія въ Россіи тріасовыхъ отложеній, мы не станемъ останавливаться спеціально на характеристикѣ флоры и фауны этого періода и перейдемъ сразу къ юрскому періоду. Въ флорѣ отмѣтимъ постепенное вытѣсненіе хвощей и папоротниковъ саговыми пальмами и хвойными деревьями. Въ фаунѣ является наиболѣе характернымъ преобладаніе аммонитовъ и белемнитовъ и громадныхъ пресмыкающихся. Аммониты и белемниты принадлежатъ къ головоногимъ моллюскамъ. Они жили въ открытомъ морѣ.

Изъ царей юрской фауны мы укажемъ только нѣкоторыхъ самыхъ выдающихся представителей, такъ какъ до сего времени въ юрскихъ отложеніяхъ Россіи большинство ихъ еще не найдено; это—ихтіозавръ, плезіозавръ, птерозавръ, динозавръ.

Среди наземныхъ животныхъ громадное распространеніе имѣли насѣкомыя: жуки, сѣтчатокрылыя, прямокрылыя, травяныя вши, клопы. Существованіе грибныхъ жуковъ указываетъ на существованіе грибовъ, а присутствіе жуковъ, живущихъ въ мхахъ, говоритъ о томъ, что почва и древесные стволы юрскаго лѣса, были покрыты мхами.

Но наиболѣе удивительнымъ животнымъ юрскаго періода является, несомнѣнно, первобытная птица археоптериксъ, соединявшая въ себѣ черты и птицъ и пресмыкающихся; она была величиной съ нашего грача.

Въ юрскій же періодъ появляются первыя костистыя рыбы и первыя млекопитающія. Послѣднія были величиной не болѣе нашихъ бѣлокъ и принадлежали къ сумчатымъ. Къ сожалѣнію, до насъ дошли только нижнія челюсти и зубы этихъ животныхъ.

Мѣловая система является непосредственнымъ продолженіемъ юрской, и потому фауна и флора ея вначалѣ не

представляютъ сколько-нибудь рѣзкихъ отличій отъ фауны и флоры юрской системы. Но приблизительно въ серединѣ мѣлового періода характеръ флоры сильно измѣняется. Споровыя и голосѣмянныя растенія уступаютъ первое мѣсто лиственнымъ деревьямъ и цвѣтковымъ растеніямъ. Двусѣмяннодольныя растенія сразу пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе. Односѣмянодольныя (травы, пальмы, лилейныя и пр.) представлены въ незначительномъ числѣ видовъ и экземпляровъ. Характернымъ для второй половины мѣлового періода является родъ креднерія, который одни ботаники причисляютъ къ тополямъ, другіе—къ липамъ, третьи—къ платанамъ.

Наиболѣе характернымъ для мѣловой фауны являются корненожки (фораминеферы), изъ раковинъ которыхъ сложены не только мѣлъ, но и которыми переполнены многіе известковые пласты. Изъ морскихъ животныхъ, пользовавшихся колоссальнымъ распространеніемъ въ мѣловой періодъ, укажемъ на мшанокъ, живущихъ, подобно кораллamъ, колоніями и образующихъ кустарникообразные остовы. Исключительно во время мѣлового періода жила группа пластинчатожаберныхъ моллюсковъ, такъ называемые рудисты особенно родъ гиппуритовъ. Костистыя рыбы, появившіяся, какъ мы знаемъ, въ незначительномъ количествѣ еще въ верхней юрѣ, только теперь пріобрѣтаютъ господство. Число пресмыкающихся постепенно уменьшается, и большинство видовъ вымираетъ къ концу мѣлового періода, но зато появляются два новыхъ типа: змѣи и мозазавры. Птицы мѣлового періода по своей организаціи ближе къ современнымъ птицамъ, чѣмъ археоптериксъ, но у нихъ въ челюстяхъ имѣются еще зубы.

4.

Кайнозойская эра.

Третичный періодъ.

Третичная или кайнозойская эра, слѣдующая за мезозойской (вторичной), характеризуется постепеннымъ приближеніемъ къ современной намъ эпохѣ: чуждые намъ виды вымираютъ, органическій міръ и распредѣленіе суши и моря принимаютъ все болѣе и болѣе знакомый намъ видъ. Третичная эра дѣлится обыкновенно на два періода: 1) третичный и 2) четвертичный. Третичный періодъ дѣлится, въ

свою очередь, на два отдѣла: палеогеновый и неогеновый. Палеогенъ распадается на двѣ эпохи: эоценъ и олигоценъ; неогенъ тоже на двѣ эпохи: міоценъ и піоценъ.

Мѣловое море не переходитъ непосредственно въ третичное. Изслѣдованія Н. Соколова показали, что между мѣловыми и палеогеновыми отложеніями юга Россіи замѣчается ясный перерывъ; и лишь по среднему теченію рѣки Волги мѣловое море перешло непосредственно въ эоценовое. Въ это время море занимаетъ лишь среднее и нижнее теченіе Волги, часть Крыма и продолжается въ Закавказье и Туркестанъ. Но въ средне-эоценовую эпоху море заливаетъ всю южную часть Европейской Россіи, и мелководный бассейнъ, располагавшійся въ области нынѣшняго Днѣпра, соединялъ это море, съ одной стороны, съ англо-французскимъ эоценовымъ, съ другой—съ ахалцыхскимъ бассейномъ. Въ слѣдующую эпоху верхне-эоценовую море становится глубже и соединяется широкимъ проливомъ съ Крымско-кавказскимъ моремъ. Въ началѣ олигоценовой эпохи южно-русское море мелѣетъ, но въ то же время охватываетъ большее пространство, чѣмъ въ предыдущую эпоху, соединяясь, съ одной стороны, съ Сѣверо-германскимъ моремъ, захватывая почти все Поволжье и доходя, съ другой стороны, до береговъ нынѣшняго Аральскаго моря и Персіи. Но обмелѣніе этого моря продолжалось безостановочно, въ концѣ концовъ оно распалось на отдѣльные бассейны и къ концу олигоценовой эпохи исчезло совершенно.

Палеогеновыя отложенія тянутся въ Россіи широкой полосой, почти въ 2.000 верстъ длиною, отъ западной границы Польши до Волги.

Мы видѣли, что къ началу новотретичнаго времени—къ началу міоценовой эпохи—вся южная Россія превращается въ сушу. Высыхаетъ также англо-французскій бассейнъ и часть сѣверо-германскаго, вслѣдствіе чего поперекъ всей Европы протягивается широкая полоса суши, отдѣляющая Сѣверное море отъ Средиземнаго. Это—поворотный моментъ въ жизни данныхъ морей, которыя отнынѣ начинаютъ жить самостоятельною жизнью. Въ средне-міоценовую эпоху море снова изъ Зап. Европы вторгается въ южную Россію двумя путями: изъ вѣнскаго бассейна вдоль сѣвернаго склона Карпатъ черезъ Галицію и венгерскаго бассейна—черезъ нижне-дунайскую низменность. Такимъ образомъ, въ средне-міоценовую эпоху море окружало со всѣхъ сторонъ Карпаты, захватывало зна-

чительную часть Польши, Волыни, Подоліи и Бессарабіи. На югѣ оно соединялось съ нижне-дунайскимъ заливомъ и, захватывая бассейнъ рѣки Конки (прав. прит. Днѣпра ниже пороговъ) тянулось узкимъ рукавомъ вдоль сѣвернаго склона Крымскихъ и Кавказскихъ горъ.

Въ концѣ міоценовой эпохи, когда въ западной и южной Европѣ море отступаетъ изъ всѣхъ занятыхъ имъ раньше мѣстъ, оставляя лишь кое-гдѣ большія лагуны, когда Средиземное море совершенно отдѣляется отъ русскаго, это послѣднее, называемое геологами Сарматскимъ моремъ, занимаетъ въ Россіи гораздо большее протяженіе, чѣмъ среднеміоценовое море. Распредѣленіе его представлено на картѣ № 9 (см. приложеніе). Можно предполагать, что Сарматское море простиралось и далѣе на Востокъ къ Тянь-шаню и на сѣверъ къ Орало-иртышскому водораздѣлу. Это былъ громадный бассейнъ, окруженный со всѣхъ сторонъ сушей, фауна котораго напоминала таковую нынѣшняго Чернаго моря. Кораллы, иглокожія, головоногія и вообще всѣ организмы, не выдерживающіе опрѣсненія, исчезли. Моллюски Сарматскаго моря принадлежатъ къ немногимъ родамъ, но зато нѣкоторые изъ нихъ представляютъ замѣчательное разнообразіе формъ.

Отложенія Сарматскаго моря тянутся въ Европейской Россіи отъ юго-запада Польши черезъ западную и южную часть Волынской губерніи въ Подольскую, занимаютъ почти всю Бессарабію, всю Херсонскую губ., Крымъ, южную часть Екатеринославской, южную часть земли Войска Донского, большую часть Кубанской области и Ставропольской губ., и, огибая Каспійскую низменность, идутъ вдоль западнаго склона Мугоджарскихъ горъ. Усть-Уртъ сложенъ также сарматскими пластами. Опрѣсненіе, обмелѣніе и сокращеніе Сарматскаго моря шло медленно, но неуклонно,—и оно постепенно разбивалось на отдѣльные бассейны, которые затѣмъ, въ свою очередь, дробились на большое число слабосоленоватыхъ озеръ. Одно изъ этихъ озеръ простиралось отъ Бессарабіи до Маныча и отъ устья Дона до Керчи. Въ немъ жили своеобразныя мелкорослыя моллюски, раковинами которыхъ и сложенъ, такъ наз., понтическій известнякъ.

Непрекращавшееся усыханіе обращаетъ въ сушу большую часть понтическаго бассейна и оставляетъ четвертичному періоду лишь два небольшихъ внутреннихъ озера-моря: одно, занимавшее южную часть нынѣшняго Каспійскаго моря, другое—наиболѣе глубокую впадину Чернаго.

Въ этихъ внутреннихъ моряхъ понтическая фауна постепенно переходитъ въ современную фауну Каспійскаго моря и южно-русскихъ лимановъ.

* * *

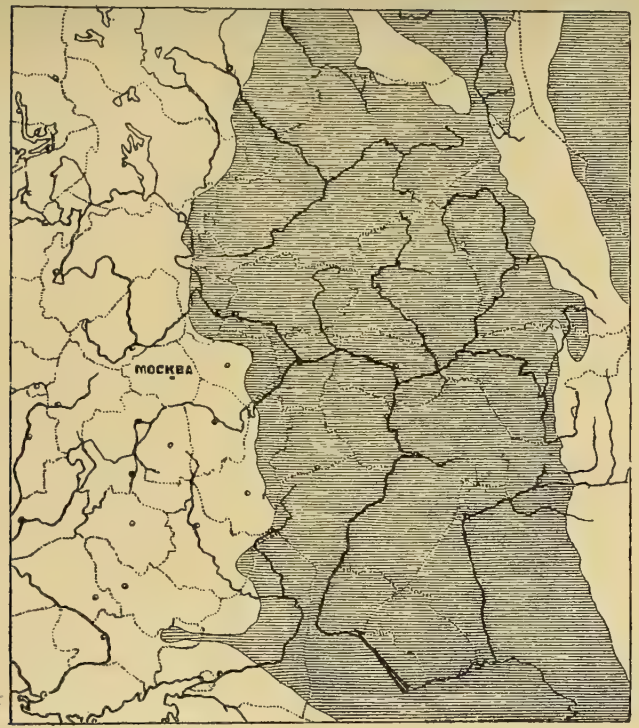
Уже отмѣченное нами въ мѣловой періодъ оттѣсненіе споровыхъ и голосѣмянныхъ растеній лиственными деревьями и цвѣтковыми растеніями достигаетъ своего апогея въ третичный періодъ: дубы лавровыя деревья, мирты являются господствующими въ палеогеновую эпоху; многочисленны также пальмы, панданы и различныя вьющіяся растенія. Нижнепалеогеновая флора приближается ближе всего къ современной индійско-австралійской флорѣ; но уже въ концѣ эоцена флора указываетъ на болѣе умѣренный климатъ, такъ какъ къ настоящимъ пальмамъ примѣшиваются драцены, лавры, протеевыя растенія и т. п. Олигоценовая, еще болѣе богатая флора, указываетъ также на болѣе умѣренный климатъ, такъ какъ въ эту эпоху становятся весьма многочисленными деревья съ опадающими листьями.

Въ міоценовую эпоху пальмы уже постепенно исчезаютъ и, рядомъ съ вѣчно-зелеными деревьями, появляются деревья умѣреннаго климата (ива, тополь, кленъ и др.). Наконецъ, въ пліоценовую эпоху мы встрѣчаемъ уже только растительныя формы умѣреннаго климата.

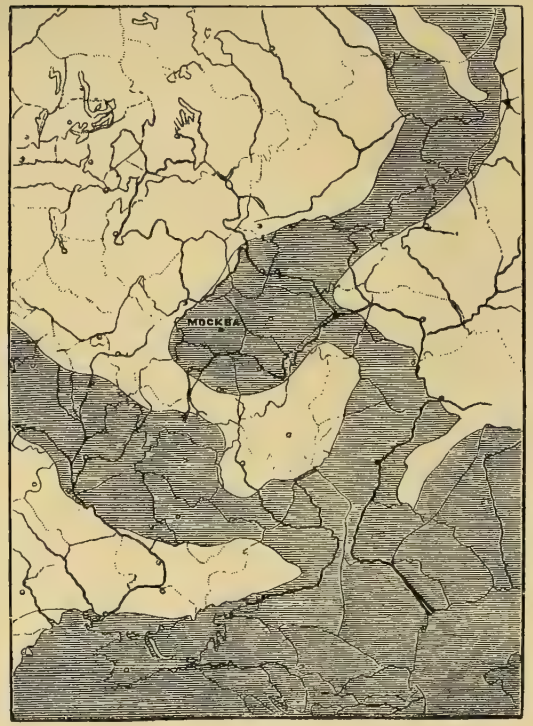
Можно утверждать, т. о., что климатъ Европы, въ началѣ третичнаго періода тропическій, къ концу его перешелъ въ умѣренный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы даже въ холодный. Характеръ моллюсковъ въ моряхъ третичнаго періода подтверждаетъ это постепенное пониженіе температуры: южныя формы постепенно вытѣсняются сѣверными. Вообще фауна третичнаго періода характеризуется, съ одной стороны вымираніемъ такихъ мезозойскихъ типовъ, какъ ихтіозавры, птеродактили, динозавры и замѣщеніемъ ихъ китами, пернатыми птицами, наземными млекопитающими, и съ другой появленіемъ все большаго числа мягкотѣлыхъ, близкихъ къ живущимъ теперь видамъ.

Основной интересъ третичной фауны лежитъ однако въ млекопитающихъ. Какъ мы уже знаемъ, въ мезозойскую эру (юра) появились только сумчатыя, самый низшій классъ млекопитающихъ. Въ мѣловой періодъ, въ силу невыясненныхъ еще обстоятельствъ, остатковъ млекопитающихъ совсѣмъ не встрѣчено, а между тѣмъ уже въ самомъ началѣ третичнаго періода мы

Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды.



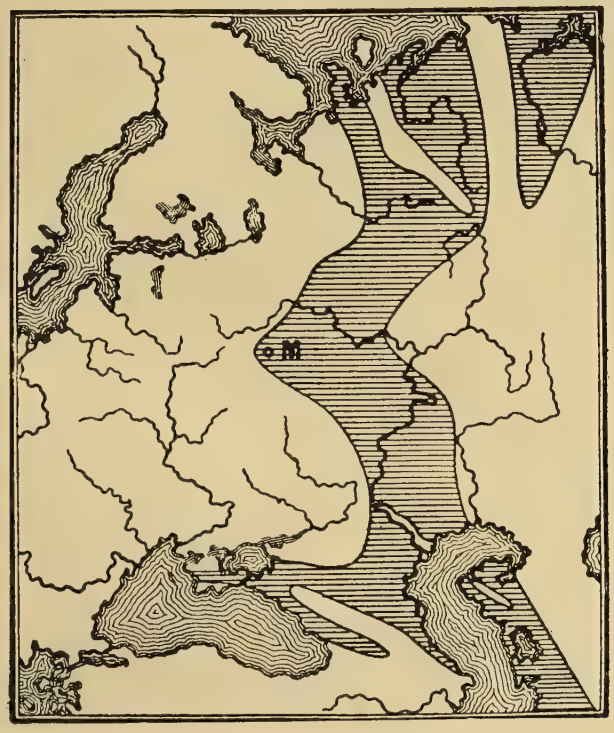
№ 5. Распредѣленіе моря и суши въ пермскій періодъ.



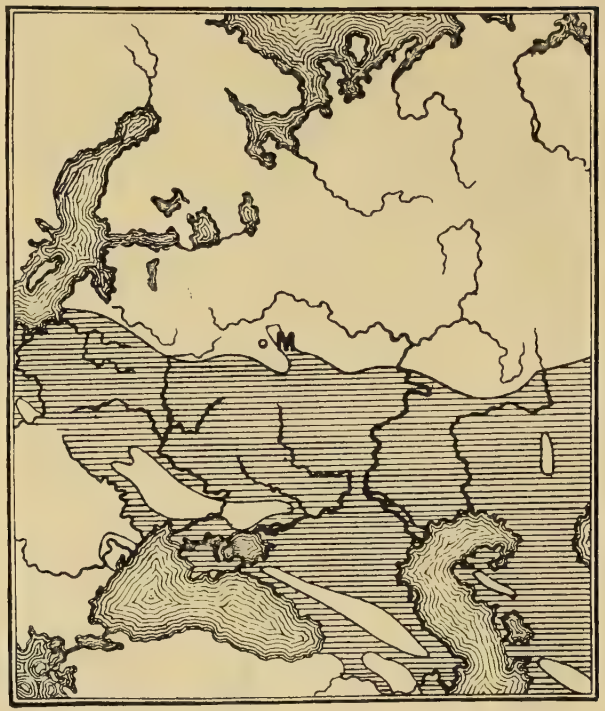
№ 6. Распредѣленіе моря и суши въ юрскій періодъ.

Зачерченное поперечными линіями было покрыто моремъ.

Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды.



№ 7. Распредѣленіе моря и суши въ началѣ мѣлового періода.



№ 8. Распредѣленіе моря и суши въ концѣ мѣлового періода.

Зачерченное поперечными линіями было покрыто моремъ.
М. означаетъ мѣсто, гдѣ въ настоящее время находится Москва.

встрѣчаемъ представителей почти всѣхъ порядковъ современныхъ млекопитающихъ, но рядомъ съ ними и такіе типы ихъ, которые называются сборными, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ какъ бы собраны черты различныхъ нынѣ порядковъ млекопитающихъ.

Для ново-третичной эпохи (неогенъ) характерно исчезаніе тапирообразныхъ—палеотерія, аноплотерія, ксифодона и другихъ—и появленіе типовъ, напоминающихъ слоновъ (мастодонтъ). Въ ново-третичную же эпоху появляется ближайшій предшественникъ нынѣ живущей лошади—гиппаріонъ, величиной и наружнымъ видомъ напоминающій зебру, а по строенію зубовъ—лошадь. Укажемъ также на появленіе тапировъ, чрезвычайно многочисленныхъ носороговъ и гиппопотамовъ, антилопъ, жирафъ и сиватеріевъ. Изъ хищныхъ первое мѣсто принадлежитъ гіэнамъ и виверрамъ. Извѣстны также и промежуточныя формы, напоминающія отчасти собаку, отчасти медвѣдя. Истинные собаки и медвѣди появляются лишь къ концу третичной эпохи. Въ ново-третичную же эпоху появляется хищникъ, превосходящій своими зубами современныхъ львовъ и тигровъ. Это—махайродусъ (т.-е. кинжаловидный), острые клыки котораго достигали 5 дюймовъ. Изъ обезьянъ нужно отмѣтить мезопитекуса и семнопитекуса, близко стоящихъ къ нынѣшнимъ остъ-индскимъ обезьянамъ, а также человѣкообразныхъ обезьянъ—гилобатеса и дріопитекуса.

Четвертичный періодъ.

Четвертичный періодъ значительно уступаетъ предыдущимъ, какъ по свой продолжительности, такъ и по размѣру измѣненій, происшедшихъ въ теченіе этого времени какъ въ распредѣленіи суши и моря, такъ и въ фаунѣ и флорѣ. Самой характерной чертой этого періода является существованіе въ первой половинѣ его огромныхъ ледниковъ, слабое представленіе о которыхъ могутъ дать только современные гренландскіе ледники.

Четвертичный періодъ и раздѣляется на двѣ эпохи: 1) ледниковую (плейстоценъ), характеризующуюся распространеніемъ ледниковъ и наземной фауны, отчасти уже вымершей въ настоящее время; 2) современную эпоху, фауна которой не отличается отъ нынѣшней.

Обратимся къ ледниковой эпохѣ. Въ это время великій

скандинаво-русскій ледникъ одѣвалъ сплошнымъ покровомъ почти всю сѣверную, три четверти средней и около половины южной степной Россіи (см. карту № 10). Мы видимъ на этой картѣ, что въ бассейнахъ Днѣпра и Дона этотъ ледникъ вдавался на югъ двумя языками, изъ которыхъ западный—днѣпровскій, достигалъ до 48° сѣв. шир., а второй только до 50° сѣв. широты. Когда климатъ началъ становиться суше, ледникъ сталъ таять, при чемъ это таяніе началось съ юга и постепенно отодвигало ледниковую границу къ сѣверу. На освобожденныхъ, такимъ образомъ, отъ ледника мѣстахъ обнажались ледниковыя морены и другія отложенія ледника; весь этотъ матеріалъ обрабатывался водами, выбѣгавшими изъ-подъ ледника и выносившими изъ него, а также изъ обнажившихся ледниковыхъ отложеній мелкій илъ. Этотъ илъ уносился южнѣе ледниковой границы и отлагался въ видѣ, такъ называемаго, лёсса; въ свою очередь, этотъ лёссъ обрабатывался впослѣдствіи дѣятельностью воды и атмосферы.

Границы морей въ Россіи въ ледниковую эпоху были нѣсколько иными, чѣмъ теперь. Такъ, Бѣлое море занимало на югѣ и востокѣ значительно большую площадь, чѣмъ нынѣ, а проливъ, соединяющій его съ Ледовитымъ океаномъ, былъ вдвое шире. Во многихъ мѣстахъ сѣверной Россіи ледникъ достигалъ моря и погружался въ него (см. карту № 11).

Къ концу періода отступанія велико-скандинавскаго ледника восточная часть Швеціи, юго-западная часть Финляндіи и часть Кольскаго полуострова были залиты моремъ, и такимъ образомъ нынѣшнее Балтійское море занимало пространство гораздо большее, чѣмъ въ настоящее время. Это море получило отъ геологовъ названіе іольдіева моря отъ характернаго для него моллюска „yoldia arctica“). Весьма вѣроятно, что оно захватывало озера Пейпусъ, Сайма и Ладожское и черезъ Онежское озеро соединялось съ Ледовитымъ океаномъ (см. карту № 12). Климатъ іольдіева моря былъ холодный и влажный.

Къ концу этой эпохи южное побережье іольдіева моря стало подниматься, благодаря чему сообщеніе съ океаномъ прервалось, и вмѣсто моря, образовалось громадное прѣсноводное озеро, занимавшее площадь въ 570.000 кв. кил. Ладожское озеро и Сайма составляли лишь заливы его. Это озеро отъ характерной для него раковины Ancylus получило названіе анциловаго озера (см. карту № 13). Оно существовало до тѣхъ поръ, пока, благодаря поднятію дна въ сѣверныхъ

частяхъ воды, опустившіяся къ югу, не прорвали перешейка, отдѣлявшаго озера отъ Каттегата. Такимъ образомъ, анциловое озеро соединилось съ моремъ, а продолжавшееся опусканіе дна озера вызвало притокъ въ него соленой воды и превращеніе его въ соленовато-водный бассейнъ—такъ называемое, литориновое море (отъ моллюска: Litorina litorea). Какъ мы видимъ на прилагаемой картѣ, литориновое море по своимъ очертаніямъ уже близко къ современному Балтійскому. Послѣ образованія этого моря сѣверные берега его начали подниматься, и этотъ процессъ идетъ еще и понынѣ (см. карту № 14). Въ сѣверной Лапландіи и на Кольскомъ полуостровѣ шли такія же колебанія суши: установлено одно опусканіе суши въ іольдіево время, другое въ послѣледниковое.

Геологическую исторію южной Россіи въ четвертичный періодъ возстанавливаетъ намъ Н. Соколовъ. Онъ отличаетъ здѣсь 4 эпохи и 4 различныхъ района. Первая эпоха, доледниковая, озерная съ влажнымъ климатомъ. Во время этой эпохи первый районъ южной Россіи — та часть ея, которая впослѣдствіи покрылась ледникомъ (главнымъ образомъ, область средняго теченія Днѣпра) была занята многочисленными озерами и болотами, въ которыхъ и отлагались прѣсноводные рухляки. Но подъ конецъ этой эпохи въ этихъ озерахъ начинаютъ появляться уже айсберги (ледяныя горы)—предвѣстники надвигающагося съ сѣвера ледниковаго покрова. Эти айсберги и разносятъ по озерамъ данной области валуны сѣверныхъ горныхъ породъ. Второй районъ, располагавшійся южнѣе перваго, (значитъ южнѣе границы ледниковаго покрова), прорѣзался многочисленными рѣками, вытекавшими изъ озеръ перваго района. Въ третьемъ районѣ, въ области нынѣшнихъ Чернаго и Азовскаго морей, остался отъ третичнаго періода полупрѣсноводный бассейнъ каспійскаго типа, который постепенно мелѣлъ, уменьшался и, въ концѣ-концовъ, совершенно опрѣснѣлъ. Иной процессъ шелъ въ томъ внутреннемъ озерѣ, которое осталось отъ третичнаго періода на мѣстѣ южной части нынѣшняго Каспійскаго моря. Это озеро начинаетъ увеличиваться въ размѣрахъ и распространяться къ сѣверу, и осадки съ прѣсноводными моллюсками начинаютъ замѣщаться отложеніями солоноватыхъ водъ.

Вторая эпоха—собственно-ледниковая.

Въ первомъ изъ упомянутыхъ нами районовъ ледниковый покровъ надвигается на область средняго теченія Днѣпра и доходитъ до сѣверныхъ границъ Херсонской и Екатери-

нославской губерній. Но къ концу этой эпохи климатъ становится суше, и начинается медленное отступаніе ледника. Это уменьшеніе влажности климата, вызвавшее остановку въ распространеніи ледника, вызываетъ, въ свою очередь, во второмъ районѣ южной Россіи обмелѣніе рѣкъ этого района и углубленіе ихъ руслъ вслѣдствіе пониженія уровня (ниже океаническаго) того озера-моря, которое въ это время находилось на мѣстѣ нынѣшнихъ Чернаго и Азовскаго. Каспійское море въ эту эпоху простирается къ сѣверу далеко за предѣлы современнаго Каспійскаго моря.

Третья эпоха характеризуется для южной Россіи крайне сухимъ климатомъ и полнымъ освобожденіемъ отъ ледниковаго покрова и отложеніемъ лёсса.

Первый изъ отмѣченныхъ нами районовъ южной Россіи представлялъ въ эту эпоху степь, простиравшуюся къ сѣверу гораздо дальше нынѣшней границы степей. Во второмъ районѣ степной характеръ растительности и животнаго царства достигаетъ наибольшого развитія. Рѣки, постепенно углубляя свои долины, образуютъ глубокія ложбины, которыя впослѣдствіи, при заполненіи ихъ водами моря, превращаются въ лиманы. Уровень Чернаго озера-моря достигаетъ въ эту эпоху наиболѣе низкаго стоянія, а въ концѣ эпохи оно соединяется съ Средиземнымъ моремъ; одновременно въ немъ образуются многочисленные лиманы. Уровень Каспійскаго моря понижается и размѣры его сокращаются.

Наконецъ, 4-я эпоха, послѣ-ледниковая, характеризуется болѣе влажнымъ климатомъ и постепеннымъ приближеніемъ его къ современному. Въ первомъ районѣ нашей области увеличеніе влажности вызываетъ надвиганіе съ сѣвера лѣсовъ, которые и занимаютъ окраину степной области. Второй районъ остался и въ эту эпоху вполнѣ степнымъ, но, въ силу измѣнившихся климатическихъ условій и измѣненія характера мѣстностей, лежащихъ къ сѣверу отъ этого района, рѣки, текущія съ сѣвера, стали многоводнѣе. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ измѣненій, лиманы, Азовское море и сѣверо-западная часть Чернаго подвергаются болѣе или менѣе значительному опрѣснѣнію.

Послѣ окончательнаго отступленія и стаиванія великаго скандинаво-русскаго ледника вся площадь нынѣшней Европейской Россіи покрылась толщею разнообразнѣйшихъ, болѣе или менѣе мягкихъ породъ, такъ называемыхъ, ледниковыхъ отложеній, которыя и опредѣлили окончательно современный рельефъ россійской равнины и явились

главнѣйшими подпочвами того поверхностнаго слоя земли, который зовется у насъ почвою и который образовался путемъ вывѣтриванія изъ этихъ подпочвъ.

* * *

Флора ледниковаго періода оставила по себѣ сравнительно скудные остатки, что вполнѣ понятно, такъ какъ они могли сохраниться лишь въ очень исключительныхъ условіяхъ: истирающая дѣятельность ледника не способствуетъ сохраненію нѣжныхъ, хотя бы даже и деревянистыхъ, частей. Скудные остатки ледниковой флоры находятъ обыкновенно въ песчаныхъ или глинистыхъ ледниковыхъ отложеніяхъ, въ отложеніяхъ пещеръ. Въ послѣ-ледниковую же эпоху—въ слоистыхъ глинахъ, отложившихся на днѣ прѣсноводныхъ бассейновъ.

Для собственно ледниковой эпохи характерны различные альпійскіе типы: карликовая береза, полярная ива, различныя альпійскія ивы, горная сосна, горный кленъ и др. Характеръ флоры указываетъ на суровый климатъ, съ средней температурой не выше 3^0—4^0 Ц., но гораздо болѣе влажный, чѣмъ нынѣ. Въ послѣ-ледниковую эпоху, напримѣръ, на сѣверѣ Россіи въ іольдіево время встрѣчаются арктическія и тундровыя формы. Въ литориновое время, когда климатъ сѣвера Россіи и Финляндіи сталъ мягче, чѣмъ даже нынѣ, тамъ росли дубъ и ива, и даже такія растенія, какъ Trapa natans, которыя нынѣ водятся лишь въ мѣстностяхъ на 5^0 южнѣе.

Тоже можно сказать и про фауну ледниковаго періода, остатки ея встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ слоистыхъ образованіяхъ, которыя отлагались ледниковыми водами: въ громадномъ большинствѣ случаевъ остатки этой фауны принадлежатъ уже къ концу ледниковой эпохи, когда ледники уже начали сильно стаивать. Морская фауна ледниковаго періода не отличается отъ нынѣшней, и поэтому гораздо болѣе характерной является наземная фауна, особенно млекопитающія, нѣкоторыя представители которыхъ въ настоящее время уже вымерли. Къ этой группѣ относятся прежде всего слоны. Въ ледниковую и послѣ-ледниковую эпоху на пространствѣ современной Россіи жили (такъ же, какъ и въ Западной Европѣ), по крайней мѣрѣ, два вида слоновъ, превосходившихъ своими размѣрами слоновъ, живущихъ нынѣ въ тропическихъ странахъ. Такъ, въ южной Россіи, въ озерную эпоху и ледниковую, водился первобытный слонъ (elephas antiquus), который въ эпоху отступленія ледника смѣнился

мамонтомъ (e. primigenius). Кромѣ мамонтовъ, въ ледниковую эпоху жили носороги, также покрытые шерстью. Близко къ носорогамъ стоялъ эласмотерій. Изъ хищныхъ отмѣтимъ прежде всего пещернаго медвѣдя, превосходящаго величиною даже бѣлаго медвѣдя и имѣвшаго въ длину до 10 футовъ, а въ вышину до 4-хъ футовъ. Меньшее распространеніе, вѣроятно, имѣли пещерная гіена и пещерный левъ.

Изъ другихъ хищниковъ, живущихъ и теперь, укажемъ на волка, лисицу, барсука, россомаху, выдру, горностая, куницу, хорька. Добычей для этихъ хищниковъ являлись, главнымъ образомъ, многочисленныя и разнообразныя жвачныя—олени и быки. Кромѣ перечисленныхъ нами выше животныхъ, въ ледниковый періодъ жили мускусный быкъ, каменный козелъ, горная пищуха, бѣлякъ, заяцъ, сурокъ, различныя мыши.

По мѣрѣ того, какъ великій скандинаво-русскій ледникъ стаивалъ съ юга и отступалъ къ сѣверу, отступала за нимъ и ледниковая фауна. Такъ, мамонтъ, слѣдуя за отступающимъ ледникомъ, достигалъ въ Европейской Россіи до 61° Сѣв. широты.

Вмѣстѣ съ носорогомъ, мамонтомъ и пещернымъ медвѣдемъ жилъ въ ледниковый періодъ въ Европейской Россіи и доисторическій человѣкъ.

До самаго послѣдняго времени несомнѣнные остатки доисторическаго человѣка—въ видѣ различныхъ частей его костяка—не были встрѣчены въ Европѣ ниже ледниковыхъ отложеній. Въ болѣе древнихъ—третичныхъ отложеніяхъ были находимы лишь различные каменные обломки, форма которыхъ указывала, что они подверглись искусственному расколу и служили для различныхъ надобностей доисторическаго человѣка или какого-то человѣкоподобнаго существа. Только въ 1907 г., Шётензакъ нашелъ около Гейдельберга въ пескахъ залегающихъ типичныхъ ледниковыхъ отложеній съ эрратическими валунами, чрезвычайно массивную нижнюю челюсть человѣкоподобнаго существа, похожую больше на челюсть гориллы, чѣмъ человѣка, но съ типичными для человѣка зубами. Шётензакъ назвалъ это существо Homo heidelbergensis; онъ полагаетъ, что этотъ гейдельбергскій доисторическій „человѣкъ“ былъ общимъ предкомъ и человѣка и антропоидныхъ обезьянъ. Находки костей доисторическаго человѣка сдѣланы почти исключительно въ Европѣ и такъ еще скудны, что онѣ однѣ не могли бы дать данныхъ для

построенія хотя бы основъ его эволюціи и систематики. На помощь костякамъ (хронологически даже раньше ихъ) и явились различныя орудія, оставшіяся отъ доисторическаго человѣка и сохранившіяся въ различныхъ пластахъ четвертичнаго періода и верхнихъ слояхъ третичнаго.

Эти каменныя орудія (скребки, долота, кастеты, ножи, наконечники стрѣлъ и болѣе простыя, но спеціализованныя формы, служившія одновременно для различныхъ надобностей) имѣютъ различную обработку, указывающую на различныя степени культуры. Наиболѣе древнія (если не считать третичныхъ „эолитовъ“) орудія — кремневыя — только грубо оббиты, но съ теченіемъ времени появляется болѣе искусная, тонкая оббивка и, наконецъ, шлифовка. Почти одновременно со шлифовкой появляются издѣлія изъ кости и рога и, наконецъ, украшенія, амулеты и художественныя воспроизведенія животныхъ, иногда человѣка. На основаніи этихъ проявленій культуры археологи и дѣлятъ доисторическій періодъ жизни человѣчества на нѣсколько эпохъ. Но, къ сожалѣнію, эти подраздѣленія до сихъ поръ слишкомъ искусственны, а, главное, узки: они выражаютъ болѣе или менѣе правильно соотношенія различныхъ доисторическихъ культуръ для той страны (напр., Франціи), въ которой они вырабатывались, но не вполнѣ подходятъ для другихъ странъ.

Въ настоящее время, и особенно для Россіи, можно удовольствоваться дѣленіемъ каменнаго вѣка доисторической культуры человѣка на двѣ эпохи. палеолитическую (древнекаменную) и неолитическую (новокаменную).

Палеолитическая эпоха совпадаетъ съ существованіемъ для Европейской Россіи великаго скандинаво-русскаго ледника, вѣрнѣе началомъ его стаиванія, отступанія, когда моря какъ мы знаемъ въ Европейской Россіи имѣли еще иную конфигурацію, чѣмъ нынѣ, когда жили еще первобытный слонъ (Elephas antiquus), мамонтъ, пещерный медвѣдь, исполинскій олень. Въ концѣ этой эпохи начинаетъ доминировать сѣверный олень; въ большомъ количествѣ встрѣчаются дикіе первобытные быки, россомахи, песецъ; это — такъ называемый, „вѣкъ сѣвернаго оленя“. Вообще, конецъ этого періода характеризуется, какъ мы знаемъ, для Южной Россіи постепенной смѣной тундры степью.

По мѣрѣ отступанія ледника изъ средней и сѣверной части Европейской Россіи, эти области начинаютъ постепенно покрываться лѣсной растительностью, которая на южной своей границѣ ведетъ непрерывную борьбу съ южной степью. Этотъ

лѣсной періодъ характеризуется уже исчезновеніемъ такихъ животныхъ, какъ мамонтъ, пещерный медвѣдь, пещерная гіена, носорогъ и др. и преобладаніемъ лѣсной фауны: дикихъ быковъ, благородныхъ оленей, лосей, медвѣдей, кабановъ и другихъ животныхъ, которыя водятся у насъ въ лѣсахъ еще и понынѣ или же истреблены только въ историческую эпоху (туръ, зубръ). Съ лѣснымъ періодомъ совпадаетъ неолитическая эпоха (новокаменная), когда рядомъ съ оббитыми орудіями появляются шлифованныя, появляется обожженая глиняная посуда, часто орнаментированная, орудія изъ кости и рога, эпоха, когда нашъ доисторическій предокъ началъ уже приручать животныхъ—сначала собакъ, затѣмъ и рогатый скотъ, овецъ, козъ, свиней.

Остатки палеолитической эпохи открыты въ Россіи до сего времени въ очень немногихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ Южной Россіи. Отсутствіе палеолетическаго человѣка въ Сѣверной Россіи объясняется тѣмъ, что въ эту далекую эпоху нашъ сѣверъ представлялъ собою ледяную пустыню, недоступную для обитанія не только для человѣка, но и для большинства животныхъ.

Еще въ 60-хъ годахъ въ древней террасѣ Волги (у с. Буртасъ) были найдены каменныя орудія (впрочемъ, главнымъ образомъ, полированныя) вмѣстѣ съ костями носорога.

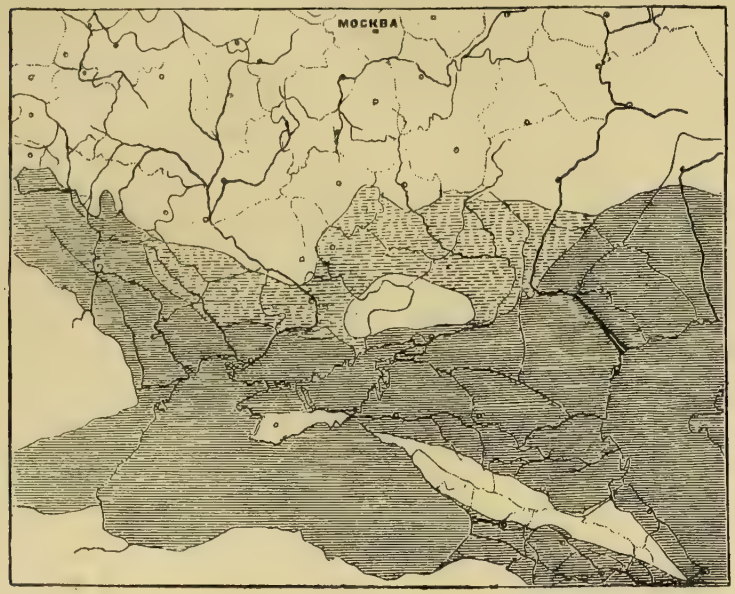
Въ одномъ изъ гротовъ Кутаисской губерніи въ одномъ и томъ же пластѣ были открыты—нижняя челюсть человѣка и кости пещернаго медвѣдя. Также въ одномъ и томъ же горизонтѣ лёсса на берегу Дона (въ дер. Костенкахъ) были найдены оббитыя кремневыя орудія и кости мамонта.

Также въ древней террасѣ рѣки Удая, въ Лубенскомъ уѣздѣ (у селен. Гонцовъ), вмѣстѣ съ костями мамонта, сѣвернаго оленя и многихъ другихъ ледниковыхъ животныхъ, были найдены грубо оббитыя кремневыя орудія и многочисленныя издѣлія изъ кости; нѣкоторыя кости были обуглены, что указывало, конечно, на знакомство гонцовскаго доисторическаго человѣка съ огнемъ.

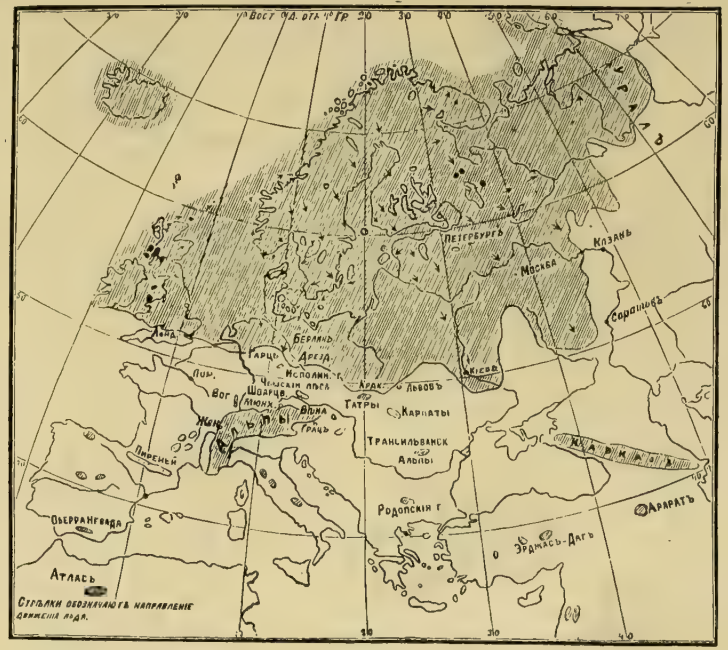
Въ Польшѣ въ пещерахъ, находящихся въ долинѣ рѣки Рудовы, въ илистомъ днѣ ея, рядомъ съ костями мамонта, пещернаго медвѣдя и другихъ ледниковыхъ животныхъ были открыты оббитыя кремневыя орудія и издѣлія изъ кости.

Такимъ образомъ, уже въ 70-ые годы прошлаго столѣтія стало ясно, что въ ледниковую эпоху, по крайней мѣрѣ, на югѣ Великой Россійской равнины жили люди, стоявшіе, вѣроятно, на низкихъ ступеняхъ палеолитической культуры, но кости са-

Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды.



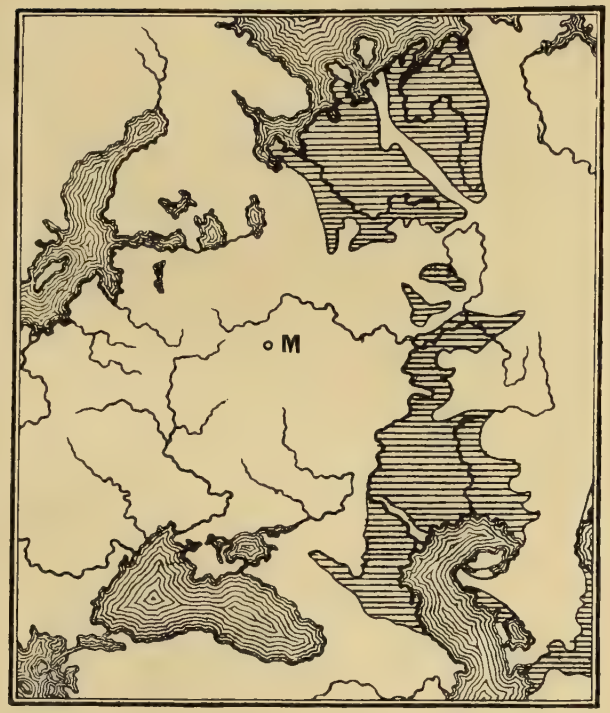
№ 9. Распредѣленіе моря и суши въ концѣ міоценовой эпохи.



№ 10. Обледенѣніе Европы—Скандинаво-русскій ледникъ.

Зачерченное на № 9 покрыто моремъ, на № 10—льдомъ.

Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды.



№ 11. Распредѣленіе моря и суши въ ледниковую эпоху.

№ 12. Іольдіево море.

Зачерченное было покрыто моремъ.
М. означаетъ мѣсто, гдѣ въ настоящее время находится Москва.

мого человѣка найдены были въ значительномъ числѣ только въ 78 году прошлаго столѣтія въ побережьи Ладожскаго озера. Эти костяки относятся, впрочемъ, какъ и большинство кремневыхъ орудій, найденныхъ вмѣстѣ съ ними, уже къ слѣдующему періоду четвертичной эры—къ началу современнаго періода, слѣдовательно, уже къ неолитической эпохѣ.

Этотъ послѣдній періодъ геологической лѣтописи начинается съ того момента, когда ледниковый покровъ совершенно исчезъ съ поверхности Великой Россійской равнины, морскіе бассейны приняли тѣ очертанія, которыя они сохраняютъ и нынѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и установились также бассейны и главнѣйшихъ нашихъ рѣкъ.

Современный геологическій періодъ, который тянется и нынѣ, не можетъ итти, конечно, въ сравненіе съ предыдущими геологическими періодами: онъ еще незаконченъ, продолжительность протекшаго уже времени ничтожна, она измѣряется не сотнями тысячъ и не милліонами лѣтъ, а тысячелѣтіями и самое большее десятками тысячъ лѣтъ. Породы, отлагавшіяся въ теченіе этого періода—тѣ же, которыя отлагаются и теперь, онѣ не успѣли еще окаменѣть и отвердѣть; это—мягкіе рѣчные пески, илъ, глины, отложенія пещеръ, торфяники и тѣ поверхностныя образованія, которыя мы называемъ „почвами“. Всѣ эти отложенія незамѣтно переходятъ въ подстилающія ихъ ледниковыя породы.

Вотъ въ этихъ-то отложеніяхъ современнаго періода четвертичной эры, главнымъ образомъ, въ отложеніяхъ пещеръ, и найдены многочисленныя каменныя орудія доисторическаго человѣка неолитической эпохи.

Первое мѣсто принадлежитъ въ этомъ отношеніи отложеніямъ известковыхъ пещеръ. На днѣ такихъ пещеръ скопляются цѣлые слои сталагмитовъ, образующихся изъ углекислой извести тѣхъ капель, которыя ежеминутно падаютъ съ потолка и стѣнъ пещеры. Въ этомъ сталагмитовомъ слоѣ и сохранялись въ теченіе тысячелѣтій и остатки доисторическаго человѣка и кости животныхъ, жившихъ одновременно съ нимъ.

Извѣстны въ Европейской Россіи также и селенія доисторическаго человѣка неолитической эпохи. Одна изъ самыхъ большихъ такихъ стоянокъ раскопана въ песчаномъ холмѣ, на бер. р. Велетьмы, (около дер. Волосово недалеко отъ г. Мурома). Изъ такъ называемаго „культурнаго“ слоя (т.-е. слоя съ остатками доисторической культуры) извлечена масса рыбьихъ, птичьихъ и звѣриныхъ костей (особенно много костей лося, бобра, кабана и медвѣдя), цѣлый скелетъ до-

машней собаки, тысячи каменныхъ (главн. обр., оббитыхъ) орудій, костяныхъ издѣлій, обломковъ глиняной посуды.

Но безспорно, однѣми изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ являются находки, сдѣланныя проф. Иностранцевымъ въ побережьѣ Ладожскаго озера при прорытіи новаго Сяськаго канала въ 1878 году.

Здѣсь при искусственныхъ выемкахъ, на глубинѣ 6,4 метра ниже уровня Ладожскаго озера, залегаетъ незначительный слой торфа, который покрытъ слоистыми песками; надъ этими песками расположены уже дюнные пески, которые тянутся вдоль значительной части южнаго побережья озера.

Въ торфѣ найдено до 40 различныхъ видовъ растеній, главнымъ образомъ, растеній, характерныхъ для сырыхъ береговыхъ мѣстностей. Растенія эти произрастаютъ въ этой мѣстности и нынѣ. Но кромѣ нихъ, въ торфѣ и слоистыхъ пескахъ найдены громадные стволы полуобугленныхъ деревьевъ, преимущественно чернаго дуба, иногда такихъ крупныхъ размѣровъ, какихъ въ настоящее время въ данной мѣстности уже не встрѣтить. Въ этомъ торфѣ и обнаружены остатки животныхъ и человѣка. Въ настоящее время опредѣлено 44 вида млекопитающихъ, рыбъ и птицъ. Особенно много встрѣчено рыбьихъ костей. Изъ вымершихъ млекопитающихъ найдено только 2 вида дикаго быка (туръ и зубръ). Остальныя млекопитающія принадлежатъ къ видамъ, встрѣчающимся въ данной мѣстности и нынѣ. Собака была въ эту эпоху, уже въ одомашненномъ состояніи, двухъ видовъ: одна небольшихъ размѣровъ въ родѣ шпица, а другая—крупная.

Остатки доисторической культуры, найденные здѣсь, главнымъ образомъ, также въ торфѣ и только въ очень незначительномъ количествѣ въ пескѣ,—весьма разнообразны. Встрѣчены издѣлія изъ камня, кости, рога, дерева и глины.

„Разнообразные остатки побережья Ладожскаго озера“—говоритъ проф. Иностранцевъ—„даютъ возможность реставрировать ту внѣшнюю обстановку, при которой здѣсь существовалъ доисторическій человѣкъ. Обиліе остатковъ лѣсной растительности указываетъ, что въ это время здѣсь были обширные, по преимуществу, лиственные лѣса, среди которыхъ находились болота. Это подтверждается и остатками животныхъ. Обиліе костей лося и кабана, куницы и соболя, изъ птицъ—тетерева и другихъ—также свидѣтельствуетъ въ пользу значительнаго развитія здѣсь лѣсовъ. Преобладаніе костей рыбъ указываетъ, что доисторическій человѣкъ побережья

Ладожскаго озера былъ прежде всего рыболовъ, а затѣмъ уже охотникъ. Кесслеръ пришелъ къ заключенію, что жители этой мѣстности пользовались рыбою во время метанія ею икры, когда рыба подходила близко къ берегу; а такъ какъ нерестъ различныхъ рыбъ, найденныхъ здѣсь, происходитъ въ различное время года, то почти круглый годъ человѣкъ этой мѣстности могъ питаться рыбою, исключая, быть-можетъ, лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда въ изобиліи поспѣвали ягоды, остатки которыхъ также найдены въ этихъ образованіяхъ".

Остатки человѣческихъ костяковъ, открытые при Ладожскихъ раскопкахъ, принадлежатъ, по крайней мѣрѣ, двадцати индивидуумамъ. По изслѣдованію проф. Богданова, доисторическіе люди Ладожскаго озера относятся къ весьма низко стоящему человѣческому типу; они были длинноголовы и малоголовы, съ небольшими низкими лбами, съ сильно развитыми скулами и съ особенно сильно развитой нижней челюстью, которая отличалась необыкновенной массивностью, и выдающимися гребнями; послѣднимъ, конечно, соотвѣтствовали сильные жевательные мускулы. Простота черепныхъ швовъ, саблевидность берцовой кости, изогнутость плечевой и колоннообразная форма бедра, также указываютъ на низкую организацію доисторическаго человѣка Ладожскаго озера. По мнѣнію проф. Богданова, эта раса имѣетъ нѣкоторыя родственныя черты той расы, черепа которой находятся въ русскихъ курганахъ, и которая зовется обыкновенно „курганнымъ племенемъ", населявшимъ Европейскую Россію со временъ глубокой древности. Доисторическіе люди каменнаго вѣка Ладожскаго озера были, по мнѣнію проф. Богданова, предками этого „курганнаго племени".

Геологическій характеръ наносныхъ пластовъ, въ которыхъ найдены остатки этого доисторическаго человѣка, также указываетъ, по мнѣнію проф. Иностранцева, на глубокую древность этой расы. Изученіе геологическаго строенія данной мѣстности показываетъ намъ, что слоистые пески, залегающіе здѣсь надъ торфомъ, отложились тогда, когда уровень Ладожскаго озера стоялъ гораздо ниже, чѣмъ нынѣ; затѣмъ нужно допустить поднятіе этого уровня и, наконецъ, снова паденіе его до настоящаго положенія. За это время надъ торфянымъ слоемъ, въ которомъ найдены остатки доисторическаго человѣка, успѣла отложиться значительная толща осадковъ, что также указываетъ на громадный промежутокъ времени, протекшій съ тѣхъ поръ до настоящаго

момента. Нѣкоторыя вычисленія, хотя и недостаточно точныя, оцѣниваютъ этотъ промежутокъ въ 80—90 столѣтій.

Довольно часто встрѣчаются каменныя орудія доисторическаго человѣка также въ дюнахъ нѣкоторыхъ русскихъ рѣкъ, напр., Оки, Волги, Нѣмана; но въ дюнныхъ пескахъ, вѣчно движущихся, не возможно, конечно, сохраненіе болѣе нѣжныхъ остатковъ, для насъ болѣе интересныхъ, — человѣческихъ костей.

Когда же окончилась въ Россіи эта неолитическая эпоха, эпоха полированныхъ каменныхъ издѣлій? Заборовскій *), на основаніи своихъ изслѣдованій, даетъ довольно опредѣленное рѣшеніе этого вопроса. Онъ думаетъ, что глиняная посуда, встрѣчающаяся въ неолитическихъ памятникахъ южной Россіи—не мѣстнаго, а иностраннаго производства. Вотъ какія соображенія приводитъ онъ въ защиту своего мнѣнія. Глиняная посуда, украшенная цвѣтными полосами (коричневыми, сѣрыми, красно-вишневыми и пр.) вмѣстѣ со стекляннымъ браслетомъ и совершенно такою же статуэткой, какая была найдена Шлиманномъ въ Троѣ, вмѣстѣ съ издѣліями изъ мѣстнаго камня, была обнаружена въ южной Россіи, въ одной пещерѣ, а также въ мѣстахъ, служившихъ укрѣпленными лагерями, на кладбищахъ, гдѣ сжигались трупы, и въ одномъ неолитическомъ поселеніи. Вмѣстѣ съ этими предметами были открыты и маленькіе женскіе идолы, напоминающіе подобныхъ же идоловъ съ головой совы, найденныхъ въ Троѣ. Совершенно такая же глиняная посуда, какъ то показываютъ работы Моргана, употреблялась въ Сузахъ; исчезаетъ она тамъ около 1200 г. до Р. Х. Въ Микенахъ такая посуда была найдена въ наиболѣе древнихъ могилахъ, выдолбленныхъ въ скалѣ. Здѣсь же въ менѣе древнихъ могилахъ ее сопровождала, а затѣмъ и совершенно вытѣснила, глиняная посуда, покрытая, какъ и въ Сузахъ, темной блестящей глазурью.

На Днѣстрѣ тонкая глазированная посуда встрѣчается всегда вмѣстѣ съ издѣліями изъ камня и кости неолитической эпохи. И только, какъ исключеніе, найдены были въ одной пещерѣ вмѣстѣ съ такой посудой и немногочисленныя мѣдныя издѣлія. Кромѣ того, нужно отмѣтить, что эта глиняная посуда сопровождается во многихъ мѣстахъ Россіи и другими предметами несомнѣнно иностраннаго происхожденія: стекломъ, раковинами Средиземнаго моря и т. п.

---

*) S. Zaborowski. L'homme préhistorique. 1902.

Флора каменноугольнаго періода.

Ландшафтъ юрскаго періода: мертвый бронтозавръ, пожираемый аллозавромъ; въ пиршествѣ принимаютъ участіе крохотныя первичныя млекопитающія вида сумчатыхъ.

Глиняная посуда совершенно исчезаетъ къ концу неолитической эпохи. Купцы, познакомившись съ употребленіемъ металловъ, прекратили какъ производство этой посуды, такъ и торговлю ею, и начали ввозить металлическія издѣлія. Въ южной Россіи одновременно появляются бронза, желѣзо и даже серебро. Во всемъ этомъ чувствуется ясно греческое вліяніе.

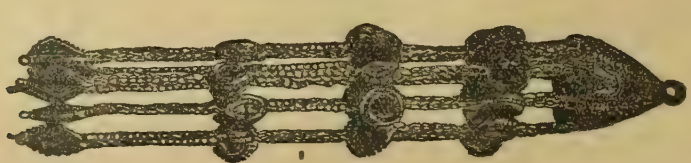
Такимъ образомъ, конецъ каменнаго вѣка и начало введенія металлическихъ предметовъ для южной Россіи, по мнѣнію Заборовскаго, нельзя отодвинуть болѣе, чѣмъ за 10, 15 вѣковъ до нашей эры. Весьма вѣроятно, что металлическія издѣлія, главнымъ образомъ, оружіе привозили въ Россію купцы изъ другихъ болѣе культурныхъ странъ, мѣстное же производство оставалось производствомъ каменнаго вѣка, его неолитической эпохи. Такъ, каменное оружіе исчезло у людей восточнаго побережья Балтійскаго моря всего за нѣсколько столѣтій до Р. Х., когда скандинавы ввезли къ нимъ желѣзное оружіе; въ центральной Россіи каменныя орудія окончательно уступили мѣсто желѣзнымъ только въ началѣ нашей эры, а въ южной Россіи, по мнѣнію Заборовскаго, производство каменныхъ орудій сохранилось, въ извѣстныхъ предѣлахъ, конечно, можетъ-быть, до XI и даже XII вѣка нашей эры. Но это нисколько не противорѣчитъ тому безспорному факту, установленному, главнымъ образомъ, раскопками кургановъ, что за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. на всемъ пространствѣ нынѣшней Россіи бронзовое и желѣзное оружіе получило уже всеобщее распространеніе. Только изрѣдка и въ крайне небольшомъ количествѣ встрѣчаются въ курганахъ каменныя издѣлія; въ громадномъ же большинствѣ случаевъ раскопки кургановъ обнаруживаютъ орудія и оружіе слѣдующихъ за каменнымъ „вѣковъ“—бронзоваго и желѣзнаго.

Курганы особенно характерны для южно-русскихъ, приуральскихъ и западно-сибирскихъ степей, но встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно вдоль рѣкъ. Какъ показало изученіе найденныхъ при раскопкахъ кургановъ предметовъ — оружія, гончарныхъ издѣлій, украшеній, амулетовъ, монетъ,—курганы принадлежатъ различнымъ эпохамъ и насыпаны различными племенами — какъ древними народами, которые еще Геродотомъ за V вѣковъ до Р. Х. объединялись подъ общими названіями скиѳовъ и сарматовъ, такъ и болѣе молодыми, появившимися послѣ нихъ — финскими и славянскими племенами.

Наиболѣе древніе южно-русскіе курганы приписываются скиѳамъ; районъ ихъ распространенія охватываетъ нынѣшнія—

Кубанскую область, Область Войска Донского, губерніи—Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую и южныя части губерній Подольской, Кіевской, Полтавской и Херсонской. И. Забѣлинъ давно уже охарактеризовалъ эту область слѣдующимъ образомъ: „Здѣсь проходило много различныхъ племенъ, которыя, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и скиѳы оставляли по себѣ память въ могильныхъ насыпяхъ. Можетъ-быть, иныя изъ этихъ насыпей помнятъ не одно тысячелѣтіе даже до нашей эры". Изученіе этихъ могильныхъ памятниковъ показало, что въ предѣлахъ нынѣшней Россіи не было рѣзкаго разграниченія между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣкомъ—въ одномъ и томъ же курганѣ нерѣдко встрѣчаются совмѣстно и бронзовыя и желѣзныя издѣлія. Кромѣ того, нужно отмѣтить, что форма бронзовыхъ издѣлій, извлеченныхъ изъ русскихъ кургановъ, часто имѣетъ своеобразную форму, отличающую ихъ отъ западно-европейскихъ издѣлій. Такъ, напримѣръ, типичные для бронзоваго вѣка кельты (топоры съ втулкой для насаживанія деревянной рукояти) встрѣчаются изрѣдка лишь въ Сибири и Пріуральѣ, да и то въ формѣ, нѣсколько измѣненной, сравнительно съ западно-европейской. Въ Кавказскихъ могильникахъ кельты какъ бы замѣщены особыми топорами — молотами изогнутой формы и съ полукруглымъ лезвеемъ. Чаще всего въ нашихъ курганахъ находятъ бронзовые кинжалы,—иногда украшенные рельефными изображеніями звѣриныхъ или птичьихъ головъ; въ сибирскихъ же могильникахъ болѣе часты кривые ножи съ кольцами для привѣшиванія къ поясу. Изъ желѣзныхъ издѣлій, находимыхъ въ нашихъ курганахъ, наиболѣе характерны длинные мечи и обыкновенные топоры...

Несмотря на многочисленныя изслѣдованія нашихъ археологовъ и историковъ, все же до сихъ поръ еще не проставлены даже главныя вѣхи въ тѣхъ сумеркахъ исторіи, которыя историками называются скиѳской и сарматской эпохами и относятся къ бронзовому и желѣзному вѣкамъ археологовъ. Во всякомъ случаѣ, эти „вѣка" врѣзаются уже въ область исторіи, которая и освѣтитъ ихъ при помощи своихъ источниковъ и своихъ методовъ изслѣдованія.



ГЛАВА II.

Слѣды древнѣйшаго общественнаго строя.

ще писатели XVIII вѣка никакъ не могли помириться на томъ, съ чего начала древняя Русь. Въ то время, какъ пессимисты, въ родѣ кн. Щербатова или Шлецера, готовы были рисовать нашихъ предковъ X столѣтія красками, заимствованными съ палитры современныхъ этимъ авторамъ путешественниковъ, создавшихъ классическій типъ „дикаря“, чуть что не бѣгавшаго на четверенькахъ, находились изслѣдователи, которымъ тѣ же самые предки казались почти просвѣщенными европейцами въ стилѣ того же XVIII вѣка. Щербатовъ объявилъ древнихъ жителей Россіи прямо „кочевымъ народомъ“. „Хотя въ Россіи прежде ея крещенія“, говоритъ онъ, „и были грады, но оные были яко пристанища, а въ протчемъ народъ, а особливо знатнѣйшіе люди, упражнялся въ войнѣ и въ набѣгахъ, по большей части въ поляхъ, переходя съ мѣста на мѣсто, жилъ“. „Конечно, люди тутъ были“, солидно разсуждалъ Шлецеръ, „Богъ

знаетъ, съ которыхъ поръ и откуда, но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса". Древніе русскіе славяне были столь подобны звѣрямъ и птицамъ, что торговые договоры, будто бы заключенные ими съ греками, казались Шлецеру одной изъ самыхъ наивныхъ поддѣлокъ, съ какими только приходится имѣть дѣло историку. „Неправда", возражали Щербатову и Шлецеру оптимисты въ родѣ Болтина: „руссы жили въ обществѣ, имѣли города, правленіе, промыслы, торговлю, сообщеніе съ сосѣдними народами, письмо и законы". А извѣстный экономистъ начала XIX вѣка, Шторхъ, не только признаетъ за русскими славянами временъ Рюрика торговлю, но и объясняетъ изъ этой торговли и созданнаго ею политическаго порядка возникновеніе самого Русскаго государства. „Первымъ благодѣтельнымъ послѣдствіемъ" ея было построеніе городовъ, обязанныхъ, можетъ-быть, исключительно ей и своимъ возникновеніемъ и своимъ процвѣтаніемъ". „Кіевъ и Новгородъ скоро сдѣлались складочными мѣстами для левантской торговли; въ обоихъ уже съ древнѣйшихъ временъ ихъ существованія поселились иностранные купцы". Эта же торговля вызвала второй, несравненно болѣе важный переворотъ, благодаря которому Россія получила прочную политическую организацію. Предпріимчивый духъ норманновъ, ихъ торговыя связи со славянами и частыя поѣздки чрезъ Россію положили основаніе знаменитому союзу, подчинившему великій многочисленный народъ кучкѣ чужеземцевъ". И дальнѣйшую исторію Кіевской Руси, походы князей къ Царьграду и борьбу ихъ со степью, Шторхъ объясняетъ тѣми же экономическими мотивами, цитируя и такъ хорошо извѣстный всѣмъ теперь, благодаря курсу проф. Ключевскаго, разсказъ Константина Багрянороднаго о торговыхъ караванахъ, ежегодно направлявшихся изъ Кіева въ Константинополь.

Заново обоснованные и тонко аргументированные взгляды Шторха получили большую популярность въ наши дни, но они нисколько не убѣдили современниковъ - пессимистовъ. Шлецеръ объявилъ теорію Шторха „не только не ученой, но и уродливой мыслью", и согласился сдѣлать развѣ ту маленькую уступку, что началъ сравнивать русскихъ славянъ не со звѣрями и птицами, а съ американскими краснокожими, „ирокезами и алгонкинцами". Споръ такъ и перешелъ нерѣшеннымъ къ послѣдующему поколѣнію, гдѣ оптимистическую партію взяли на себя славянофилы, а продолжателями Шлецера и Щербатова явились западники. „По

Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды.

№ 13. Анциловое озеро.

№ 14. Литориновое море.

Фауна плейстоценоваго періода: на переднемъ планѣ слѣва ламы, справа глиптодонты; на заднемъ планѣ 2 мастодонта и страусы; слѣва у дерева милодонъ.

свидѣтельству всѣхъ писателей отечественныхъ и иностранныхъ, русскіе издревле были народомъ земледѣльческимъ и осѣдлымъ", говоритъ Бѣляевъ. „По словамъ Нестора, они и дань давали отъ дыма и рала, т.-е. съ двора, съ осѣдлости и съ сохи, съ земледѣльческаго орудія". Западники не доходили, правда, ни до признанія русскихъ славянъ кочевниками ни до сравненій съ американскими краснокожими. Но нельзя не замѣтить, съ какимъ явнымъ сочувствіемъ Соловьевъ приводитъ лѣтописную характеристику восточно-славянскихъ племенъ. „Исключая полянъ", говоритъ Соловьевъ, „имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе..., нравы остальныхъ племенъ описаны у него (лѣтописца) черными красками: древляне жили по-скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, вятичи и сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ". Самъ Соловьевъ прекрасно понималъ, повидимому, что это не объективное изображеніе быта древлянъ и сѣверянъ, а злая сатира монаха-лѣтописца на язычниковъ и полянина—на враждебныхъ полянамъ сосѣдей: что начальная лѣтопись недалеко ушла въ этомъ случаѣ по своей исторической точности отъ щедринской „Исторіи одного города". Но онъ не могъ воздержаться отъ искушенія повторить эту обличительную характеристику: слишкомъ ужъ она хорошо согласовалась съ тѣмъ представленіемъ о славянахъ, какое сложилось у самого Соловьева. „Городовъ (у русскихъ славянъ), какъ видно, было немного", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ уже отъ себя: „знаемъ, что славяне любили жить разсѣянными, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ; на всемъ пути отъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города—Смоленскъ и Любечъ... Въ средней полосѣ у радимичей, дреговичей и вятичей не встрѣчается упоминаній о городахъ..."

Если какой-нибудь споръ долго длится, не находя себѣ разрѣшенія, то обыкновенно виноваты здѣсь бываютъ не одни спорящіе, а и самый предметъ спора. И въ пользу сравнительно высокаго уровня экономической—а съ нею и всякой другой—культуры славянъ въ древнѣйшую эпоху, и въ пользу низкаго уровня этой культуры источники давали достаточно доказательствъ; изъ одной и той же лѣтописи мы узнаемъ и

о дикости вятичей съ братіею, и о торговыхъ договорахъ древней Руси съ греками. Что считать правиломъ для древней Руси, что исключеніемъ? Что было частнымъ случаемъ, индивидуальной особенностью одного племени, и что общимъ достояніемъ всѣхъ славянскихъ племенъ? Отвѣтить на это можно, лишь отступивъ нѣсколько назадъ отъ тѣхъ аргументовъ, которыми обмѣнивались стороны въ приведенныхъ выше выпискахъ. „Несторъ“, или какъ бы его ни звали, начальный лѣтописецъ, засталъ славянъ уже раздѣленными, и начинаетъ свой разсказъ съ перечисленія разошедшихся въ разныя стороны, но еще не позабывшихъ другъ друга славянскихъ племенъ. Если бы мы могли составить себѣ хотя какое-нибудь представленіе объ экономической культурѣ славянъ до этого раздѣленія, когда они еще жили вмѣстѣ и говорили однимъ языкомъ, мы получили бы нѣкоторый minimum, общій, конечно, и всѣмъ русскимъ славянамъ: передъ нами былъ бы тотъ основной фонъ, на которомъ вышивали столь разноцвѣтные узоры греческія и скандинавскія вліянія, христіанская проповѣдь и левантская торговля. Этотъ фонъ до нѣкоторой степени мы можемъ возстановить по даннымъ лингвистики: общіе всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ культурные термины намѣчаютъ ихъ общее культурное наслѣдство, даютъ понятіе объ ихъ бытѣ не только „до прибытія Рюрика“, но и до того времени, какъ „волохи“, т.-е. римляне, нашли славянъ сидящими по Дунаю и вытѣснили ихъ оттуда.

Лингвистическія данныя намѣчаютъ, прежде всего, одну характерную черту этого архаическаго быта: славяне изстари были народомъ промысловымъ, и промыслы ихъ были преимущественно, если не исключительно, лѣсные. Во всѣхъ славянскихъ языкахъ одинаково звучатъ названія пчелы, меда и улья: бортничество является, повидимому, кореннымъ славянскимъ занятіемъ. Косвенно это указываетъ и на первоначальное мѣстожительство славянъ: бортничество мыслимо только въ лѣсной сторонѣ. Это лѣсное происхожденіе нашихъ предковъ вполнѣ согласно и съ другими, лингвистическими же, указаніями. Славянское названіе жилья—домъ, несомнѣнно, въ родствѣ, хотя и дальнемъ, съ средневѣковымъ верхне-нѣмецкимъ Zimber — „строевой лѣсъ“ и обозначаетъ, конечно, деревянную постройку. Напротивъ, каменная кладка, кажется, вовсе не была извѣстна славянамъ до раздѣленія: всѣ относящіеся сюда термины—заимствованные. Наше кирпичъ есть турецкое слово kerpidz, древнѣйшее славянское плинѳа — греческое, точно такъ же, какъ и названіе из-

вестки, древнѣйшее вапьно (отъ греческаго βαφή) и новѣйшее известь (отъ греческаго ἄσβεστος—негашеный). И въ то время, какъ южные и западные европейцы имѣютъ особое слово для обозначенія каменной стѣны (латинское murus, откуда нѣмецкое Mauer), въ славянскихъ языкахъ особаго термина для этой цѣли и поднесь не существуетъ.

Археологи, на основаніи своихъ соображеній, склоняются къ мысли, что славяне были автохтонами восточной Европы, изстари жили на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застала ихъ исторія. Лингвистика въ этомъ случаѣ подтверждаетъ археологію: сѣверная, большая, половина восточно-европейской низменности, и теперь лѣсная страна по преимуществу, какъ нельзя лучше отвѣчаетъ по своей природѣ такой лѣсной культурѣ, какую мы находимъ у славянъ. На основаніи данныхъ общеславянскаго словаря, съ одной стороны, географической номенклатуры, съ другой, издавна дѣлались попытки установить „прародину славянскаго племени“ и болѣе детально. Уже Надеждинъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія находилъ „первоначальное гнѣздо славянъ“ въ нынѣшнихъ Волынской и Подольской губерніяхъ, захватывая и ближайшія австрійскія области къ западу, до сѣвернаго подножія Карпатъ. Новѣйшій изслѣдователь вопроса, проф. А. Погодинъ, также считаетъ славянской родиной „страну гористую и обильную болотами, какъ Волынь“, ссылаясь на общность такихъ терминовъ, какъ холмъ, скала, гора, яръ (узкая долина), юдоль, дебрь (заросшая лѣсомъ долина), яруга (болотистая долина) и т. под. *). Этотъ примѣръ показываетъ, между прочимъ, какъ опасна подобная детализація: скалистой,—съ точки зрѣнія жителей,—и гористой, обильной болотами, является и Финляндія не въ меньшей степени, чѣмъ Волынская губернія: весь приведенный словарь отлично могъ бы быть пріуроченъ и туда, не знай мы изъ другихъ источниковъ, что славяне тамъ никогда не жили. Съ другой стороны, лѣсную культуру, аналогичную пра-славянской, какъ рисуетъ ее намъ лингвистика, можно найти на восточно-европейской равнинѣ по всему ея протяженію много ранѣе того хронологическаго предѣла, до котораго рѣшается выслѣживать славянъ современная наука. Еще Геродотъ въ V в. до Р. Х. указываетъ въ этихъ мѣстахъ „многочисленный народъ“ гелоновъ и будиновъ, при чемъ послѣдніе со своими „свѣтло-голубыми глазами и рыжими волосами“ отвѣчаютъ, если угодно, и антро-

*) „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій“, стр. 90.

пологическому типу древнихъ славянъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе бѣлокурыхъ, чѣмъ современные *). У этихъ народовъ были города, дома, храмы и идолы—все деревянное. Они занимали, по Геродоту, огромное пространство отъ озерной области на сѣверо-западѣ до нынѣшней Саратовской губерніи на югѣ-востокѣ. Часть ихъ, именно будины, жили лѣсными промыслами: били пушного звѣря и питались, между прочимъ, „еловыми шишками", т.-е. кедровыми орѣхами. Другіе, гелоны, были земледѣльцами, употребляли въ пищу хлѣбъ, занимались и садоводствомъ. „Эллины", говоритъ Геродотъ, „часто смѣшиваютъ будиновъ и гелоновъ,—но это два разные народа". Изъ его описанія скорѣе можно понять, однако, что это два культурныхъ слоя одного и того же народа: одинъ отчасти эллинизованный, другой вовсе не тронутый эллинскимъ вліяніемъ. Особенную этнографическую окраску гелонамъ давало именно греческое вліяніе: „первоначально гелоны были тѣ же эллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся среди будиновъ"; нѣкоторые изъ этихъ греческихъ колонистовъ сохранили, по словамъ Геродота, и свой языкъ. Такъ, за 400 лѣтъ до Р. Х. культура приходила къ народамъ сѣверо-восточной Европы тѣмъ самымъ путемъ, по которому она шла въ VIII вѣкѣ нашей эры, и уже при Геродотѣ здѣсь были торговые города со смѣшаннымъ полуэллинскимъ, полуварварскимъ населеніемъ и эллинистической культурой—далекіе предшественники „матери городовъ русскихъ".

Итакъ, на восточно-европейской равнинѣ, въ нынѣшней Московской или Владимірской губерніяхъ, существовало земледѣліе съ незапамятныхъ временъ, а славяне были на этой равнинѣ автохтонами. Выводъ, который отсюда можно сдѣлать, вполнѣ благопріятенъ Бѣляеву: a priori какъ нельзя болѣе вѣроятно, что и славяне,—допустивъ даже, что будины Геродота не стоятъ съ ними ни въ какой генетической связи—были земледѣльцами уже до раздѣленія. Лингвистика и это подтверждаетъ: земледѣльческіе термины—п а х а т ь (орати), ж а т ь, к о с и т ь, названія п л у г а и б о р о н ы, главнѣйшихъ видовъ хлѣба, знакомыхъ нашимъ широтамъ, — о в е с ъ, я ч м е н ь, р о ж ь и п ш е н и ц а—общіе у всѣхъ славянскихъ племенъ. Общее у нихъ и названіе хлѣба, какъ предмета питанія, ж и т о, и всего характернѣе, что это названіе (одного корня съ ж и з н ь ю) употребляется и для обозначенія всей

*) Подробнѣе о наружномъ видѣ древнихъ славянъ см. у *Нидерле*, „Словенскія древности", рус. пер. I, стр. 114 и слѣд.

пищи вообще: значитъ, хлѣбъ не только ѣли, но, какъ и у теперешняго русскаго крестьянина, онъ составлялъ основу древнеславянскаго питанія, былъ пищей по преимуществу. Если бы мы остановились на этомъ, то и вопросъ о древнеславянской культурѣ долженъ былъ бы, повидимому, рѣшиться въ оптимистическомъ направленіи. Но та же лингвистика безжалостно разрушаетъ пріятную иллюзію: просвѣщенные земледѣльцы-славяне жили, по всей видимости, въ каменномъ вѣкѣ. Всѣ названія металловъ у славянъ или описательныя (руда—нѣчто красное, отсюда это слово обозначаетъ одновременно и кровь и красный желѣзнякъ-гематитъ; злато—нѣчто желтое и блестящее и т. под.) или заимствованныя, какъ и названія каменной стройки: серебро отъ древняго сѣверно-германскаго silfr (теперешнее нѣмецкое Silber), мѣдь — средневѣковое верхне-нѣмецкое Smide (металлическое украшеніе) и т. д. Древнѣйшія славянскія погребенія въ Галиціи всѣ съ каменными орудіями, металлы встрѣчаются лишь въ позднѣйшихъ.

Со старой точки зрѣнія мы и тутъ наталкиваемся на непримиримое противорѣчіе: земледѣліе, по старому взгляду, одна изъ высшихъ ступеней экономической культуры, оно предполагаетъ уже двѣ пройденныя ступени,—охоту и скотоводство. Какъ могли славяне продѣлать эту длинную эволюцію, не измѣнивъ самаго первобытнаго способа изготовленія орудій — изъ камня? Новѣйшая экономическая археологія и этнологія даютъ намъ, однако, возможность устранить это кажущееся противорѣчіе очень легко. Наблюденія надъ современными дикарями показали весьма убѣдительно всю фальшивость старой схемы хозяйственнаго развитія: охота—скотоводство—земледѣліе. Эта старая схема отправляется отъ совершенно правильнаго общаго положенія, что человѣкъ начинаетъ съ такихъ формъ хозяйственной дѣятельности, которыя требуютъ отъ него наименьшей затраты энергіи, и постепенно переходитъ къ все болѣе и болѣе труднымъ. Но создатели этой схемы не имѣли представленія о какихъ-либо иныхъ способахъ охоты, скотоводства и земледѣлія, кромѣ тѣхъ, какіе встрѣчаются у такъ называемыхъ „историческихъ“, т.-е. болѣе или менѣе культурныхъ народовъ. Отъ того, что легко или трудно для культурнаго человѣка, умозаключали къ тому, что легко или трудно для человѣка первобытнаго, т.-е. для дикаря. Но дикарь, несомнѣнно, началъ съ такихъ способовъ добыванія пищи, которые легче самаго легкаго изъ нашихъ: онъ началъ съ того, что собиралъ даровые

продукты природы, не требующіе вовсе труда для своего пріобрѣтенія, началъ съ собиранія дико-растущихъ плодовъ, кореньевъ и т. под. Какъ и высшія обезьяны, человѣкъ сначала былъ животнымъ „плодояднымъ“. Его животная пища первоначально, вѣроятно, состояла изъ раковинъ, улитокъ и тому подобныхъ, тоже безъ труда достающихся пищевыхъ средствъ. Нѣкоторыя очень низко стоящія племена Бразиліи и поднесь не пошли дальше этого „собиранія“. Единственные слѣды дѣятельности прибрежныхъ племенъ южной Бразиліи представляютъ огромныя кучи пустыхъ морскихъ раковинъ, длинными рядами тянущіяся вдоль морского берега. Послѣ отлива туземцы выходятъ на обсохшій песчаный берегъ, собираютъ принесенныя приливомъ раковины и успокаиваются до слѣдующаго отлива. Въ этомъ—вся ихъ „охота“. По количеству затрачиваемаго труда этотъ способъ добыванія пищи не идетъ ни въ какое сравненіе съ настоящей охотой за звѣремъ или птицей или съ рыбной ловлей при помощи сѣтей, удочекъ и т. под. Настоящіе охотники и звѣроловы отнюдь не принадлежатъ къ „низшимъ“ племенамъ: краснокожіе Сѣверной Америки додумались до зачатковъ письма и не чужды художественной дѣятельности, а они живутъ исключительно только охотой. Обитатели Западной Европы каменнаго вѣка, повидимому, тоже были охотниками, а найденныя при раскопкахъ орудія ихъ поражаютъ совершенствомъ и даже изяществомъ отдѣлки: изображенія головы лося, табуна лошадей на одномъ жезлѣ, или вырѣзанное на кости изображеніе мамонта сдѣлали бы честь и не-дикарю. Охота, несомнѣнно, проще нашего земледѣлія, съ примѣненіемъ животнаго труда,—лошади или быка; но эта форма земледѣлія далеко не единственно возможная и даже наименѣе распространенная. Среди некультурныхъ племенъ гораздо употребительнѣе другая форма хлѣбопашества, которую нѣмецкіе изслѣдователи окрестили Hackbau, что по-русски переводятъ „мотыжное земледѣліе“. Его отличительная особенность состоитъ въ томъ, что оно ведется исключительно человѣческими руками и почти безъ всякихъ инструментовъ, потому что первобытная мотыга не что иное, какъ развилистый сукъ, которымъ разрыхляютъ землю передъ тѣмъ, какъ бросить туда сѣмена. Такой инструментъ куда проще лука и стрѣлъ или пращи и, вѣроятно, былъ самымъ раннимъ изобрѣтеніемъ человѣка въ области техники. И масса энергіи, которая требуется для мотыжнаго земледѣлія на дѣвственной почвѣ, конечно, значительно меньше того количества силы, которое нужно затратить, чтобы спра-

виться съ крупнымъ звѣремъ. Мотыжное земледѣліе легче охоты, и есть всѣ основанія думать, что оно было самымъ раннимъ изъ правильныхъ способовъ добыванія пищи. Оно вовсе не связано съ осѣдлостью, напротивъ, необходимо предполагаетъ бродячій образъ жизни: такъ какъ верхній слой почвы, единственно доступный такой обработкѣ, долженъ быстро истощаться, то культура носитъ поэтому очень экстенсивный характеръ и требуетъ огромной, сравнительно, площади земли. Охота является, вѣроятно, на первыхъ порахъ, подспорьемъ мотыжному земледѣлію: человѣческій организмъ нуждается въ извѣстномъ количествѣ соли, а дикарь не имѣетъ часто средствъ достать ее иначе, какъ въ мясѣ,—сыромъ мясѣ съ кровью. Весьма возможно, что, такъ какъ человѣческое мясо всего легче добыть, то человѣкъ и началъ свой мясной столъ съ антропофагіи и уже потомъ перешелъ къ мясу животныхъ. Географическая обстановка рѣшала дальнѣйшее: племена, попавшія въ районы, обильные дичью или рыбой, скоро стали смотрѣть на охоту или рыболовство, какъ на основное занятіе, а на земледѣліе, — какъ на подсобное. Тамъ, гдѣ былъ богатый запасъ растительной пищи, прогрессировало, напротивъ, это послѣднее. Нѣтъ, однако, народа, который питался бы исключительно животной пищей. Безъ растительной приправы къ столу жить нельзя, тогда какъ вполнѣ возможно обойтись одной растительной пищей. Въ этомъ случаѣ сравнительная этнологія вполнѣ на сторонѣ вегетаріанства. Напротивъ, совершенно невѣренъ взглядъ, въ силу котораго скотоводство развилось изъ охоты и служило первоначально средствомъ имѣть подъ руками постоянно запасъ мяса. Э. Ганъ блестяще доказалъ, что прирученіе самаго крупнаго и цѣннаго вида скота связано не съ охотой, а именно съ земледѣліемъ, и что быкъ служилъ сначала не какъ мясной, а какъ рабочій скотъ. Приручившіе быка патріархи земледѣлія даже и не ѣли говядины, какъ не ѣдятъ ея до сихъ поръ самые старинные земледѣльческіе народы—индусы и китайцы.

Если мы отъ этихъ аналогій и косвенныхъ указаній лингвистики обратимся къ древнѣйшимъ письменнымъ свидѣтельствамъ о восточныхъ славянахъ, къ древнѣйшимъ текстамъ, мы найдемъ въ нихъ полное подтвержденіе приведенной выше характеристики этихъ славянъ, какъ народа земледѣльческаго, но стоящаго въ то же время на очень невысокой степени культуры.

Ранѣе всего изъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ людей столкнулись съ нашими предками арабы, успѣвшіе побывать въ Россіи ранѣе даже грековъ: по крайней мѣрѣ,

первыя показанія очевидцевъ о славянскихъ бытѣ и культурѣ принадлежатъ именно арабскимъ путешественникамъ и встрѣчаются у компилировавшихъ разсказы этихъ послѣднихъ арабскихъ географовъ. Одно изъ наиболѣе важныхъ показаній этого рода мы находимъ въ „Книгѣ драгоцѣнныхъ сокровищъ“ компилятора Ибнъ-Даста, писавшаго въ первой половинѣ X вѣка,—но источники его значительно старше. Въ виду важности этого текста мы приведемъ оттуда цѣликомъ то, что относится къ экономической культурѣ восточныхъ славянъ: что рѣчь идетъ именно о нихъ, доказываетъ названіе ихъ столицы — по Ибнъ-Даста „Куяба“, т.-е. Кіевъ. „Страна славянъ—страна ровная и лѣсистая; въ лѣсахъ они и живутъ. Они не имѣютъ ни виноградниковъ, ни пашенъ. Изъ дерева выдѣлываютъ они родъ кувшиновъ, въ которыхъ находятся у нихъ и улья для пчелъ, и медъ пчелиный сберегается. Это называется у нихъ сиджъ, и одинъ кувшинъ заключаетъ въ себѣ около 10 кружекъ его. Они пасутъ свиней наподобіе овецъ...“ (Дальше идетъ разсказъ о погребальныхъ обычаяхъ славянъ, который будетъ разсмотрѣнъ въ другомъ мѣстѣ) „...Болѣе всего сѣятъ они просо...“ „...Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыхъ лошадей имѣетъ только одинъ упомянутый человѣкъ“ (свіятъ-царь). „Холодъ въ ихъ странѣ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому придѣлываетъ деревянную остроконечную крышу, наподобіе (крыши) христіанской церкви, и на крышу накладываетъ земли. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камни на огнѣ докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливаютъ ихъ водой, отъ чего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду“ *).

Кое-что въ этомъ разсказѣ о вещахъ, которыя самому автору, видимо, рисовались довольно смутно, можно отнести насчетъ простого недоразумѣнія: такъ, въ литературѣ уже давно отмѣчено, что славянскому меду Ибнъ-Даста усваиваетъ названіе, какое носилъ этотъ напитокъ у волжскихъ болгаръ, ближайшихъ посредниковъ для арабовъ въ сношеніяхъ съ восточными славянами. Совершенно очевидно также, въ послѣднихъ строкахъ, смѣшеніе славянскаго жилья—землянки—съ баней, хорошо извѣстной намъ для той эпохи и изъ другихъ описаній. Съ перваго взгляда можетъ пока-

*) Цитируемъ по переводу А. Я. Гаркави, „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“, стр. 264—267.

Мозаическій образъ „Нерушимой Стѣны“

въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ Ярослава I.

«Цьркъвь святыя София митрополию», по словамъ Начальнаго лѣтописнаго свода, князь кіевскій Ярославъ I (1015—1054) заложилъ въ 1037 г.; она была построена греческими мастерами и носитъ на себѣ всѣ черты византійской архитектуры X и первой половины XI в. Построеніе кіевской Софіи лѣтопись отмѣчаетъ какъ значительный культурный фактъ времени Ярослава I, съ которымъ связаны и распространеніе христіанства, и развитіе иночества. «И бѣ Ярославъ, читаемъ въ лѣтописи, любя цьркъвьныя уставы, попы любляще по велику, излиха же чьрноризьцѣ, и кънигамъ прилежа, почитая я часто въ нощи и въ дьне; и събьра письцѣ мъногы и прькеладаше съ ними отъ грьчьска на словѣньское письмо, и съписаша кънигы мъногы, ими же поучающеся вѣрьнии людие наслажаються учения божьствьнаго; Ярославъ же кънигы мъногы написавъ, положи въ святѣи сеи цьркъви, юже създа самъ; и украси ю златъмь и сребръмь и съсуды цьркъвьными». Съ внѣшней стороны зданіе кіевской Софіи совершенно искажено и застроено, представляясь «мелочнымъ и ничтожнымъ по своему характеру»; внутренность въ предѣлахъ древняго квадрата производитъ исторически цѣнное впечатлѣніе; алтарная абсида средняго нефа (см. ея изображеніе у Е. Е. Голубинскаго въ «Археологическомъ атласѣ ко второй половинѣ I тома исторіи русской церкви». М. 1906 на листѣ LI; модель этой абсиды имѣется въ Москов. Румянцов. Музеѣ, а въ Росс. Историч. Музеѣ—отдѣльныя части ея фресокъ) поражаетъ мощью своей древней художественной концепціи. Въ полусферическомъ сводѣ этой алтарной абсиды и находится изображеніе Богоматери, исполненное въ колоссальныхъ размѣрахъ мозаикой и извѣстное подъ именемъ Богоматери «Нерушимая Стѣна»; Богородица представлена одна на золотомъ полѣ, стоящей на богато украшенномъ камнями и жемчугомъ деревянномъ помостѣ. Типъ Богоматери въ кіевской мозаикѣ отличается матрональнымъ характеромъ; лицо имѣетъ удлиненный овалъ, тонкій и прямой носъ и строго спокойное съ оттѣнкомъ скорби выраженіе умоляющей женщины; оно чуждо той безнадежной мрачности и отталкивающей сухости, какими отличаются болѣе позднія византійскія произведенія. Богородица исполнена на кривизнѣ свода въ преувеличенныхъ пропорціяхъ, дабы производить извѣстное впечатлѣніе; снимокъ, конечно, передаетъ эти пропорціи безъ надлежащей точности. Слѣдуетъ особенно отмѣтить, что Богородица представлена на золотомъ полѣ *одна*, безъ какихъ бы то ни было сопутствующихъ изображеній, она является художественнымъ средоточіемъ кіевской Софіи; такимъ же средоточіемъ Кіевскаго Владимирскаго собора (1859—1896) представляется васнецовское изображеніе Богородицы, также въ полусферическомъ сводѣ алтарной абсиды (см. далѣе снимокъ). Цѣнно внимательное сопоставленіе обоихъ изображеній въ связи съ алтарной фреской церкви Спаса Нередицы, представляющей Богоматерь Великую Панагію.

Литература *И. И. Толстой* и *Н. П. Кондаковъ*. Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. IV. Спб. 1891.

Кіевскій Софійскій Соборъ. Спб. 1871—1887. Изданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Е. Е. Голубинскій. Исторія русской церкви. Т. I. Вторая половина. М. 1904. Атласъ къ ней М. 1906. См. особенно стр. 102—106.

В. Ст.

заться, что и рѣзкимъ противорѣчіемъ двухъ фразъ: „пашенъ у нихъ нѣтъ“ и „сѣютъ они просо“—мы обязаны такому же недоразумѣнію. Но, упомянувъ рядомъ съ пашнями виноградники, Ибнъ-Даста ясно показалъ, что, съ его точки зрѣнія, тутъ никакого недоразумѣнія не было: подъ пашнями арабскій писатель разумѣлъ то, что зовется такъ въ культурныхъ странахъ, поля, на которыхъ годъ изъ году занимаются земледѣліемъ, какъ въ виноградникахъ годъ изъ году культивируютъ виноградную лозу. Такихъ постоянныхъ пашенъ онъ и не находилъ у славянъ, жившихъ въ лѣсу и сѣявшихъ свое просо каждый годъ на новомъ мѣстѣ. Съ этой стадіей земледѣльческой культуры отлично вяжется и другое показаніе нашего автора о слабомъ развитіи скотоводства у славянъ. Оно уже было, но въ зачаточномъ состояніи; расцвѣтъ его лежалъ впереди — для XII вѣка мы имѣемъ уже несомнѣнныя свидѣтельства того, что пахота съ помощью лошади была общераспространеннымъ явленіемъ въ южной Руси. Эта новизна скотоводства и связанная съ нею дороговизна скота оставили любопытный слѣдъ въ древне-русскихъ юридическихъ памятникахъ. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ „Русской Правды“ слово „скотъ“ употребляется въ смыслѣ „денегъ“ (аналогично въ этомъ случаѣ съ древне-римскимъ pecunia); но мы знаемъ, что деньгами, единицей мѣны, становятся обыкновенно такіе предметы, на которые есть большой спросъ, но которые существуютъ въ то же время лишь въ ограниченномъ количествѣ. Благодаря этому, въ древней Греціи первой монетой и сталъ желѣзный прутъ („оболъ“) — представитель еще рѣдкаго и цѣннаго въ то время металла. Рабочій скотъ въ Россіи IX—X вѣка былъ еще такъ же рѣдокъ и цѣненъ, какъ въ гомеровской Греціи, оттого тамъ и тутъ и вычисляли цѣну другихъ предметовъ на скотъ. Оттого „Русская Правда“ и занимается такъ тщательно вопросомъ о возможномъ приплодѣ скота (въ такъ называемомъ „Карамзинскомъ“ спискѣ этому отведено не менѣе 8 отдѣльныхъ статей), при чемъ отводитъ видное мѣсто и упоминаемымъ Ибнъ-Даста свиньямъ (3 статьи изъ 8).

Характеръ славянъ, какъ лѣснаго народа, живущаго, между прочимъ, и даже на первомъ мѣстѣ, бортничествомъ, также выступаетъ у арабскаго географа очень выпукло, но любопытно, что Ибнъ-Даста ни словомъ не упоминаетъ о другомъ промыслѣ, казалось бы, столь естественномъ въ „лѣсистой“ странѣ,—объ охотѣ. Чтобы русскіе славяне до начала X вѣка не охотились вовсе, это, конечно,

трудно себѣ представить, но очевидно, что бортничество, свиноводство и кочевое земледѣліе настолько составляли основу ихъ хозяйства, что охота, какъ промыселъ, не бросалась въ глаза, какъ это было по отношенію къ сосѣднимъ болгарамъ, о которыхъ арабскій писатель отмѣтилъ, что „главное богатство составляетъ у нихъ куній мѣхъ“. Болгары гогда уже сравнительно гораздо больше втянулись въ оборотъ восточной торговли, и мѣха были главнымъ предметомъ ихъ отпуска; едва ли не въ связи съ тою же восточной торговлей охота пріобрѣла серьезное экономическое значеніе и у восточныхъ славянъ. Во всякомъ случаѣ, базировать все ихъ хозяйство на охотѣ, какъ это дѣлаютъ въ послѣднее время нѣкоторые авторы, было бы неосторожно, въ виду прямыхъ указаній на противоположное со стороны какъ лингвистики, такъ и арабскихъ писателей, ранѣе всѣхъ систематизировавшихъ свѣдѣнія о нашихъ предкахъ.

Древнѣйшая общественная организація стоитъ въ тѣсной связи со способами добыванія пищи. Знаменитая характеристика этой организаціи въ начальной лѣтописи: „живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ, володѣюще кождо родомъ своимъ“, послужила исходной точкой для многаго множества болѣе или менѣе фантастическихъ гипотезъ о первоначальномъ общественномъ строѣ русскихъ славянъ. Не трудно было понять, что здѣсь рѣчь идетъ о какомъ-то союзѣ родственниковъ, но что связывало между собой этихъ послѣднихъ, помимо кровныхъ отношеній, которыя сами по себѣ нисколько не мѣшаютъ людямъ жить врозь и заниматься различными дѣлами, это не такъ легко было себѣ представить. Въ особенности мѣшала русскимъ историкамъ составить себѣ конкретное и отчетливое представленіе объ этомъ „родѣ“ начальной лѣтописи ихъ идеалистическая точка зрѣнія — привычка всѣ историческія перемѣны объяснять перемѣнами въ мысляхъ и чувствахъ историческихъ дѣятелей. У такого умнаго историка, какъ Соловьевъ, напримѣръ, можно найти длинныя разсужденія о томъ, какую роль играло въ первобытномъ обществѣ родственное чувство, какъ оно постепенно ослабѣвало и что изъ этого вышло. Неудовлетворительность подобныхъ объясненій слишкомъ била въ глаза, и „теорія родового быта“ уступала мѣсто другимъ гипотезамъ,—„вотчинной“, „общинной“, „задружной“ и т. под., цѣнность которыхъ, однако, отнюдь не была выше первой *).

*) Теоріи эти будутъ разсмотрѣны въ особомъ очеркѣ въ заключеніе настоящей книги.

Но уже раньше, чѣмъ въ общественныхъ наукахъ взяла верхъ матеріалистическая точка зрѣнія, та самая историческая аналогія, образчикъ которой мы видѣли выше, дала возможность представить себѣ все дѣло гораздо нагляднѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русской равнины географическая обстановка IX—X вв. сохранилась почти въ полной неприкосновенности до очень поздняго, сравнительно, времени: таковы были великорусскій сѣверъ, нынѣшняя Архангельская губернія до XVII-го, и западно-русское Полѣсье до XVI-го, приблизительно, вѣка. Весьма характерно, что въ этихъ двухъ весьма удаленныхъ другъ отъ друга и никогда не сообщавшихся мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ совершенно одинаковую основную клѣточку хозяйственной и вообще соціальной организаціи: на сѣверѣ она носитъ названіе печища, на западѣ—дворища. „Дворище“, какъ и „печище“, является, прежде всего, формами коллективнаго землевладѣнія, но весьма непохожими на знакомые намъ образчики послѣдняго, напримѣръ, на великорусскую сельскую общину. Коллективизмъ послѣдней, какъ она существовала до начала XX столѣтія, былъ юридически-финансовый: крестьяне-общинники сообща владѣли землей и сообща отвѣчали за лежавшія на ней подати и повинности, но хозяйство они вели каждый отдѣльно. Считать такую организацію зародышемъ или остаткомъ первобытнаго коммунизма можно было опять-таки лишь съ той идеалистической точки зрѣнія, для которой юридическая оболочка была гораздо важнѣе экономическаго содержанія, право важнѣе того факта, благодаря которому это право только и могло возникнуть. Въ дворищномъ землевладѣніи мы имѣемъ передъ собой остатокъ подлиннаго коммунизма: первоначально всѣ обитатели сѣверно-русскаго „дворища“, иногда нѣсколько десятковъ работниковъ обоего пола, и жили вмѣстѣ подъ одной кровлей, въ той громадной двухъэтажной избѣ, какія и теперь еще встрѣчаются на сѣверѣ, въ Олонецкой или Архангельской губерніяхъ,—„настоящемъ дворцѣ сравнительно съ южно-русскими хатами“, по отзыву изслѣдовательницы, которой русская наука обязана первымъ точнымъ описаніемъ древнѣйшей формы русскаго землевладѣнія *). Позже они могли разселиться по нѣсколькимъ избамъ, но экономическая сущность организаціи отъ этого не мѣнялась: все „дворище“ попрежнему сообща обрабатывало всю захваченную ими землю общимъ инвента-

*) А. Я. Ефименко. См. сборникъ статей „Южная Русь“, т. I, стр. 372.

ремъ, и продуктами пользовались всѣ работники сообща. Хозяйство было не только земледѣльческое. Документы, сохранившіе намъ юридическую форму древнѣйшаго землевладѣнія (ко времени составленія этихъ документовъ обыкновенно уже распадавшагося), изображаютъ эту „землю“, какъ совокупность цѣлаго ряда промысловъ, входившихъ въ составъ дворищнаго хозяйства; „дворище“ всегда является „съ полями, сѣножатьми и з лѣсы и боры, и з деревомъ бортнымъ, з рѣками и озеры, и з гати и езы, и з ловы рыбными и пташими...“ Все, что нужно было для жизни, не только хлѣбъ, добывалось общимъ трудомъ; но наиболѣе прочной спайкой, связывавшей воедино все населеніе „дворища“, являлось, несомнѣнно, все-таки земледѣліе. Ибо для всей группы не могло быть болѣе труднаго дѣла, чѣмъ выкорчевать изъ-подъ лѣса участокъ земли подъ пашню—въ историческую эпоху пашню уже обычнаго типа, обрабатывавшуюся не виловатымъ сукомъ, а сохой, и не однимъ ручнымъ трудомъ, а съ помощью лошади. Ни „рыбный и пташій ловъ“, ни бортничество сами по себѣ коммунизма не требовали и не могли создать: онъ могъ сложиться только параллельно съ земледѣліемъ и становился тѣмъ прочнѣе, чѣмъ сложнѣе и труднѣе становилось это послѣднее. Бродячіе охотники, какими иногда представляютъ себѣ русскихъ славянъ, несомнѣнно, оказались бы бо̀льшими индивидуалистами.

Какъ возникъ этотъ первобытный коммунизмъ и на чемъ, внѣшнимъ образомъ, онъ держался? На первый вопросъ едва ли можно дать какой-нибудь отвѣтъ въ предѣлахъ не только русской, но и славянской вообще исторіи, потому что описанная форма землевладѣнія составляетъ не только русскую, а общеславянскую особенность: сербо-хорватская „задруга“ или „велика куча“ представляетъ собою полную параллель нашему архангельскому „печищу“ или полѣсскому „дворищу“. Форма недифференцированнаго стада, жившаго простымъ „собираніемъ“ готовыхъ продуктовъ, была, очевидно, пройдена славянами ранѣе, чѣмъ они выдѣлились изъ обще-арійской массы. Даже на первоначальную ступень „мотыжнаго“ земледѣлія сохранились въ историческихъ памятникахъ лишь слабые намеки. Главнѣйшимъ изъ нихъ является то сравнительно самостоятельное положеніе женщины у славянъ, сравнительно, напримѣръ, съ германцами, которымъ такъ гордились въ свое время славянофилы. Въ древнеславянскомъ правѣ, такъ называемая, „половая опека“ выражена гораздо менѣе рѣзко, чѣмъ можно было бы ожидать. Тутъ

особенно приходится отмѣтить два момента: самостоятельное положеніе женщины на судѣ, доходившее до того, что женщина мѣстами могла являться участницей судебнаго поединка, и широкій объемъ имущественныхъ правъ женщины, которая могла распоряжаться своимъ имѣніемъ безъ согласія мужа, тогда какъ послѣдній не могъ распорядиться имуществомъ жены, даже приданымъ, безъ ея согласія. *) Любопытную черту къ этому даетъ первая статья Русской Правды. Въ числѣ возможныхъ мстителей за кровь она указываетъ, и на одномъ изъ первыхъ мѣстъ притомъ, — „сына сестры“ убитаго, т.-е. ведетъ счетъ родства и по женской линіи, не только по мужской. Подобное явленіе никоимъ образомъ не могло возникнуть въ исторически намъ знакомой патріархальной семьѣ, во главѣ которой стоитъ мужчина—отецъ, и гдѣ счетъ родства всегда ведется по мужской линіи. Ее приходится разсматривать поэтому, какъ остатокъ материнскаго права—матріархальной семьи, гдѣ счетъ родства всегда велся по женской линіи, и братъ матери считался однимъ изъ ближайшихъ родственниковъ, наравнѣ съ отцомъ, если не выше его. Самостоятельное положеніе женщины, имущественное и правовое, вполнѣ вяжется съ этимъ, точно такъ же, какъ и то, что мы знаемъ объ экономической культурѣ первобытныхъ славянъ. Первичное „мотыжное“ земледѣліе всюду было и есть, гдѣ оно еще сохранилось, въ рукахъ женщинъ; весьма возможно, что женщина, связанная дѣтьми и поневолѣ болѣе осѣдлая, менѣе свободно передвигавшаяся въ поискахъ за даровой пищей, была даже изобрѣтательницей земледѣлія. Но первая, овладѣвшая правильнымъ способомъ добыванія пищи, женщина экономически эмансипировалась отъ мужской опеки, семья стала концентрироваться около матери, а не около отца. Оттого у племенъ съ преобладаніемъ земледѣлія—у древнихъ культурныхъ народовъ Америки, напримѣръ,—мы всюду встрѣчаемъ материнское право или слѣды его, тогда какъ у скотоводовъ или охотниковъ, въ той же Америкѣ, этихъ слѣдовъ вовсе нѣтъ.

Такимъ образомъ, то, что въ глазахъ славянофильской публицистики было печатью особого призванья, свойственнаго славянскому племени, на дѣлѣ является просто однимъ изъ признаковъ большей архаичности славянскаго права. **) Къ

*) См. Шпилевскій, Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ стр. 74 и 86—7.

**) Остатки „материнскаго права“ встрѣчаются и у древнихъ германцевъ, но для хронологически болѣе ранней ступени.

началу исторической жизни славянъ отцовское право, однако, уже рѣшительно восторжествовало, вмѣстѣ съ земледѣліемъ новаго типа, обусловленнаго развитіемъ скотоводства. Охарактеризованное выше „печище“ или „дворище“ (задруга южныхъ славянъ) построено уже по типу патріархальной семьи: составлявшая ее группа работниковъ, обыкновенно дѣдъ съ сыновьями и внучатами, дядя съ племянниками, братья родные или двоюродные — по отцу. Но мы очень ошиблись бы, если бы придали этой кровной связи первенствующее значеніе: она обыкновенна, но вовсе не безусловно обязательна. Подобное же коллективное хозяйство на сѣверѣ вели сплошь и рядомъ совсѣмъ посторонніе другъ другу люди, соединившіеся по договору „складства“: они образовывали такое же точно „печище“, но не навсегда, а на извѣстный срокъ, напримѣръ, на 10 лѣтъ. Въ эти десять лѣтъ у складниковъ все общее: движимое и недвижимое имѣніе, инвентарь, рабочій скотъ, всѣ доходы и расходы,—это, что называется, „одна семья“. Черезъ десять лѣтъ, если они не захотятъ возобновить договора „складства“, они дѣлятъ все общее достояніе на равныя доли и расходятся,—они опять чужіе. Точно также и для того, чтобы быть членами южнославянской „великой кучи“, нѣтъ необходимости принадлежать къ ней по крови, по происхожденію: въ семью можетъ быть принятъ и совершенно чужой человѣкъ, и пока онъ принимаетъ участіе въ общей работѣ, онъ пользуется одинаковыми правами со всѣми другими членами „задруги“. И здѣсь, значитъ, связь экономическая идетъ впереди кровной, „родственной“ въ нашемъ смыслѣ.

На основѣ общаго хозяйственнаго интереса вырастаетъ вся первобытная общественная организація. Было бы очень наивно представлять себѣ первобытныхъ людей въ образѣ мирныхъ тружениковъ, благоговѣйно относящихся къ плодамъ чужого труда. Продукты этого послѣдняго были обезпечены для семьи лишь постольку, поскольку она силой могла отстоять ихъ отъ покушеній сосѣдей: отношенія между сосѣдями были „международными“, употребляя теперешнее выраженіе. То, что монархистъ-лѣтописецъ изображаетъ какъ результатъ отсутствія государственной власти, когда говоритъ о положеніи славянъ передъ призваніемъ князей,—„и не бѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ, и быша усобицы въ нихъ, и воевати сама на ся почаша“—на самомъ дѣлѣ было нормой междусемейныхъ отношеній и при наличности князей, пока не явились экономическіе интересы, болѣе широкіе, чѣмъ се-

мейные, и на ихъ основѣ не сложилась болѣе широкая организація. Русская Правда приписывала отмѣну кровной мести сыновьямъ Ярослава Владиміровича: значитъ, при Ярославѣ, т.-е. до половины XI столѣтія, допускалось кровомщеніе, иными словами, допускалась частная война между семьями. При Ярославѣ, однако же, какъ видно изъ той же Правды, эта частная война была уже поставлена въ довольно узкіе предѣлы: въ первой статьѣ устанавливается, кто могъ ее начать, и требуется опредѣленный, можно бы сказать, „законный“ поводъ: „аще убьетъ мужъ мужа“. Семья могла начать войну только въ томъ случаѣ, если одинъ изъ членовъ ея будетъ убитъ,—другими словами, допускалась война только оборонительная. Но лѣтопись сохранила живое воспоминаніе о той порѣ, когда право частной войны понималось гораздо шире. Послѣ крещенія Владиміра епископы, разсказываетъ лѣтопись, стали говорить князю: „Зачѣмъ ты не казнишь разбойниковъ?“—„Боюсь грѣха“, отвѣчалъ будто бы Владиміръ. Монахъ-лѣтописецъ понялъ этотъ отвѣтъ, какъ выраженіе страха Божьяго, какъ опасеніе согрѣшить, убивъ, т.-е. казнивъ, разбойника. Но князь, вѣроятно, видѣлъ „грѣхъ“ въ нарушеніи дѣдовскаго обычая, допускавшаго разбой, т.-е. частную войну, во всей ея широтѣ. Этотъ дѣдовскій обычай, въ концѣ концовъ, и восторжествовалъ: „и живяше Володимеръ по устроенью отню и дѣдьню“, заканчиваетъ лѣтописецъ свой разсказъ о совѣщаніи князя съ епископами и старцами. Ограничить же право частной войны удалось только Ярославу Владиміровичу. Итакъ, хозяйственная организація семьи необходимо предполагала военную организацію для охраны продуктовъ хозяйства. Остатки этой военно-семейной организаціи тоже ясно видны въ лѣтописи: вмѣстѣ отбиваясь отъ сосѣднихъ „родовъ“, „родъ“ вмѣстѣ ходилъ на войну и противъ общаго, племенного врага. Разсказавъ о томъ, какъ Святославъ побѣдилъ грековъ и взялъ съ нихъ дань, лѣтописецъ замѣчаетъ: „бралъ онъ дань и на убитыхъ, говоря: это возьметъ ихъ родъ“.

Если прибавить къ этому, что, кромѣ враговъ видимыхъ и осязаемыхъ, первобытному человѣку за каждымъ враждебнымъ его хозяйству явленіемъ, чудились враги невидимые, „сила нездѣшняя“ *), то мы сможемъ себѣ представить довольно ясно, что такое была первобытная большая семья, „дворище“ или „печище“ на зарѣ исторической эпохи. Члены

*) О первобытныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ см. гл. III.

такой семьи—работники въ одномъ хозяйствѣ, солдаты одного отряда, наконецъ, поклонники однихъ и тѣхъ же семейныхъ боговъ—участники общаго культа. Это даетъ намъ возможность понять положеніе отца такой семьи. Всего меньше онъ „отецъ“ въ нашемъ смыслѣ этого слова. Руководство всѣмъ семейнымъ хозяйствомъ и военная дисциплина, необходимая для обороны этого хозяйства, даютъ въ его руки громадную власть. Къ этой реальной силѣ его положеніе, какъ жреца семейнаго культа, прибавляетъ всю силу первобытнаго суевѣрія: отецъ одинъ водится съ богами, т.-е. духами предковъ, его „здѣшняя“ власть увеличивается на всю громадную силу этихъ „нездѣшнихъ“ членовъ семьи. О сопротивленіи домовладыкѣ не можетъ быть и рѣчи: господинъ-отецъ — самодержецъ въ широчайшемъ значеніи этого слова. Онъ распоряжается всѣми членами семьи, какъ своею собственностью. Онъ можетъ убить или продать сына или дочь, какъ продаютъ свинью или козу. Отсюда въ первобытной семьѣ нѣтъ возможности провести демаркаціонную черту между членами семейства и рабами—и названіе для тѣхъ и другихъ было общее. Древне-римское familia, которое переводятъ обыкновенно черезъ „семейство“, въ сущности, означало „рабовъ одного господина“; древне-русская дворня называлась чадью, чадами своего барина; и теперь еще въ словѣ домочадцы объединяются не только родственники хозяина дома, но и его прислуга. Крѣпостные крестьяне называли своего помѣщика батюшкой, а сынъ въ древне-русской семьѣ величалъ своего отца государемъ-батюшкой, какъ величалъ своего хозяина „государемъ“ и древне-русскій холопъ. И баринъ былъ, дѣйствительно, для него государемъ въ нашемъ смыслѣ этого слова: онъ судилъ своего холопа и наказывалъ не только за проступки и неисправность въ барскомъ хозяйствѣ, но и за преступленія общественнаго характера. „А старостѣ ни холопа, ни рабы безъ господаря не судити“, говоритъ новгородское право. Представитель общественной власти не могъ произнести приговора надъ холопомъ, не спросясь его господина-государя. Зато въ приговоръ, произнесенный этимъ послѣднимъ надъ своимъ холопомъ, общественная власть не считала себя въ правѣ вмѣшиваться. „А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу и случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ“, говоритъ уставная двинская грамота (XIV вѣка). По отношенію къ дѣтямъ слѣды такихъ же правъ отца писанный законъ сохранилъ до Петра В.: его воинскій артикулъ не считаетъ

убійствомъ засѣченіе своего ребенка до смерти. Народныя воззрѣнія еще архаичнѣе писаннаго права: между сибирскими крестьянами еще въ серединѣ XIX в. господствовало убѣжденіе, что за убійство сына или дочери родители подлежатъ только церковному покаянію. Тарасъ Бульба, собственноручно казнившій сына за измѣну, былъ вполнѣ вѣренъ древнѣйшему народному представленію объ отцовской власти.

Древнѣйшій типъ государственной власти развился непосредственно изъ власти отцовской. Разрастаясь естественнымъ путемъ, семья могла при благопріятныхъ обстоятельствахъ сохранить свое хозяйственное единство или, по крайней мѣрѣ, прежнюю военную и религіозную организацію. Такъ образовывалось *племя*, члены котораго были связаны общимъ родствомъ, а, стало быть, и общей властью. У южныхъ славянъ племенная организація сохранилась до нашего времени: въ 60-хъ годахъ XIX вѣка вся Черногорія состояла изъ 7 племенъ; самое многочисленное изъ нихъ, Бѣлопавличи, считало до 3.000 „ружей“, т.-е. взрослыхъ, способныхъ къ бою мужчинъ. Естественному процессу нарастанія судьба часто помогала искусственно: при постоянныхъ стычкахъ одна семья могла покорить одну или нѣсколько другихъ. Если побѣда была полная, рѣшительная, побѣжденные просто-напросто обращались въ рабовъ; но если они сохраняли нѣкоторую способность сопротивленія, побѣдители шли на уступку: побѣжденная семья сохраняла свою организацію, но становилась въ подчиненныя отношенія къ побѣдительницѣ, была облагаема извѣстными повинностями—*данью*—и превращалась въ *подданныхъ* побѣдителей. Подобныя же отношенія могли, конечно, образоваться такимъ же точно путемъ и между двумя племенами. Въ этомъ случаѣ власть господина-отца побѣдившаго племени распространялась и на членовъ племени побѣжденнаго.

Въ древней Руси мы имѣемъ объ эти формы *разрастанія* патріархальной власти. Начальная лѣтопись еще помнитъ то время, когда русскіе славяне, какъ теперешніе черногорцы, дѣлились на *племена*, и каждое племя имѣло свое княженіе: „по смерти Кія съ братіями началъ родъ ихъ княжить у полянъ, а у древлянъ были свои князья, у дреговичей свои, свои у новгородскихъ и у полоцкихъ славянъ“. Свои племенные князья у древлянъ были еще въ X вѣкѣ—лѣтопись называетъ по имени одного изъ нихъ, Мала, который такъ неудачно сватался за Ольгу. Туземцы называли ихъ „добрыми князьями, которые распасли древлянскую землю“

противополагая ихъ тѣмъ самымъ кіевскимъ князьямъ, завоевателямъ, которые древлянскую землю только грабили. Въ болѣе глухихъ мѣстахъ такіе племенные старшины дожили до XII вѣка, и еще Мономаху приходилось имѣть дѣло съ Ходотой и сыномъ его, туземными царьками самаго отсталаго изъ русскихъ племенъ, вятичей. Но Ходоту уже не называютъ княземъ: этотъ титулъ спеціализировался за членами рода, сидѣвшаго въ Кіевѣ. Настоящіе князья XII вѣка—не потомки мѣстныхъ патріархальныхъ владыкъ, а люди пришлые. Откуда они пришли—это достаточно показываютъ ихъ имена: въ Рюрикѣ, Игорѣ, Олегѣ лѣтописи нетрудно признать древне-скандинавскихъ Рёрека, Ингвара и и Хёлега (Helgi). Еще въ X вѣкѣ они говорили на особомъ отъ туземнаго населенія языкѣ, который они называли „русскимъ“. Константинъ Багрянородный приводитъ цѣлый рядъ такихъ „русскихъ“ названій днѣпровскихъ пороговъ: всѣ они объясняются изъ шведскаго языка *). Скандинавское происхожденіе Руси настолько удовлетворительно доказывается этими лингвистическими данными, что прибѣгать къ болѣе, нежели сомнительнымъ свидѣтельствамъ средневѣковыхъ хронистовъ, какъ это часто дѣлалось въ пылу полемики, совершенно лишнее.

Послѣ всѣхъ споровъ о происхожденіи рюриковой династіи пришлось, такимъ образомъ, присоединиться къ мнѣнію автора начальной лѣтописи, который очень опредѣленно указывалъ мѣстожительство Руси „за моремъ“, т.-е. по ту сторону Балтійскаго моря, и считалъ ее ближайшей родней Норманновъ (Урмане)—въ частности шведовъ (Свее). Въ вопросѣ о томъ, какъ появилась эта династія среди восточныхъ славянъ, всего безопаснѣе держаться того же лѣтописнаго текста. Отношенія „Руси“ къ славянамъ, по лѣтописи, начались съ того, что варяги, приходя изъ-за моря, брали дань съ сѣверо-западныхъ племенъ, славянскихъ и финскихъ. Населеніе сначала терпѣло, потомъ, собравшись съ силами, прогнало норманновъ, но, очевидно, не чувствовало себя сильнымъ достаточно, чтобы отдѣлаться отъ нихъ навсегда. Оставалось одно—принять къ себѣ на извѣстныхъ условіяхъ одного изъ варяжскихъ конунговъ съ его шайкой, съ тѣмъ чтобы онъ оборонялъ зато славянъ отъ прочихъ норманнскихъ шаекъ. „Поимемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами... по ряду“, говорили будто бы собравшіеся на совѣ-

*) См. Томсенъ. Начало Русскаго государства.

щаніе чудь, славяне, кривичи и весь. Но „володѣть“ на языкѣ лѣтописи вовсе не значитъ только „господствовать“, „быть государемъ“,—а значитъ, прежде всего, „брать дань“. Разсказывая о томъ, какъ хазары пришли брать дань съ полянъ и получили въ видѣ дани м е ч ъ, лѣтописецъ приводитъ предсказаніе, сдѣланное будто бы хозарскими „старцами“: „Не хорошая это дань! мы ее получили саблей—оружіемъ съ однимъ остріемъ; а у этихъ оружіе обоюдоострое—мечъ: будутъ они брать дань на насъ и на другихъ странахъ“. „Такъ и случилось“, прибавляетъ лѣтописецъ: „в о л о д ѣ ю т ъ хазарами русскіе князья до нынѣшняго дня“.

Такъ „владѣть“ и „брать дань“ для лѣтописца одно и то же. Послѣ этого намъ становится понятно, что значитъ „владѣть по ряду“: новгородскіе славяне просто-напросто откупились отъ грабежей норманновъ Рюрикова племени, пообѣщавъ имъ платить ежегодно опредѣленную сумму, которую дальше лѣтопись и называетъ. До смерти Ярослава новгородцы платили варягамъ 300 гривенъ въ годъ „ради мира“; съ этой цѣлью—купить миръ—и былъ заключенъ р я д ъ съ Рюрикомъ и братьями.

То, что произошло въ этомъ случаѣ, нельзя охарактеризовать иначе, какъ з а в о е в а н і е м ъ, въ его болѣе мягкой формѣ, когда побѣжденное племя не истреблялось, а превращалось въ „подданныхъ“. Стоитъ припомнить разсказъ о томъ, какъ Игорь собиралъ дань съ древлянъ, чтобы для насъ не осталось никакого сомнѣнія въ характерѣ его „владѣнія“. „Посмотри, князь“ говорила дружина Игорю: „какая богатая одежда и оружіе у свенельдовыхъ людей. Пойдемъ съ нами за данью: и ты добудешь, и мы“. Значитъ, идти по дань можно во всякое время,—какъ только тотъ, кто беретъ дань, почувствуетъ пустоту въ своемъ карманѣ. Аппетитъ приходитъ вмѣстѣ съ ѣдой: собравъ обычную дань, Игорю не хотѣлось уйти. „Ступайте вы домой“, сказалъ онъ дружинѣ: „а я пойду, похожу еще“. Мѣркой дани въ этомъ случаѣ было терпѣніе мѣстныхъ жителей, и оно на этотъ разъ не выдержало: „повадится волкъ къ овцамъ, сказали древляне, выноситъ все стадо, если не убить его: такъ и этотъ, если его не убить, то всѣхъ насъ погубитъ“. И послали ему сказать: „Зачѣмъ ты опять идешь? Вѣдь ты всю дань взялъ?“ Игорь не послушалъ предостереженія и былъ убитъ. Его вдова жестоко отомстила за его смерть, но не рѣшилась продолжать его политику. Завоевавъ снова древлянскую землю, она „установила уставы и уроки“: древлянская дань

была нормирована въ половинѣ X вѣка, какъ сто лѣтъ раньше была нормирована новгородская дань.

Исторія Игоря чрезвычайно ярко рисуетъ намъ „властвованіе“ древне-русскаго князя надъ его „подданными“. Мы видимъ, что ни о какихъ „началахъ государственности“, якобы занесенныхъ къ намъ князьями изъ-за моря, не можетъ быть и рѣчи. Русскіе князья у себя за моремъ были такими же патріархальными владыками, какъ и ихъ славянскіе современники: ихъ скандинавское названіе „конунговъ“, kunning, именно и означаетъ „отца большой семьи“—отъ Kunne—семья. И пришли они къ славянамъ „съ родомъ своимъ“: это было переселеніе цѣлаго небольшого племени. Совершенно естественно, что власть этихъ пришлыхъ князей носитъ на себѣ яркій патріархальный отпечатокъ, удержавшійся не только въ кіевскую эпоху, но и гораздо позже. Въ царѣ московской Руси XVI—XVII вв. много чертъ такого же „господина-отца“, какимъ былъ впервые призванный „править Русью“ варяжскій конунгъ.

О роли князя въ племенномъ культѣ будетъ идти рѣчь въ другомъ мѣстѣ *). Нѣтъ надобности распространяться о военномъ значеніи древне-русскаго князя, какъ позже московскаго царя—эта сторона въ элементарныхъ учебникахъ выступаетъ даже черезчуръ ясно. Стоитъ отмѣтить, ради характеристики консервативности древняго обычая, тѣ случаи, гдѣ предводительство князя на войнѣ было, въ сущности, явно нецѣлесообразно. Въ томъ же описаніи похода Ольги противъ древлянъ мы встрѣчаемъ очень любопытный образчикъ этого обычая. Хотя сынъ Игоря, Святославъ, былъ еще очень малъ, онъ однако же находился при войскѣ и даже принималъ участіе въ битвѣ; дружина дожидалась, пока князь начнетъ бой. Когда Святославъ бросилъ своей дѣтской ручонкой копье, которое тутъ же и упало у самыхъ ногъ его лошади, только тогда настоящій предводитель Свенельдъ далъ команду двигаться впередъ: „Князь уже началъ: пойдемъ, дружина, за княземъ“! Въ 1541 г. напали на Москву крымскіе татары. Никоновская лѣтопись разсказываетъ, по этому случаю, о распоряженіяхъ, которыя дѣлалъ великій князь: какъ онъ приказалъ разставить артиллерію, какихъ онъ назначилъ воеводъ, какія далъ этимъ воеводамъ инструкціи, и т. д. При нѣкоторой невнимательности къ хронологіи все это можно понять совершенно буквально, но надо вспом-

*) См. ниже, гл. III.

нить, что въ 1541 г. Ивану Васильевичу было всего 11 лѣтъ. Очевидно, распоряжалась всѣмъ боярская дума, правившая тогда страной отъ его имени, но обычная форма строго соблюдалась, и на словахъ главнокомандующимъ считался все-таки маленькій великій князь.

Гораздо важнѣе и характернѣе для древне-русскаго государственнаго права та его особенность, въ силу которой князь, позже государь московскій, былъ собственникомъ всего своего государства на частномъ правѣ, какъ отецъ патріархальной семьи былъ собственникомъ самой семьи и всего ей принадлежащаго. Въ духовныхъ грамотахъ князей XIV—XV вв. эта черта выступаетъ такъ ясно, что ея нельзя было не замѣтить,—и мы давно знаемъ, что Иванъ Калита не дѣлалъ различія между своею столицею Москвою, и своимъ столовымъ сервизомъ *). Но было бы большой ошибкой считать это послѣдствіемъ какого-то упадка „государственнаго значенія“ княжеской власти въ глухую пору удѣльнаго періода: юридически въ теченіе всей древней русской исторіи дѣло не обстояло иначе. Прежде всего, древняя Русь не знала двухъ разныхъ словъ для обозначенія политической единицы, во главѣ которой стоялъ князь, и личнаго имѣнія этого послѣдняго. И то, и другое обозначалось однимъ словомъ: волость. На страницахъ лѣтописи это слово нерѣдко, совсѣмъ рядомъ, употребляется въ обоихъ значеніяхъ; то въ одномъ, то въ другомъ, и лѣтописецъ, очевидно, не находитъ тутъ повода къ какому-нибудь недоумѣнію. Сама государственная власть выражалась тѣмъ же терминомъ „волость“: описывая, какъ неудачнаго кіевскаго князя Игоря Олеговича схватили въ болотѣ, куда онъ попалъ во время бѣгства, и привели къ его счастливому сопернику, Изяславу Мстиславичу, лѣтописецъ заключаетъ: „и тако скончалась волость Игорева“. Совершенно естественно, что и имѣнія частныхъ лицъ и учрежденій тоже назывались „волостями“: были волости Пресвятой Богородицы, т.-е. Печерскаго монастыря, а въ XV вѣкѣ у Ивана III было длинное пререканіе съ новгородскимъ владыкою изъ-за „волостей“, принадлежавшихъ этому послѣднему, которыя великій князь хотѣлъ присвоить себѣ. Но еще любопытнѣе, что пригороды разсматривались, какъ частная собственность главнаго города области. Не одинъ разъ князья ходили на несчастный Тор-

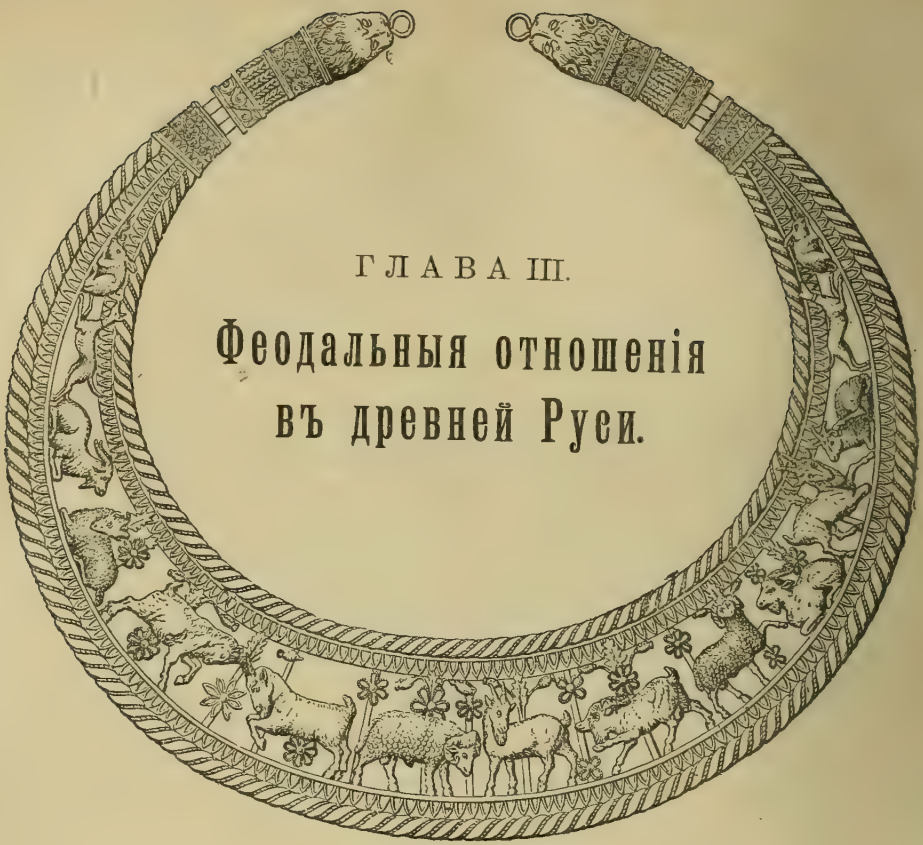
*) См. напечатанную еще въ 50-хъ гг. статью Чичерина: „Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей“.

жокъ и жгли его „за новгородскую неправду“, съ тѣмъ, очевидно, чтобы истребленіемъ новгородской собственности отомстить непослушному городу за его упрямство. Здѣсь права отца-господина перешли, такимъ образомъ, къ собирательному цѣлому, къ городской общинѣ, которая и явилась, такимъ путемъ, коллективнымъ патріархомъ.

Изъ этого смѣшенія частнаго и государственнаго права прежде всего вытекало то послѣдствіе, что князь былъ собственникомъ на частномъ правѣ всей территоріи своего княжества. Пока князья постоянно передвигались съ одного мѣста на другое, они мало обращали вниманіе на эту сторону своихъ правъ. Но когда они прочно усѣлись на мѣстахъ въ сѣверо-восточной Руси, это право нашло себѣ тотчасъ же вполнѣ реальное осуществленіе. Когда московскаго крестьянина XV—XVI вв. спрашивали, на чьей землѣ онъ живетъ, обыкновенно, получался отвѣтъ: „та земля государя великаго князя, а моего владѣнія“ или „земля Божья да государева, а роспаши и ржи наши“. Частное лицо могло быть лишь временнымъ владѣльцемъ земли—собственникомъ ея былъ князь. Онъ могъ уступать это право собственности другому лицу, особенно, лицу для него нужному, но это была уже привилегія, которую послѣдующіе князья могли и отнять. Такой привилегіей пользовались обыкновенно б о я р е, ближайшіе сотрудники князя, потому особенно ему нужные люди. Затѣмъ, тою же привилегіей частной земельной собственности пользовались и монастыри: первый, по времени, примѣръ пожалованья земли въ вотчину мы встрѣчаемъ именно въ разсказѣ о построеніи Кіево-Печерскаго монастыря (начальная лѣтопись подъ 1051 годомъ). Монастырь былъ основанъ на совсѣмъ пустомъ мѣстѣ: „бѣ бо лѣсъ тутъ великъ“. Тѣмъ не менѣе братія предусмотрительно запаслась разрѣшеніемъ князя Изяслава, безъ чего князь всегда могъ согнать монастырь съ занятой имъ земли.

Не только князь былъ собственникомъ всего н е д в и ж и м а г о имущества своихъ подданныхъ,—онъ распоряжался и ихъ д в и ж и м о с т ь ю по своему усмотрѣнію. При Василіи Ивановичѣ, отцѣ Грознаго, ѣздили въ посольство въ Испанію—къ императору Карлу V—кн. Иванъ Ярославскій и дьякъ Трофимовъ. „Кесарь“ щедро ихъ одарилъ серебряными и золотыми сосудами, блюдами, цѣпями, монетами и т. п. Все это очень понравилось великому князю, и онъ велѣлъ снести подарки, данные е г о п о с л а м ъ, в ъ с в о ю собственную великокняжескую кладовую. Герберштейнъ, разсказав-

шій этотъ случай, былъ очень изумленъ такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ чужой собственностью, но московское общество приняло дѣло совершенно хладнокровно. „Что же“, говорили Герберштейну его русскіе пріятели: „государь инымъ чѣмъ пожалуетъ“.



ГЛАВА III.

Феодальныя отношенія въ древней Руси.

Первобытный общественный строй, который мы разсматривали во II главѣ, уже для древней Россіи былъ прошлымъ. Отъ него сохранялись только переживанія, правда, довольно упрямыя и цѣпкія, по глухимъ угламъ продержавшіяся почти до нашихъ дней. Но то, что было настоящимъ для древней Руси, ея повседневная дѣйствительность, принадлежало къ позднѣйшей стадіи общественнаго развитія. Эту позднѣйшую стадію, возникшую непосредственно изъ тѣхъ отношеній, которыя мы условились называть „первобытными“, западно-европейскіе историки и соціологи давно окрестили именемъ „феодализма“. Націоналистическая исторіографія, усиливавшаяся доказать, что въ исторіи Россіи все было „своеобычно“, оригинально и непохоже на исторію другихъ народовъ, отрицала существованіе феодализма въ Россіи. Она успѣла не одному поколѣнію читающей публики внушить

Алтарная фреска „Богоматери Великой Панагіи“

въ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода Великаго.

«Цьрковь камяну во имя святого Спаса Преображенія Новѣгородѣ на горѣ, а прозвище въ Нередицахъ» заложилъ въ 1198 г. великій князь Ярославъ Владимировичъ, внукъ Мстислава, правнукъ Владимира Мономаха. Церковь эта сохранилась до нашихъ дней въ 3 верстахъ отъ Новгорода, недалеко отъ Городища на Волховцѣ; ея внѣшній видъ приведенъ на 126 стр. VI выпуска «Русскихъ Древностей» И. И. Толстого и Н. П. Кондакова (тамъ же, стр. 127—146 рядъ фресокъ съ внутреннихъ стѣнъ церкви). Иконопись церкви была исполнена въ 1199 г. и въ свое время скопирована акварелью художникомъ И. Мартыновымъ; акварельныя копіи И. Мартынова, по словамъ Н. П. Кондакова (стр. 130), «отличаются *замѣчательной* вѣрностью оригиналу». По своей древности и сохранности en masse спасо-нередицкія фрески представляютъ собой въ высокой степени драгоцѣнное собраніе древностей Новогородскаго края. Будучи болѣе чѣмъ на 150 лѣтъ моложе кіевской Софіи, Спасо-Нередицкая церковь строго воспроизводитъ всѣ основы византійскаго храмового живописнаго цикла и заложенной въ немъ богословской идеи, при этомъ въ связи съ новгородскимъ лѣтописнымъ преданіемъ 1045 г. представляется любопытнымъ сопоставить Спасителя—мозаику въ куполѣ новгородской Софіи 1108 г. съ росписью въ куполѣ С.-Нередицкой церкви. Вся роспись С.-Нередицкой церкви поражаетъ своей выдержанностью, мрачно-суровымъ оттѣнкомъ, искусственностью формъ. Помѣщенная въ нишѣ алтаря фигура Богоматери Великой Панагіи, стоящей во весь ростъ съ поднятыми руками и съ изображеніемъ Христа Эммануила на груди, производитъ болѣе слабое впечатлѣніе по сравненію съ «Нерушимой Стѣною» (см. соотвѣтствующій снимокъ), явственно изображая новый моментъ въ исторіи византійскаго иконописнаго стиля на русской почвѣ. Подчеркивая вторично «безпримѣрную вѣрность» акварельныхъ копій И. Мартынова, Н. П. Кондаковъ по поводу Богородицы однако замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ «рисунокъ художника И. Мартынова не передаетъ точно фрески, ибо оригиналъ вовсе не сообщаетъ лику Богоматери такой мрачности». Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что вся живопись Спасо-Нередицкой церкви производитъ вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, и это впечатлѣніе строгой суровости, мрачности и, быть можетъ, позволительно сказать сѣверной сосредоточенности. Кіевскую Софію расписывалъ *греческій* мастеръ, относительно росписи Спасо-Нередицкой церкви утверждать это съ абсолютностью нельзя. Новгородская I лѣтопись говоритъ только подъ 1199-мъ г., что «испьсаша цьрковъ святого Преображенія на Городищи», а также «цьрковь въ Русѣ святого Спаса владычню въ манастыри».

Литературу см. въ VI выпускѣ «Русскихъ Древностей» Н. П. Кондакова и И. И. Толстого. Спб. 1899.

В. Ст.

ΜΡ ΘΥ
ΜΡ ΘΥ
ΙΧ
ΧC

знаменитое, ставшее классическимъ, противоположеніе каменной, гористой, изрѣзанной горами и морями на множество клочковъ Европы, въ каждомъ уголкѣ которой сидѣлъ свой „феодальный хищникъ", упрямо и удачно сопротивлявшійся всѣмъ попыткамъ централизаціи, и деревянной, ровной, однообразной на всемъ своемъ протяженіи Россіи, не знавшей феодальныхъ замковъ, какъ не знаетъ она ни морей, ни горъ— и самой природой, казалось, предназначенной для образованія единаго государства. Это противоположеніе, исходившее отъ наблюденій не столько надъ соціальнымъ строемъ, сколько надъ пейзажемъ, какъ онъ рисуется намъ, когда мы глядимъ изъ окошка желѣзнодорожнаго вагона, несомнѣнно, страдало нѣкоторымъ перевѣсомъ наглядности надъ научностью. Стоило нѣсколько строже поставить вопросъ о томъ, что же такое „феодализмъ" и въ чемъ состоятъ его отличительные признаки, чтобы выразительная, на первый взглядъ, параллель каменнаго замка западно-европейскаго барона и деревянной усадьбы русскаго вотчинника утратила всю свою убѣдительность. Въ современной исторической наукѣ ни матеріалъ построекъ, ни наличность или отсутствіе въ ландшафтѣ горнаго хребта при опредѣленіи основныхъ признаковъ феодализма въ расчетъ вовсе не принимаются. Эта современная наука усваиваетъ феодализму, главнымъ образомъ, три основные признака. Это, во-первыхъ, господство крупнаго землевладѣнія, во-вторыхъ, связь съ землевладѣніемъ политической власти,—связь настолько прочная, что въ феодальномъ обществѣ нельзя себѣ представить землевладѣльца, который не былъ бы въ той или другой степени государемъ, и государя, который не былъ бы крупнымъ землевладѣльцемъ, и, наконецъ, въ-третьихъ, тѣ своеобразныя отношенія, которыя существовали между этими землевладѣльцами-государями: наличность извѣстной іерархіи землевладѣльцевъ, такъ что отъ самыхъ крупныхъ зависѣли болѣе мелкіе, отъ тѣхъ еще болѣе мелкіе и такъ далѣе, и вся система въ цѣломъ представляла собою нѣчто въ родѣ лѣстницы. Вопросъ о томъ, существовалъ ли феодализмъ въ Россіи, и сводится къ вопросу, имѣлись ли налицо въ древне-русскомъ обществѣ эти три основные признака. Если да, то можно сколько угодно толковать о своеобразіи русскаго историческаго процесса, но наличность феодализма въ Россіи признать придется.

Крупное землевладѣніе въ Россіи мы встрѣчаемъ уже въ очень раннюю эпоху. Болѣе полная редакція Русской Правды (представляемая списками, такъ называемыми, Карам-

зинскимъ, Троицкимъ, Синодальнымъ и другими) въ основномъ своемъ содержаніи никакъ не моложе XIII вѣка, а отдѣльныя ея статьи и гораздо старше. А въ ней мы уже находимъ крупную боярскую вотчину съ ея необходимыми аттрибутами: приказчикомъ, дворовой челядью и крестьянами, обязанными за долгъ работать на барской землѣ („закупами"). „Бояринъ" Русской Правды, прежде всего, крупный землевладѣлецъ. Косвенныя указанія Правды находятъ себѣ и прямое подтвержденіе въ отдѣльныхъ документахъ: въ концѣ XII столѣтія одинъ благочестивый новгородецъ жертвуетъ монастырю св. Спаса цѣлыхъ два села „съ челядью и со скотиною", съ живымъ инвентаремъ, какъ четвероногимъ такъ и двуногимъ. Для болѣе позднихъ вѣковъ указанія на существованіе большихъ имѣній становятся такъ многочисленны, что доказывать наличность этого явленія не приходится. Стоитъ отмѣтить, ради наглядности, лишь размѣры тогдашней крупной собственности да указать ея характерныя, сравнительно съ нашимъ временемъ, особенности. Въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV вѣка мы встрѣчаемъ владѣльцевъ 600, 900 и даже 1500 десятинъ одной пахотной земли, не считая угодьевъ—луга, лѣса и т. д. Если принять въ расчетъ, что лѣса тогда часто мѣрялись даже и не десятинами, а прямо верстами, и что пашня составляла лишь небольшую часть общей площади, то мы должны притти къ заключенію, что имѣнія въ десятки тысячъ десятинъ не были въ древнемъ Новгородѣ рѣдкостью. Въ половинѣ слѣдующаго XVI вѣка Троице-Сергіеву монастырю въ одномъ только мѣстѣ, въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ волости Черемхѣ, принадлежало 1111 четвертей ($555^1/_2$ десятинъ) пашни, что при трехпольной системѣ, тогда уже обще-распространенной въ средней Россіи, составляло болѣе 1600 десятинъ всего; къ этому были луга, дававшіе ежегодно до 900 копенъ сѣна, и „лѣсу поверстнаго, въ длину на 9 верстъ, а въ ширину на 6 верстъ". *) Это отнюдь не было главное изъ земельныхъ владѣній монастыря, напротивъ, это была лишь небольшая ихъ часть: въ сосѣднемъ Ростовскомъ уѣздѣ у той же Троице-Сергіевой Лавры, тоже въ одномъ только имѣніи, селѣ Новомъ, было до 5000 десятинъ одной пашни да 16 квадратныхъ верстъ лѣсу. Въ то же время въ Тверскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ помѣщика, значитъ, не наслѣдственнаго, а вновь возникшаго собственника, князя Семена Ива-

*) „Писцовыя книги", изд. Калачева, т. I, отд. 2-й, стр. 6.

новича Глинскаго, владѣвшаго, кромѣ того села, гдѣ была его усадьба, 65 деревнями и 61 починкомъ, въ которыхъ было въ общей сложности 273 крестьянскихъ двора, а при нихъ болѣе полуторы тысячи десятинъ пашни и луга, дававшіе до десяти тысячъ копенъ сѣна. Глинскій былъ важный баринъ, родственникъ самого великаго князя, но у его сосѣдей, носившихъ совершенно негромкія имена, одинъ—Ломакова, а другой—Спячева, было у перваго двадцать двѣ деревни, а у второго—26 деревень да 6 починковъ. А въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Поникаровѣ, мы найдемъ даже и не дворянина, а простого дьяка (дьяки были „чинъ худой“, по понятіямъ московской аристократіи), владѣвшаго 35 крестьянскими и бобыльскими дворами, которые пахали всѣ вмѣстѣ до 500 десятинъ земли.

Мы не даромъ перешли отъ количества десятинъ къ количеству дворовъ и деревень, принадлежавшихъ тому или другому барину: безъ этого сопоставленіе не было бы достаточно наглядным. Дѣло въ томъ, что мы очень ошиблись бы, если бы предположили, что всѣ эти сотни и тысячи десятинъ, принадлежавшихъ одному собственнику, пахались этимъ послѣднимъ на себя и составляли одно или нѣсколько крупныхъ хозяйствъ. Ничего подобнаго: каждая отдѣльная деревня, каждый отдѣльный крестьянскій дворъ („дворъ“ и „деревня“ тогда часто совпадали, однодворная деревня была даже типичной) пахали свой отдѣльный участокъ земли, а самъ вотчинникъ со своими холопами довольствовался одной „деревней“ или немногимъ больше. Самый богатый землевладѣлецъ, какого мы только находимъ въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ, имѣлъ собственное хозяйство только въ томъ селѣ, гдѣ стояла его усадьба и гдѣ всей обработанной земли было отъ 20 до 30 десятинъ. Въ томъ имѣніи, гдѣ Троицкому монастырю принадлежало до 5000 десятинъ, собственно монастырская пашня составляла менѣе 200 десятинъ, а монастыри вели еще, по тогдашнему, весьма интенсивное хозяйство и шли впереди всѣхъ другихъ земельныхъ собственниковъ. Тутъ мы подходимъ къ основному признаку феодальнаго крупнаго землевладѣнія: это было сочетаніе крупной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ. Доходъ тогдашняго богатаго барина состоялъ, главнымъ образомъ, не въ продуктахъ его собственной пашни, а въ томъ, что доставляли ему крестьяне, ведшіе, каждый на своемъ участкѣ, свое самостоятельное хозяйство. Писцовыя книги, въ особенности новгородскія, даютъ намъ чрезвы-

чайно выразительную картину этого собиранія по крохамъ тогдашняго крупнаго дохода. Одинъ землевладѣлецъ Деревской пятины получалъ съ одного изъ своихъ дворовъ: „изъ хлѣба четверть, четку ячменя, четку овса, ½ барана, 1 сыръ, 2 горсти льна, 10 яицъ.“ Другой, принадлежавшій къ уже болѣе прогрессивному типу, бралъ съ такого же крестьянскаго двора „4½ деньги, или хлѣба пятину, сыръ, баранью лопатку, ½ овчины, 3½ горсти льну“ *). Не только продукты сельскаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ получались такимъ способомъ владѣльцемъ земли, но и продукты, понашему, обрабатывающей промышленности: дворы кузнецовъ платили топорами, косами, сошниками, сковородами. Еще характернѣе, что такимъ же путемъ пріобрѣтались и личныя услуги: въ писцовыхъ книгахъ мы найдемъ не только цѣлыя слободы конюховъ и псарей,—княжескіе конюха и псари бывали даже, относительно, довольно крупными землевладѣльцами,—но и скомороховъ со скоморошицами. Оброкъ этихъ средневѣковыхъ артистовъ заключался, очевидно, въ тѣхъ увеселеніяхъ, которыя они доставляли своему барину. У в. кн. Симеона Бекбулатовича въ селѣ Городищи жилъ садовникъ, „да ему же дано въ сельскомъ полѣ пашни полдесятины для того, что садъ бережетъ и яблони присаживаетъ“. Наиболѣе бросавшимся въ глаза способомъ такого пріобрѣтенія личныхъ услугъ въ видѣ оброка съ земли, и у насъ, и на Западѣ, было требованіе за землю военной службы. Не замѣтить этого вида феодальнаго оброка было невозможно—и, замѣчая только его, какъ нѣчто специфическое, наша исторіографія построила на этомъ своемъ наблюденіи широкую и сложную картину такъ называемой „помѣстной системы“. Но помѣстная система представляетъ собою лишь особенно яркую деталь феодальной системы вообще, сущность которой состояла въ томъ, что землевладѣлецъ уступалъ другимъ свое право на землю за всякаго рода натуральныя повинности и приношенія.

Всего позднѣе въ составѣ этого феодальнаго оброка появляются деньги: по новгородскимъ писцовымъ книгамъ мы можемъ прослѣдить превращеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя воочію, при чемъ иниціатива этого превращенія принадлежала самому крупному землевладѣльцу, великому князю московскому. И одновременно съ деньгами, или лишь немного ранѣе ихъ, видное мѣсто въ ряду нату-

*) Сергѣевичъ. Древности Русскаго Права, III, стр. 112—113.

ральныхъ повинностей начинаетъ играть трудъ крестьянъ на барской пашнѣ, которая становится слишкомъ велика, чтобы съ нею можно было справиться руками однихъ холоповъ: появляется барщина. И то и другое отмѣчаетъ собою возникновеніе совершенно новаго явленія, незнакомаго раннему феодализму или игравшаго въ то время очень второстепенную роль: возникновеніе рынка, гдѣ все можно купить, обмѣнять на деньги и притомъ въ любомъ, неограниченномъ количествѣ. Только появленіе внутренняго хлѣбнаго рынка могло заставить вотчинника и помѣщика XVI вѣка серьезно приняться за самостоятельное хозяйство, какъ на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій появленіе международнаго хлѣбнаго рынка дало новый толчокъ въ томъ же направленіи его праправнуку. Только теперь сталъ цѣненъ каждый лишній пудъ хлѣба, потому что онъ обозначалъ собою лишнее серебро въ карманѣ, а за серебро стало возможно найти удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ, въ томъ числѣ и такимъ, которыхъ не удовлетворилъ бы никакой деревенскій оброкъ. Въ періодъ зарожденія феодализма покупка и продажа были не правиломъ, а исключеніемъ: продавали не изъ выгоды, а изъ нужды, продавали не продукты своего хозяйства, а свое имущество, которымъ до того сами пользовались; продажа часто была замаскированнымъ разореніемъ, а покупка, обыкновенно покупка предметовъ роскоши, потому что предметы первой необходимости были дома, подъ руками, и покупать ихъ не приходилось,—покупка была нерѣдко первымъ шагомъ на пути къ такому разоренію. Въ старое время тотъ хозяйственный строй, гдѣ стараются обойтись своимъ, ничего не покупая и не продавая, носилъ названіе натуральнаго хозяйства. За специфическій признакъ принималось, очевидно, отсутствіе или малая распространенность денегъ и полученіе всѣхъ благъ натурою. Но отсутствіе денегъ было лишь производнымъ признакомъ, суть дѣла сводилась къ отсутствію обмѣна, какъ постояннаго ежедневнаго явленія, безъ котораго нельзя и представить себѣ хозяйственной жизни, какъ это стало въ наши дни. Замкнутость отдѣльныхъ хозяйствъ была главнымъ, и, въ примѣненіи къ крупному землевладѣнію, эта эпоха получила у новѣйшихъ ученыхъ названіе эпохи замкнутаго вотчиннаго или помѣстнаго хозяйства („мэноріальнаго“, какъ его еще иногда называютъ, отъ названія англійской средневѣковой вотчины—manor).

Мы видимъ, что у этого хозяйственнаго типа есть одно

существенное сходство съ тѣмъ, которое мы разсматривали во II главѣ: съ „печищемъ“ или „дворищемъ“. И тамъ и тутъ данная хозяйственная группа стремится удовлетворить всѣ свои потребности своими средствами, не прибѣгая къ помощи извнѣ и не нуждаясь въ ней. Но есть и очень существенное различіе: тамъ плоды общаго труда шли тѣмъ, кто самъ же и трудится—производитель и потребитель сливались въ одномъ тѣсномъ кружкѣ людей. Здѣсь производитель и потребитель отдѣлены другъ отъ друга: производятъ отдѣльныя мелкія хозяйства, потребляетъ особая группа—вотчинникъ съ его дворней, чадами и домочадцами.

Какъ могли сложиться такія отношенія? Что заставляло эти сотни мелкихъ хозяевъ поступаться частью своего дохода въ пользу одного лица, никакого непосредственнаго участія въ производственномъ процессѣ не принимавшаго? Съ перваго взгляда средневѣковый крестьянскій оброкъ приводитъ на память одну категорію отношеній, хорошо намъ знакомыхъ. И теперь часто крупный собственникъ, не эксплуатируя всей своей земли самъ, часть ея сдаетъ въ аренду болѣе мелкимъ хозяевамъ. Не есть ли всѣ эти бараны, куры, холстъ или сковороды просто натуральная форма арендной платы, вознагражденіе за снятую землю? Если отрѣшиться на минуту отъ всякой исторической перспективы, представить себѣ, что люди во всѣ времена и во всѣхъ странахъ совершенно одинаковы — какъ это часто представляли себѣ писатели XVIII вѣка, а иногда дѣлаютъ и современные намъ юристы, — такое объясненіе покажется намъ наиболѣе простымъ и естественнымъ. Несомнѣнный фактъ передвиженія большихъ массъ русскаго населенія съ запада на востокъ,— а позднѣе и съ сѣвера на югъ, — спеціально для Россіи подкрѣплялъ это естественное, на первый взглядъ, представленіе другимъ: русскій крестьянинъ рисовался человѣкомъ бродячимъ, постоянно ищущимъ новаго мѣста для поселенія. И вотъ, бродячіе крестьяне, снимающіе на годъ, два или три землю въ той или иной вотчинѣ, потомъ идущіе дальше, уступая свое мѣсто новымъ пришельцамъ,—эта картина надолго запечатлѣлась въ памяти многихъ русскихъ историковъ. Не сразу пришло въ голову то простое соображеніе, что всѣ эти—несомнѣнныя сами по себѣ—передвиженія народныхъ массъ подобны тѣмъ вѣковымъ измѣненіямъ въ уровнѣ моря, которыя совершенно недоступны взгляду отдѣльнаго наблюдателя, ограниченнаго тѣсными предѣлами своей личной жизни, и которыя стано-

вятся замѣтны лишь тогда, когда мы сравнимъ наблюденія многихъ поколѣній. Что правнукъ русскаго крестьянина часто умиралъ очень далеко отъ того мѣста, гдѣ былъ похороненъ его прадѣдъ—это вѣрно, но очень поспѣшно было бы дѣлать отсюда выводъ, что и прадѣдъ и правнукъ при своей жизни были странствующими земледѣльцами, смотрѣвшими на свою избу, какъ на что-то въ родѣ гостиницы. Чтобы остаться вѣрнымъ такому представленію, нужно закрыть глаза на типичное для древней Руси явленіе, выступающее передъ нами чуть ли не во всякомъ документѣ, гдѣ рѣчь идетъ о землѣ и землевладѣніи. Ни одинъ споръ о землѣ не рѣшался въ то время безъ участія старожильцевъ, иные изъ которыхъ „помнили“ за тридцать, другіе за сорокъ, а иные даже за семьдесятъ и девяносто лѣтъ. Эти старожильцы обнаруживали нерѣдко удивительную топографическую память относительно данной мѣстности: наизусть умѣли показать всѣ кустики и болотца, всякую „сосну обозженую“ и „ольху виловатую“, отмѣчавшую собою межу того или другого имѣнія. Чтобы такъ его знать, въ немъ нужно было родиться и вырости,—бродячій арендаторъ, случайный гость въ вотчинѣ даже за десятокъ лѣтъ не изучилъ бы всѣхъ этихъ деталей: да и были ли бы онѣ для него интересны? „Старожилецъ“ былъ, нѣтъ сомнѣнія, такимъ же прочнымъ и осѣдлымъ жителемъ имѣнія, какъ и самъ вотчинникъ; и если онъ платилъ послѣднему оброкъ, то едва ли какъ съемщикъ земли, которую,—что бывало нерѣдко,—изстари пахали не только онъ самъ, но и его отецъ и даже дѣдъ. Но этого мало: „старина“, по древне-русскимъ юридическимъ представленіямъ, могла даже и бродячаго человѣка превратить въ осѣдлаго. Вновь пришедшій крестьянинъ въ имѣніи могъ „застарѣть“—и тогда онъ терялъ уже право искать себѣ новаго вотчинника. Какую роль сыграла эта „старина“ въ позднѣйшемъ закрѣпощеніи крестьянъ, это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ; пока для насъ важно отмѣтить, что и юридически древняя Русь исходила изъ представленій о крестьянинѣ, какъ болѣе или менѣе прочномъ и постоянномъ обитателѣ своей деревни. Кто хотѣлъ бродить, тотъ долженъ былъ спѣшить сниматься съ мѣста, иначе онъ сливался съ массою окрестныхъ жителей, которыхъ законъ разсматривалъ, очевидно, какъ осѣдлое, а не какъ кочевое населеніе. Словомъ, представленіе о древне-русскомъ земледѣльцѣ, какъ о перехожемъ арендаторѣ барской земли, и объ оброкѣ, какъ особой формѣ арендной платы, приходится сильно ограничить, и не только потому, что

странно было бы найти современную юридическую категорію въ кругу отношеній, такъ мало похожихъ на наши, но и потому, что оно прямо противоположно фактамъ. Дѣлиться съ бариномъ продуктами своего хозяйства крестьянинъ, очевидно, долженъ былъ не какъ съемщикъ барской земли, а по какимъ-то другимъ основаніямъ.

Для феодализма, какъ всемірнаго явленія, это основаніе западно-европейской исторической литературой указано давно. Въ ней давнымъ-давно говорится о процессѣ феодализаціи поземельной собственности. Здѣсь картина рисуется приблизительно такая. Въ самомъ началѣ осѣдлаго земледѣлія земля находится въ рукахъ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ. Большинство изслѣдователей принимаетъ, что земледѣльческое населеніе хозяйничало тогда не индивидуально, а группами и земля принадлежала этимъ же группамъ: что исходной формой поземельной собственности была собственность не личная, а общинная. Мало-по-малу, однакоже, общинная собственность разлагалась, уступая мѣсто индивидуальной; параллельно съ этимъ шла дифференціація и среди самого населенія общины. Болѣе сильныя семьи захватывали себѣ все больше и больше земли, болѣе слабыя теряли и ту, что была въ ихъ рукахъ первоначально, попадая въ экономическую, а затѣмъ и политическую зависимость отъ сильныхъ сосѣдей. Такъ возникла крупная феодальная собственность съ знакомыми намъ отличительными признаками. Для нѣкоторыхъ странъ—Англіи, напримѣръ,—свободная община, какъ первичное явленіе, феодальное имѣніе, какъ вторичное, позднѣйшее, считаются въ настоящее время доказанными. О Россіи этого никакъ нельзя сказать. Споръ о томъ, существовала ли у насъ искони поземельная община, нынѣ распадающаяся, начался не со вчерашняго дня: въ своей классической формѣ онъ имѣется уже передъ нами въ статьяхъ Чичерина и Бѣляева, относящихся еще къ 50-мъ годамъ XIX вѣка. Но данныя для рѣшенія этого спора до послѣдняго времени остаются чрезвычайно скудными. Однимъ изъ наиболѣе типическихъ признаковъ общины являются, какъ извѣстно, переділы: такъ какъ въ общинѣ ни одна пядь земли не принадлежитъ въ собственность отдѣльному лицу, то время отъ времени, по мѣрѣ перемѣнъ въ составѣ населенія, общинная земля передѣляется заново, примѣнительно къ числу наличныхъ хозяевъ. Но до XVI вѣка въ Россіи можно указать только одинъ случай земельнаго передѣла, да и тотъ былъ совершенъ по иниціативѣ не крестьянъ, а мѣстнаго вотчин-

ника, его приказчикомъ. Другими словами, здѣсь феодальныя отношенія уже существовали. Что было до нихъ? Наиболѣе правдоподобнымъ отвѣтомъ будетъ тотъ, что у насъ феодализмъ развился непосредственно на почвѣ того коллективнаго землевладѣнія, которое мы опредѣлили, какъ „первобытное"—землевладѣнія „печищнаго" или „дворищнаго". Мы помнимъ, что эта своеобразная „коммуна" отнюдь не была тою ассоціаціей свободныхъ и равныхъ земледѣльцевъ, какою рисуется нѣкоторыми изслѣдователями, напримѣръ, община древнихъ германцевъ. Въ „печищѣ" не было индивидуальной собственности, потому что не было индивидуальнаго хозяйства; но когда послѣднее появилось, о равенствѣ не было и помину. Если два брата, ранѣе составлявшіе „одну семью", дѣлились, то печище распадалось на двѣ равныя половины. Но у перваго могло быть три сына, а у второго одинъ: въ слѣдующемъ поколѣніи трое изъ внуковъ одного дѣда владѣли каждый $^1/_6$ деревни (мы помнимъ, что „деревня" и „дворъ", хозяйство, часто, а въ древнѣйшую эпоху, вѣроятно, и всегда, совпадали), а четвертый внукъ—цѣлой половиной. Такіе рѣзкіе примѣры, правда, встрѣчаются рѣдко: при обиліи лѣса каждый, кому было тѣсно въ родномъ печищѣ, могъ поставить новый „починокъ", который быстро превращался въ самостоятельную деревню. Но такіе случаи, что въ рукахъ одного изъ содеревенцевъ находится $^1/_3$ деревни, а въ рукахъ другого остальныя $^2/_3$, въ писцовыхъ книгахъ очень обыкновенны. Представленію о равномъ правѣ каждаго на одинаковый съ другимъ земельный участокъ здѣсь неоткуда было взяться, да, повторяемъ, и экономической нужды въ этомъ равенствѣ пока еще не было.

Пародируя извѣстное выраженіе, что русскій народъ занималъ восточно-европейскую равнину, „не разселяясь, а переселяясь", можно сказать, что развитіе древне-русской деревни шло путемъ не „раздѣловъ", а „выдѣловъ". Для того, чтобы возникла и у насъ община съ ея передѣлами, мало было тѣхъ финансовыхъ и вообще политическихъ условій, о которыхъ намъ еще придется говорить ниже: нужна была еще земельная тѣснота, а о ней и помину не было въ домосковской и даже ранней московской Руси. Давно было указано, что наилучшую аналогію по части земельнаго простора для древней Россіи даютъ наименѣе заселенныя мѣстности современной Сибири. Какъ тамъ, такъ и тутъ, чтобы вступить въ полное обладаніе земельнымъ участкомъ среди нерасчищеннаго, дѣвственнаго лѣса, достаточно было „очер-

тить“ этотъ участокъ, поставивъ мѣтки на окружающихъ его деревьяхъ. Такой чертежъ мы встрѣчаемъ одинаково и въ „Русской Правдѣ“ съ ея „межнымъ дубомъ“, за срубку котораго полагался крупный штрафъ, и въ документахъ XVI вѣка, которымъ знакомо даже и это слово „чертежъ“. Въ одномъ судномъ дѣлѣ 1529 года судьи спрашиваютъ мѣстныхъ „старожильцевъ“: „Скажите по великаго князя крестному цѣлованію, чья та земля и лѣсъ, на которой стоимъ и хто тотъ чертежъ чертилъ, и лѣсъ подсушивалъ и овинъ поставилъ, и пашню пахалъ, и сколь давно?“ И границами имѣнія, какъ во времена Правды и какъ въ теперешней или недавней Сибири, были мѣченыя деревья. Еще въ 1552 году монастырскій старожилецъ въ одномъ земельномъ спорѣ, доказывая правоту своего монастыря, шелъ съ образомъ „съ дороги налѣво къ дубу кривому, а на немъ грань, да къ соснѣ, а на соснѣ грань, отъ сосны къ дубу виловатому, на немъ грань, а отъ дуба виловатаго черезъ поженку болотомъ къ дубу, а на дубѣ грань....“ *).

Если слѣдовъ поземельной общины въ старыхъ — до XVI в. включительно — нашихъ документахъ очень мало, то слѣдовъ печищнаго землевладѣнія на вотчинныхъ земляхъ этой эпохи сколько угодно. Прежде всего, юридическая форма коллективной семейной собственности оказалась, какъ этого и слѣдовало ожидать, гораздо устойчивѣе ея экономическаго содержанія. Вотчинная, наслѣдственная земля въ писцовыхъ книгахъ очень рѣдко является, какъ имущество одного лица, гораздо чаще въ качествѣ субъекта владѣнія передъ нами выступаетъ группа лицъ, по большей части, близкихъ родственниковъ, но иногда и дальнихъ. Въ сельцѣ Елдезинѣ, въ волости Захожьѣ, въ Тверскомъ уѣздѣ, въ началѣ XVI вѣка сидѣли Михаилъ да Гридя Андреевы, дѣти Елдезины, да Гридя Гавриловъ, сынъ Елдезинъ: два родныхъ брата да одинъ двоюродный. Послѣ ихъ смерти ихъ наслѣдники подѣлились между собою, но опять не на индивидуальные, личные участки. На одной четверти сельца Елдезина оказались вдова Григорья (иначе Гриди) Андреевича Елдезина, Матрена, съ двумя сыновьями, половина сельца досталась троимъ сыновьямъ Михаила Андреевича и лишь послѣдняя четверть Елдезинской вотчины нашла себѣ, очевидно, совершенно случайно, единичнаго владѣльца въ лицѣ Грибанка Михайловича. Въ томъ же уѣздѣ, въ другой волости была

*) См. акты, изд. Лихачевымъ. Спб. 1895, вып. I—II, стр. 167 и 235.

деревня Ключниково, собственникомъ которой была группа въ четыре человѣка, состоявшая изъ Сенки да Михаля Андреевыхъ, дѣтей Яркова—родныхъ братьевъ—да ихъ племянниковъ, Юрки да Матюши Ѳедоровыхъ, дѣтей Яркова. Мы беремъ два примѣра изъ безчисленнаго количества встрѣчающихся на страницахъ московскихъ писцовыхъ книгъ. До чего непривычна была Московской Руси XVI вѣка идея личной земельной собственности, показываетъ намъ любопытный фактъ, что, когда великій князь сталъ раздавать земли въ помѣстья за службу, то, хотя сама служба была, конечно, личной, ему не пришло въ голову раздавать землю тоже отдѣльнымъ лицамъ. Понятіе о личномъ служебномъ участкѣ, служилой „выти“, сложилось лишь весьма постепенно. И помѣстьями первоначально владѣютъ, обыкновенно, отецъ съ сыновьями, дядя съ племянниками, нѣсколько братьевъ вмѣстѣ. А иногда бываетъ и такъ, что на служиломъ участкѣ сидитъ мать съ сыномъ, и хотя сыну три года, и служить онъ, очевидно, не можетъ, но землю оставляютъ за нимъ, „покамѣстъ въ службу поспѣетъ“: нельзя лишать земли цѣлую семью изъ-за того, что въ данный моментъ въ ней некому отбывать воинскую повинность.

Но, если юридическая форма держалась прежняя, фактически „печище“ давно уже стало дробиться, какъ это мы видѣли уже нѣсколько разъ; слѣды этого дробленія являются не менѣе характернымъ показателемъ того способа, какимъ возникала крупная вотчинная собственность древней Руси, нежели остатки коллективнаго владѣнія. Мы видѣли, какъ въ рукахъ членовъ одной семьи черезъ нѣсколько поколѣній оказывались дроби прежней „деревни“; но и колоссальныя „княженецкія“ вотчины слагались иной разъ изъ такихъ же дробныхъ, мелкихъ „жеребьевъ“. Въ томъ же Тверскомъ у., по писцовой книгѣ 1539—40 гг., треть деревни Быково принадлежала кн. Борису Щепину, а двѣ трети оставались въ рукахъ прежнихъ вотчинниковъ Давыдовыхъ. За Митею Рыскуновымъ была половина деревни Коробьино, а другая половина за кн. Дмитріемъ Пунковымъ. Половина деревни Поповой была въ рукахъ Ѳедора Ржевскаго, а другая половина—„вотчина княгини Ульяны Пунковой“. Иногда, благодаря дробленію, на одной и той же землѣ—и часто небольшой — соединялись вотчинники чрезвычайно разнообразнаго общественнаго положенія. У семьи Щеглятевыхъ, все въ томъ же Тверскомъ уѣздѣ, было двѣ деревни да починокъ—всего около 60 десятинъ пашни. Одинъ изъ этихъ Щегля-

тевыхъ служилъ княгинѣ Аннѣ, женѣ князя Василія Андреевича Микулинскаго. А поколѣніе спустя, мы встрѣчаемъ на одной изъ Щеглятевскихъ деревень цѣлыхъ трехъ владѣльцевъ: ту же княгиню Анну, „сюзерена“ одного изъ Щеглятевыхъ, какъ мы видѣли, другого Щеглятева, который въ это время былъ священникомъ, да нѣкую Ульяну Ильиничну Ферезнину, вымѣнявшую у кого-то изъ вотчинниковъ одинъ изъ жеребьевъ этой деревни въ обмѣнъ на другую землю. Какъ видимъ, очень ошибочно было бы представлять себѣ вотчинниковъ временъ Ивана Васильевича Грознаго или его отца исключительно важными господами, лордами или баронами своего рода. Собственникомъ земли могъ быть и попъ, могъ быть и дьякъ, могъ быть и холопъ, вчерашній или даже сегодняшній. Князь Иванъ Михайловичъ Глинскій, умирая въ 80-хъ годахъ XVI вѣка, просилъ своего душеприказчика, Бориса Ѳеодоровича Годунова, „пожаловать его“ — дать его „человѣку“ Берсегану Акчюрину одну изъ вотчинныхъ деревень Глинскаго въ Переяславльскомъ уѣздѣ. Наслѣдникъ, очевидно, вступилъ во всѣ права наслѣдодателя— и деревня, въ силу этого завѣщанія, должна была стать вотчиною Акчюрина, по той же духовной грамотѣ получавшаго и свободу. Здѣсь отпущенный на волю холопъ превратился въ вотчинника, а въ писцовыхъ книгахъ первой половины вѣка мы находимъ вотчинника, отказавшагося отъ своей свободы и превратившагося въ холопа. Нѣкій Некрасъ Назаровъ сынъ Соколовъ, сидѣвшій на половинѣ сельца Ромашкова, въ Тверскомъ уѣздѣ, заявилъ писцамъ, что онъ служитъ князю Семену Ивановичу Микулинскому, „а сказалъ на себя полную грамоту да кабалу въ 8 рубляхъ“. Вотчинникъ, подобно крестьянамъ той поры, расквитался съ долгомъ, отдавъ въ уплату самого себя.

Это не только не былъ, разумѣется, очень знатный человѣкъ, но это не былъ, конечно, и сколько-нибудь крупный землевладѣлецъ, иначе его не постигла бы такая судьба. Мы видѣли, что крупная собственность уже господствовала въ XVI вѣкѣ, — но это отнюдь не значило, что всякая вотчина этого времени была непремѣнно крупнымъ имѣніемъ. Ко времени составленія писцовыхъ книгъ мелкая собственность далеко еще не была поглощена окончательно, и въ этихъ книгахъ мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ вотчинниковъ, полныхъ, самостоятельныхъ, наслѣдственныхъ собственниковъ своей земли, владѣющихъ чисто крестьянскимъ по размѣру участкомъ—10 или 12 десятинами пашни въ трехъ поляхъ. Такой

„лэндлордъ“ могъ и въ пролетарія превратиться совершенно такъ же, какъ любой крестьянинъ. Все въ томъ же Тверскомъ уѣздѣ писцы нашли деревню Прудище, принадлежавшую нѣкоему Васюку Ѳомину, на которую имъ „письма не дали“ по весьма уважительной причинѣ: описывать было нечего. Тамъ не только не велось хозяйство, но даже никакого строенія не было, а вотчинникъ Васюкъ Ѳоминъ ходилъ по дворамъ и питался христовымъ именемъ.

Крупная собственность у насъ, какъ и вездѣ въ Европѣ, выростала на развалинахъ мелкой. Какими путями шелъ этотъ процессъ? Какъ экспропріировались мелкіе собственники въ пользу разныхъ князей Микулинскихъ, Пунковыхъ и иныхъ земельныхъ магнатовъ — Троицкаго, Кириллово-Бѣлозерскаго и иныхъ монастырей? Въ XVI вѣкѣ мы застаемъ уже только послѣднія звенья длинной цѣпи, — естественно, что они прежде всего бросаются намъ въ глаза, закрывая болѣе старыя и, можетъ быть, гораздо болѣе распространенныя формы экспропріаціи. Одной изъ наиболѣе замѣтныхъ формъ этого позднѣйшаго періода является пожалованіе населенной земли въ вотчину государемъ. Мы видѣли (въ гл. II), что „пожалованіе“, какъ юридическая обрядность, было необходимымъ условіемъ возникновенія всякой земельной собственности въ древнѣйшее время, но сейчасъ мы имѣемъ въ виду, конечно, не эту юридическую обрядность, а такой актъ, которымъ надъ массою мелкихъ самостоятельныхъ хозяйствъ фактически воздвигался одинъ крупный собственникъ, который могъ любую часть дохода этихъ хозяйствъ экспропріировать въ свою пользу. Какъ просто это дѣлалось, покажетъ одинъ примѣръ. Въ 1551 году царь Иванъ Васильевичъ, тогда еще весьма послушный боярамъ и дружившему съ нимъ крупному духовенству, пожаловалъ игуменью Покровскаго (во Владимірскомъ уѣздѣ) монастыря двадцать одною черною деревнею. Черносошные крестьяне еще въ XVII вѣкѣ распоряжались своими землями, какъ полной собственностью, никому за нихъ ничего, кромѣ государственныхъ податей, не платя. А теперь коротенькая царская грамота обязывала все населеніе этихъ 21 деревни „игуменью и ея прикащиковъ слушать во всемъ и пашню на нихъ пахать, гдѣ себѣ учинятъ, и оброкъ имъ платить, чѣмъ васъ изоброчатъ“. Однимъ почеркомъ пера двадцать одна свободная деревня превратилась въ феодальную собственность игуменьи Василисы съ ея сестрами*).

*) „Акты, относ. къ тягл. населенію“, изд. Дьяконовымъ, II—№ 15.

Эта вполнѣ „государственная“, архилегальная, если такъ можно выразиться, форма возникновенія крупной собственности настолько ясна, проста и такъ хорошо всѣмъ знакома, что нѣтъ надобности на ней настаивать. Любовь нашихъ историковъ предшествующихъ поколѣній ко всему „государственному“—не даромъ они были, по большей части, учениками Гегеля, прямо или косвенно,—заставляетъ, наоборотъ, подчеркивать, что насильственный захватъ чужой земли далеко не всегда облекался въ такую, юридически безукоризненно корректную, оболочку. Долго было дожидаться, пока государь пожалуетъ землю,—сильный и вліятельный человѣкъ могъ гораздо скорѣе прибрать ее къ рукамъ, не стѣсняясь этой юридической формальностью. Черезъ писцовыя книги XVI вѣка длинною вереницею тянется рядъ такихъ, напримѣръ, отмѣтокъ: жили два брата Дмитріевы, великокняжескіе конюхи—маленькіе землевладѣльцы, имѣвшіе всего одну деревню. „Къ той же деревнѣ пожня... и ту пожню отнялъ сильно Григорій Васильевичъ Морозовъ, а нынѣ та пожня за княземъ Семеномъ Ивановичемъ Микулинскимъ“. Да къ той же деревнѣ была пустошь: „и ту пустошь отнялъ князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій...“ Или: „дер. Сокевицыно... пуста: а запустѣла отъ князя Михаила Петровича Репнина“*). Одна правая грамота сороковыхъ годовъ XVI вѣка даетъ очень живую иллюстрацію къ этимъ сухимъ отмѣткамъ московской казенной статистики. Жалуется на свою обиду Спасскій Ярославскій монастырь—самъ крупный землевладѣлецъ, конечно, но болѣе мелкій и слабый, нежели посланный ему судьбою сосѣдъ. Человѣкъ этого сосѣда, князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, Иванъ Толочановъ, пріѣхавъ на монастырскія деревни, „крестьянъ монастырскихъ изъ деревень выметалъ“, и въ одной деревнѣ поселился самъ, а другія обложилъ въ свою пользу оброкомъ. Но, „выметавъ“ самихъ крестьянъ, новый владѣлецъ отнюдь не пожелалъ разстаться съ ихъ имуществомъ: его онъ оставилъ себѣ, выгнавъ вонъ хозяевъ чуть не голыми. Перечень ограбленнаго, которые даютъ, одинъ за другимъ, отдѣльные „выметанные“ крестьяне въ той же челобитной, любопытенъ, прежде всего, какъ конкретный показатель того уровня благосостоянія, на какомъ стоялъ средній крестьянскій дворъ половины XVI вѣка. Одинъ, напримѣръ, изъ этихъ крестьянъ Иванко, показываетъ, что у него „тотъ Иванъ Толочановъ

*) Писцовыя книги XVI в., изд. Калачева, I. отд. 2-е, стр. 163, 231, 243, 245, 284 и др.

взялъ мерина, да двѣ коровы, да пять овецъ, да семеро свиней, да пятнадцать куръ, да платьишка, господине, моего и женина, взялъ шубу, да сермягу, да кафтанъ крашенный, да лѣтникъ самодѣлку, да опашень новогонскій черленъ, да пять рубашекъ мужскихъ, да пятнадцать рубашекъ женскихъ, да пятеро порты нижнихъ, да полтретьядцать (25) убрусовъ шитыхъ и браныхъ и простыхъ, да двадцать полотенъ, да семь холстовъ, да девять гребенинъ, да три топора, да двѣ сохи съ полицами, да три косы, да восемь серповъ, да двѣнадцать блюдъ, да десять ставцовъ, да двѣнадцать ложекъ, да двѣ сковороды блинныхъ, да шесть паневъ, да три серги, одни одинцы, а двѣ на серебрѣ съ жемчугомъ, да сапоги мужскіе, да четверо сапогъ женскихъ и робячьихъ, да двадцать алтынъ денегъ...“ *) Какъ видимъ, у русскаго крестьянина временъ Грознаго еще было что взять, и нужно было не одно поколѣніе Ивановъ Толочановыхъ, чтобы довести этого крестьянина до теперешняго его состоянія.

Но насильственный захватъ, въ легальной или нелегальной его формѣ, едва ли былъ главнымъ способомъ образованія крупнаго землевладѣнія въ древней Руси. Въ исторіи, какъ и въ геологіи, медленные молекулярные процессы даютъ болѣе крупные, и главное, болѣе прочные результаты, чѣмъ отдѣльныя катастрофы. У насъ нѣтъ—или очень мало—матеріала для детальнаго изученія молекулярнаго процесса, разлагавшаго мелкую собственность въ древнѣйшій періодъ. Но мы уже сказали, что у, такъ называемыхъ, „черносошныхъ“, (позднѣе „государственныхъ“) крестьянъ, уцѣлѣвшихъ преимущественно на сѣверѣ Россіи, вотчинная собственность сохранилась даже въ XVII вѣкѣ. Эволюцію мелкаго вотчиннаго землевладѣнія здѣсь мы можемъ наблюдать довольно близко—и, какъ увидимъ, есть всѣ основанія думать, что происходившее здѣсь во времена Алексѣя Михайловича мало чѣмъ отличалось отъ того, что происходило въ остальной Россіи при Иванѣ III и Иванѣ IV, или даже гораздо ранѣе. Здѣсь, на сѣверѣ Россіи, мы видимъ воочію, какъ подъ давленіемъ чисто экономическихъ причинъ, безъ вмѣшательства государственной власти или открытой силы, въ рукахъ однихъ сосредоточивается все больше и больше земли, въ то время какъ владѣнія менѣе счастливыхъ вотчинниковъ таютъ, какъ снѣжная глыба подъ весеннимъ солнцемъ. Сравнивая положеніе сѣверно-русскаго крестьянства по переписямъ 1623

*) Лихачевскіе акты, ibid., стр. 196.

и 1686 годовъ, его изслѣдователь приходитъ къ такому выводу: „Разница между худыми средними и лучшими крестьянами сдѣлалась болѣе ощутительной: отношенія между minimum'омъ и maximum'омъ (по тремъ волостямъ: Кевролѣ, Чаколѣ и Марьиной горѣ) измѣнились съ 1:48 (безъ наѣзжихъ пашень) на 1:256",—прежде минимальный крестьянскій участокъ былъ $^1/_6$ четверти, теперь $^1/_{16}$. Четверть—полдесятины, „четверть въ полѣ" равняется полутора десятинамъ пашни всего, при трехпольной системѣ. Значитъ, наименьшій крестьянскій участокъ 1623-го года составлялъ $^1/_4$ нашей десятины, а 1686 года менѣе $^1/_8$. А наибольшій участокъ въ первомъ случаѣ равняется 8 четвертямъ, а во второмъ 16, при чемъ дворы съ наибольшимъ участкомъ составляли въ 1623 году менѣе 1% общаго числа, а въ 1686 болѣе 6%. „Прежде между самымъ обычнымъ крестьянскимъ жеребьемъ и наиболѣе значительнымъ разница не превышала 2—$2^1/_2$:8—10, теперь 2—$2^1/_2$:16—20, т. е. прожиточный человѣкъ успѣлъ сильно обогнать средняго крестьянина". И параллельно съ этимъ таяніемъ мелкой собственности такъ же наглядно растетъ зависимость мелкаго вотчинника отъ его болѣе богатыхъ сосѣдей. „Тогда какъ въ 1623 году у рядовыхъ крестьянъ совсѣмъ не было половниковъ ни въ Кевролѣ, ни въ Чаколѣ, въ 1686 году у 6 крестьянъ 11 половниковъ: у одного 4, у одного 3, у остальныхъ по 1". Безземельные крестьяне уже попадаются въ 20-хъ годахъ XVII вѣка: въ Чакольской волости, въ деревнѣ Бурцовской, Ѳедоръ Моисеевъ бродилъ межъ дворовъ, а пашни его жеребей за Н. Алексѣевымъ, или въ дер. Ѳоминской А. Михайловъ обнищалъ, его дворъ и пашня $^1/_2$ чети дер. Сидоровской за крестьянами Ив. Кирилловымъ да Л. Оксеновымъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ покупатели—наиболѣе прожиточные жильцы: Н. Алексѣевъ имѣетъ $5^1/_2$ четвертей, тогда какъ у остальныхъ отъ $1^1/_2$ до 3 ч., у Кириллова $6^1/_6$ ч., у его сосѣда только 2. Это не только покупатели, но и кредиторы маломочныхъ людей: „Дворъ Патрикѣйка Павлова въ закладѣ у Д. Никифорова и пашни $^1/_4$ чети". Обнищавшіе крестьяне нерѣдко совсѣмъ уходятъ изъ деревни: „ихъ обрали должники и они отъ послѣднихъ долговъ сбрели", какъ замѣчаетъ Сольвычегодскій писецъ. Нерѣдко они обращались въ половниковъ, иногда нанимаясь къ своимъ кредиторамъ на свой прежній участокъ; въ деревнѣ Сватковской Кеврольскаго стана въ 1678 г. братъ ушедшаго крестьянина владѣлъ его дворомъ и пашней, а въ 1686 г. онъ же, вмѣстѣ съ племянникомъ, сыномъ прежняго вотчинника, жи-

Богоматерь Кіевскаго Владимирскаго собора.

Оригиналъ изображенія Богоматери В. М. Васнецова находится въ Кіевскомъ Владимирскомъ соборѣ, открытомъ въ августѣ 1896 года и начатомъ постройкой въ 1859 году, и занимаетъ верхнюю часть запрестольной стѣны. Изображеніе—огромное, въ пять саженей высоты и невольно напрашивающееся на параллель съ Нерушимою Стѣной, находящейся въ томъ же Кіевѣ. Византійской работы Богоматерь Нерушимой Стѣны XI вѣка и Васнецовская Богоматерь конца XIX вѣка—нѣчто весьма драгоцѣнное для того историческаго сопоставленія, которое одинаково чуждо и *официальной* церковной фразеологіи, и *ученому* словоизверженію нео-метафизики. Говорятъ, что исторія, ставшая наукой, зародилась въ нѣдрахъ поэзіи, а *искусство*, ставшее воплощеніемъ бытовой дѣйствительности, вышло изъ формализма религіознаго культа. Мозаика Богоматери XI вѣка не является ни продуктомъ русско-славянскаго творчества, ни отголоскомъ русско-славянскаго религіознаго культа. Глядя на это изображеніе, старый человѣкъ впервые долженъ былъ наглядно учиться чуждымъ для него византійскимъ религіи, культу и искусству и по-своему перерабатывать въ своемъ варварскомъ сознаніи утонченныя формы византинизма. Эта мозаика поражала тогда человѣка своими величіемъ и силой и не говорила ему ничего, кромѣ одного слова: *молись!* Философія эта очень проста, легко усвояема для варвара и скоро усиліями власти и духовенства превратилась въ опредѣленный шаблонъ для верхнихъ слоевъ русскаго общества, шаблонъ, который сталъ, въ свою очередь, образцомъ для народныхъ массъ, разновременно и въ разныхъ мѣстахъ, перерабатывавшихъ его неодинаково. Шаблонъ врѣзывался въ бытовыя черты района и по-своему примѣнялся къ особенностямъ послѣдняго, покуда государство не выросло настолько, что объявило его незыблемымъ, святымъ и національнымъ, прикончивъ навсегда его развитіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его исторію. Мозаика XI вѣка—величественная строгая женщина, безконечно, слезно, упорно молящаяся передъ престоломъ Всевышняго за міръ и за людей; какъ таковая, она отошла отъ народнаго созерцанія, смѣнилась просто иконой, застывшей въ установленныхъ формахъ и превратившейся въ обычную принадлежность домашняго обихода и культа... Но жизнь и народность не заснули и не остановились; въ XIX вѣкѣ раньше всего въ верхнихъ общественныхъ слояхъ заговорили о національномъ. Одна изъ сторонъ создала себѣ душеспасительную трехчленную формулу *православіе, самодержавіе и народность;* другая, опираясь на основы нѣмецкаго гегельянства, представила себѣ свѣжій и мощный русскій народъ съ его вѣковою общинностью въ противоположность гнилому Западу и формальному государству, исконному врагу общиннаго начала. Разложившись, славянофильство отрыгнуло изъ себя новѣйшія варіаціи націонализма, неприкрыто и дерзновенно шеголявшія въ 80-ыхъ годахъ прошлаго вѣка, а въ началѣ XX вѣка, по воспослѣдованіи естественной смерти, сложившія свои буйныя головы въ нѣдрахъ союза русскаго народа. Обращенное на почву мотивовъ древняго русскаго прошлаго художественное творчество В. Васнецова прекрасно отражало въ искусствѣ настроенія націонализма въ русскомъ обществѣ; неискусная критика націоналистовъ подлила масла въ огонь и сдѣлала изъ художника національнаго полубога, а изъ его Богоматери—*первую русскую Богоматерь*, что даже звучитъ нѣсколько странно. Тѣмъ не менѣе Васнецовская Богоматерь высоко характерна для извѣстнаго момента русской общественности и, несомнѣнно, представляетъ крупное явленіе въ области русской церковной живописи, именно *церковной* живописи. Вѣдь живопись церковная и живопись религіозная далеко не одно и тоже, да и самый вопросъ

о возможности въ наши дни того, что можно назвать религіозною живописью, болѣе чѣмъ споренъ. Васнецовскую Богородицу оцѣнилъ французъ баронъ де Бай, не мало изучавшій русскія древности, а широко пропагандировалъ ее писатель В. Л. Дѣдловъ въ интересной, но до крайности пошло написанной книжкѣ, вышедшей въ московской серіи «Вопросы науки, искусства, литературы и жизни» № 25 подъ заголовкомъ «Кіевскій Владимирскій соборъ и его художественные творцы» (М. 1901). *Первая русская Богородица*, какъ изволитъ выражаться въ своей книжкѣ (стр. 53) В. Дѣдловъ, по нашему мнѣнію, столько же русская, сколько византійская, но она, конечно, русская, ибо ее писалъ русскій человѣкъ, знатокъ и любитель русской художественной старины, и для русскаго собора, въ роспись котораго вмѣшивалась русская церковная бюрократія; художникъ, объ искренности котораго не всѣ одного мнѣнія, долженъ былъ частью прислушиваться къ велѣніямъ этой послѣдней, ибо она только себя и считала знающей и хранящей русскую церковную національность. Ни на минуту нельзя сомнѣваться въ томъ, что Васнецовская Богородица—плодъ внимательнаго и сочнаго изученія византійскихъ образцовъ. В. Васнецовъ—не маляръ и не богомазъ, а крупный художникъ, дарованіе котораго ярко сказывается даже въ сухихъ и не оригинальныхъ по замыслу церковныхъ концепціяхъ. Поэтому его Богоматерь есть плодъ несомнѣннаго художественнаго творчества и чисто васнецовскаго сочетанія красокъ. Это васнецовское сочетаніе красокъ узнаешь издалека, и даже писавшій въ слѣпую В. Дѣдловъ справедливо замѣтилъ (стр. 73), что В. Васнецовъ открылъ нашимъ глазамъ особую гармонію красокъ въ орнаментахъ и въ общемъ декоративномъ впечатлѣніи. Пугливость воображенія все-таки была въ 80-ыхъ годахъ настолько сильна, что Васнецовская Богородица, икона отъ начала до конца, казалась картиной, требовавшей оцерковленія: небо, облака и заря были замѣнены позолотой, а Богоматерь была окружена гирляндой изъ ангеловъ. Съ золотымъ полемъ помириться можно, ибо византійскій образецъ предпочитаетъ золотой фонъ, но гирлянда изъ ангеловъ—совсѣмъ лишняя, а самыя лица крылатыхъ существъ таковы, что на нихъ страшно смотрѣть; вся эта прибавка портитъ и разсѣиваетъ впечатлѣніе отъ величественной центральной фигуры. И самъ художникъ хорошо, вѣроятно, сознаетъ, что пафосъ крылатыхъ изображеній, ведущихъ свое начало изъ сѣдой языческой древности, здѣсь совершенно неумѣстенъ. Идя по такому пути, попадаешь не въ храмъ возвышеннаго идеализма, а въ кабинетъ экспериментальной психологіи. Любопытно, что художникъ, изучая византійскій образецъ, близко подошелъ къ болѣе пріятнымъ вожделѣніямъ своего времени: изображеніе Богородицы—оранты не подошло бы къ строю буржуазной мысли 80-ыхъ годовъ прошлаго вѣка, и В. Васнецовъ избралъ для воплощенія на колоссальномъ среднемъ нефѣ собора мотивъ такъ называемой идеи искупленія, опять таки вдвигающей насъ въ глубочайшую древность Востока и вѣчно привлекательной для людей, которымъ трудно разстаться съ понятіями, одурманивающими разумъ безплотнымъ, но зато и безплоднымъ представленіемъ о метафизической сущности вещей. Исторически любопытная Богородица В. М. Васнецова представляетъ собою надгробную пѣснь русской церковно-художественной живописи, отнюдь не являясь какимъ-либо отраженіемъ сознанія народныхъ массъ конца XIX вѣка; она была и остается этому сознанію совершенно чуждой (срв. первый варіантъ Богоматери В. Васнецова въ собраніи Терещенка.). **В. Стор.**

ветъ половникомъ на старомъ участкѣ, перешедшемъ къ богатому крестьянину Дм. Завернину" *).

То, что происходило на глухомъ сѣверѣ во второй половинѣ XVII вѣка и что мы можемъ наблюдать здѣсь изъ года въ годъ и изъ двора во дворъ, знакомо еще Русской Правдѣ XIII вѣка и Псковской Грамотѣ XV в.: только тамъ мы имѣемъ лишь болѣе или менѣе косвенныя указанія на процессъ, который здѣсь мы можемъ учесть съ почти статистической точностью. Русская Правда знаетъ уже особый разрядъ крестьянъ, очень смущавшій всегда нашихъ историковъ-юристовъ: это, такъ называемые, „закупы". Они занимали промежуточное положеніе между свободнымъ крестьяниномъ, „смердомъ", и холопомъ, и превращались въ холоповъ съ большою легкостью: простое неисполненіе принятаго на себя обязательства, уходъ съ работы до срока, дѣлало закупа рабомъ хозяина, отъ котораго онъ ушелъ. Съ другой стороны, закупа можно было бить, какъ холопа,—только „за дѣло", а не по капризу. Модернизируя отношенія XIII вѣка, нѣкоторые изслѣдователи желали бы видѣть въ закупѣ просто наемнаго работника. Несомнѣнно онъ и былъ такимъ въ томъ смыслѣ, что работалъ въ чужомъ хозяйствѣ или, по крайней мѣрѣ, на чужое хозяйство, за извѣстное вознагражденіе. Но это отнюдь не былъ представитель сельскаго пролетаріата: у закупа одна изъ статей Русской Правды предполагаетъ „свойскаго коня", т.-е. лично ему принадлежавшую лошадь, и вообще, „отарицу"—свое собственное имущество, которое хозяинъ, какъ видно изъ другой статьи той же Правды, часто склоненъ былъ разсматривать, какъ принадлежащее ему. Это былъ, значитъ, наемный работникъ особаго рода—нанимавшійся со своимъ собственнымъ инвентаремъ: другими словами, это былъ крестьянинъ, вынужденный обстоятельствами работать на барской пашнѣ. Что ставило его въ такое зависимое положеніе, Правда указываетъ съ достаточною ясностью: „закупъ" потому такъ и назывался, что бралъ у барина „купу", т.-е. ссуду—частью, можетъ-быть, деньгами, но главнымъ образомъ въ формѣ того же инвентаря: плуга, бороны и т. д. Другими словами, это былъ крестьянинъ *задолжавшій*—въ этомъ и былъ экономическій корень его зависимости. Изъ одной статьи Правды можно заключить, что у него оставалось и какое-то собственное хозяйство: эта статья предполагаетъ, что закупъ могъ „погубить" ссуженную

*) См. ст. г. *Иванова* въ „Древностяхъ", изд. археограф. комм. Московск. Археолог. об-ства, I, стр. 435—437.

ему хозяиномъ скотину „орудія своя дѣя“ — на какой-то своей собственной работѣ. Вѣроятно, стало быть, что у него, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по крайней мѣрѣ, оставался еще и свой земельный участокъ. Но онъ уже настолько утратилъ свою самостоятельность, что на судѣ стоялъ почти на одномъ уровнѣ съ холопомъ: на него можно было сослаться, выставлять его „послухомъ“, только въ „малой тяжѣ“ — и то „по нуждѣ“, когда никого другого не было. Два вѣка спустя, въ Псковской Судной Грамотѣ, мы находимъ уже детально разработанное законодательство о такихъ задолжавшихъ крестьянахъ, которые здѣсь носятъ названіе „изорниковъ“, „огородниковъ“, а иногда и „исполовниковъ“, какъ въ сѣверныхъ черносошныхъ волостяхъ XVII вѣка. У всѣхъ этихъ зависимыхъ людей разнаго наименованія все еще было и свое собственное имущество, съ котораго въ иныхъ случаяхъ хозяинъ и правилъ свой домъ, свою „покруту“. Но они уже настолько были близки къ крѣпостнымъ, что ихъ искъ къ барину не принимался во вниманіе, тогда какъ Русская Правда такіе иски еще допускала *).

Задолженность крестьянъ вовсе не была явленіемъ, свойственнымъ исключительно эпохѣ зарожденія крѣпостного права, XVI—XVII вѣкамъ. Вотъ почему и этого послѣдняго нельзя объяснить одною задолженностью. Зависимость половника Кеврольской волости въ XVII столѣтіи, какъ и закупа Русской Правды въ XIII, и не доходила до рабства, которое на сѣверѣ Россіи какъ разъ и не развилось. Для того, чтобы изъ задолженности возникло порабощеніе всей крестьянской массы, нужны были такія соціально-политическія условія, которыя встрѣчались не всегда **). Но закрѣпощеніе было заключительнымъ моментомъ длинной драмы, и сейчасъ мы еще довольно далеки отъ этого момента. Гораздо раньше, чѣмъ крестьянинъ становился полной собственностью другого человѣка, онъ самъ переставалъ быть полнымъ собственникомъ. Первымъ послѣдствіемъ задолженности была еще не потеря свободы, а потеря земли. „Пожалуй насъ, сиротъ твоихъ, благослови насъ межъ собою земли свои нужды ради продавать и закладывать“ просили чухченемскіе церковные крестьяне холмогорскаго архіепископа Аѳанасія: „для того, что у насъ прокормиться нечѣмъ, только не продажею земляною и закладомъ“. По словамъ изслѣдователя, у котораго мы заимствуемъ эту цитату, развитіе полов-

*) Ст. 75 Псковской Грамоты.

**) О нихъ будетъ рѣчь въ главѣ VIII „Аграрный кризисъ XVI вѣка“.

ничества „идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ мобилизаціи недвижимости, такъ что въ одномъ и томъ же уѣздѣ они (эти явленія) встрѣчаются рѣже или чаще, смотря потому, насколько устойчива крестьянская вотчина; напримѣръ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, въ Лузской Перемцѣ, гдѣ 95,9% крестьянъ въ 1645 г. владѣютъ по старинѣ и писцовымъ книгамъ 1623 года, нѣтъ ни одного половническаго двора. Напротивъ, въ Алексѣевскомъ станѣ, гдѣ главное основаніе владѣнія—крѣпости (купчія), около 20 половническихъ дворовъ, въ Лальской волости на 80 крестьянскихъ приходится 16 половничьихъ, принадлежащихъ тѣмъ же крестьянамъ“ и т. д. *). Одна изъ московскихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка, къ счастію, сохранила намъ указанія на тѣ документы, которые могъ предъявить владѣлецъ земли въ доказательство своихъ правъ. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ эти документы—купчія. По двумъ волостямъ Тверского уѣзда, Захожью и Суземью, московскими писцами половины XVI в. описано 141 имѣніе, не считая монастырскихъ, при чемъ на нѣкоторыя имѣнія было представлено нѣсколько документовъ: изъ послѣднихъ—купчихъ 65, закладныхъ 18, мѣновныхъ 22. Въ двадцать одномъ случаѣ документы оказались утраченными, и лишь въ 18 вотчинникъ владѣлъ по духовной грамотѣ, т.-е. былъ „вотчичемъ и дѣдичемъ“ своей земли въ буквальномъ смыслѣ слова, получивъ свое имѣніе по наслѣдству. Не нужно думать, что эти наслѣдственные вотчичи какіе-нибудь особенно знатные люди: среди нихъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, и тверского гостя, торговаго человѣка Ивана Клементьевича Савина. Земля крѣпко держится въ рукахъ болѣе богатаго, а не болѣе родовитаго человѣка. А уплываютъ изъ рукъ скорѣе всего мелкія вотчинки, и по писцовымъ книгамъ мы можемъ иногда весьма наглядно прослѣдить, какъ происходила у насъ въ XVI вѣкѣ одновременно мобилизація и централизація поземельной собственности. „Михалка Корнилова сына Зеленцова деревня Зеленцово, пашни полполполчети сохи“ **), читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ. „А нонѣча Зубатого Ѳѳонасьева сына Хомякова: дер. Зеленцово, пустошь Сахарово: пашни въ деревнѣ 25 четьи въ одномъ полѣ, а въ дву потому же, сѣна 15 копенъ. Зубатой служитъ владыцѣ тверскому; земля середняя—а крѣпость кабала закладная“. „Гридки да Ивашки Матвѣевыхъ дѣтей Тарасова дер. Бранково, дер. Починокъ..... Гридки да Ивашки въ животѣ не

*) Назв. статья г. Иванова, стр. 429 и сл.
**) Соха—единица податнаго обложенія въ Московской Руси.

стало, а нонѣче Ивана Зубатова сына Хомякова деревня Брянково, починокъ Степанова. Пашни въ деревнѣ и въ починкѣ 20 четей въ одномъ полѣ..... Иванъ служитъ владыцѣ тверскому, а крѣпость у него—купчая" *). Такъ въ лицѣ удачливаго „послужильца" тверского владыки изъ двухъ экспропріированныхъ мелкихъ вотчинниковъ выросъ одинъ, покрупнѣе.

Медленный, вѣками тянувшійся экономическій процессъ работалъ на пользу крупной собственности вѣрнѣе, нежели самые эффектные „наѣзды" съ грабежами и кровопролитіемъ. Къ XV—XVI вѣку, повторяемъ еще разъ, экспропріація мелкихъ собственниковъ была почти совершившимся фактомъ — мелкихъ вотчинниковъ оставалось ровно лишь настолько, чтобы можно было опровергнуть довольно прочно держащійся предразсудокъ, будто вся земля къ этому времени была уже „окняжена" или „обоярена". Первый изъ основныхъ признаковъ феодализма—господство крупной собственности—можетъ быть доказанъ для древней Руси, до московскаго періода включительно, столь же удовлетворительно, какъ и для западной Европы XI—XIII вѣковъ. Еще болѣе внѣ спора второй признакъ—соединеніе политической власти съ землею неразрывной связью.

Что крупная вотчинная аристократія на своихъ земляхъ не только хозяйничала и собирала оброки, а и судила и собирала подати, этого факта никто въ русской исторической литературѣ никогда не отрицалъ—онъ находитъ себѣ слишкомъ много документальныхъ подтвержденій, притомъ давнымъ давно опубликованныхъ. Но съ обычной въ нашей историко-юридической литературѣ „государственной" точки зрѣнія эти права всегда представлялись, какъ особаго рода исключительныя привилегіи, пожалованіе которыхъ было экстраординарнымъ актомъ государственной власти. „Эти привилегіи предоставлялись не цѣлому сословію, а отдѣльнымъ лицамъ и всякій разъ на основаніи особыхъ жалованныхъ грамотъ", говоритъ проф. Сергѣевичъ въ послѣднемъ изданіи своего труда: „Древности русскаго права" **). Двумя страницами далѣе тотъ же изслѣдователь находитъ себя, однакоже, вынужденнымъ обратить вниманіе своего читателя на то, что среди надѣленныхъ такою привилегіей встрѣчаются не только большіе люди, имена которыхъ писались съ „в и ч е м ъ", но также „Ивашки и Ѳедьки". Онъ дѣлаетъ отсюда совершенно правиль-

*) Калачовскіе писц. кн. Ibid, стр. 211—212.
**) Т. I, изд. 3-е, 1909 г., стр. 398.

ный выводъ, что „такія пожалованія составляли общее правило, а не исключеніе“—т.-е. что привилегія принадлежала именно „цѣлому сословію“ землевладѣльцевъ, а никакъ не „отдѣльнымъ лицамъ“ въ видѣ особой государевой милости. А еще двумя страницами далѣе тотъ же авторъ вскрываетъ еще болѣе любопытный фактъ: что самый актъ пожалованія могъ исходить вовсе и не отъ государственной власти, а отъ любого вотчинника. Съ приводимой имъ жалованной грамотой митрополита Іоны нѣкоему Андрею Аѳанасьеву (1450 года) можно сопоставить еще болѣе выразительный примѣръ того же рода—жалованную грамоту кн. Ѳедора Михайловича Мстиславскаго тому самому Ивану Толочанову, о подвигахъ котораго уже шла рѣчь выше. „Тіуны наши и доводчики, и праведчикъ не выѣзжаютъ (въ пожалованныя Толочанову деревни) ни по что“, пишетъ въ этой грамотѣ кн. Мстиславскій, „ни поборовъ своихъ у нихъ не емлютъ и крестьянъ его не судятъ, а вѣдаетъ и судитъ своихъ крестьянъ Иванъ самъ или кому его прикажетъ, а сведется судъ смѣстной нашимъ крестьянамъ съ его крестьяны и тіуны наши ихъ судятъ, а онъ съ ними же судитъ, а присудомъ дѣлятся на полы, опричь душегубства и татьбы, и разбоя съ поличнымъ и дани сошные, а кому будетъ до него дѣло, инъ его сужу язъ князь Ѳедоръ Михайловичъ или кому прикажу“. Издатель этого интереснаго документа, г. Лихачевъ, справедливо отмѣчаетъ въ предисловіи, что этотъ князь Мстиславскій не только не былъ какимъ-нибудь самостоятельнымъ владѣльцемъ, но даже въ числѣ слугъ московскаго великаго князя не занималъ сколько-нибудь выдающагося мѣста: онъ не былъ даже бояриномъ. Нужно прибавить, что и земля то, которую онъ съ такими правами „пожаловалъ... своему боярскому сыну“, была не его наслѣдственная, а пожалованная ему самому великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ. И этотъ послѣдній, по всей видимости, отнюдь не считалъ такого дальнѣйшаго делегированія пожалованной имъ „привилегіи“ еще болѣе мелкому землевладѣльцу чѣмъ-нибудь ненормальнымъ: не даромъ и онъ самъ, и его отецъ, и его сынъ давали такія грамоты совсѣмъ мелкимъ своимъ помѣщикамъ. Выше мы упоминали, по писцовымъ книгамъ первой половины XVI вѣка, о двухъ великокняжескихъ конюхахъ, которыхъ систематически обижали ихъ сильные сосѣди—бояринъ Морозовъ да князья Микулинскій и Шуйскій: въ доказательство своихъ правъ эти конюха предъявили однакоже несудимую грамоту „великаго князя Ивана Васильевича всея Руси“ — не ясно, былъ ли это Иванъ III или Иванъ IV. А

немного ниже въ той же писцовой мы находимъ жалованную несудимую грамоту на полсельца, гдѣ было всего 30 десятинъ пахотной земли. Такимъ образомъ, у насъ, какъ и въ Западной Европѣ, не только большой баринъ, но и всякій самостоятельный землевладѣлецъ былъ „государемъ въ своемъ имѣніи“; и г. Сергѣевичъ совершенно правъ, когда говоритъ, не совсѣмъ согласно съ своимъ первоначальнымъ опредѣленіемъ вотчиннаго суда, какъ исключительной привилегіи отдѣльныхъ лицъ, что „сельское населеніе, еще задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, находилось уже подъ вотчиннымъ судомъ владѣльцевъ“ *).

Съ эволюціонной точки зрѣнія происхожденіе этого „вотчиннаго права“ совершенно аналогично возникновенію вотчиннаго землевладѣнія: какъ послѣднее возникло изъ обломковъ землевладѣнія „печищнаго“—патріархальной формы земельной собственности—такъ первое было пережиткомъ патріархальнаго права, не умѣвшаго отличать политической власти отъ права собственности. Можно даже сказать, что здѣсь было больше, чѣмъ „переживаніе“: когда московскій великій князь жаловалъ „слугу своего (такого-то) селомъ (такимъ-то) со всѣмъ тѣмъ, что къ тому селу потягло, и съ хлѣбомъ земляным ъ (т. е. съ посѣянной уже озимой рожью) о прочe душегубства и разбоя съ поличным ъ“, то онъ, совершенно „по первобытному“, продолжалъ смѣшивать хозяйство и государство, и даже разсматривалъ, очевидно, свои государственныя функціи преимущественно съ хозяйственной точки зрѣнія, ибо уподобить душегубство и разбой „земляному хлѣбу“ можно было только, если не видѣть въ охраненіи общественной безопасности ничего, кромѣ дохода отъ судебныхъ пошлинъ. Нѣтъ надобности настаивать, что это выдѣленіе особенно важныхъ уголовныхъ дѣлъ, какъ исключительно подвѣдомственныхъ княжескому суду, объясняется, конечно, тѣми же хозяйственными мотивами: за душегубство и разбой налагались самые крупные штрафы—это были самые жирные куски княжескаго судебнаго дохода. Но, расщедрившись, князь могъ отказаться и отъ этой прибыли: великая княгиня Софья Витовтовна въ жалованной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю (1448—1469 гг.) писала: „мои волостели и ихъ тіуны..... въ душегубство не вступаются нѣкоторыми дѣлы“ **) Нѣтъ надобности говорить также, что и самое пожалованіе было лишь такою же точно юридическою формальностью какъ и жало-

*) Ibid., стр. 401.
**) Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. СПБ. 1907, стр. 83.

ванная грамота на землю вообще. Оно лишь размежевывало права князя и частнаго землевладѣльца, насколько это было возможно, ибо, именно благодаря смѣшенію политической власти и частной собственности, права эти грозили безнадежно перепутаться. Но источникомъ права вовсе не была непремѣнно княжеская власть сама по себѣ: въ спорѣ изъ-за суда и дани вотчинники ссылались не только на княжеское пожалованіе, а также, сплошь и рядомъ, и на исконность своего права,— на „старину". Такъ доказывалъ свое право, напримѣръ, одинъ Бѣлозерскій бояринъ половины XV вѣка, у котораго Кирилловъ монастырь „отнималъ" его вотчинную деревню „отъ суда да отъ дани" *). Что относилось къ „суду и дани",—т.-е. къ судебнымъ пошлинамъ и прямымъ налогамъ, то же имѣло мѣсто и по отношенію къ налогамъ косвеннымъ. Частныя таможни мы встрѣчаемъ не только въ княжескихъ вотчинахъ, гдѣ можно ихъ принять за остатокъ верховныхъ правъ, нѣкогда принадлежавшихъ владѣльцу, но и во владѣніяхъ помѣщиковъ средней руки, которыхъ иногда могъ изобидѣть и простой московскій чиновникъ—дьякъ. Изъ жалобы одного такого изобиженнаго дьякомъ рязанскаго помѣщика второй половины XVI вѣка, Шиловскаго, мы узнаемъ, что въ вотчинѣ его и его братьевъ „на ихъ же берегу сыплютъ въ суда жито, емлютъ съ окова по деньгѣ, да они же емлютъ мыто съ большого судна по 4 алтына, а съ малаго судна по алтыну, и того мыта половина Тереховскаго монастыря" **). И таможеннымъ доходомъ можно было дѣлиться пополамъ съ сосѣдомъ, какъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, судебными пошлинами.

„Государь въ своемъ имѣніи" не могъ, конечно, обойтись безъ главнаго аттрибута „государственности"—военной силы. Еще Русская Правда говоритъ о „боярской дружинѣ" наравнѣ съ дружиной княжеской. Документы болѣе поздняго времени, по обыкновенію, даютъ конкретную иллюстрацію къ этому общему указанію древнѣйшаго памятника русскаго права. Въ составѣ дворни богатаго вотчинника XV — XVI вѣковъ мы, на ряду съ поварами и сытниками, псарями и скоморохами, находимъ и вооруженныхъ челядинцевъ, служившихъ своему барину „на конѣ и въ саадакѣ". „А что мои люди полные и докладные, и кабальные,—пишетъ въ своей духовной Василій Петровичъ Кутузовъ около 1560 года,—и тѣ всѣ люди на слободу, а что у нихъ моего данья платья

*) Ibid.
**) Лихачевскіе акты, ibid., стр. 259.

и саадаки и сабли и сѣдла, то у нихъ готово, да приказщики жъ мои дадутъ человѣку моему Андрюшѣ конь съ сѣдломъ и съ уздою, да тегиляй, да шеломъ...“ Такой вотчинный дружинникъ, несомнѣнно, уже въ силу своей профессіи стоялъ выше простого дворовaго. Онъ могъ оказать барину такія услуги, которыхъ забыть нельзя,—и стать въ положеніе привилегированнаго челядинца, почти вольнаго слуги. У этого Андрюши былъ, кромѣ барскаго, еще „конь его купли“ и кое-какая рухлядь, — и Василій Петровичъ Кутузовъ очень заботится, чтобы это имущество душеприкащики не смѣшали съ барскимъ. Люди именно этого разряда, по всей вѣроятности, и были тѣ холопы на жалованьи, о которыхъ говоритъ духовная другого вотчинника, уже цитированная нами—кн. Ивана Михайловича Глинскаго. Прося своего душеприказчика Бориса Годунова „дати надѣлка людемъ моимъ по книгамъ, что имъ жалованья моего шло“, завѣщатель выше говоритъ о тѣхъ же людяхъ, что они отпускаются на свободу „со всѣмъ съ тѣмъ, кто на чемъ мнѣ служилъ“: но нельзя же допустить, что поваръ отпускался съ кухней, на которой онъ стряпалъ, или псарь съ тою стаей гончихъ, которой онъ завѣдывалъ. Такъ можно было опять-таки выразиться только о людяхъ, служившихъ своему барину на конѣ и въ доспѣхѣ; въ другой духовной (Плещеева) прямо и оговаривается, что „лошадей имъ (холопамъ) не давати“. Глинскій былъ щедрѣе къ своимъ бывшимъ ратнымъ товарищамъ и, какъ мы уже видѣли, завѣщалъ даже одному изъ нихъ свою деревню въ вотчину. Но такой же земельный участокъ служилый холопъ могъ получить отъ барина и при жизни послѣдняго. По тверской писцовой книгѣ первой половины XVI вѣка на одной четверти деревни Толутина сидѣлъ „человѣкъ“ князя Дмитрія Ивановича Микулинскаго, Созонъ. Отъ такого испомѣщеннаго на земельномъ участкѣ челядинца до настоящаго мелкопомѣстнаго дворянина было уже рукой подать. Дважды упоминавшійся выше Иванъ Толочановъ въ жалобѣ на него Спасскаго монастыря называется „человѣкомъ“ князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго, а отецъ послѣдняго въ своей жалованной грамотѣ называетъ Толочанова „сыномъ своимъ боярскимъ“—т.-е. дворяниномъ по теперешнему. Такъ, незамѣтно, верхушки вооруженной дворни переходили въ нижній слой военно-служилаго сословія: по одну сторону тонкой черты стоялъ холопъ, по другую—вассалъ.

Существованіе такого вассалитета у русскихъ крупныхъ

землевладѣльцевъ XVI вѣка — существованіе вольныхъ вотчинниковъ, несшихъ военную службу съ своей земли, на своемъ конѣ и иногда со своими вооруженными холопами, не московскому великому князю, а „частнымъ лицамъ“— неопровержимо доказывается тою же самою писцовой книгой Тверского уѣзда, о которой мы не разъ упоминали выше. Въ этой книгѣ (составленной около 1539 года) перечислено 574 вотчинника, большею частью мелкихъ. Изъ нихъ великому князю служили 230 человѣкъ, частнымъ собственникамъ разныхъ категорій 126, и никому не служили 150 человѣкъ. Изъ 126 „арръеръ-вассаловъ“ московской феодальной знати 60 человѣкъ служили владыкѣ тверскому, а 30 князю Микулинскому. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что у митрополитовъ и архіереевъ были на службѣ не только простые „послужильцы“, но и настоящіе бояре. „Архіерейскіе бояре,—говоритъ одинъ изъ историковъ русской церкви,— въ древнѣйшее время ничѣмъ не рознились отъ бояръ княжескихъ по своему происхожденію и по своему общественному положенію... Они поступали на службу къ архіереямъ точно такъ же и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и къ князьямъ, т.-е. съ обязательствомъ отбывать воинскую повинность и нести службу при дворѣ архіерея, за что получали отъ него въ пользованіе земли“. *) На этихъ земляхъ они могли испомѣщать своихъ военныхъ слугъ,—а ихъ собственный господинъ, въ свою очередь, былъ вассаломъ великаго князя. Митрополичья военная дружина должна была итти въ походъ вмѣстѣ съ дружинами послѣдняго: „а про войну, коли язъ самъ великій князь сяду на конь, тогда и митрополичимъ боярамъ и слугамъ“, говоритъ грамота вел. кн. Василія Дмитріевича (около 1400 года). Такъ на службѣ московскаго великаго князя вытягивалась такая же лѣстница вассаловъ, какъ и на службѣ средневѣкового короля Франціи

Характеръ отношеній между отдѣльными ступеньками этой лѣстницы—между вольными военными слугами разныхъ степеней и ихъ соотвѣтствующими сюзеренами—детально изученъ покойнымъ Н. Павловымъ-Сильванскимъ, успѣвшимъ и резюмировать итоги своихъ спеціальныхъ работъ въ своей популярной книжкѣ „Феодализмъ въ древней Руси“ (СПБ. 1907 г.). „Служебный вассальный договоръ скрѣплялся у насъ и на Западѣ сходными обрядностями“, говоритъ этотъ авторъ.

---

*) Цитата у Н. Сильванскаго, назв. соч., стр. 102—103.
Вышеприведенныя цифровыя данныя см. у проф. Сергѣевича: „Древности русск. права“, т. III, СПБ. 1903, стр. 17 и сл.

„Закрѣплявшая вассальный договоръ въ феодальное время обрядность оммажа, такъ же какъ древнѣйшая обрядность коммендаціи, врученія, состояла въ томъ, что вассалъ въ знакъ своей покорности господину становился передъ нимъ на колѣни и клалъ свои, сложенныя вмѣстѣ, руки въ руки сеньера; иногда, въ знакъ еще большей покорности, вассалъ, стоя на колѣняхъ, клалъ свои руки подъ ноги сеньера. У насъ находимъ вполнѣ соотвѣтствующую этой обрядности о б р я д н о с т ь ч е л о б и т ь я. Бояринъ у насъ билъ челомъ въ землю передъ княземъ въ знакъ своего подчиненія. Въ позднѣйшее время выраженіе „бить челомъ“ употреблялось въ иносказательномъ смыслѣ униженной просьбы. Но въ удѣльное время это выраженіе обозначало дѣйствительное ч е л о б и т ь е, поклонъ въ землю, какъ видно изъ обычнаго обозначенія вступленія въ службу словами: „бить челомъ въ службу...“ Во второй половинѣ удѣльнаго періода одна обрядность челобитья считалась уже недостаточной для закрѣпленія служебнаго договора, и къ этой обрядности присоединяется церковный обрядъ, цѣлованіе креста. Такая же церковная присяга, клятва на Евангеліи, на мощахъ или крестѣ совершалась на Западѣ, для закрѣпленія феодальнаго договора, въ дополненіе къ старой обрядности коммендаціи изъ оммажа“. „Наша боярская служба такъ близка къ вассальству, что въ нашей древности мы находимъ даже точно соотвѣтствующіе западнымъ термины: приказаться—avouer, отказаться—se désavouer“. Какъ примѣръ перваго, авторъ приводитъ современную формулу извѣстія о подчиненіи новгородскихъ служилыхъ людей Ивану III: „Б и л и ч е л о м ъ великому князю в ъ с л у ж б у бояре новгородскіе и всѣ дѣти боярскіе и житіи, д а п р и к а з а в с я вышли отъ него“. Хорошимъ примѣромъ второго термина служитъ приводимый имъ же нѣсколько дальше разсказъ житія Іосифа Волоколамскаго о томъ, какъ этотъ игуменъ, не поладивъ съ мѣстнымъ, волоколамскимъ княземъ, перешелъ отъ него къ великому князю московскому: Іосифъ „о т к а з а л с я отъ своего государя въ великое государство“ *). Одно мѣсто Никоновской лѣтописи сохранило намъ и самую формулу такого „отказа“. Въ 1391 году московскій князь Василій Дмитріевичъ, сынъ Донского, купивъ у татаръ нижегородское княжество, двигался со своими войсками на Нижній-Новгородъ, чтобы осуществить только что пріобрѣтенное имъ „право“. Нижегородскій князь Борисъ Константиновичъ, рѣшивъ сопроти-

*) См. назв. соч., стр. 99—100, 112.

вляться до послѣдней возможности, собралъ свою дружину и обратился къ ней съ такою рѣчью. „Господіе моя и братія, бояре и други! попомните господне крестное цѣлованіе, какъ есте цѣловали ко мнѣ, и любовь нашу и усвоеніе къ вамъ". Бояре подъ первымъ впечатлѣніемъ грубой обиды, нанесенной ихъ князю, горячо вступились за его дѣло. „Всѣ мы единомышленны къ тебѣ" заявилъ Борису старшій изъ нихъ, Василій Румянецъ „и готовы за тебя головы сложить". Но Москва въ союзѣ съ татарами была страшной силой—сопротивленіе ей грозило конечной гибелью сопротивляющимся. Когда первое одушевленіе прошло, нижегородскіе бояре рѣшили, что сила солому ломитъ, и что дѣло ихъ князя все равно проиграно. Они задумали „отказаться" отъ князя Бориса и перейти къ его сопернику.—Тотъ же Василій Румянецъ отъ лица всѣхъ и заявилъ несчастному Борису Константиновичу о происшедшей перемѣнѣ. „Господине княже!" сказалъ онъ: „не надѣйся на насъ, уже бо есмы нынѣ не твои и нѣсть съ тобою есмы, но на тя есмы." „Такъ точно на Западѣ", добавляетъ, приведя эти слова, историкъ русскаго феодализма, „вассалъ, отказываясь отъ сеньера, открыто говорилъ ему: уже не буду тебѣ вѣрнымъ, не буду служить тебѣ, и не буду обязанъ вѣрностью..."*).

Приведенный сейчасъ случай ярко освѣщаетъ особенности того режима, съ котораго начала Московская Русь и который еще долго жилъ подъ оболочкою византійскаго самодержавія, офиціально усвоеннаго московскимъ государствомъ съ начала XVI вѣка. Что князя кіевской эпохи нельзя себѣ представить безъ его бояръ, въ этомъ давно согласны всѣ историки. Какъ примѣръ, приводится обыкновенно судьба князя Владиміра Мстиславича, которому его бояре, когда онъ предпринялъ одинъ походъ безъ ихъ согласія, сказали: „о себѣ еси, княже, замыслилъ, — а не ѣдемъ по тебѣ, мы того не вѣдали". Но и „собирателей" Московской Руси нельзя себѣ представить дѣйствующими въ одиночку: не даромъ Дмитрій Донской, прощаясь со своими боярами, вспомналъ, что онъ все дѣлалъ вмѣстѣ съ ними, поганыхъ одолѣлъ, храборствовалъ съ ними на многія страны, веселился съ ними, съ ними и скорбѣлъ—„и назывались вы у меня не боярами, а князьями земли моей". Какъ во главѣ любого феодальнаго государства Западной Европы стояла группа лицъ,—государь, король или герцогъ, „сюзеренъ", съ „куріей" своихъ васса-

*) Сергѣевичъ, цит. соч. т. I, стр. 378 и 385.
Н. П. Сильванскій, цит. соч., стр. 100.

ловъ,—такъ и во главѣ русскаго удѣльнаго княжества, а позднѣе и государства московскаго, стояла тоже группа лицъ: князь, позже великій князь и царь, со своей боярской думой. И какъ западно-европейскій феодальный государь въ экстренныхъ и въ особенно важныхъ случаяхъ не довольствовался совѣтомъ своихъ ближайшихъ вассаловъ, а созывалъ представителей всего феодальнаго общества, „государственные чины," — такъ и у насъ князь въ древнѣйшее время иногда совѣщался со своей дружиной, а царь—съ земскимъ соборомъ. Мы позже будемъ имѣть случай изучать оба эти учрежденія подробнѣе. Пока замѣтимъ лишь, что корни того и другого—и думы и собора—глубоко лежатъ въ томъ феодальномъ принципѣ, который гласитъ, что отъ вольнаго слуги можно было требовать лишь той службы, на какую онъ подрядился, и что онъ могъ бросить эту службу всякій разъ, какъ только находилъ ее для себя невыгодной, Оттого никакого важнаго дѣла, которое могло бы отразиться на судьбѣ его слугъ, феодальный господинъ и не могъ предпринять безъ ихъ согласія.

Насколько проченъ былъ этотъ „общественный договоръ", своего рода контрактъ между вассаломъ и сюзереномъ, въ феодальномъ обществѣ? Средневѣковыя договорныя отношенія очень легко поддаются идеализаціи. „Права" вольныхъ слугъ очень часто представляются по образу и подобію „правъ", какъ они существуютъ въ современномъ „правовомъ" государствѣ. Но мы знаемъ, что въ этомъ послѣднемъ права слабѣйшаго часто бываютъ ограждены лишь на бумагѣ, а на дѣлѣ „у сильнаго всегда безсильный виноватъ". Къ феодальному государству это приложимо въ гораздо большей степени. Договорныя отношенія вассала и сюзерена, въ сущности, гораздо болѣе походили на нормы теперешняго „международнаго права", которыя не нарушаетъ только тотъ, кто не можетъ. Въ междукняжескихъ договорахъ сколько угодно можно было писать: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля", а на практикѣ то и дѣло случалось, что князь „тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ" которые отъ него „отъѣхали", „пограбилъ, села ихъ и домы ихъ у нихъ поотымалъ и животы и остатки всѣ и животину у нихъ поималъ". И никакого суда и никакой управы найти на него было нельзя, кромѣ какъ обратиться къ другому, еще болѣе могущественному насильнику. Въ феодальномъ обществѣ еще гораздо больше, чѣмъ въ современномъ намъ, сила шла всегда впереди права. Изучая сложный церемоніалъ феодальныхъ отно-

шеній, легко увлечься и подумать, что люди, такъ тщательно устанавливавшіе, какіе жесты должны были быть сдѣланы въ томъ или другомъ случаѣ и какія слова произнесены, столь же тщательно умѣли охранять и сущность своего права. Но гдѣ уже тутъ было охранить свое право отъ злоупотребленій феодальнаго государя, когда отстоять его и отъ покушеній мельчайшихъ его слугъ, рядовыхъ и даже некрупныхъ феодальныхъ вотчинниковъ, было иногда непосильнымъ дѣломъ? Мы не можемъ закончить нашего изученія правового режима феодальной Руси лучше, чѣмъ одной картинкой, заимствованной изъ того же ряда правыхъ грамотъ, откуда мы неоднократно брали примѣры выше. Судился въ 1552 году Никольскій монастырь со своими сосѣдями, Арбузовыми, — судился какъ слѣдуетъ, по всей формѣ: „судили насъ, господине“, пишутъ въ своей челобитной монастырскіе старцы, „по царевѣ государевѣ грамотѣ, Ѳедоръ Морозовъ да Хомякъ Чеченинъ“. Судьи „оправили“ монастырь, а его противниковъ „обвинили“. „И вотъ, продолжаютъ старцы, „пріѣхали, господине, на ту деревню Ильины дѣти Арбузова... да Ильины люди Арбузова... да меня, господине, Митрофана, да старца Данила, да старца Тихона били и грабили, и дьяка монастырскаго, и слугъ, и крестьянъ и крестьянокъ били и грабили, и старожильцевъ, господине, которые были съ судьями на землѣ, били же. И судья, господине, Хомякъ Чеченинъ, съ дѣтьми боярскими, которые были съ нами на землѣ, вышли отнимати (обижаемыхъ старожильцевъ) и они, господине, и Хомяка Чеченина и тѣхъ дѣтей боярскихъ били же... А игуменъ, господине, съ судьею съ Ѳедоромъ Морозовымъ, запершись отсидѣли...“ Не всегда удобно было рѣшить дѣло вопреки интереса драчливаго феодала. Западноевропейское феодальное право и это грубое правонарушеніе облекло въ извѣстнаго рода торжественную церемонію: недовольный судебнымъ рѣшеніемъ могъ „опорочить судъ“, fausser le jugement,—и вызвать судью на поединокъ. Въ одномъ нашемъ судномъ дѣлѣ 1531 года судья отвергъ показанія одного изъ тяжущихся, ссылавшагося именно на него, судью, заявивъ, что такого документа, о какомъ тотъ говорилъ, никогда въ дѣлѣ не было. „И въ Облязово мѣсто (такъ звали тяжущагося) человѣкъ его Истома просилъ въ томъ съ Шарапомъ (судьею) поля... и Шарапъ съ нимъ за поле поималъ же ся“. Вызвать на поединокъ судью можно было и въ московскомъ государствѣ временъ Василія Ивановича.

Вотъ почему юридическаго признака договорности и

не приходится ставить въ число главныхъ отличительныхъ чертъ феодализма. Этотъ послѣдній гораздо болѣе есть извѣстная система хозяйства, чѣмъ система права. Государство сливалось здѣсь съ барской экономіей—въ одинъ и тотъ же центръ стекались натуральный оброкъ и судебныя пошлины, часто въ одной и той же формѣ барановъ, яицъ и сыру; изъ одного и того же центра являлись и приказчикъ—передѣлить землю, и судья—рѣшить споръ объ этой землѣ. Когда кругъ экономическихъ интересовъ расширился за предѣлы одного имѣнія, должна была расшириться географически и сфера права. Первый разъ такое расширеніе имѣло мѣсто, когда изъ „волостей“ частныхъ землевладѣльцевъ выросли волости городовыя; второй разъ — когда всѣхъ частныхъ вотчинниковъ забрала подъ свою руку Москва. И въ томъ и въ другомъ случаѣ количество переходило въ качество: территоріальное расширеніе власти измѣняло ея природу,—„помѣстье“ превращалось въ „государство“. Первое изъ этихъ превращеній произошло довольно быстро—зато не было и очень прочно. Второе совершилось очень медленно, — но зато окончательное образованіе московскаго государства, въ XVII вѣкѣ, было и окончательной ликвидаціей русскаго феодализма въ его древнѣйшей формѣ. Но до наступленія этого момента феодальныя отношенія составляли тотъ базисъ, на которомъ воздвигались обѣ эти политическія надстройки—и городовая волость, и вотчина московскихъ царей. И господинъ Великій Новгородъ и его счастливый соперникъ, великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ, мы это твердо должны помнить, властвовали не надъ сѣрой толпой однообразныхъ въ своемъ безправіи подданныхъ, а надъ пестрымъ феодальнымъ міромъ большихъ и малыхъ „боярщинъ“, въ каждой изъ которыхъ сидѣлъ свой маленькій государь, за лѣсами и болотами сѣверной Руси умѣвшій не хуже отстоять свою самостоятельность, чѣмъ его западный товарищъ за стѣнами своего замка.

ГЛАВА IV.

Заграничная торговля, города и городская жизнь X—XV вв.

Главнѣйшимъ экономическимъ признакомъ того строя, который мы изучали выше, какъ „феодальный“, являлось отсутствіе обмѣна. Боярская вотчина удѣльной Руси была, экономически, самодовлѣющимъ цѣлымъ. О ней съ полнымъ правомъ можно сказать то, что не совсѣмъ правильно сказалъ одинъ историкъ о помѣщичьемъ имѣніи средней полосы Россіи въ XVIII вѣкѣ: если бы весь міръ вокругъ нея провалился, она продолжала бы существовать, какъ ни въ чемъ не бывало. Съ такимъ представленіемъ о древней Руси плохо, однако, вяжется та схема нашей древнѣйшей исторіи, которую, пожалуй, можно бы назвать обычной: такъ хорошо она знакома большинству читателей. Объ этой схемѣ намъ приходилось упоминать въ самомъ началѣ нашего изложенія, говоря о взглядахъ Шторха и его новѣйшихъ подражателей *). Мы помнимъ, что для этой школы, которую теперь безъ большой натяжки можно считать господствующей, торговля

*) См. главу II настоящей книги.

обмѣнъ являлись осью, около которой вертѣлась вся политическая исторія кіевскаго періода—и самая возможность говорить о „политической исторіи“ того времени, само древнерусское „государство“ обязано своимъ существованіемъ именно торговлѣ. Казалось бы, что подобная „философія русской исторіи“ стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ фактами, которые мы только что разсмотрѣли. Какое можетъ имѣть значеніе торговля при сплошномъ господствѣ „натуральнаго хозяйства“ на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ? Это апріорное соображеніе, по видимости, настолько неотразимо, что одинъ изъ главныхъ представителей матеріалистическаго направленія въ русской исторіи нашелъ возможнымъ прямо заявить, въ полное противорѣчіе „господствующему“ взгляду: „въ Кіевской Руси... торговля была слаба. Хозяйство было натуральнымъ, и только внѣшняя торговля имѣла нѣкоторое вліяніе на экономическое положеніе высшихъ слоевъ общества“ *). Своею ясностью и неотразимостью такая точка зрѣнія завоевала себѣ сочувствіе даже ученыхъ, весьма далекихъ отъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Новѣйшій изслѣдователь „княжого права древней Руси“ заранѣе оговаривается, что его изложеніе „пойдетъ въ дальнѣйшемъ мимо этой стороны схемы В. О. Ключевскаго. Она (схема) построена на крайнемъ преувеличеніи глубины вліянія торговли на племенной бытъ восточнаго славянства“. Въ подтвержденіе своего взгляда авторъ приводитъ довольно длинную выдержку изъ сочиненія того самаго историка-матеріалиста, о которомъ мы только что упоминали **).

И тѣмъ не менѣе, цѣлый рядъ явленій нашей древнѣйшей, кіево-новгородской, исторіи, тѣ соціальныя группировки, которыя мы находимъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, тѣ формы власти, такъ не похожія на все предыдущее и послѣдующее, которыя насъ тамъ поражаютъ, наконецъ, очень многое и въ хозяйственномъ бытѣ этого періода будетъ для насъ совершенно непонятно, если мы условимся считать, что торговля въ тѣ времена „была слаба“, и поставимъ на этомъ точку. Слабъ или силенъ былъ обмѣнъ—но если мы не привлечемъ его къ дѣлу, такой фактъ, какъ городъ и „городовая волость“ X — XII вѣковъ, окажется для насъ чистой загадкой: а въ наличности этого факта—главное отличіе древней, до-Московской, Руси, отъ нашего средневѣковья, Руси Московской.

*) Н. Рожковъ. „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“, I, изд. 2-е, стр. 27—28. Курс. нашъ.

**) А. Пресняковъ. „Княжое Право въ древней Руси“, стр. 162.

Фреска южной стѣны Спасо-Нередицкой церкви

близъ Новгорода Великаго съ изображеніемъ князя-строителя.

Въ описанной церкви Спаса въ Нередицахъ представляетъ значительный интересъ фреска на южной стѣнѣ въ видѣ полукруглой ниши съ изображеніемъ князя, подносящаго модель построенной имъ церкви Спасителю, сидящему на престолѣ. Князь, по описанію Н. П. Кондакова, имѣетъ на головѣ соболью шапку съ голубымъ верхомъ, темно-малиновое корзно, все богато расшитое или вытканное золотыми разводами въ видѣ круговъ и орнаментальныхъ побѣговъ, съ широкою шелковою каймой, которая отвѣчаетъ цвѣту подкладки, и обутъ въ высокіе сафьяные сапоги. Между Спасителемъ и княземъ читается длинная надпись такого содержанія: «О, боголюбивый княже, вторый Всеволодъ, злыя обличая, добрыя любя, правыя кормя и вся церковныя чины и монастырскыя ликы милостивны имая, но, милостивче, кто твоя добродѣтели можетъ исчести, но даждь Богъ цесарствіе небесное со всѣми святыми, угодшими ти въ безконечныя вѣки, аминь». Изображенъ на фрескѣ князь Ярославъ Владимировичъ, правнукъ Владимира Мономаха. Ярослава не разъ выводили изъ Великаго Новгорода по желанію новгородцевъ и послѣдній разъ въ 1199 г., когда была расписана Нередицкая церковь, построенная на средства этого князя. Длинная надпись, приведенная выше, характерно отражаетъ положеніе Ярослава въ Новгородѣ среди разгара партійныхъ страстей, а своеобразный подборъ изображеній святыхъ въ алтарѣ и особенно въ южномъ нефѣ церкви указываетъ на различныхъ членовъ княжеской семьи, вслѣдствіе чего Н. П. Кондаковъ и называетъ ее, нѣсколько модернизируя смыслъ вѣрно схваченнаго факта, характерною «дворцовою», или точнѣе «придворною» церковью (стр. 143—145 въ VI вып. «Русскихъ Древностей»). Мы имѣемъ еще, правда, изображеніе цѣлой княжеской семьи на заглавномъ листѣ *Изборника* 1073 г. (переводъ греческаго сборника начала X в., сдѣланный для болгарскаго царя Симеона и переписанный для черниговскаго князя Святослава Ярославича), сборника статей и отрывковъ по догматикѣ, философіи, исторіи. *Изборникъ*—памятникъ древней рукописной живописи, и первый листъ, на которомъ изображенъ князь Святославъ съ семьей, къ сожалѣнію, сильно попорченъ временемъ; копія его имѣется въ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ.

В. Ст.

Скандинавскія саги называли древнюю Русь даже „страною городовъ", Гардарикъ. Тотъ арабскій писатель начала X вѣка, котораго мы однажды уже цитировали, Ибнъ-Дастъ, говоритъ еще гораздо больше: по его словамъ, Русь, которую онъ, какъ и большая часть арабовъ, отличаетъ отъ славянъ, вовсе не имѣла „ни деревень, ни пашень", имѣя въ то же время „большое число городовъ" и „живя въ довольствѣ". Это послѣднее руссы пріобрѣтали своимъ „единственнымъ промысломъ"—„торговлей собольимъ, бѣльчьимъ и другими мѣхами". Ибнъ-Дастъ не забываетъ отмѣтить, что плату за свои товары Русь „получала деньгами", — что это не была мѣна, въ родѣ той, какую практиковали различные культурные и полукультурные народы, впослѣдствіи и сами русскіе, въ сношеніяхъ съ дикарями-охотниками. Нѣтъ, это былъ правильный торгъ—въ погонѣ за покупателями русскіе купцы доходили до самаго Багдада, и у рѣдкаго царя восточныхъ странъ не было шубы, сшитой изъ русскихъ мѣховъ. Относительно послѣднихъ арабскіе писатели пускаются въ такія подробности, что въ непосредственномъ знакомствѣ арабовъ съ этимъ товаромъ и его продавцами сомнѣваться нельзя. Значитъ, и поражающее на первый взглядъ заявленіе Ибнъ-Даста, будто у русскихъ вовсе нѣтъ деревень, одни города, не приходится разсматривать какъ простую басню, легко объясняемую невѣжествомъ писавшаго въ томъ вопросѣ, за который онъ взялся. Очевидно, Русь X вѣка представлялась довольно близкимъ наблюдателямъ, какъ народъ городской по преимуществу. Стоитъ слегка забыть историческую перспективу — и воображеніе готово намъ нарисовать картину богатой страны, усѣянной крупными торговыми центрами, съ многолюднымъ, относительно культурнымъ населеніемъ. Но арабы со своимъ безпощаднымъ реализмомъ степныхъ охотниковъ, только что превратившихся во всемірныхъ торговцевъ, уже наготовѣ, чтобы насъ поправить, и наиболѣе освѣдомленный изъ нихъ рисуетъ намъ такую картину „внѣшняго быта" русскихъ купцовъ въ болгарской столицѣ, которая можетъ отбить аппетитъ даже у очень проголодавшагося человѣка. Причемъ есть всѣ основанія думать, что „внутренній бытъ" еще отставалъ отъ „внѣшняго": ибо не только въ X вѣкѣ, когда Ибнъ-Фадланъ наблюдалъ своихъ руссовъ, мывшихся одной и той же водой изъ одной и той же чашки, куда они въ то же время кстати и плевали, — но и въ XII россійскіе коммерсанты не чувствовали потребности въ какихъ-либо письменныхъ договорахъ, закрѣпляя всѣ сдѣлки

устно, свидѣтельскими показаніями. Русская Правда имѣетъ дѣло, какъ съ нормой, съ безграмотнымъ торговцемъ: „доски", писанныя обязательства, появляются не ранѣе XIII вѣка *).

Вопросъ о томъ, что такое представляла изъ себя средневѣковая торговля, и какъ мы должны рисовать себѣ средневѣкового купца, вставалъ не передъ одними русскими историками, и не ими одними разрѣшался оптимистически въ духѣ Шторха. Какъ земледѣліе прежняя исторія хозяйства готова была считать несомнѣннымъ признакомъ культуры, такъ было и по отношенію къ торговлѣ: старые нѣмецкіе историки готовы были заселить безчисленное количество крупныхъ и мелкихъ нѣмецкихъ городовъ, упоминаемыхъ средневѣковыми грамотами и лѣтописями, „купечествомъ въ современномъ смыслѣ слова". За это они подверглись насмѣшкамъ, и основательно, по мнѣнію новѣйшаго историка экономическаго развитія Германіи. Этотъ послѣдній, однако же, оговаривается, что въ томъ, что касается, собственно, количества лицъ, принимавшихъ участіе въ торговлѣ, старые историки были вполнѣ правы. Въ средневѣковомъ обмѣнѣ мы встрѣчаемся съ тою же особенностью, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ: мелкія предпріятія ремесленнаго типа не только господствовали,—мало этого сказать, до извѣстной эпохи только ихъ мы и встрѣчаемъ. Только что упомянутый нами новѣйшій историкъ-экономистъ собралъ по этому поводу нѣсколько цифровыхъ данныхъ для торговли Западной Европы въ средніе вѣка. Анекдотичность этихъ данныхъ не мѣшаетъ имъ быть весьма характерными. Въ 1222 году около Комо, въ сѣверной Италіи, были ограблены два купца изъ Лилля: весь ихъ товаръ состоялъ изъ $13^1/_2$ кусковъ сукна и 12 паръ брюкъ. Лѣтъ полтораста спустя, такому же несчастію подвергся цѣлый караванъ базельскихъ купцовъ, ѣхавшихъ на франкфуртскую ярмарку: убытки каждаго изъ нихъ не превысили одной—двухъ сотенъ флориновъ **). Тотъ же авторъ опредѣляетъ средній капиталъ нѣмецкаго купца, торговавшаго въ Новгородѣ въ XIV вѣкѣ, въ 1000 марокъ серебра—„меньше 10.000 марокъ (германскихъ) по нынѣшнему курсу". Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что его русскій конкуррентъ того же времени располагалъ такимъ же точно капиталомъ. Чтобы быть членомъ самаго стараго, крупнаго и солиднаго новгородскаго торговаго товарищества, группировавшагося около церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, достаточно было

*) Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1209 годомъ.
**) Вернеръ Зомбартъ. „Современный капитализмъ", т. I, русскій пер., стр. 181.

вложить пай не больше; чѣмъ 50 гривенъ серебра—тысячу рублей серебромъ на теперешнюю монету. Чтобы представить себѣ реальное значеніе этого „капитала“, сопоставимъ его съ другими данными того же времени. 50 гривенъ серебра—самое большее 150—200 гривенъ кунъ *); а 80 гривенъ кунъ было высшей нормой уголовнаго штрафа („виры“) по Русской Правдѣ. Но уголовные штрафы, вырабатывавшіеся практическимъ путемъ, отъ случая къ случаю, имѣли въ виду, конечно, не капиталистовъ, а представителей народной массы той эпохи, крестьянъ и ремесленниковъ. Восемьдесятъ гривенъ князь требовалъ за убійство наиболѣе нужнаго ему человѣка, своего дружинника. Допустимъ, что онъ считалъ справедливымъ карать такое, особенно тяжелое въ его глазахъ, преступленіе „конфискаціей“ всего имущества виновника: тогда 80 гривенъ составляютъ среднюю оцѣнку всего двора крестьянина или мелкаго горожанина со всѣмъ, что тамъ находилось. А человѣкъ, имѣвшій въ два съ половиной раза больше этого, могъ стать однимъ изъ первыхъ новгородскихъ купцовъ! Не менѣе показательны, чѣмъ размѣры капиталовъ, въ этомъ случаѣ и размѣры транспорта: для Западной Европы очень характерной является одна цифра, приводимая тѣмъ же выше нами цитированнымъ авторомъ. Весь годичный провозъ черезъ Сенъ-Готардъ, даже въ концѣ среднихъ вѣковъ, умѣстился бы въ двухъ теперешнихъ товарныхъ поѣздахъ. Для Россіи столь же показательны размѣры судовъ, рѣчныхъ и морскихъ,—о которыхъ намъ даютъ понятіе нѣкоторыя мѣста византійскихъ писателей, лѣтописей и Русской Правды. Въ среднемъ, русскій „корабль“ X—XII вѣка поднималъ отъ 40 до 60 человѣкъ. По вычисленіямъ Аристова, наименьшій изъ тѣхъ типовъ, о которыхъ упоминаетъ Русская Правда, могъ вмѣстить до 2000 пудовъ товара **): если ихъ оцѣнка въ Правдѣ соотвѣтствуетъ ихъ грузоподъемности, то наибольшій могъ поднять 6000 пудовъ, т.-е. около 100 тоннъ. Теперь такой грузоподъемностью обладаютъ маленькіе каботажные пароходики, циркулирующіе между небольшими портами Чернаго или Балтійскаго морей. Тогда при помощи судовъ такого размѣра велись торговыя сношенія между міровыми коммерческими центрами, какими были Константинополь и Кіевъ, Любекъ и Новгородъ. Но есть всѣ основанія думать, что

*) Гривна серебра была болѣе или менѣе постоянной единицей, тогда какъ цѣна счетной гривны, „гривны кунъ“, мѣнялась въ зависимости отъ курса на серебро.

**) См. „Промышленность древней Руси“, стр. 95—97.

разсчетъ Аристова преувеличенъ. Онъ исходитъ изъ того предположенія, что суда, одинаково называвшіяся въ древней и современной Россіи, имѣли и приблизительно одинаковые размѣры: что въ Русской Правдѣ „стругомъ“ называлось то же, что и въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія, когда была написана „Промышленность древней Руси“. Но это вовсе не обязательно, и даже мало вѣроятно: изъ цитатъ самого Аристова видно, что „стругъ“ и аналогичный ему „насадъ“ ставили на колеса. Поставить на колеса судно даже въ 30—40 тоннъ безъ механическихъ приспособленій совершенно невозможно; а чтобы въ древней Руси были машины, нѣтъ никакихъ данныхъ. Термины Русской Правды соотвѣтствуютъ типу, а не размѣру судовъ: о размѣрахъ же даже русскихъ „морскихъ“ ладей (оцѣниваемыхъ Правдой втрое дороже струга) одинъ иностранный наблюдатель говоритъ, что онѣ могли плавать въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ. Иными словами, это были просто большія лодки *).

Размѣры судовъ объясняютъ намъ и фантастическіе, на первый взглядъ, размѣры древне-русскихъ военныхъ флотилій. Если у Олега въ его походѣ 907 года было, по лѣтописи, до 2000 „кораблей“, а по византійскимъ даннымъ, болѣе 1000, то тутъ еще сказки никакой нѣтъ: „тысящу лодій“ мы встрѣчаемъ и во вполнѣ историческія времена. Но это была именно „тысяча лодокъ“—не болѣе. А мелкіе размѣры торговли вообще объясняютъ намъ и большое количество „купцовъ“ на страницахъ лѣтописи. Когда мы читаемъ, что въ 1216 году въ одномъ Переяславлѣ Залѣсскомъ нашлось полтораста новгородскихъ купцовъ, а въ Торжкѣ, одномъ изъ главныхъ передаточныхъ пунктовъ новгородской торговли, даже, можетъ-быть, и до 2000,—то мы нисколько этому не удивимся, если только представимъ себѣ древнерусскаго „гостя“ въ образѣ некрасовскаго дѣдушки Якова, весь товаръ котораго помѣщался на одномъ возу. А у большей части онъ помѣстился бы, вѣроятно, и въ коробѣ за спиной: теперешній коробейникъ—наиболѣе типичный торговецъ средневѣковья не для одной Россіи. „Вездѣ представляется намъ одна и та же картина: не считая нѣсколькихъ болѣе крупныхъ купцовъ, притомъ большею частью не занимавшихся профессіональной торговлей, мы повсюду встрѣча-

*) Нѣкоторое представленіе о древнерусскихъ судахъ даютъ также „корабли викинговъ“, сохранившіеся въ погребальныхъ курганахъ до нашего времени. Одинъ изъ нихъ, находящійся въ настоящее время въ Христіаніи, имѣетъ 15 метровъ длины при $3^1/_2$ наибольшей ширины, и могъ вмѣстить отъ 60—80 вооруженныхъ людей.

емъ кишащую массу незначительныхъ и даже совсѣмъ мелкихъ торговцевъ, съ какими мы встрѣчаемся и теперь на мелкихъ деревенскихъ ярмаркахъ или на большихъ дорогахъ отдаленныхъ областей, съ коробомъ на плечахъ или же въ телѣгѣ, запряженной въ одну лошаденку" *).

Но не всякій товаръ средневѣкового купца можно было унести за спиной, и не въ однихъ размѣрахъ своеобразіе средневѣковой торговли. Первые же русскіе купцы, которыхъ удалось близко наблюдать арабамъ, вмѣстѣ съ мѣхомъ соболей и чернобурыхъ лисицъ, привозили въ болгарскую столицу молодыхъ дѣвушекъ, привозили въ такомъ числѣ, что, по арабскому разсказу, можно, пожалуй, принять этотъ товаръ за главную статью русской отпускной торговли того времени. Изъ одного описанія чудесъ Николая Чудотворца видно, что и въ Константинополѣ русскій купецъ былъ прежде всего работорговцемъ. А одинъ путешественникъ XII вѣка встрѣтилъ русскихъ, торгующихъ невольниками, даже въ Александріи. Русскіе источники даютъ массу косвенныхъ, а иногда и прямыхъ подтвержденій разсказамъ иноземцевъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ извѣстія лѣтописей о сотняхъ (если не тысячахъ) „наложницъ" Владиміра Святославича до его крещенія: новѣйшій церковный историкъ совершенно справедливо усмотрѣлъ здѣсь воспоминаніе не столько о личной безнравственности этого князя въ языческій періодъ его біографіи и о его личномъ гаремѣ, сколько о тѣхъ запасахъ живого товара, которые держалъ этотъ крупнѣйшій русскій купецъ своего времени **). Что и язычество также было здѣсь ни при чемъ, доказываютъ поученія епископа Серапіона, младшаго современника татарскаго нашествія (онъ умеръ въ 1275 г.). Въ числѣ грѣховъ, навлекшихъ разныя бѣды на русскую землю, Серапіонъ упоминаетъ и такой: „....братью свою ограбляемъ, убиваемъ, *въ погань продаемъ*". Значитъ, и въ XIII вѣкѣ русскіе купцы нисколько не стѣснялись продавать русскихъ невольниковъ на заграничные рынки, въ томъ числѣ и въ мусульманскія и языческія земли. А что на Русь еще около 1300 года ѣздили „дѣвкы купити", у насъ имѣется и документальное свидѣтельство—въ жалобѣ одного изъ такихъ покупателей, рижскаго купца, на витебскаго князя, посадившаго его въ тюрьму безъ всякой вины, причемъ, само собою понятно, арестъ не стоялъ ни въ какой связи съ малопоч-

*) Вернеръ Зомбартъ, цит. соч., стр. 181.

**) См. Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, 1-я полов., изд. 2-е, стр. 146—147.

тенно̀й цѣлью пріѣзда этого рижанина въ витебскую землю, а былъ просто однимъ изъ обычныхъ проявленій княжескаго самоуправства. Этотъ маленькій случай вскрываетъ передъ нами, не всегда ясную по лѣтописямъ, судьбу того „полона", безъ котораго не обходилась ни одна княжеская усобица тѣхъ временъ. Когда князь возвращался домой „ополонившеся челядью", это вовсе не значило, что онъ и его дружина пріобрѣли нѣкоторое количество крѣпостныхъ слугъ и служанокъ, какъ обычно себѣ представляютъ, не безъ нѣкотораго лицемѣрія заднимъ числомъ: въ рукахъ побѣдителей оказывалась мѣновая цѣнность, можетъ-быть, самая высокая мѣновая цѣнность, какую знало то время. Оттого на челядь древнерусскіе феодалы были гораздо жаднѣе, нежели на натуральныя приношенія своихъ крестьянъ. Послѣднія некуда было сбыть, и они не были особенно велики: для первой уже въ тѣ дни существовалъ „международный рынокъ", который могъ поглотить любое количество живого товара. Князья XII вѣка откровенно признавались въ своихъ подвигахъ этого рода, видимо, считая „ополоненіе челядью" вполнѣ нормальнымъ дѣломъ. Не кто другой, какъ Владиміръ Мономахъ, давшій столько сентиментальныхъ страницъ казеннымъ учебникамъ, разсказываетъ, какъ онъ и его союзники „изъѣхали" одинъ русскій городъ, не оставивъ въ немъ „ни челядины, ни скотины". Какъ видимъ, для полнаго и совершеннаго опустошенія русскихъ областей не было ни малѣйшей надобности въ татарскомъ нашествіи. И когда дальній потомокъ Мономаха, Михаилъ Александровичъ Тверской, напавъ въ 1372 году на Торжокъ, увелъ оттуда въ Тверь полонъ „мужей и женъ бещисла множество", то онъ дѣйствовалъ вовсе не какъ ученикъ монгольскихъ завоевателей, а какъ продолжатель старой и почтенной истинно-русской традиціи.

Существованіе такого „товара", нѣтъ сомнѣнія, подчеркиваетъ лишній разъ натуральный характеръ средневѣкового хозяйства: невольничій рынокъ именно потому и былъ необходимъ, что рабочихъ рукъ не было на рынкѣ. Но отсюда само собою вытекаетъ другое слѣдствіе. Какъ человѣкъ могъ сдѣлаться товаромъ, когда все остальное товаромъ не было? Уже изъ приведенныхъ сейчасъ цитатъ видно, что обычнымъ для насъ, экономическимъ путемъ, такое чудо совершиться не могло: внѣ-экономическому принужденію въ области производства соотвѣтствовало внѣ-экономическое присвоеніе въ области обмѣна. Не только живой товаръ, людей, но и тѣ собольи мѣха, и тѣ драгоцѣнные металлы, которые обраща-

лись на тогдашнемъ рынкѣ, добывались тогда не путемъ вымѣна у первоначальныхъ собственниковъ, хотя бы съ обманами, отдѣльными случаями насилія и тому подобными „злоупотребленіями“, какъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ колоніальной торговлѣ народовъ „культурныхъ“ съ „некультурными“. Ихъ добывали прямо открытой силой — первой стадіей обмѣна была не мѣновая торговля, какъ учила еще недавно исторія хозяйства, а просто-напросто „разбойничья торговля“ (Raubhandel)—терминъ вполнѣ научно установленный исторіей хозяйства въ наше время. Черта, которую такъ заботливо проводятъ теперь, отдѣляя мирнаго торговца, хотя бы и недобросовѣстнаго, отъ грабителя, не существовавала для наивныхъ людей ранняго средневѣковья. Разбойникъ въ купца и купецъ въ разбойника превращались съ поразительной легкостью: и скандинавскія саги, напримѣръ, съ безподобнымъ реализмомъ упоминаютъ рядомъ объ обоихъ этихъ промыслахъ по отношенію къ одному и тому же лицу, нимало не конфузясь за своего героя. „Былъ мужъ богатый и знатнаго происхожденія, по имени Лодинъ; онъ часто предпринималъ торговыя путешествія, а иногда занимался и морскимъ разбоемъ“, съ истинно эпическимъ спокойствіемъ повѣствуетъ въ одномъ мѣстѣ Heimskringla Снорре Стурлесона. Какъ просто и естественно совершался этотъ переходъ изъ области гражданскаго въ область уголовнаго права, покажетъ одинъ разсказъ той же саги, который, въ виду его характерныхъ подробностей, стоитъ изложить детальнѣе. Посланные короля Олафа Святого, Карли и Гуннстейнъ, и ихъ спутникъ, Тореръ-„собака“, пріѣхали въ Біармію (впослѣдствіи Новгородское Заволочье, по Сѣверной Двинѣ) и завели тамъ обширный торгъ съ мѣстными инородцами, вымѣнивая у нихъ лисьи и собольи мѣха на привезенные изъ Скандинавіи товары,—а отчасти и на деньги. Когда же торгъ окончился и вмѣстѣ съ тѣмъ кончилось перемиріе, которое заключили норманны съ мѣстнымъ населеніемъ именно на время и на предметъ торга, путешественники начали немедленно искать новыхъ источниковъ прибыли. Тореръ-„собака“ обратился къ своимъ спутникамъ съ вопросомъ, желаютъ ли они пріобрѣсти богатства? На утвердительный, само собою разумѣется, отвѣтъ тѣхъ, Тореръ объяснилъ имъ, что богатство, можно сказать, подъ руками—нужно только немножко смѣлости. Туземцы имѣютъ привычку хоронить серебряныя вещи вмѣстѣ со своими покойниками, а идолъ ихъ главнаго бога, Юмалы, весь покрытъ драгоцѣнными украшеніями. Стоитъ

ограбить кладбище и стоявшее посреди него святилище Юмалы — и капиталъ норманнскихъ купцовъ будетъ значительно пополненъ. Мы не будемъ разсказывать не лишенныхъ драматизма и живописности подробностей этой ночной экспропріаціи X вѣка. Она кончилась вполнѣ успѣшно, причемъ отступавшимъ норманнамъ пришлось выдержать правильную битву съ проснувшимися и сбѣжавшимися къ мѣсту грабежа поклонниками Юмалы. Отмѣтимъ лишь одну деталь: на возвратномъ пути Тореръ-„собака“ ограбилъ также и своихъ спутниковъ, такъ что король Олафъ Святой получилъ отъ этой экспедиціи меньше прибыли, чѣмъ можно было ожидать.

Какъ видимъ, когда нашъ старый знакомый Ибнъ-Дастъ разсказываетъ о русскихъ купцахъ, что они „производятъ набѣги на славянъ, подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ въ Хазеранъ и къ болгарамъ, и продаютъ тамъ“,— онъ опять-таки лишь реалистически описываетъ то, что было въ его дни вполнѣ обычнымъ дѣломъ, а вовсе не сказки сочиняетъ. Но мы видимъ также, что оригинальность ранняго средневѣкового торга намъ приходится дополнить многими чертами, и что отъ просвѣщенныхъ коммерсантовъ Шторха въ нашей картинѣ остается уже очень мало. Соціальная обстановка, которая должна была складываться около „разбойничьей торговли“, такъ же мало походила на обстановку современнаго намъ капиталистическаго обмѣна, какъ боярская вотчина удѣльной Руси на современное сельскохозяйственное предпріятіе. Съ этой обстановкой сами арабы IX—X вѣковъ были знакомы по совсѣмъ еще свѣжему и, вѣроятно, не забытому ими опыту. Одна изъ арабскихъ поэмъ до-магометанскаго періода даетъ намъ классическое изображеніе общества, живущаго торговлей-разбоемъ. Вотъ какъ резюмируетъ это изображеніе одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей эволюціи обмѣна. „Единственная торговля, которая существуетъ,—это торговля рабами. Если какому-нибудь племени понадобится или просто захочется пріобрѣсти имущество другого племени, верблюдовъ, лошадей, стада, съѣстные припасы и т. д., оно обращается не къ мирному способу обмѣна, а къ вооруженному грабежу, Razzia, который, въ то же время, даетъ возможность и самихъ людей покореннаго племени, мужчинъ и женщинъ, обратить въ рабство. Когда у племени Бени-Катанъ стало нехватать съѣстныхъ припасовъ, триста ихъ воиновъ ограбили ихъ сосѣдей, Бени-Абъ... Во время этихъ Razzia старались особенно захватить женщинъ, а рабовъ

ограбленнаго племени заставляли загонять къ побѣдителямъ верблюдовъ, которыхъ тѣ пасли. Благодаря такимъ разбойничьимъ нравамъ, отдѣльныя племена были насторожѣ. Ни одинъ арабъ не былъ увѣренъ, что онъ проживетъ 24 часа, или что онъ не попадетъ въ рабство съ минуты на минуту,— еще менѣе была обезпечена его собственность, его стада или другое имущество. Зато у вождей было множество рабовъ. Такъ король Зохейръ имѣлъ двѣсти рабовъ, которые пасли его лошадей, верблюдовъ, верблюдицъ и овецъ. Даже у каждаго изъ его десяти сыновей было столько же. Не всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ женщинъ и дѣвушекъ оставляли у себя: ихъ продавали въ рабство въ далекія страны“ *).

Прочитавъ этотъ отрывокъ, мы поймемъ, почему средневѣковой торговецъ, отправляясь за товаромъ, „по обычаю бралъ съ собою мечъ“, какъ разсказывали рижане о своемъ обиженномъ витебскимъ княземъ товарищѣ въ извѣстной намъ жалобѣ. Поймемъ мы и крайне странное, на первый взглядъ, постановленіе договорной грамоты смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ тѣми же рижанами (1229 г.): „латинскому (т.-е. нѣмецкому) не ѣхать на войну ни съ княземъ, ни съ Русью, если самъ не захочетъ; также и русскому не ѣхать на войну съ латинскимъ (княземъ) ни въ Ригѣ, ни на Готскомъ берегѣ (о. Готландъ): если кто самъ захочетъ, пусть ѣдетъ“. Цѣлью грамоты вѣдь было „снова урядить миръ“ между Русью и всѣмъ „латинскимъ языкомъ, кто у Руси гоститъ“—ведетъ торговлю съ Русью: потому что раньше „немирно было всѣмъ купцамъ“, торговавшимъ между Смоленскомъ, съ одной стороны, Ригою и Готландомъ, съ другой. „Латинскій“ и „русинъ“ грамоты были нѣмецкій и русскій к у п ц ы,—люди по „старой пошлинѣ“ всегда препоясанные мечомъ; ихъ содѣйствіе на войнѣ всякому князю было цѣнно, тѣмъ болѣе, что войны этого князя часто были не чѣмъ инымъ, какъ своеобразной формой „первоначальнаго накопленія“ именно торговаго капитала. Купецъ и самъ очень охотно воевалъ: не даромъ „торговать“ и драться были такія близкія другъ другу понятія въ древне-русскомъ языкѣ. „И створися п р о т о р ж ь не мала на Ярославли дворѣ, и с ѣ ч а б ы с т ь“ разсказываетъ новгородскій лѣтописецъ объ одномъ изъ обычныхъ въ вольномъ городѣ переворотовъ, когда славенскій конецъ революціоннымъ путемъ смѣнилъ посадника, но наткнулся на сопротивленіе другихъ концовъ. Какъ,

*) Letourneau. L'évolution du commerce, p. 334.

однако, ни охочь былъ до драки торговый человѣкъ, принудительная воинская повинность могла бы стѣснить его торговыя операціи: вотъ почему риго-смоленская грамата и оговариваетъ согласіе самого купца, какъ непремѣнное условіе его участія въ чужомъ походѣ. Зато, разъ рѣчь шла о защитѣ своей торговой общины и ея интересовъ, къ купцамъ обращались въ первую голову и о ихъ несогласіи тутъ уже не могло быть и мысли: это было всегда готовое боевое ополченіе. Поссорившись съ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ и предвидя неминуемое вооруженное столкновеніе, новгородское вѣче прежде всего другого конфисковало имущество бояръ, „пріятелей“ князя, „и даша купцамъ крутитися на войну“. Когда Литва неожиданно напала на Старую Руссу, городъ защищали вмѣстѣ съ сбѣжавшимися наспѣхъ горожанами, „огнищане и гридьба“ (окрестные землевладѣльцы и наемные скандинавскіе ратники) „и кто купьцъ и гости“. А когда въ войну Новагорода съ Михаиломъ Тверскимъ „попущеніемъ Божьимъ сотворилось не мало зла“, на полѣ битвы вмѣстѣ съ „мужами и боярами новгородскими“ осталось и „купцовъ добрыхъ много“ *).

Торговецъ былъ военнымъ человѣкомъ, товаръ былъ военной добычей—и мѣсто храненія товара, естественно, было военнымъ лагеремъ. Это прежде всего сказалось опять-таки въ языкѣ: слово товаръ обозначало у древне-русскаго лѣтописца, во-первыхъ, всякое вообще имущество. Напавъ на усадьбу князя Игоря Ольговича, его противники нашли тамъ „готовизны много“—много, въ томъ числѣ, и „тяжкаго товару всякаго, до желѣза и до мѣди“, такъ что и на телѣгахъ его было не увезти. Причемъ, часть имущества, предназначенная для продажи—„товаръ“ въ нашемъ смыслѣ—совершенно не выдѣлялась изъ общей массы. Новгородская лѣтопись разсказываетъ, какъ князь Мстиславъ Мстиславичъ („Удалой“), напавъ на Торжокъ, захватилъ тамъ дворянъ своего конкуррента, Святослава Всеволодовича, и „оковалъ“ ихъ: „а товара ихъ кого рука дойдетъ“. Рука князя Мстислава была длинная, и его соперникъ—вѣрнѣе, отецъ его, такъ какъ самъ Святославъ былъ малолѣтній—эту руку почувствовалъ. Сначала онъ попытался было отвѣтить репрессаліями, задержавъ новгородскихъ гостей съ ихъ товарами. Но когда Новгородъ, въ свою очередь, отвѣтилъ на это арестомъ Святослава и остатка его свиты, Всеволодъ пошелъ на миръ. „И пустилъ Мстиславъ

*) Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1137, 1234 и 1315 г.

Святослава и мужъ его, а Всеволодъ пусти гость съ товары". Это полное нежеланіе отличать потребительную цѣнность отъ мѣновой чрезвычайно характерно для эпохи натуральнаго хозяйства: но для прослѣживаемой нами связи еще характернѣе другое смѣшеніе. Когда Владиміръ Святой, отправившись воевать съ печенѣгами, получилъ приглашеніе печенѣжскаго князя рѣшить споръ поединкомъ двухъ бойцовъ, русскаго и печенѣжскаго, онъ „пришедъ въ товары, посла по товаромъ бирюча" спрашивая: нѣтъ ли такого мужа, который бы взялъ на себя драться съ печенѣгомъ. Нигдѣ, можетъ быть, политика, какъ оболочка экономики, не выступаетъ передъ нами съ такимъ наивнымъ простодушіемъ. Экономическое содержаніе понятія вывѣтрилось; отъ торговца, опоясаннаго мечомъ, виденъ уже только одинъ мечъ, но звуки остались старые и предательски разъясняютъ намъ, зачѣмъ этотъ мечъ понадобился, предательски напоминаютъ намъ о томъ времени, когда военный станъ русскаго князя былъ просто стоянкой разбойниковъ, хоронившихъ здѣсь награбленное ими добро, которымъ они готовились торговать въ чужихъ земляхъ.

Это совмѣщеніе торговаго склада съ казармой держалось очень упорно, долгое время послѣ того, какъ, если не первоначальное добываніе „товара", то, по крайней мѣрѣ, его дальнѣйшія передачи совершались уже въ мирныхъ, легальныхъ формахъ. Вотъ какими чертами описываетъ поселокъ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ одинъ русскій историкъ. „Какъ мѣста, предназначенныя для того, чтобы служить безопаснымъ убѣжищемъ, оба двора, и Готскій и Нѣмецкій, были огорожены высокимъ тыномъ, поддержаніе котораго было однимъ изъ постояннѣйшихъ заботъ нѣмецкаго купечества. Крѣпкія ворота поддерживали общеніе этихъ иноземныхъ цитаделей съ остальнымъ населеніемъ чуждаго и нерѣдко враждебнаго имъ города.... Порядокъ, господствовавшій во дворѣ, поддерживался строго: приняты были всѣ мѣры, чтобы никто не нарушалъ законовъ, клонившихся къ этой цѣли. Особенное вниманіе было обращено на внѣшнюю безопасность двора. Денно и нощно охраняли дворъ сторожа, и кто изъ кнехтовъ пренебрегалъ своей обязанностью, тотъ платилъ 15 кунъ, или же подвергался отвѣтственности хозяинъ, если пренебреженіе послѣдовало по его винѣ. Кромѣ того, вечеромъ спускаемы были большія цѣпныя собаки, которыя грозили разорвать всякаго непрошеннаго пришельца. Церковь, какъ складочное мѣсто, была предметомъ особеннаго попеченія. Каж-

дую ночь спали въ ней два человѣка, которые отнюдь не могли быть ни братьями, ни компаньонами, ни слугами одного и того же хозяина, и тотъ, кто вводилъ ихъ вечеромъ въ въ церковь, долженъ былъ запирать за ними дверь и ключи вручать ольдерману. Церковная стража совершалась по очереди и распространялась одинаково на жилища, находившіяся какъ на дворѣ, такъ и внѣ послѣдняго. Тѣ, которые держали послѣднюю стражу, должны были во время трапезы напомнить о предстоящей обязанности тѣмъ, которые слѣдовали за ними непосредственно. Кромѣ собственно внутреннихъ церковныхъ стражей, у воротъ храма стоялъ еще, въ продолженіе цѣлой ночи, третій и смотрѣлъ, чтобы никто изъ туземцевъ не пробрался въ сосѣдство церкви: боязнь послѣднихъ была такъ велика, что запрещалось, подъ страхомъ наказанія, носить ключъ такъ открыто, чтобы его можно было видѣть" *).

Можно бы подумать, что все это больше дѣло традиціи, пережитокъ, уже лишившійся смысла — или же, что такія мѣры предосторожности были нужны только въ варварской Россіи, и что просвѣщенный западъ стоялъ въ этомъ отношеніи много выше. Но возьмите три первыхъ, по времени, упоминанія новгородской лѣтописи о торговыхъ путешествіяхъ новгородцевъ на этотъ самый западъ. Самое раннее изъ нихъ повѣствуетъ о несчастіи стихійномъ: „и сами истопоша, и товаръ". Но во второмъ мы встрѣчаемся уже съ общественными отношеніями: „томь же лѣтѣ рубоша новгородець за моремъ въ Дони (Даніи)". А въ третьемъ эти отношенія принимаютъ еще болѣе осязательную форму: „приходи свейскій князь съ епископомъ въ 60 шнекахъ на гость, иже изъ за морья шли въ трехъ лодьяхъ; и бишася, не успѣша ничтоже (свейскій князь съ епископомъ) и отлучиша ихъ три лодьи, избиша ихъ до полутораста" **). Этотъ пиратствующій епископъ еще разъ напоминаетъ намъ объ участіи средневѣковой церкви въ средневѣковой торговлѣ, со всѣми ея особенностями. Но обыкновенно представители церкви брали себѣ менѣе активную роль—не добывателей, а хранителей товаровъ. Мы видимъ, что центромъ нѣмецкой торговой цитадели въ Новгородѣ была католическая церковь Св. Петра. Но и православныя церкви систематически выполняли ту же функцію. Мы уже знаемъ, что около одной изъ нихъ, Іоанна Предтечи, что

*) Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода, стр. 113 и 127.

**) Новгородская. 1-я гл., 1130, 1134, 1142.

на Опокахъ, группировалась главнѣйшая изъ новгородскихъ коммерческихъ компаній — торговцы воскомъ. Другія были просто товарными складами. Описывая огромный Новгородскій пожаръ 1340 года, лѣтописецъ жалуется на „злыхъ человѣковъ“, которые не только что у своей братьи пограбили, а иныхъ надъ своимъ товаромъ побили, а товаръ себѣ взяли, „но и въ святыхъ церквахъ—гдѣ бы всякому христіанину, хоть свой домъ бросить, а церковь постеречь“. Въ церкви 40 мучениковъ „товаръ весь, чей бы ни былъ, все разграбили; иконъ и книгъ не дали носить—какъ только сами (воры) выбѣжали изъ церкви, такъ все и занялось; и сторожей двухъ убили. А у святой Богородицы въ торгу попъ сгорѣлъ; говорятъ иные, что и его убили надъ товаромъ: церковь вся сгорѣла, и иконы и книги—а у него огонь даже волосъ не тронулъ; а товаръ весь разграбили“. Для очень распространеннаго предразсудка насчетъ силы и вліянія религіознаго чувства въ средніе вѣка, эта реалистическая картинка лѣтописи весьма поучительна. Практичные нѣмцы были правы, когда, не полагаясь на „святость мѣста“, держали около своей церкви-склада хорошихъ цѣпныхъ собакъ и вооруженнаго сторожа.

Если мы упустимъ изъ виду это сочетаніе войны, торговли и разбоя, мы ничего не поймемъ въ организаціи древне-русскаго г о р о д а. Для насъ останется совершенной загадкой роль, напримѣръ, т ы с я ц к а г о—главнаго командира городскихъ „воевъ“. Еще мы сможемъ понять, и не привлекая къ дѣлу экономическихъ отношеній, положеніе тысяцкаго, какъ перваго послѣ князя лица. Русская Правда перечисляя сотрудниковъ Мономаха, въ его „сиссахтіи“ — въ изданіи знаменитаго устава о ростѣ, которымъ мы еще займемся ниже—на первомъ мѣстѣ послѣ самого Владиміра Всеволодовича ставитъ „Ратибора, тысяцкаго Кіевскаго, и Прокопія, тысяцкаго Бѣлогородскаго, Станислава, тысяцкаго Переяславскаго...“ „Изяславъ“, разсказываетъ Лаврентьевская лѣтопись, „послалъ впередъ себя въ Кіевъ, къ брату своему Владиміру и къ Лазарю тысяцкому двухъ мужей...“ „Георгій Ростовскій и тысяцкій окова гробъ Федосьевъ, игумена Печерьскаго...“ (Ипат. подъ 1130 г.). Сможемъ понять и то, какимъ образомъ судъ тысяцкаго въ Новгородѣ по нѣкоторымъ дѣламъ вытѣснилъ судъ княжой. Но когда рѣчь заходитъ объ опредѣленіи этихъ дѣлъ, объ установленіи компетенціи тысяцкаго—тутъ никакія современныя аналогіи намъ не помогутъ. Наша мысль пріучена къ тому, что военный

генералъ—лицо важное. Но когда какой-нибудь современный генералъ-губернаторъ привлекаетъ къ своему трибуналу торговыя тяжбы коммерсантовъ, всѣмъ это кажется до нельзя страннымъ. А между тѣмъ главный генералъ Новгорода—„герцогъ“, какъ его величали нѣмецкіе купцы—именно этими самыми дѣлами и завѣдывалъ. Тысяцкій былъ предсѣдателемъ спеціально коммерческаго суда—и въ этой области онъ былъ такъ же самостоятеленъ, какъ владыка-архіепископъ въ области суда церковнаго. „И я князь великій Всеволодъ“, говоритъ учредительная грамота знакомаго уже намъ товарищества Ивана Предтечи на Опокахъ „поставилъ святому Ивану трехъ старостъ отъ житьихъ людей, и отъ черныхъ тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты—управливать имъ всякія дѣла Иванскія, и торговыя, и гостинныя и судъ торговый; а Мирославу посаднику въ то не вступаться, ни инымъ посадникамъ, ни боярамъ новгородскимъ—въ Иванское ни во что не вступаться“. „А во владычень судъ и въ тысяцкаго, а въ то ся тебѣ не вступати...“, писали новгородцы въ послѣднемъ договорѣ, который былъ заключенъ еще вольнымъ городомъ,—объясняя свою „старину и пошлину“ польскому королю Казиміру IV. И только вспомнивъ препоясаннаго мечомъ рижскаго купца, явившагося въ витебскую область покупать дѣвицъ, мы поймемъ, почему главный начальникъ всѣхъ, кто носилъ мечъ, былъ и главнымъ судьею всѣхъ, кто торговалъ—на такомъ же точно основаніи, на какомъ верховнымъ судьею въ военномъ лагерѣ является главнокомандующій арміею. А если генералъ былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ купцовъ, то естественно, что его полковники, „сотскіе“, были ихъ вице-начальники, и что древне-русскіе купцы дѣлились на сотни точно такъ же, какъ теперешніе распадаются на гильдіи. „А купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ къ Новгороду, какъ пошло“, гласитъ тотъ же договоръ новгородцевъ съ Казиміромъ IV. Изъ одного позднѣйшаго, быть можетъ, но, во всякомъ случаѣ, достаточно древняго, прибавленія къ Русской Правдѣ мы узнаемъ, что эти „сотни“ назывались по именамъ своихъ командировъ—„Давыдово сто“, „Ратиборово сто“, „Кондратово сто“,—какъ русскіе полки при императорѣ Павлѣ Петровичѣ— и имѣли вполнѣ опредѣленное территоріальное значеніе, почему по нимъ и разверстывалась повинность мощенія новгородскихъ улицъ. Очевидно, что первоначально такой купеческій поселокъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ нѣмецкаго двора, все населеніе котораго было связано единствомъ дисциплины

и командованія, а потомъ постепенно обратился въ одинъ изъ городскихъ кварталовъ.

Только въ связи со всѣми этими фактами становится намъ ясна и роль древне-русскаго вѣча. Давно уже прошли тѣ времена, когда вѣчевой строй считался специфической особенностью нѣкоторыхъ городскихъ общинъ, которыя такъ были и прозваны „вѣчевыми“ — Новгорода, Пскова и Вятки. Вѣчевыя общины стали представлять собой исключеніе изъ общаго правила лишь тогда, когда само это правило уже вымирало: это были послѣднія представительницы того уклада, который до XIII вѣка былъ обще-русскимъ. „Вѣча собираются во всѣхъ волостяхъ. Они составляютъ думу волости..... Таково свидѣтельство современника. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозрить его правдивость.....“. „Отъ XII вѣка и ближайшихъ къ нему годовъ смежныхъ столѣтій мы имѣемъ болѣе 50 частныхъ свидѣтельствъ о вѣчевой жизни древнихъ городовъ со всѣхъ концовъ тогдашней Россіи“ *). Чтобы рельефнѣе выставить независимость этого учрежденія отъ мѣстныхъ, новгородскихъ, условій, цитируемый нами авторъ намѣренно оставляетъ въ сторонѣ всѣ данныя, касающіяся вѣча въ Новгородской волости. И это отнюдь не лишило набросанную имъ картину яркости красокъ, совсѣмъ напротивъ. „Можетъ показаться даже невѣроятнымъ, что извѣстія нашихъ памятниковъ о вѣчевой практикѣ Новгорода и Пскова скуднѣе, чѣмъ извѣстія о кіевской практикѣ. А, между, тѣмъ это такъ. Кіевскій лѣтописецъ оставилъ намъ довольно полную картину вѣча 1147 года, сѣверные же не дали ничего подобнаго“ **).

Событія 1146—47 годовъ очень подробно, мѣстами до наглядности описанныя лѣтописью, являются, дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ образчиковъ вѣчевой практики, какіе мы только имѣемъ. Мы не будемъ пока касаться вопроса о происхожденіи вѣчевого строя, ни эволюціи послѣдняго, ибо было бы очень неосторожно думать, что вѣче на всемъ протяженіи своей исторіи всегда было однимъ и тѣмъ же, какъ можетъ, пожалуй, показаться читателю только что цитированнаго изслѣдованія. Древне-русскія „республики“ начали аристократіей происхожденія, а кончили аристократіей капитала. Но въ промежуткѣ онѣ прошли

---

*) Сергѣевичъ. „Вѣче и Князь (Русск. Юрид. древности, т. II, вып. I). Авторъ собралъ самый полный фактическій матеріалъ для характеристики вѣча. и въ этомъ отношеніи къ его работѣ нечего прибавить.

**) Ibid, стр. 60.

стадію, которую можно назвать демократической: въ Кіевѣ она падаетъ какъ разъ на первую половину XII вѣка. Въ этотъ періодъ хозяиномъ русскихъ городовъ является, дѣйствительно, народъ. Посмотримъ, что же онъ изъ себя представляетъ. Вотъ кіевское вѣче 1146 года. Народъ рѣшаетъ на немъ самый важный политическій вопросъ—кому быть княземъ въ Кіевѣ; передъ нами своего рода учредительное собраніе. Представитель кандидата на княжескій столъ—его родной братъ—ведетъ переговоры съ вѣчемъ, какъ равный съ равнымъ. Переговоры кончены—стороны столковались, остается заключительная церемонія обоюдной присяги: граждане должны присягнуть, что будутъ повиноваться вновь избранному князю, а представитель послѣдняго, а потомъ и онъ самъ присягаютъ, что будутъ честно исполнять условія, на которыхъ князь выбранъ. „Святославъ же (братъ вновь избраннаго князя Игоря Ольговича) сошелъ съ коня и на томъ цѣловалъ крестъ къ нимъ на вѣчѣ; а кіевляне всѣ, сойдя съ коней, начали говорить: „братъ твой князь и ты“. И на томъ цѣловали крестъ всѣ кіевляне и съ дѣтьми, что они не измѣнятъ Игорю и Святославу“. Остановимся сначала на послѣднемъ изъ подчеркнутыхъ нами выраженій. Что это значитъ? Маленькихъ дѣтей что ли приводили на вѣче и заставляли цѣловать крестъ? Нѣтъ, цѣловавшіе крестъ предварительно „сходили съ коней“—малолѣтнихъ между ними быть не могло. Это значитъ, что Игорю присягали не одни только главы семействъ, „дворохозяева“ по теперешнему, а дѣйствительно весь народъ—т.-е. всѣ взрослые мужчины, способные носить оружіе. Это послѣднее съ непререкаемой очевидностью вытекаетъ изъ двухъ первыхъ выраженій, подчеркнутыхъ нами. Вся сцена носила чисто военный характеръ. Обѣ договаривающіяся стороны сидѣли верхомъ на коняхъ и были, конечно, вооружены. Князя Игоря выбирали тѣ самые „вои“, предводитель которыхъ, тысяцкій, былъ въ то же время предсѣдателемъ коммерческаго суда: князя выбирало городское ополченіе. Политически именно оно и представляло собою городъ.

Возьмемъ теперь вѣче 1147 года. Всего годъ прошелъ, но въ Кіевѣ за это обильное событіями время успѣлъ произойти рядъ перемѣнъ. Игорь, которому только что цѣловали крестъ, больше не князь: онъ запертъ въ монастырь св. Ѳеодора, а на столѣ популярный среди кіевлянъ представитель „мономахова племени“, Изяславъ Мстиславичъ. Но и съ нимъ уже у стольнаго города успѣли начаться нелады,

Похороны Руса въ Булгарѣ.

Оригиналъ картины Г. И. Семирадскаго *Похороны Руса въ Булгарѣ* написанъ на стѣнѣ одной изъ залъ Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ; рядомъ съ ней помѣщается другая картина того же художника *Святославъ на Дунаѣ—ночное жертвоприношеніе*. На этой второй картинѣ, снимка съ которой мы не приводимъ, Семирадскій изобразилъ одинъ изъ эпизодовъ въ повѣствованіи византійскаго историка Льва Дьякона, описавшаго погребеніе воиновъ кіевскаго князя Святослава Игоревича: ночью, при появленіи полной луны, руссы вышли изъ города на поле сраженія, собрали тѣла своихъ убитыхъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, расположенныхъ у стѣны; въ то же время они умертвили, по своему обычаю, множество плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ, утопили въ Дунаѣ грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ. Картина *Похороны Руса* представляется и болѣе характерной, и болѣе удачной; въ цѣломъ она знакомитъ и съ манерой письма Семирадскаго, и съ одной изъ любопытнѣйшихъ сценъ древняго похороннаго ритуала у славяно-руссовъ. Картина воспроизводитъ одинъ изъ моментовъ разсказа арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Фадлана, географа и путешественника; онъ посѣтилъ Булгаръ, столицу царства камскихъ болгаръ, находившуюся при впаденіи р. Камы въ Волгу; сюда заѣзжали русскіе купцы, и Ибнъ-Фадланъ, оказавшись свидѣтелемъ похоронъ руса, подробно описалъ весь ритуалъ погребенія въ своемъ повѣствованіи, переведенномъ на русскій языкъ въ книгѣ А. Я. Гаркави. *Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ*. Спб. 1870. На картинѣ Семирадскаго видимъ исторически характерный обычай погребенія (по Ибнъ-Фадлану трупосожженія) въ лодкѣ, что не составляетъ особливой формы похоронъ у славянъ, такъ какъ подобный обычай извѣстенъ и у другихъ народностей. Изображенъ моментъ, когда лодка была вытащена на берегъ и поставлена на четырехъ столбахъ, вкопанныхъ въ землю. Покойникъ-русъ, одѣтый въ лучшія одежды, былъ посаженъ на дорогое сидѣнье въ лодкѣ и окруженъ со всѣхъ сторонъ подушками. Въ числѣ жертвъ была принесена дѣвушка, обрекшая себя на смерть, причемъ предварительно друзья покойнаго совершили надъ ней символическій обрядъ, который не могъ выполнить самъ покойный ея владыка, т.-е. сочетались съ ней бракомъ. Трупъ дѣвушки посадили рядомъ съ покойникомъ, зажгли лодку, пламя высоко взвилось въ гору, все покрылось густымъ дымомъ и, когда сгорѣло, то надъ костромъ насыпали высокій курганъ. Погребеніе въ ладьѣ по раскопкамъ извѣстно, но трупосожженіе съ ладьей встрѣчается, кажется, только у Ибнъ-Фадлана (срв. у Д. Н. Анучина *Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда*. М. 1890). Коротко о погребеніяхъ у славянъ говоритъ начальный лѣтописный сводъ (Лаврент., стр. 13): «И аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и посемь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь, собравше кости, вложаху в судину малу, и поставляху на столпѣ на путехъ, еже творять вятичи и нынѣ». Раскопки показали, что постановка сосудовъ съ пепломъ въ курганахъ является обычной въ славяно-русскихъ языческихъ погребеніяхъ. Помимо кургановъ съ трупосожженіемъ и полей погребальныхъ урнъ, по даннымъ археологическихъ раскопокъ, хорошо извѣстны также курганы съ трупосожженіемъ. Тотъ или другой погребальный обрядъ, отражая бытовыя черты, а слѣдовательно, и формы религіозныхъ воззрѣній, говоритъ въ данномъ случаѣ совершенно ясно о томъ, что у русскихъ славянъ X вѣка существуютъ еще человѣческія жертвоприношенія; ихъ помнитъ и лѣтописный сводъ въ разсказѣ подъ 983 годомъ, перенесенномъ на полотно художникомъ П. С. Сорокинымъ *Первые мученики на Руси*, находившееся въ собраніи К. Т. Солдатенкова, нынѣ въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

В. Стор.

и онъ ушелъ на войну противъ своего дяди Юрія безъ городского ополченія: съ Изяславомъ отправились только его дружина да охотники изъ числа горожанъ. Война пошла плохо—къ Юрію пристали Ольговичи, родня низвергнутаго Игоря. Изяславу нужно уладить свои дѣла съ Кіевомъ, и онъ посылаетъ къ вѣчу пословъ. Тѣ сначала заручаются поддержкой первыхъ лицъ въ городѣ—митрополита и тысяцкаго,—а потомъ ужъ обращаются къ народу. Когда кіевляне всѣ, „отъ мала и до велика“ (мы уже знаемъ теперь, что это значитъ), собрались „къ святой Софьѣ на дворъ“ и „стали вѣчемъ“, одинъ изъ пословъ держитъ къ нимъ такую рѣчь: „Цѣлуетъ васъ князь вашъ. Я вамъ объявлялъ, говоритъ онъ, что думаю съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Владиміромъ и съ Изяславомъ Давыдовичами (это были родственники Игоря) пойти на дядю своего, Юрія, и васъ съ собою звалъ. А вы мнѣ сказали: не можемъ поднять руки на Юрья, на племя Владиміра (Мономаха), а на Ольговичей (т.-е. на родственниковъ Игоря) пойдемъ съ тобой хоть и съ дѣтьми. Теперь же объявляю вамъ: Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Всеволодовичъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали мнѣ крестъ; а потомъ тайно отъ меня цѣловали крестъ Святославу Ольговичу (брату Игоря) и послали къ Юрью, а мнѣ измѣнили, хотѣли меня либо убить изъ-за Игоря, либо схватить, но меня Богъ сохранилъ и крестъ честной, на которомъ они мнѣ присягали. Такъ вотъ, братья кіевляне, теперь есть то, чего вы хотѣли, и наступило время исполнить ваше обѣщаніе: идите за мною на Черниговъ, противъ Ольговичей, отъ мала и до велика, у кого есть конь, на конѣ, а кто не имѣетъ коня, въ лодкѣ: они вѣдь не меня одного хотятъ убить, но и васъ искоренить“. И кіевляне сказали: „рады, что тебя, брата нашего, спасъ Богъ отъ великой измѣны, идемъ за тобой и съ дѣтьми, если хочешь“. Оставимъ на минуту это само по себѣ въ высшей степени характерное, братанье князя съ вѣчемъ: рѣдко гдѣ они такъ отчетливо выступаютъ, какъ двѣ совершенно равноправныхъ силы. Но съ кѣмъ братался Изяславъ? Къ кому можно было держать такую рѣчь: „идите за мной, у кого есть конь, на конѣ, а то въ лодкѣ?“ Передъ нами опять вооруженный городъ: народное ополченіе съ правами верховнаго учредительнаго собранія.

Какое бы мы вѣче ни взяли, южно-русское или даже позднѣйшее, новгородское, мы встрѣтимъ въ общихъ чертахъ ту же картину. Рѣдко она бываетъ столь выразительна, какъ

то вѣче, которое смольняне устроили въ 1185 году въ разгарѣ самого похода противъ половцевъ, когда ихъ князь повелъ ихъ дальше, чѣмъ было условлено. Но еще и въ Новгородѣ въ 1359 году одинъ политическій споръ былъ рѣшенъ славенскимъ концомъ въ свою пользу только потому, что славляне догадались выйти на вѣче въ доспѣхахъ, тогда какъ ихъ болѣе многочисленные противники не приняли этой мѣры предосторожности—и были „побиты и полуплены". Непрерывныя драки на вѣчахъ, которыя въ доброе старое время историки наивно объясняли „буйствомъ" новгородской „черни", легче всего станутъ намъ понятны, если мы представимъ себѣ вѣче, какъ своего рода солдатскій митингъ—собраніе людей, мало привычныхъ къ парламентской дисциплинѣ, но весьма привычныхъ къ оружію и не стѣснявшихся пользоваться этимъ вѣскимъ аргументомъ. Вспомнивъ эту особенность древне-русской демократіи, мы легче всего поймемъ такъ же и то, почему она въ спорѣ съ князьями всегда оказывалась болѣе сильной, до тѣхъ самыхъ поръ, пока не измѣнился военный строй древней Руси, и городскія ополченія не уступили мѣсто крестьянско-дворянской арміи великаго князя Московскаго. Вѣче было воплощеніемъ той матеріальной силы, на которую непосредственно опирался князь въ борьбѣ со своими соперниками. Княжеская дружина, считавшаяся обычно сотнями, рѣдко поднимавшаяся до тысячъ, была, въ военномъ отношеніи, чѣмъ-то среднимъ между отрядомъ тѣлохранителей и главнымъ штабомъ. Это была качественно лучшая, въ смыслѣ боевой подготовки, часть войска, но количественно она была настолько слаба, что въ Новгородѣ, напримѣръ, князья даже никогда не пытались опереться на нее противъ вооруженнаго вѣча. Безъ городскихъ „воевъ" нельзя было предпринять ни одного серьезнаго похода—и отказъ ихъ въ повиновеніи князю былъ фактическимъ концомъ его власти. Онъ безъ всякой „революціи" въ нашемъ смыслѣ переставалъ быть княземъ, т.-е. *военачальникомъ*. Ибо, если вѣче было самодержавной арміей, то весь смыслъ существованія князя заключался въ томъ, что онъ былъ главнокомандующимъ этой арміи, тоже самодержавнымъ, пока она его слушалась, и болѣе безсильнымъ, чѣмъ любой сельскій староста, какъ только наступало обратное.

Сравненіе князя кіевско-новгородской Руси съ сельскимъ старостой, „которому каждый въ міру послушенъ, но *весь* міръ ихъ выше и можетъ смѣнять и наказывать", принадле-

жить не намъ, а К. Аксакову. При всѣхъ своихъ научныхъ недостаткахъ славянофильская схема русской исторіи, благодаря особенностямъ того угла зрѣнія, подъ которымъ она разсматривала древне-русскую дѣйствительность, имѣетъ за собой крупную заслугу; она, въ сущности, уже шестьдесятъ лѣтъ назадъ покончила съ той модернизаціей древне-русскихъ политическихъ учрежденій, которая изъ князя дѣлала государя въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Однимъ изъ первоначальныхъ виновниковъ этой модернизаціи является, правда, человѣкъ весьма древній—самъ кіевскій лѣтописецъ, скомпилировавшій, не безъ публицистическихъ цѣлей, „начальный сводъ“ въ первой четверти XII столѣтія. Современникъ Владиміра Мономаха, выступившаго, дѣйствительно, съ широкой соціально-политической программой,—ея намъ еще придется коснуться дальше—ученикъ византійскихъ хронографистовъ, съ ихъ библейско-римскимъ представленіемъ о государственной власти, составитель нашей начальной лѣтописи готовъ былъ и перваго русскаго князя рисовать по образу и подобію ветхозавѣтныхъ царей и константинопольскихъ императоровъ. Но Римская Имперія—восточная, какъ и западная—хотя и возникла, по мнѣнію блаженнаго Августина, изъ разбойничьей шайки, въ историческое время была уже прочно сложившейся полицейской организаціей: и вотъ, цѣлью призванія Рюрика оказывается установленіе внутренняго „наряда“. Хотя объ этой цѣли говорится якобы собственными словами собравшихся на вѣче славянъ IX вѣка, однако эта литературная форма не должна насъ обманывать. Ни одного факта внутренняго строительства ни для Рюрика, ни для его ближайшихъ преемниковъ лѣтописецъ привести не сумѣлъ: то немногое, что мы отъ него узнаемъ, сводится къ тому, что Рюрикъ „срубилъ городъ надъ Волховомъ“ и продолжалъ то же въ другихъ мѣстахъ, вездѣ „срубая города“ и ставя въ нихъ варяжскіе гарнизоны. Олега, Игоря, Святослава мы встрѣчаемъ опять-таки лишь въ роли руководителей военныхъ дѣйствій—руководителей иногда символическихъ, какъ мы видѣли во II главѣ, что еще болѣе характерно—и лишь по поводу Ольги мы узнаемъ кое-что о внутренней работѣ княжеской власти, но эта внутренняя работа сводилась къ установленію „даней и оброковъ“; съ разбоями началъ бороться—будто бы—Владиміръ Святой, да и то неудачно для перваго раза. Съ Ярославомъ Владиміровичемъ преданіе связываетъ появленіе Русской Правды. Но въ лѣтопись это преданіе попало очень поздно—въ древнѣйшихъ спискахъ Новгородской первой лѣ-

тописи его нѣтъ; а по существу дѣла совершенно ясно, что этотъ сборникъ судебныхъ рѣшеній не могъ быть продуктомъ чьего бы то ни было законодательнаго творчества. Самое большее, что можно утверждать, это—принадлежность „мудрому“ князю перваго по порядку изъ записанныхъ неизвѣстно кѣмъ и когда рѣшеній, но и то со всевозможными оговорками, ибо прослѣдить заголовокъ—„Судъ Ярославль Володимерича“—мы можемъ не дальше конца XIII вѣка. Къ тому времени со смерти Ярослава прошло два съ половиной столѣтія: сколько за это время могло возникнуть легендъ, легко себѣ представить. Лѣтопись же и о Ярославѣ сообщаетъ, главнымъ образомъ, то же, что о его предшественникахъ: „побѣди Брячислава“, „вся Белзъ“, „иде на Ятвягы“, „иде на Литву“. Причемъ любопытно, что, чѣмъ древнѣе списокъ лѣтописи, тѣмъ меньше мы въ немъ находимъ данныхъ о Ярославѣ, несмотря на то, что нѣкоторыя извѣстія,—напримѣръ, закладка святой Софіи,—повторяются дважды подъ разными годами *). Словомъ, чтобы найти князя-реформатора, такъ или иначе пытавшагося установить въ землѣ порядокъ, намъ нужно подняться до первой половины XII столѣтія, гдѣ въ лицѣ Владиміра Всеволодовича мы и найдемъ, по всей вѣроятности, оригиналъ портрета, въ различныхъ варіаціяхъ повторяемаго лѣтописью. Но дѣятельность Мономаха, какъ увидимъ дальше, отнюдь не была нормой даже для древней Руси вообще. Характерно, что и этотъ завершитель кіевской „демократической революціи“ XI—XII вѣковъ самъ цѣнилъ въ себѣ больше всего храбраго и удачливаго генерала, совершившаго 83 большихъ похода, не считая мелкихъ. Объ нихъ онъ очень подробно распространяется въ своемъ знаменитомъ „поученіи“, тогда какъ на его внутреннюю дѣятельность мы находимъ тамъ лишь самыя скудныя указанія. Для его современниковъ и потомковъ мы не найдемъ и такихъ: самое большее, если лѣтописецъ намъ скажетъ, насколько энергично тотъ или другой князь собиралъ свой судебный доходъ, „виры“ и „продажи“. Но большая настойчивость въ этомъ случаѣ сулила князю плохую репутацію—усиленное собираніе уголовныхъ штрафовъ населеніе склонно было разсматривать какъ своего рода злоупотребленіе властью и приравнивать его къ грабежу **). Внутренній порядокъ населеніе умѣло поддерживать само: когда въ Новгородской землѣ судъ вѣчевого города сложился въ свою окончательную форму, княжеская иниціа-

*) См., напр., новгородскую первую съ 1017—1041 гг.
**) См., напр., Ипатскую лѣтопись подъ 1093 годомъ.

тива изъ него была вовсе устранена. Но и Новгородъ не могъ обойтись безъ князя, ибо „тяжко“ было тогда городу, у котораго не осталось „никакого князя“, какъ это было съ Кіевомъ въ 1154 году. А почему тяжко бывало городу безъ князя, это вполнѣ отчетливо объяснилъ старый другъ и старый непріятель Новгорода, Всеволодъ Юрьевичъ „Великій“ (иначе извѣстный подъ именемъ „Большого Гнѣзда“). „Въ землѣ вашей ходитъ рать“, говорилъ онъ новгородцамъ въ 1205 году, „а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ, такъ вотъ, даю вамъ старшаго своего сына, Константина“. И въ XIII вѣкѣ, какъ въ IX, князь былъ нуженъ, прежде всего другого, для ратнаго случая: оттого однимъ изъ самыхъ сильныхъ обвиненій противъ князя и было, если онъ „ѣхалъ съ полку переди всѣхъ“, какъ это случилось въ 1136 году со Всеволодомъ Мстиславичемъ. Съ особеннымъ реализмомъ обрисована эта „воинская повинность“ князя въ одной изъ довольно позднихъ новгородскихъ грамотъ (1307 или 1308 года)—договорѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ. Въ тѣ времена Новгородъ держалъ ужъ не одного, а, случалось, и нѣсколькихъ князей, но все съ тою же цѣлью. На одного изъ нихъ, Ѳедора Михайловича, грамота и жалуется въ такихъ выраженіяхъ: „дали ему... городъ стольный Псковъ, и онъ хлѣбъ ѣлъ; а какъ пошла рать, и онъ отъѣхалъ, городъ бросилъ...“ За что же было и кормить хлѣбомъ князя, который на войнѣ никуда не годился?

Въ XIV вѣкѣ и въ Новгородѣ за свои недостатки князь отвѣчалъ передъ вѣчемъ. Было ли такъ всегда и вездѣ? Были ли уже Рюрикъ и его ближайшіе преемники „наемными сторожами“ Русской земли? Было ли наше вѣче въ знакомомъ намъ демократическомъ его составѣ непосредственнымъ отпрыскомъ „первобытной демократіи“, или же демократія тогда, какъ и теперь, была результатомъ долгой и упорной общественной борьбы? Лѣтописный разсказъ о призваніи князей ставитъ рѣшеніе вѣча исходнымъ пунктомъ всей русской исторіи: сходку Чуди, Славянъ и Кривичей, рѣшившую призвать Рюрика съ братьями, иначе, какъ вѣчемъ, назвать, конечно, нельзя. Но какъ въ характеристикѣ князя у начальнаго лѣтописца отразился Владиміръ Мономахъ, такъ и характеристика политической обстановки IX вѣка должна была отразить въ себѣ условія XII-го. Весь разсказъ, несомнѣнно, стилизованъ—и настолько, что разобрать его дѣйствительную историческую основу для насъ невозможно. Едва ли не приходится остановиться на томъ, что первымъ

княземъ, имя котораго запомнило преданіе, былъ Рюрикъ, что онъ пришелъ съ сѣвера и „воевалъ всюду“. Все остальное можетъ быть домысломъ компилятора—или, съ такой же степенью вѣроятности, странствующимъ сказаніемъ: извѣстно, что легенда о прибытіи англо-саксовъ въ Британію почти буква въ букву сходна съ нашимъ разсказомъ о призваніи князей изъ-за моря править Русью. Бо́льшую убѣдительность имѣютъ первые документы русской исторіи, какіе мы имѣемъ въ договорахъ первыхъ двухъ, дѣйствительно историческихъ, князей, Олега и Игоря, съ греческими императорами. Подлинность самыхъ документовъ, нѣкогда оспаривавшаяся, давно уже не подвергается никакому сомнѣнію. Очень характерно, что ни Олегъ, ни Игорь не выступаютъ въ нихъ какъ единоличные представители нѣкотораго государства, именуемаго Русью — или какъ-либо иначе. И тотъ и другой называются лишь „великими“, т.-е. старшими изъ очень многихъ русскихъ князей, „сущихъ подъ рукою“ великаго князя, но самостоятельныхъ, однако, настолько, что они имѣютъ свое, особенное, дипломатическое представительство: у нихъ есть особые „слы“—имена нѣкоторыхъ тутъ же и перечисляются. Договоръ объявляется выраженіемъ воли всѣхъ этихъ князей („похотѣньемъ нашихъ князь“). Но, очевидно, и этого было мало, чтобы придать ему въ глазахъ русскихъ законную силу: „и отъ всѣхъ, иже подъ рукою его (Олега) сущихъ Руси“, прибавляетъ договоръ Олега; „и отъ всѣхъ людей Русской земли“ заканчиваетъ перечень пословъ договоръ Игоря. Князья—только представители нѣкотораго цѣлаго, которое вовсе не думало отчуждать въ ихъ пользу всѣ свои права. Князь ведетъ текущія дѣла, но въ экстренныхъ случаяхъ выступаетъ вся „Русь“, т.-е. все торговое городское населеніе: такое именно значеніе слова „Русь“ съ совершенной ясностью устанавливается первымъ изъ судебныхъ рѣшеній, записанныхъ въ Русской Правдѣ, позднѣйшія редакціи которой нашли даже нужнымъ и прибавить, какъ бы въ скобкахъ, это значеніе къ термину „русинъ“, въ XIII вѣкѣ уже не всѣмъ понятному.

Договоровъ Олега и Игоря само по себѣ уже достаточно, чтобы устранить всякіе домыслы о якобы „великой державѣ“, основанной первымъ изъ этихъ князей — державѣ, лишь позже распавшейся на множество мелкихъ княжествъ. „Великое княженіе“ Олега было временнымъ соединеніемъ въ рукахъ одного лица власти надъ многими самостоятельными политическими единицами; позже такое же фактическое объ-

единеніе Руси имѣло мѣсто при Мономахѣ и его сынѣ Мстиславѣ. Но юридически ни Олегъ, ни Мономахъ никогда не упраздняли этой самостоятельности — имъ, по всей вѣроятности, это и въ голову не приходило, какъ не приходило въ голову тогдашнему боярину, объединивъ въ своей вотчинѣ сотни крестьянскихъ дворовъ, лишить хотя бы одинъ изъ нихъ его хозяйственной самостоятельности. Напротивъ, чѣмъ больше было отдѣльныхъ князей, „сущихъ подъ рукою“ великаго, тѣмъ больше было значеніе и этого послѣдняго. А второстепенные князья, какъ и самъ великій, въ своемъ стольномъ городѣ имѣли авторитетъ лишь постольку, поскольку ихъ поддерживало мѣстное населеніе. „Федеративный“ и „республиканскій“ характеръ древне-русскаго государственнаго строя на самыхъ раннихъ—изъ извѣстныхъ намъ—ступеняхъ его развитія устанавливается такимъ путемъ вполнѣ опредѣленно. Ничего иного, при данной экономической обстановкѣ, мы не могли бы ожидать. Древне-русскіе города отнюдь не были рынками въ современномъ смыслѣ этого слова, экономически централизующими окрестную страну вокругъ себя. Такимъ рынкомъ не удалось стать вполнѣ даже и Новгороду: даже и этотъ прогрессивнѣйшій изъ древнерусскихъ торговыхъ центровъ могъ быть вынутъ изъ своей области безъ того, чтобы послѣдняя очень это почувствовала. А его предки, города „великаго воднаго пути“ временъ Олега и Игоря, были просто стоянками купцовъ-разбойниковъ, гораздо тѣснѣе связанными съ тѣми заграничными рынками, куда эти купцы поставляли товаръ, нежели съ окрестной страной, по отношенію къ которой городское населеніе было типичнымъ паразитомъ. Никакой почвы для „единаго“ государства—и вообще государства въ современномъ намъ смыслѣ слова—здѣсь не было. Военно-торговыя ассоціаціи, вначалѣ чисто импровизированныя, далѣе все болѣе и болѣе устойчивыя, періодически выдвигали изъ своей среды вождей, выступавшихъ передъ сосѣдними народами въ видѣ „князей“ Руси. Намъ совершенно неизвѣстно, при какихъ условіяхъ званіе вождя въ цѣломъ рядѣ центровъ монополизировалось за членами одного рода — потомками Игоря: но сама по себѣ, при данномъ строѣ, наслѣдственность княжеской профессіи такъ же естественна, какъ и наслѣдственность купеческой, — а о купцѣ мы знаемъ изъ грамоты Ивана на Опокахъ, что онъ „шелъ отчиною“. Этотъ фактъ наводитъ на другое заключеніе: если княжеская власть и занятіе торговлей были организованы на вотчинномъ, патріархальномъ началѣ, естественно

предположить, что то же начало лежало въ основѣ всего строя древне-русскаго города, что та Русь, о которой идетъ рѣчь въ договорахъ, была совокупностью не отдѣльныхъ лицъ, а семей—чего-нибудь въ родѣ „печищъ“ или „дворищъ“, составлявшихъ основную соціальную ячейку сельской Руси. Два факта, повидимому, совершенно оправдываютъ такое заключеніе: во-первыхъ, то названіе, какое носитъ въ древнѣйшихъ редакціяхъ Русской Правды командующій классъ тогдашняго общества—„огнищане“. Послѣдователи Шторха, все стремившіеся объяснить торговлей въ современномъ намъ смыслѣ слова, готовы были, путемъ этимологическихъ сближеній, сдѣлать изъ этой общественной группы „работорговцевъ“ или „рабовладѣльцевъ“— или что-то въ родѣ плантаторовъ, ведшихъ крупное сельское хозяйство при помощи холопскаго труда. Но родство слова съ хорошо знакомымъ намъ „печищемъ“ слишкомъ бьетъ въ глаза—и „тіунъ огнищный“ Русской Правды гораздо больше походитъ на позднѣйшаго дворецкаго, чѣмъ на villicus'a, начальника рабовъ въ римской латифундіи. Его баринъ всего скорѣе могъ бы быть приравненъ къ позднѣйшему боярину-вотчиннику: возможно, что въ деревнѣ онъ и былъ „соціальнымъ предкомъ“ послѣдняго. Но что дѣлать съ городскими огнищанами? А изъ устава о мощеніи новгородскихъ мостовыхъ мы знаемъ, что въ Новгородѣ ихъ была цѣлая улица. Древнѣйшія редакціи Правды—памятника, сложившагося въ чисто городской обстановкѣ, какъ давно уже совершенно справедливо отмѣчено—также едва ли бы стали много заниматься сельскими жителями, а они отводятъ огнищанамъ первое мѣсто въ ряду упоминаемыхъ ими общественныхъ группъ. Приходится допустить, что огнищане были и въ городѣ, т.-е., что этотъ послѣдній представлялъ совокупность „печищъ“, или „огнищъ“, ведшихъ коллективное хозяйство, только занимавшихся не земледѣліемъ и промыслами, а торговлей и разбоемъ [1]). Другой фактъ, наводящій на ту же мысль — о патріархальномъ строеніи древнѣйшей городской общины, — тѣ, не менѣе огнищанъ, таинственные, старцы градскіе, которыхъ мы находимъ въ думѣ Владиміра Святого рядомъ съ боярами. Видѣть въ нихъ выборную „городскую старшину“, какъ кажется

[1]) Г. Прѣсняковъ („Княжое право“, стр. 231), опираясь на аналогію съ германскими терминами, видитъ въ огнищанинѣ старшаго княжескаго дружинника, члена княжескаго „огнища“. Но онъ самъ же отмѣчаетъ, что въ Новгородѣ огнищане не составляли части княжескаго двора, а были „своего рода корпораціей“. Съ другой стороны, почему же только княжескій дворъ былъ „огнищемъ“? Вѣдь и дружины были не только у князей.

нѣкоторымъ изслѣдователямъ, не приходится. выборное начало въ древне-русскомъ городѣ не ослабѣвало, а усиливалось съ теченіемъ времени. Выборный институтъ могъ измѣнить названіе, но исчезать ему не было ни малѣйшаго основанія. Другое дѣло, если мы допустимъ, что „старцы градскіе“ были главами печищъ, составлявшихъ первоначально городъ: тогда ихъ постепенное исчезновеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, будетъ какъ нельзя болѣе естественно.

Патріархальный бытъ экономически былъ тѣсно связанъ съ натуральнымъ хозяйствомъ. „Печище“ могло держаться вѣками или медленно эволюціонировать въ вотчину, только сохраняя свой характеръ, какъ самодовлѣющаго экономическаго цѣлаго. Городъ не давалъ этого основного экономическаго условія. Нѣсколько „печищъ“, укрѣпившихся въ первое время на томъ или другомъ удачно выбранномъ пунктѣ и образовавшихъ городскую аристократію, очень скоро оказывались охваченными густой массой самыхъ разношерстныхъ элементовъ, которые старая патріархальная организація не могла ассимилировать и поглотить и которые она съ трудомъ удерживала до поры, до времени. О той пестрой толпѣ, какая скучивалась въ большихъ центрахъ Поволжья и Приднѣпровья, даетъ понятіе разсказъ одного арабскаго писателя о хозарской столицѣ Итиль. „Тамъ учреждено 7 судей: два для магометанъ, два для хозаръ, которые судятъ на основаніи закона Моисеева, два для живущихъ здѣсь христіанъ, которые судятъ на основаніи Евангелія (!), и одинъ для славянъ, руссовъ и другихъ язычниковъ, которые судятъ по законамъ языческимъ“. Такой же разнообразный составъ должно было представлять населеніе и Кіева. Нѣмцы, которыхъ приводилъ съ собою на помощь Святополку польскій король Болеславъ Толстый, разсказывали потомъ, вернувшись на родину, своему епископу (Титмару Мерзебургскому), что Кіевъ, будто бы, очень большой городъ: въ немъ до 400 однѣхъ церквей, а населенъ онъ „бѣглыми рабами и проворными датчанами“, какъ называли нѣмцы всѣхъ скандинавовъ вообще по единственному знакомому имъ образцу. Изъ Житія Ѳеодосія и Печерскаго Патерика мы узнаемъ и еще объ одномъ не туземномъ элементѣ въ составѣ кіевскаго населенія: тамъ было много евреевъ, споры съ которыми о вѣрѣ составляли одно изъ занятій Ѳеодосія, отмѣченныхъ его біографомъ. Читая такой драгоцѣнный бытовой памятникъ, какъ Печерскій Патерикъ, мы получаемъ чрезвычайно живое и наглядное представленіе объ этнографической пестротѣ тогдашняго

Кіева. Въ стѣнахъ Печерскаго монастыря передъ нами смѣняются: варяжскій князь Симонъ, пришедшій изъ-за Балтійскаго моря; княжескій врачъ — армянинъ родомъ, такъ неудачно конкурировавшій съ туземными печерскими врачами, которые монастырской капустой излѣчивали самыя мудреныя болѣзни, ставившія втупикъ армянскаго врача; греческіе художники, пришедшіе на поиски заработка и для начала добраго знакомства разсказывавшіе крайне лестные для печерской обители чудеса, съ ними, художниками, случившіяся; венгерцы съ береговъ Дуная и половцы изъ сосѣднихъ южнорусскихъ степей, — словомъ, кого только ни захватывалъ въ свои волны потокъ торговаго движенія „изъ Варягъ въ Греки". Въ этой смѣси одежды и лицъ, племенъ и нарѣчій преобладали, конечно, люди, что называется, безъ роду, безъ племени. Т.-е. родъ и племя у нихъ были, но они остались гдѣ-то далеко, на родной сторонѣ, которая давно стала чужбиной, и куда человѣкъ по большей части и не разсчитывалъ вернуться. Семейное право не ограждало и не стѣсняло его болѣе: у него былъ одинъ отецъ-господинъ—торговый интересъ, который привелъ его въ Кіевъ. Мѣсто семейной организаціи, печища, занимаетъ искусственная военная организація, „сотня", съ которой мы уже сталкивались ранѣе. А рядомъ со „старцами градскими" появляются десятскіе и сотскіе съ тысяцкимъ, и скоро изъ-за послѣднихъ первыхъ становится совсѣмъ не видно.

Этотъ процессъ разложенія старыхъ патріархальныхъ ячеекъ опредѣлилъ собою и эволюцію кіевскаго вѣча. Демократизація его состояла не въ томъ, чтобы увеличивалась власть народа и падала власть князя. Права послѣдняго юридически никогда не были ограничены: пока онъ пользовался довѣріемъ и поддержкой „гражанъ", онъ могъ, не стѣсняясь, дѣлать все, что ему угодно. Изъ того же Кіево-печерскаго Патерика мы узнаемъ, что князь могъ схватить любого человѣка, даже не изъ своего княженія, начать его пытать—и запытать до смерти, доискиваясь „сокровища", на которое этотъ князь имѣлъ такъ же мало правъ, какъ и пытаемый имъ человѣкъ. Военной республикѣ, какой былъ древне-русскій городъ, неприкосновенность личности была совершенно незнакома. Когда злоупотребленія князя переходили границу терпѣнія его подданныхъ, его просто низвергали, иногда убивали, и тѣмъ дѣло кончалось. Въ этомъ отношеніи Новгородъ XV вѣка фактически мало чѣмъ отличался отъ Кіева XI вѣка. Развивались не столько юридическія

понятія и политическія формы—кое-какія перемѣны, которыя можно здѣсь прослѣдить, мы разсмотримъ въ концѣ этой главы, — сколько соціальный составъ той массы, политическимъ воплощеніемъ которой являлось самодержавное народное собраніе. Около первоначальнаго ядра, нѣсколькихъ купеческихъ родовъ, основавшихъ городъ (въ Кіевѣ сохранилось и преданіе о такомъ основателѣ, который „бѣ ловяще звѣрь“ и ходилъ въ Царьградъ—по его имени будто бы назвали и самый городъ), скоплялось множество мелкаго люда,—чернорабочихъ и ремесленниковъ, оставившихъ память о себѣ въ названіяхъ новгородскихъ „концовъ“ Гончарскаго и Плотницкаго. Уже въ дни смутъ, слѣдовавшихъ за смертью Владиміра Святого, этотъ мелкій людъ игралъ извѣстную роль. Лѣтопись разсказываетъ, что Святополкъ „окаянный“, вокняжившись въ Кіевѣ, „созвалъ людей и началъ давать однимъ одежду, другимъ деньги, и раздалъ множество“. Купеческую аристократію такимъ путемъ подкупить было нельзя. Въ то время въ Новгородѣ ремесленное населеніе играло уже такую роль, что Ярославъ, избивъ „нарочитыхъ мужей“, напавшихъ на его варяжскую дружину, могъ собрать, тѣмъ не менѣе, сорокатысячное ополченіе, которое его противники въ насмѣшку называли „плотниками“. Кіевъ въ это время былъ болѣе консервативнымъ городомъ и, какъ мы узнаемъ изъ чрезвычайно любопытнаго описанія событій 1068 года, масса населенія въ немъ не была вооружена и организована по-военному. Это былъ годъ перваго большого половецкаго нашествія на Русь, когда созданная Ярославомъ система обороны не выдержала испытанія. Вышедшіе навстрѣчу степнякамъ на рѣку Альту Ярославичи были разбиты на голову и съ остатками своихъ войскъ бѣжали—Изяславъ со Всеволодомъ въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Остатокъ кіевскаго ополченія, созвавъ вѣче на торговищѣ, обратился къ Изяславу съ такою рѣчью „Половцы разсыпались по землѣ; дай, князь, оружіе и коней—мы еще будемъ биться съ ними“. Изъ сжатаго изложенія лѣтописца (который, быть-можетъ, и самъ не вполнѣ отчетливо представлялъ себѣ картину — припомнимъ, что онъ вѣдь все время стоялъ на точкѣ зрѣнія XII вѣка), съ перваго взгляда какъ будто слѣдуетъ, что говорившіе требовали оружія и коней себѣ. Но какъ могли убѣжать отъ половцевъ тѣ, кто потерялъ лошадей въ битвѣ, и зачѣмъ нужно было обращаться въ княжескій арсеналъ купцамъ, которые сами всегда ходили вооруженными? Рѣчь, очевидно, шла о созданіи новой арміи

изъ тѣхъ элементовъ населенія, которые раньше въ походахъ не участвовали и вооружены не были. Изяславъ имѣлъ какія-то основанія имъ не довѣрять—и требованія не исполнилъ. За это онъ поплатился столомъ: кіявляне освободили изъ заключенія и провозгласили своимъ княземъ его соперника, Всеслава Полоцкаго, а Изяславъ съ дружиной долженъ былъ бѣжать въ Польшу. Къ сожалѣнію, лѣтопись намъ ничего не сообщаетъ о порядкахъ, установившихся въ Кіевѣ послѣ этой первой въ русской исторіи революціи. Видно только, что въ военномъ отношеніи новый режимъ не былъ силенъ—привыкшіе къ оружію слои населенія или стояли въ сторонѣ, или ушли вмѣстѣ съ Изяславомъ: когда послѣдній черезъ 7 мѣсяцевъ вернулся съ польской подмогой, онъ справился съ возставшими безъ битвы. Брошенные и своимъ новымъ княземъ, бѣжавшимъ къ себѣ въ Полоцкъ, кіевляне дошли до крайняго отчаянія и угрозой—сжечь свой городъ и поголовно выселиться—вызвали вмигъ вмѣшательство двухъ другихъ Ярославичей, Святослава и Всеволода. Этимъ они спасли городъ отъ разгрома, но, тѣмъ не менѣе, должны были испытать весьма свирѣпую репрессію: 70 человѣкъ были казнены, другіе ослѣплены или „погублены“ какимъ-то инымъ путемъ,—вѣроятно, проданы въ рабство. Знаменательно, что лѣтописецъ не называетъ казненныхъ „нарочитыми мужами“, какъ тѣхъ, кого избилъ Ярославъ въ 1015 году, а просто „чадью“—„людьми“. Не менѣе знаменательна и полицейская мѣра, принятая Изяславомъ въ предупрежденіе подобныхъ событій на будущее время: онъ „изгналъ торгъ на гору“. Гора—самая старая часть Кіева, гдѣ жила городская аристократія: тамъ былъ въ 1068 году дворъ тысяцкаго Коснячька, котораго во время возстанія искала толпа не съ добрыми намѣреніями. Переносъ торга въ аристократическую часть города долженъ былъ предупредить образованіе на торгу демократической сходки: вдали отъ своихъ домовъ, окруженное благонадежнымъ элементомъ, простонародье было менѣе опасно, и съ нимъ легче было справиться.

Но побѣда княжеской власти не могла удержать разложенія старой, патріархальной организаціи: да, повидимому, и сама власть, возстановившая свои права при помощи чужеземной военной силы, больше надѣялась на эту послѣднюю, нежели на старую городовую аристократію. Изяславъ и послѣ при всѣхъ своихъ злоключеніяхъ (его въ 1073 году опять прогнали изъ Кіева, на этотъ разъ собственные братья, Святославъ и Всеволодъ) искалъ помощи въ Польшѣ—на

этотъ разъ безуспѣшно,—у западнаго императора и даже у папы, но не видно, чтобы дома у него было нѣчто въ родѣ своей партіи, и чтобы онъ пытался такую создать. Паденіе семейнаго права нашло себѣ яркое выраженіе, между прочимъ, въ судебномъ обычаѣ. Къ правленію Ярославичей—неизвѣстно, до или послѣ революціи 1068 года, но, во всякомъ случаѣ, до вторичнаго изгнанія Изяслава изъ Кіева—относится рядъ судебныхъ рѣшеній, покончившихъ съ кровной местью и, что еще выразительнѣе, установившихъ индивидуальную отвѣтственность за убійство, вмѣсто прежней семейной. „Если убьютъ огнищанина въ дракѣ“, говоритъ первое изъ этихъ рѣшеній, „то платить за него 80 гривенъ убійцѣ, а людямъ не платить“. Только за разбой по-прежнему отвѣчала вся вервь, т.-е. весь родовой союзъ. Зато одно изъ рѣшеній устанавливаетъ случай, когда огнищанина можно было убить совсѣмъ безнаказанно, какъ собаку („во пса мѣсто“): это, если огнищанинъ былъ пойманъ на мѣстѣ кражи, „у клѣти, или у коня, или у говяды, или при покражѣ имъ коровы“. Огнище въ этомъ случаѣ не смѣло мстить за своего сочлена: такъ низко пала матеріальная сила семейнаго союза. Остреемъ своимъ новый обычай былъ направленъ, несомнѣнно, противъ родовой аристократіи, а это заставляетъ думать, что, одержавъ политическую побѣду надъ общественными низами, княжеская власть пошла затѣмъ на соціальныя уступки этимъ самымъ низамъ, мирясь съ ними головами ихъ соціальныхъ вороговъ. Скудныя данныя лѣтописи и другихъ памятниковъ не даютъ намъ возможности сколько-нибудь полно возстановить картину соціально-экономическаго процесса, разлагавшаго старое общество. Время отъ времени только удается намъ видѣть то тотъ, то другой ея уголъ. То лѣтопись намъ разсказываетъ, что третій изъ Ярославичей, Всеволодъ, пережившій двухъ старшихъ братьевъ, въ старости „началъ любить смыслъ юныхъ и съ ними держалъ совѣтъ“, что, конечно, не слѣдуетъ понимать такъ, будто онъ окружилъ себя легкомысленной молодежью. Лѣтописецъ сейчасъ же и поясняетъ, въ чемъ дѣло: „юные“ оттѣснили отъ Всеволода „первую“ его „дружину“—родовитыхъ совѣтниковъ, которые привыкли быть около князя. Сочувствующій послѣднимъ авторъ (въ данномъ случаѣ едва ли самъ „начальный лѣтописецъ“, а скорѣе одинъ изъ его источниковъ: тотъ не сталъ бы разсказывать дурное о Всеволодѣ) объясняетъ недовольство народа послѣднимъ изъ Ярославичей именно какъ результатъ этой перемѣны. Но народу стало тяжело,

конечно, не оттого, что городовая аристократія потеряла власть: суть дѣла была въ экономическихъ условіяхъ, въ томъ засильѣ, какое сталъ забирать торговый, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и ростовщическій капиталъ. Любопытный фактъ изъ этой области сообщаетъ намъ не лѣтопись, а Печерскій Патерикъ въ разсказѣ объ одномъ изъ чудесъ св. Прохора „лебедника“. Если очистить этотъ разсказъ отъ сказочныхъ подробностей о сладкомъ хлѣбѣ изъ лебеды и пеплѣ, благодатію свыше обращавшемся въ соль, передъ нами останется тотъ историческій фактъ, что печерскій монастырь снабжалъ бѣднѣйшіе слои кіевскаго населенія мукой (повидимому, не безъ посторонней примѣси) и солью, чѣмъ и пріобрѣлъ богатства, возбудившія зависть князя Святополка Изяславича, смѣнившаго Всеволода на кіевскомъ столѣ. Этимъ воспользовались конкуренты монастыря, торговцы солью (получавшейся тогда изъ нынѣшней Галиціи), повидимому, совершенно вытѣсненные монастыремъ съ рынка: они добились отъ князя запрещенія монастырской торговли. Авторъ-монахъ инсинуируетъ, что сдѣлали они это съ цѣлью установить монопольныя цѣны на соль, такъ какъ съ Галиціей тогда изъ-за войны сношенія были затруднены, и соль была дорога. Но и помимо этого протестъ мелкаго торговаго капитала противъ зарождавшагося крупнаго, въ лицѣ монастырей, былъ слишкомъ понятенъ. Святополкъ же, самъ весьма типичный представитель „первоначальнаго накопленія“, вступился за мелкихъ торговцевъ не безкорыстно, а съ вполнѣ опредѣленной цѣлью: заставить монастырь подѣлиться съ нимъ барышами, чего, повидимому, и достигъ: въ результатѣ всей исторіи князь „сталъ имѣть великую любовь къ обители Пресвятой Богородицы“, а обитель продолжала невозбранно „раздавать“ народу соль.

Что капиталъ работалъ не только въ городѣ, а и широко вокругъ него, объ этомъ мы можемъ судить по развитію среди сельскаго населенія закупничества, съ которымъ читатели уже знакомы *). Матеріалъ для новаго взрыва—уже болѣе соціальнаго, чѣмъ политическаго—накоплялся. Сигналъ къ нему дала смерть Святополка—друга ростовщиковъ, хлѣбныхъ и соляныхъ спекулянтовъ. Подробности второй кіевской революціи, 1113 года, такъ же неясны, какъ и первой. Поднявшіеся низы и на этотъ разъ обнаружили такъ же мало сознательности и организованности. Ихъ удалось натравить

*) См. гл. III: „Феодальныя отношенія въ древней Руси“.

сначала на иноземныхъ представителей капитала: „идоша на жиды и разграбиша я“. Но провокація даже съ перваго раза удалась не вполнѣ: рядомъ съ „жидами“ пострадалъ и дворъ Путяты тысяцкаго,—какъ и въ 1068 году, тысяцкій былъ въ глазахъ народа представителемъ городовой аристократіи. А проницательные люди изъ среды послѣдней предвидѣли, что если дать движенію разрастись, то дѣло не ограничится ни „жидами“, ни тысяцкимъ съ сотскимъ, а дойдетъ и до бояръ, и до монастырей, и до вдовы князя-ростовщика, какъ ни старалась она закупить кіевскую демократію щедрой раздачею милостыни изъ имѣнья умершаго. Но теперь польскаго войска подъ руками не было, а народная масса давно привыкла къ оружію: уже въ 1093 году кіевскій полкъ устроилъ вѣче на походѣ и заставилъ князей и своихъ аристократическихъ предводителей дать битву вопреки ихъ желанію. Приходилось итти на компромиссъ съ городской, а отчасти и деревенской бѣднотой. Что эта послѣдняя тоже начинаетъ играть политическую роль, чувствовалось уже довольно давно. Въ томъ же 1093 году о ней вспоминали руководители кіевскаго общества: отсовѣтывая Святополку походъ, они ссылались на то, что „земля оскудѣла отъ ратій и продажъ“. Какъ хорошо засѣли въ памяти современниковъ заботы правящихъ кружковъ о „смердахъ“, показываетъ тотъ любопытный фактъ, что извѣстныя, всѣми учебниками приводимыя, рѣчи Мономаха о смердьей пашнѣ и смердьей лошади *) компиляторъ начальнаго свода воспроизвелъ дважды—подъ 1103 и подъ 1111 годомъ: такъ ему понравился этотъ мотивъ. Теперь пришла пора заботиться о „смердахъ“ не только на словахъ. Нуженъ былъ посредникъ между заволновавшимися низами и испуганными верхами кіевскаго общества; такимъ могъ быть скорѣе всего именно Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Положеніе „соглашателя“ къ нему особенно шло. Общественные верхи издавна чувствовали къ нему довѣріе: въ 1093 году мы видѣли его солидарнымъ съ начальствомъ кіевскаго ополь-

*) „Сѣли—Святополкъ со своею дружиной, а Владиміръ со своей, а въ одномъ шатрѣ. И стали думать, и начала говорить дружина Святополкова: „не время воевать весной, погубимъ смердовъ и пашню ихъ“. И сказалъ Владиміръ: „удивляетъ меня, дружина, какъ это вы лошади жалѣете, на которой пашутъ, а на это что не посмотрите: начнетъ смердъ пахать, пріѣдетъ половчинъ, ударитъ смерда стрѣлой, кобылу его возьметъ, въ село къ нему пріѣдетъ, возьметъ его жену и дѣтей и все его имѣнье. Такъ лошади то ты его жалѣешь, а самого что же не пожалѣешь?“ И не могла ему отвѣчать дружина Святополкова, и сказалъ Святополкъ: „такъ вотъ, братъ, я ужъ готовъ!“ Ипат. подъ 1103. Тотъ же разсказъ съ незначительными варіантами подъ 1111: очевидно, мы имѣемъ передъ собой одинъ изъ „анекдотовъ“ о популярномъ князѣ, разсказывавшихся по разнымъ поводамъ.

ченія, настаивавшимъ на осторожной тактикѣ, въ противность мнѣнію массы кіевскихъ „воевъ“, требовавшихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Въ то же время онъ умѣлъ затронуть и демократическую струнку кіевлянъ, выдвигая ихъ, какъ посредниковъ въ спорахъ между самими князьями. И, когда на предложеніе его и Святополка—рѣшить распрю „передъ горожаны“, Олегъ Святославовичъ отвѣтилъ грубостью, обозвавъ кіевлянъ „смердами“, это было, конечно, очень на руку Мономаховой дипломатіи. Немалую службу служили ему и его добрыя отношенія съ церковью, значеніе которой, какъ экономической силы, мы уже видѣли на примѣрѣ Печерскаго монастыря. Иниціатива приглашенія Мономаха шла, какъ совершенно ясно видно изъ разсказа лѣтописи, сверху. Но переяславскій князь пошелъ не сразу. Лѣтописецъ придаетъ и этому замедленію и происходившимъ переговорамъ морально-религіозную окраску: не пошелъ сразу въ Кіевъ Мономахъ будто бы потому, что жалѣлъ Святополка, а согласился, въ концѣ-концовъ подъ вліяніемъ указанія, что, если онъ еще промедлитъ, то кіевляне разграбятъ монастыри. Пикантное сосѣдство монастырей съ еврейскими ростовщиками, конечно, весьма характерная историческая истина тутъ зло подшутила надъ благочестивыми разсужденіями лѣтописца. Но Мономахъ достаточно зналъ, вѣроятно, практику монастырской жизни, чтобы понимать опасное положеніе монастырей въ подобную минуту и безъ спеціальныхъ указаній кого бы то ни было. И результатъ переговоровъ—знаменитое „законодательство Мономаха“—заставляетъ думать, что рѣчь между нимъ и представителями правящихъ круговъ кіевскаго общества шла не о монастыряхъ.

„Уставъ“ Владиміра Всеволодовича дошелъ до насъ въ очень поздней, сравнительно, редакціи: древнѣйшая рукопись Русской Правды, гдѣ мы этотъ „уставъ“ находимъ, относится къ концу XIII вѣка, т.-е., по крайней мѣрѣ, на 150 лѣтъ моложе событій 1113 года. Въ этой древнѣйшей рукописи „уставъ“ очень коротокъ: онъ заключаетъ въ себѣ всего нѣсколько строкъ. Въ рукописяхъ болѣе поздняго времени онъ разрастается до размѣровъ цѣлаго маленькаго памятника,—своего рода дополнительной Русской Правды;—его иногда и называютъ „Правдой Мономаха“. Нетрудно, однако, замѣтить, что, напримѣръ, изъ статей „О закупѣ“ лишь первая заключаетъ въ себѣ нѣчто принципіальное: она предоставляетъ закупу право иска противъ своего барина. „Если закупъ бѣжитъ къ судьямъ жаловаться на обиду отъ своего

Богатыри.

Оригиналъ картины В. М. Васнецова «Богатыри» (1898 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 955). «Богатыри»—произведеніе столь же характерное для кисти В Васнецова, сколько для попытокъ бытового живописанія древней Руси. Для В. Васнецова древняя Русь есть время богатырское, время, къ которому съ достоинствомъ можно приложить національную русскую кисть. Выразительность красокъ и фигуръ, для которыхъ понадобились истинно богатырскія лошади, соперничаетъ у художника съ богатствомъ историко-археологическихъ деталей вооруженія и конскаго убранства. Читая древнерусскую былину (для В. Васнецова, конечно, совсѣмъ непонятны теоріи, сближающія древнерусскій былевой эпосъ съ мотивами иранскаго, романо-германскаго или византійскаго эпоса) и вглядываясь въ могучія черты васнецовскихъ богатырей (болѣе древнее названіе **храборъ**,) начинаешь живо проникаться чуждыми нашему современному сознанію картинами былевого творчества, на которыхъ такъ причудливо наслоились и переплелись пласты разныхъ историческихъ моментовъ, а слѣдовательно, и различныхъ общественныхъ впечатлѣній. Художникъ не только остался вѣрнымъ грандіознымъ представленіямъ былевого эпоса о богатыряхъ земли русской, но онъ постарался вложить въ лица своихъ героевъ особый смыслъ, имъ исключительно присущій, и тотъ своеобразный, **русскій разумъ**, который иногда такъ причудливо грезится людямъ націоналистическаго пошиба. Картины В. Васнецова никогда не миновать при художественной иллюстраціи русской древности и, главное, при стремленіи тронуть бытовую сторону прошлаго въ широкомъ смыслѣ слова. Стоятъ «храборы» на богатырской заставѣ—Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ—и зорко смотрятъ по окрестностямъ, не пропускаютъ ни коннаго, ни пѣшаго,—ни царскаго, ни боярскаго,—ни звѣря рыскучаго, ни птицы летучей. И васнецовскіе богатыри смотрятъ вдаль, смотрятъ выразительно, съ такими толкомъ и умомъ, какихъ, конечно, не было въ исторической дѣйствительности. Надо признаться, что глаза вырисованы съ поразительною силой и эффектомъ не только у людей, но и у лошадей, что на воспроизведеніи снимкомъ, разумѣется, не можетъ быть столь замѣтно. Богатырство древней Руси подчеркнуто и лѣтописнымъ сводомъ древней редакціи. Такъ, въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 992 г. читаемъ разсказъ о меньшомъ сынѣ «стараго мужа», котораго Владимиръ I выпустилъ на единоборство съ печенѣгомъ: «Выпустиша печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выступи мужь Володимерь, и узрѣ и печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середний тѣломь. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣзина в рукахъ до смерти, и удари имь о землю». Въ той же лѣтописи подъ 1022 г. разсказывается о единоборствѣ князя Мстислава Владимировича, княжившаго въ Тмуторокани, съ Касожскимъ княземъ Редедею: «И рече Редедя ко Мьстиславу: не оружьемь ся бьевѣ, но борьбою. И яста ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя». Мстиславъ взмолился Богородицѣ и, помолившись, «удари имь (т.-е. Редедею) о землю, и вынзе ножь, и зарѣза Редедю». И лѣтописный разсказъ не свободенъ отъ чудеснаго на манеръ былевого эпоса: Мстиславъ взмолился Богородицѣ и тотчасъ смогъ послѣ этого прирѣзать Редедю. У В. Васнецова чудо, прошлое и богатырство сливаются въ одно цѣлое. Стоитъ сравнить его «Богатырей» съ его же «Соборомъ русскихъ святыхъ» въ Кіевскомъ Владимирскомъ соборѣ, чтобы понять всю соль его идеализаціи русскаго прошлаго.

В. Ст.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“.

Изд. Т-ва „МІРЪ“

барина, то онъ за то не обращается въ рабство (какъ за всякій другой побѣгъ), и дѣло его должно быть разсмотрѣно". Все значеніе этого нововведенія мы поймемъ, если вспомнимъ, что еще въ XVI вѣкѣ баринъ-кредиторъ былъ единственнымъ судьей для своего должника: „а кто человѣка держитъ въ деньгахъ" говоритъ жалованная грамота великаго князя Василія Ивановича смольнянамъ, „и онъ того человѣка судитъ самъ, а окольничьи мои въ то не вступаются". Дальнѣйшія статьи, касающіяся закуповъ, разбираютъ различные конкретные случаи тяжбъ между крестьяниномъ и его бариномъ. Но, судя по тому способу, какимъ создавалось въ древней Руси право—путемъ обобщенія отдѣльныхъ рѣшеній, отъ случая къ случаю,—крайне мало вѣроятно, чтобы всѣ эти конкретные примѣры напередъ были предусмотрѣны законодателемъ, Мономахомъ, и собравшейся вокругъ него на Берестовѣ, подъ Кіевомъ, его „дружиной", тысяцкими важнѣйшихъ городовъ Поднѣпровья. Вѣрнѣе всего, они явились приложеніемъ основного принципа къ отдѣльнымъ казусамъ,—т.-е. дальнѣйшимъ развитіемъ Мономахова законодательства. Позднѣйшій редакторъ-систематизаторъ юридически вполнѣ правильно свелъ всѣ статьи о закупахъ въ одну главу, которую мы теперь и читаемъ въ позднѣйшихъ спискахъ Русской Правды. Къ исторической истинѣ, однако, ближе всего, по всей вѣроятности, древнѣйшій списокъ, синодальный, съ его короткими, но на рѣдкость содержательными постановленіями.

Пора однако привести „Уставъ" полностью. „По смерти Святополка, Владиміръ Всеволодовичъ созвалъ на Берестовѣ свою дружину—тысяцкихъ Ратибора Кіевскаго, Прокопья Бѣлгородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича да боярина Олегова (князя черниговскаго Олега Святославича)—, и на съѣздѣ постановили: кто занялъ деньги съ условіемъ платить ростъ на два третій (т.-е. 50% годовыхъ), съ того брать такой ростъ только два года, а послѣ того искать лишь капитала, а кто бралъ такой ростъ три года, тому не искать и самаго капитала. Кто беретъ по 10 кунъ роста съ гривны въ годъ (т.-е. 40%), такой ростъ допускать и при долгосрочномъ займѣ". Затѣмъ въ большинствѣ списковъ идутъ два постановленія, регулирующія конкретные случаи задолженности, интересныя потому, что они объясняютъ намъ, кто былъ объектомъ ростовщической эксплуатаціи: оба трактуютъ о к у п ц ѣ, торгующемъ на чужой капиталъ. Особенно любопытно первое изъ нихъ. Въ

древне-русскомъ, какъ и вообще въ архаическомъ правѣ должникъ отвѣчалъ за исправную уплату долга не только своимъ имѣньемъ, но и своею личностью. При натуральномъ хозяйствѣ, какъ мы видѣли, человѣкъ являлся мѣновой цѣнностью по преимуществу и, стало быть, самымъ надежнымъ обезпеченіемъ, какое только можно представить. Какъ теперь замотавшійся должникъ беретъ „подъ душу“, ставя на вексель фальшивую подпись, такъ тогда безъ всякой фальши занимали подъ обезпеченіе своимъ собственнымъ тѣломъ. Переходъ къ болѣе современнымъ формамъ кредита и начинался всюду, обыкновенно, съ упраздненія этого варварскаго способа уплаты. Въ древней Руси этотъ переходъ намѣченъ Мономаховымъ законодательствомъ—или постановленіями, которыя служили ему непосредственнымъ развитіемъ. Продажа въ рабство за долгъ не была отмѣнена, но она осталась, такъ сказать, на правахъ уголовнаго взысканія. Въ рабство теперь продавали не всякаго неисправнаго должника, а лишь такого, который пропьетъ или проиграетъ, или по грубой небрежности потеряетъ товаръ, взятый въ кредитъ. „Несчастный“ банкротъ, пострадавшій отъ пожара или кораблекрушенія, своимъ лицомъ за долгъ не отвѣчаетъ, „потому что это несчастье отъ Бога, а онъ не виноватъ въ немъ“. Какъ видитъ читатель, мы не даромъ сравнивали „Уставъ“ Мономаха съ „сисахтіей“ Солона, „стряхнувшей“ долговую кабалу съ плечъ аѳинскаго должника VI вѣка до Р. Х. Не идя такъ далеко, онъ развивалъ право въ томъ же направленіи, притомъ развивалъ революціоннымъ путемъ, кассируя сдѣлки, которыя еще вчера были вполнѣ легальными. Этимъ былъ юридически закрѣпленъ успѣхъ Кіевской народной массы, которая недаромъ съ тѣхъ поръ является полной хозяйкой на политической сценѣ: уже видѣнныя нами вѣча 1146—1147 годовъ даютъ намъ такую полную картину „народоправства“, что болѣе полной мы не найдемъ и въ источникахъ новгородской исторіи.

Но въ Аѳинахъ VI вѣка долговая кабала пала не только юридически полнѣе съ плечъ должника—солоновская реформа была шире и географически, если такъ можно выразиться. Не только нельзя было человѣка продать въ рабство за долгъ, но и съ земли были сняты „долговые столбы“. Въ Кіевской Руси XII столѣтія положеніе сельскаго должника было лишь нѣсколько облегчено, но онъ все же остался кабальнымъ. Намъ совершенно не ясно, по лѣтописи, участіе сельскаго населенія въ событіяхъ 1113 года. Что о смердахъ

и закупахъ вспоминали, служитъ доказательствомъ, что они не стояли вовсе внѣ политической жизни. Но былъ ли смердъ такимъ же полноправнымъ членомъ городской демократіи, какъ и купецъ? Это очень сомнительно, и сомнительно не только потому, что фактическое участіе крестьянства въ городскомъ вѣчѣ было, конечно, сильно затруднено: каждый день въ городъ на сходку не находишься. Такое элементарное объясненіе не можетъ насъ, однако, удовлетворить, хотя бы по тому одному, что вѣдь аналогичныя условія были и въ древней Греціи и въ средневѣковой Италіи, но нигдѣ мы не найдемъ такой рѣзкой раздѣльной черты между горожаниномъ и крестьяниномъ, между „городскимъ правомъ“ и „правомъ деревенскимъ“, какъ въ древней Руси.

Общее названіе для массы сельскаго населенія въ древне-русскихъ памятникахъ „смерды“. Тексты даютъ намъ довольно отчетливые признаки ихъ юридическаго положенія— и нужна была обширная литература, чтобы создать „вопросъ“ о смердахъ *). Лѣтопись, прежде всего, совершенно опредѣленно разсматриваетъ смердовъ, какъ особую группу населенія, стоящую ниже хотя бы и самаго низкаго разряда горожанъ. Одержавъ побѣду надъ Святополкомъ Окаяннымъ, Ярославъ Владиміровичъ щедро наградилъ свое сорокатысячное ополченіе, о которомъ мы упоминали выше: онъ далъ „старостамъ по 10 гривенъ, а смердамъ по гривнѣ, а новгородцамъ по 10 всѣмъ“. Намъ не важно, сколько именно кому давалъ Ярославъ — дѣло было въ 1016 году, а запись, по всей вѣроятности, сдѣлана гораздо позже: важно, что лѣтописецъ расцѣнилъ каждаго горожанина ровно въ десять разъ дороже, чѣмъ сельскаго жителя, хотя въ ополченіи Ярослава функціи ихъ были совершенно одинаковы. При такихъ условіяхъ очевидно, что деревенское происхожденіе въ глазахъ древне-русскаго человѣка служило отнюдь не къ почету: когда другой лѣтописецъ, уже не сѣверный, новгородскій, а южный, галицкій, захотѣлъ уколоть двухъ бояръ своего князя, онъ назвалъ ихъ „беззаконниками отъ племени смердья“. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ устахъ самихъ князей „смердъ“ было прямо ругательствомъ — притомъ особенно обиднымъ именно для горожанъ, повидимому, какъ можно заключить изъ приведенныхъ нами выше переговоровъ Олега

*) Интересующихся этой литературой мы можемъ отослать къ новѣйшимъ работамъ проф. Дьяконова „Очерки обществ. и государствен. строя древней Руси“, изд. 2-е, стр. 90 и сл., и Сергѣевича „Древности русскаго права“ т. I, изд. 3-е, стр. 203 и сл.

Святославича съ Мономахомъ. А когда послѣдній захотѣлъ пожалѣть бѣднаго смерда, то онъ не нашелъ для него болѣе ласкательнаго эпитета, чѣмъ „худый“. Но это все терминологія, такъ сказать, бытовая: разсказъ лѣтописи о Витическомъ съѣздѣ (1100 года) дастъ намъ уже нѣкоторый образчикъ словоупотребленія офиціальнаго. Съѣхавшіеся на Увѣтичахъ князья обращаются къ Володарю и Васильку съ такимъ, между прочимъ, требованіемъ: „а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте“. Итакъ, смердъ уже и въ дипломатическихъ переговорахъ оказывается чѣмъ-то въ родѣ княжескаго холопа. О спеціальной зависимости смердовъ отъ князя говоритъ не одно это мѣсто, а цѣлый рядъ лѣтописныхъ текстовъ—отчасти воспроизводящихъ опять-таки офиціальные документы. Когда воевода Святослава Ярославича, Янъ Вышатичъ, нашелъ на Бѣлоозерѣ двухъ „кудесниковъ“, онъ прежде, чѣмъ начать съ ними расправляться, навелъ справку: „чьи они смерды?“ и, узнавъ, что его князя, Святослава, потребовалъ у населенія ихъ выдачи. О кіевлянинѣ или новгородцѣ, свободномъ человѣкѣ, нельзя было спросить, чей онъ: а о смердѣ спрашивали. Кіевлянами или новгородцами князь не могъ распорядиться по своему усмотрѣнію, а смердами могъ. Въ 1229 году пришелъ въ Новгородъ князь Михаилъ Всеволодовичъ изъ Чернигова „и цѣловалъ крестъ на всей волѣ новгородской“: таково было его отношеніе къ горожанамъ. А смердамъ онъ самъ „далъ свободу на пять лѣтъ даней не платити“: тамъ была вся воля вѣча, здѣсь вся воля княжая. И если она была чѣмъ-нибудь стѣснена, то отнюдь не волею смердовъ, а тѣмъ же вѣчемъ, которое въ Новгородѣ, по крайней мѣрѣ, считало себя верховнымъ властителемъ и сельскаго населенія. Когда въ 1136 году новгородцы изгоняли князя своего Всеволода, въ списки его прегрѣшеній они поставили и такое: „не блюдеть смердъ“. Наконецъ, Русская Правда назначаетъ особое наказаніе (штрафъ въ 3 гривны) „если кто мучитъ смерда безъ княжа слова“; дальше идетъ рѣчь о „мученіи“ (очевидно, пыткѣ) огнищанина—но тутъ уже рѣчи о княжьемъ словѣ нѣтъ. Другими словами, смерда князь имѣлъ право предать пыткѣ, когда захочетъ.

Эта болѣе тѣсная зависимость смердовъ отъ княжеской власти давно обратила на себя вниманіе изслѣдователей — и смердъ рисовался имъ—то какъ княжескій крѣпостной, то какъ „государственный крестьянинъ“ и т. д. Подобная модернизація соціальныхъ отношеній была логическимъ послѣд-

ствіемъ модернизаціи княжеской власти: представляя себѣ древне-русскаго князя, какъ государя, трудно было иначе формулировать отношеніе къ нему смердовъ. Съ другой стороны, смердъ „Русской Правды“ является передъ нами со всѣми чертами юридически-свободнаго человѣка—понятіе же „государственнаго крестьянина“, очевидно, слишкомъ плохо вяжется со всей обстановкой XII вѣка: тамъ, гдѣ не было государства, трудно найти „государственное имущество“, живое или мертвое. Отсюда—довольно естественная реакція и попытки доказать, что отношенія смерда къ князю были отношеніями „подданнаго“, не болѣе. Буквально, эта характеристика совершенно правильна: смердъ былъ именно „подданнымъ“, но въ томъ, древнѣйшемъ значеніи этого слова, которое мы видѣли въ главѣ II-й, — въ смыслѣ человѣка подъ данью, который обязанъ платить дань. Смердъ это „данникъ“—вотъ его коренной признакъ: когда Югра желала подольститься къ новгородцамъ, обманывая ихъ, она имъ говорила: „а не губите своихъ смердовъ и своей дани“—погубите смердовъ, и дани не съ кого будетъ взять. Эта коренная черта смерда сразу вскрываетъ передъ нами и происхожденіе класса и его загадочныя отношенія къ княжеской власти. Мы знаемъ, что дань въ древней Руси исторически развилась изъ урегулированнаго грабежа, если такъ можно выразиться: сначала отнимали, сколько хотѣли и могли, потомъ замѣнили грабежъ правильнымъ ежегоднымъ поборомъ,—это и была дань. Въ болѣе позднее время дань платилась городу: о Печерѣ лѣтопись уже подъ 1096 годомъ говоритъ, что это „люди, которые дань даютъ Новгороду“. Но, изъ разсказа той же лѣтописи объ Игорѣ, мы знаемъ, что раньше дань собиралъ всякій глава вооруженной шайки, по мѣрѣ физической къ тому возможности; причемъ, въ это болѣе раннее время и сами города платили дань такимъ атаманамъ, — напримѣръ, тотъ же Новгородъ, повидимому, до смерти Владиміра Св. (а быть можетъ и долѣе) платилъ 300 гривенъ кіевскому конунгу „мира дѣля“. Одно очень древнее мѣсто одного изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ (Никоновскаго) ставитъ самое установленіе дани въ связь съ постройкой городовъ: „Этотъ же Олегъ“, говорится тамъ, „началъ города ставить и дани уставилъ по всей русской землѣ“. Передъ нами очень жизненная картина устройства укрѣпленныхъ пунктовъ, откуда пришлые люди періодически обираютъ мѣстное населеніе, и куда они скрываются обратно со своей добычей. Время отъ времени въ этихъ крѣпостцахъ

появляется и самъ князь „со всею Русью“, подводя итогъ пріобрѣтенному за годъ „товару“. Прошли два-три столѣтія. Городъ изъ стоянки купцовъ-разбойниковъ успѣлъ превратиться въ крупный населенный центръ, съ четырьмястами церквей и восемью рынками, какъ Кіевъ. Онъ самъ ужъ больше не платитъ князю дани, — но деревенская Русь платитъ по-прежнему. „Ходить въ дань“ по-прежнему является спеціально княжеской профессіей, какъ предводительствовать ополченіемъ. Захвативъ чужую волость, князь первымъ дѣломъ посылалъ по ней своихъ „данниковъ“, которые иной разъ не стѣснялись и тѣмъ, что населеніе уже уплатило дань прежнему князю. Одно мѣсто лѣтописи даетъ даже поводъ думать, что дань не только собиралъ, но и распоряжался ею князь, притомъ даже и въ Новгородѣ. Именно Ипатская лѣтопись подъ 1149 годомъ такъ передаетъ условія перемирія между Юріемъ Владиміровичемъ и Изяславомъ Мстиславичемъ: „Изяславъ уступилъ Юрію Кіевъ, а Юрій возвратилъ Изяславу всѣ дани новгородскія“. Но мы знаемъ уже, что „брать дань“ значило „властвовать“: первоначально политическая зависимость ни въ чемъ въ другомъ и не выражалась, кромѣ дани. А съ другой стороны, въ древней Руси, до конца московскаго періода включительно, кто бралъ подати съ людей, тотъ ими и вообще „управлялъ“. Положеніе смерда, какъ данника, и дѣлало его спеціально княжескимъ человѣкомъ.

Наемный сторожъ въ городѣ, князь былъ хозяиномъ вотчинникомъ въ деревнѣ. Эту политическую антиномію и приходилось разрѣшать Кіевской Руси. Вопросъ, какое изъ двухъ правъ, городское или деревенское, возьметъ верхъ въ дальнѣйшемъ развитіи, былъ роковымъ для всей судьбы древне-русскихъ „республикъ“. Въ конечномъ счетѣ, какъ извѣстно, перевѣсъ остался за деревней. Связь этого исхода съ экономическими условіями давно намѣчена литературой. Проф. Ключевскій въ своемъ „Курсѣ“ устанавливаетъ два факта, тѣсно между собою связанныхъ: паденіе вѣса денежной единицы, гривны, объясняемое, по его мнѣнію, „постепеннымъ уменьшеніемъ прилива серебра на Русь вслѣдствіе упадка внѣшней торговли“, и стѣсненіе внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ Руси „торжествующими кочевниками“. Но и автора „Курса“, очевидно, нѣсколько смущалъ вопросъ: почему же это кочевники, надъ которыми торжествовали князья X—XI столѣтія, сами стали торжествовать въ XII? Упадокъ внѣшняго могущества приходилось въ свою очередь объяснять

внутренними причинами, и нашъ авторъ называетъ двѣ: „юридическое и экономическое приниженіе низшихъ классовъ“, съ одной стороны, „княжескія усобицы“, съ другой. Но положеніе низшихъ классовъ не ухудшилось, а улучшилось въ XII вѣкѣ сравнительно съ XI, какъ мы видѣли; а борьба Владиміра и Ярополка Святославичей въ 977—980 гг. или Ярослава Владиміровича съ братьями (Святополкомъ, Мстиславомъ и Брячиславомъ Полоцкимъ) въ 1016—1026 нисколько не менѣе, конечно, заслуживаетъ названія „княжескихъ усобицъ“, нежели распря Изяслава Мстиславича съ Ольговичами или Юріемъ Долгорукимъ въ половинѣ XII вѣка. Отдавая должное методу проф. Ключевскаго, приходится вѣрно подмѣченному имъ факту экономическаго оскудѣнія Кіевской Руси искать иного объясненія. Оно вернетъ насъ къ исходной точкѣ настоящаго очерка — „разбойничьей торговлѣ“, на которой зиждилось благополучіе русскаго города VIII—X вѣковъ. Внѣ-экономическое присвоеніе имѣло свои границы. Хищническая эксплуатація страны, жившей въ общемъ и цѣломъ натуральнымъ хозяйствомъ, могла продолжаться только до тѣхъ поръ, пока эксплуататоръ могъ находить свѣжія нетронутыя области захвата. „Усобицы“ князей вовсе не были случайнымъ послѣдствіемъ ихъ драчливости: на „полонѣ“ держалась вся торговля. Но откуда было взять эту главную статью обмѣна, когда половина страны сомкнулась около крупныхъ городскихъ центровъ, не дававшихъ своей земли въ обиду, а другая половина была уже „изъѣхана“ такъ, что въ ней не оставалось „ни челядина, ни скотины“? Послѣднимъ „дикимъ“ племенемъ, которое не удалось втянуть въ оборотъ хищнической эксплуатаціи ни Владиміру, ни Ярославу, были Вятичи: но Мономахъ покончилъ и съ ними. Какъ древній спартанскій царь искалъ въ свое время „нераздѣленныхъ земель“, такъ русскіе князья XII вѣка искали земель, еще неограбленныхъ,—но искали тщетно. Мономахъ слалъ своихъ дѣтей и воеводъ и на Дунай къ Доростолу, и на волжскихъ болгаръ, и на ляховъ, „съ погаными“, и на Чудь, откуда они „возвратишася со многимъ полономъ“. Но организаціонныя средства древне-русскаго князя были слишкомъ слабы, чтобы поддерживать эксплуатацію на такой огромной территоріи: а съ другой стороны, и волжскіе болгары, и ляхи сами были ужъ достаточно организованы, чтобы дать отпоръ и при случаѣ отплатить тою же монетой. Судьба Кіевской Руси представляетъ извѣстную аналогію съ судьбою императорскаго Рима. И тамъ, и тутъ

жили на готовое,—а, когда готовое было съѣдено, исторія заставила искать своихъ собственныхъ рессурсовъ, пришлось довольствоваться очень элементарными формами экономической,—а съ нею и всякой иной культуры. Причемъ, какъ и въ римской имперіи, „упадокъ“ былъ больше кажущійся: ибо тѣ способы производства и обмѣна, къ какимъ переходитъ съ одной стороны суздальская, съ другой—новгородская Русь XIII вѣка, сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, были несомнѣннымъ экономическимъ прогрессомъ.

Никто не нарисовалъ болѣе яркой картины запустѣнія Кіевской Руси, чѣмъ тотъ же проф. Ключевскій *). Приводимые имъ факты относятся, большею частью, ко второй половинѣ XII столѣтія,—отчасти къ началу XIII. Но одно изъ отмѣченныхъ авторомъ явленій—упадокъ у князей интереса къ кіевскимъ волостямъ — можно прослѣдить и нѣсколько глубже, до первой половины XII вѣка. Уже въ 1142 году между Ольговичами, старшій изъ которыхъ, Всеволодъ, сидѣлъ тогда въ Кіевѣ, происходилъ очень любопытный споръ изъ-за волостей, причемъ младшіе братья выражали большую готовность промѣнять данныя имъ старшимъ кіевскія волости (правда, плохія) на тѣхъ самыхъ вятичей, съ которыми лишь за четверть столѣтія до этого окончательно справился Владиміръ Мономахъ. Этотъ интересъ къ вятичамъ, въ свою очередь, весьма любопытенъ—если мы припомнимъ, что это былъ наиболѣе глухой и наименѣе затронутый разбойничьей эксплуатаціей уголъ русской земли. Младшіе братья Всеволода желали получить себѣ вятичей, конечно, не для того, чтобы ихъ грабить—это всего удобнѣе было сдѣлать изъ другой, сосѣдней, волости. Очевидно, что прежняя точка зрѣнія на князя, какъ на завоевателя по преимуществу, руководителя охоты за „полономъ“—и, разумѣется, защитника своей земли отъ чужихъ охотниковъ того же сорта, что эта точка зрѣнія уступаетъ мѣсто какой-то другой. Перемѣна во взглядахъ княжеской власти на свои права и обязанности опять-таки давно отмѣчена литературой: объ отличіи на этотъ счетъ сѣверо-восточныхъ князей XII—XIII вѣковъ отъ ихъ южныхъ отцовъ и дѣдовъ писалъ еще Соловьевъ. Такъ какъ князья ему представлялись единственной движущей силой древней Руси, по крайней мѣрѣ, въ политической области, то для него дѣло сводилось главнымъ образомъ къ измѣненію отношеній между самими князьями. Прежнія братскія отношенія между послѣд-

*) См. „Курсъ“, стр. 344 и сл.

Послѣ побоища Игоря Святославича съ половцами.

Оригиналъ картины В. М. Васнецова *Послѣ побоища Игоря Святославича съ половцами* (1880 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 950). Художникъ связалъ свою картину съ мотивомъ изъ «Слова о полку Игоревѣ», памятника XII вѣка, найденнаго гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ въ одной рукописи XVI в. «Слово» разсказываетъ о походѣ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. Игорь выступилъ въ походъ съ братомъ Всеволодомъ изъ Трубчевска, сыномъ Владимиромъ изъ Путивля и племянникомъ Святославомъ Ольговичемъ изъ Рыльска. Князья двинулись вглубь половецкихъ степей по направленію къ Дону и были тяжко разбиты половцами: Игорь и Всеволодъ попали въ плѣнъ къ половцамъ, дружина почти до единаго перебита. Походъ 1185 г. на половцевъ—весьма характерный для эпохи паденія и разложенія южной Руси фактъ; о немъ ничего не зналъ великій князь кіевскій Святославъ Всеволодовичъ изъ линіи черниговскихъ Ольговичей, враждовавшихъ съ Мономаховичами; теперь выяснялось, что нѣтъ надлежащаго единства для борьбы со степью и среди Ольговичей. Пройдетъ еще немного лѣтъ, и южно-русскіе князья вновь потерпятъ тяжкое пораженіе отъ новыхъ кочевниковъ, которые смѣнятъ собою половцевъ и сдѣлаются владыками всей русской земли, татаръ. О походѣ Игоря говоритъ не одно «Слово о полку Игоревѣ», исторически цѣнное по той тенденціи, которую провелъ въ немъ неизвѣстный авторъ въ 1187 г., но и лѣтописный сводъ: подробнѣе Ипатьевская, короче Лаврентьевская лѣтопись. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно уловить своего рода эпическую связь между лѣтописью и «Словомъ», не говоря уже о связи фактической. Лаврентьевская лѣтопись рѣзко: подчеркиваетъ разладъ среди Ольговичей, когда начинаетъ свой разсказъ о походѣ «Здумаша *Олови внуци* на половци, занеже бяху не ходили томь лѣтѣ со всею князьею, но сами поидоша о себѣ, рекуще: мы есмы ци не князи же? поидемъ, такы же собѣ хвалы добудемъ». На первомъ планѣ для князей была «собѣ хвала», земля на послѣднемъ; усобицы князей, ихъ крамола—это гибель имъ же отъ поганыхъ, по замѣчанію «Слова». Князья, продолжаетъ та же лѣтопись, хвалились: «поидемъ по нихъ (т. е. половцевъ) за Донъ и до конца избьемъ ихъ, оже ны будеть ту побѣда, идемъ по нихъ у луку моря, гдѣ же не ходили ни дѣди наши, а возмемъ до конца *свою славу* и честь». Дальнѣйшее показало плохую освѣдомленность князей въ дѣлѣ, которое должно было бы быть имъ хорошо извѣстнымъ: въ концѣ XII в. они *не* могли быть новичками въ борьбѣ со степью и не смѣли полагаться на лозунгъ *шапками закидаемъ*. Скоро, пишетъ сѣверный лѣтописецъ, «изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони, и сами, в знои и в тузѣ, и поступиша мало к водѣ, по три дни бо не пустили бяху ихъ к водѣ». «Видѣвше ратнии устремишася нань и притиснуша и к водѣ, и бишася с ними крѣпко, и бысть сѣча зла велми, друзии конѣ пустиша к нимъ, съсѣдше, и кони бо бяху подъ ними изнемогли; и побѣжени быша наши гнѣвомъ Божьимъ, князи вси изъимани быша, а боляре, и велможи, и вся дружина избита, а другая изъимана, и та язвена; и возвратишася с побѣдою великою половци, а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принеса, за наше согрѣшенье». «Княземъ же всѣмъ, слышавшимъ таку погыбель о братьѣ своей и до бояръ, возпіша вси, и бысть плачь и стенанье, овѣмъ бо братья избита и изъимана, а другымъ отци и ближикы». Таковъ былъ результатъ жалкаго и необдуманнаго предпріятія Игоря Святославича, затѣяннаго тайкомъ отъ другихъ князей и противно всякимъ интересамъ земли. Результатъ этотъ не предвидѣли *только князья*, но его живо предчувствовала дружина. Такъ въ Ипатьевской лѣтописи, какъ и въ «Словѣ», говорится о знаменіи, предвѣщавшемъ несчастный исходъ нелѣпаго предпріятія. «Идущимъ же имъ к Донцю рѣкы, читаемъ въ Ипатьевской лѣтописи, в годъ вечерний, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще, яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: видите ли, что есть знамение се? Они же узрѣвша, и видиша вси, и поникоша главами и рекоша *мужи*: княже! се есть не на добро знамение се». Игорь пренебрегъ словами своихъ «мужей» и пошелъ дальше. Этотъ разсказъ лѣтописи характеренъ для того, чтобы ясно себѣ представить, подъ какими впечатлѣніями люди шли тогда въ походъ и какъ опредѣленно они представляли себѣ, выражаясь по новому, грядущій Седанъ. Не даромъ та же лѣтопись объясняетъ далѣе, почему никто не могъ спастись: «отъ толикихъ же людий мало ихъ избысть, нѣкакомъ получениемъ, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане яко стѣнами силнами огорожени бяху полкы половѣцьскими; ношахуть Русь съ 15 мужь утекши». Картина В. Васнецова изображаетъ поле битвы, на которомъ остались одни трупы и хищныя птицы, ихъ пожирающія, являясь красочнымъ воспоминаніемъ о южно-русскомъ Седанѣ и разложеніи южной Руси. **В. Стор.**

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ".

Изд. Т-ва „МІРЪ".

ними замѣняются отношеніями подданства; Андреемъ Боголюбскимъ было произнесено „роковое слово подручникъ, въ противоположность князю". Слова лѣтописи о самовластіи Боголюбскаго понимались тоже именно въ этомъ смыслѣ. Но едва ли поведеніе суздальскаго „самовластца" относительно его кіевскихъ кузеновъ много отличалось къ худшему отъ образа дѣйствія Мстислава Владиміровича Мономаховича, напримѣръ, подвергнувшаго своихъ полоцкихъ родственниковъ прямо административной ссылкѣ. Князья любили говорить о братствѣ, но ихъ фактическія отношенія держались вовсе не на этихъ сентиментальностяхъ: и сильный „братъ" всегда дѣлалъ со слабыми все, что хотѣлъ, не стѣсняясь, до убійства и ослѣпленія включительно. Послѣдователи Соловьева совершенно правильно занялись другой стороной „самовластія" князя Андрея Юрьевича. „Кн. Андрей былъ суровый и своенравный хозяинъ, который во всемъ поступалъ по-своему, а не по старинѣ и обычаю", говоритъ проф. Ключевскій... „желая властвовать безъ раздѣла, Андрей погналъ вслѣдъ за своими братьями и племянниками и „переднихъ мужей" отца своего, т.-е. большихъ отцовыхъ бояръ". Цитируемый нами авторъ думаетъ, что „политическія понятія и правительственныя привычки Боголюбскаго" въ значительной мѣрѣ были воспитаны общественной средой, въ которой онъ выросъ и дѣйствовалъ. „Этой средой былъ пригородъ Владиміръ, гдѣ Андрей провелъ большую половину своей жизни". Ниже мы увидимъ, что политическіе нравы Владиміра несмотря на то, что это былъ новый городъ — а, можетъ-быть, благодаря именно этому,—ничѣмъ не отличались отъ такихъ же нравовъ Кіева или даже Новгорода, такъ что изъ этой среды Андрей Юрьевичъ никакихъ новыхъ правительственныхъ привычекъ вынести не могъ бы. Но если намъ опять приходится отказаться отъ объясненія, какое даетъ факту проф. Ключевскій, то самый фактъ опять угаданъ вѣрно: оригинальность „новыхъ" князей—въ ихъ „внутренней политикѣ", въ ихъ методахъ управленія своей землей, а не въ ихъ отношеніяхъ къ князьямъ чужихъ, сосѣднихъ земель,—не въ ихъ политикѣ „внѣшней".

Убійство князя Андрея,—фактическія подробности его всѣмъ хорошо знакомы изъ элементарныхъ учебниковъ, поэтому нѣтъ надобности воспроизводить ихъ здѣсь,—изображается, обыкновенно, какъ дѣло дворцоваго заговора. Его ближайшіе поводы рисуются въ освѣщеніи, очень напоминающемъ конецъ императора Павла Петровича; Андрей своими

жестокостями возстановилъ противъ себя свою собственную челядь, свой дворъ; казнь одного изъ приближенныхъ, Кучковича, явилась каплей, переполнившей чашу — товарищи и родственники казненнаго отомстили за его смерть. Таково традиціонное изображеніе дѣла въ исторической литературѣ. Такое именно пониманіе событія, несомнѣнно, желалъ внушить своимъ читателямъ и лѣтописецъ, большой поклонникъ Боголюбскаго, щедраго церковнаго строителя и неумолимаго защитника православія отъ всяческихъ ересей. Но литературное искусство лѣтописца—или, вѣрнѣе, автора „сказанія", внесеннаго въ лѣтопись,—стояло слишкомъ низко, чтобы онъ могъ дать полную и свободную отъ противорѣчій картину событія со своей точки зрѣнія. Волей-неволей, разсказывая факты въ ихъ хронологической послѣдовательности, онъ сообщаетъ рядъ подробностей, съ этой картиной совершенно несовмѣстимыхъ. Прежде всего мы узнаемъ, что заговоръ далеко выходилъ за предѣлы княжескаго двора — убійцы Андрея имѣли сторонниковъ и сообщниковъ и среди „дружины Владимірской". Эта послѣдняя отнюдь не была личной дружиной князя Андрея—она и послѣ не разъ выступаетъ въ лѣтописи, какъ нѣчто, связанное съ городомъ, а не съ тѣмъ или инымъ княземъ. Судя по размѣрамъ—полторы тысячи человѣкъ—и по военному значенію, приписываемому этой дружинѣ лѣтописью,—безъ нея городъ изображается, какъ беззащитный,—„дружиной" лѣтопись называетъ владимірское городовое ополченіе, владимірскую „тысячу". Недаромъ лѣтописецъ называетъ эту силу то „владимірцами", то „дружиной владимірской", не различая этихъ понятій. Такъ вотъ, къ этимъ владимірцамъ и обращаются заговорщики тотчасъ послѣ убійства, стараясь увѣрить горожанъ, что они, заговорщики, отстаиваютъ и ихъ интересы, не только свои. Лѣтописецъ влагаетъ въ уста владимірцевъ очень лояльный отвѣтъ: „вы намъ ненадобны". Но вслѣдъ за этимъ онъ вынужденъ сообщить рядъ фактовъ, которые съ этой лояльностью вяжутся какъ нельзя хуже. „Горожане же Боголюбова (гдѣ былъ убитъ князь) разграбили домъ княжескій... золото и серебро, одежды и драгоцѣнныя ткани—имѣніе, которому числа не было; и много зла сотворилось по волости: домы посадниковъ и тіуновъ разграбили, а ихъ самихъ съ ихъ дѣтскими и мечниками перебили, и дома этихъ послѣднихъ разграбили, не вѣдая, что написано: гдѣ законъ, тамъ и обидъ много. Приходили грабить даже и крестьяне изъ деревень. Тоже было и во Владимірѣ: до тѣхъ поръ

не переставали грабить", пока по городу не стало ходить духовенство „со святою Богородицею". Все это вмѣстѣ взятое наводитъ автора на благочестиво-монархическое размышленіе, одно изъ первыхъ этого рода въ русской литературѣ. „Пишетъ апостолъ Павелъ: всякая душа властямъ повинуется, ибо власти поставлены отъ Бога; земнымъ естествомъ царь подобенъ всякому другому человѣку, властью же, принадлежащей его сану, выше, какъ Богъ. Сказалъ великій Златоустъ: кто противится власти, противится закону Божьему,— князь потому носитъ мечъ, что онъ Божій слуга".

Какъ видимъ, событіе 28 іюня 1175 года очень мало похоже на то, что происходило въ Петербургѣ 11 марта 1801 г. Тамъ былъ офицерскій заговоръ, находившій себѣ, правда, поддержку въ общественномъ мнѣніи всего дворянства, но безразличный для массы населенія и въ самомъ Петербургѣ, и во всей Россіи. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ настоящей народной революціей, полнымъ подобіемъ событій 1068 и 1113 годовъ въ Кіевѣ. Лѣтописецъ недаромъ счелъ нужнымъ напомнить о непротивленіи княжеской власти непосредственно послѣ разсказа о городскомъ бунтѣ—онъ хорошо понималъ, противъ кого былъ направленъ бунтъ. Убійство верховнаго главы княжеской администраціи было лишь сигналомъ къ низверженію этой администраціи вообще—и есть всѣ основанія думать, что челядинцы князя Андрея были правы, когда апеллировали къ сочувствію владимірцевъ. Не отрицаетъ лѣтописецъ и фактическихъ основаній для народнаго движенія. „Обидъ" было много, и злоупотребляли княжескимъ мечомъ достаточно, но не во внѣшнихъ войнахъ, какъ бывало въ старину, а во внутреннемъ управленіи. Самовластіе Андрея выражалось, такимъ образомъ, не только въ томъ, что онъ изгналъ „передних бояръ"—что простому народу могло быть даже пріятно. Отъ этого самовластія тяжело доставалось всей народной массѣ. Управленіе Боголюбскаго было одной изъ первыхъ систематическихъ попытокъ эксплуатировать эту массу по-новому: не путемъ лихихъ наѣздовъ со стороны, а путемъ медленнаго, но вѣрнаго истощенія земли „вирами и продажами". По результатамъ, новый способъ нисколько не уступалъ старому: владимірцы, познакомившіеся съ нимъ по двукратному опыту, сначала при Андреѣ, потомъ при его племянникахъ, Ростиславичахъ, мѣтко опредѣлили образъ дѣйствія этихъ послѣднихъ, сказавъ, что они обращаются со своимъ княжествомъ, „точно съ чужой землей". Владимірцы никакъ не хотѣли признать этого новаго порядка. Два года

спустя послѣ низверженія Андрея, во Владимірѣ вспыхнула новая революція, Ростиславичи въ свою очередь были свергнуты—и горожане добились отъ своего новаго князя формальной казни своихъ вороговъ: племянники Боголюбскаго были ослѣплены (по нѣкоторымъ даннымъ фиктивно, только чтобы успокоить волновавшійся народъ), а ихъ союзникъ и покровитель, рязанскій князь Глѣбъ, уморенъ въ тюрьмѣ. Но истребленіе представителей новаго порядка не могло устранить причинъ, его создавшихъ. Опустошивъ все вокругъ себя своей хищнической политикой, древне-русскій городъ падалъ, и никто не могъ задержать этого паденія. Уже до смерти Андрея Юрьевича, во время знаменитой кіевской осады 1169 года, первый городъ русской земли защищали Торки и Берендѣи, отряды нанятыхъ княземъ Мстиславомъ степныхъ наѣздниковъ. Когда они измѣнили, городъ больше держаться не могъ, и кіевлянъ постигла участь, какой они всегда такъ боялись: они сами стали „полономъ“. Тысячи плѣнниковъ и, въ особенности, плѣнницъ потянулись изъ города-завоевателя на невольничьи рынки,—куда онъ самъ столько доставилъ живого товара въ прежніе вѣка. Но съ разгромомъ Кіева опустошенный югъ потерялъ всякій интересъ и значеніе: номинальный побѣдитель Кіева, князь Андрей Юрьевичъ,—подъ его стягомъ шла рать, разграбившая „мать городовъ русскихъ“ — на югъ не поѣхалъ: ему гораздо привлекательнѣе казалась новая система княжескаго хозяйничанья, укрѣплявшаяся на сѣверѣ. Своеобразныя формы военно-торговой республики еще три столѣтія продержались на сѣверо-западѣ: Новгородъ въ своихъ огромныхъ колоніяхъ нашелъ неисчерпаемый источникъ „товара“, а въ тѣсной связи съ Западной Европой новыя организаціонныя средства *). Въ остальной Россіи неизбѣжно долженъ былъ продолжаться медленный процессъ перегниванія старой хищническо-городской культуры въ деревенскую. Ничего иного, кромѣ распаденія города, здѣсь не требовалось: ибо, какъ мы хорошо помнимъ, городъ ничего не внесъ новаго въ деревню. Тамъ всѣ способы производства оставались старые: только продукты, прежде захватывавшіеся безцеремонной рукой, куда она только могла достать, нерѣдко вмѣстѣ съ производителями, теперь оставались дома. Новгородъ со Псковомъ и здѣсь представляли исключеніе. Въ нихъ достаточно былъ развитъ мѣстный обмѣнъ—и городъ являлся уже не только въ роли хищника

*) Очерку новгородской исторіи посвящена особая глава.

(хотя эта роль и тутъ оставалась господствующей). Въ остальной Россіи городъ жилъ самостоятельной жизнью, мало заботясь объ окружавшей его сельской Руси. Русская Правда, подробно разрабатывая вопросы о „товарѣ“, о деньгахъ, о ростѣ, чрезвычайно мало говоритъ о землѣ—такъ мало, что нѣкоторые изслѣдователи находили возможнымъ утверждать, будто Правда вовсе „не содержитъ въ себѣ постановленій о пріобрѣтеніи или отчужденіи земли“. Въ дѣйствительности, Правда о землѣ говоритъ 4 раза, тогда какъ о ростѣ (процентахъ) въ ней содержится 23 постановленія (въ наиболѣе полныхъ спискахъ), о холопахъ—27. Настолько рабовладѣлецъ чаще выступалъ на древне-русскомъ судѣ сравнительно съ землевладѣльцемъ! Экономически чуждый деревнѣ, городъ былъ, какъ мы видѣли, и юридически отрѣзанъ отъ нея непереходимой стѣной. Въ городѣ были свободные люди и державное вѣче, въ деревнѣ—безправные данники, которыхъ князья „сгоняли“ на войну, какъ пушечное мясо, можно бы сказать, если бы тогда были пушки. Этотъ терминъ „сгонять“ чрезвычайно выразителенъ, и отнюдь не случаенъ: въ новгородской республикѣ онъ дожилъ до послѣднихъ лѣтъ ея существованія. Еще подъ 1430 годомъ новгородскій лѣтописецъ записалъ: того же лѣта „пригонъ бысть крестьяномъ къ Новгороду городъ ставити“. Только, когда нужны были даровыя рабочія руки въ большомъ числѣ, древне-русская демократія вспоминала о своихъ „смердахъ“. Зато и смерды мало о ней заботились и не шевельнулись, когда московскій феодализмъ надвинулся, чтобы задавить ея остатки.

Новгородъ благодаря особымъ условіямъ своего существованія палъ ранѣе, нежели его экономическая роль была сыграна до конца. Южные города, а также и сѣверо-восточные, поскольку они не были просто разросшимися княжескими усадьбами, были ближе къ своей естественной смерти, когда пробилъ ихъ послѣдній часъ. Но какъ ни одно живое существо почти никогда не умираетъ вполнѣ своею смертью, такъ и естественная кончина древне-русскаго торговаго города была ускорена рядомъ причинъ, содѣйствовавшихъ превращенію городской Руси въ деревенскую. Одну изъ этихъ причинъ, ближайшую, давно указала литература: ею былъ итогъ борьбы со степью, закончившейся грандіознымъ татарскимъ погромомъ XIII вѣка. Съ IX по XI вѣкъ Русь наступала на степняковъ: сравнивая, по картѣ, южныя оборонительныя линіи Руси при Владимірѣ и Ярославѣ, вы отчетливо видите поступательное движеніе къ югу. Побѣда

Ярослава надъ печенѣгами (въ 1034 году) была кульминаціоннымъ пунктомъ этихъ успѣховъ: въ 1068 году Ярославичи были разбиты новой степной ордой, половцами. Съ тѣхъ поръ эти послѣдніе не исчезаютъ изъ поля зрѣнія лѣтописи почти ни на одинъ годъ. Еще въ половинѣ XII вѣка о нихъ напоминаетъ галицко-волынскій лѣтописный сводъ. Опустошенія, производившіяся ихъ набѣгами, были, конечно, велики, но нужно имѣть въ виду, что по существу дѣло здѣсь ничѣмъ не отличалось отъ княжескихъ усобицъ. И половцы, какъ князья, ходили въ чужую землю за полономъ. Если прибавить, что и въ самихъ усобицахъ половцы принимали очень живое участіе, охотно нанимаясь на службу къ князьямъ, что эти послѣдніе нисколько не стѣснялись жениться на половчанкахъ, такъ что въ концѣ-концовъ и не разобрать было, чья кровь течетъ въ жилахъ какого-нибудь Изяславича,—то представлять себѣ половцевъ въ видѣ нѣкоей чуждой и темной „азіатской“ силы, тяжелой тучей висѣвшей надъ представительницей „европейской цивилизаціи“, Кіевской Русью, у насъ не будетъ ни малѣйшаго основанія. Но поскольку половецкіе набѣги количественно увеличивали опустошеніе, они тѣмъ самымъ ускоряли роковой конецъ. Нанесли послѣдній ударъ, однакоже, не они. Степняки не умѣли брать городовъ—и, даже напавъ врасплохъ на Кіевъ (въ 1096 году), они не смогли въ него ворваться и должны были ограничиться опустошеніемъ окрестностей. Если въ ихъ руки и попадали изрѣдка укрѣпленные центры, то только мелкіе—въ родѣ Прилукъ, Посѣчена и т. под. Только въ 1203 году имъ удалось похозяйничать въ самомъ Кіевѣ, но туда привели половцевъ русскіе князья, Рюрикъ Ростиславичъ и Ольговичи. Инымъ противникомъ были татары. Степные наѣздники, такъ же легко и свободно передвигавшіеся, какъ и половцы, они усвоили себѣ всю военную технику ихъ времени. Еще въ своихъ китайскихъ войнахъ они выучились брать города, окруженные каменными стѣнами. По словамъ Плано-Карпини, каждый татаринъ обязанъ былъ имѣть при себѣ шанцевый инструментъ и веревки для того, чтобы тащить осадныя машины. Приступая къ какому-нибудь русскому городу, они прежде всего „остолпляли“ его—окружали тыномъ; затѣмъ начинали бить таранами („пороками“) въ ворота или наиболѣе слабую часть стѣны, стараясь въ тоже время зажечь строенія внутри стѣнъ: для этой послѣдней цѣли они употребляли, между прочимъ, греческій огонь, который они, кажется, даже нѣсколько усовершенствовали

Прибѣгали къ подкопамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отводили рѣки. Словомъ, въ отношеніи военнаго искусства, по справедливому замѣчанію одного французскаго писателя, татары въ XIII вѣкѣ были тѣмъ же, чѣмъ пруссаки въ серединѣ XIX. Самые крѣпкіе русскіе города попадали въ ихъ руки послѣ нѣсколькихъ недѣль, иногда даже только нѣсколькихъ дней осады. Но взятіе города татарами означало его столь полный и совершенный разгромъ, какого никогда не устраивали русскіе князья или даже половцы, и потому именно, опять-таки, что татарская стратегія ставила себѣ гораздо болѣе далекія цѣли, чѣмъ простое добываніе полона. Ордѣ для ея политики—„міровой“, въ своемъ родѣ, нужны были обширныя денежныя средства, и она извлекала ихъ изъ покоренныхъ народовъ въ видѣ дани. Съ военной точки зрѣнія, для того, чтобы обезпечить исправное поступленіе этой послѣдней, нужно было прежде всего отнять у населенія всякую возможность начать борьбу сызнова. Разрушить крупные населенные центры, частью разогнать, частью истребить или увести въ полонъ ихъ населеніе—все это какъ нельзя больше отвѣчало этой ближайшей цѣли. Вотъ отчего татары были такими великими врагами городовъ, и вотъ почему лѣтописцу-горожанину Батыево нашествіе казалось вѣнцомъ всѣхъ ужасовъ, какіе только можно вообразить. Вотъ отчего также они стремились уничтожить всѣ высшіе правящіе элементы населенія, включая сюда духовенство: „лучшіе, благородные люди никогда не дождутся отъ нихъ пощады“, говоритъ Плано-Карпини; а наши лѣтописи въ числѣ убитыхъ и плѣненныхъ татарами настойчиво называютъ „чернцовъ и черноризцъ“, „іереевъ и попадей“. Разрушеніе городовъ и уничтоженіе высшихъ классовъ одинаково ослабляли военно-политическую организацію побѣжденныхъ и гарантировали на будущее время ихъ покорность. Татарскій разгромъ однимъ ударомъ закончилъ тотъ процессъ, который обозначился задолго до татаръ и возникъ въ силу чисто мѣстныхъ экономическихъ условій: процессъ разложенія городской Руси X—XII вѣковъ.

Но вліяніе татарскаго завоеванія не ограничилось этимъ отрицательнымъ результатомъ. Татарщина шла не только по линіи разложенія старой Руси, а и по линіи сложенія Руси новой — удѣльно-московской. Уже нѣсколькими строками выше читатели должны были замѣтить, что тенденція орды — эксплуатировать покоренное населеніе, какъ данниковъ, вполнѣ соотвѣтствовала новымъ теченіямъ, ка-

кія мы наблюдали въ княжеской политикѣ XII—XIII вѣковъ. Но татары и тутъ, какъ въ дѣлѣ самаго завоеванія, пахали глубже. Во-первыхъ, они, не довольствуясь прежними способами сбора—отчасти по аппетиту берущаго, отчасти по силѣ сопротивленія дающаго, — организовали правильную систему раскладки, которая на много вѣковъ пережила самихъ татаръ. Первыя переписи тяглаго населенія непосредственно связаны съ покореніемъ Руси ордой; первыя упоминанія о „сошномъ письмѣ“, о распредѣленіи налоговъ непосредственно по тяглямъ („соха“—2 или 3 работника), связаны съ татарской данью XIII вѣка: раньше, по всей вѣроятности, огуломъ платила вся „вервь“ — для уголовныхъ штрафовъ это мы знаемъ навѣрное, но нѣтъ основанія думать, что „дань“ платилась иначе. Московскому правительству впослѣдствіи ничего не оставалось, какъ развивать далѣе татарскую систему, что оно и сдѣлало. Но татары внесли въ древне-русскіе финансы не только техническія усовершенствованія: они, поскольку это доступно дѣйствующей извнѣ силѣ, внесли глубокія измѣненія и въ соціальныя отношенія, опять-таки въ томъ направленіи, въ какомъ эти послѣднія начали уже развиваться раньше, подъ вліяніемъ туземныхъ условій. Въ классическую пору Кіевской Руси „подъ данью“ было только сельское населеніе: городское не платило постоянныхъ прямыхъ налоговъ, — потому то княжеская эксплуатація въ городѣ и выражалась въ формѣ злоупотребленія „вирами“ и „продажами“, судебными штрафами. Завоевателямъ Россіи не зачѣмъ было прибѣгать къ такимъ обходнымъ путямъ, и въ татарское „число“ попали всѣ горожане и сельчане безразлично. Въ районѣ непосредственнаго завоеванія это удалось провести безъ большихъ усилій: городское населеніе было здѣсь такъ ослаблено, что оно и думать не могло о сопротивленіи. Иная картина получилась, когда „число“ подошло къ крупнымъ центрамъ, матеріально еще не затронутымъ, а подчинившимся Ордѣ только изъ страха передъ нашествіемъ. Новгородская лѣтопись чрезвычайно живо изображаетъ намъ податную реформу въ Новгородѣ: не легко давалось свободнымъ новгородцамъ превращеніе въ подневольныхъ „данниковъ“. Первый разъ татарскіе даньщики появились здѣсь въ 1257 году. Какимъ путемъ, лѣтописецъ не передаетъ, вѣроятно, и самъ не зналъ, — но городу удалось откупиться отъ „числа“, пославъ хорошіе подарки „царю“ (иначе тогда не называли хана) и, можетъ-быть, давъ хорошую взятку самимъ посламъ. Но ханская admini-

Городъ строятъ—старая Русь.

Оригиналъ картины Н. К. Рериха *Городъ строятъ (Старая Русь.* 1902 г.), находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 1799). Н. К. Рерихъ—художникъ-археологъ съ своеобразными пріемами кисти и своеобразными представленіями объ исторической живописи. Въ той же Третьяковской галлереѣ находится его историческая картина *Славянскій городокъ* (Гонецъ. 1897 г.), а также *Красные паруса* и *Бой* (№№ 1551, 1800, 1801). Преимущественный интересъ картины *Городъ строятъ* заключается въ томъ впечатлѣніи, которое она должна производить своими недостаточно ясными формами и туманными контурами. Въ нашемъ сознаніи должна представиться эта старая деревянная Русь и та роль, которую издревле игралъ въ ея исторіи деревянный городъ, а, быть-можетъ, и тѣ вѣковыя усилія, которыя напрягала страна, созидая въ разнообразныхъ уголкахъ восточно-европейской равнины деревянный городъ, тынъ, позднѣе лѣсную засѣку, безъ конца защищаясь отъ напора кочевника, смѣнявшаго въ степяхъ одинъ другого. Исторію кіевской Руси наша лѣтопись начинаетъ съ факта, какъ трое братьевъ «створиша *градъ* во имя брата своего старѣйшаго и нарекоша имя ему Киевъ». Городъ этотъ былъ деревянный,—и «бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь». Лѣса было много, и еще подъ 1185 г. лѣтописецъ, говоря о выступленіи половецкихъ полковъ, замѣтилъ о ихъ безчисленномъ множествѣ, что они выступали «акъ боровѣ». Это и былъ тотъ «градокъ на горѣ», который заняли Аскольдъ и Диръ и должны были уступить его Олегу. Олегъ, сказавъ о Кіевѣ: «се буди мати градомъ русьскимъ», въ свою очередь, «нача городы ставити», а, заключая выгодный миръ съ Царьградомъ, тотъ же князь заповѣдалъ «даяти уклады на рускыа грады: первое на Киевъ, таже на Черниговъ, і на Переяславль, і на Полтѣскъ, і на Ростовъ, і на Любечь и на прочаа городы, по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи, подъ Олгомъ суще». Такъ еще въ X-мъ вѣкѣ, въ началѣ его, Русь была страною городовъ и городковъ, создававшихся на почвѣ тѣхъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій, которыя можно отчетливо прочитать между строкъ древнѣйшей лѣтописи. Одновременно съ отмѣтками о построеніи городовъ лѣтопись усердно говоритъ и о приходѣ кочевниковъ печенѣговъ. Въ отсутствіе князя Святослава, ушедшаго въ Переяславецъ на Дунаѣ, пришли (968 г.) на русскую землю печенѣги, «и затворися Волга въ градѣ съ унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ; и оступиша печенѣзи градъ въ силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою; и собравшеся людье оноя страны Днѣпра въ лодьяхъ, по ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ». Въ другой разъ печенѣги обступили (972 г.) днѣпровскіе пороги и «убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съ дѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьяху из него». Печенѣги, продолжая быть страшными для Кіева, заставляютъ въ 988 г. сказать князя Владимира, что «се не добро, еже мало городовъ около Киева». И князь «нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и поча нарубати мужи лучьшиѣ отъ словень, и отъ кривичь, и отъ чюди, и отъ вятичь, и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними и одоляя имъ». Въ 991 г. Владимиръ строитъ Бѣлгородъ, и «наруби въ нь отъ инѣхъ городовъ, и много людий сведе в онь». Несмотря на постройку ряда городовъ, все-таки съ печенѣгами «бѣ бо рать велика, бес перестани». Узнавъ, что Владимира нѣтъ въ Бѣлгородѣ, печенѣги въ 997 г. пришли и обступили городъ. «И не дадяху вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множьство много; и удолжися остоя в городѣ, и бѣ гладъ великъ». Сцена,—подобная той, которую уже видали подъ Кіевомъ въ 968 г. Подъ 1032 г. лѣтопись вновь говоритъ о построеніи городовъ: «Ярославъ поча ставити городы по Рьси», а въ 1036 г. Ярославу пришлось отбивать печенѣговъ отъ Кіева, подошедшихъ въ отсутствіе князя. «Ярославъ събра вои многи, варягы и словѣни, приде Кыеву, и вниде в городъ свой, и бѣ печенѣгъ бес числа; Ярославъ выступи из града, и исполчи дружину... и бысть сѣча зла, и одва одолѣ к вечеру Ярославъ». Подъ 1061 г. лѣтопись записала нападеніе новыхъ кочевниковъ—половцевъ, которые пришли «первое на русьскую землю воеватъ», побѣдили князя Всеволода и «се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ». Подъ 1068 г. опять «побѣгоша русьскыи князи и побѣдиша половци», подъ 1185 г. читаемъ въ лѣтописи новый разсказъ о погромѣ, о которомъ сказано особо при картинѣ В. Васнецова *Послѣ побоища Игоря Святославича съ половцами.* Въ 1223 г. появятся новые кочевники *татары* и сломятъ южную Русь, несмотря на ея сложную систему городовъ и городковъ. Въ источникахъ Руси сѣверо-восточной опять будемъ читать о построеніи городовъ,—и такимъ образомъ мотивъ *Городъ строятъ,* съ которымъ картинно знакомитъ Н. К. Рерихъ, представляетъ чрезвычайное значеніе въ русскомъ прошломъ. **В. Стор.**

страція неуклонно слѣдовала своей системѣ: Новгородъ во что бы то ни стало долженъ былъ быть взятъ въ „число“ вмѣстѣ со всею остальною Русью; два года спустя татарскіе чиновники появились снова, и взятки на нихъ уже не дѣйствовали. „Было знаменіе на лунѣ, такъ что ея совсѣмъ не стало видно“, разсказываетъ лѣтописецъ. „Въ ту же зиму пріѣхалъ Михаилъ Пинещиничъ съ Низу (изъ Суздальской земли) со лживымъ посольствомъ и говорилъ такъ: „если вы не вложитесь въ число, такъ вотъ ужъ полки на Низовской землѣ“. И вложились новгородцы въ число... Но это былъ только юридическій моментъ: напуганное „лживымъ посольствомъ“ вѣче уступило на словахъ. Все старое всколыхнулось, когда слова стали претворяться въ дѣло, когда въ Новгородъ пріѣхали татарскіе баскаки и приступили къ сбору дани. Они начали съ волостей, и уже одни слухи о томъ, что тамъ происходитъ, вызвали въ городѣ волненіе: въ новгородскихъ волостяхъ были не одни смерды, а и много купившихъ землю горожанъ, ремесленниковъ и купцовъ, „своеземцевъ“. Теперь всѣ безъ различія становились данниками. Когда дѣло дошло до самого Новгорода, волненіе разрѣшилось въ открытый мятежъ: „чернь не хотѣла дать числа, но говорила: умремъ честно за святую Софію и за домы ангельскіе!“ И „издвоились“ люди. Верхніе слои общества, зная, какая участь ихъ ждетъ въ случаѣ татарскаго вторженія, стояли за миролюбивый исходъ—за подчиненіе требованіямъ орды. Грубо-репартиціонный способъ раскладки, по стольку-то съ каждаго отдѣльнаго хозяйства, былъ на руку богатымъ. Татарскіе даньщики ѣздили по улицамъ и считали дома: каждый домъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, платилъ одно и то же. Учесть размѣры торговаго капитала степняки, очевидно, совершенно не умѣли—и новогородскіе капиталисты могли на это спекулировать. „И творили бояре себѣ легко, а меньшимъ зло“. Дошло, повидимому, до формальнаго соглашенія между „окаяннымъ“, татарскимъ посломъ, съ одной стороны, княземъ Александромъ (Невскимъ) и новгородской аристократіей, съ другой: въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія „черни“ было уговорено напасть на городъ съ двухъ сторонъ. Неизвѣстно, что въ послѣднюю минуту предотвратило столкновеніе: по лѣтописцу, „сила Христова“, но для современнаго историка такого объясненія недостаточно. Кажется, главной причиной была солидарность боярства, чувствовавшаго, что для него тутъ вопросъ о жизни и смерти, что „звѣри дивіи“, пришедшіе изъ пустыни въ образѣ татаръ, будутъ прежде всего „ѣсть сильныхъ плоть и пить кровь боярскую“. Масса же населенія была

слишкомъ зависима уже въ это время отъ торговаго капитала, чтобы вступить въ открытую борьбу со всѣми капиталистами, а не съ какой-нибудь одной изъ ихъ враждующихъ между собою группъ, какъ это бывало въ обычныхъ случаяхъ такихъ столкновеній. Какъ бы то ни было, татары получили въ концѣ-концовъ свою дань съ вольныхъ новгородцевъ, и лѣтописецъ, со своей точки зрѣнія, не умѣлъ объяснить этого иначе, какъ карой Господней за грѣхи послѣднихъ. Вздохомъ сожалѣнія о томъ, что даже это суровое наказаніе не подѣйствовало на нераскаянныхъ, и заключаетъ онъ свой разсказъ.

Уже исторія новгородскаго „числа“ показываетъ, какой враждебной татарамъ силой были демократическіе элементы вѣча—а татары были слишкомъ опытными практическими политиками, чтобы не понять и не оцѣнить этой враждебности. Рядъ событій въ другихъ концахъ Руси ясно обнаружилъ, что горожане всюду, едва только они оправились отъ непосредственныхъ результатовъ разгрома, готовы были стать на новгородскую позицію. Въ 1262 „изволиша вѣчъ“ люди ростовской земли—и погнали татарскихъ даньщиковъ изъ Ростова, Владиміра, Суздаля и Ярославля. Въ 1289 то же повторилось въ Ростовѣ еще разъ, причемъ солидарность ростовскаго князя, Дмитрія Борисовича, съ татарами выступаетъ особенно отчетливо. Союзъ, уже намѣчавшійся въ Новгородѣ въ 1259 году—„лучшихъ людей“ и князя съ татарами противъ „черни“—долженъ былъ стать и, дѣйствительно, сталъ постояннымъ явленіемъ. Что поддерживая князей и ихъ бояръ въ борьбѣ съ „меньшими“ людьми, Орда создастъ въ концѣ-концовъ московское самодержавіе, которое упразднитъ за ненадобностью и самоё орду—эта отдаленная перспектива была внѣ поля зрѣнія татарскихъ политиковъ, и, отчасти, они были правы. Татарщина завладѣла Русью въ первой половинѣ XIII вѣка, а лишь во второй половинѣ слѣдующаго московскіе князья рѣшились выступить открыто противъ „царя“. Полтора столѣтія безпрекословнаго подчиненія со стороны Руси Ордѣ все-таки было обезпечено.

Какъ видимъ, татарское нашествіе не даромъ заняло въ народной традиціи то мѣсто, которое у него склонна была оспаривать новѣйшая историческая наука. Послѣдняя была права въ томъ отношеніи, что ничего по существу новаго этотъ внѣшній толчокъ въ русскую исторію внести не могъ. Но, какъ обычно бываетъ, внѣшній кризисъ помогъ разрѣшиться внутреннему и далъ, отчасти, средства для его разрѣшенія. Нужно, впрочемъ, оговориться, что назвать экономическій кризисъ, подсѣкшій Кіевскую Русь, исключительно внутрен-

нимъ было бы слишкомъ узко. Читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ отсутствіе въ нашей схемѣ одного фактора, отъ котораго, однакожъ, древній городъ былъ, какъ мы уже говорили, въ тѣсной зависимости, съ которымъ онъ былъ связанъ тѣснѣе, нежели съ окружавшей этотъ городъ сельской Русью. Этимъ факторомъ являлся заграничный рынокъ— потребитель живого и мертваго товара русскаго купца. Мы не занимаемся исторіей европейской торговли и не имѣемъ, поэтому, поводовъ детально изучать судьбы международнаго обмѣна въ средніе вѣка. Но связь нѣкоторыхъ, особенно катастрофическихъ, событій въ этой области съ русской исторіей проникла въ сознаніе даже тогдашнихъ русскихъ книжниковъ. Въ числѣ немногихъ фактовъ изъ „всеобщей" исторіи, о какихъ намъ говоритъ 1-я новгородская лѣтопись, совершенно исключительное мѣсто занимаетъ разсказъ о взятіи Царьграда французскими и итальянскими крестоносцами въ 1204 году. Только о татарскомъ нашествіи лѣтопись говоритъ больше и подробнѣе: всѣ прочія русскія событія изложены много скупѣе и суше. Авторъ точно своими глазами видитъ разореніе столицы всего православнаго христіанства — такъ возбудила его воображеніе эта картина, о которой онъ, однако, только прочелъ въ византійскихъ хронографахъ. Характерно, что наиболѣе, казалось бы, для него интересная вѣроисповѣдная сторона—захватъ центра вселенскаго православія латинянами—не выступаетъ черезчуръ на первый планъ. Зато не менѣе характерно подчеркивается солидарность грековъ и варяговъ, сообща защищавшихъ городъ. Новгородецъ XIII вѣка смутно чувствовалъ объективное значеніе событія. Оно было послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи явленій, которую старые историки обозначали общимъ именемъ „крестовыхъ походовъ", а новые предпочитаютъ называть „французской колонизаціей въ Левантѣ". Шла борьба за восточные рынки. Въ первую половину среднихъ вѣковъ они были всецѣло въ рукахъ арабовъ и византійцевъ, и только черезъ ихъ посредство сѣверо-европейскіе варяги имѣли къ нимъ доступъ. Въ эту именно пору Днѣпръ и Волховъ сдѣлались едва ли не самой оживленной торговой дорогой Европы; Россія и Швеція наводнились восточными монетами (всѣ арабскіе диргемы, найденныя въ безчисленныхъ русско-скандинавскихъ кладахъ, какъ извѣстно, не старше конца VII-го и не моложе XI-го столѣтія), и дѣло дошло до того, что даже изъ Малой Азіи въ Римъ, по представленію русскихъ людей, нельзя было иначе проѣхать, какъ мимо Кіева и Новгорода. Въ извѣстномъ лѣтописномъ

сказаніи объ апостолѣ Андреѣ говорится, что Андрей училъ въ Синопѣ, оттуда пріѣхалъ въ Корсунь, „и, увидавъ, что отъ Корсуня близко до устья Днѣпра, захотѣлъ пойти въ Римъ“. Но съ XI вѣка торговая Европа во главѣ съ тѣми же варягами, только западно-и южно-европейскими, нормандскими и сицилійскими, начинаетъ прокладывать свои пути на востокъ, отбивая монополію восточной торговли у магометанъ и византійскихъ грековъ. Экспедиція 1203—4 года, когда главный коммерческій центръ греческаго востока былъ взятъ и разгромленъ руками французскихъ рыцарей, привезенныхъ на итальянскихъ корабляхъ и руководимыхъ „Дужемъ слѣпымъ“, воплощеніемъ венеціанской торговой политики, какъ нельзя лучше характеризуетъ заключительный моментъ борьбы. Теперь дорога изъ Чернаго моря въ Римъ шла не по Днѣпру, а черезъ Венецію. А „великій водный путь изъ варягъ въ Греки“ на югѣ кончался коммерческимъ тупикомъ. Варягамъ теперь легче было связаться съ греческими странами другой рѣкой, Рейномъ. Союзъ рейнскихъ городовъ, какъ извѣстно, явился зародышемъ Ганзы, охватившей своими конторами всю Балтику; на крайней восточной периферіи этой цѣпи оказался и Новгородъ, единственный изъ русскихъ торговыхъ городовъ, для котораго передвижка міровыхъ торговыхъ путей была болѣе полезна, чѣмъ вредна. Всѣ остальные изъ этапныхъ пунктовъ на большой дорогѣ международнаго обмѣна превратились въ захолустныя торговыя села на проселкѣ—и почти въ то же время были разрушены татарами. Двухъ такихъ ударовъ одновременно не могла бы вынести безъ послѣдующаго длительнаго упадка даже экономически здоровая страна. Только послѣдняя оправилась бы рано или поздно, а для древней городской Руси, уже внутренно изжившей старыя хозяйственныя формы, упадокъ былъ окончательнымъ.

Заставки, концовки и буквы перваго выпуска.

1. Образцы *заглавныхъ* буквъ, взятыхъ нами условно, принадлежатъ рукописи Евангелія Императорской Академіи Наукъ, № 3 по каталогу, въ листъ, писанной на пергаментѣ и относимой В. В. Стасовымъ въ статьѣ *Картины и композиціи, скрытыя въ заглавныхъ буквахъ древнихъ русскихъ рукописей* (1884 г.) къ XIV столѣтію. Евангеліе это, согласно Стасову, какъ по письму, такъ и по орнаментистикѣ—происхожденія новгородскаго. Заглавныя буквы здѣсь относятся къ „новгородскому стилю", очень распространенному въ новгородской области въ XIII—XIV ст. и имѣющему строгую опредѣленность какъ по формамъ, такъ и по краскамъ. «Однимъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ его, говоритъ Стасовъ, является постоянно синій или голубой фонъ вокругъ фигуръ и внутри всѣхъ пустотъ рисунка, такъ что въ видѣ лишь очень рѣдкихъ исключеній синій или голубой этотъ фонъ замѣненъ краснымъ или зеленымъ. Остальной рисунокъ состоитъ обыкновенно изъ контуровъ, выполненныхъ киноварью. Красокъ вообще употреблено очень мало, и бросается вездѣ въ глаза лишь яркая желтая краска, замѣняющая, кажется, золото и пополняющая собою очертанія всѣхъ ожерелій, браслетовъ, повязокъ, поясовъ, позументовъ, бордюровъ и каймы, играющихъ очень видную роль въ этихъ изображеніяхъ. Фигуры же состоятъ изъ людей, птицъ, звѣрей, драконовъ, змѣевъ, деревьевъ и разныхъ геометрическихъ или архитектурныхъ формъ, опутанныхъ плетеніями разнаго рода и вида». Кромѣ того, по разнымъ страницамъ рукописи разсѣяны небольшія человѣческія фигурки, любопытныя по своимъ костюму, позамъ и предметамъ, которые они держатъ въ своихъ рукахъ. Въ расположеніи инціаловъ съ человѣческими фигурами замѣчаются симметрія и послѣдовательность.

2. Заставка *предисловія*—золотая стленгида изъ женской гробницы Большой Близницы (курганъ), открытой въ 1868 г. на Таманьскомъ полуостровѣ. Это женское украшеніе, которое археологи относятъ къ IV вѣку до Р. Х., подражаетъ завитой прическѣ или накладкѣ и парику съ висками изъ такихъ же завитыхъ локончиковъ. Концовка предисловія — отрывокъ изъ древней мозаики Кіево-Софійскаго собора, представленной на отдѣльномъ листѣ изображеніемъ Богоматери „Нерушимая Стѣна". Мозаика, согласно популярному описанію археологовъ, состоитъ изъ небольшихъ стеклянныхъ или каменныхъ кубиковъ приблизительно въ 4 кв. сантиметра по поверхности. Стѣну предварительно покрывали слоемъ цемента, но лишь настолько, насколько мастеръ можетъ набрать мозаикою, пока цементъ не засохъ. Когда рисунокъ весь выполненъ, тогда уравниваютъ поверхность линейкой и деревяннымъ молоткомъ, чистятъ кубики и полируютъ. Въ кіевскихъ мозаикахъ замѣтно сильное преобладаніе каменныхъ кубиковъ, а смальтовые (стекло съ металлическими окисями) изготовлены наилучшимъ способомъ. Мастера мозаики разсылались повсюду изъ Византіи и Венеціи и работали по привезеннымъ своимъ шаблонамъ; тѣмъ не менѣе, утверждаетъ Н. П. Кондаковъ, «мозаика, какъ родъ искусства, исполняемый на мѣстѣ, открываетъ собою движеніе мѣстнаго искусства». Говоря о происхожденіи живописи, въ настоящее время продолжаютъ утверждать, напримѣръ, слѣдующее: Die erste Etappe umschliesst die Mosaiken. Die Fläche existiert noch nicht für die Hand des Künstlers, sie ist Sache des Handwerks; die Kontur allein ist Trägerin der Formel, und die Formel ist anonym, nicht das Werk einzelner, sondern Ueberlieferung. Der erste Einschnitt war der Uebergang von der Mosaik zur Freske; er war entscheidend. Damit wurdeder Künstler selbst zum Dekorateur, er uebernahm selbst die Ausfeührung seiner Gedanken; der Gedanke musste sich unter seinen Händen entsprechend verändern (y Julius Meier-Graefe. Entwickelungsgeschichte der Modernen Kunst. Stuttgart. 1904). Въ третьемъ томѣ книги Мейера-Грефе на первой же страницѣ помѣщена въ высокой степени цѣнная мозаика Богоматери-оранты in Dom S. Donato von Murano, важная для сопоставленія съ мозаикой Кіевской Нерушимой Стѣны, гдѣ рядомъ съ нею мы встрѣчаемъ также и фресковую живопись.

3. Заставка главы I—изображеніе главнаго предмета находки Рязанскаго клада 1868 г., ожерелья изъ серебряныхъ позолоченыхъ бляшекъ, связанныхъ

цѣпочками; бляшки украшены толстою сканью въ видѣ орнаментальныхъ крестовъ на растительныхъ разводахъ, византійскаго типа креста «процвѣтшаго» и крестообразныхъ орнаментальныхъ фигуръ. При ношеніи ожерелья цѣпочки, связывающія обѣ половины его, приходились на плечахъ. Концовка—изображеніе изъ того же рязанскаго клада пары серебряныхъ подвѣсокъ изъ конусообразной вотолки, украшенной зернью городками, съ 9 подвѣсными цѣпочками, на которыхъ имѣются ажурные наузы и поталы по концамъ, набранные сканью и зернью, и, наконецъ, пять отдѣльныхъ эмальированныхъ золотыхъ бляшекъ, въ видѣ орнаментальныхъ крестовъ съ эмалевымъ криномъ въ кругу, бѣлой лиліею и розеткою (по Н. П. Кондакову).

4. Заставка и концовка главы II—фрески катакомбы, открытой въ Керчи въ 1872 г. Въ цѣломъ онѣ изображаютъ жизнь и подвиги неизвѣстнаго пантикапейскаго военачальника и представляютъ высокій интересъ для изученія быта варварскихъ народностей, наводнившихъ Босфорское царство въ теченіе первыхъ вѣковъ по Р. Х. Подробное описаніе этой керченской катакомбы, нынѣ уже утратившей свои фрески, сдѣлано В. В. Стасовымъ въ статьѣ *Катакомба съ фресками, найденная въ 1872 году близъ Керчи* (Сочиненія, т. I, Спб. 1894, стр. 214—290).

5. Заставка и концовка главы III—пышное ожерелье жрицы Деметры, погребенной въ Большой Близницѣ на Таманьскомъ полуостровѣ, и гривна изъ Куль-Обскаго кургана. Ожерелье является однимъ изъ высокихъ произведеній древняго искусства IV—III в. до Р. Х. изъ золота съ сильною лигатурою, по концамъ украшено львиными головами; прорѣзное колье представляетъ во фризѣ сцену изъ сельскаго быта: стадо козловъ и барановъ въ различныхъ, схваченныхъ съ натуры, положеніяхъ; по краямъ собаки гонятся за зайцами; степь представлена обиліемъ мака. Гривна царя изъ гробницы Куль-Обскаго кургана, открытой въ 6 верстахъ къ западу отъ Керчи въ 1831 г. и представляющей цѣнный матеріалъ для изученія быта южнорусскихъ кочевниковъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ греческою культурой, является лучшимъ образцомъ этого рода украшеній (1 ф. 12 золот. вѣсомъ). Она свита изъ шести толстыхъ проволокъ, концы которыхъ прикрыты листовымъ золотомъ, въ видѣ втулки, украшенной сканными разводами съ синею и голубою эмалью; на всемъ скаку выносятся изъ внутренностей этихъ втулокъ, какъ бы перепрыгивая черезъ препятствіе, два скиѳскихъ джигита. Вся вещь, согласно характеристикѣ Н. П. Кондакова, отличается высокою работой лучшаго греческаго стиля, въ эпоху расцвѣта реалистическаго направленія со второй половины IV столѣтія до Р. Х. Гривна—шейное кольцо.

6. Заставка и концовка главы IV—образцы шиферныхъ плитъ Кіево-Софійскаго собора украшены орнаментальнымъ византійскимъ плетеніемъ съ розетками и геральдическимъ орломъ восточнаго типа. По Н. П. Кондакову, причудливость завитковъ и плетеній на плитахъ наиболѣе соотвѣтствовала варварскому вкусу и развилась на почвѣ восточнаго орнамента. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что ко многимъ выводамъ нашихъ старыхъ археологовъ надо относиться не иначе, какъ съ большою осторожностью, особливо въ вопросахъ о вліяніи и этнографическомъ пріуроченіи.

7. Заставка и концовка главы V—снимки съ такъ называемой гробницы Ярослава I, саркофага, находящагося въ углу южной стѣны, въ алтарѣ придѣла св. Владимира Кіево-Софійскаго собора. По Н. П. Кондакову, форма этого саркофага подобна современнымъ ему формамъ Константинопольскихъ саркофаговъ съ остроконечною крышкой, имѣющей видъ двускатной кровли съ высѣченными по угламъ выступами. Крышка и боковыя стороны саркофага украшены рѣзными изображеніями; иныя детали явно символическаго характера и идутъ изъ христіанской древности: двѣ птицы, сидящія на деревьяхъ у четырехугольнаго бассейна,—образъ вѣрующихъ, вкушающихъ плоды ученія; изображенія крестовъ на подставкахъ съ пальмами и другими деревьями по сторонамъ; лоза съ плодами, обвившаяся вокругъ креста, по древнехристіанскому уподобленію Христа лозѣ, а учениковъ вѣтвямъ; двѣ рыбы—древнехристіанскій символъ Христа; кресты на акантовыхъ листьяхъ, кресты на сердцевидныхъ листахъ или вообще крестъ «процвѣтшій».

В. Стор.

ГЛАВА V.

Первобытныя религіозныя вѣрованія и появленіе христіанства.

Современному историку крайне трудно возстановить болѣе или менѣе точную картину вѣрованій нашихъ предковъ. Случайныя замѣчанія лѣтописцевъ, прошедшія притомъ сквозь призму византійскаго православія, нѣсколько пикантныхъ разсказовъ о продѣлкахъ бѣсовъ въ Патерикѣ, два-три разсказа арабскихъ путешественниковъ о погребальныхъ обрядахъ славянъ, да поэтическія фигуры „Слова о полку Игоревѣ“,—вотъ почти все, что можно собрать изъ письменныхъ памятниковъ той далекой эпохи относительно интересующаго насъ вопроса. Эти скудныя данныя грѣшатъ не только недостаточностью и случайностью; сами по себѣ они даютъ по-

нятіе лишь объ одной сторонѣ вѣрованій, присущей не столько народной средѣ, сколько дифференцировавшейся въ X вѣкѣ изъ народной массы группѣ смѣшаннаго славянско-варяжскаго торговаго и военнаго люда. Правда, вѣрованія послѣдняго недалеко ушли отъ той почвы, изъ которой онъ выдѣлился; но все-таки классовая дифференціація повлекла за собою немедленную дифференціацію религіозныхъ представленій. Скудость и случайность современныхъ эпохѣ данныхъ заставляли уже старыхъ изслѣдователей искать другихъ матеріаловъ; и единственный большой трудъ, касающійся религіи древнихъ славянъ, „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ Аѳанасьева (теперь совершенно устарѣвшій по взглядамъ и отчасти устарѣвшій по матеріалу), зиждется больше на миѳологіи другихъ индо-европейскихъ народовъ, чѣмъ на славянской миѳологіи. Если мы не хотимъ окончательно отказываться отъ реконструкціи народной религіи IX и X вѣковъ, то мы должны обратиться къ обширному этнографическому и сказочному матеріалу, собранному въ изобиліи за послѣднія десятилѣтія; переживанія старыхъ вѣрованій и обрядовъ, сохраняющихся въ современныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, и миѳологія сказокъ—вотъ главный, хотя и не всегда надежный матеріалъ, при помощи котораго возможно реконструировать картину народныхъ вѣрованій нашихъ предковъ.

Эти вѣрованія вырастали на почвѣ той природно-хозяйственной обстановки, среди которой жили днѣпровскіе и ильменскіе славяне, и которая до сихъ поръ еще находитъ себѣ аналогіи въ глухихъ углахъ сѣверныхъ губерній. Лѣсъ, болото и рѣки—такова природная обстановка; примитивная добывающая промышленность—таковы хозяйственныя условія. Съ этой стороны наши предки мало чѣмъ отличались отъ современныхъ дикарей тропическихъ странъ; одинаковыя условія борьбы за существованіе породили одинаковое міровоззрѣніе и одинаковыя вѣрованія. Старыя теоріи объ общеарійской основѣ славянскихъ вѣрованій совершенно игнорировали эту сторону вопроса и искали рѣшеніе его путемъ сравненія неизвѣстнаго (славянской миѳологіи) съ извѣстными (греческой, римской, германской и др. миѳологіей). Но такой методъ былъ собственно не заключеніемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а отъ существующаго къ несуществующему; тѣ народныя вѣрованія, которыя существовали въ дѣйствительности и оказались неискоренимыми до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія церковныхъ опекуновъ народа, вертѣлись не вокругъ неба, или солнца, или молніи, а вокругъ тѣхъ мелкихъ яв-

леній природы, которыя ежедневно, такъ сказать, окутывали собою славянскаго дикаря, въ борьбѣ съ которыми онъ добывалъ себѣ столъ и домъ. Жизнь славянскаго дикаря на Днѣпрѣ зависѣла отъ удачи въ охотѣ, отъ счастливаго исхода борьбы съ крупнымъ звѣремъ, отъ умѣнья переплыть рѣку или переправиться черезъ болото. Каждое мелкое явленіе природы было какъ бы кольцомъ той сѣти, которая опутывала собою славянскаго дикаря и опутывала настолько, что онъ уже не могъ различить, гдѣ кончается человѣкъ и гдѣ начинается природа. Отсюда наиболѣе характерной чертой древнѣйшаго славянскаго міровоззрѣнія, какъ оно теперь еще даетъ о себѣ знать въ пѣсняхъ и въ особенности въ сказкахъ, является анимизмъ, вѣра въ одушевленіе всей природы, одушевленной и неодушевленной, при чемъ одушевленіе приписывается не всей природѣ цѣликомъ, а каждому отдѣльному, хотя бы и мелкому, ея явленію.

Анимистическое міровоззрѣніе характеризуется цѣлымъ рядомъ представленій и образовъ, въ настоящее время отчасти утратившихъ свой прямой первоначальный смыслъ, но въ старину вполнѣ свѣжихъ и реальныхъ. Прямое свидѣтельство о древнѣйшемъ славянскомъ анимизмѣ можно привести, правда, только одно, да и то можетъ подвергнуться оспариванію, ибо оно не принадлежитъ народному творчеству, но вышло изъ-подъ пера придворнаго княжескаго поэта. Это извѣстныя мѣста изъ „Слова о полку Игоревѣ“, гдѣ вся природа изображена чувствующей и понимающей несчастія братьевъ-князей, и гдѣ можно найти даже намеки на оборотничество. Быть можетъ, для автора „Слова“ эти образы были просто поэтическими прикрасами; но несомнѣнно, что ихъ подсказало ему тогдашнее народное міровоззрѣніе, отъ котораго вполнѣ онъ отрѣшиться,конечно, не могъ. Чтобы характеризовать это міровоззрѣніе, мы должны обратиться къ продуктамъ народнаго творчества, къ пѣснямъ и сказкамъ. Современная крестьянка забавляетъ своего ребенка пѣсенкой „Сова ль моя совушка, вдова ль моя вдовушка, залѣсная барыня, Ульяна Степановна, гдѣ же ты живала, гдѣ же ты бывала? Живала я, совушка, бывала я, вдовушка, во темныхъ лѣсищахъ, во сырыхъ дуплищахъ; знаютъ меня, совушку, знаютъ меня, вдовушку, два луня бѣлыхъ, два друга милыхъ. Стали сову сватать, сватовъ засылать, сову убирати, въ лапти обувати, въ лапти въ осметки, въ онучи отрепки, въ платье рогожное, въ ожерелье гороховое; воронъ былъ поваромъ, сорока—стряпухой, по дворамъ летали, куръ собирали, на свадьбу сзывали“... и т. д. Но ея

далекая прародительница и ея ближніе вовсе не вкладывали въ образы этой пѣсни иносказательнаго содержанія; нѣтъ, птицы, животныя, деревья, всякое иное явленіе природы для нихъ имѣло свою личную индивидуальность, имѣло тѣ же нужды и обычаи, какъ и человѣкъ, вело такое же хозяйство. Между человѣкомъ и представителями всѣхъ трехъ царствъ природы происходитъ постоянный и взаимный обмѣнъ сношеній; быть можетъ, ярче всего представленіе о такихъ сношеніяхъ характеризуется извѣстной сказкой о томъ, какъ мужикъ посылалъ козу за орѣхами, какъ она не возвращалась, и какъ пропадали всѣ посылавшіеся за ней звѣри и даже стихіи (огонь), или аналогичной сказкой о томъ, какъ курица искала водички для умиравшаго пѣтушка, и рѣчка послала ее къ липкѣ, липка—къ дѣвкѣ, дѣвка—къ коровѣ, корова—къ сѣнокосамъ и т. д. Еще до сихъ поръ олонецкій крестьянинъ, переѣзжая черезъ озеро, грозитъ кулакомъ волнамъ, когда тѣ вздымаются слишкомъ высоко и грозятъ поглотить его лодку; еще до сихъ поръ можно встрѣтить повѣрье, что лучшее средство отъ вихря—бросить въ него ножомъ, и тогда онъ улетитъ, оставивъ по себѣ слѣды крови. Повѣрья, пѣсни и сказки этого рода—первые младенческіе зачатки миѳа; и какъ, напр., въ эпоху феодализма миѳъ изображаетъ божество рыцаремъ или воиномъ, такъ въ эпоху первобытнаго охотничьяго или пастушеско-земледѣльческаго быта всѣ явленія природы, изъ среды которыхъ впослѣдствіи дифференцируются боги, тотемы и фетиши, живутъ жизнью, аналогичной жизни будущаго „царя природы“. Миѳъ не останавливается на такихъ, въ сущности, несложныхъ явленіяхъ, какъ взаимныя встрѣчи и разговоры. Если нѣтъ разницы по существу между человѣкомъ и представителями другихъ царствъ природы, то не должно быть и границы, не должно быть преградъ къ замѣщенію представителя одного рода представителемъ другого рода, или, говоря проще, къ оборотничеству и къ необыкновеннымъ рожденіямъ, въ которыхъ, впрочемъ, съ анимистической точки зрѣнія нѣтъ ничего чудеснаго. Оборотничество—любимый мотивъ сказокъ; и если въ нихъ это свойство представляется уже исключительной способностью колдуновъ или особенно одаренныхъ людей (хотя всякій человѣкъ можетъ научиться наукѣ оборотничества), то это указываетъ на нѣкоторую эволюцію въ области народнаго религіознаго міровоззрѣнія, медленно совершавшуюся подъ вліяніемъ измѣненія условій быта и накопленія хозяйственнаго опыта, увеличивавшаго запасъ знаній о природѣ. Корова, кабанъ, собака,

даже быкъ (!) могутъ родить человѣка; изъ яицъ могутъ вылупиться мальчики, медвѣдь жениться на дѣвушкѣ *). Сказка заботливо прибавляетъ теперь, что родившіеся такимъ образомъ люди были богатыри, знавшіе отъ рожденія науку оборотничества, и что самое рожденіе ихъ происходило при не совсѣмъ обыкновенныхъ условіяхъ. Трудно сказать, когда миѳы о превращеніяхъ и необыкновенныхъ рожденіяхъ пріобрѣли въ глазахъ разсказчиковъ такой характеръ сказокъ о необыкновенныхъ происшествіяхъ и необыкновенныхъ людяхъ; но и въ современной своей формѣ они даютъ ясное представленіе о силѣ и яркости анимистическаго міровоззрѣнія нашихъ предковъ.

Славянскій дикарь ближе всего и чаще всего сталкивался съ лѣсными животными и птицами и съ немногими прирученными имъ къ началу разсматриваемой эпохи домашними животными. И славянскій анимистическій миѳъ, естественно, съ особою любовью останавливается именно на жизни этихъ животныхъ. Безчисленныя сказки о кумѣ-лисѣ, кумѣ-волкѣ, тетеревѣ-Терентіи, медвѣдѣ, воронѣ, воробьѣ, собакѣ, кошкѣ являются одновременно и религіознымъ миѳомъ и естественной исторіей днѣпровскаго дикаря. Любопытно, что очень рѣдки сказки о лошади: какъ извѣстно, коневодство было боярскимъ промысломъ, для простого смерда почти недоступнымъ; и характерно, что, когда конь является въ сказкѣ, онъ чаще всего представляется съ чертами властности, силы, даже чародѣйства: свойства господина смердъ или закупъ переносилъ на животное. Эти черты коня въ сказкахъ свидѣтельствуютъ, что сказки, въ которыхъ является конь, болѣе поздняго происхожденія сравнительно со сказками о другихъ животныхъ, гдѣ вѣетъ еще неподдѣльный безхитростный анимизмъ. Звѣри и люди стоятъ на одной доскѣ, взаимно помогаютъ другъ другу или хотятъ другъ друга обмануть, или ведутъ другъ съ другомъ борьбу; не всегда при этомъ преимущество силы и благородства оказывается на сторонѣ человѣка, даже съ точки зрѣнія извѣстнаго примитивнаго мѣрила для опредѣленія степени нравственности поступковъ, какое просвѣчиваетъ въ сказкахъ. Достаточно вспомнить сказку о томъ, какъ мужикъ два раза надулъ медвѣдя, не располагавшаго большими познаніями по сельскохозяйственной части; и обманутый лѣсной великанъ все-таки строго со-

*) Ср. также въ дѣтской пѣсенкѣ: „курочка бычка родила, поросеночекъ яичко снесъ, домовой его на печку унесъ“.

блюлъ уговоръ, хотя могъ бы однимъ ударомъ лапы совершенно безнаказанно укокошить продувного товарища по предпріятію.

Но анимизмъ еще не есть религія, это—только опредѣленное міровоззрѣніе, опредѣляющее отношенія дикаря къ природѣ, на почвѣ которыхъ и возникаютъ примитивныя религіозныя вѣрованія. Источникъ послѣднихъ—въ невозможности для дикаря вполнѣ выяснить для себя существо окружающихъ его явленій, въ борьбѣ съ которыми онъ завоевываетъ себѣ существованіе. Онъ думаетъ, что эти явленія имѣютъ личную индивидуальность, аналогичную человѣческой; но такое убѣжденіе не только не уничтожаетъ его страха передъ ними, но, напротивъ, вселяетъ еще большій страхъ. Жизнь дикаря есть борьба всѣхъ противъ всѣхъ, и какъ самъ дикарь считаетъ, что для этой борьбы всѣ средства хороши, и что, въ сущности, она сводится къ истребленію и пожиранію, такъ же, по его мнѣнію, думаетъ и каждое животное, звѣрь, птица, рыба, каждое дерево, каждый камень, рѣка, ручей. Въ борьбѣ за существованіе для дикаря человѣкъ, подобный ему, кажется не столь страшнымъ, какъ всякое иное явленіе природы. Человѣка онъ понимаетъ, можетъ разсчитать, чего надо бояться отъ сосѣда; въ концѣ-концовъ, силы противниковъ не такъ уже неравны, и замыслы не такъ уже неизвѣстны и коварны. Но попробуйте разгадать, о чемъ говорятъ другъ съ другомъ звѣри, что они думаютъ, какія извѣстны имъ тайны природы, невѣдомыя человѣку. Можетъ статься, что опредѣленный звѣрь, съ которымъ въ данный моментъ ведетъ борьбу человѣкъ, даже не настоящій звѣрь, а оборотень; такой противникъ вдвойнѣ и втройнѣ опасенъ. Отъ бѣды только одно средство: какъ люди соединяются въ группы для совмѣстной борьбы за существованіе, такъ можно заключить союзъ и съ животными. Избранный видъ животныхъ будетъ покровителемъ индивидуума или группы, и за это его надо благодарить поклоненіемъ и дарами, и прежде всего заботиться о его пропитаніи и безопасности. За это животное-покровитель употребитъ свои невѣдомыя человѣку способности и свойства на помощь своему поклоннику въ его борьбѣ за существованіе, будетъ его т о т е м о м ъ. Такъ зарождается тотемизмъ, первобытная форма религіи.

Днѣпровскіе дикари въ IX вѣкѣ еще далеко не вышли изъ этой первоначальной стадіи религіознаго развитія; но ихъ тотемистическія вѣрованія не такъ легко возстановить, какъ

ихъ анимистическое міровоззрѣніе. Ясныя переживанія тотемизма до сихъ поръ сохранились только у нѣкоторыхъ инородцевъ (напр., у вотяковъ, считающихъ священною птицею лебедя, у эстовъ и др.); русскія же сказки и повѣрья дѣлаютъ лишь смутные намеки на тотемистическія вѣрованія. Яснѣе всего выступаютъ пережитки тотемизма у современныхъ бѣлоруссовъ (Борис. у., Минск. губ.), ежегодно около Троицына дня справляющихъ поминки по Стаурамъ-Гаурамъ. О этихъ Стаурахъ-Гаурахъ крестьяне разсказываютъ такой миѳъ: названіе носили два пса, принадлежавшіе какому-то князю Бою; псы часто спасали своего хозяина отъ смерти, и за это Бой послѣ смерти псовъ назначилъ особые дни для поминовенія ихъ. Очевидно, что передъ нами тотемистическій миѳъ этіологическаго характера: когда-то тотемомъ предковъ борисовскихъ бѣлоруссовъ была собака, и впослѣдствіи поклоненіе и жертвы ей стали объяснять приведеннымъ миѳомъ Другія указанія на тотемизмъ, менѣе ясныя, можно уловить въ сказкахъ. По всей вѣроятности эпитетъ „царь-медвѣдь“ указываетъ, что медвѣдь когда-то и гдѣ-то считался тотемомъ; въ той же роли фигурировала, вѣроятно, щука, обладающая въ сказкахъ чудесной силой и чередующаяся съ золотой рыбкой (которая въ одномъ варіантѣ, въ свою очередь, замѣщается деревомъ). Можно указать также на то, что во многихъ мѣстностяхъ до сихъ поръ крестьяне считаютъ ужа священнымъ животнымъ; не къ тому же ли разряду пережитковъ тотемистическихъ вѣрованій относится примѣта, что черный тараканъ приноситъ богатство?

Если, такимъ образомъ, тотемизмъ уже, повидимому, не существовалъ въ чистомъ видѣ въ ту эпоху, когда слагалась анимистическая миѳологія сказокъ, то чрезвычайно ясные признаки указываютъ на существованіе въ эту эпоху смѣшанныхъ тотемистическо-фетишистскихъ и чисто фетишистскихъ культовъ. Какъ извѣстно, фетишизмъ отличается отъ тотемизма тѣмъ, что въ фетишизмѣ поклоненіе направлено по адресу отдѣльнаго опредѣленнаго предмета или отдѣльной особи, въ то время какъ въ тотемизмѣ поклоненіе направлено по адресу цѣлаго вида или ряда предметовъ или животныхъ. Въ роли такихъ тотемовъ-фетишей мы встрѣчаемъ всего чаще коня. Опредѣленный конь, надѣленный чудесными свойствами, является геніемъ-покровителемъ опредѣленнаго героя, помогаетъ ему, спасаетъ отъ опасностей и требуетъ за это немного: ухода и корма. Таково же положеніе коровы въ нѣкоторыхъ сказкахъ: за уходъ и кормъ опредѣленная корова

благодѣтельствуетъ героинѣ сказки. И какъ разъ корова замѣщается въ нѣкоторыхъ варіантахъ сказки куклой, которую героиня дѣлаетъ сама, иногда по указанію вѣщей старухи; куклу надо кормить, тогда она будетъ говорить и давать совѣты, которые обыкновенно спасаютъ поклонницу куклы отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Этотъ варіантъ типиченъ для фетишизма: такъ же поступаютъ еще теперь негры, которые дѣлаютъ и уничтожаютъ своихъ боговъ ежедневно, судя по тому, помогаетъ ли вновь испеченный богъ въ задуманномъ предпріятіи или нѣтъ. Наконецъ, днѣпровскимъ славянамъ не былъ чуждъ и фетишизмъ растительный, поклоненіе деревьямъ. Въ одной сказкѣ роль золотой рыбки играетъ дерево; старикъ случайно открылъ этотъ фетишъ. Онъ хотѣлъ рубить его, но оно взмолилось о пощадѣ и обѣщало сдѣлать все, что старику нужно, и, дѣйствительно, исполняло всѣ капризы старухи, кромѣ послѣдняго желанія, чтобы дерево превратило старика и старуху въ боговъ; вмѣсто этого, оно превратило ихъ въ медвѣдей. Кромѣ этого совершенно яснаго примѣра, мы находимъ немало пережитковъ древопоклонства въ формѣ почитанія рябины въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, почитанія дубовъ, пораженныхъ молніей (въ Пошехоньѣ еще въ 1612 году передъ дубомъ „пѣли молитвы“), наконецъ, въ формѣ повсемѣстнаго почти почитанія березки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ Саратовской губ.) въ Семикъ дѣвушки совершаютъ даже жертвоприношеніе березкѣ: несутъ яичницу и пироги, которые и съѣдаютъ подъ зеленой березкой съ пѣснями въ честь дерева:

Радуйтесь, берёзы,
Радуйтесь, зеленыя!
Къ вамъ дѣвушки идутъ,
Къ вамъ красныя,
Къ вамъ пироги несутъ,
Лепешки, яичницы.

Всѣ указанныя вѣрованія относятся къ совершенно конкретнымъ, видимымъ и осязаемымъ явленіямъ природы. Но, несмотря на всю первобытность міросозерцанія днѣпровскаго дикаря, условія и факты повседневной жизни давали нѣкоторый толчекъ для обобщающей и, если такъ можно выразиться, для одухотворяющей работы мысли. Лѣсъ состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ, индивидуальныхъ явленій, но онъ все-таки есть нѣчто цѣлое; этому цѣлому долженъ соотвѣтствовать такой богъ, который не привязывался бы къ одному опредѣленному признаку лѣса, но соотвѣтствовалъ бы лѣсу, какъ цѣлому. Отсюда явилось представленіе о лѣ-

шемъ, грубомъ, корявомъ деревообразномъ существѣ, которое по ночамъ дико кричитъ, выглядывая изъ-за стараго дуба или сосны, и пугаетъ запоздавшаго охотника. Это еще не лѣсной духъ, это вполнѣ матеріальное, „деревянное“ существо, столь же неотдѣлимое отъ древесной корявой коры, какъ и отъ лѣса. Такимъ же путемъ и въ такомъ же родѣ создалось представленіе о водяномъ и водяницахъ, и въ частности, о Днѣпрѣ-Словутичѣ, божествѣ главной рѣки славянскихъ лѣсовъ. Далѣе, обобщающая работа мысли выразилась въ представленіи о царѣ-огнѣ. Дикарь скоро отличилъ могущественную силу огня и рано выдѣлилъ огонь изъ ряда другихъ анимистическихъ явленій. Огонь-царь славянъ, аналогиченъ небесному огню греческаго Прометея. Огонь грѣетъ и свѣтитъ, огонь создаетъ множество полезныхъ предметовъ,— и въ то же время, разбушевавшись, огненная стихія не знаетъ удержу и производитъ губительныя опустошенія.

Другого рода работу мысли задавали днѣпровскому дикарю такіе факты, которые имѣли свойство закономѣрно повторяться, но не имѣли видимой причины. Виновниками всѣхъ этихъ фактовъ днѣпровскій дикарь считалъ также индивидуальныя существа, но отличавшіяся отъ прочихъ тѣмъ, что обычно они невидимы, и могутъ быть видимы лишь при исключительныхъ условіяхъ. Такова, прежде всего, Смерть, которая имѣетъ видъ страшной старухи; таково Горе-Злосчастье, невидимкою вскакивающее на плечи человѣку, такова его Доля или Счастье. Таковы же всѣ болѣзни, отъ которыхъ особенно нѣтъ житья по веснѣ, когда онѣ, изголодавшись за зиму, разбѣгаются по бѣлу-свѣту и накидываются на неосторожныхъ. Таковы—Обида, Желя, Сонъ, Дрема, Угомонъ, Говорокъ, Ходунокъ и безчисленное множество другихъ мелкихъ существъ, попадающихся человѣку на каждомъ шагу. Изъ стихійныхъ божествъ таковъ Громъ, гремящее, но невидимое существо, скрывающееся гдѣ-то въ тучахъ, и Вѣтеръ, могучій гонитель тучъ.

Окруженный со всѣхъ сторонъ божественными, полубожественными и естественными, но страшными существами, днѣпровскій дикарь долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы жить съ ними въ ладу. Для этого нужно было создать особый modus vivendi, найти способъ обращенія съ богами, другими словами, нуженъ былъ культъ. Простѣйшая форма культа — жертва, кормленіе бога, затѣмъ молитва, т.-е. обращеніе къ божеству съ ласковой просьбой. Очень многія теперешнія дѣтскія пѣсенки первоначально были ничѣмъ

нымъ, какъ такими молитвами. Таковы: „Спи мой Митенька, усни, угомонъ тебя возьми;“ „Потягунюшки, поперекъ толстунюшки, а въ ножки ходунюшки, а въ ручки хватунюшки, а въ ротокъ говорокъ, а въ головку разумокъ“, или извѣстныя пѣсенки, обращенныя къ дождю или солнцу. Но такихъ простыхъ способовъ не всегда бываетъ достаточно. Чтобы вполнѣ привлечь на свою сторону божество, надо знать его тайныя силы и свойства и умѣть ими очень пользоваться. Не всякій человѣкъ знаетъ эту тайную науку; но кто ее знаетъ, тотъ можетъ быть очень полезнымъ или очень опаснымъ человѣкомъ. Первое условіе для того, чтобы стать такимъ вѣдуномъ или волхвомъ, это—прожить долгіе годы на землѣ. Только съ годами накопляется опытъ и знаніе, и только старикъ или старуха могутъ стать вѣдуномъ или вѣдьмой. Молодые люди въ этой роли—исключеніе; они всегда получаютъ свои познанія случайнымъ путемъ. Какъ первый вѣдунъ пріобрѣлъ свои познанія, никто сказать не можетъ; но послѣдующіе могутъ учиться тайной наукѣ у старыхъ вѣдуновъ. Вѣдунъ и вѣдьма знаютъ заговоры, т.-е. знаютъ такія формулы, которыми можно подѣйствовать на бога; они знаютъ гаданія, т.-е. способъ открыть намѣренія божества, чтобы согласовать съ ними людскую дѣятельность. Они могутъ употребить свою силу и во вредъ человѣку. Вѣдунъ можетъ выгнать изъ человѣка болѣзнь, заставивъ ее переселиться въ какое-нибудь животное или предметъ; но онъ же можетъ и нагнать на человѣка болѣзнь; иногда такой вѣдунъ пристально посмотритъ на человѣка, „сглазитъ“ его, и прошепчетъ про себя необходимую формулу,—и дѣло готово, сглаженный погибаетъ. Это свойство колдуновъ тѣмъ болѣе опасно, что не всѣ колдуны извѣстны: иной получитъ какимъ-нибудь путемъ тайныя познанія и скрываетъ ихъ, чтобы при случаѣ воспользоваться ими, какъ орудіемъ для сведенія личныхъ счетовъ. Но такіе люди считались все-таки благодѣтелями; безъ нихъ неопытный человѣкъ погибъ бы въ затруднительномъ случаѣ.

Таковы предпосылки культа; возстановить же его конкретную картину почти невозможно. Приходится ограничиться лишь самыми общими указаніями. Во-первыхъ, культа строго установившагося по ритуалу и по срокамъ, несомнѣнно, не существовало. Какъ случайны были встрѣчи съ безчисленными божествами, такъ случайны были и факты культа. Жрецовъ не было; всякій самъ кормилъ своего бога, когда и чѣмъ считалъ нужнымъ. При жертвахъ, вѣроятно, не забывали и себя; когда жертва приносилась отъ группы, она пріі-

обрѣтала характеръ жертвеннаго пира, въ которомъ богъ былъ только участникомъ. Не было, вѣроятно, и опредѣленныхъ молитвенныхъ формулъ; просьбы слагались сами собой импровизованно, примѣнительно къ случаю, и только наиболѣе часто повторявшіяся въ регулярныхъ случаяхъ дошли до насъ въ видѣ сильно модифицированныхъ пѣсенъ и присказокъ. Волхвованіе (или шаманизмъ, если употреблять общепринятый терминъ) производилось, напротивъ, при помощи опредѣленныхъ формулъ и манипуляцій, передававшихся по традиціи, хотя и здѣсь не исключалась возможность импровизаціи. Какъ показываютъ образцы заговоровъ, заклинаній и гаданій, собранныхъ этнографами въ различныхъ углахъ Россіи, волхвованіе, въ общемъ, было наиболѣе развитой и систематической частью древнѣйшаго славянскаго культа.

Таковы были религіозные результаты первоначальныхъ наблюденій днѣпровскаго дикаря надъ природой. Какъ видитъ читатель, они не складывались въ какую-либо цѣльную картину; наоборотъ, примитивныя религіозныя представленія нашихъ предковъ были колеблющимися, непостоянными, какъ колебалась и находилась въ постоянномъ движеніи ихъ жизнь. Но кромѣ наблюденій надъ окружавшей природой, славянскій дикарь наблюдалъ еще надъ самимъ собою, и результатомъ этихъ наблюденій явились представленія о душѣ и о загробной жизни, отличавшіяся большимъ постоянствомъ и связавшіяся съ опредѣленнымъ, систематическимъ культомъ.

Для насъ безразлично, какимъ путемъ пришелъ днѣпровскій дикарь (или, быть можетъ, его предки) къ представленію о душѣ. Произошло ли это вслѣдствіе размышленія надъ фактомъ смерти или надъ фактомъ сна, все равно, такъ или иначе у днѣпровскихъ славянъ были опредѣленныя представленія о душѣ и о ея загробномъ существованіи. Эти представленія отличались чисто матеріалистическимъ характеромъ и не выходили изъ сферы обычнаго анимистическаго міровоззрѣнія. Душа или двойникъ человѣка—такое же матеріалистическое существо, какъ и всякое другое. Душа—это или пчела, или мышь, или мотылекъ, или птичка, живущая у человѣка въ горлѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ между шеей и грудью образуется ямочка. Когда человѣкъ умираетъ или спитъ, душа вылетаетъ у него изо рта, и если быть внимательнымъ, то можно запримѣтить это явленіе. Душа есть не только у человѣка, но и у всякаго животнаго, растенія и даже у всякаго предмета. Эти чисто анимистическія представленія уживались рядомъ съ болѣе развитыми представленіями, выросшими, ко-

нечно, изъ той же почвы и свойственными тому купеческо-военному слою, который создался къ концу IX вѣка вокругъ князей. По ихъ представленіямъ, душа—вѣтеръ, легкій дымъ, огненная змѣя, или звѣзда. Но ясно, что по существу и послѣднія вѣрованія стояли на той же анимистической почвѣ. Они остались на ней и тогда, когда болѣе грубыя представленія о душѣ, какъ о животномъ, нѣсколько видоизмѣнились въ томъ смыслѣ, что стали представлять себѣ душу въ видѣ не матеріальной субстанціи, переселяющейся въ то или другое животное. Отголоски этого вѣрованія сохранились до сихъ поръ въ сказкѣ о мертвецѣ-колдунѣ, душа котораго, такъ сказать, разлилась въ несмѣтное количество змѣй, червей, другихъ гадовъ, галокъ, сорокъ, воронъ, вылѣзавшихъ изъ утробы мертвеца. Но и на этой стадіи развитія душа все-таки считается подлежащей тѣмъ же законамъ смерти и уничтоженія, какъ и тѣ животныя, въ которыхъ она переходитъ. Объ этомъ говоритъ та же сказка: если всѣхъ гадовъ, повылѣзшихъ изъ утробы колдуна, сжечь, то и душа его уничтожится.

Какъ только человѣкъ умираетъ, отдѣлившаяся отъ него душа становится неуловимымъ, неизвѣстнымъ, невидимымъ, а потому и опаснымъ существомъ. Она на взглядъ дикаря такое же полутаинственное существо, какъ и его тотемы и фетиши; но она можетъ быть вдвойнѣ и втройнѣ опасна, такъ какъ въ ней соединяются хитрость и умъ человѣка съ звѣрскими инстинктами животнаго и съ знаніемъ тайнъ, невѣдомыхъ живому человѣку. Отсюда страхъ передъ мертвецомъ, составляющій еще до сихъ поръ, и не только среди крестьянъ, главный составной элементъ, которымъ проникнуто чувство живого по отношенію къ мертвецу. Правда, современный человѣкъ объясняетъ этотъ страхъ благоговѣніемъ, почтеніемъ къ памяти умершаго, наконецъ, вообще страхомъ передъ смертью, какъ всесокрущающей силой; но первоначальная чисто-анимистическая основа этого страха чрезвычайно ясно проглядываетъ во всѣхъ традиціонныхъ обрядахъ погребенія. Бѣлорусскіе похоронные обычаи, собранные Шейномъ, въ этомъ отношеніи стоятъ почти на той же ступени, на какой находились обычаи нашихъ предковъ; Бѣлоруссія—это уголокъ, гдѣ до сихъ поръ живьемъ можно наблюдать анимистическую старину.

Заботы, вызываемыя страхомъ передъ душой мертвеца, начинаются еще до смерти умирающаго. Важно не упустить душу изъ виду; для этого бѣлоруссы еще до сихъ поръ даютъ

въ руки умирающему свѣчу, и, какъ только онъ умретъ, свѣчу тушатъ и смотрятъ, куда направляется дымъ: вмѣстѣ съ дымомъ летитъ и душа. Но душа можетъ не сразу вылетѣть изъ тѣла. Если покойникъ остался съ открытыми глазами, то это вѣрный знакъ, что онъ высматриваетъ себѣ новую жертву: одному вѣдь скучно. Поэтому, чтобы вскорѣ не умеръ никто изъ окружающихъ, покойнику спѣшатъ закрыть глаза. Теперь приступаютъ къ приготовленію покойника къ погребенію. Тѣло нужно для души; пока оно не уничтожилось, душа не отойдетъ отъ него и раздѣлитъ его участь. Поэтому, чтобы избавиться отъ покойника и отъ страха передъ нимъ, самое лучшее уничтожить тѣло: сжечь его, бросить въ воду или спрятать (похоронить) подъ землю, наваливъ на могилу камень потяжелѣе. Такая первоначальная основа всѣхъ способовъ погребенія уже вышла до нѣкоторой степени изъ сознанія днѣпровскихъ дикарей къ IX в., насколько можно судить по сохранившимся описаніямъ погребальныхъ обычаевъ; но всѣ обряды, связанные одною и тою же цѣлью погребенія въ первоначальномъ смыслѣ, остались въ силѣ. Покойника обмываютъ и наряжаютъ не свои, а чужіе; гробъ (домовье у бѣлоруссовъ) дѣлаютъ также чужіе: хотя и со всякимъ почетомъ, но все-таки отъ покойника вѣдь хотятъ отдѣлаться, а потому надо сдѣлать все такъ, чтобы гнѣвъ его не обрушился на своихъ; къ чужимъ, незнакомымъ онъ не пойдетъ. Свои, наоборотъ, берутъ на себя такую обязанность, которая скорѣе расположитъ покойника въ ихъ пользу: они поднимаютъ причитанья или голошенья надъ трупомъ, и покойникъ, слушая ихъ отчаянные вопли, видитъ, какъ его любили, и, быть можетъ, вспомнитъ объ этихъ причитаніяхъ въ минуту гнѣва. Приготовивъ мертвецу „домъ“, „домовье“, который представлялъ изъ себя, судя по раскопкамъ, просто выдолбленную дубовую колоду, покойника кладутъ туда, снабжая всѣмъ необходимымъ для безпечальной жизни: пищей, питьемъ, вещами, инструментами. Убравъ и снабдивъ покойника всѣмъ необходимымъ, его кладутъ въ красный уголъ и продѣлываютъ отверстіе въ двери или въ стѣнѣ, чтобы душа могла свободно улетать и возвращаться къ своему тѣлу. Затѣмъ, по истеченіи извѣстнаго времени (отъ трехъ до пяти дней), умершаго выносятъ изъ дома и совершаютъ послѣдній погребальный обрядъ. Тутъ прежде всего обращается вниманіе на то, чтобы вынести покойника не черезъ двери: иначе душа можетъ вернуться и мучить живыхъ. Для выноса умершаго вынимаютъ изъ стѣны нѣ-

сколько бревенъ и вытаскиваютъ покойника черезъ образовавшееся отверстіе (такъ, по словамъ лѣтописи, было вынесено и тѣло Владиміра). Погребальная процессія направляется къ костру или къ мѣсту погребенія; въ это время за душой трудно углядѣть, и она можетъ надѣлать бѣдъ: напасть на спящаго или на ребенка и утащить ихъ съ собою. Поэтому, въ Бѣлоруссіи еще до сихъ поръ, когда мимо несутъ покойника, всѣхъ спящихъ будятъ, а ребенку кладутъ въ изголовье щетку и въ ноги ножъ: душа испугается этихъ страшныхъ предметовъ и не посмѣетъ напасть на ребенка. Съ соблюденіемъ всѣхъ этихъ предосторожностей, тѣло покойника предаютъ погребенію: или сжигаютъ, или бросаютъ въ воду, или закапываютъ въ землю. Въ послѣднемъ случаѣ могилу „запечатываютъ“ (этотъ терминъ до сихъ поръ сохраняется въ Бѣлоруссіи) большимъ камнемъ, чтобы покойники ни днемъ, ни ночью не выходили оттуда. Но опять-таки родные при этомъ не бросаютъ въ яму земли, а предоставляютъ дѣлать это чужимъ, „чтобы покойничекъ не сердился“ на нихъ. Погребеніе князей и бояръ по существу не отличалось отъ описаннаго способа. Разница заключалась только въ томъ, что покойника сжигали въ ладьѣ, и кромѣ пищи, питья утвари, сжигали съ нимъ коня, жену и рабовъ; костеръ поджигали родственники, но такъ, чтобы покойникъ не зналъ, кто именно: поджигавшій шелъ къ костру задомъ. Изрѣдка и знатныхъ людей хоронили въ землѣ; жена при этомъ зарывалась живою. Модификація представленій о душѣ выражалась при сожженіи въ томъ, что душа, какъ вѣтеръ или дымъ, легче и скорѣе всего достигнетъ того свѣта въ облакѣ дыма отъ костра; вмѣстѣ съ нею въ этомъ дымѣ поднимутся и души всѣхъ сжигаемыхъ живыхъ существъ и предметовъ.

Мертвый похороненъ; что же будетъ съ его душою далѣе? Самый первоначальный отвѣтъ на это былъ такой: его душа сгорѣла или „запечатана“ вмѣстѣ съ тѣломъ. Но въ интересующую насъ эпоху первоначальный смыслъ сожженія или погребенія уже утратился, душа не уничтожалась со смертью. О ея судьбѣ мы находимъ два цикла представленій: болѣе примитивный, свойственный лѣснымъ дикарямъ, и болѣе утонченный, свойственный князьямъ и дружинѣ. Днѣпровскіе дикари отвѣчали на вопросъ о судьбѣ души просто: она продолжаетъ жить послѣ смерти здѣсь же, на землѣ, и такъ же, какъ жилъ человѣкъ до смерти. Она принимаетъ иногда видъ животнаго, но можетъ сохранить и видъ человѣка. Бѣлоруссы еще теперь разскажутъ, какъ покойница-мать приходила

ночью въ избу и кормила своего ребенка грудью, или какъ умершій ростовщикъ, не получивъ долга съ одного мужика, пришелъ къ нему въ видѣ борова и утащилъ въ возмѣщеніе долга шубу. Въ дни, когда поминаютъ умершихъ, ихъ можно видѣть ночью: придутъ, съѣдятъ хлѣбъ, а то прямо опару изъ кадки. Можно встрѣтить мертвеца на горѣ, если тамъ хоронили мертвыхъ; или въ рѣкѣ во время купанья мертвецъ схватитъ за ногу и утащитъ на дно. Мертвецовъ надо кормить; если родственники этого не дѣлаютъ, то мертвецы надѣлаютъ кучу непріятностей. Во время своихъ блужданій мертвецъ можетъ устать; поэтому на перекресткахъ дорогъ обязательно надо поставить камень, чтобы покойники могли отдыхать. Подобно живымъ, они не прочь помыться въ банѣ; для этого вечеромъ наканунѣ поминокъ для нихъ надо истопить баню и приготовить воду; и горе живому смѣльчаку, который пойдетъ туда мыться въ это время—покойники утащатъ его съ собою. Покойники женятся и выходятъ замужъ; поэтому на всякій случай умершую дѣвушку или холостого парня одѣваютъ, какъ подъ вѣнецъ. Нѣтъ никакого различія между мертвыми и живыми, кромѣ того, что мертвые гораздо сильнѣе живыхъ. Для живого окружающая природа—загадка; мертвый постигаетъ ея тайны. Онъ знаетъ, какъ воскресить мертваго, знаетъ чары, которыми можно нагнать или снять болѣзнь. И если какой злой мертвецъ повадится вредить живымъ,—одно только средство: отыскать его могилу, вырыть его трупъ и вбить ему прямо въ сердце осиновый колъ. Въ сказкахъ встрѣчаются, впрочемъ, и слабые намеки на представленія о томъ свѣтѣ. Мертвыхъ хоронятъ въ землѣ—слѣдовательно, тотъ свѣтъ подъ землею, но ничѣмъ не отличается отъ этого; и живой можетъ попасть туда, провалившись сквозь землю.

Представленія о загробной жизни, свойственныя верхнему слою тогдашняго общества, недалеко ушли отъ описанныхъ народныхъ вѣрованій. Душа—нематеріальная или воздушная субстанція; но у нея тѣ же нужды и заботы, что и у матеріальнаго, плотскаго тѣла. Она нуждается въ пищѣ и питьѣ: для этого ей служатъ души явствъ и напитковъ; роль инструментовъ и орудій играютъ ихъ души. Это различіе скорѣе въ номенклатурѣ, чѣмъ по существу. Болѣе существенное различіе заключается въ томъ, что для жизни душъ послѣ смерти дружинно-княжеская миѳологія отводила особое мѣсто, рай, куда шли души умершихъ князей и ихъ дружинниковъ, и гдѣ не было мѣста для простого смертнаго. Прежде чѣмъ

попасть въ этотъ рай, душа должна совершить длинное путешествіе. Она должна переплыть черезъ море: князь и дружинники при жизни плавали, плыли и послѣ смерти; поэтому вмѣсто гроба ихъ хоронили или сжигали въ ладьѣ. Во время этого плаванія надо заплатить перевозчикамъ, Водцѣ и Плавцѣ; для этого умершему кладутъ въ гробъ деньги. Переплывъ черезъ море, душа еще не достигла рая. Надо лѣзть вверхъ; если умершему не положили лѣстницы, то онъ будетъ въ безвыходномъ положеніи. Иногда для того же клали въ гробъ срѣзанные ногти, которые человѣкъ заботливо сберегалъ при жизни: теперь они пригодятся мертвецу, когда онъ будетъ карабкаться, чтобы достичь рая. Рай—это небесная страна, полная свѣта и зелени; ее можно видѣть, если смотрѣть въ глубокій колодезь, въ которомъ рай отражается, какъ въ зеркалѣ. Тамъ, въ раю, души умершихъ сидятъ за столомъ и пируютъ; каждый князь сидитъ со своей дружиной и отроками, женами и дѣтьми. Вѣра въ эту блаженную страну, однако, уживалась съ поминальными обрядами, совершенно аналогичными съ поминальными обрядами простыхъ людей и объяснимыми только изъ описанныхъ уже первоначальныхъ вѣрованій въ загробную жизнь.

Эти поминальные обряды составляли и составляютъ главнѣйшую составную часть культа мертвыхъ. Предполагалось, что всякаго рода утвари и одежды умершему хватитъ чуть ли не навсегда; но пищей его нужно было снабжать постоянно. Въ особенности важно, чтобы душа умершаго не голодала и не скучала первое время послѣ смерти, пока она еще не привыкла къ своему новому положенію. Отсюда—обычай первой жертвы умершему тотчасъ послѣ погребенія (поминки или тризна). Это первое кормленіе происходитъ такъ же, какъ и всѣ послѣдующія: присутствующіе отливаютъ изъ каждой чарки на столъ или подъ столъ для умершаго и бросаютъ туда же часть кушаньевъ, приглашая покойника по имени. При этомъ стараются обходиться безъ ножей, чтобы не ранить нечаянно душу, находящуюся между живыми. Затѣмъ, первое время послѣ погребенія для умершаго на ночь ежедневно оставляется въ хатѣ вода; умершій приходитъ по ночамъ и пьетъ ее. Первая жертва не ограничивается только кормленіемъ умершаго. Чтобы вполнѣ угодить ему, надо развеселить его. Первое средство для этого—хмельной напитокъ, напр., медъ, который заготовлялся въ большомъ количествѣ для тризны; живые напивались этимъ медомъ допьяна, и покойникъ напивался вмѣстѣ съ ними.

Второе средство, практиковавшееся на похоронахъ князей и дружинниксвъ — это военныя игры, упражненія и пляски. Эти первыя поминки совершались всего торжественнѣе; только этимъ ихъ ритуалъ отличался отъ ритуала послѣдующихъ поминокъ. Въ настоящее время трудно сказать, въ какіе сроки происходили вторичныя поминки въ языческую старину; современные сроки (на 9, 20, 40, полугодовой и годовой день) связаны уже съ христіанской миѳологіей. Ритуалъ этихъ поминокъ осложнялся лишь украшеніемъ могилъ, такъ какъ поминки пріурочивались къ тѣмъ днямъ, въ которые мертвецы могли выходить изъ могилъ; все остальное совершалось по обычному способу: сначала причитанія, потомъ жертва, потомъ „скоморохи, гудцы и прегудницы“, плясъ и „сатанинскія пѣсни“. Если поминовеніе приходилось на зимній или ранній весенній день, то около могилъ разводили костеръ, чтобы мертвецы могли обогрѣться. Кромѣ поминокъ въ опредѣленный день людей недавно умершихъ, совершались жертвы всѣмъ умершимъ въ такъ называемый навій день. Въ настоящее время этотъ день пріурочивается въ однѣхъ мѣстностяхъ къ великому четвергу, въ другихъ—ко вторнику на Ѳоминой недѣлѣ или къ субботѣ наканунѣ Троицына дня. Во всякомъ случаѣ это пріуроченіе показываетъ, что навій день праздновался весною; ниже мы еще будемъ имѣть случай говорить о томъ, на чемъ основывался этотъ срокъ. Навій день по ритуалу ничѣмъ не отличался отъ другихъ поминовеній; заботились только, чтобы души не очень засиживались на поминальныхъ пирахъ, чтобы не было отъ нихъ никакого вреда живымъ. Поэтому, по окончаніи тризны, домохозяинъ выметалъ начисто жилище и выгонялъ такимъ образомъ души.

Въ основѣ всѣхъ этихъ поминовеній лежитъ мысль, что если не накормить въ поминовенные дни умершаго, то онъ нашлетъ всякія напасти на живыхъ: пойдутъ семейныя распри, будетъ неурожай, пожаръ, на живыхъ обрушатся горы и холмы. Но если умершаго аккуратно кормить и веселить, то онъ можетъ обратить свою чудодѣйственную силу на пользу оставшимся въ живыхъ. Отсюда рядомъ съ культомъ умершихъ вообще развивается частный культъ предковъ, ибо предки естественно обратятъ свои благодѣянія по адресу потомковъ. Зачатки этого культа мы находимъ и у днѣпровскихъ славянъ. Отчасти отъ него дошли до насъ только названія. Родовой бытъ находился въ періодѣ разложенія, и отъ боговъ-предковъ рода остались только клички Родъ, Рожаница, Щуръ;

напоминаетъ также о культѣ боговъ, предковъ рода, терминъ Радуница. Культъ родовыхъ боговъ сохранился отчасти въ Бѣлоруссіи. Тамъ изъ поминальныхъ дней выдѣляются такъ называемые дзяды (дѣды), дни поминовенія „святыхъ дзядовъ“ или „святыхъ родителей“. Эти дзяды бываютъ весенніе и осенніе и происходятъ безъ всякаго участія духовенства, безъ посѣщенія могилъ и безъ панихидъ. Наканунѣ ихъ вся семья приготовляется къ пиру: избу чистятъ, живущіе въ ней моются въ банѣ и, не жалѣя денегъ и запасовъ, готовятъ угощеніе, для котораго заблаговременно выбирается какая-нибудь скотина, обрекаемая на убой въ день дѣдовъ; чистота въ домѣ и обиліе угощеній приманиваетъ души дѣдовъ. Самый обрядъ совершается вечеромъ, при свѣтѣ восковой свѣчи. Отецъ приглашаетъ дѣдовъ такими словами: „Святые дзяды, зовемъ васъ, святые дзяды, идите до насъ! Есть тутъ все, чѣмъ только хата богата; святые дзяды, просимъ васъ, ходите, летите до насъ!“. Затѣмъ начинается пиршество, при чемъ каждый отливаетъ на столъ для дѣдовъ; хозяйка иногда приговариваетъ: „Нехай со святыми почиваютъ, а намъ хлѣба-соли засылаютъ“. Послѣ ужина съ загробными гостями прощаются въ такихъ характерныхъ выраженіяхъ: „Святые дзяды, вы сюда прилетѣли, пили и ѣли, летите жъ теперь до себе! Скажите, чего вамъ еще треба? летите жъ, летите до неба!“. Можно узнать, дѣйствительно ли посѣтили дѣды живыхъ; надо только наблюдать, не прилетитъ ли какая-нибудь запоздалая муха или другое насѣкомое, или не спать ночь послѣ поминокъ: тогда навѣрное увидишь дѣдовъ. Бѣда, если угощеніе окажется недостаточнымъ, или обреченная на убой скотина не будетъ употреблена для этой цѣли; тогда дѣды накажутъ непремѣнно непочтительныхъ потомковъ.

Гораздо болѣе жизненное значеніе имѣлъ для нашихъ предковъ домашній богъ-предокъ, дѣдушка-домовой, покровитель семьи. Это—постоянный покровитель дома; живетъ онъ подъ печкой и является настоящимъ хозяиномъ дома. Если домашніе заботятся о немъ, то онъ имъ помогаетъ: чиститъ скотъ, гоняетъ лѣсныхъ хищниковъ, оказываетъ всякую помощь. Напротивъ, если его не кормить, то онъ начнетъ душить куръ или будетъ подымать ночью ужасную возню, которая никому не будетъ давать покоя. При всякомъ переходѣ съ мѣста на мѣсто надо брать и домового съ собою; для этого нужно выгрести горячіе угли изъ очага покидаемаго жилища, перенести ихъ въ новое и зажечь отъ нихъ на очагѣ огонь; тогда этотъ маленькій горбатень-

кій старикашка, „проклятый бѣсъ хороможитель“ переселится въ новое жилище и совьетъ себѣ тамъ новое гнѣздышко подъ печкой. Этотъ домовой, святые дѣды и честные родители составляли почти весь пантеонъ кочевого охотника-славянина, если не считать его тотемовъ, о которыхъ мы такъ мало знаемъ, и случайныхъ фетишей, сегодня обоготворяемыхъ и завтра забрасываемыхъ.

Эти основныя черты религіи днѣпровскихъ славянъ слегка осложняются нѣкоторыми особыми спеціальными культами. Во-первыхъ, это были культы, связанные съ первобытной формой земледѣлія, которое культивировалось охотниками-славянами и служило для нихъ извѣстнымъ подспорьемъ. Во-вторыхъ, это были культы появившагося совершенно отдѣльно отъ народной среды класса военно-купеческой аристократіи; въ его средѣ замѣчаются также своеобразныя религіозныя теченія. Прежде всего мы разсмотримъ вопросъ о вѣрованіяхъ и культахъ, связанныхъ съ земледѣльческой культурой.

Основная черта этого разряда вѣрованій и культовъ заключается въ ихъ полнѣйшей неопредѣленности и расплывчатости—естественное явленіе при слабости той хозяйственной основы, на которой они вырастаютъ. Мы напрасно стали бы искать здѣсь отчетливыя представленія о спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ богахъ, выработанную миѳологію или установленный освященный традиціей и оборудованный соотвѣтствующими аксессуарами и жречествомъ культъ. Мы не найдемъ ничего подобнаго греческимъ культамъ Діониса или Деметры, или египетскимъ и малоазіатскимъ сельскохозяйственнымъ культамъ. Напротивъ, то, что мы встрѣтимъ, есть не что иное, какъ слабые новые ростки, выросшіе все изъ той же анимистической почвы. Солнце и земля, два главныя божества во всякомъ земледѣльческомъ культѣ, есть и у славянъ-земледѣльцевъ; они даже считаютъ себя „внуками Даждь-бога“, а сырую землю называютъ своей матерью. Но первое же обращеніе къ солнцу, еще теперь сохранившееся въ дѣтской пѣсенкѣ, разсѣиваетъ всякія сомнѣнія насчетъ истинной природы этого божества и хоронитъ всякія надежды на солнечный миѳъ. „Солнышко-ведрышко, выгляни въ окошечко, твои дѣти плачутъ!“ Къ сожалѣнію, въ этой пѣснѣ не сохранилось выраженіе обѣщаній солнцу за его дары, обѣщаній, какія мы находимъ въ другой пѣснѣ, обращеной къ дождю, существу также важному для земледѣльца: „Дождикъ, дождикъ, пуще, дадимъ тебѣ гущи, хлебай поне-

множку!“ Солнце, морозъ, да еще вѣтеръ, который пригоняетъ тучи—такіе же мужики, какъ и человѣкъ, ничего стихійно-необыкновеннаго въ нихъ нѣтъ. Правда, встрѣчный человѣкъ останавливается передъ ними съ почтеніемъ, но божества ведутъ себя совершенно по-мальчишески, какъ удалые парни, у которыхъ расходившаяся сила проситъ выхода. Къ сожалѣнію, „мать-земля сырая“ не такъ ясна для насъ, какъ солнце; но и она, повидимому, еще не мыслится въ видѣ богини, отвлеченной отъ земли въ собственномъ смыслѣ. Она часто стонетъ подъ тяжестью, которую ей приходится нести, она иногда разступается, т.-е. открываетъ свою пасть и поглощаетъ все попадающееся при этомъ. Но ея плодоносное значеніе, какъ стихіи, оплодотворяемой солнцемъ, еще не ясно; младенческій умъ днѣпровскаго дикаря не дошелъ еще до этой концепціи. И вообще, указанныя божества далеки отъ него; дождикъ для него, пожалуй, даже понятнѣе и ближе, чѣмъ солнце. Ближе всего и понятнѣе всего, однако, для днѣпровскаго дикаря-земледѣльца тѣ явленія, которыя тѣснѣе всего и нагляднѣе всего связаны съ земледѣльческими работами: смѣна зимы, весны и лѣта, временъ года, съ которыми связанъ циклъ его хозяйственныхъ работъ. Холодное и темное время зимы, которая убиваетъ всякую растительную жизнь, появленіе весны, которая приноситъ тепло и зелень, лѣто, которое золотитъ колосья и даетъ жатву—вотъ феномены, которые самымъ непосредственнымъ образомъ затрогиваютъ психику дикаря. Обобщеніе этого цикла въ явленіяхъ движенія солнца есть продуктъ уже послѣдующаго рефлекса, совпадающаго съ тѣмъ моментомъ, когда земледѣліе становится основнымъ хозяйственнымъ промысломъ. Съ этимъ цикломъ временъ года, соотвѣтствующимъ циклу земледѣльческихъ хозяйственныхъ работъ, связанъ циклъ обрядовъ, которые въ большинствѣ случаевъ примыкаютъ къ анимистическимъ вѣрованіямъ и лишь изрѣдка отъ нихъ отклоняются въ сторону стихійнаго натурализма.

Въ настоящее время нелегко возстановить циклъ этихъ обрядовъ, хотя очень многіе изъ нихъ до сихъ поръ сохраняются въ народномъ обиходѣ, причудливо переплетаясь съ христіанскимъ культомъ и миѳомъ. Поэтому, послѣдующее изложеніе будетъ поневолѣ лишь самымъ общимъ и приблизительнымъ; въ особенности затруднительна будетъ номенклатура и датированіе обрядовъ, ибо они въ различныхъ мѣстностяхъ и до сихъ поръ носятъ различныя названія и пріурочиваются къ различнымъ христіанскимъ праздникамъ.

Въ древности, по всей вѣроятности, точнаго пріуроченія не существовало; обрядъ пріурочивался къ тому или иному моменту хозяйственныхъ работъ: къ началу сѣва, концу жатвы, и т. д., что, въ зависимости отъ погоды, не могло происходить ежегодно въ одинъ и тотъ же день. Названія и точные сроки, слѣдовательно, такія детали, которыя находятся внѣ предѣловъ нашего знанія; они могутъ быть опредѣлены только гипотетично. Мотивъ и содержаніе обрядовъ поддаются болѣе точному опредѣленію; въ этомъ отношеніи современные пережитки предоставляютъ въ наше распоряженіе обильный и даже мѣстами красочный матеріалъ.

Циклъ этихъ обрядовъ начинался зимою, въ тотъ моментъ, когда „солнце поворачиваетъ на лѣто“, т.-е. когда дни начинаютъ замѣтно прибывать. По нашему счету это будетъ конецъ декабря—начало января, моментъ, къ которому болѣе развитыя земледѣльческія религіи привязываютъ рожденіе бога солнца. Для нашихъ предковъ, однако, мысль о ежегодной смерти и воскресеніи или рожденіи бога-солнца была еще чуждой; правда, что въ настоящее время поютъ: „уродилась коляда наканунѣ Рождества“, но до сихъ поръ не разрѣшенъ вопросъ, что такое коляда: названіе праздника или названіе божества,—и, кромѣ того, пѣсня въ ея теперешнемъ видѣ обнаруживаетъ слишкомъ сильное вліяніе христіанской миѳологіи. Гораздо вѣроятнѣе будетъ предположить, что для нашихъ предковъ зимніе колядные обряды были связаны не съ наблюденіемъ надъ движеніемъ солнца, а съ наблюденіемъ надъ временами года. Дни прибавляются, слѣдовательно, скоро конецъ зимѣ; надо подсчитать остающіеся на зиму запасы и принести жертву богамъ, чтобы съ ихъ помощью дотянуть до весны безъ недостатка или катастрофы. Наше предположеніе подкрѣпляется еще наблюденіемъ надъ праздникомъ, соотвѣтствовавшимъ теперешней масленицѣ и совпадавшимъ или стоявшимъ очень близко по времени съ зимней колядою: въ этотъ праздникъ провожали зиму и торжественно сжигали изображавшее ее соломенное чучело. Молились и „жрали жертвы“ въ эти дни также не солнцу; прежде всего вспоминали святыхъ родителей, пекли для нихъ блины и просили „намъ жита засылайте“; а потомъ старались ублаготворить мѣстныхъ фетишей и тотемовъ*). Какъ показываютъ лучше сохранившіеся весенніе обряды, колядованіе есть не

*) Современная рождественская елка (Weihnachtsbaum)—пережитокъ зимняго германскаго фетиша, распространившійся по всей Европѣ.

что иное, какъ остатокъ такой групповой жертвы мѣстному фетишу или тотему. Темные для насъ термины „коляда“, „овсень“, „таусень“, „баусимъ“, чередующіеся въ рождественскихъ колядкахъ, могли бы пролить свѣтъ на объекты зимней жертвы, но, къ сожалѣнію, они остаются неразгаданными.

Зима проходитъ, на смѣну ей приходитъ весна; вмѣстѣ съ нею приходятъ новыя надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя заботы. Отъ того, какъ пройдетъ весна, зависитъ посѣвъ и зависитъ будущая жатва; весна — основаніе хозяйственной жизни всего предстоящаго года. Неудивительно, что весенняя обрядность самая богатая и самая живучая; до сихъ поръ съ весной связывается цѣлый рядъ полуязыческихъ праздниковъ, дающихъ обильный матеріалъ для возсозданія древней весенней обрядности. Какъ въ зимней обрядности, такъ и въ весенней на первомъ мѣстѣ стоитъ не солнце. Солнце свѣтитъ ярче, грѣетъ теплѣе, дикарю отъ этого пріятнѣе и легче; но, не будучи въ силахъ отвлечься отъ своего анимистическаго міровоззрѣнія, онъ ищетъ живое существо, которое приноситъ весну, въ которомъ заключена весна. Найти это существо нетрудно: весна, навѣрное, скрывается въ одной изъ тѣхъ перелетныхъ птицъ, которыя весною прилетаютъ въ лѣса, окружающіе дикаря, и наполняютъ ихъ своимъ щебетаньемъ. Въ роли весны чаще всего, вѣроятно, выступали куликъ, ласточка, сизая галочка, жаворонокъ и кукушка. Куликъ приноситъ съ собой изъ-за моря девять замковъ, чтобы запереть зиму и отпереть весну и теплое лѣто; аналогичныя дѣйствія приписываются въ другихъ пѣсняхъ жаворонку и сизой галочкѣ. Но самая подлинная весна—это ласточка. Если она совьетъ гнѣздо на домѣ, то этому дому весь годъ будетъ счастье. Сосѣдніе съ нашими предками поляки вѣрили, что весной владыка міра превращается въ кукушку и предвѣщаетъ каждому остающееся число лѣтъ жизни. Прочный пережитокъ описаннаго вѣрованія до сихъ поръ держится въ обычаѣ отпускать весною птицъ на волю. Не менѣе характерно другое переживаніе, въ которомъ тотемистическая старина чуть ли не живьемъ упирается въ XX вѣкъ. Съ точки зрѣнія дикаря, лучшее средство воспользоваться благодѣтельными силами весны, какъ всякаго другого существа, это—съѣсть его; поэтому дикари ѣдятъ своихъ убитыхъ враговъ, чтобы присвоить себѣ ихъ силу, и для той же цѣли ѣдятъ или приносятъ въ жертву своихъ тотемовъ. Современный обычай печь весной жаворонковъ или аистовъ (въ Бѣлоруссіи) и ѣсть ихъ, есть не что иное, какъ

полустертая модификація жертвы, несомнѣнно, существовавшей въ древности и состоявшей въ томъ, что „весну“ ловили и приносили въ жертву, т.-е. попросту съѣдали*).

Весна пришла; что же надо сдѣлать, чтобы использовать ея милость и не навлечь на себя ея гнѣва? Прежде всего надо накормить ее. И теперь еще въ Саранскомъ уѣздѣ, Пензен. губ., какъ только начнетъ таять снѣгъ, бабы раскладываютъ на проталинахъ свои точи, кладутъ на нихъ куски пирога или хлѣба и приговариваютъ: „вотъ тебѣ весна-матушка!“ Весна въ образѣ птицъ поѣдаетъ эту жертву. Но мало накормить одну весну. Надо принять еще цѣлый рядъ предосторожностей. Весна приноситъ съ собой не одно тепло и зелень. Вмѣстѣ съ ней приходятъ болѣзни: Кумаха (лихорадка), Желя, Чума и др. Зимой онѣ наголодались и нахолодались, а теперь, какъ тепло стало, имъ раздолье: постоянно выхватываютъ себѣ все новыя и новыя жертвы. Надо оградить отъ нихъ и себя, и скотъ, и поля. Для этого надо начисто вымыть и вычистить избы и хлѣвы, а поля опахать бороздой: болѣзни увидятъ эту борозду и не перешагнутъ черезъ нее. Затѣмъ надо накормить всѣхъ другихъ боговъ, чтобы они были сыты и помогали во время полевыхъ работъ. На дворѣ ставится для боговъ столъ и уставляется всякими яствами; боги, въ видѣ пчелъ, слетаются на это пиршество и пируютъ вмѣстѣ съ людьми. Описаніе этого обряда сохранилось въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ волочобныхъ (колядныхъ) пѣсняхъ; но въ этихъ пѣсняхъ мы не находимъ уже боговъ, а находимъ разныхъ святыхъ: на дворѣ шатеръ золотой, въ немъ кресло, въ креслѣ самъ богъ, а кругомъ святые въ видѣ пчелъ сидятъ и пируютъ за столомъ, вмѣстѣ съ волочобниками. Другой варіантъ еще болѣе характеренъ:

---

*) Олицетвореніе весны въ видѣ птицы наиболѣе древнее и прочно сохранившееся. На ряду съ нимъ впослѣдствіи, когда земледѣліе выдвинулось на первый планъ и заслонило собою охотничьи промыслы, выросло другое представленіе о веснѣ, сохраняющееся въ великорусскихъ пѣсняхъ. Весна въ этихъ пѣсняхъ—миѳическое существо, пріѣзжающее на „сошечкѣ, на бороночкѣ“, или „на жердочкѣ на бороздочкѣ, на овсяномъ колосочкѣ, на пшеничномъ пирожочкѣ“. Весна этихъ пѣсенъ рисуется уже въ видѣ человѣка; по крайней мѣрѣ, за это говоритъ обрядъ, практикующійся и понынѣ въ Борисовскомъ уѣздѣ, Минск. губ., Тамъ выбирается изъ среды дѣвушекъ одна, наиболѣе красивая и работящая; ее украшаютъ цвѣтами и сажаютъ на борону; затѣмъ парни съ пѣснями обвозятъ эту „вясновку“ на боронѣ по всѣмъ полямъ. Этотъ обрядъ, напоминающій греческія Діонисіи, былъ, вѣроятно, также чуждъ днѣпровской древности и сложился быть можетъ, очень поздно, подъ вліяніемъ католическихъ церковныхъ процессій. Что касается до представленія весны въ видѣ птицы, то въ этомъ отношеніи любопытенъ параллельный съ русскимъ обычай въ Прибалтійскомъ краѣ: тамъ къ Пасхѣ традиціонное и самое дорогое кушанье, которое далеко не всегда можно достать,—дикій лебедь; въ нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностяхъ также существуетъ повѣрье, что весну приноситъ гоголь.

Што же въ полѣ синѣется,
Да синѣется, да чернѣется?
Пречистая мать на похацѣ*) ѣдетъ
Восьми конями, да все вороными,
Тремя слугами, да все вѣрными:
Святъ Ягорья на козлахъ сидитъ,
Святъ Илья на запяткахъ стоитъ,
А святъ Микола посреди ея.
Подъѣзжаютъ они ко честному мужу,
Къ честному мужу, къ богатому дому.

Другими словами, боги уже знаютъ свое время, и если ихъ не накормить въ день встрѣчи весны, то они не будутъ помогать своему почитателю. Среди этихъ божествъ есть, однако, опять-таки такія, которыхъ въ особенности надо накормить и повеселить. Это—боги-предки. Поминаніе ихъ происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какъ было уже описано; пережитокъ его—современное поминаніе умершимъ въ понедѣльникъ на Пасхѣ въ Великоруссіи, а въ Малороссіи и въ Бѣлоруссіи въ великій четвергъ, „навскій великъ день“. Живучесть этого поминовеннаго обряда показываетъ, что онъ, по всей вѣроятности, былъ самымъ главнымъ актомъ праздника встрѣчи весны.

Послѣ встрѣчи весны проходитъ нѣкоторый промежутокъ времени, пока не стаетъ окончательно снѣгъ и не провянутъ поля. Тогда можно приступить къ посѣву. Съ этимъ хозяйственнымъ актомъ также былъ связанъ цѣлый рядъ обрядовъ, остатки которыхъ сохраняются до сихъ поръ. Какъ раньше все вниманіе было обращено на весну, такъ теперь все вниманіе обращается на землю. Въ нее будутъ брошены сѣмена, которыя она вскормитъ и вспоитъ. Но для того чтобы посѣять сѣмена, надо взрыть землю, надо причинить ей рану, можетъ быть, боль; земля можетъ разсердиться и не родить ничего. Поэтому при запашкѣ надо накормить землю: въ борозды кое-гдѣ кладутъ хлѣбъ и яйца или просто обходятъ поля съ яствами (пирогомъ, водкой и селедкой). Но не только земля и сѣмена нуждаются въ жертвѣ, и ихъ надо задобрить; поэтому нельзя выходить сѣять, не положивъ заранѣе въ лукошко съ сѣменами яйца или хлѣбъ. Когда, такимъ образомъ, задобрены спеціальные агенты, надо задобрить и другихъ, которые, если не прямо, то косвенно могутъ оказать вліяніе на судьбу засѣянныхъ полей. Вниманіе дикаря невольно обращается къ такому фетишу, который самъ напоминаетъ о себѣ весною. Березка, разодѣвшаяся листвой, вся въ сережкахъ, сіяющая и благоухающая—вотъ подлинная богиня конца

*) Т.-е. на сохѣ.

весны, именно она, а не дубъ, которому она противополагается въ пѣснѣ: дубъ распускается медленно, его листъ появляется только тогда, когда посѣвъ уже давно оконченъ. Березка—весенній фетишъ, къ ней гурьбой идутъ дѣвушки и несутъ ей въ жертву пироги, лепешки и яичницы. Подъ сѣнью березы жертва съѣдалась, а затѣмъ подъ нею же начинались игры и пляски, чтобы развеселить и задобрить фетиша, который по прошествіи срока опять забывается до слѣдующей весны. Наконецъ, опять надо накормить предковъ. Прежніе случаи кормленія были, такъ сказать, авансомъ, но теперь уже дѣло сдѣлано, поля засѣяны, и помощь предковъ въ особенности нужна. Этотъ вторичный весенній поминальный обрядъ совершался съ особою торжественностью и обиліемъ жертвъ; не даромъ Стоглавъ особенно вооружался противъ поминальныхъ обрядовъ именно Троицына дня. Мертвецамъ приносили обильныя жертвы, но не ограничивались этимъ. Пиръ горой не можетъ быть безъ пляса и музыки, и, по свидѣтельству Стоглава, на этихъ поминкахъ плакали только въ самомъ началѣ, и то для соблюденія формы; а затѣмъ начиналось самое разнузданное веселье. Таковъ же былъ характеръ этихъ „русалій“ и въ XI вѣкѣ. Русаліи—это игры скоморошескія; на нихъ бываютъ „бѣсовскія пѣсни, плясанье, бубны, сопѣли, гусли, пискове, игранья неподобныя“. Мертвецы могли быть довольны такими пиршествами и торжествами; живые могли быть спокойны за будущее. Оставалось послѣ поминовенія предковъ совершить еще два акта: еще разъ вымыть и вычистить всякую нечисть и болѣзнь и похоронить ее, въ видѣ символическаго чучела, въ рѣкѣ. Безобразное чучело, обыкновенно въ видѣ бабы, дѣлаютъ въ полѣ, съ заклинаніями выносятъ оттуда и топятъ въ рѣкѣ. Всѣ предосторожности приняты, остается ждать урожая.

Урожай выясняется въ серединѣ лѣта, когда жаръ достигаетъ своего апогея. При началѣ жатвы—снова праздникъ. Въ обрядности этого праздника выступаютъ два божества, аналогичныя веснѣ, т.-е. олицетворенія суммы извѣстныхъ явленій, Купала и Ярила. Было предложено много толкованій смысла этихъ божествъ; по большей части, ихъ считаютъ олицетвореніемъ лѣтняго солнца, солнца, находящагося въ зенитѣ силы и жара. Но эта теософская абстракція совершенно недопустима для такой первобытной эпохи, какою является вѣкъ днѣпровскаго язычества. Относительно значенія Купалы мы находимъ драгоцѣнныя указанія въ Густинской

лѣтописи, гдѣ Купала обозначается, какъ богъ обилія, урожая, богъ созрѣвшихъ плодовъ земныхъ. Исходя изъ этого опредѣленія, Купалу можно проще обозначить, какъ урожай, его отличіе отъ „Угомона“, „Горя“, „Доли“ и другихъ подобныхъ полубожественныхъ существъ заключается преимущественно въ томъ, что онъ имѣетъ уже собственное имя—признакъ, что онъ, подобно солнцу (Даждьбогъ), вѣтру (Стрибогъ) и др. сталъ уже дифференцироваться изъ прежней своей анимистической среды. Этому Купалѣ приносили жертву въ началѣ жатвы. Другой богъ, Ярила, не такъ ясенъ. Обряды Ярилиной ночи были тѣсно связаны съ половыми мотивами, переходили иногда въ вакханаліи. Отсюда можно заключить, что Ярило былъ аналогичнымъ Купалѣ богомъ человѣческаго плодоношенія, тѣмъ зачаткомъ, изъ котораго впослѣдствіи могло бы развиться особое божество любви. Обряды Ярилиной ночи не ограничивались, однако, указанными мотивами. Неизбѣжнымъ образомъ и здѣсь мы встрѣчаемъ почти въ нетронутомъ видѣ фетишистскія вѣрованія. Фетишъ Купальской ночи—папоротникъ. Онъ фетишъ только на эту ночь, ибо только въ эту ночь онъ цвѣтетъ, и кто завладѣетъ имъ въ эту ночь, тому онъ принесетъ богатство и благополучіе. Позднѣйшія поколѣнія модифицировали это представленіе въ томъ смыслѣ, что подъ папоротникомъ можно найти зарытый кладъ. Культъ папоротника объясняетъ намъ и другую особенность Ярилиной или Купальской ночи, которая невольно заставляетъ сторонниковъ солярной теоріи впадать въ жестокое противорѣчіе съ самими собой. Праздникъ въ честь солнца не можетъ происходить ночью, въ отсутствіе божества; ночной праздникъ въ честь солнца — это contradictio in adiecto. Но праздникъ въ честь урожая, въ честь изобилія, приносимаго чудеснымъ фетишемъ, можетъ и долженъ происходить ночью: ночь для дикаря кажется таинственнымъ временемъ, когда всѣ феномены природы не считаютъ нужнымъ прятаться отъ человѣка и раскрываютъ свою истинную сущность. Въ результатѣ позволительно будетъ спросить, не былъ ли именно папоротникъ первоначально урожаемъ, какъ весна первоначально отождествлялась съ ласточкой или жаворонкомъ? Во всякомъ случаѣ, когда тотъ или иной обрядъ состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, мы можемъ раскрыть его истинный смыслъ и сущность, только исходя изъ его древнѣйшихъ элементовъ; а къ послѣднимъ относится именно культъ папоротника.

Таковы были особенности религіозныхъ вѣрованій сла-

вянъ, въ хозяйственной жизни которыхъ играло уже нѣкоторую роль земледѣліе. Мы видимъ, что земледѣльческіе культы славянъ, въ сущности, еще не вышли изъ анимизма; появились лишь нѣкоторые немногочисленные зачатки болѣе развитой системы, но не успѣли развиться, какъ были исковерканы и затемнены вторженіемъ христіанства въ концѣ X вѣка. Христіанство пришло извнѣ, было навязано славянской народной массѣ ея купеческо-военными верхами. Религіозныя вѣрованія этихъ верховъ въ X вѣкѣ до принятія христіанства также представляютъ нѣкоторыя особенности, на которыхъ приходится остановиться.

Жизнь этихъ верховъ уже оторвалась отъ лѣсовъ и болотъ, стала болѣе тѣсно связана съ городами и полуторговыми, полуразбойничьими путешествіями. Естественно, что, въ силу такихъ условій, анимистическія вѣрованія должны были значительно потускнѣть, должны были выдвинуться вѣрованія иного порядка. Разбойникъ-купецъ былъ, правда, попрежнему суевѣренъ; затменіе солнца или подозрительное поведеніе птицъ и звѣрей казалось ему дурнымъ признакомъ, не предвѣщающимъ ничего хорошаго; своихъ покойниковъ онъ боялся не меньше, чѣмъ его лѣсные соплеменники. Но въ городѣ или на походѣ уже нельзя было обходиться случайными фетишами; тѣмъ болѣе далеки стали разбойнику-купцу тотемы. Города требовали постоянныхъ покровителей, походъ — постоянныхъ помощниковъ. Съ другой стороны, славянскій разбойникъ-купецъ постоянно приходилъ въ соприкосновеніе съ норманнами и византійцами, миѳологія которыхъ была несравненно болѣе разработана и систематична. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій замѣчается въ военно-купеческой средѣ развитіе религіозныхъ вѣрованій въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, въ городахъ появляются постоянные идолы, которые правда не утратили еще своего стараго чисто-фетишистскаго характера, но уже пріобрѣли значеніе постоянныхъ, обладающихъ неизмѣнною силою и святостью боговъ. На первое указываетъ общераспространенный тогда взглядъ, что жертву жретъ именно идолъ или скрывающійся въ немъ богъ; идолъ не просто изображеніе божества, но его вмѣстилище, иногда даже тождественъ съ нимъ. Второе засвидѣтельствовано точными указаніями лѣтописи: идолы уже не чета тѣмъ фетишамъ, которыхъ дѣлаютъ и бросаютъ ежедневно, это постоянные и притомъ очень требовательные боги, требующіе иногда даже человѣческихъ жертвъ. Лѣтопись упоминаетъ идолы, главнымъ образомъ, двухъ боговъ,

Перуна, громовика, культъ котораго господствовалъ въ Кіевѣ, и Велеса или Волоса, „скотьяго бога“, идолъ котораго стоялъ въ Ростовѣ еще въ началѣ XI в. Перунъ—это молнія; таково буквальное значеніе этого имени; ясно, что представленіе о Перунѣ развилось изъ стараго чисто анимистическаго представленія, аналогичнаго представленію о громѣ или огнѣ, какъ живыхъ существахъ. Перунъ легко пріобрѣлъ значеніе бога-воителя, а слѣдовательно бога-покровителя военно-торговыхъ людей; имъ клянется часть дружины Игоря передъ его идоломъ на одномъ изъ кіевскихъ холмовъ, его призываютъ кіевляне на помощь противъ враговъ. Труднѣе опредѣлить анимистическую генеалогію ростовскаго Велеса; возможно, что это имя надо объяснять съ языка ростовской мери. Во-вторыхъ, появляются намеки на богословскую систему, стремленіе выяснить отношенія между отдѣльными богами; тутъ несомнѣнно вліяніе византійскихъ вѣрованій. Солнце или Даждь-богъ, иногда называется Сварожичемъ, сыномъ Сварога; Сварогъ—это огонь (по другому, менѣе вѣроятному толкованію—небо); люди—дѣти солнца, или Даждь-божи внуки. Стрибогъ—вѣтеръ; „но Слово о полку Игоревѣ“ изображаетъ его уже отцомъ вѣтровъ: вѣтры—Стрибожи внуки. Дальше этихъ зачатковъ, однако, самобытное славянское богословіе не пошло и было скоро вытѣснено христіанствомъ.

Религіозная реформа кіевскаго князя Владиміра въ сущности не была реформой для значительной части дружины. Торговые интересы быстро заставляли варяговъ и славянъ разставаться со старымъ язычествомъ; еще при Игорѣ въ Кіевѣ уже была церковь во имя св. Ильи (святой, который въ ветхозавѣтной легендѣ также связанъ съ молніей), и половина его дружины клялась именемъ христіанскаго бога. Ко времени Владиміра число христіанъ въ княжеской дружинѣ должно было еще болѣе увеличиться, и это обстоятельство какъ нельзя болѣе благопріятствовало давнишнимъ намѣреніямъ грековъ стать полновластными господами надъ богатой сырыми продуктами днѣпровской страной. За дальностью разстоянія отъ Византіи, конечно, не могло быть и рѣчи о фактическомъ завоеваніи; средствомъ для упроченія византійскаго вліянія должна была служить религія. Обращеніе русскихъ въ христіанство сулило дальнѣйшее подчиненіе Поднѣпровья греческому вліянію и обѣщало жадному византійскому духовенству новые источники доходовъ. Владиміръ, подъ вліяніемъ греческихъ царей, принялъ христіанство и объявилъ его офиціальной религіей; кіевлянъ согнали къ

Видѣніе отроку Варѳоломею, юность и труды преподобнаго Сергія.

Оригиналы картинъ М. В. Нестерова *Видѣніе отроку Варѳоломею,* (1890 г.), *Юность преподобнаго Сергія* (1892—1897 г.) и *Труды преподобнаго Сергія* (1896—1897 г.) находятся въ Третьяковской галлереѣ (№№ 728—730); онѣ представляютъ собою совершенно особенный интересъ въ исторіи русской живописи столько же, сколько въ исторіи русскаго общественнаго сознанія. М. Нестеровъ, въ противоположность кричащему В. Васнецову, искренній идеалистъ, владѣющій необычайно тонкой и деликатной кистью и всею силой своего сознанія способный льнуть къ тому, что подходитъ къ выраженію: «все высокое, все прекрасное». М. Нестеровъ отнюдь не раздражаетъ и не волнуетъ манерой своего письма: его міросозерцаніе прекраснаго ребенка не напираетъ на васъ съ грубостью назойливаго пропагандиста тряпичной философіи идеализма. Избирая неестественные сюжеты и отдавая тѣмъ дань нѣкоторымъ теченіямъ русскаго общественнаго сознанія, М. Нестеровъ не отступаетъ отъ реальной русской обстановки. Восхитителенъ и его великорусскій пейзажъ, и обстановка деревянныхъ построекъ на всѣхъ трехъ названныхъ картинахъ. Даже изображеніе самого Сергія не шокируетъ зрителя и довольно просто и естественно, за исключеніемъ картины *Юность,* на которой фигура до невѣроятности слащава и въ своей позѣ совершенно фальшива. Надо признать, что художнику такого міровоззрѣнія, какъ М. Нестеровъ, физически нельзя избѣжать привкуса сладкой фальши, и надо удивляться его изумительной способности не приводить въ раздраженіе людей противнаго ему склада мысли. Это—идеалистъ, который какъ будто самъ нѣсколько стыдится своего идеализма, стремится реальной обстановкой прикрыть его дѣвственную наготу, не убѣдить, а заманить зрителя въ свою вѣру нѣжностью и прелестью красоты русской природы. Въ исторіи русской живописи XIX вѣка М. Нестеровъ занимаетъ не столько яркую, сколько характерную въ направленскомъ смыслѣ страницу. Въ курсѣ русской исторіи его красочное трактованіе темы о русскомъ подвижникѣ XIV вѣка, совершенно затмившемъ собою все святое въ сѣверо-восточной Руси, имѣетъ еще бо́льшее значеніе и интересъ. Велико должно было быть впечатлѣніе, произведенное когда-то Сергіемъ, сложившееся въ опредѣленную раскидистую легенду и добѣжавшее до нашихъ дней: онъ создалъ монастырь, сдѣлавшійся несомнѣннымъ центромъ вожделѣній бродячей Руси, онъ принялъ своеобразное участіе въ одномъ изъ самыхъ сильныхъ событій московской исторіи, въ Куликовской битвѣ. Имя Сергія и счастливая борьба съ татариномъ стали неразлучными; простому хозяйственно обездоленному народу это было всего легче запомнить и запомнить надолго. Сергій родился, какъ надо думать, около 1314 г., гдѣ-то «въ предѣлѣхъ Ростовьскаго княженія не зѣло близь града Ростова». Къ сожалѣнію, до насъ не дошло древнѣйшее жизнеописаніе Сергія, написанное монахомъ Епифаніемъ и пущенное въ оборотъ около 1418 г.; мы имѣемъ передѣлку этого жизнеописанія, сдѣланную прибывшимъ съ Аѳона въ Москву около 1440 г. монахомъ Пахоміемъ, родомъ изъ сербовъ, и имѣвшую опредѣленныя практическія цѣли. Вотъ почему дошедшія до насъ біографическія свѣдѣнія не окрашены безыскусственной простотой и наивной искренностью авторовъ Патерика печерскаго. Е. Е. Голубинскій, авторъ лучшей, но вполнѣ ортодоксально написанной книги *Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра.* (М. 1909), причисляетъ родителей Сергія къ составу ростовскаго удѣльнаго боярства и тотчасъ переходитъ безъ всякой критики къ сообщенію ряда чудесъ, согласно Епифаніево-Пахоміевскому житію, чудесъ, начавшихся еще до рожденія Сергія и носящихъ на себѣ несомнѣнные слѣды иноземнаго византійскаго вліянія. Варѳоломей, какъ звали въ міру Сергія, къ ученію былъ глухъ и отличался замѣтной тупостью; грамота ему далась лишь послѣ того, какъ совершилось чудо, изображенное на первой картинѣ М. Нестерова. Однажды мальчикъ былъ посланъ отцомъ въ поле искать

лошадей, мальчикъ пошелъ и на дорогѣ подъ дубомъ встрѣтилъ неизвѣстнаго ему старца, святолѣпнаго и ангеловиднаго. Старецъ побывалъ въ домѣ родителей Сергія, сказалъ ему: «отъ сего дня Господь даруетъ тебѣ умѣнье грамоты», и, уходя изъ дома, внезапно сталъ невидимъ, изъ чего родители заключили, что то былъ ангелъ. Вся обрисовка этого чуда такова, что для русской почвы оно не представляется характернымъ, и художникъ былъ бы правъ, если бы создалъ простую фигуру старца, чѣмъ то нѣсколько вычурно изображено на картинѣ. При Иванѣ Калитѣ родители Сергія сбѣжали въ московское княжество и поселись въ городкѣ Радонежѣ, куда въ то время привлекалось населеніе на льготу; послѣ ихъ смерти онъ осуществилъ свое завѣтное желаніе «монашествовать внѣ монастыря», т.-е. пустынножительствовать. Сергій ушелъ въ лѣсъ и избралъ мѣстомъ своей жизни участокъ у рчк. Кончуры, гдѣ въ настоящее время стоитъ Троицкій соборъ. Въ возрастѣ около 25 лѣтъ онъ принялъ постриженіе и превратился въ пустынножителя, типъ, который сталъ достаточно хорошо знакомымъ московской Руси и просуществовалъ чуть ли не до XVII вѣка. А пустынножительство одинъ изъ этаповъ, пройденныхъ русскою колонизаціей на сѣверо-востокѣ и частью обусловившихъ собою развитіе хозяйственной эксплуатаціи нетронутыхъ до того естественныхъ богатствъ страны. Е. Е. Голубинскій утверждаетъ, что Сергій именно былъ первый, кто ввелъ у насъ пустынножительство, и что именно его примѣръ увлекъ другихъ. Моментъ этой совершенно одинокой жизни въ лѣсной чащѣ, гдѣ была построена лишь небольшая церквица, и захваченъ М. Нестеровымъ на второй картинѣ. Обществомъ Сергія, по словамъ жизнеописанія, были звѣри, а среди медвѣдей нашелся одинъ, который часто навѣщалъ его. Сергій клалъ ему скрой хлѣба на пень или на колоду, медвѣдь привыкъ находить положенную ему порцію хлѣба на урочномъ мѣстѣ, и если Сергій по скудости не давалъ ему хлѣба, то медвѣдь долго и упорно не отходилъ, ожидая подачки. И эта исторія съ медвѣдемъ не носитъ на себѣ мѣстной печати своеобразія, а художникъ трактуетъ ее на своей картинѣ черезчуръ элементарно, элементарнѣе, по крайней мѣрѣ, чѣмъ слагатель житія. Пустынножительство Сергія—созданіе эпохи; въ немъ воплощалась и суровая религіозная мысль, которая еще не могла двинуться дальше мрачнаго представленія о высокой роли физическаго страданія, того средневѣковаго аскетизма, который такъ претитъ современному сознанію; воплощалась въ немъ и созидательная дѣятельность великорусскаго племени, завоевывавшаго природу, прорубавшаго лѣсную чащу, созидавшаго постройки и новыя мѣста поселенія; сама власть такъ нуждалась въ населеніи, что привлекала его всѣми мѣрами, льготила въ платежахъ, поощряла всяческую земельную заимку; населеніе приливало въ московское княжество, чувствуя себя здѣсь въ непроходимой чащѣ, какъ за каменной стѣной, и, по мѣрѣ надобности, продвигалось все сѣвернѣе и сѣвернѣе съ своей столь подходящей къ природѣ и времени идеей пустынножительства. Сергій и сталъ героемъ русскаго народнаго сознанія, ибо народность видѣла въ немъ олицетвореніе всего своего дѣла: созидательства, строительства, расчищенія среди невѣроятныхъ трудовъ пашни, лишеній, упорства и порою ужаса передъ наскокомъ лихого наѣздника, злого татарина. Вотъ эта строящаяся и созидающаяся Русь московской эпохи и встаетъ предъ нами на третьей картинѣ М. Нестерова. Е. Е. Голубинскій довольно вѣрными штрихами рисуетъ намъ первоначальное поселеніе Сергія, когда къ нему стали приходить, вмѣсто медвѣдя, люди, чтобы жить вмѣстѣ: въ глухомъ бору, на берегу рѣчки, полурасчищенная поляна, на которой большой лѣсъ вырубленъ, но кой-гдѣ въ видѣ рѣдкой рощи стоятъ еще деревья, и на которой вездѣ лежатъ колоды отъ срубленныхъ деревьевъ и вездѣ торчатъ пенья; на полянѣ маленькая деревянная церковь и кругомъ церкви подъ деревьями и между деревьями маленькія деревянныя келья; вся поляна или же значительная часть ея обнесена тыномъ и внутри тына за кельями раздѣланы огороды. Эта картинка не одинъ разъ повторится на территоріи сѣверо-восточной Руси, не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ, но вѣчно исходя изъ одного источника—изъ процесса колонизаціи и

хозяйственнаго строительства великорусскаго племени. Древнѣйшій поселокъ Сергія, о которомъ хотятъ сказать, что онъ былъ *первымъ* въ указанномъ родѣ (исторически, правда, не такъ важно, былъ ли онъ первымъ или третьимъ), началъ свою созидательную работу съ успѣхомъ: мѣстность, условія времени, энергія основателя, несомнѣнно, очень содѣйствовали этому успѣху. Поселокъ Сергія, какъ и всѣ другіе въ томъ же родѣ, начиналъ со скудости: основательно голодалъ и самъ Сергій, и его товарищи. Время, труды, условія тогдашней общественности незамѣтно, но вѣрно создавали положеніе поселку, и еще самъ Сергій успѣлъ увидѣть изобиліе и богатство послѣдняго. Позднѣе монастырь, основанный Сергіемъ, сталъ, какъ извѣстно, крупнѣйшимъ вотчинникомъ и душевладѣльцемъ въ странѣ, первѣйшимъ богачемъ и банкиромъ. Но Сергій успѣлъ увидать въ своемъ поселкѣ и острую борьбу старцевъ, принудившую его на время даже уйти изъ основаннаго имъ монастыря и приняться за устройство другого на новомъ мѣстѣ Епифаніево-Пахоміевское житіе разсказываетъ, что въ одну изъ субботъ за вечерней старцы подняли въ церкви крикъ и брань, и Стефанъ, братъ Сергія, кричалъ на него такими бранными словами, что ихъ нельзя было бы изобразить на письмѣ: „и ина нѣкая изрекъ, ихъ же не лѣпо бѣ". Въ княженіе Димитрія Ивановича Донского Сергій выступилъ на политическое поприще въ роли выразительнаго сторонника московскаго великаго князя. Это обстоятельство должно было особенно упрочить дальнѣйшее положеніе его монастыря и сдѣлать изъ него національнаго героя московской Руси, связавшаго свое имя съ временнымъ хотя бы пораженіемъ татарщины. Въ 1365 г. Сергій былъ отправленъ въ Нижній-Новгородъ увѣщать суздальскаго князя Бориса Константиновича покориться старшему брату Димитрію. Увѣщаніе не удалось, и Сергій, согласно порученію митрополита Алексѣя, наложилъ на городъ интердиктъ, затворивъ всѣ церкви. Церковь явилась такимъ образомъ послушнымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ московской власти и наложила отлученіе на городъ за политическую строптивость его князя. Въ 1385 г. Сергій ѣздилъ по порученію московскаго правительства къ великому князю рязанскому Олегу Ивановичу, послѣ того какъ послѣдній побилъ, московскія войска. Сергію удалось уговорить Олега не продолжать борьбы съ московскимъ княземъ и заключить миръ. Но чрезвычайнымъ событіемъ, рѣшившимъ окончательно судьбу популярности Сергія, была Куликовская битва (не даромъ же онъ ничего не могъ подѣлать въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1365 г. и смогъ договориться съ Олегомъ въ 1385 г.). Источники говорятъ, что Димитрій Донской, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, былъ 18 августа 1380 г. въ монастырѣ у Сергія и получилъ отъ него благословеніе на удачную битву съ прибавленіемъ двухъ монаховъ Пересвѣта и Ослябя. Никонова лѣтопись говоритъ, что Сергій «даде ему (т.-е. великому князю) изъ монастыря своего, изъ братіи своея, два инока, Пересвѣта и Ослябя, зѣло умѣющихъ ратному дѣлу и полки уставляти, еще жъ и силу имущихъ, и удалство веліе и смѣлство". Битва удалась, и великій князь вновь посѣтилъ монастырь Сергія. Такъ упрочилась политическая связь монастыря съ господствующею властью, а равно популярность его, усердно поддерживавшаяся политическою властью до нашихъ дней. Густая пелена легенды, обросшей разнообразными наслоеніями, заволокла отъ нашего взора *историческаго* Сергія, замѣнивъ его *преподобнымъ* Сергіемъ, о послѣднемъ говорено было очень много, о первомъ ничего. Высокій интересъ перваго несомнѣненъ, и, разобравшись въ исторической обстановкѣ, можно выловить цѣнное историческое зерно. Не за нимъ пошелъ въ своихъ картинахъ М. Нестеровъ; онъ попытался въ художественной формѣ реабилитировать легенду, и этотъ фактъ самъ по себѣ является исторически любопытнымъ. Реабилитація не могла имѣть успѣха, но дивный пейзажъ и благородныя краски художника заставляютъ невольно вспомнить характерныя бытовыя черты древней исторіи великорусскаго племени, которое само по себѣ во всемъ его цѣломъ является истиннымъ подвижникомъ нашей исторіи, олицетворенномъ въ Сергіи.

В. Стор.

Днѣпру и окрестили, а Перуна свергли и изгнали изъ Кіева. Но богъ, хотя и свергнутый, могъ опять вернуться и наказать за отступничество; поэтому Владимиръ сдѣлалъ особыя распоряженія насчетъ изгнанія Перуна: особые люди должны были бросить Перуна въ воду и подталкивать его, пока онъ не пройдетъ пороги. Вслѣдъ за Кіевомъ настала очередь другихъ городовъ, гдѣ христіанство было введено тѣмъ же порядкомъ, что и въ Кіевѣ; въ Новгородѣ пришлось даже пустить въ ходъ военную силу.

Это обращеніе, конечно, могло быть и было чисто внѣшнимъ. Христіанская миѳологія и культъ совершенно не подходили къ условіямъ жизни Приднѣпровья. Христіанство возникло на почвѣ ожесточенной соціальной борьбы I вѣка, оно было сначала эсхатологической религіей рабовъ и пролетаріевъ и только впослѣдствіи было переработано въ богословскую отвлеченную религію съ могучей церковной организаціей, въ лицѣ которой тогдашнее государство получило новое могущественное орудіе для своей власти. Приднѣпровье жило совсѣмъ въ другихъ хозяйственныхъ и соціальныхъ условіяхъ. Поэтому главный мотивъ евангельской миѳологіи, мотивъ искупленія, остался чуждъ новообращенной массѣ. Іисусъ Христосъ, какъ спаситель и искупитель, былъ для нея непонятенъ, не трогалъ ее; и вся остальная философско-теософская система, сотканная александрійцами вокругъ догмата о Христѣ, осталась столь же чуждой и странной для славянскаго уха. Но въ церковномъ византійскомъ христіанствѣ были еще элементы, которые дали возможность обращенію укрѣпиться. Церковная организація давала въ руки дифференцировавшагося отъ лѣсной массы славянъ купеческо-дружиннического слоя новое орудіе для хищнической эксплуатаціи подвластныхъ имъ племенъ. Греческій священникъ съ крестомъ, сопутствуемый дружинникомъ съ мечемъ, проповѣдывалъ не только новую религію, но и подчиненіе во имя этой религіи княжеской власти. Съ другой стороны, содержаніе византійскаго христіанства не ограничивалось богословскими отвлеченными концепціями. Рядомъ съ ними жилъ въ христіанской оправѣ цѣлый рядъ пережитковъ всѣхъ тѣхъ народныхъ религій, которыми пестрѣли восточная и западная имперіи. Ангелы и бѣсы, иконы и мощи, таинства и процессіи, наконецъ, даже религіозные гимны и ихъ напѣвы— все это столь же мало было оригинальнымъ созданіемъ христіанства, какъ и христіанская догматика, эта причудливая смѣсь іудейскаго мессіанизма съ греческимъ неоплатонизмомъ. Эти пережитки народныхъ вѣрованій и культа, освященные

христіанскою церковью, и были той плоскостью, на которой произошло сліяніе днѣпровскаго анимизма съ византійскимъ христіанствомъ. Въ христіанскихъ святыхъ и священныхъ реликвіяхъ, которымъ церковь присвоивала чудотворную силу, приднѣпровецъ вновь находилъ утраченныхъ было спеціальныхъ боговъ-покровителей и фетишей; въ непонятномъ для него культѣ онъ находилъ замѣну прежнихъ волхвованій, а на монаховъ и на священниковъ смотрѣлъ, какъ на волхвовъ; наконецъ, византійскіе погребальные обряды, съ ученіемъ о безсмертіи души и воскресеніи, легко соединялись съ первобытнымъ культомъ мертвыхъ. Этотъ процессъ синкретизма облегчался еще тѣмъ, что по существу всѣ указанные элементы христіанскихъ вѣрованій и культа вели свое происхожденіе отъ тѣхъ же анимистическихъ предковъ; несмотря на вѣковую переработку всѣхъ анимистическихъ воззрѣній сначала въ горнилѣ греческой, а затѣмъ въ горнилѣ христіанской религіи, они все-таки легко могли быть очищены отъ результатовъ всѣхъ позднѣйшихъ модификацій и приведены къ первоначальному виду. Наконецъ, дѣйствовало и еще одно условіе, на которое обычно указываютъ, какъ на одно изъ самыхъ главныхъ условій, породившихъ двоевѣріе. Это именно педагогическіе пріемы византійскихъ проповѣдниковъ. Не будучи въ силахъ достичь дѣйствительнаго превращенія дикарей въ христіанъ, видя тщетность убѣжденій, что языческіе боги не существуютъ въ дѣйствительности, а существуетъ лишь одинъ христіанскій богъ, они пошли на уступки: они признали реальность существованія всѣхъ безчисленныхъ славянскихъ боговъ, приравнявъ ихъ къ бѣсамъ, и признали святость традиціонныхъ мѣстъ и сроковъ культа, выстраивая храмы на мѣстѣ кумировъ и назначая христіанскіе праздники приблизительно на тѣ дни, къ которымъ пріурочивались ранѣе языческіе. Но этотъ пріемъ не достигъ своей цѣли. Не говоря уже о народной массѣ, которая благодаря ему могла измѣнить только номенклатуру, но не содержаніе своихъ вѣрованій, онъ открылъ широкую дорогу для двоевѣрія и среди верхняго слоя кіевскаго общества. Кіевскіе монахи и священники изъ славянъ увѣровали въ теорію бѣса; существованіе бѣса, утверждаемое христіанствомъ, только утвердило ихъ въ вѣрѣ въ существованіе ихъ прежнихъ кумировъ и дало возможность замѣнить христіанскую теорію бѣса доморощеной: врагъ рода человѣческаго потому его врагъ, что его теперь не кормятъ! Полтора вѣка спустя эта упрощенная теорія замѣнилась другой, уже считавшейся съ христіанской теоріей бѣса: когда приверженцы сатаны были низ-

вергнуты на землю, то попавшіе въ воду стали водяными, въ лѣсъ—лѣшими, въ домъ—домовыми и т. д.; языческія области—это страны, гдѣ царствуетъ діаволъ, который въ 988 году горько плакался: „увы мнѣ! яко отсюда прогонимъ есмь! сдѣ бо мняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не суть ученія апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣжденъ есмь отъ невѣгласа сего, а не отъ апостолъ, не отъ мученикъ, не имамъ царствовати въ странахъ сихъ“. Многочисленные разсказы Кіево-Печерскаго Патерика свидѣтельствуютъ о живости и яркости вѣры въ бѣсовъ; изъ цѣлаго ряда курьезовъ этого рода достаточно вспомнить разсказъ о томъ, какъ юродивый Исакій терпѣлъ искушенія отъ бѣсовъ: бѣсы стращали его въ видѣ медвѣдей, мышей, жабъ, воловъ и всякихъ гадовъ.

Теорія бѣса плохо привилась въ народной средѣ. Народъ пересталъ призывать Перуна, которому и раньше онъ мало поклонялся; но всѣ прочія безчисленныя мелкія божества для народа не исчезли и даже не перемѣнили своихъ свойствъ. Они стали только еще болѣе враждебны человѣку, потому что послѣдній пересталъ кормить ихъ. Бѣсъ занялъ мѣсто рядомъ съ ними; если мы всмотримся въ фигуру бѣса, какъ онъ изображается въ сказкахъ, мы не найдемъ въ немъ никакихъ признаковъ демоническаго духа зла и ада, какимъ онъ рисуется въ христіанской демонологіи. Онъ любитъ подшутить надъ человѣкомъ, но часто подчиняется ему и оказываетъ услуги; онъ столь же близокъ къ человѣку, какъ любое другое существо природы, живетъ подъ землей или въ омутахъ и ничуть не страшенъ. Сказка изображаетъ его скорѣе въ комическомъ, чѣмъ въ отвратительномъ или ужасномъ видѣ. По мѣрѣ затемнѣнія прежнихъ вѣрованій, съ фигурой бѣса, несомнѣнно, часто стали сливаться фигуры водяного и лѣшаго; но это сліяніе не уничтожило самостоятельныхъ представленій о послѣднихъ и происходило само собой, а не подъ вліяніемъ теоріи первыхъ доморощенныхъ днѣпровскихъ богослововъ. Можно сказать, что христіанство сначала лишь обогатило лѣсной и водяной олимпъ новымъ представителемъ.

Христіанскія представленія о богѣ, раѣ и адѣ также преломились до неузнаваемости, пройдя сквозь призму славянской первобытной религіи. Слѣдующая любопытная малорусская сказка показываетъ, во что превратился въ народномъ представленіи тотъ высочайшій духовный богъ, котораго проповѣдывали греческіе священники. Баба нашла на дорогѣ горошину, дѣдъ посадилъ ее подъ поломъ; изъ горошины выросъ горохъ и дотянулся до самаго неба, а стручки на ней

уродились прямо невиданные. Стерегъ-стерегъ дѣдъ стручки, да и заснулъ; а пока онъ спалъ, богъ всѣ стручки и забралъ себѣ. Старикъ полѣзъ по горошинѣ на небо и сталъ упрекать бога; тотъ далъ дѣду за стручки золотые лапти. Дальше идетъ обычный во многихъ сказкахъ разсказъ о томъ, какъ старикъ промѣнивалъ лапти до тѣхъ поръ, пока остался ни съ чѣмъ. На христіанскаго бога здѣсь перенесены всѣ черты прежняго нехитраго божества. Спасеніе, которое приноситъ Христосъ, претворилось въ народномъ представленіи въ чисто реальное, матеріалистическое принесеніе благополучія: „Исусъ Христосъ у воротъ стоитъ, онъ съ хлѣбомъ, съ солью, со скатертью, со скотинкою, съ животинкою“ — поется въ одной рождественской подблюдной пѣснѣ. Рай уже на небѣ, а не подъ землею; но чтобы туда попасть, не нужно никакихъ подвиговъ; достаточно взобраться до неба по лѣстницѣ, прорубить въ немъ дыру и пролѣзть туда; а райское блаженство заключается въ томъ, что въ раю стоятъ чудесные жернова, какъ повернутся, тутъ тебѣ каша да пироги. Такое же превращеніе потерпѣли другія христіанскія представленія. Весна превратилась въ Богородицу, пріѣзжающую на Благовѣщеніе на сохѣ; въ бѣлорусской волочобной пѣснѣ святые Илья, Егорій и Никола превратились въ покровителей сельскохозяйственныхъ работъ и помощниковъ земледѣльца; другіе святые превратились въ покровителей другихъ спеціальныхъ работъ, цѣлителей опредѣленныхъ болѣзней и т. д. Даже такое отвлеченное понятіе, какъ понятіе благодати, не избѣжало общей участи: во время молитвы наканунѣ сѣва самарскіе крестьяне до сихъ поръ еще затыкаютъ въ избѣ всѣ щелки и закрываютъ всѣ трубы, чтобы нисшедшая отъ молитвы благодать божія не могла уйти изъ избы.

Но едва ли не больше всего двоевѣріе сказывается въ похоронныхъ и поминовенныхъ обрядахъ. Тутъ врядъ ли даже можно говорить о двоевѣріи: настолько живо и ярко до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохраняются стародавніе взгляды и обычаи. Любопытно прослѣдить различные акты похоронъ и поминокъ; при этомъ обнаружится, что старый обрядъ и старая вѣра не только не умерли, но продолжали развиваться и обогащаться новыми подробностями. Когда умираетъ грѣшникъ, то для прохода его души приходится вынимать доску изъ потолка, ибо она вмѣстѣ съ сопровождающими ее чертями не можетъ пройти черезъ окна или двери, которыя обычно кропятся святой водой. Когда въ Бѣлоруссіи покойника укладываютъ въ гробъ, то кладутъ ему, кромѣ другихъ вещей, табакъ, трубку и бутылку водки,

чтобы покойникъ на томъ свѣтѣ могъ угостить друзей и знакомыхъ. Чтобы душа не выходила изъ могилы и не безпокоила живыхъ, могилу запечатываютъ четырьмя крестами, которые дѣлаются лопатою по угламъ могилы; въ Бѣлоруссіи этотъ обрядъ считается самымъ важнымъ моментомъ погребенія. На поминальныхъ обрядахъ и обѣдахъ также можно замѣтить нѣкоторыя особенности, возникшія подъ вліяніемъ церкви. Въ Бѣлоруссіи часть обѣда, заготовляемаго для поминокъ, во время заупокойной обѣдни стоитъ въ церкви, а затѣмъ выносится на могилу; часть этой жертвы обязательно отдается причту. На Пасхѣ мертвецовъ привѣтствуютъ возгласомъ „Христосъ воскресе“ и катаютъ на ихъ могилахъ яйца—своего рода христосованіе.

Таковы были и остаются еще до спхъ поръ во многихъ мѣстностяхъ результаты крещенія Руси. Крещеная Русь вмѣстѣ съ крещеніемъ не измѣнила условій своего существованія; крайне медленная хозяйственная эволюція, которая еще въ XX вѣкѣ оставляетъ углы съ нетронутымъ первобытнымъ натуральнымъ хозяйствомъ, замедлила и измѣненіе основъ крестьянскаго міросозерцанія. А когда въ моменты хозяйственныхъ и общественныхъ переломовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наступалъ религіозный кризисъ, народное религіозное развитіе, минуя византійское православіе, шло прямо отъ первобытнаго анимизма и фетишизма къ эсхатологическому расколу или къ духовному сектантству.

ГЛАВА VI.

Новгородъ.

Паденіе Кіева обыкновенно прямо и непосредственно связываютъ съ перенесеніемъ центра русской исторіи на сѣверостокъ, въ „междурѣчье Оки и Волги“. Но переходъ не былъ такимъ прямымъ и непосредственнымъ, и смотрѣть на дѣло такъ, значило бы черезчуръ подчинять себя московской точкѣ зрѣнія—московской въ самомъ точномъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова. Московскому великому князю и его сторонникамъ въ XV вѣкѣ могло и должно было казаться, что онъ принялъ власть отъ „прародителя своего Владиміра Всеволодовича Мономаха“ безъ какихъ-либо промежуточныхъ инстанцій. Но за триста лѣтъ раньше одинъ изъ предковъ этого князя, еще не стѣсненный путами фантастической идеологіи, дѣлавшей изъ бывшаго суздальскаго пригорода столицу міра, смотрѣлъ на вещи реалистичнѣе. Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо видѣлъ наслѣдника Кіеву не въ Москвѣ и даже не во Владимірѣ, а въ Новгородѣ Великомъ. Отправляя въ этотъ городъ сына своего, онъ говорилъ ему: „Сынъ мой

Константинъ! На тебя Богъ положилъ старѣйшинство въ братьи своей, а Новгородъ Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской землѣ". Пусть тутъ было и не безъ легенды, сложившейся въ самомъ Новгородѣ,—зерно истины здѣсь было, и самому Константину Всеволодовичу довелось испытать это на своей собственной судьбѣ: на суздальско-владимірскій великокняжескій столъ онъ былъ посаженъ руками новгородцевъ, которые въ этотъ моментъ были такими же хозяевами на сѣверѣ Руси, какъ за сто лѣтъ раньше Кіевъ на югѣ.

Причины этой относительной устойчивости сѣвернаго торговаго центра, сравнительно съ его южнымъ соперникомъ, въ общихъ чертахъ уже намѣчались нами раньше. Торговля Новгорода носила такой же хищническій характеръ—главную статью отпуска составляла та же самая „дань", что и на югѣ, продукты, силой отнятые у непосредственныхъ производителей. Но такой способъ добыванія „товара" былъ въ высокой степени экстенсивнымъ. Нужны были все новые и новые нетронутые или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ затронутые районы, чтобы питать этого рода торговлю. Кіевщина жила эксплуатаціей окрестныхъ русскихъ же земель и племенъ; когда здѣсь все было опустошено, жить больше стало нечѣмъ. У новгородской Руси была обширная колоніальная область, захватывавшая все южное побережье Ледовитаго океана, до Оби приблизительно. Здѣсь былъ практически почти неисчерпаемый запасъ наиболѣе цѣнныхъ предметовъ тогдашняго обмѣна, на первомъ мѣстѣ мѣховъ. Недаромъ мѣховая торговля первая пріобрѣла въ Новгородѣ оптовый характеръ. „Мѣха обращались въ торговлѣ обыкновенно большими количествами"—говоритъ историкъ экономическаго быта Новгорода: „тысячами, полутысячами, четвертями, сороками, дюжинами, десятками и пятками; отдѣльными же единицами встрѣчались рѣдко. Болѣе цѣнные мѣха шли въ продажу обыкновенно меньшими единицами, больше всего сороками; менѣе же цѣнные—тысячами и даже цѣлыми десятками тысячъ. Изъ числа первыхъ въ источникахъ спеціально упоминаются мѣха собольи и бобровые, куньи и лисьи, хорьковые, горностаевые и ластковые, шкурки норокъ или рѣчныхъ выдръ и рысей. Изъ числа вторыхъ, менѣе цѣнныхъ мѣховъ, въ торговлѣ встрѣчались медвѣжьи, волчьи, заячьи мѣха и въ особенности въ большихъ количествахъ бѣличьи шкурки. Послѣднія нужно подразумѣвать, кажется, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ источникѣ говорится просто о пушномъ товарѣ, въ родѣ Schon

werk, Russen werk, Naugaresch werk“ *). Почти монопольное господство на мѣховомъ рынкѣ одно уже обезпечивало Новгороду прочное мѣсто въ системѣ обмѣна, складывавшейся ко второй половинѣ среднихъ вѣковъ вокругъ Балтійскаго моря. Но что было еще важнѣе по тогдашнимъ условіямъ—въ новгородскихъ колоніяхъ былъ едва ли не единственный на всю Россію источникъ драгоцѣнныхъ металловъ. „Закамское“, т.-е. уральское, серебро попадало и въ Западную Европу и въ Москву, пройдя черезъ форму новгородской дани—дани, собиравшейся Новгородомъ съ Югры и другихъ уральскихъ племенъ, унаслѣдовавшихъ богатства древней Біарміи, такъ соблазнявшей еще скандинавскихъ витязей **). Здѣсь еще въ концѣ XII вѣка возможны были экспедиціи, напоминавшія походы за данью Игоря и его современниковъ. Въ 1193 году цѣлое новгородское ополченіе погибло въ Югорской землѣ жертвою собственной жадности и коварства туземцевъ, „обольстившихъ“ новгородскаго воеводу, говоря ему: „копимъ для васъ серебро и соболей и всякія иныя узорочья: не губите своихъ смердовъ и своей дани“. Воевода повѣрилъ, а на самомъ дѣлѣ Югра копила воиновъ. Когда все было готово, его съ „вячьшими мужами“—все начальство новгородской рати—заманили въ засаду, гдѣ они и погибли. Послѣ этого Югрѣ нетрудно было справиться съ лишенными руководителей и вдобавокъ истомленными голодомъ дружинниками. Всего 80 человѣкъ вернулось домой: „и печаловались въ Новгородѣ князь, и владыка, и весь Новгородъ“. Но отдѣльныя неудачи не мѣшали тому, что въ общемъ и цѣломъ „закамское серебро“ правильно поступало въ новгородскую кассу. И недаромъ Иванъ Даниловичъ Калита такъ добивался уступки ему именно этой разновидности новгородской дани. Большая часть столоваго серебра и его, и даже еще его внуковъ и правнуковъ была новгородскаго происхожденія, съ именами новгородскихъ владыкъ и посадниковъ. Перехватыванье новгородскихъ „данниковъ“ съ закамскимъ серебромъ для враговъ Новгорода было такимъ же излюбленнымъ средствомъ борьбы, какъ для англійскихъ корсаровъ XVI вѣка перехватыванье испанскихъ галліоновъ съ золотомъ, шедшихъ изъ Новаго Свѣта. А когда Иванъ Васильевичъ наносилъ смертельный ударъ Новгороду, онъ прежде всего другого поспѣшилъ отрѣзать восточныя колоніи своего противника, занявъ Двину.

---

*) Никитскій, цит. соч. стр. 164—165.
**) См. гл. IV настоящей книги.

Но съ востока въ Новгородъ приходило не только серебро. Мы видѣли, что упадокъ Кіева, на ряду съ внутренними, мѣстными причинами, являлся отраженіемъ и одной внѣшней перемѣны—перехода средиземно-морской торговли изъ рукъ византійскихъ грековъ въ руки итальянцевъ и французовъ. Этимъ былъ совершенно обезцѣненъ „великій водный путь“ изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру. Но то была далеко не единственная артерія восточной торговли въ средніе вѣка. Оставался другой путь—Волгою и Каспійскимъ моремъ; европейскій конецъ этого пути опять-таки упирался въ Новгородъ. Здѣсь въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемъ „Хопыльскій“ рядъ и „хопыльскихъ“ купцовъ, стоявшихъ въ весьма тѣсныхъ отношеніяхъ къ татарской ордѣ—въ одномъ мѣстѣ лѣтопись, говоря о татарахъ, называетъ „хопыльскаго гостя“ прямо „ихъ“, татарскимъ, гостемъ. Одинъ восточный товаръ, шелкъ, составлялъ даже крупную статью въ новгородской торговлѣ съ Западомъ. Такъ тотъ транзитъ, который давно заглохъ въ Приднѣпровьѣ, продолжалъ держаться на Волховѣ еще лѣтъ 200 спустя.

Новгородъ развивался далѣе, когда въ южной Руси развитіе давно замѣнилось разложеніемъ, распадомъ. По Новгороду мы можемъ судить, чѣмъ стала бы Кіевская Русь, если бы ея экономическіе рессурсы не были исчерпаны въ XII вѣкѣ. Въ этомъ интересъ изученія новгородской исторіи. Этотъ интересъ еще усиливается тѣмъ, что здѣсь почти—не совсѣмъ, какъ неосторожно утверждаютъ нѣкоторые историки—отсутствовалъ другой, нарушавшій правильность развитія, факторъ: татарское иго. Нельзя, конечно, сказать, какъ обмолвился одинъ очень извѣстный изслѣдователь, будто Новгородъ „въ глаза не видалъ ордынскаго баскака“: анализируя событія 1257—1259 годовъ, мы видѣли, что былъ моментъ, когда и онъ „испыталъ непосредственный гнетъ и страхъ татарскій.“ Но въ исторіи Новгорода это былъ именно моментъ, тогда какъ Низовская земля вѣка жила подъ этимъ гнетомъ. Словомъ, на Волховѣ мы въ правѣ ожидать такихъ соціальныхъ комбинацій, которыя не успѣли сложиться на Днѣпрѣ, хотя логически вытекали изъ всего строя южно-русскихъ отношеній.

Одинъ изъ образчиковъ дальнѣйшаго развитія мы уже видѣли сейчасъ. Мы знаемъ, что средневѣковая торговля въ типичныхъ ея проявленіяхъ, и въ Россіи, и на Западѣ, была мелкой, что средневѣковый купецъ больше походилъ на современнаго коробейника, нежели на то, что мы теперь назы-

ваемъ купцомъ. Внимательный читатель уже замѣтилъ, однако, что къ мѣховой торговлѣ Новгорода такой масштабъ неприложимъ: тысячи, а тѣмъ болѣе десятки тысячъ бѣличьихъ шкурокъ на спинѣ не унесешь. Кіевская Русь если и знала большіе запасы товара, то это относилось исключительно къ одной его разновидности—къ товару живому, рабамъ. Они иной разъ встрѣчались сотнями въ однѣхъ рукахъ. У одного изъ черниговскихъ князей, напримѣръ, мы находимъ, по лѣтописи, 700 человѣкъ челяди: едва ли это была прислуга, или даже пашенные холопы. Челядью не брезговали, конечно, и новгородцы. Ушкуйники, ограбившіе въ 1375 году Кострому и Нижній-Новгородъ, распродали мусульманскимъ купцамъ въ Болгарію весь захваченный „полонъ“— преимущественно женщинъ. Совсѣмъ, какъ во времена Владиміра Святого. Но характерно, что эта статья торговли не выступаетъ такъ въ исторіи Новгорода, какъ выступала она раньше. Зато отчетливо выступаетъ явленіе, съ которымъ мы раньше не встрѣчались—скопленіе въ однѣхъ рукахъ большого капитала въ денежной формѣ. Въ 1209 году новгородское вѣче встало на посадника Дмитра Мирошкинича и его братьевъ, пытавшихся, въ союзѣ съ суздальскимъ княземъ, держать въ угнетеніи вольный городъ. За эту попытку они поплатились конфискаціей всего имущества. Вѣче обратило въ собственность города все „житіе“ Мирошкиничей: села ихъ и челядь распродали, затѣмъ разыскали и захватили спрятанныя деньги („скровища“). Все добытое пустили въ поголовный раздѣлъ — и на каждаго новгородца пришлось по 3 гривны, т.-е. 40—60 рублей на наши деньги. Но лѣтописецъ говоритъ, что тутъ не обошлось и безъ злоупотребленій: нѣкоторые „потай похватали“ во время смятенія, что попалось подъ руку — и оттого разбогатѣли. А затѣмъ, кромѣ движимаго и недвижимаго имѣнія и денежной наличности, у Дмитра нашлись еще „доски“—векселя новгородскихъ купцовъ: это дали князю, сдѣлавъ, такимъ образомъ, частное имущество Мирошкиничей государственной собственностью. Если мы примемъ въ соображеніе всѣ эти детали, мы увидимъ, что въ Новгородѣ уже въ XIII вѣкѣ были милліонеры, переводя тогдашнюю стоимость денегъ на теперешнюю. Упоминаніе о „доскахъ“ ясно свидѣтельствуетъ, на чемъ держалась власть и вліяніе крупнѣйшей новгородской фамиліи того времени. Но въ дѣлѣ есть и еще любопытная сторона. Дмитръ былъ въ Новгородѣ представителемъ той самой новой финансовой политики, за которую заплатилъ жизнью за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ

князь Андрей Юрьевичъ. Мирошкиничей обвиняли въ томъ, что они велѣли „на новгородцахъ серебро имати, а по волости куры брати, по купцамъ виру дикую, и повозы возити, и все зло“! Въ новгородской обстановкѣ финансовая эксплуатація должна была произвести еще болѣе сильное впечатлѣніе, нежели въ привыкшемъ къ княжескому произволу Суздалѣ—и Дмитру Мирошкиничу удалось похозяйничать всего четыре года (1205—1209), доживъ до того, что самъ его союзникъ, суздальскій князь Всеволодъ Юрьевичъ, выдалъ его головою новгородцамъ, сказавъ имъ: „Кто вамъ добръ, любите, а злыхъ казните.“ Но и это было сдѣлано слишкомъ поздно, какъ показали послѣдствія. Суздальскій княжичъ, Святославъ, лишь годомъ пересидѣлъ посадника Дмитра. Уже въ 1210 году Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, прослышавъ, что Новгородъ „терпитъ насилье отъ князей“, появился въ Торжкѣ—и былъ съ распростертыми объятіями принятъ новгородцами, немедленно арестовавшими Святослава Всеволодовича, „донеле будетъ управа съ отцомъ.“ А скоро и этотъ послѣдній долженъ былъ признать, что крушеніе финансовой политики Суздаля въ Новгородѣ было концомъ суздальскаго господства здѣсь вообще. Мстиславъ прочно усѣлся на новгородскомъ столѣ—и самъ Всеволодъ Юрьевичъ заключилъ съ нимъ договоръ, какъ съ новгородскимъ княземъ.

Новгородскія событія 1209 года представляютъ, какъ видимъ, довольно полную аналогію съ суздальскими 1174 и слѣдующихъ годовъ. Но въ то время, какъ суздальская революція не имѣла никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, новгородская была исходной точкой замѣчательной эпохи въ исторіи города — самой блестящей по оцѣнкѣ нѣкоторыхъ историковъ. „Для Новгорода наступили такіе же дни героизма, славы и чести, какъ для Кіева при Владимірѣ Мономахѣ“, говоритъ Костомаровъ объ этомъ времени. Дѣйствительно, если припомнить, что въ эти дни князья и въ Кіевѣ и во Владимірѣ садились изъ новгородской руки, что новгородскій столъ оспаривали другъ у друга самые вліятельные и извѣстные изъ наличныхъ рюриковичей, къ внѣшнему блеску едва ли что можно прибавить. Къ сожалѣнію, эффектныя внѣшнія событія, въ глазахъ не только позднѣйшаго историка, но и самого лѣтописца, оставляютъ въ тѣни внутреннюю новгородскую жизнь. Мы чувствуемъ, что въ городѣ въ теченіе сорока приблизительно лѣтъ кипитъ отчаянная общественная борьба,—но на страницахъ лѣтописи передъ нами только самые конкретные, если можно такъ выразиться, индивидуаль-

ные результаты этой борьбы, въ видѣ смѣны—часто насильственной—владыкъ, посадниковъ, тысяцкихъ и другихъ правящихъ лицъ. Только изрѣдка и случайно выступаютъ передъ нами мотивы переворота и участвовавшія въ немъ общественныя силы. Можно съ большой вѣроятностью догадываться, что возстаніе противъ Дмитра Мирошкинича было дѣломъ не высшихъ правящихъ круговъ, а низшихъ, управляемыхъ, дѣломъ не „вячьшихъ," а „меньшихъ". Съ нѣсколько меньшей вѣроятностью можно заключить, что въ движеніи участвовали низы не только городского, но и сельскаго населенія. Поборы „по волости" — притомъ натуральные, курами и другимъ „повозомъ"—выставляются, какъ одинъ изъ мотивовъ низверженія Мирошкиничей. Лѣтописецъ и дальше отмѣчаетъ вліяніе на судьбы волости того, что совершилось въ городѣ. Въ 1225 году въ Новгородѣ утвердился черниговскій Ольговичъ, Михаилъ Всеволодовичъ: „и было легко по волости Новгороду". Въ 1229 тотъ же князь Михаилъ далъ смердамъ „свободу на пять лѣтъ даней не платити." Льгота распространялась на тѣхъ, кто бѣжалъ на чужую землю, обнаруживъ тѣмъ наиболѣе острое недовольство новыми порядками, родоначальникомъ которыхъ былъ посадникъ Дмитръ. По отношенію же къ оставшимся были лишь возстановлены порядки „прежнихъ князей,"—надобно думать, тѣхъ, которые были до Всеволода Юрьевича и его новгородскаго союзника. Демократическій характеръ движенія намѣчается и нѣкоторыми деталями политики Мстислава Мстиславича Торопецкаго. Когда, въ промежуткахъ своихъ блестящихъ походовъ, стяжавшихъ ему имя „Удалого" князя, онъ является передъ нами въ образѣ устроителя внутренняго новгородскаго порядка, это устроительство обыкновенно сопровождается „окованіемъ" одного изъ видныхъ новгородцевъ, у котораго при этомъ конфискуется „безъ числа товару." Съ другой стороны, враждебная движенію сторона, тянувшая руку суздальскихъ князей, изображается, какъ состоящая изъ людей богатыхъ: въ 1229 году одновременно съ льготами смердамъ, взяли „кунъ много" на „любовницѣхъ Ярославлихъ," сторонникахъ суздальскаго претендента на новгородскій столъ Ярослава Всеволодовича. Денегъ этихъ хватило на постройку новаго моста черезъ Волховъ. Далѣе, новгородская церковь тоже была втянута въ политическую борьбу. Утвержденіе князя Мстислава Торопецкаго въ Новгородѣ повело къ тому, что владыка Митрофанъ, современникъ и, повидимому, союзникъ посадника Дмитра, былъ сведенъ съ архіепископіи и отпра-

вленъ въ Торопецъ: на его мѣсто избрали Добрыню Ядрейковича, ставшаго владыкой Антоніемъ. Восемь лѣтъ спустя онъ былъ въ свою очередь низвергнутъ въ пользу низложеннаго раньше Митрофана: у каждой изъ борющихся новгородскихъ партій оказался, такимъ образомъ, свой владыка. Когда Митрофанъ умеръ, его сторонники избрали на его мѣсто Арсенія; но тѣмъ временемъ и Антоній вернулся въ Новгородъ. Столкновеніе разрѣшилось тѣмъ, что въ 1228 году Арсенія выгнали изъ Новгорода, „яко злодѣя, пьхающе за воротъ“: въ качествѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ тутъ лѣтописецъ прямо называетъ „простую чадь“—простонародье оказалось именно на сторонѣ Мстиславова ставленника. И только одинъ разъ лѣтописецъ совершенно ясно вскрываетъ передъ нами „классовыя противорѣчія“ новгородскаго общества. Это было уже въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода. Въ это время на новгородскомъ столѣ сидѣлъ сынъ Невскаго, Василій. Новгородцы его выгнали вонъ и посадили на его мѣсто его дядю, Ярослава Ярославича, только что передъ тѣмъ „выбѣжавшаго изъ низовской земли“: хотя и суздалецъ, теперь онъ былъ, такимъ образомъ, кандидатомъ антисуздальской партіи. Узнавъ, что новгородцы выгнали его сына, Александръ Ярославичъ пошелъ войною на Новгородъ. На его сторону сталъ Торжокъ, экономически тѣснѣе связанный съ суздальской землей, чѣмъ со своей метрополіей. Это подало надежду суздальской сторонѣ и въ самомъ Новгородѣ: суздальскій эмигрантъ, вокняжившійся было тамъ, испугался и бѣжалъ изъ города. Съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ поспѣшилъ навстрѣчу Александру Ратша—по всей видимости, тотъ самый, что „службой бранной Святому Невскому служилъ“ и, благодаря своему потомку, извѣстенъ всякому грамотному русскому. Общественное мнѣніе его современниковъ и земляковъ относилось, однако, къ Ратшѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ можно подумать по пушкинской „родословной“: лѣтописецъ презрительно называетъ его „Ратишкой,“ а его „службу“ Невскому весьма реалистически опредѣляетъ, какъ „перевѣтъ“, т.-е. какъ измѣну. Дѣйствительно, подавляющее большинство новгородцевъ съ посадникомъ Онаньемъ во главѣ, твердо рѣшило не уступать Александру Ярославичу. Это большинство лѣтописецъ прямо и опредѣляетъ, какъ „меньшихъ“ людей. „И цѣловали Святую Богородицу меньшіе—встать всѣмъ за правду новгородскую, за свою отчину, жить или умереть съ ней; а у вячьшихъ былъ злой умыселъ—побѣдить меньшихъ, и ввести князя по своей волѣ.“ Но харак-

терно, что „вячьшіе“ могли дѣйствовать только интригой: открыто выступить противъ вѣча у нихъ не хватило духа даже въ виду суздальскихъ полковъ. И предводитель этихъ послѣднихъ вступилъ въ переговоры прямо съ демократическими элементами и ихъ представителемъ. Сошлись на томъ, что мы теперь назвали бы „перемѣной министерства.“ Онанья долженъ былъ уступить мѣсто Михалку Степановичу. Но его не выдали на расправу князю Александру Ярославичу, какъ тотъ требовалъ: и, вообще, кромѣ этой личной перемѣны, вѣче, повидимому, ничѣмъ не поступилось. А Невскій придалъ такое значеніе этой своей побѣдѣ, что занялъ новгородскій столъ самъ, — очевидно, не надѣясь, что его сынъ будетъ обладать достаточнымъ авторитетомъ.

Однихъ разсказанныхъ сейчасъ событій достаточно, чтобы значительно ограничить очень распространенное въ литературѣ мнѣніе о якобы исключительно аристократическомъ строѣ вѣчевыхъ общинъ Пскова и Новгорода. Сливая рядомъ незамѣтныхъ переходовъ патріархальную аристократію X—XI вѣковъ, скрывающихся отъ насъ въ туманной дали „старцевъ градскихъ“, съ „господой“ крупныхъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, правившей Новгородомъ и Псковомъ наканунѣ паденія ихъ независимости, получаютъ ровную и однообразную картину олигархическаго режима, при которомъ народъ на вѣчѣ игралъ роль не то „голосующей скотины“, не то театральныхъ статистовъ. Этотъ народъ оказывается столь смирнымъ и лишеннымъ иниціативы, что даже при выборѣ своихъ вождей въ самую горячую минуту новгородской исторіи считается съ мѣстническими предразсудками туземной знати, позволяя уйти со степени популярному посаднику только, будто бы, потому, что изъ Кіева пріѣхалъ человѣкъ, старше его по мѣстническимъ счетамъ. Если бы это было такъ, то по части аристократическихъ предразсудковъ Новгородъ перещеголялъ бы самое Москву, гдѣ мѣстничество сложилось не раньше XV вѣка, тогда какъ сейчасъ затронутый случай происходилъ въ 1211 году. Но этотъ же случай и даетъ намъ еще одинъ очень наглядный примѣръ того, какъ легко переносятся въ до-московскую Русь московскія точки зрѣнія, ибо новгородскій лѣтописецъ ничего не говоритъ ни о какомъ мѣстническомъ спорѣ подъ этимъ годомъ. Онъ просто констатируетъ смѣну одного посадника другимъ — и приводитъ, по всей видимости, официальную мотивировку этой перемѣны: то, что новый посадникъ былъ „старше“ (вѣроятно, годами старше: между ихъ отцами была разница лѣтъ въ 30)

прежняго. Но контекстъ лѣтописи, предыдущія и послѣдующія записи совершенно опредѣленно вскрываютъ истинную подкладку событія. Въ предыдущемъ году на новгородскій столъ сѣлъ, уже много разъ упоминавшійся, Мстиславъ Мстиславичъ, сѣлъ, отнявъ мѣсто у суздальскаго княжича, а посадникъ Твердиславъ сталъ во главѣ города еще при господствѣ суздальцевъ. Правда, онъ былъ очень популяренъ въ Новгородѣ, но его роль всегда была ролью посредника между вѣчемъ и Суздалемъ, при чемъ иногда онъ больше тяготѣлъ къ Суздалю: нѣсколько лѣтъ спустя его прямо обвиняли въ тайныхъ сношеніяхъ съ суздальскими князьями, за что вѣче и свело его со степени. Для такого рѣшительнаго момента, какимъ были событія 1209 и слѣдующихъ годовъ, такой человѣкъ, очевидно, не годился. И его могли смѣстить даже совершенно независимо отъ того, что князю Мстиславу желательно было имѣть своего посадника, какъ и своего владыку: ибо въ томъ же 1211 году и архіепископъ Митрофанъ былъ замѣненъ Антоніемъ, при чемъ сюда уже никакихъ мѣстническихъ счетовъ подвести невозможно. Твердиславъ Михалковичъ, какъ и можно было ожидать по всей его біографіи, оказался хорошимъ дипломатомъ: онъ не сталъ дѣлать скандала изъ своей отставки, справедливо предугадывая, что, когда пройдетъ горячая минута, безъ него не обойдутся. Владыка Митрофанъ повелъ себя, кажется, иначе,—да и по своему положенію, какъ человѣкъ церковный, лѣтописецъ скорѣе могъ узнать подкладку церковныхъ событій. Оттого перемѣну на архіепископской каѳедрѣ онъ и изобразилъ такой, какова она была на самомъ дѣлѣ—низверженіемъ одного лица въ пользу другого, принадлежавшаго къ противной партіи. А свѣтскую часть переворота онъ записалъ такъ, какъ она была извѣстна широкимъ кругамъ. Вмѣсто иллюстраціи новгородскаго мѣстничества, мы имѣемъ здѣсь, однимъ словомъ, иллюстрацію самогипноза,—въ который впалъ очень, однако, тонкій изслѣдователь. Что въ этой области случалось съ изслѣдователями, менѣе тонкими, показываетъ одно мнѣніе покойнаго Никитскаго: онъ доказательствомъ не-демократическаго устройства Пскова считалъ... слабость княжеской власти *). Судя по этому, торжество демократическаго начала мы должны искать въ Москвѣ Ивана Васильевича Грознаго, ибо уже про это время никакъ нельзя сказать, чтобы тогда „власть князя была низведена почти что до нуля“.

*) Внутренняя исторія Пскова, стр. 179.

На самомъ дѣлѣ, Новгородъ даетъ намъ полную картину той эволюціи, первые этапы которой мы могли изучать въ исторіи Кіева. Патріархальную аристократію смѣнила не олигархія крупныхъ собственниковъ, а демократія „купцовъ“ и „черныхъ людей“—мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, „плебеевъ“, общностью своего плебейскаго міросозерцанія роднившихся съ крестьянствомъ, по отношенію къ которому они въ этотъ моментъ исключительнаго подъема были не столько господами и хозяевами, сколько политическими руководителями, боевымъ и сознательнымъ авангардомъ этой темной массы. Вотъ отчего побѣды городской демократіи и сопровождались льготами для смердовъ: первая завоевала права, вторые пользовались этимъ, чтобы избавиться отъ непосредственнаго матеріальнаго гнета. А въ области правъ завоеванія новгородскаго вѣча падаютъ, главнымъ образомъ, опять-таки на этотъ періодъ. Первая дошедшая до насъ новгородская „конституція“—грамота, по которой цѣловалъ крестъ „ко всему Новгороду“ князь Ярославъ Ярославичъ, братъ Невскаго,—относится къ 1265 году. Но содержаніе ея гораздо старше этого года. Помимо неопредѣленныхъ ссылокъ на „старину и пошлину“, на „отцовъ и дѣдовъ“, въ грамотѣ есть опредѣленное указаніе на отца князя Ярослава—Ярослава Всеволодовича. Историческую цѣнность имѣетъ, конечно, эта послѣдняя, конкретная ссылка. Разговоры о „старинѣ и пошлинѣ“ были такимъ же принятымъ общимъ мѣстомъ, какъ и упоминанія о „волѣ Божьей“ или о „грѣхахъ нашихъ“: то была моральная санкція условій грамоты, а не историческое ихъ обоснованіе. Есть, стало-быть, большое вѣроятіе, что въ основныхъ чертахъ ограниченія княжеской власти, изложенныя въ грамотѣ 1265 года, если не возникли, то оформились въ тотъ самый критическій періодъ новгородской исторіи, около котораго мы все время находимся. Княженіе Ярослава Всеволодовича было для этого самымъ подходящимъ временемъ. Лѣтопись изображаетъ его со всѣми чертами классическаго тирана: заключенія, ссылки, убійства сопровождаютъ каждое появленіе его на сценѣ. Еще въ самомъ началѣ своей карьеры, въ 1216 году, онъ „оковалъ“ и ограбилъ въ Торжкѣ болѣе двухъ тысячъ новгородскихъ гостей, а потомъ, потерпѣвъ пораженіе отъ новгородцевъ, въ припадкѣ безсильной ярости, велѣлъ запереть арестованныхъ въ тѣсный подвалъ, гдѣ большая часть ихъ задохлась. Изъ Новгорода его выгоняли три раза—и три раза онъ туда возвращался. По поводу одного изъ этихъ возвращеній, въ декабрѣ 1230 года, лѣтопись и указываетъ опредѣленно, что тогда

князь Ярославъ на вѣчѣ „цѣловалъ Святую Богородицу на грамотахъ на всѣхъ Ярославлихъ". Новгородскій столъ тогда былъ, видимо, нуженъ этому Іоанну Безземельному въ миніатюрѣ: лѣтописецъ отмѣчаетъ, что приглашеніе было ему послано прійти „на всей волѣ новгородской", и, тѣмъ не менѣе, князь Ярославъ не сталъ медлить—пришелъ „вборзѣ". Разсуждать и торговаться, значитъ, было неудобно—для того же, чтобы занести на бумагу „старину и пошлину" новгородскаго вѣчевого права какъ разъ была подходящая минута—а, принимая во вниманіе личность князя, были и мотивы. Нужно сказать, что для формулировки нѣкоторыхъ основныхъ гарантій были въ 1230 году мотивы и помимо личныхъ. Новгородцы не съ легкимъ сердцемъ позвали опять на столъ дважды ими прогонявшагося князя. Ихъ побудила къ этому лютая нужда: администрація сидѣвшаго до тѣхъ поръ въ Новгородѣ Ростислава Михайловича Черниговскаго усвоила себѣ совершенно разбойничьи пріемы. Дворня посадника Водовика била и даже убивала вождей противной стороны, а дворы ихъ грабила. Главнаго своего противника Водовикъ велѣлъ утопить въ Волховѣ безъ всякаго суда. Событія декабря 1230 года и начались съ мятежа противъ разбойничьей шайки, завладѣвшей управленіемъ въ городѣ. Водовикъ и его товарищи должны были бѣжать въ Черниговъ вмѣстѣ съ Ростиславомъ, именемъ котораго они, повидимому, и дѣйствовали. А оставшіеся въ Новгородѣ хозяевами „молодые мужи", новгородская демократія, естественно спѣшили прежде всего принять мѣры къ тому, чтобы избѣжать рецидива водовиковскаго управленія.

Мы не знаемъ точнаго содержанія той грамоты, по которой цѣловалъ крестъ Ярославъ Всеволодовичъ, но ея основныя черты можно извлечь отчасти изъ того, что сообщаетъ лѣтопись, отчасти изъ позднѣйшихъ грамотъ—1265, 1270, 1305—8 и др. годовъ. Изъ лѣтописи мы знаемъ, что уже въ 1218 году вѣчемъ была отвоевана у князя несмѣняемость выборныхъ городскихъ властей—иначе какъ „за вину", т.-е. по суду. Въ этомъ году занимавшій тогда новгородскій столъ Святославъ Ростиславичъ Смоленскій вздумалъ смѣстить посадника, уже знакомаго намъ Твердислава: при всей своей гибкости и оппортунизмѣ, тотъ все же, повидимому, отказывался быть вполнѣ послушнымъ орудіемъ княжеской воли. Любопытно, что смоленскому князю и въ голову не пришло произвести перемѣну самочинно, безъ вѣдома вѣча: до того древне-русскій князь привыкъ къ мысли, что хозяинъ

въ городѣ есть вѣче и безъ него ничего дѣлать нельзя. Споръ шелъ не объ этомъ и не въ этомъ его интересъ. Но того, чѣмъ, можетъ-быть, удовлетворился бы какой-нибудь южный городъ, въ Новгородѣ было мало. Вѣче спросило княжескаго посланнаго: „А чѣмъ провинился Твердиславъ“? И, узнавъ, что князь никакой вины за нимъ не числитъ, а просто считаетъ его для себя неудобнымъ, вѣче отказалось даже входить въ разсмотрѣніе вопроса, напомнивъ только князю новгородское правило, что безъ вины никого должности лишить нельзя и что на этомъ самъ князь цѣловалъ крестъ Новгороду. Святославъ, повидимому, подчинился безъ спора—„и бысть миръ“, заканчиваетъ лѣтописецъ разсказъ объ этомъ эпизодѣ, немедленно послѣ изложенія отповѣди новгородцевъ князю и не сообщая отвѣта этого послѣдняго. Вѣроятно, онъ ничего не отвѣтилъ, молчаливо признавъ, что для него новгородскія должностныя лица, дѣйствительно, несмѣняемы: для него, но не для вѣча, которое и раньше и послѣ нисколько не стѣснялось силою прогонять и посадниковъ, и самихъ князей, если они ему не были угодны. Дошедшія до насъ договорныя грамоты, стереотипно воспроизводя это правило, въ то же время, своими деталями раскрываютъ передъ нами весь его смыслъ. Новгородскихъ должностныхъ лицъ князь смѣщать не могъ, но безъ ихъ посредства онъ шага ступить точно такъ же не могъ. Безъ посадника онъ не могъ ни раздавать волостей, ни судить, ни давать грамоты. Попытку дѣйствовать въ этихъ случаяхъ самолично одинъ изъ договоровъ выразительно опредѣляетъ, какъ самосудъ: „а самосудъ ти, княже, не замышляти“. Во всемъ, кромѣ своей спеціальной, военной, функціи, новгородскій князь „царствовалъ, но не управлялъ“: управляло „министерство“, отвѣтственное передъ самодержавнымъ народомъ, посадникъ и тысяцкій, выбиравшіеся и смѣщавшіеся вѣчемъ.

Такъ какъ и областное управленіе было все въ рукахъ уполномоченныхъ городской общины („...что волостей всѣхъ новгородскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи новгородскими...“), а, съ другой стороны, князь лишенъ былъ возможности сдѣлаться и крупной силой въ мѣстномъ феодальномъ обществѣ—покупать земли въ новгородской области не могъ не только онъ, но и его жена, и бояре,—то всѣ способы вмѣшательства во внутреннюю жизнь Новгорода были для него закрыты. Та эксплуатація своей земли, „яко чужую волость творяче“, примѣръ которой подалъ Андрей Юрьевичъ, тутъ была совершенно немыслима.

Недаромъ князья долго не могли освоиться съ этими порядками, и въ первую половину XIII вѣка мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ примѣры добровольнаго очищенія княжескаго стола, не только безъ всякаго давленія со стороны вѣча, но даже прямо противъ его желанія. Самъ Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, при всей своей популярности, два раза имѣлъ случай напомнить новгородцамъ, что они „въ князьяхъ вольны", а что у него и на югѣ дѣла достаточно. И подъ конецъ такъ и ушелъ отъ нихъ окончательно. А въ 1222 году князь Всеволодъ Юрьевичъ Суздальскій бѣжалъ изъ Новгорода ночью, тайкомъ, со всѣмъ дворомъ своимъ. „Новгородцы же печалились объ этомъ", наивно прибавляетъ лѣтописецъ, видимо недоумѣвая, чего же этому князю было нужно? Но князья это, конечно, хорошо понимали, и подъ конецъ приспособились къ новымъ порядкамъ тѣмъ, что перестали вовсе жить въ Новгородѣ, держа тамъ намѣстниковъ, а сами наѣзжая лишь время отъ времени. Благодаря этому хроническому отсутствію князя, предпочитавшаго сидѣть на своемъ родовомъ удѣлѣ, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, отношенія вѣчевой общины къ своему „господину" („государемъ" новгородцы отказывались называть своего князя,—государь въ древней Руси былъ у холопа, а новгородцы были люди вольные) принимали весьма своеобразный характеръ. Читая договорныя грамоты Новгорода съ князьями, иногда можно подумать, что читаешь документъ изъ области международныхъ отношеній—такъ четко проведена линія, отдѣляющая носителя власти отъ подвластныхъ, и такимъ чужимъ выступаетъ передъ нами князь по отношенію къ Новгороду.

Нормы государственнаго права, установившіяся въ Новгородѣ около первой половины XIII вѣка, означали собою прежде всего полный разрывъ съ патріархальной традиціей, и въ этомъ ихъ не только мѣстно-новгородское, но общерусское значеніе. Патріархальная идеологія не знала различія между хозяиномъ и государемъ, правомъ собственности и государственной властью: въ новгородскихъ договорахъ съ князьями это различіе проводится такъ рѣзко, какъ едва ли встрѣтится намъ на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи русской исторіи. Новгородъ принималъ всѣ мѣры, чтобы князь не могъ стать собственникомъ ни пяди новгородской земли, ни одного новгородскаго человѣка. Ни онъ, ни его жена, ни его бояре не могли покупать селъ въ Новгородѣ, а купленное должны были вернуть. Ни самъ князь и никто изъ его людей не могъ принимать закладниковъ въ новгородской

землѣ—„ни смерда, ни купчины.“ Торговать съ нѣмцами онъ могъ только черезъ посредство новгородцевъ. Если ему предоставлялась какая-нибудь привилегія, предѣлы ея точно оговаривались. Такъ, онъ могъ ѣздить на Ладогу ловить рыбу, но только разъ въ три года. Могъ ѣздить на охоту въ Русу, но только осенью, а не лѣтомъ. Имѣлъ исключительное право бить дикихъ свиней, но только не далѣе шестидесяти верстъ отъ города, дальше „гонити свиней“ могъ всякій новгородецъ. Словомъ, у новгородскаго князя не было никакого повода счесть себя „хозяиномъ“ новгородской земли. Употребляя древне-римское выраженіе, новгородскій князь былъ первымъ магистратомъ республики и, повидимому, такъ это и понималось общественнымъ мнѣніемъ Новгорода. Недаромъ лѣтописецъ вкладываетъ въ уста Твердислава Михалковича, въ извѣстномъ уже намъ спорѣ, такую фразу: „а вы, братья, вольны и въ посадникахъ, и въ князьяхъ.“ Между княземъ и посадникомъ не было различія по существу: и тотъ, и другой пользовались властью только по полномочію города, и до тѣхъ поръ, пока городъ сохранялъ за ними это полномочіе.

Это крушеніе патріархальной идеологіи само собою уже предполагаетъ крушеніе патріархальнаго общественнаго строя, какъ предшествующее. То, что въ Кіевѣ намѣтилось въ первой четверти XII вѣка, въ Новгородѣ, вѣроятно, стало обозначаться еще раньше. Къ XIII вѣку вывѣтриваніе родовой знати и выступленіе на первый планъ мелкихъ неродовитыхъ людей, не только въ моментъ кризисовъ, но вообще, въ повседневной жизни, даетъ себя чувствовать въ цѣломъ рядѣ мелочей. Сообщая о потеряхъ Новгорода въ той или другой битвѣ, лѣтопись называетъ по имени нѣкоторыхъ убитыхъ—очевидно, людей болѣе извѣстныхъ, утрата которыхъ сильно чувствовалась. Среди этихъ видныхъ людей мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ простыхъ ремесленниковъ—котельниковъ, щитниковъ, „опонниковъ“, серебренниковъ, сына кожевника, „поповича“. Въ 1228 году, когда „простая чадь“ низвергла владыку Арсенія и привела обратно изъ Хутынскаго монастыря низверженнаго суздальцами Антонія, во владычень судъ посадили двухъ мужей: одного лѣтопись называетъ по имени и отчеству, а другого, Никифора, только по имени—и былъ онъ оружейный мастеръ, щитникъ. За четыре года раньше, требуя выдачи ему вождей новгородской оппозиціи, суздальскій князь Юрій Всеволодовичъ лишь четырехъ изъ нихъ удостаиваетъ назвать по отчеству,— остальные обозначены уменьшительными именами: Вячка, Иванца, Радки. Вѣче

однако же и этихъ мелкихъ людей отказалось выдать, какъ и болѣе крупныхъ. А въ 1230 году знакомый уже намъ братъ Юрія, Ярославъ Всеволодовичъ, „поцѣловавъ святую Богородицу на грамотахъ всѣхъ Ярославлихъ“ и уѣзжая къ себѣ домой въ Переяславль, „поя съ собою мужи новгородскіе молодшіе“; надобно думать, что это были опять вожди той стороны, которая посадила Ярослава на столъ. Люди „съ отечествомъ“ теперь перестаютъ выдѣляться изъ общей массы—и правило новгородской судной грамоты „судити всѣхъ ровно какъ боярина, такъ и житьяго, такъ и молодчего человѣка“—сложилось, вѣроятно, гораздо ранѣе XV вѣка, отъ котораго оно до насъ дошло. Скорѣе, напротивъ, наканунѣ паденія новгородской самостоятельности оно звучало уже анахронизмомъ. Ибо къ этому времени аристократію породы давно смѣнила другая знать—аристократія денегъ.

Что демократія мелкихъ торговцевъ и мелкихъ самостоятельныхъ производителей, при грандіозномъ для своего времени развитіи торговаго капитализма, можетъ быть лишь переходной ступенью, что, мало того—„черные люди“ должны послужить лишь тараномъ, при помощи котораго буржуазія торговаго капитала сокрушала родовую знать, все это нетрудно предугадать, зная, благодаря чему Новгородъ пережилъ „Матерь городовъ русскихъ“ и всѣхъ другихъ своихъ сверстниковъ. Ремесленники могли остаться хозяевами въ промышленномъ центрѣ,—какова была, напримѣръ, Флоренція XIII—XIV вѣковъ, но какимъ Новгородъ никогда не былъ. Оптовая торговля съ Западомъ, обширныя колоніальныя предпріятія обусловливали сосредоточеніе капиталовъ въ немногихъ рукахъ; а масса „купцовъ“, сохранившая за собой внутренній сбытъ, развозку заграничныхъ товаровъ по остальной Россіи, не замедлила попасть въ кабалу къ тѣмъ, отъ кого они получали свои товары, и безъ чьего посредничества они не могли обойтись. Они и образовали промежуточный классъ между общественными низами и верхушкой новгородскаго общества, состоявшей теперь не изъ одного „боярства“, не изъ одной феодальной знати, а изъ боярства и буржуазіи, „житьихъ людей“. Такъ, прежняя группировка общественныхъ элементовъ, какую мы застаемъ въ первыхъ договорныхъ грамотахъ съ князьями XIII вѣка, раздѣлявшая „весь Новгородъ“ на старѣйшихъ и меньшихъ, замѣнилась болѣе сложной группировкой грамотъ XV столѣтія, на бояръ, житьихъ, купцовъ и черныхъ людей. Тѣ, кто за двѣсти лѣтъ раньше стоялъ во главѣ города и распоряжался его

судьбами, были оттѣснены теперь на послѣднее мѣсто въ ряду составныхъ частей самодержавнаго вѣча. И это отнюдь не была только „потерька“ чести новгородской демократіи, употребляя мѣстническое выраженіе: это было вполнѣ реальное умаленіе ея власти. Въ числѣ многихъ любопытныхъ особенностей новгородской судной грамоты, составленной около 1440 года, есть одна, давно замѣченная, но нѣсколько односторонне толкуемая историками. „А истцу на истца наводки не наводить“, говоритъ грамота: „ни на посадника, ни на тысяцкаго, ни на владычняго намѣстника, ни на иныхъ судей...“ Объясненіемъ, что такое эта „наводка“, служитъ послѣднее дошедшее до насъ постановленіе грамоты, обрывающейся на полусловѣ. Это постановленіе гласитъ, что на судѣ должны присутствовать въ качествѣ пособниковъ тяжущихся сторонъ лишь по два человѣка „отъ конца, или отъ улицы, или отъ сотни, или отъ ряду“. „А будетъ наводка отъ конца, или отъ улицы, или отъ сотни, или отъ ряду“—эти два человѣка чѣмъ-то отвѣчаютъ: чѣмъ, не ясно, ибо конецъ грамоты утраченъ. Но смыслъ совершенно ясенъ и, съ точки зрѣнія современнаго полицейскаго порядка, вполнѣ точно формулированъ однимъ изъ издателей новгородской судной грамоты. Слова „наводки не наводить“ проф. Владимірскій-Будановъ комментируетъ такъ: „т.-е. не возбуждать народныхъ массъ къ нападенію на судъ или противную сторону“. Тутъ только слишкомъ сильно слово „нападеніе“: изъ послѣднихъ словъ грамоты ясно, что простое появленіе на судъ „народныхъ массъ“ въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ уже считалось правонарушеніемъ. Если придутъ больше, нежели два человѣка, это уже „наводка“: „а инымъ на пособье не итти“... говоритъ грамота. Съ точки зрѣнія внѣшняго порядка то былъ, конечно, прогрессъ: судъ теперь производился не передъ лицомъ шумнаго кончанскаго или улицкаго вѣча, вмѣшивавшагося въ „отправленіе правосудія“, не всегда стѣсняясь буквой закона и слишкомъ часто руководясь своими элементарными представленіями о томъ, что справедливо и несправедливо. Для упорядоченнаго буржуазнаго общежитія это, конечно, не годилось. Теперь судъ производился въ обстановкѣ, вполнѣ гарантировавшей хладнокровіе судей, почти при закрытыхъ дверяхъ уже въ первой инстанціи, и буквально при закрытыхъ во второй, гдѣ окончательно рѣшалось дѣло. Эта вторая инстанція носила въ Новгородѣ названіе „доклада“: „а докладу быть во владычней комнатѣ“, говоритъ новгородская судная грамота, „а у докладу быть изъ конца по боярину, да по житьему,

да кои люди въ судѣ сидѣли, да приставамъ; а иному никому у доклада не быть". „Здѣсь какъ бы весь Новгородъ въ лицѣ немногихъ представителей", замѣчаетъ другой комментаторъ нашего памятника, забывая только упомянуть, что эти „немногіе" взяты исключительно изъ рядовъ крупныхъ землевладѣльцевъ и зажиточныхъ буржуа, а „народъ", представленный въ первой инстанціи въ гомеопатическихъ размѣрахъ, теперь уже вовсе стушевывается гдѣ-то на послѣднемъ планѣ. И, переходя отъ формальной, процессуальной стороны того же памятника новгородскаго законодательства къ его матеріальному содержанію, мы легко поймемъ, почему боярству и буржуазіи такъ важно было сосредоточить окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ въ своихъ рукахъ, и подальше держать отъ суда народъ. Ничѣмъ такъ много не занимается „грамота", какъ земельными тяжбами: три раза возвращается она къ этому сюжету, отводя ему въ общей сложности не меньше четверти всего дошедшаго до насъ текста. Процессъ о землѣ обставленъ особыми льготами: съ него не берется судебныхъ пошлинъ („...а отъ земли судьи кунъ не взяти..."), для него установленъ льготный срокъ—два мѣсяца, тогда какъ для остальныхъ процессовъ срокъ установленъ мѣсячный. Заботливо охраняются права землевладѣльца, если онъ завладѣлъ землею даже и не безъ нѣкотораго нарушенія формальностей: судъ о землѣ отдѣленъ отъ суда о „наѣздѣ и грабежѣ", при чемъ послѣдніе караются только штрафомъ. Одержавшій побѣду въ земельной тяжбѣ могъ немедленно вступить въ обладаніе отвоеваннымъ имъ „селомъ", не боясь „пени" за сопутствовавшія дѣлу обстоятельства: о нихъ разговоръ шелъ особо. Любопытно, что въ качествѣ землевладѣльцевъ грамота знаетъ только верхній слой новгородскаго общества: „а цѣловать (крестъ) боярину, и житьему, и купцу, какъ за свою землю, такъ и за женину". Чтобы пришлось цѣловать крестъ кому-нибудь пониже купца, этого кодификаторамъ новгородскаго права не приходило въ голову. Эти статьи новгородской судной грамоты представляютъ собою великолѣпный юридическій комментарій къ тому, что говоритъ о судьбахъ новгородскаго землевладѣнія уже не разъ цитированный нами историкъ новгородскаго хозяйства. „Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному уже въ самыхъ своихъ зачаткахъ не остался безъ нѣкотораго вліянія на характеръ экономическаго быта Великаго Новгорода. Повидимому, ему должно быть приписано прежде всего окончательное сосредоточеніе въ рукахъ немногихъ новгородской

поземельной собственности. Ударъ разразился прежде всего надъ мелкой поземельной собственностью. Располагая богатѣйшими средствами, крупные землевладѣльцы, естественно, могли больше льготить крестьянъ, чѣмъ мелкіе, и этимъ путемъ подрывать послѣднихъ. Упадокъ мелкихъ землевладѣльцевъ или, такъ называемыхъ, своеземцевъ, всего лучше виденъ изъ того факта, что въ ближайшихъ къ Новгороду погостахъ къ концу XV столѣтія этотъ классъ поземельныхъ собственниковъ имѣлъ уже весьма ничтожное число представителей. Въ значительномъ же количествѣ онъ сохранялся только въ краяхъ, куда не проникало еще въ сильной степени крупное землевладѣніе. Такими краями были сѣверныя части новгородскихъ пятинъ, какъ, напримѣръ, погосты: Городенскій, Куйвошскій, Корбосельскій, Кельтушскій и другіе, занимавшіе сѣверъ Вотской пятины" *). И параллельно съ тѣмъ, какъ земля уходила изъ рукъ мелкаго собственника въ деревнѣ, самъ онъ, какъ и его городской собратъ, становился во все большую зависимость отъ сильныхъ людей. Читая ту же новгородскую судную грамоту, можно подумать, что зависимые люди составляли даже большинство населенія Новгорода. „А кому будетъ дѣло до владычняго человѣка, или до боярьскаго, или до житейскаго, или до купетцкаго, или до монастырскаго, или до кончанскаго, или до улицкаго... а боярину, и житьему, и купцу, и монастырскому заказщику, и посельнику, и кончанскому, и улицкому... своихъ людей ставить у суда". Тутъ не разберешь даже, что же эти „кончанскій и улицкій", по крайней мѣрѣ, свободные люди или нѣтъ? А относительно первыхъ перечисленныхъ категорій сомнѣній быть не можетъ: у этихъ людей былъ „осподарь", который и долженъ былъ поставить ихъ „у суда", и безъ котораго судить зависимаго человѣка было нельзя. Такъ феодализмъ, внѣшнимъ образомъ надвигавшійся на Новгородъ изъ Москвы, подготовлялся внутренней эволюціей самого новгородскаго общества, искусственно возстановлявшаго у себя тѣ черты патріархальной старины, которыя въ московско-суздальской землѣ держались еще естественнымъ путемъ. Тотъ же авторъ отмѣчаетъ, что „по мѣрѣ движенія исторической жизни впередъ, въ Новгородѣ, противъ ожиданія (!) замѣчаются слѣды нѣкотораго, хотя, нужно признаться, весьма слабаго закрѣпленія крестьянъ" *). Этого, наоборотъ, нужно было

*) Никитскій, Цит. сочин., стр. 191—192.
**) Ibid., стр. 193.

ожидать: вторичная форма крѣпостного права, державшаяся не на патріархальной, а на экономической зависимости, въ XV вѣкѣ была будущимъ для Москвы, а для Новгорода становилась уже настоящимъ. И тамъ, и тутъ переходъ къ денежному хозяйству былъ, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, ближайшей причиной явленія.

Соціальное господство имущихъ классовъ въ послѣдніе два вѣка новгородской исторіи нашло себѣ политическое выраженіе въ такъ называемомъ „правительственномъ совѣтѣ", „совѣтѣ господъ," или просто „господѣ". Новгородскій князь, какъ и всякій другой, совѣщался въ важныхъ случаяхъ со своими боярами,—при немъ была своя боярская дума. Уже въ XII вѣкѣ, при князѣ Всеволодѣ Мстиславичѣ, въ составѣ этой княжеской думы на ряду съ боярами, пришедшими въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ и составлявшими верхній слой его „двора", встрѣчаются также выборныя новгородскія власти: десять сотскихъ, староста и биричъ. Ни посадника, ни тысяцкаго мы здѣсь не встрѣчаемъ, хотя посадники навѣрное уже въ это время были выборными (обычно считаютъ первымъ избраннымъ посадникомъ Мирослава Гюрятинича, упоминаемаго лѣтописью подъ 1126 годомъ). Это отсутствіе въ составѣ думы новгородскаго „министерства" весьма характерно: очевидно, дума была не новгородскимъ правительствомъ, исполнительной властью, а чѣмъ-то инымъ. Впослѣдствіи, когда княжеская власть была окончательно оттѣснена на задній планъ, посадникъ съ тысяцкимъ заступили отчасти мѣсто князя: они стали созывать совѣтъ, а предсѣдательствовалъ въ немъ владыка. Княжескіе бояре ушли оттуда вмѣстѣ съ княземъ: въ концѣ XIII вѣка они еще присутствуютъ въ совѣтѣ наравнѣ съ выборными новгородскими властями, въ XV мы находимъ тамъ уже одного лишь княжескаго намѣстника. Но всего любопытнѣе метаморфоза, происшедшая съ этими выборными властями. Десять сотскихъ, представлявшихъ собою вооруженный городъ, собиравшійся на вѣчѣ, смѣнились пятью старостами отъ пяти новгородскихъ концовъ. Мы очень ошиблись бы, если бы сочли эти послѣдніе только административными округами, на которые дѣлился городъ. Просматривая лѣтопись, вы видите, что „концы" были политическими единицами — и политическая жизнь Новгорода сосредоточивалась именно въ нихъ. На общегородскомъ вѣчѣ каждый конецъ выступалъ какъ сплоченное цѣлое—вѣче было совѣщаніемъ не столько отдѣльныхъ новгородцевъ, сколько пяти общинъ, союзъ которыхъ

и составлялъ „Великій Новгородъ“. Во время волненій 1218 года, вызванныхъ политической неустойчивостью Твердислава Михалковича, мы присутствуемъ при формальномъ междоусобіи концовъ: Неревскій конецъ былъ противъ посадника, а Людинъ за него. Въ 1359 году мы имѣемъ даже нѣчто вродѣ государственнаго переворота, затѣяннаго однимъ концомъ противъ всѣхъ другихъ: славенскій конецъ хотѣлъ поставить во что бы то ни стало своего посадника, и, явившись на вѣче въ доспѣхахъ, учинилъ ту „проторжь“, о которой мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Кончанскій староста, такимъ образомъ, вовсе не былъ только мэромъ одного изъ городскихъ округовъ: это былъ политическій вождь своего конца, представитель тѣхъ общественныхъ силъ, которыя въ немъ господствовали. А совѣтъ такихъ старостъ представлялъ собою господствующій классъ всего Новгорода. Совѣщаніе кончанской знати—къ старостамъ присоединялись и другія почетныя лица концовъ, на первомъ мѣстѣ бывшіе посадники и тысяцкіе—устраняло ту открытую борьбу за власть на вѣчѣ, которая подавала поводъ къ такимъ событіямъ, какъ имѣвшія мѣсто въ 1359 году. Порядка было больше—отсутствіе народной толпы при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ управленія, какъ и на судѣ, представляло большое практическое удобство. Но когда дѣло можно было рѣшить запершись, въ компаніи 20 или 30 человѣкъ, отъ демократіи оставалась только вывѣска. Между тѣмъ мы видимъ, что къ послѣднимъ годамъ жизни Новгорода совѣтъ все рѣшительнѣе захватываетъ права вѣча. Прежде всего, конечно, въ вопросахъ, которые „толпа“ плохо понимала: уже въ XIV вѣкѣ иностранныя сношенія были всецѣло въ рукахъ „господъ“—нѣмецкіе купцы въ своихъ столкновеніяхъ съ Новгородомъ никого иного не видятъ; они и оставили намъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ учрежденіи. Новгородская судная грамота показываетъ намъ, какъ въ руки кончанской аристократіи перешелъ и высшій судъ. Совѣтъ давалъ жалованныя грамоты на земли и воды, руководилъ общественными постройками, участвовалъ въ выборахъ правительственныхъ лицъ, распоряжался военными дѣйствіями. Послѣдній официальный актъ вольнаго Новгорода—грамота, по которой новгородцы обязались всѣ за одинъ стоять противъ Ивана Васильевича, скрѣплена 58 печатями членовъ совѣта—которые въ этотъ заключительный моментъ своей дѣятельности выступили, какъ настоящіе представители всего города. По составу, это было, повидимому, одно изъ самыхъ

полныхъ собраній „господъ“. Но нѣмецкіе источники знаютъ случаи, когда рамки собранія еще болѣе расширялись, и притомъ необычайно характернымъ образомъ: одинъ документъ упоминаетъ о 300 „золотыхъ поясахъ“. Здѣсь было все, что было побогаче въ Новгородѣ: а новгородскій совѣтъ и представлялъ именно богатство, а не „отечество,“ какъ позднѣйшая боярская дума московскихъ царей.

Какъ отвѣчала на возникновеніе этой новой олигархіи новгородская масса? Въ обстановкѣ промышленнаго центра подобное явленіе, знакомое не одному Новгороду, вызвало бы, вѣроятно, возстаніе „соціалистическаго“ характера—употребляя слово „соціализмъ“ въ томъ широкомъ и туманномъ его значеніи, въ какомъ примѣняла его буржуазная литература прошлаго вѣка. Таковъ былъ во Флоренціи XIV вѣка „бунтъ оборванцевъ“ (Tumulto dei Ciompi). Но Новгородъ былъ городомъ не ремесленниковъ, а купцовъ — и въ немъ соціальное движеніе приняло очень своеобразный характеръ: возстанія должниковъ противъ кредиторовъ. Такой именно характеръ носили, повидимому, волненія 1418 года, подробно описанныя лѣтописью и послужившія позднѣйшей литературѣ образцомъ „буйнаго новгородскаго вѣча“ вообще. Они во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ, какого напряженія достигла ненависть угнетенныхъ къ угнетателямъ уже за полстолѣтія до паденія новгородской самостоятельности. Дѣло началось съ того, что „нѣкій человѣкъ“—лѣтопись называетъ его уменьшительнымъ именемъ „Степанко“, безъ отчества, отмѣчая тѣмъ его плебейское происхожденіе—напалъ на улицѣ на боярина Данила Ивановича, Божина внука, и сталъ созывать толпу, крича: „господа! *) помогите мнѣ противъ этого злодѣя!“ Вмѣсто того, чтобы схватить буяна, сбѣжавшіеся сосѣди схватили боярина и потащили его на вѣче,—а тамъ „казнивши его ранами близъ смерти,“ сбросили его съ моста въ Волховъ. Лѣтописецъ ни слова не говоритъ намъ о репутаціи Данила Ивановича, Божина внука, но ходъ событій достаточно обрисовываетъ эту послѣднюю. Какъ велико было негодованіе народной толпы, показываетъ продолженіе исторіи: когда одинъ рыбакъ, выловивъ боярина изъ Волхова, взялъ его въ свой челнокъ, новгородцы бросились на домъ этого рыбака и разграбили его. Спасшійся изъ воды бояринъ въ первую минуту, очевидно, ничего не могъ предпринять про-

*) Господа („Господо“) или господа и братья—обычная форма обращенія къ народу въ Новгородѣ, обращался ли посадникъ къ вѣчу или частное лицо къ уличной толпѣ.

тивъ своихъ враговъ. Но дождавшись, когда вѣче разошлось, онъ велѣлъ схватить Степанка и началъ его „мучить“. Волненіе, однако, далеко не улеглось, какъ думалъ, повидимому, боярinъ, а извѣстіе объ арестѣ Степанка подлило масла въ огонь. Тотчасъ звонили опять вѣче на Ярославовомъ дворѣ, —тоже повторялось и въ слѣдующіе дни: „и собиралось людей множество, кричали и вопіяли много дней: пойдемъ на того боярина и разграбимъ его домъ!“ Агитація противъ Данила Ивановича перешла мало-по-малу въ агитацію противъ бояръ вообще, и толпа сторонниковъ Степанка, „придя въ доспѣхахъ со стягомъ“ на Кузьмодемьянскую улицу, разграбила тамъ не только домъ непосредственнаго виновника, но и „иныхъ дворовъ много,“ а также и на сосѣдней Яневой улицѣ: все это было въ самомъ аристократическомъ кварталѣ Новгорода. Неожиданное народное возстаніе навело сначала паническій ужасъ на бояръ. Кузьмодемьянцы бросились къ архіепископу и молили его о вмѣшательствѣ. Въ доказательство своей покорности вѣчу они привели къ владыкѣ и Степанка, котораго архіепископъ отослалъ къ „собранію людскому“, въ сопровожденіи одного священника и владычняго боярина. Вѣче приняло посольство и Степанка, но это не остановило погрома. Грабили не только боярскіе дворы, перейдя съ Кузьмодемьянской и Яневой улицъ на Чудинцеву и на Людогощу, но и монастыри, служившіе боярамъ кладовыми; случилось значитъ, то, чего только боялись въ Кіевѣ во время возстанія 1113 года. Нападеніе на главное гнѣздо новгородскаго боярства, Прусскую улицу было, однако, отбито: здѣсь успѣли приготовиться къ оборонѣ. Это было исходнымъ моментомъ реакціи; возставшіе были оттѣснены на Торговую сторону—болѣе демократическую, и которая вся въ цѣломъ стала за Степанка и его друзей. Скоро въ оборонительномъ положеніи оказалась уже Торговая сторона, а центромъ сраженія сдѣлался мостъ черезъ Волховъ: здѣсь свистѣли стрѣлы, звенѣло оружіе, падали убитые, „какъ на войнѣ“. Но, повидимому, болѣе благоразумная часть боярства стояла за то, чтобы не обострять дѣла. „Христоименитое людство,“ „люди богобоязливые“ уговорили владыку пойти на мостъ крестнымъ ходомъ и раздѣлить сражающихся. Вслѣдъ за владыкой на мосту появился и боярскій совѣтъ. На Ярославовъ дворъ опять было отправлено владычнее посольство, которое на этотъ разъ имѣло больше успѣха: вѣче разошлось „и бысть тишина въ градѣ.“ Такой исходъ, несомнѣнно, былъ подготовленъ уже предыдущими перегово-

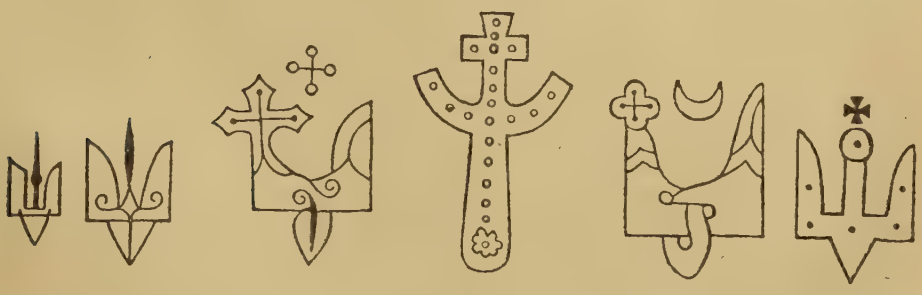
рами—это видно изъ того, что посланные архіепископа уже нашли на Ярославовомъ дворѣ степенныхъ посадника и тысяцкаго, которые, конечно, не были руководителями того „собранія людского", что громило боярскіе дворы. Появленіе владыки на мосту было, въ сущности, офиціальной церемоніей: конецъ усобицы положило желаніе боярства использовать достигнутый успѣхъ, не рискуя новой схваткой, которая могла кончиться и не въ его пользу.

Въ соціальныя отношенія эта вспышка никакой перемѣны не внесла и не могла внести: купечество Торговой стороны не могло обойтись безъ боярскихъ капиталовъ. Но такъ какъ боярству такіе взрывы не могли быть выгодны, оно заботливо канализировало накоплявшуюся въ народныхъ массахъ энергію. „Политика отвлеченія" была такъ же хорошо знакома позднѣйшему крупно-капиталистическому Новгороду, какъ и многимъ другимъ странамъ въ аналогичныя эпохи. Одновременно съ тѣмъ, какъ падаетъ политическое значеніе народной массы, мы все чаще и чаще слышимъ о колоніальныхъ предпріятіяхъ того единственнаго типа, который былъ знакомъ древней Руси: грабительскихъ походахъ на окраины, заселенныя инородцами, а иногда и на сосѣднія русскія земли. Въ послѣднемъ случаѣ, обыкновенно, соблюдали приличія, и дѣло принимало характеръ частной антрепризы—Новгородъ, какъ государство, оставался въ сторонѣ. Лѣтопись точно различаетъ эти два типа „колоніальныхъ войнъ". „Ходиша изъ Заволочья войною на Мурманъ (норвежцевъ), новгородскимъ повелѣніемъ, а воевода Яковъ Степановичъ посадникъ Двинскій", читаемъ мы подъ 1411 годомъ; а подъ 1366: „Ѣздиша изъ Новаграда люди молодые на Волгу, безъ новгородьчкаго слова; а воеводою Есифъ Валъфромѣевичъ, Василій Федоровичъ, Олександръ Обакуновичъ"... Мы ясно видимъ, что и тамъ, и тутъ были правильно организованныя экспедиціи—и тамъ, и тутъ во главѣ стояли настоящіе „воеводы", а не какіе-нибудь атаманы разбойниковъ, и воеводы эти въ обоихъ случаяхъ принадлежали къ новгородской знати. Но первая была направлена противъ иноземцевъ, это былъ легальный случай изъ области международныхъ отношеній, а по поводу второй пришлось имѣть объясненіе съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, и новгородскія власти желали себя оградить отъ отвѣтственности. Желаніе, впрочемъ, было тщетнымъ: московскій великій князь интересовался сущностью дѣла, а не его юридической оболочкой, и корректность правившаго Новгородомъ боярскаго совѣта ни-

сколько не помѣшала тому, что Дмитрій Ивановичъ „разверже миръ съ новгородци". Двадцать лѣтъ спустя за такую же экспедицію Новгородъ поплатился восемью тысячами рублей контрибуціи. Но зато „люди молодые" находили себѣ иное занятіе, чѣмъ громить боярскіе дворы, и никакая контрибуція не могла заставить новгородское боярство отказаться отъ столь выгодной для него политики. Но бывали, однако, случаи, когда два теченія сливались—и колоніальная экспедиція становилась сама орудіемъ соціальной борьбы. Въ 1342 году Лука Варѳоломѣевъ, видный новгородскій бояринъ, ѣздившій когда-то посломъ къ Ивану Даниловичу Калитѣ, „не послушавъ Новаграда, митрополичьяго благословенія и владычняго", собралъ „холоповъ сбоевъ" и отправился съ ними ставить города по Двинѣ. Надо имѣть въ виду, что Двина и все Заволочье были въ рукахъ крупнѣйшихъ новгородскихъ капиталистовъ: вся рѣка Вага, напр., принадлежала одной фамиліи, Своеземцевымъ, родоначальникъ которой купилъ ее въ въ 1315 году у мѣстной „чуди" за 20.000 бѣлокъ и 10 рублей. Уже одно появленіе здѣсь новаго колонизатора съ его болѣе, нежели демократической дружиной, должно было создать очень острыя отношенія, а Лука Варѳоломѣевичъ, вдобавокъ, велъ себя въ Заволочьѣ, какъ настоящій конквистадоръ, и вооруженной рукой заставилъ себя слушаться всѣ двинскіе погосты. Повидимому, считая свое положеніе здѣсь уже достаточно прочнымъ, онъ отправилъ большую часть своихъ силъ на Волгу, для новой экспедиціи, оставивъ у себя только двѣсти человѣкъ. Этимъ воспользовались его заволоцкіе враги; Лука былъ разбитъ въ одной схваткѣ и убитъ. Когда вѣсть о его смерти пришла въ Новгородъ, „встали черные люди на посадника Федора Даниловича, говоря, что это онъ послалъ убить Луку", и началась уже знакомая намъ картина боярскаго погрома. Посадникъ со своими сторонниками бѣжалъ въ Копорье и тамъ просидѣлъ всю зиму, до великаго поста. Но дѣло этимъ не кончилось. Вернувшійся изъ волжской экспедиціи сынъ убитаго, Онцифоръ Лукичъ, поднялъ формальное обвиненіе противъ Федора Даниловича—въ убійствѣ Луки. Бояре и тутъ смалодушествовали, выдали посадника, но онъ, не совсѣмъ понятнымъ для насъ образомъ, нашелъ поддержку на Торговой сторонѣ: вѣроятно, купцы, заинтересованные въ хорошихъ отношеніяхъ Новгорода съ низовскими землями, не особенно благосклонно отнеслись къ подвигамъ Онцифора на Волгѣ. Бѣжать, въ концѣ-концовъ, пришлось Онцифору: но это не было концомъ его

карьеры вообще. Шесть лѣтъ спустя мы встрѣчаемъ его воеводой противъ шведовъ, а еще черезъ шесть лѣтъ—степеннымъ посадникомъ.

Эта яркая картина изъ исторіи новгородскаго „имперіализма“ ясно показываетъ намъ, куда новгородская крупная буржуазія отводила вниманіе народной массы, гдѣ она сулила „чернымъ людямъ“ эквивалентъ за все болѣе и болѣе утрачивавшуюся ими политическую самостоятельность. Но иной разъ „чернымъ людямъ“ приходилось такъ туго, что никакой имперіализмъ, никакіе миражи колоніальныхъ завоеваній не помогали—и „молодшіе“ начинали искать управы на „старѣйшихъ“ поближе. То, куда они обращали при этомъ взоры, было зловѣщимъ предзнаменованіемъ для новгородской самостоятельности. За два года до похода на Двину Луки Варфоломѣевича поссорились новгородцы съ московскимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ изъ-за дани, которую тотъ сталъ собирать въ Торжкѣ. Какъ можно догадаться изъ дальнѣйшаго, споръ шелъ не столько изъ-за сбора дани, сколько изъ за ея распредѣленія—куда ей итти: въ новгородскую казну или въ сундуки московскаго князя. Въ перспективѣ была война. Но новгородскому правительству очень быстро пришлось понизить тонъ по совершенно неожиданному поводу: въ Новгородѣ „чернь“ не захотѣла итти на войну противъ Москвы. Между тѣмъ, въ Торжкѣ ужъ были приняты самыя серьезныя мѣры: московскіе намѣстники и „борцы“ (собиратели дани) были окованы и посажены въ тюрьму: но когда „чернь“ въ Торжкѣ узнала, что дѣлается въ Новгородѣ, она встала на бояръ такъ рѣшительно, что тѣ прибѣжали въ Новгородъ „только душою, кто успѣлъ“. А московскіе намѣстники были освобождены тою же „чернью“.



VII.

Образованіе Московскаго Государства.

Промежутокъ времени съ XIII по XV вѣкъ выдѣляютъ иногда какъ спеціально „удѣльный“ періодъ русской исторіи: „раздробленіе русской земли на удѣлы“ является здѣсь, такимъ образомъ, опредѣляющимъ признакомъ. Нѣтъ надобности говорить, что представленіе это исходитъ отъ мысли о „единствѣ русской земли“ до начала удѣльнаго періода. Русь разсыпалась, и ее потомъ опять „собирали“. Но мы уже знаемъ, что говорить о единомъ „русскомъ государствѣ“ въ кіевскую эпоху можно только по явному недоразумѣнію. Выраженіе „русская земля“ знакомо и лѣтописи, и поэтическимъ произведеніямъ этого времени: но имъ обозначалась

кіевская область, а распространительно, поскольку Кіеву принадлежала гегемонія во всей южной Руси, и вся эта послѣдняя. Изъ Новгорода или Владиміра ѣздили „въ Русь", но сами Новгородъ и Владиміръ Русью не были. Притомъ, это былъ терминъ чисто бытовой, не связывавшійся ни съ какою опредѣленною политической идеей: политически, древняя Русь знала о кіевскомъ, черниговскомъ или суздальскомъ княженіи, а не о русскомъ государствѣ. Разсыпаться было нечему—стало-быть, нечего было и „собирать". Въ устарѣвшую,—собственно, по своему происхожденію, карамзинскую—терминологію пытались вдохнуть новое содержаніе, то пріурочивая къ началу этого періода особенное, будто бы, измельчаніе княжествъ, то связывая съ этимъ именно временемъ глубокій упадокъ княжеской власти, утрату князьями всякихъ „государственныхъ идеаловъ" и превращеніе ихъ въ простыхъ вотчинниковъ. Но мы не знаемъ, каковы были минимальные размѣры самостоятельной „волости" въ предшествующую эпоху, а на первомъ планѣ политической сцены мы и въ „удѣльный періодъ" встрѣчаемъ князей тверскихъ, московскихъ, нижегородскихъ и рязанскихъ, стоявшихъ во главѣ крупныхъ областей, не меньшихъ, нежели прежнія княжества черниговское, смоленское или переяславское. Что касается государственныхъ идеаловъ, то таковые можно найти, въ зачаточномъ видѣ, у новгородскаго вѣча—этого воплощенія антигосударственности для офиціальной исторіографіи—но никакъ не у древнерусскихъ князей. Самые выдающіеся изъ нихъ не поднимались выше нѣкотораго туманнаго представленія о „соціальной справедливости", и всѣ вообще считали добываніе столовъ главной цѣлью княжеской политики, а вооруженные набѣги на сосѣднія области—главнымъ княжескимъ ремесломъ. Единственнымъ общимъ дѣломъ, которое время отъ времени объединяло ихъ всѣхъ, была борьба со степными кочевниками, но и это объединеніе никогда не могло стать сколько-нибудь прочнымъ и продолжительнымъ. Военный союзъ сѣверо-восточныхъ князей подъ главенствомъ московскаго, въ концѣ XIV вѣка, былъ ничуть не менѣе проченъ, нежели объединеніе южной Руси противъ половцевъ въ дни Владиміра Мономаха: въ этомъ отношеніи Руси „удѣльной" не было основаній завидовать Руси до-удѣльной, Кіевской. Во внутреннемъ же управленіи „володѣть" и въ XIII или XIV столѣтіяхъ значило то же, что въ XII или даже X и раньше, и позже дѣло сводилось къ собиранію доходовъ въ разныхъ видахъ, при чемъ кто былъ болѣе энергичнымъ

„собирателемъ“ въ этомъ смыслѣ, Андрей ли Юрьевичъ Боголюбскій или его на три столѣтія младшій родичъ, Иванъ Васильевичъ Московскій, сказать не умѣли бы, конечно, и современники.

Когда мы слѣдимъ за цѣпью событій по лѣтописямъ, мы замѣчаемъ легко двѣ катастрофы, отъ которыхъ, при желаніи, можно вести „новый періодъ русской исторіи“: паденіе Кіева во второй половинѣ XII вѣка и завоеваніе Руси татарами въ XIII. Первая обусловила передвижку центра исторической сцены на нѣсколько градусовъ сѣвернѣе и восточнѣе, закрѣпивъ за исторической Россіей тотъ характеръ сѣверной страны съ убогой природой, какого она еще не имѣла въ мягкомъ климатѣ и на плодородной почвѣ Украйны. Вторая закрѣпила то паденіе „городского“ права и торжество „деревенскаго“, которымъ на много столѣтій опредѣлилась политическая физіономія будущей „сѣверной монархіи“. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ катастрофа была только кажущейся — оба переворота были подготовлены глубокими экономическими причинами—передвижкой міровыхъ торговыхъ путей, истощеніемъ страны хищническими пріемами хозяйства. Считать и ихъ за какую-то „грань времени“ было бы очень поверхностно. И съ этой точки зрѣнія, такимъ образомъ, говорить объ особомъ „удѣльномъ періодѣ“ русской исторіи не приходится. Та группировка феодальныхъ ячеекъ, которой суждено было стать на мѣсто городовыхъ волостей XI—XII вѣковъ, и которая получила названіе великаго княжества, позже государства Московскаго, наростала медленно и незамѣтно: и когда люди XVII вѣка очутились передъ готовымъ вчернѣ зданіемъ, имъ трудно было отвѣтить на вопросъ—кто же началъ его строить? Котошихинъ, какъ извѣстно, не прочь былъ записать въ основатели Московскаго государства Ивана Васильевича Грознаго. Позднѣйшіе историки отодвигали критическій моментъ все дальше и дальше въ глубь временъ—пока передъ ними не встали фигуры, столь похожія на всѣхъ своихъ современниковъ, что невольно явился другой вопросъ: почему же это они стали основателями новаго государства? Первый „собиратель Руси“ на страницахъ школьныхъ учебниковъ, Иванъ Даниловичъ Калита, подъ перомъ новѣйшаго историка оказывается вовсе „лишеннымъ качествъ государя и политика“. Послѣ этого, образованіе московскаго государства оставалось приписать только счастливому случаю: „случай играетъ въ исторіи великую роль“, говоритъ тотъ же из-

слѣдователь *). Но апеллировать къ случаю въ наукѣ значитъ выдавать себѣ свидѣтельство о бѣдности.

Это „приведеніе къ нелѣпости“ индивидуалистическаго метода, сводящаго всѣ историческія перемѣны къ дѣйствіямъ отдѣльныхъ лицъ—и останавливающагося въ недоумѣніи, когда лицъ на сценѣ нѣтъ, а перемѣны, видимо, совершаются—эта катастрофа въ области исторической литературы сама по себѣ есть, однако же, крупное завоеваніе научной исторіи. Только что цитированный нами авторъ, наряду со „случаемъ“, умѣлъ назвать и другой, безличный, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ конкретный историческій факторъ, который приходится поставить на мѣсто обанкротившихся передъ наукой „собирателей Руси“. Особенно благопріятнымъ моментомъ въ развитіи московскаго великаго княжества г. Сергѣевичъ считаетъ малолѣтство Дмитрія Ивановича Донского. „Въ этомъ обстоятельствѣ“—что тогдашнему собирателю было всего 9 лѣтъ—„и заключалось чрезвычайно благопріятное условіе для успѣшнаго развитія московской территоріи. Въ малолѣтство князей управленіе находилось въ рукахъ бояръ... Боярамъ нужны богатыя кормленія. Чѣмъ меньше князей, тѣмъ этихъ кормленій больше. Бояре—естественные сторонники объединительной политики“ **).

Отсюда, казалось бы, оставался одинъ шагъ до того, чтобы оставить въ покоѣ личности „собирателей“ и трактовать московское государство XV вѣка, какъ огромную ассоціацію феодальныхъ владѣльцевъ—въ силу особенно благопріятныхъ условій поглотившую всѣ остальныя ассоціаціи. Но нашъ авторъ этого не дѣлаетъ и продолжаетъ занимать своего читателя тѣмъ, что дѣлали и о чемъ заботились Иваны, Дмитріи и Василіи, политическое ничтожество которыхъ онъ только что доказалъ. Такъ сильна традиція, гораздо болѣе старая, чѣмъ можно думать, и унаслѣдованная нашей ученой, университетской исторіографіей отъ до-историческаго періода русскаго бытописанія: еще никоновская лѣтопись заставляла московское правительство вести переговоры съ казанскимъ царемъ Утемишъ-Гиреемъ, хотя сама же предусмотрительно отмѣтила, что этому „политическому дѣятелю“ было два года, и онъ едва ли съ кѣмъ велъ переговоры, кромѣ своей няньки. Но что у стараго русскаго лѣтописца было характернымъ въ своей наивности символизмомъ, было

*) См. В. Сергѣевичъ, „Древности русскаго права“, т. III, изд. 3-е 1909 г., стр. 65 и 72.

**) Ibid, стр. 69.

бы въ современной исторической работѣ либо наивничаньемъ и поддѣлкой подъ старину, либо тупымъ старовѣрствомъ. Читатель не посѣтуетъ на насъ, поэтому, если мы не будемъ, съ одной стороны, заниматься спеціально отличительными признаками „удѣльной Руси“—ибо мы эти признаки, въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ, найдемъ въ Руси московской; съ другой стороны, оставимъ официальнымъ учебникамъ подвиги „собирателей“ и не будемъ вдаваться въ обсужденіе вопроса, были ли они люди политически бездарные или политически талантливые. Тѣмъ болѣе, что, при скудости нашихъ данныхъ касательно ихъ личныхъ свойствъ, послѣдній вопросъ является и довольно безнадежнымъ, помимо всего прочаго.

Въ ряду безличныхъ факторовъ, опредѣлившихъ „собираніе“ Руси около Москвы, экономикѣ давно отведено одно изъ первыхъ мѣстъ. Первоначальныя наблюденія этого рода, сдѣланныя проф. Ключевскимъ и всѣмъ доступныя на страницахъ его курса, дополнены и дальше развиты Забѣлинымъ въ его „Исторіи города Москвы“. Послѣдній авторъ беретъ вопросъ не въ тѣсныхъ рамкахъ исторіи „удѣльной Руси“ и образованія московскаго княжества, а нѣсколько шире. Онъ указываетъ на роль московско-клязьминскаго торговаго пути, соединявшаго промышленную область смоленскихъ кривичей и крупнѣйшій центръ Поволжья X—XI вѣковъ—„Великій городъ“ болгаръ, съ его ярмаркой, предшественницей макарьевской и нижегородской. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы намѣчаются два узла этого пути—одинъ на р. Сходнѣ (Всходнѣ), другой—на Яузѣ. Наличность многолюднаго поселенія около перваго доказывается массою кургановъ. Торговое значеніе Яузы и перевалы отъ нея къ Клязьмѣ до сихъ поръ даетъ себя знать въ названіи села Большія Мытищи, напоминающемъ о существовавшей здѣсь когда-то таможнѣ. Характерно, что о Яузѣ опредѣленно говоритъ лѣтописное извѣстіе о постройкѣ „города“ Москвы, т.-е. древнѣйшей московской крѣпости (подъ 1156 годомъ). Очевидно, это географическое указаніе было далеко не безразлично для современниковъ. Но на пути изъ Западной Россіи въ Поволжье Москва была лишь однимъ изъ узловыхъ пунктовъ: важнѣйшимъ изъ нихъ она стала лишь благодаря тому, что со старой дорогой восточной торговли пересѣкся новый путь торговли западной, изъ Новгорода въ южную и восточную Русь, къ Нижнему и Рязани. Путь изъ Новгорода Великаго въ Новгородъ Нижній по Волгѣ описываетъ крутую дугу, добрая доля которой была притомъ въ рукахъ ближайшаго сосѣда и наиболѣе обычнаго

антагониста новгородцевъ, великаго князя тверского. Путь черезъ принадлежавшій Новгороду Волокъ на Ламѣ, а затѣмъ черезъ Москву и Клязьму, былъ почти хордою этой дуги и гораздо менѣе зависѣлъ отъ политическихъ случайностей. Московскіе князья на первыхъ порахъ казались очень смирными и покладистыми, Новгородъ не видѣлъ отъ нихъ никакой непосредственной опасности и въ первую половину XIV вѣка не было болѣе обычной политической комбинаціи, какъ союзъ Новгорода и Москвы противъ Твери. Въ свою очередь и московскіе князья не находили ничего для себя зазорнаго садиться въ вѣчевомъ городѣ „на всей волѣ новгородской“ — „и ради быша новгородци своему хотѣнію“. А когда московскій князь, благодаря ловкости своей ордынской политики, сталъ наслѣдственнымъ великимъ княземъ владимірскимъ, новгородско-московскій союзъ сталъ экономической необходимостью для обѣихъ сторонъ: суздальская Русь, теперь Русь московская, не могла обойтись безъ европейскихъ товаровъ, шедшихъ, главнымъ образомъ, по Балтійскому пути; а новгородскій гость „на низу“, въ нынѣшнихъ Московской, Владимірской и Нижегородской губерніяхъ, изстари не могъ обойтись безъ охраны великаго князя владимірскаго. „А гостю нашему гостити по Суздальской землѣ“, оговаривали трактаты Новгорода съ великими князьями. Но, нужно замѣтить, необходимость была неодинакова для обѣихъ сторонъ: въ то время какъ новгородскіе торговцы, въ тѣхъ случаяхъ, когда запиралась передъ ними суздальская Русь, теряли свой главный рынокъ и почти утрачивали смыслъ своего существованія, Москва, кромѣ Новгорода, имѣла и другой выходъ въ Западную Европу. Уже подъ 1356 годомъ лѣтописи упоминаютъ о присутствіи въ Москвѣ „гостей сурожанъ“, генуэзцевъ изъ крымскихъ колоній. „Но, по всему вѣроятію, и раньше этого года генуэзскіе торговцы уже хорошо знали дорогу въ Москву, такъ какъ сѣверный торгъ, направлявшійся прежде, до XIII столѣтія, на Кіевъ по Днѣпру, теперь измѣнилъ это направленіе и шелъ уже черезъ Москву по Дону, чему еще до нашествія татаръ очень способствовали именно тѣ же итальянскіе генуэзскіе торги, сосредоточившіе свои дѣла въ устьяхъ Дона и въ крымскихъ городахъ Сурожѣ и Каѳѣ“ *).

„Гости сурожане“ объясняютъ намъ нѣсколько неожиданныя съ перваго взгляда итальянскія связи Москвы, памятникомъ которыхъ остался до сихъ поръ московскій кремль.

*) Забѣлинъ, назв. соч., стр. 86.

съ его Успенскимъ соборомъ, построеннымъ Аристотелемъ Фіоравенти и Спасскими воротами, стройки „архитектона“ Петра-Антонія, „отъ града Медіолана“. А не только мѣстное, но международное значеніе Москвы объясняетъ намъ еще другой, гораздо болѣе важный, фактъ: что столица Калиты уже въ XIV вѣкѣ становится крупнымъ буржуазнымъ центромъ, населеніе котораго начинаетъ себя вести почти по-новгородски. О размѣрахъ этого населенія кое-какія указанія даютъ лѣтописи. Когда въ 1382 году, послѣ нашествія Тохтамыша, хоронили убитыхъ москвичей, великій князь Дмитрій Ивановичъ, уѣхавшій передъ татарскимъ погромомъ на сѣверъ и явившійся какъ разъ во-время къ похоронамъ погибшихъ, платилъ за каждые 40 труповъ по полтинѣ—и всего истратилъ 300 рублей; всего, значитъ, было похоронено 24.000 человѣкъ. Правда, сюда входили не только горожане въ тѣсномъ смыслѣ, но и населеніе ближайшихъ окрестностей, искавшее за стѣнами города защиты отъ татаръ; зато и не все, конечно, городское населеніе было поголовно истреблено, напротивъ, надо думать, что большая часть осталась въ живыхъ, либо была уведена въ плѣнъ. Въ 1390 году лѣтопись отмѣчаетъ большой московскій пожаръ, отъ котораго сгорѣло нѣсколько тысячъ дворовъ; черезъ пять лѣтъ опять Москва погорѣла—и опять сгорѣло дворовъ „нѣколико тысячъ“ *). Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, мы можемъ считать населеніе города къ концу XIV вѣка въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ: для среднихъ вѣковъ, когда городовъ съ стотысячнымъ населеніемъ едва ли было три во всей Европѣ, это не мало. Въ Россіи того времени, кромѣ Новгорода и Пскова, не было города крупнѣе.

Уже размѣры московскаго посада заставляютъ нѣсколько ограничить очень распространенное представленіе о Москвѣ, какъ разросшейся княжеской усадьбѣ: представленіе, много обязанное своей популярностью именно только что цитированному нами Забѣлину. Какъ ни была многолюдна дворня московскаго князя, ей было далеко до десятковъ тысячъ московскихъ посадскихъ: и какъ ни соблазнительно видѣть въ Хамовникахъ, Бронныхъ, Хлѣбныхъ и Скатертныхъ переулкахъ слѣды слободъ дворцовыхъ ремесленниковъ, осторожнѣе видѣть въ нихъ московскихъ двойниковъ Плотницкаго или Гончарскаго концовъ Великаго Новгорода. Въ тѣхъ случаяхъ, когда московскій посадъ выступаетъ передъ

*) Ibid., стр. 98.

нами, въ XIV вѣкѣ, какъ политическая сила, онъ даетъ физіономію тоже, совсѣмъ не похожую на княжескихъ челядинцевъ. Такимъ моментомъ было уже упоминавшееся нами нашествіе Тохтамыша (августъ 1382 года). Татары появились на русскихъ границахъ совершенно неожиданно — и московское начальство, свѣтское и духовное, потеряло голову. Недавній побѣдитель на Куликовомъ полѣ, великій князь Дмитрій Ивановичъ, бѣжалъ сначала въ Переяславль, а потомъ, найдя и это мѣсто недостаточно безопаснымъ, въ Кострому. Вмѣсто себя онъ оставилъ въ городѣ владыку-митрополита: но владыка—это былъ мало почетной памяти Кипріанъ—былъ, конечно, человѣкъ, еще менѣе склонный къ ратнымъ подвигамъ, нежели самъ великій князь. Кипріану показалась достаточно безопаснымъ мѣстомъ Тверь—и онъ рѣшилъ бѣжать туда. Примѣру князя и митрополита готовились послѣдовать, повидимому, и „нарочитые бояре“: московскому посаду предоставлялось защищаться отъ врага, какъ самъ знаетъ. И вотъ, разсказываетъ лѣтописецъ, „гражданскіе люди возмятошася и всколебашася, яко пьяни, и сотвориша вѣче, позвониша во вся колоколы и всташа вѣчемъ народы мятежники, недобрые человѣки, люди крамольники: хотящихъ изоити изъ града не токмо не пущаху, но и грабляху..... ставши на всѣхъ воротахъ городскихъ, сверху каменіемъ шибаху, а внизу на землѣ съ рогатинами и сулицами и съ обнаженнымъ оружіемъ стояху, не пущающе вылезти вонъ изъ града“. Потомъ, понявъ, вѣроятно, что отъ перепуганныхъ владыки съ боярами, а тѣмъ болѣе отъ великой княгини Евдокіи, тоже спѣшившей выбраться изъ города, толку въ осадномъ дѣлѣ быть не можетъ, ихъ пустили, но конфисковали все ихъ имѣніе. Лѣтописецъ, сочувствіе котораго было на сторонѣ власть имущихъ, какъ видно уже изъ приведенной цитаты, очень хотѣлъ бы свести все на пьяный бунтъ, усиленно подчеркивая разгромъ боярскихъ погребовъ и расхищеніе изъ нихъ „медовъ господскихъ“. Но „гражданскіе люди“ сдѣлали, несомнѣнно, серьезное дѣло: они организовали ту самую оборону города, въ возможности которой сомнѣвались митрополитъ и „нарочитые бояре“, и организовали такъ, что татары, послѣ неудачнаго приступа, вынуждены были прибѣгнуть къ хитрости, чтобы взять городъ. На стѣнахъ Москвы Тохтамышъ нашелъ, рядомъ со старыми метательными орудіями, и такія новинки тогдашней военной техники, какъ самострѣлы (арбалеты) и даже пушки, которыя тогда и въ Западной Европѣ были еще свѣжей новостью. Всѣмъ

этимъ посадскіе люди, московская буржуазія (лѣтопись называетъ по имени „суконника“ Адама — едва ли не итальянца) орудовали какъ нельзя болѣе успѣшно. Но противъ всѣхъ западныхъ новшествъ, татары нашли старое и испытанное русское средство. Въ войскѣ Тохтамыша оказалось двое русскихъ князей, зятьевъ Дмитрія Ивановича, которые взялись поцѣловать крестъ передъ москвичами, что татары не сдѣлаютъ послѣднимъ никакого вреда, если они сдадутъ городъ. Москвичи повѣрили княжескому слову, отворили ворота—и городъ былъ разграбленъ, а жители перебиты или уведены въ плѣнъ. Вся исторія какъ нельзя болѣе характерна для отношеній „народа“ и „власти“ въ удѣльной Руси: и эти „строители“ и „собиратели“, продающіе городъ татарамъ, и эта „чернь“, умѣющая обороняться отъ татаръ безъ „собирателей“ гораздо лучше, чѣмъ съ ними.

Событія 1382 года не остаются изолированными въ московской исторіи — черезъ два слѣдующія столѣтія, до половины семнадцатаго, тянутся политическія выступленія московскаго посада, свидѣтельствуя, что тогдашняя русская буржуазія была гораздо менѣе безгласной, нежели во времена, болѣе къ намъ близкія. Но если наличность крупнаго торговаго центра, съ его обильными денежными средствами *), давала опорный пунктъ для объединительной политики московскаго княжества, то активная роль въ этой политикѣ принадлежала не торговому городу: иначе вѣнцомъ ея было бы образованіе новой городовой волости, въ родѣ кіевской, а не феодальной монархіи, какой было московское государство. A priori можно предположить, что въ созданіи этого послѣдняго большое участіе должны были принимать феодальные элементы — и что руководящее значеніе въ процессѣ „собиранія Руси“ должны были имѣть крупные землевладѣльцы. Мы видѣли, что это значеніе уже оцѣнено по достоинству новѣйшей наукой, которая въ лицѣ проф. Сергѣевича, признала, что настоящими „собирателями Руси“ были бояре, обнаруживавшіе въ этомъ дѣлѣ гораздо больше чуткости и пониманія, нежели номинальные основатели московскаго государства. Намъ нѣтъ надобности поэтому особенно настаивать на этомъ фактѣ. Политическое значеніе крупнаго землевладѣнія въ древней Руси мы уже разсмотрѣли подробно (см. гл. III—„Феодальныя отношенія въ древней

*) О размѣрахъ этихъ средствъ даетъ понятіе контрибуція, которую взялъ въ 1446 году царь Махметъ съ Василія Васильевича Темнаго: 200.000 рублей—м. б. до 20 милліоновъ рублей на нынѣшнія деньги.

Руси"). Мы знаемъ, что во главѣ удѣльнаго княжества стояло не одно лицо—князь, а группа лицъ—князь съ боярской думой, и это обстоятельство обезпечивало непрерывность удѣльной политики даже въ такіе, нерѣдкіе въ удѣльной практикѣ, моменты, когда номинальнаго носителя государственной власти не было налицо—онъ былъ малолѣтній, или въ Ордѣ, или въ плѣну. Борьбу между удѣльными княжествами нужно представлять себѣ, какъ борьбу между группами феодаловъ, отстаивавшими прежде всего другого, свои собственные интересы. Въ первомъ эпизодѣ московско-тверской борьбы, въ самомъ началѣ XIV столѣтія, мы почти не видимъ на русской сценѣ князей: они тягаются изъ-за столовъ гдѣ-то далеко, въ Ордѣ, передъ лицомъ „царя". Тамъ выправляются юридическіе титулы на велико-княжеское достоинство: фактическая борьба на мѣстахъ велась боярствомъ. Тверскіе бояре ведутъ войну съ Москвой, во главѣ тверской рати идетъ не князь, а боринъ Акинѳъ, во главѣ московской рати номинально стоитъ княжичъ, младшій братъ уѣхавшаго въ Орду Юрія, Иванъ, (будущій Калита), но онъ шагу не дѣлаетъ безъ своего боярства. Нѣсколько лѣтъ спустя, Дмитрій Михайловичъ Тверской идетъ ратью на Нижій-Новгородъ и Владиміръ, добивается великокняжескаго стола—но все это лишь обычный символизмъ лѣтописи: претенденту на великое княженіе всего 12 лѣтъ и съ нимъ происходитъ буквально тоже, что продѣлаютъ пятьдесятъ лѣтъ спустя со своими малолѣтними князьями московскіе бояре, когда они, забравъ всѣхъ трехъ внуковъ Калиты (старшему, Дмитрію, будущему Донскому, шелъ тогда двѣнадцатый годъ), ходили въ походъ на соперника Москвы, князя Дмитрія Константиновича Суздальскаго. И этой привычки дѣйствовать самостоятельно московскіе феодалы отнюдь не утрачиваютъ съ ростомъ московскаго великаго княженія, напротивъ, они тѣмъ сильнѣе и ихъ тѣмъ больше, чѣмъ больше и сильнѣе вотчина Калиты. Въ 1446 году, когда Шемяка, воспользовавшись неудачной войной Василія Васильевича съ татарами, захватилъ подъ нимъ Москву, взявъ и его самого въ плѣнъ, захватчикъ встрѣчаетъ дружное сопротивленіе сплоченной группы московскаго боярства—съ князьями Ряполовскими во главѣ. Это сопротивленіе и заставило Шемяку уже въ слѣдующемъ году возвратить столъ сверженному и ослѣпленному имъ противнику. Шаблонное противопоставленіе „боярства" и „государя", какъ силъ центробѣжной и центростремительной въ молодомъ московскомъ государствѣ—одинъ изъ самыхъ неудачныхъ пережитковъ идеалистическаго метода, представ-

лявшаго „государство“, какъ нѣкую самостоятельную силу, сверху воздѣйствующую на „общество“. На самомъ дѣлѣ государство и въ удѣльной Руси, какъ всегда, было лишь извѣстнаго рода организаціей командующихъ общественныхъ элементовъ,—и московскіе князья, по-своему, нисколько не думали отрицать того факта, что правятъ они своимъ княженіемъ не одни, а вмѣстѣ съ боярами, какъ „первые между равными“. Дмитрію Донскому лѣтопись, какъ мы уже знаемъ, приписываетъ даже еще болѣе лестную для бояръ характеристику, заставляя его сказать передъ кончиной: „и назывались вы у меня не боярами, а князьями земли моей“. Если это еще можетъ быть литературой, то совѣтъ его дяди, Семена Ивановича „Гордаго“, своимъ наслѣдникамъ—„слушать старыхъ бояръ“—мы находимъ уже не въ литературѣ, а въ офиціальномъ документѣ, духовномъ завѣщаніи этого князя. А наиболѣе реальные политики того времени, ордынскіе дипломаты, не обинуясь, прямо ставили образъ дѣйствій Москвы въ зависимость отъ состава московской боярской думы. „Добрые нравы, и добрыя дѣла, и добрая душа въ Ордѣ была отъ Ѳедора отъ Кошки, добрый былъ человѣкъ“, говорилъ татарскій министръ Едигей великому князю Василію Дмитріевичу. „А нынѣ у тебя сынъ его Иванъ казначей, любовникъ и старѣйшина. И ты нынѣча изъ того (Ивана) слова и думы не выступаешь, которая его дума не добра и слово, и ты изъ того слова не выступаешь... ино того думою учинилася улусу пакость“. *)

Разъ московское государство было созданіемъ феодальнаго общества, въ его строительствѣ не могла не играть видной роли крупнѣйшая изъ феодальныхъ организацій удѣльной Россіи, какъ и средневѣковой Европы вообще — церковь. Казалось бы, невозможно преувеличить значеніе православія въ исторіи русскаго самодержавія — и, тѣмъ не менѣе, приходится признать, что до появленія II тома извѣстной работы проф. Голубинскаго все, что говорилось на эту тему, было слишкомъ слабо и главное, било мимо цѣли. Говорилось, преимущественно, о вліяніи церковной проповѣди на развитіе идеи самодержавія. Это правда, что московская политическая идеологія была идеологіей церковной прежде всего и больше всего—что московскій царь мыслился своими подданными не столько какъ государь національный, властитель опре-

*) Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ“, I, стр. 142.

дѣленнаго народа, сколько какъ владыка всего міра — царь всего православнаго христіанства. Мы увидимъ въ свое время чрезвычайно эффектныя и яркія отраженія этой центральной идеи московской офиціальной публицистики: но исторію дѣлаетъ не публицистика. Какова была роль церкви въ созданіи объективныхъ условій, вызвавшихъ къ жизни московскій царизмъ? Что дала церковь не словами, а дѣломъ—дала, какъ опредѣленная организація? Какъ интересами этой организаціи опредѣлялась политика создававшагося подъ ея вліяніемъ государства? Вотъ вопросы, на которые позволилъ отвѣтить впервые только матеріалъ, собранный названнымъ историкомъ русской церкви, — матеріалъ, самъ вполнѣ объективный и чуждый всякой идеалистической обработки.

Феодализація православной церкви началась задолго до разсматриваемаго періода *): уже въ Кіево-Новгородской Руси монастыри были крупными землевладѣльцами, а митрополиты и епископы располагали крупной долей политической власти, между прочимъ, являлись судьями для всего клира по всѣмъ вообще дѣламъ, а по цѣлому ряду дѣлъ для всего населенія вообще. Но поставленные на каѳедру либо мѣстнымъ вѣчемъ, либо мѣстнымъ княземъ, древне-русскіе епископы зависѣли отъ этихъ свѣтскихъ политическихъ силъ—и мы уже видѣли на примѣрѣ новгородскихъ владыкъ, какъ непосредственно отражалась на замѣщеніи архіепископской каѳедры борьба новгородскихъ партій. Монастыри, съ другой стороны, часто самымъ фактомъ своего возникновенія были обязаны князьямъ—у каждой княжеской династіи былъ свой монастырь, въ которомъ члены этой династіи и хоронились, и постригались въ иночество, если что-нибудь обрывало ихъ политическую карьеру. Самостоятельный относительно мелкихъ свѣтскихъ властей, такой монастырь составлялъ своего рода княжескую вотчину, и передъ князьями никакой политической силы, разумѣется, не представлялъ. Словомъ, зависимость церкви отъ государства въ Кіево-Новгородской Руси была лишь настолько меньше такой же зависимости въ новѣйшее, послѣ-петровское время, насколько и церковь вѣчевого города являлась демократической организаціей. Освобожденіемъ отъ такой зависимости церковь была обязана событію, очень тягостному для остальной, не-церковной Россіи—завоеванію Руси татарами. Высшій политическій центръ Руси перемѣстился въ Орду. За исключеніемъ Нов-

*) См. объ этомъ вопросѣ также главу VIII „Русской Исторіи“.

города, епископъ сталъ такъ же мало зависѣть отъ вѣча своего родного города, какъ и князь. Но онъ пересталъ зависѣть, въ то же время, и отъ князя—по крайней мѣрѣ, юридически: ибо юридически правовое положеніе церкви опредѣлялось теперь ханскимъ ярлыкомъ. Въ этихъ грамотахъ, данныхъ „невѣрными“ царями, привилегіи русской церкви были закрѣплены такъ опредѣленно и такъ широко, какъ еще ни разу не было при благовѣрныхъ россійскихъ князьяхъ: недаромъ на семь ордынскихъ ярлыковъ ссылались еще митрополиты XVI вѣка, защищая права церкви отъ захватовъ свѣтской власти. Первый же изъ этихъ ярлыковъ, относящійся еще къ XIII столѣтію, всего тридцатью, самое большее сорока годами позже разгрома, даровалъ православному духовенству не только самую широкую свободу исповѣданія, но и цѣлый рядъ „свободъ“ чисто гражданскаго характера. „Попы, чернецы и всѣ богодѣльные люди“ были освобождены какъ отъ татарской дани, такъ и отъ всѣхъ другихъ поборовъ: „не надобе имъ дань, и тамга, и поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ; во всѣхъ пошлинахъ не надобе имъ ни которая царева пошлина“... Привилегія распространялась и на всѣхъ церковныхъ людей вообще, т. е. и на мірскихъ людей, состоявшихъ въ услуженіи церкви: „а что церковные люди: мастеры, сокольницы, пардусницы (звѣроловы), или которыя слуги и работницы и кто ни будетъ изъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни на что, ни на работу, ни на сторожу“. Одновременно за церковью были закрѣплены всѣ недвижимыя имѣнія, находившіяся въ данный моментъ въ ея рукахъ: „...земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, лѣтовища...“ На ярлыкѣ, данномъ Петру митрополиту ханомъ Узбекомъ, къ этому прибавилась еще полная автономія церковнаго суда во всѣхъ дѣлахъ, касающихся „церковныхъ людей“ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова: „а знаетъ митрополитъ въ правду, и право судитъ и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни буди: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ митрополитъ единъ или кому прикажетъ“ *). Ханскія грамоты устанавливали, такимъ образомъ, самый полный иммунитетъ церкви, какимъ только она пользовалась въ средніе вѣка гдѣ бы то ни было въ Европѣ: восточному православію, въ этомъ случаѣ, не приходилось завидовать католицизму. Причины такого милости-

*) Голубинскій. назв. соч. т. II, 1-я полов., стр. 33—34.

ваго отношенія „невѣрныхъ“ (сначала язычниковъ, позже, съ Узбека, магометанъ) завоевателей Россіи къ православной вѣрѣ, ея представителямъ и даже ко всѣмъ, кто ей такъ или иначе служилъ, указаны въ ярлыкахъ вполнѣ точно—и напрасно цитированный нами авторъ, спасая послѣдніе остатки церковно-историческаго приличія, старается свести дѣло на необыкновенную вѣротерпимость татарскихъ властителей. Все было гораздо проще. „Чингизъ царь и первые цари, отцы наши“, говоритъ, напримѣръ, ярлыкъ, данный Алексѣю митрополиту (около 1357 года), „жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися... Такъ молвя, написали есмя: какова дань не будетъ, ни пошлина, ино того тѣмъ ни видѣть, ни слышать не надобе, чтобы во упокоѣ Бога молили и молитву воздавали... И мы... есмя Алексѣя митрополита пожаловали. Какъ сядетъ на своемъ столѣ и молитву воздастъ за насъ и за наше племя...“ „Молитва“, конечно, предполагалась публичная, офиціальная — а не частная, про себя: эта послѣдняя была дѣломъ совѣсти пожалованнаго ханомъ владыки, а ни до чьей совѣсти Ордѣ, съ ея строго практической точкой зрѣнія на все, не было дѣла. Что было важно хану—это, чтобы его въ Россіи формально признавали государемъ, признавали тѣ, чей голосъ имѣлъ вѣсъ и авторитетъ въ глазахъ массы. И татары прекрасно понимали ту элементарную истину, что оружіемъ можно завоевать страну, но держаться въ ней при помощи одного оружія нельзя. Что церковь предоставляла въ ихъ распоряженіе свое вліяніе на вѣрующихъ, этого нельзя было не оцѣнить, и естественно было наградить за это церковь привилегіями. А что эти послѣднія стѣсняли власть мѣстныхъ свѣтскихъ правителей, это, конечно, Ордѣ могло быть только пріятно. Союзъ православной церкви и татарскаго хана на первыхъ порахъ былъ одинаково выгоденъ для обѣихъ сторонъ,—а что впослѣдствіи онъ окажется выгоднѣе первой, чѣмъ послѣднему, этого татары не умѣли предусмотрѣть именно потому, что были слишкомъ практическими политиками. Пока, они получали въ свое распоряженіе крупнѣйшую полицейскую силу, позволявшую замѣнить мечомъ духовнымъ мечъ вещественный, который неудобно же было извлекать изъ ноженъ слишкомъ часто. За исключеніемъ Твери, князья которой не ладили съ церковью и были за то ею преслѣдуемы, мы нигдѣ не имѣемъ за XIV вѣкъ крупнаго народнаго возстанія противъ хана: а когда началось княжеское возстаніе, подъ главенствомъ Москвы, церковь уже

давно успѣла прочно освоить себѣ всѣ выгоды, предоставленныя ей ярлыками.

Всякій феодалъ, чѣмъ онъ становился крупнѣе, тѣмъ меньше былъ склоненъ слушаться своего сюзерена, въ особенности, когда онъ могъ надѣяться на поддержку сюзерена, еще болѣе могущественнаго. Для русской церкви XIV вѣка ближайшимъ сюзереномъ, который практически могъ—и хотѣлъ, притомъ—вмѣшиваться въ ея дѣла, былъ старшій изъ сѣверо-восточныхъ князей, великій князь владимірскій, не безъ содѣйствія Орды ставшій чѣмъ-то въ родѣ сюзерена всей сѣверо-восточной Руси *). Но онъ самъ былъ вассаломъ хана, и это давало прямое основаніе его непослушнымъ вассаламъ искать помощи у послѣдняго. Въ началѣ XIV вѣка этихъ непослушныхъ вассаловъ оказалось двое—однимъ былъ князь московскій, другимъ—митрополитъ владимірскій, глава если не всей русской (тутъ ему приходилось иногда дѣлиться съ митрополитомъ русско-литовскимъ, распоряжавшимся въ западныхъ и юго-западныхъ епархіяхъ), то, по крайней мѣрѣ, великорусской церкви. Не было ничего естественнѣе, какъ союзъ этихъ двухъ непослушныхъ вассаловъ — непослушныхъ потому, что самыхъ сильныхъ — и между собою, и съ общимъ верховнымъ сюзереномъ, ханомъ, противъ ихъ ближайшаго, мѣстнаго феодальнаго государя, которымъ былъ тогда князь тверской — онъ же и великій князь владимірскій. Экономическія пружины московско-тверской вражды слишкомъ бросаются въ глаза, чтобы нужно было долго ихъ отыскивать. Москвѣ и Новгороду нужны были непосредственныя отношенія—тверское княжество врѣзывалось между ними клиномъ, и клинъ этотъ слѣдовало устранить. Нѣсколько глубже приходится искать причины антагонизма церкви и Твери. Тутъ важно, прежде всего, отмѣтить, что Тверь, наравнѣ съ Новгородомъ и, кажется, одинаково съ нимъ, подъ западно-европейскимъ вліяніемъ стала около этого времени (первые годы XIV столѣтія) однимъ изъ центровъ „еретическаго“, какъ выражались тогда, „церковно-реформаторскаго“, какъ сказали бы теперь, движенія **). Оно было направлено противъ того, что въ средневѣковой Западной Европѣ называли симоніей—противъ той стороны церков-

*) До татаръ мы не встрѣчаемъ такого постояннаго главенства одного изъ князей надъ другими: гегемонія Владиміра Мономаха, Мстислава или Андрея Боголюбскаго были фактомъ, а не правомъ. Ср. Костомарова: „Начало единодержавія въ древней Руси“.

**) Подробнѣе о немъ см. въ слѣд. главѣ, по поводу древне-русскихъ ересей.

ной феодализаціи, которая выражалась въ продажѣ церковныхъ должностей—т.-е., въ сущности, права собирать церковные доходы. Симонія вызывала протесты какъ со стороны массы вѣрующихъ, лишенныхъ возможности контролировать своихъ пастырей, купившихъ свои мѣста и ставшихъ какъ бы ихъ полными собственниками, такъ и со стороны свѣтской власти, которая не могла сочувственно смотрѣть на увеличеніе власти и доходовъ главы церковной организаціи, становившагося, благодаря этому увеличенію, все болѣе и болѣе независимымъ. Великій князь Михаилъ Ярославичъ (1304—1318) и былъ, поэтому, ожесточеннымъ и упорнымъ врагомъ симоніи и покровителемъ боровшихся съ нею „еретиковъ“ изъ среды духовенства, одинъ изъ которыхъ, Андрей, сталъ епископомъ его стольнаго города, Твери. А такъ какъ митрополитъ Петръ былъ несомнѣннымъ, хотя и умѣреннымъ, „симоніакомъ“, то тѣмъ самымъ онъ долженъ былъ встать во враждебныя отношенія къ великому князю, притомъ нестолько лично (симоніей онъ, повторяемъ, не злоупотреблялъ — и даже могъ бы сослаться, въ свою пользу, на нисколько не лучшіе обычаи, господствовавшіе тогда въ восточной церкви вообще), сколько, какъ феодальный глава феодальной церкви. И это именно дѣлало вражду совершенно непримиримой: дѣйствуй св. Петръ изъ личныхъ корыстныхъ мотивовъ, онъ, вѣроятно, нашелъ бы путь для компромисса со своимъ противникомъ. Но тутъ рѣчь шла о доходахъ митрополіи и о независимости митрополита какъ снизу, такъ и сверху — и уступокъ быть не могло. Михаилъ Ярославичъ дважды пытался устроить громкій церковный скандалъ своему врагу — одинъ разъ собиралъ на него соборъ русскихъ епископовъ и священниковъ, другой разъ возбуждалъ противъ него дѣло передъ константинопольскимъ патріархомъ. Но оба раза церковь, какъ цѣлое, оказывалась на сторонѣ своего главы, а духовные сторонники великаго князя попадали въ положеніе церковныхъ отщепенцевъ—по тогдашнему, почти что „еретиковъ“. Ссорой двоихъ, какъ всегда, воспользовался третій. Московскій князь Юрій Даниловичъ, первый, усилившійся настолько, что смогъ начать тяжбу за великокняжескій столъ, все время систематически тянулъ руку митрополита. И св. Петръ, чувствовавшій себя во Владимірѣ, какъ во вражескомъ станѣ, отплатилъ своему союзнику совершенно по-средневѣковому: онъ пріѣхалъ умирать въ Москву, и своими мощами (отъ которыхъ чудеса стали происходить немедленно — и московскій князь принялъ всѣ

мѣры, чтобы они тщательно записывались) освятилъ столицу соперника тверскихъ князей. Преемникъ Петра, грекъ Ѳеогностъ, пріѣхавъ на Русь, засталъ союзъ Москвы и церкви, какъ и антагонизмъ церкви и Твери, совершенно оформившимися. Ему оставалось только или принять сложившееся положеніе, или бороться съ нимъ, къ чему онъ не имѣлъ никакихъ поводовъ. Напротивъ, политика митрополита Петра явно приносила церкви добрые плоды — при нихъ именно, какъ мы помнимъ, иммунитетъ русской церкви получилъ окончательное завершеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что позиція церкви по отношенію къ тверскому князю была не безъ вліянія въ дѣлѣ снисканія ханскихъ милостей: въ Ордѣ придерживались принципа: „раздѣляй и властвуй“ и были весьма довольны, что на Руси имѣются три соперничающихъ силы — Москва, Тверь и церковь, на соотношеніи которыхъ можно играть. Тѣмъ болѣе, что „Тверь“ означала въ то же время и „Литву“: тверскіе князья явно тянули на западъ и породнились съ великими князьями литовскими, вовсе не подвластными хану! *) Эти литовскіе князья разсматривали тверское княжество прямо, какъ свою землю, — и домогались, напримѣръ, чтобы тверская епархія была подчинена ихъ, литовско-русскому, митрополиту, и изъята изъ вѣдѣнія митрополита владимірскаго. Московскіе князья, на каждомъ шагу не устававшіе давать яркія доказательства своего раболѣпства передъ „царемъ“, несомнѣнно, были въ глазахъ послѣдняго много надежнѣе, нежели литовскій форпостъ на верхней Волгѣ. Дружба съ Москвой означала, стало-быть, и дружбу съ Ордой, а мы видѣли, какъ дорожила церковь этой послѣдней дружбой. Словомъ, Ѳеогностъ имѣлъ всѣ основанія держаться московско-татарскаго союза противъ литовско-тверского и засвидѣтельствовалъ свои симпатіи вскорѣ весьма выразительно. Въ 1327 году тверской князь Александръ Михайловичъ, сынъ противника св. Петра митрополита, какъ и отецъ, занимавшій одновременно и великокняжескій столъ во Владимірѣ, нашелъ моментъ подходящимъ для того, чтобы стать во главѣ обще-русскаго возстанія противъ татаръ. Возстаніе кончилось неудачей—Александръ потерялъ великое княженіе, отданное ханомъ Ивану Даниловичу Московскому, и долженъ былъ бѣжать. Онъ нашелъ себѣ убѣжище во Псковѣ—и новый великій князь, которому

*) Исторію Литовской Руси см. ниже въ главѣ, посвященной Западной Руси вообще.

Изд. Т-ва „МІРЪ"

„Юность преподобнаго Сергія".

Съ картины М. В. Нестерова.

(Объяснительный текстъ см. при картинѣ „Видѣніе отроку Варѳоломею", стр. 176.(

[illegible]мѣры, чтобы они тщательно записывались) [illegible]

[illegible] Петръ, [illegible]ъ, пріѣхавъ на Русь, засталъ союзъ Москвы и [illegible], и антагонизмъ церкви и Твери, совершенно о[illegible]шимися. Ему оставалось только или принять с[illegible] положеніе, или бороться съ нимъ, къ чему онъ не [illegible] [illegible] Петра явно приносила церкви добрые плоды — при нихъ [illegible] [illegible] Нѣтъ сомнѣнія, что [illegible] церкви по отношенію къ тверскому князю была не без[illegible] въ дѣлѣ сисканія ханскихъ милостей: въ Ордѣ при[illegible]лись принципа: „раздѣляй и властвуй“ и были [illegible]ны, что на Руси имѣются три соперничающихъ [illegible] — [Мос]ква, Тверь и церковь, на соотношеніи которыхъ можно играть. Тѣмъ болѣе, что „Тверь“ означала въ то же время [illegible] породнились съ великими князьями литовскими, вовсе не [illegible]властными хану! *) Эти литовскіе князья разсматривали тверское княжество прямо, какъ свою землю, — и домо[гались], напримѣръ, чтобы тверская епархія была подчинена [illegible] литовско-русскому митрополиту, и изъята изъ [illegible] митрополита владимірскаго. Московскіе князья, на [illegible] не устававшіе давать яркія доказательства [illegible] передъ „царемъ“, несомнѣнно, были [illegible] много надежнѣе, нежели литовскій [illegible] Дружба съ Москвой означала, стало-быть, [illegible] какъ дорожила цер[ковь] [illegible]

[illegible] весьма выразительно. Въ 1327 году тверской князь Александръ Михайловичъ, сынъ противника св. Петра митрополита, какъ и отецъ, занимавшій одновременно и вел[икокня]жескій столъ во Владимірѣ, нашелъ моментъ подхо[дящимъ] [illegible] общерусскаго [illegible] противъ татаръ. Возстаніе кончилось неудачей—А[лександръ] потерялъ великое княженіе, отданное ханомъ Ивану Даниловичу Московскому, и долженъ былъ бѣжать. Онъ [illegible] себѣ убѣжище во Псковѣ—и новый великій князь [illegible]

[illegible] Руси вообще.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“

Изд. Т-ва „МІРЪ“.

ханъ поручилъ полицейскія обязанности въ дѣлѣ усмиренія тверского возстанія, не могъ его оттуда достать. Тогда Иванъ Даниловичъ обратился къ содѣйствію митрополита: Ѳеогностъ наложилъ отлученіе на весь городъ Псковъ, пока псковичи не выдадутъ мятежнаго тверского князя. Послѣдній поспѣшилъ уѣхать въ Литву, и отлученіе было снято. Въ дѣлѣ борьбы съ противоордынской крамолой оба союзника—и свѣтскій, московскій князь, и духовный, русскій митрополитъ, дѣйствовали, такимъ образомъ, какъ нельзя болѣе дружно. Ханъ не имѣлъ никакихъ основаній жалѣть, что онъ оказывалъ такъ много покровительства и московскому княжеству, и русской церкви.

Мы изображаемъ отношенія послѣднихъ, какъ с о ю з ъ: обыкновенно изображаютъ дѣло такъ, какъ будто церковь „поступила на службу“ къ московскимъ великимъ князьямъ. Такая точка зрѣнія является, опять-таки, однимъ изъ случаевъ модернизаціи древне-русскихъ отношеній. Служебная сила—временами—по отношенію къ „царю“ татарскому, церковь далеко еще не стала такой по отношенію къ будущему царю московскому. Здѣсь, въ кругу русскихъ отношеній, вопросъ о томъ, кто выше, свѣтскій глава или духовный, могъ ставиться еще въ XVII вѣкѣ: а въ XIV и вопроса такого не ставилось, и Семенъ Ивановичъ Гордый, которому ханомъ были отданы „подъ руки“ всѣ князья русскіе, прямо и просто рекомендовалъ своимъ наслѣдникамъ слушаться во всемъ „отца нашего владыки Олексѣя“ — Алексѣя митрополита, преемника Ѳеогноста, точно такъ же, какъ онъ рекомендовалъ имъ слушаться и бояръ—но уже послѣ владыки. Еще изъ этого документа (завѣщанія князя Семена) заключили, что митрополитъ Алексѣй былъ чѣмъ-то въ родѣ предсѣдателя боярской думы, а изъ опубликованныхъ позже греческихъ актовъ мы знаемъ, что послѣ смерти в. кн. Ивана Ивановича, младшаго брата Семена, Алексѣй былъ формально регентомъ московскаго княжества, которымъ фактически и управлялъ, вѣроятно, до самой своей смерти, въ 1378 году. Когда мы читаемъ объ „услугахъ“, оказанныхъ церковью московскимъ князьямъ въ ихъ борьбѣ съ союзниками—услугахъ, какъ сейчасъ увидимъ, не всегда опрятнаго свойства, мы должны твердо помнить это обстоятельство. Когда въ 1368 году „князь великій Дмитрій Ивановичъ съ отцемъ своимъ, преосвященнымъ Алексѣемъ митрополитомъ, назвалъ любовію къ себѣ на Москву князя Михаила Александровича Тверского“—чтобы отдать споръ его съ Москвоїй

на третейскій судъ, а потомъ „его изымали, а что были бояре около его, тѣхъ всѣхъ поимали и разно развели", то дѣло, очевидно, происходило такъ, что московское правительство, во главѣ котораго св. Алексѣй именно и стоялъ, нашло удобнымъ и приличнымъ избавиться отъ своего противника при помощи такого рода западни — роль же восемнадцатилѣтняго Дмитрія Ивановича, и въ зрѣлыхъ годахъ рѣшительностью не отличавшагося, была, какъ часто въ подобныхъ случаяхъ, чисто символическая. Двоякія функціи митрополита-регента дѣлали въ подобныхъ столкновеніяхъ Москву особенно неуязвимой: совершивъ грѣхъ, она могла сама себѣ и отпустить его и, мало того, подвергнуть своихъ враговъ, сверхъ свѣтскихъ непріятностей, еще и церковнымъ карамъ всякаго рода. Когда злополучному Михаилу Тверскому удалось бѣжать изъ московской ловушки и поднять противъ Москвы неизбѣжную Литву, св. Алексѣй, не будучи уже въ силахъ добыть тверского князя физически, настигъ его духовно, наложивъ на него и его союзниковъ церковное отлученіе. Иногда же удавалось комбинировать дѣйствія обоихъ „мечей"—свѣтскаго и духовнаго, и тогда эффектъ получался еще болѣе поразительный. Такъ было, когда въ стольномъ городѣ ослушнаго Москвѣ нижегородскаго князя Бориса появился преподобный Сергій, затворившій всѣ церкви, т.-е. наложившій интердиктъ на весь городъ, — а подъ стѣнами этого послѣдняго вскорѣ затѣмъ появились московскіе полки. Борисъ, судя по его біографіи, былъ очень упрямъ и очень уповалъ на свое родство съ Ольгердомъ литовскимъ (онъ былъ ему зятемъ), но тутъ онъ поспѣшилъ уступить.

Въ двухъ затронутыхъ нами случаяхъ московская политика опредѣлила направленіе политики церковной—это во-первыхъ. Во-вторыхъ, можетъ получиться такое впечатлѣніе какъ будто сліяніе въ этой политикѣ двухъ естествъ, свѣтскаго и духовнаго, было результатомъ случайнаго и личнаго обстоятельства, положенія митрополита Алексѣя, какъ регента великаго княжества московскаго. Но первое было вовсе не обязательно, а второе было бы не правильно. Мы имѣемъ образчики такого же сліянія и при преемникахъ Алексѣя—случаи, притомъ, еще болѣе крупные, и гдѣ руководящая роль выпадаетъ на долю церковныхъ интересовъ. Такова была исторія распри митрополита съ Новгородомъ изъ-за „мѣсячнаго суда"—несомнѣнный прологъ къ той катастрофѣ, которая покончила съ новгородской свободой. Новгородскій владыка, при всей самостоятельности своего положенія, былъ

все же подчиненный относительно митрополита владиміро-московскаго. Это выражалось, между прочимъ, въ томъ, что владычный судъ въ Новгородѣ не былъ окончательнымъ: на рѣшенія его можно было апеллировать къ суду митрополита. Для разбора апелляціонныхъ жалобъ послѣдній пріѣзжалъ въ Новгородъ самъ, лично, или присылалъ намѣстника разъ въ четыре года. Митрополитъ или его представитель оставались въ городѣ мѣсяцъ (отсюда и названіе „мѣсячный судъ"), и пользовались своимъ пріѣздомъ, чтобы, кромѣ судебныхъ пошлинъ, получить съ Новгородцевъ возможно больше денегъ въ формѣ „кормовъ", подарковъ и т. д. Новѣйшій церковный историкъ исчисляетъ весь возможный доходъ московской митрополіи изъ этого источника въ двѣсти тысячъ рублей на теперешнія деньги. Уже подъ 1341 годомъ новгородскій лѣтописецъ записалъ жалобу на поборы митрополита,—тогда Ѳеогноста: „тяжко бысть владыкѣ и монастырямъ кормомъ и дары." Повидимому, аппетиты московскаго церковнаго начальства все росли, по мѣрѣ роста его власти и вліянія, потому что, четырнадцать лѣтъ спустя, новгородскій владыка Моисей жалуется уже императору и патріарху въ Константинополь, прося у нихъ „благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита". Но въ Константинополѣ кто былъ сильнѣе, тотъ и правѣе. И новгородцы въ концѣ-концовъ рѣшились обойтись своими средствами: въ 1385 году они на вѣчѣ составили грамоту, на которой и поцѣловали крестъ—у митрополита не судиться. Въ то же самое время владычный судъ въ Новгородѣ и получилъ окончательно то республиканское устройство, какое мы знаемъ: на немъ появились выборные засѣдатели, по два отъ бояръ и отъ житьихъ людей. Митрополитъ Пименъ, какъ разъ въ это время бывшій въ Новгородѣ, уѣхалъ оттуда съ пустыми руками. Та же участь семь лѣтъ спустя постигла и его преемника, Кипріана. Его приняли съ почетомъ и не отказали ему въ подаркахъ, но на его требованіе суда и пошлинъ ему было отвѣчено, что новгородцы „грамоты написали и запечатали, и душу запечатали". Распечатать новгородскую душу оказался безсиленъ даже самъ патріархъ, по настоянію Кипріана отлучившій отъ церкви всю новгородскую епархію, со владыкою во главѣ. Тогда вмѣшался въ дѣло московскій великій князь Василій Дмитріевичъ. Его войска заняли Торжокъ и Волокъ Ламскій, то-есть, по старому суздальскому обычаю, отрѣзали новгородскимъ гостямъ путь „на Низъ". Это оказалось дѣй-

ствительнѣе церковнаго отлученія, и новгородцы выдали митрополиту крестоцѣловальную грамоту. Но, по обыкновенію новгородскаго вѣча, то была уступка на первый разъ только юридическая: когда обрадовавшійся Кипріанъ снова пріѣхалъ въ Новгородъ, какъ онъ ни бился, а ни копейки ему получить не удалось. Что онъ ни дѣлалъ потомъ—разъ пытался собирать соборъ на новгородскаго архіепископа, другой разъ этого послѣдняго „посадилъ за сторожа въ Чудовѣ монастырѣ"—но „мѣсячнаго суда" такъ, повидимому, и не получилъ. И подчиненіе новгородской епархіи московскому митрополиту было достигнуто не раньше, чѣмъ политически Новгородъ былъ подчиненъ Москвѣ.

Но въ исторіи этого подчиненія церковныя дѣла и интересы настолько переплетаются одни съ другими, что представлять себѣ „паденіе Новгорода" внѣ связи съ церковной политикой совершенно невозможно—и на этомъ, самомъ крупномъ эпизодѣ „собирательной" политики московскихъ князей можно особенно хорошо видѣть, насколько московское государство не только въ идеологіи было созданіемъ церкви. Идеологія совершенно точно отражала реальныя отношенія, при чемъ, нѣтъ надобности этого говорить, реальная суть дѣла заключалась вовсе не въ тѣхъ идеалахъ, носительницей которыхъ официально заявляла себя церковь, а въ этой послѣдней, какъ извѣстной феодальной организаціи. Прежде всего, на церковной почвѣ произошелъ чрезвычайно выгодный для московской политики отколъ отъ Новгорода его меньшаго брата, Пскова. Если московскій митрополитъ эксплуатировалъ новгородскую церковь, то новгородскій владыка стоялъ въ такихъ же отношеніяхъ къ церкви псковской. Перипетіи этой церковной борьбы привели постепенно къ тому, что псковичи пожелали имѣть особаго владыку—и съ этимъ пожеланіемъ обратились, конечно, въ Москву, какъ церковный центръ. Здѣсь ихъ просьбы не удовлетворили—исторія съ „мѣсячнымъ судомъ" въ Новгородѣ отнюдь не располагала къ увеличенію числа вѣчевыхъ церквей, но антагонизмъ Пскова и Новгорода на церковной почвѣ использовали, заручившись союзомъ псковичей на случай московско-новгородской войны. Успѣхъ въ самой этой послѣдней, при Иванѣ Васильевичѣ, былъ на добрую половину обезпеченъ тѣмъ, что въ то время, какъ московскій великій князь располагалъ вполнѣ силами всѣхъ своихъ вассаловъ, Новгородъ былъ лишенъ военной подмоги со своихъ церковныхъ земель, ибо митрополитъ московскій, далеко не въ первый уже разъ,

открыто солидаризировался и въ этомъ случаѣ со своимъ княземъ, а у новгородскаго архіепископа не хватило духа пойти на явный церковный расколъ. Наконецъ, и самая юридическая форма послѣдняго разрыва Москвы и Новгорода была дана церковными отношеніями: „благочестія дѣлатель", великій князь Иванъ Васильевичъ, юридически, шелъ вовсе не противъ вѣча и новгородской свободы. Онъ шелъ возстановить православіе, пошатнувшееся въ Новгородѣ благодаря союзу послѣдняго съ „латинами", въ лицѣ польско-литовскаго короля Казиміра. Это былъ крестовый походъ, всѣмъ участникамъ котораго заранѣе было обезпечено царствіе небесное и прощеніе всѣхъ грѣховъ, неизбѣжно связанныхъ съ войною. „Писаніе сице глаголетъ: воинъ на брани за благовѣрье аще убьетъ, то не убійства вмѣнишася отъ св. отецъ". Псковичамъ великій князь писалъ въ офиціальной грамотѣ: „чтобы великому Новгороду цѣлованье съ себя крестное сложили да на конь съ нимъ (великимъ княземъ) всѣли на его службу, на великій Новгородъ, занеже отъ православія отступаютъ къ королю, къ латинскому государю". Ивана Васильевича, когда онъ отправлялся въ походъ, торжественно благословлялъ митрополитъ Филиппъ со всѣмъ „освященнымъ соборомъ"—„какъ Самуилъ благословлялъ Давида на Голіаѳа". Московское общественное мнѣніе глубоко проникло такой точкой зрѣнія на предметъ—и стиль крестоваго похода выдержанъ московскою лѣтописью безподобно. „Невѣрные изначала не знаютъ Бога: а эти новгородцы столько лѣтъ были въ христіанствѣ, а подъ конецъ начали отступать къ латинству!" разсказываетъ лѣтописецъ своимъ читателямъ. „Великій князь пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, но какъ на иноязычниковъ и на отступниковъ отъ православія; отступили они не только отъ своего государя, но и отъ самого Господа Бога. Какъ прежде прадѣдъ его великій князь Димитрій вооружился на безбожнаго Мамая, такъ и благовѣрный великій князь Іоаннъ пошелъ на этихъ отступниковъ". И всѣ мотивы отдѣльныхъ дѣятелей столкновенія сводились къ той же основной линіи. „Сія Марѳа окаянная" говоритъ лѣтописецъ о женщинѣ, стоявшей во главѣ противомосковской партіи, „весь народъ хотѣла прельстить, съ праваго пути ихъ совратить и къ латинству ихъ приложить: потому что тьма прелести латинской ослѣпила ей душевныя очи..."

„Тьма" религіознаго фанатизма, дѣйствительно, настолько окутываетъ послѣднія минуты Великаго Новгорода, что на-

стоящія причины катастрофы разсмотрѣть съ перваго взгляда довольно трудно. А онѣ очень характерны—и напоминаютъ намъ о тѣхъ двухъ факторахъ объединительной политики Москвы, которые мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, и которыхъ отнюдь не надо забывать изъ-за того, что они отчасти по скромности, отчасти по непривычкѣ формулировать свои требованія литературно, уступили первое мѣсто людямъ, умѣвшимъ говорить „отъ божественнаго“. То были московское боярство и московская буржуазія. Мы нигдѣ, правда, не слышимъ ихъ голоса: но за нихъ говорятъ факты, и говорятъ не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ московскія лѣтописи. Первое же крупное столкновеніе Москвы съ Новгородомъ, при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, въ 1397—98 годахъ, было чрезвычайно типичной „борьбой за рынки“. Впервые Москва осмѣлилась отнять у Новгорода Двину и все Заволочье, главный источникъ пушного товара, по которому Новгородъ держалъ монополію во всей Европѣ. Это не былъ просто разбойничій набѣгъ—это была колоніальная война большого стиля, въ которой Москва дѣйствовала чрезвычайно осмотрительно, видимо, разсчитывая прочно закрѣпить за собою захваченную землю. До насъ дошла жалованная грамота Василія Дмитріевича двинянамъ—крайне любопытная, потому что она показываетъ намъ, въ какомъ направленіи развивались внутреннія отношенія въ новгородскомъ обществѣ, и какъ пользовалась этимъ процессомъ московская политика. Грамота дана прежде всего боярамъ, и съ первыхъ же словъ начинаетъ заботиться о неприкосновенности бояръ, не только физической, но и моральной: „а кто кого излаетъ боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ, намѣстники присуждаютъ ему по его отечеству безчестіе“. Самъ же бояринъ могъ подвластнаго ему человѣка не только „излаять“, но, въ припадкѣ барскаго гнѣва, и убить: „а кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу, и случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ, ни вины (штрафа) не берутъ“. Какъ видимъ, если низшіе классы новгородскаго общества и склонны были съ надеждой оглядываться на Москву, то феодальная Москва отнюдь не склонна была потворствовать низшимъ классамъ—и старалась ассимилировать съ собою тѣ элементы новгородскаго общества, которые носили наиболѣе ярко выраженный феодальный характеръ. По отношенію къ Новгороду въ XV вѣкѣ происходило то же самое, что въ половинѣ XVII повторилось по отношенію къ Малороссіи, а въ первой половинѣ XIX по отношенію къ Польшѣ. Но изъ массы „чер-

ныхъ людей" двинская грамота выдѣляетъ, однако же, одинъ элементъ, интересами котораго, хотя и на послѣднемъ, а не на первомъ, мѣстѣ она занимается не менѣе, чѣмъ интересами боярства. Этимъ элементомъ было двинское купечество: „а куда поѣдутъ двиняне торговати", говоритъ великій князь, „ино имъ не надобѣ во всей моей отчинѣ въ великомъ княженіи ни тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостиная, ни явка, ни иныя нѣкоторыя пошлины. А черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидитъ или кто не имѣтъ ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ меня отъ великаго князя въ казни". Грамота освобождаетъ двинскихъ торговыхъ людей не только отъ поборовъ, но и отъ московской судебной волокиты—ихъ должны были судить или ихъ двинскія власти, или непосредственно самъ великій князь. Перспективы, развернутыя Москвой передъ двинскими землевладѣльцами и двинскимъ купечествомъ, были настолько заманчивы, что на Двинѣ образовалась московская партія, которой и удалось было провести присоединеніе богатѣйшей новгородской колоніи къ московскому великому княжеству. Но это было бы такой катастрофой для Новгорода, что въ борьбѣ съ захватомъ Двины онъ напрягъ всѣ свои силы—и въ концѣ-концовъ выигралъ войну. Двина и Заволочье остались пока за новгородцами—Москва отступила на время, твердо рѣшивъ, однако, что отложенное еще не значитъ потерянное. Два раза послѣ этого двинскіе эмигранты съ московской ратью появлялись въ Заволочьѣ—„на миру", „безъ вѣсти", т.-е. внезапно, безъ объявленія войны, грабили, убивали и съ полономъ скрывались во владѣніяхъ великаго князя. Только замѣшательства на самомъ московскомъ столѣ, при Василіи Темномъ, положили конецъ этой колоніальной войнѣ. Когда же въ 1471 году Иванъ Васильевичъ пошелъ своимъ крестовымъ походомъ на Новгородъ, особый отрядъ московскаго войска былъ отправленъ на Двину, которой онъ и завладѣлъ безъ большого труда: новгородскій лѣтописецъ прямо обвиняетъ двинянъ въ измѣнѣ. Но въ это время не стоило слишкомъ хлопотать о захватѣ одной изъ новгородскихъ колоній—когда сама метрополія со всѣми колоніями готовилась стать московской добычей. А едва она такой стала, московскіе князья немедленно положили конецъ коммерческой самостоятельности Новгорода: въ 1494 году, придравшись къ ничтожному предлогу, Иванъ III закрылъ нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ, арестовавъ при этомъ 49 купцовъ и конфисковавъ товаровъ на 96.000 марокъ серебра (около полумилліона рублей на теперешнія

деньги). Этимъ разумѣется не прекратилась торговля съ Западомъ: но ея центръ перешелъ въ Москву—московская буржуазія стала на мѣсто новгородской одновременно съ тѣмъ, какъ Новгородъ окончательно и безповоротно сталъ вотчиной московскаго князя.

Симпатіи московскаго общественнаго мнѣнія къ „благочестія дѣлателю", великому князю Ивану Васильевичу, имѣли, какъ видимъ, очень матеріальное основаніе. Московскій посадъ не могъ не сочувствовать походу, который передавалъ торговую гегемонію надъ Русью въ его руки. Но еще больше должны были сочувствовать дѣлу его непосредственные руководители—московскіе бояре. Поскольку для московской буржуазіи Новгородъ являлся торговымъ соперникомъ, обладателемъ лакомыхъ кусковъ, на которые зарилась она сама—постольку для боярства богатая серебромъ область была завиднымъ источникомъ всякаго рода поборовъ и пошлинъ: и недаромъ эти послѣдніе служили такимъ же яблокомъ раздора, какъ и Двина. Денежная эксплуатація Новгорода началась еще раньше, чѣмъ его колоніальныя войны съ Москвой. Уже въ 1384 году, послѣ разгрома московскаго княжества Тохтамышемъ, Дмитрій Ивановичъ попытался перевалить на Новгородъ часть (быть можетъ, бо́льшую) татарской контрибуціи, обложивъ новгородцевъ такъ называемымъ „чернымъ боромъ"—поголовной податью. На этотъ разъ новгородцамъ удалось уклониться отъ платежа—но въ Москвѣ не забыли своей претензіи и, два года спустя, оправившись отъ татарскаго разоренія, москвичи пришли ратью подъ самый Новгородъ. Теперь Дмитрію Ивановичу удалось получить 8.000 (по нынѣшнему 800.000) рублей. Эта контрибуція послужила исходнымъ пунктомъ дальнѣйшей распри: новгородцы разсматривали ее, какъ нѣчто экстренное и исключительное, московское же правительство видѣло здѣсь прецедентъ, которымъ и пользовалось все чаще и чаще. Чернаго бора требовали и Василій Дмитріевичъ, и Василій Васильевичъ—и подъ конецъ Новгородъ сталъ платить его даже, повидимому, безъ лишнихъ споровъ, особенно, если изъ Москвы бора „просили" учтиво и вѣжливо. Но у московскихъ князей аппетитъ росъ вмѣстѣ съ ѣдой. Когда, во время распри Василія Васильевича съ дядей Юріемъ и его сыновьями, Василіемъ Косымъ и Шемякой, положеніе князя на Москвѣ стало не прочно,—а перемѣна московскаго князя обозначала и перемѣну новгородскаго, ибо династія Калиты, вслѣдъ за великимъ княженіемъ владимирскимъ, успѣла монополизировать

въ свою пользу и новгородскій столъ—каждый изъ временныхъ государей спѣшилъ насладиться своимъ часомъ, и Василій Косой, просидѣвъ годъ въ Новгородѣ, просто-на-просто „много пограбилъ, ѣдучи по Мстѣ, и по Бѣжицкому верху и по Заволочью“. Но и будучи претендентомъ, каждый изъ спорящихъ князей искалъ случай сорвать съ богатаго города кое-что себѣ, хотя бы подъ тѣмъ предлогомъ, что Новгородъ, державшій строгій нейтралитетъ въ этихъ домашнихъ московскихъ распряхъ, принялъ къ себѣ его соперниковъ. На такомъ именно основаніи Василій Васильевичъ добился отъ новгородцевъ новой контрибуціи въ 8.000 рублей, какъ и его дѣдъ—придравшись къ тому, что новгородцы приняли его врага, Шемяку. Нельзя не замѣтить, что сопротивленіе города этимъ вымогательствамъ становилось все болѣе и болѣе вялымъ: по мѣрѣ того, какъ „московское княжество“ и „сѣверо-восточная Русь“ сливались въ одно понятіе, экономически Новгородъ все болѣе и болѣе попадалъ въ двойную зависимость отъ московскаго великаго князя. Съ одной стороны, Новгородъ по-прежнему не могъ обходиться безъ низового хлѣба, и Москва всегда могла принудить его къ повиновенію голодовкой, а надѣяться на то, что выручитъ кто-нибудь изъ другихъ князей, не приходилось, потому что ни одинъ изъ князей не смѣлъ теперь итти противъ Москвы. Съ другой стороны, „низъ“ былъ нуженъ новгородскому купцу, какъ рынокъ сбыта, а этотъ „низъ“ представлялъ теперь собою одно государство подъ главенствомъ князя московскаго. Поссорившись съ Москвой, теперь негдѣ было ни продавать, ни покупать. Въ Москвѣ понимали это—и наступали на вѣчевыя вольности все ближе и ближе, не потому, чтобы сознавали теоретическую несовмѣстимость вѣча съ московскими порядками или хотя бы интересовались этой стороной дѣла—а потому, что вѣчевые порядки стѣсняли финансовую эксплуатацію страны. Уже Василію Темному удалось фактически упразднить суверенитетъ Новгорода, добившись, послѣ похода 1456 года, лишній разъ доказавшаго военную слабость новгородской буржуазіи, того, что послѣдняя отказалась отъ „вѣчевыхъ грамотъ“—признала, другими словами, что городская община одна, безъ санкціи великаго князя, не можетъ издавать законовъ. Грамоты теперь имѣли силу только, если къ нимъ была привѣшена печать великаго князя. А практическій смыслъ этого ограниченія становится намъ совершенно ясенъ, когда мы узнаемъ, что тѣмъ же договоромъ 1456 года „черный боръ“ былъ превращенъ въ постоянную подать, и

за великимъ княземъ были закрѣплены судебные штрафы (раньше, повидимому, „утаивавшіеся“—т.-е. по большей части остававшіеся въ новгородскомъ карманѣ), „дары“ отъ волостей и всѣ пошлины по старинѣ. Иванъ III принципіально немного могъ сюда прибавить. Характерно, что послѣ своего „крестоваго похода“ въ 1471 году онъ оставилъ всю новгородскую администрацію въ прежнемъ видѣ. Въ договорѣ съ нимъ Новгорода послѣ этой войны—послѣднемъ договорѣ, который заключилъ еще вольный, номинально, городъ,—сохранены всѣ стереотипныя ограниченія княжеской власти: и суда безъ посадника не судити, и волостей безъ него не раздавать, и держать волости мужами новгородскими. Все это мало интересовало побѣдителя—главное для него было въ томъ, чтобы „суда“ (т.-е. судныхъ пошлинъ) „у намѣстниковъ не отнимати“—да „виры не таити“, да чтобы Новгородъ дѣлился съ нимъ, великимъ княземъ, новыми штрафами, что ввела „новгородская судная грамота“; да сверхъ того онъ взялъ контрибуціи уже 15.000 рублей (полтора милліона). Главный предлогъ дальнѣйшей распри—перенесеніе апелляціоннаго суда въ Москву, вопреки правилу всѣхъ договоровъ: „новгородца на Низу не судити“—сводился тоже къ финансовому вопросу, и новгородцы знали, что дѣлали, когда предлагали Ивану Васильевичу, за возвращеніе къ прежнему порядку, по 1.000 рублей каждые 4 года. Но великій князь разсчитывалъ и, вѣроятно, былъ правъ, что сохраненіе въ московскихъ рукахъ самаго п р а в а суда дастъ больше. Окончательный разгромъ города, выразившійся въ переводѣ въ „Низовскія земли“ 7.000 человѣкъ житьихъ людей, зажиточной новгородской буржуазіи, отчасти отвѣчалъ интересамъ московскихъ конкуррентовъ этой послѣдней, отчасти имѣлъ въ виду подсѣчь подъ корень всякое сопротивленіе финансовой эксплуатаціи. Районъ „кормленій“ московскаго боярства, расширившись вдвое географически, захватилъ теперь въ свои предѣлы богатѣйшую область тогдашней Россіи—и оно такъ широко использовало открывшіяся передъ нимъ возможности, что тридцать лѣтъ спустя послѣ покоренія, сынъ „благочестія дѣлателя“, великій князь Василій Ивановичъ долженъ былъ ограничить судебную власть своего намѣстника въ Новгородѣ, опасаясь, что иначе земля вовсе опустѣетъ.

Государственный переворотъ, произведенный въ Новгородѣ Иваномъ III, былъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ моментовъ „собирательной“ политики. За исключеніемъ борьбы съ Тверью, нигдѣ болѣе не играла такой роли о т к р ы т а я

сила. Но широкое примѣненіе этой послѣдней, само по себѣ, еще не давало „покоренію Новгорода“ исключительнаго характера. Иванъ Васильевичъ не для того ходилъ войною на Новгородъ, чтобы упразднить новгородскую автономію: онъ упразднилъ ее только потому, что она мѣшала ему быть въ Новгородѣ „такимъ же государемъ“, какъ на Москвѣ—т.-е. собирать доходы такимъ же порядкомъ, какъ и тамъ. Онъ бы, можетъ быть, и вѣче оставилъ—послѣ первой своей побѣды, въ 1471 году, онъ его не тронулъ—, если бы была какая-нибудь надежда добиться отъ него „соблюденіе правъ“ московскаго великаго князя. Только сознаніе того, что вѣче всегда будетъ опорой анти-московской крамолы, заставило Ивана Васильевича въ этомъ пунктѣ отступить отъ „старины“, на которую онъ такъ любилъ ссылаться и, конечно, не изъ одного лицемѣрія. Какъ и всѣ потомки Калиты, онъ менѣе всего былъ революціонеромъ. Боярскій совѣтъ, послѣ произведенной среди новгородскаго боярства чистки, казался болѣе безобиднымъ—и онъ остался, мы не знаемъ, правда, надолго ли. Въ 1481 году договоръ съ ливонскимъ орденомъ заключилъ, какъ бы то ни было, именно онъ, какъ бывало и въ старое время.

Этотъ консервативный характеръ московскаго завоеванія нашелъ себѣ особенно яркое выраженіе въ исторіи подчиненія Москвѣ Пскова. „Младшій братъ“ Великаго Новгорода, въ силу своего исключительно благопріятнаго географическаго положенія—близости къ нѣмецкимъ колоніямъ на восточномъ берегу Балтики—экономически скоро переросъ свой стольный городъ. Въ началѣ XVI вѣка во Псковѣ, только въ одномъ „Застѣньѣ“, т.-е. части города, окруженной стѣнами, безъ предмѣстій, считалось 6.500 дворовъ. Это даетъ не менѣе 30.000 населенія только самаго города, т.-е. тысячъ 50—60 жителей во всемъ Псковѣ, вмѣстѣ съ предмѣстьями. Для среднихъ вѣковъ это былъ громадный центръ—больше его, въ эту эпоху, была одна Москва; Новгородъ, вѣроятно,—меньше. Уже за двѣсти лѣтъ раньше Псковъ былъ настолько великъ, что новгородцы не смогли удержать его на положеніи своего пригорода, и договоромъ на Болотовѣ (1348 г.) отказались отъ права посылать во Псковъ своего посадника и требовать псковичей къ своему суду. Съ тѣхъ поръ псковская земля стала самостоятельнымъ княжествомъ, которое, однако же, очень скоро—съ послѣднихъ лѣтъ XIV вѣка—начинаетъ попадать въ зависимость отъ московскихъ великихъ князей. Эти послѣдніе и въ этомъ случаѣ представляли тор-

говые интересы центральной Россіи, для которыхъ важно было въ какомъ-нибудь пунктѣ нарушить новгородскую монополію торговли съ Западомъ и создать Новгороду конкурента въ лицѣ его „младшаго брата“. Съ другой стороны, псковичи, политически слишкомъ слабые, чтобы исключительно собственными силами отстоять свою экономическую независимость отъ своихъ нѣмецкихъ сосѣдей, привыкли ждать военной помощи отъ Москвы. Новгородъ, въ силу самыхъ условій возникновенія псковской автономіи, былъ скорѣе врагомъ, чѣмъ союзникомъ—да въ это время (XIV—XV вѣкъ) и въ военномъ отношеніи былъ далеко уже не то, что при Мстиславѣ Торопецкомъ. Ослабленіе демократіи дало, въ этомъ случаѣ, самые невыгодные результаты: Псковъ, болѣе военный, благодаря своему пограничному положенію, сохранилъ и болѣе демократическое устройство; „черные люди“ въ немъ еще въ самомъ концѣ XV вѣка сохранили вліяніе на дѣла и, что особенно характерно, вѣче, гдѣ участвовали эти „черные люди“, назначало военныхъ командировъ городской рати *). Соотвѣтственно съ этимъ, власть князя въ Псковѣ была еще тѣснѣе ограничена, нежели въ Новгородѣ: если только вообще можно говорить о „княжеской власти“ въ псковской республикѣ. „Псковскій князь“, говоритъ только что упомянутый нами изслѣдователь, котораго никакъ нельзя заподозрить въ преувеличеніи псковского демократизма, „былъ только главнымъ слугою вѣча, исполнялъ разнообразныя порученія послѣдняго, совершалъ съ псковичами походы на непріятеля, строилъ города, принималъ участіе даже въ постройкѣ церквей; но кромѣ судебной дѣятельности, служившей для него главнымъ источникомъ доходовъ, онъ не имѣлъ никакой опредѣленной роли въ общественныхъ дѣлахъ, ни въ законодательствѣ ни въ управленіи“ **).

Именно это политическое ничтожество псковского князя и позволило псковичамъ отнестись равнодушно къ такому факту, что, помимо Пскова, князь сталъ присягать великому князю московскому, превратившись, юридически, въ его намѣстника. Не все ли было, въ сущности, равно, въ качествѣ чего этотъ кормленщикъ псковской общины ходилъ въ походы и строилъ церкви? Но послѣдствія очень скоро пока-

*) Извѣстный спеціалистъ по исторіи Пскова покойный варшавскій профессоръ Никитскій въ своей работѣ „Внутренняя исторія Пскова“ считаетъ наоборотъ псковское устройство болѣе аристократическимъ чѣмъ новгородское, но доказательствъ этому никакихъ не приводитъ—а приводимые имъ факты рисуютъ совершенно противоположную картину.

**) Никитскій, названное сейчасъ сочиненіе, стр. 120.

зали, что эта почти незамѣтная юридическая перемѣна была симптомомъ очень серьезнаго измѣненія въ фактическомъ положеніи города. Сначала князь только присягалъ Москвѣ, а назначалъ его Псковъ. Потомъ сталъ и назначать великій князь; псковичи попробовали было удержать за собою право смѣщенія, но изъ Москвы имъ объяснили, что это значитъ „безчествовать“ великаго князя въ лицѣ его намѣстника, и предложили, въ случаѣ недовольства послѣднимъ, жаловаться на него въ Москву. Фактически, князь пересталъ зависѣть отъ вѣча, при чемъ оно само, вѣроятно, не сумѣло бы сказать, какъ это случилось и когда началось. Утѣшеніемъ оставалась крайняя ограниченность правъ этого, теперь уже не „республиканскаго магистрата“, а великокняжескаго губернатора. Но едва Иванъ Васильевичъ справился съ Новгородомъ, какъ онъ принялся за расширеніе привилегій и своего псковского агента. Расширеніе коснулось, само собою разумѣется, финансовой области—псковской князь потребовалъ себѣ „намѣстничьей деньги“ и увеличенія судебныхъ пошлинъ. Вѣче отказало, ссылаясь на „псковскую пошлину“. Иванъ Васильевичъ потребовалъ документальныхъ доказательствъ этой послѣдней. Псковичи предъявили грамоты, подписанныя ихъ прежними, выборными, князьями, но въ Москвѣ этимъ грамотамъ не придали никакого значенія: „то грамоты не великихъ князей“ сказали тамъ псковскимъ посланнымъ: „и вы бы князю Ярославу (намѣстнику) освободили, чего онъ у васъ нынѣ проситъ“. Тутъ впервые для Пскова выяснилось, какою дорогой цѣной онъ купилъ покровительство московскаго великаго князя: было очевидно, что псковская пошлина станетъ нарушаться всякій разъ, какъ она не сойдется съ пошлиной московской. Чтобы не оставалось въ этомъ сомнѣній, великій князь прямо объявилъ, что судъ въ псковской области будетъ впредь твориться не только по псковской старинѣ, но и по его, великаго князя, „засыльнымъ грамотамъ“: рядомъ съ вѣчевымъ приговоромъ и выше его сталъ „высочайшій указъ“ московскаго государя. Совершенно незамѣтно псковичи изъ „гражданъ“ превратились въ „подданныхъ“... При этомъ и вѣче, и боярскій совѣтъ, и выборные псковскіе судьи—все это оставалось на своемъ мѣстѣ: но перевѣсъ силы былъ настолько явно на сторонѣ Москвы, что сопротивляться Псковъ не рѣшился. Городская масса всколыхнулась только, когда изъ новаго юридическаго порядка Москва сдѣлала практическій выводъ: до сихъ поръ крестьянство псковской области, псковскіе „смерды“, были, какъ и

въ Новгородѣ, подданными городской общины—платили въ ея пользу подати и отправляли натуральныя повинности. Изъ нашихъ источниковъ не совсѣмъ ясно, что именно послужило поводомъ къ увеличенію этихъ податей и повинностей: быть можетъ, вѣче надѣялось переложить на сельское населеніе тѣ новые поборы, которые появились вмѣстѣ съ московскими порядками. Смерды заволновались, и московскій намѣстникъ оказался на ихъ сторонѣ. Апелляція къ псковской „пошлинѣ" дала точь въ точь такіе же результаты, какъ и прежде: найденныя въ городскомъ „ларѣ" (архивѣ) грамоты оказались, въ глазахъ Москвы, совершенно неубѣдительными. Псковичи были такъ ошеломлены этимъ новымъ покушеніемъ на права городской общины, что въ первую минуту заподозрили посаженнаго Москвою къ нимъ князя въ прямой поддѣлкѣ документовъ. Потомъ ярость вѣча обрушилась на посадниковъ, одного изъ которыхъ убили, а троихъ, бѣжавшихъ, заочно приговорили къ смертной казни—составили на нихъ „мертвую грамоту". Затѣмъ, нѣсколько придя въ себя, ревнители псковской „старины" сами, повидимому, прибѣгли къ фальсификаціи документовъ: какимъ-то попомъ при чрезвычайно подозрительныхъ обстоятельствахъ была якобы найдена грамота, уже безспорно, по мнѣнію псковичей, устанавливавшая права города на дань и трудъ смердовъ. Но Иванъ Васильевичъ рѣшительно отказался слушать что бы то ни было: и Псковъ вынужденъ былъ не только уничтожить „мертвую грамоту" на трехъ провинившихся передъ вѣчемъ посадниковъ, но и просить прощенія у великаго князя за то, что осмѣлился наказать непослушныхъ смердовъ. Городъ оказался лишеннымъ всякихъ финансовыхъ правъ на окружающую его страну—и всѣ полномочія коллективнаго господина по отношенію къ псковскимъ „волостямъ" перешли къ московскому государю: смерды стали теперь крѣпостными его, какъ раньше они были крѣпостными вѣчевой общины.

Послѣ всего этого формальное упраздненіе псковской независимости было только вопросомъ времени. Но Иванъ Васильевичъ не только не спѣшилъ съ нимъ, а напротивъ, готовъ былъ, повидимому, оттянуть этотъ моментъ на неопредѣленный срокъ, создавъ изъ Пскова удѣлъ для своего старшаго сына Василія, которому онъ сначала не хотѣлъ оставлять московскаго стола. До такой степени „собирателю" была чужда идея единаго національнаго государства! Защитниками этой послѣдней идеи неожиданно оказались сами псковичи, сообразившіе, что отдѣльный князь обойдется имъ

много дороже простого намѣстника, и потому упорно державшіеся теперь уже за московскую „пошлину“. Когда Василій Ивановичъ сдѣлался великимъ княземъ, онъ это и припомнилъ псковскому вѣчу, закончивъ, въ то же время, финансовую ассимиляцію Пскова съ остальными московскими владѣніями. „Лучшіе“ псковичи, изъ рядовъ, преимущественно, буржуазіи—землевладѣльческая аристократія въ Псковѣ далеко не была такъ сильна, какъ въ Новгородѣ—были сведены въ центральную Россію, а на ихъ мѣсто появилось триста купеческихъ семей изъ Москвы и ея пригородовъ. Вмѣстѣ съ ними во Псковъ пришли и московскіе торговые порядки: тамга и, вѣроятно, другіе торговые налоги и пошлины. Раньше псковичи торговали у себя безпошлинно, и добивались права безпошлиннаго торга даже на земляхъ ливонскаго ордена—и то, и другое ставило ихъ въ привилегированное положеніе относительно московскихъ купцовъ. Теперь и эта привилегія была отобрана.

Но финансово-экономическимъ завоеваніемъ Пскова (оно было дополнено введеніемъ московской монеты вмѣсто туземной, псковской) Василій Ивановичъ и ограничился. И послѣ него мы встрѣчаемъ въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, выборныхъ судей, старостъ съ цѣловальниками, присяжными. Мало того: можетъ-быть, по примѣру бывшихъ вѣчевыхъ общинъ, эти учрежденія были распространены въ XVI вѣкѣ на все московское государство. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи не пришлые москвичи вводили новые порядки, а наоборотъ: среди псковскихъ судебныхъ старостъ половина выбиралась изъ переведенныхъ въ Псковъ московскихъ купцовъ. И этимъ сохраненіемъ суда въ рукахъ буржуазіи московское господство не шло вразрѣзъ съ мѣстными порядками, а закрѣпляло то, что самостоятельно складывалось уже на мѣстахъ: въ Новгородѣ народъ, какъ мы знаемъ, былъ уже давно устраненъ отъ суда, а во Псковѣ развитіе шло въ томъ же направленіи. Видѣть тутъ какую-либо сознательную бережливость по отношенію къ мѣстнымъ особенностямъ, конечно, не приходится. Но отмѣчать этотъ консерватизмъ московскаго завоеванія нужно, чтобы не впасть въ очень распространенную ошибку, не представить себѣ „собиранія Руси“ образованіемъ единаго государства. Политическое единство „великорусской народности“ мы встрѣчаемъ лишь въ началѣ XVII вѣка, подъ вліяніемъ экономическихъ условій, много болѣе позднихъ, чѣмъ „уничтоженіе послѣднихъ удѣловъ“. Московское государство XVII вѣка было результатомъ

ликвидаціи феодальныхъ отношеній въ ихъ болѣе древней формѣ, а московскіе князья, до Василія Ивановича включительно, тѣмъ менѣе могли думать о такой ликвидаціи, что они сами были типичными феодальными владѣльцами. Вся ихъ забота сводилась къ исправному полученію доходовъ — и такъ же смотрѣла на дѣло вся ихъ администрація. Наши Уставныя грамоты начала XVI вѣка — не что иное, какъ такса поборовъ такого же типа, какъ въ любой боярской вотчинѣ. Сравните грамоту, которой жалуетъ своихъ „черныхъ крестьянъ" великій князь Василій Ивановичъ, съ жалованной грамотой, какую далъ Соловецкій монастырь своимъ крестьянамъ *) — и вы не замѣтите разницы. То, что впослѣдствіи стало функціей полицейскаго государства, осуществляется самими жителями: „а доищутся душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ и ихъ тіунамъ", и дальше, черезъ своихъ уполномоченныхъ, „старосту и лучшихъ людей", будутъ слѣдить, что съ пойманнымъ будутъ дѣлать волостель и его тіуны. Эти же послѣдніе, въ свою очередь, смотрѣли только за тѣмъ, чтобы въ волости „самосуда" не было: „а самосудъ то: кто поймаетъ вора съ поличнымъ да отпуститъ прочь, а волостелю и его тіуну не явитъ, а его въ томъ уличатъ"... Самосудъ—попытка утаить судебныя пошлины. „Управленіе" московскаго великаго князя, какъ и „управленіе" его удѣльнаго предка, было особой формой хозяйственной дѣятельности—и только. Когда пришлось въ широкомъ масштабѣ организовать полицію безопасности, ее возложили „на души" мѣстныхъ жителей, а намѣстниковъ и волостелей отставили по совершенной ихъ къ этому дѣлу неспособности. И сами волости, собравшіяся въ такомъ большомъ количествѣ въ рукахъ потомковъ Калиты, даже территоріально, продолжали сохранять свою прежнюю удѣльную физіономію. За выдачу замужъ дочери изъ одной великокняжеской волости въ другую, по-прежнему приходилось платить „выводную куницу". Границы этой волости также оставались неприкосновенными—и управляли ей очень часто тѣ же самые люди. Оболенское княжество еще въ половинѣ XVI вѣка было все въ рукахъ князей Оболенскихъ, давно ставшихъ слугами московскаго князя. Великій князь ярославскій и послѣ аннексіи Ярославля Москвою, въ 1463 году, остался намѣстникомъ великаго князя московскаго—а послѣ его смерти эту должность унаслѣдовалъ его сынъ. „Въ 1493 г., когда московскій воевода взялъ у

*) Акты Археограф. экси. т. I, №№ 144, 180, 221.

„Труды преподобнаго Сергія“.

Съ картины М. В. Нестерова.

(Объяснительный текстъ см. при картинѣ „Видѣніе отроку Варѳоломею“, стр. 176.)

ликвидации феодальныхъ отношеній въ ихъ бол[illegible]
[illegible]
тельно, тѣмъ менѣе могли думать о такой ликв[illegible]
они сами были типичными феодальными владѣль[illegible]
ихъ забота сводилась къ исправному полученію до[illegible]
и такъ же смотрѣла на дѣло вся ихъ администра[illegible]
Уставныя грамоты начала XVI вѣка—не что [illegible]
такса поборовъ такого же типа, какъ въ любой боя[illegible]
чинѣ. Сравните грамоту, которой жалуетъ своихъ „[illegible]
крестьянъ“ великій князь Василій Ивановичъ, съ жалов[illegible]
грамотой, какую далъ Соловецкій монастырь своимъ [illegible]
[illegible]
стало функціей полицейскаго государства, осущес[illegible]
мими жителями: „а доищутся душегубца, и они [illegible]
[illegible]
[illegible]
дить, что съ пойманнымъ будутъ дѣлать волос[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]о великаго князя, какъ и „управленіе“ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] и волостелей [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] За [illegible]
[illegible] одной [illegible]ской волости въ друг[illegible]
[illegible] Гра-
ницы этой волости также оставались неприкосновенным[illegible]
[illegible]
[illegible]жество еще въ половинѣ XVI вѣка было все въ [illegible]
[illegible]
князя. Великій князь ярославскій и послѣ аннексіи [illegible]
[illegible]
московскаго—а послѣ его смерти эту должность [illegible]
его сынъ. „Въ 1493 г., когда московскій во[illegible]

*) Акты Археограф. эксп. т. I, №№ 144, 180, 221.

Литвы Вязьму и князей Вяземскихъ привели въ Москву, великій князь ихъ пожаловалъ ихъ же вотчиною Вязьмою и повелѣлъ имъ себѣ служити" *). Если къ этому прибавить, что и раньше самостоятельность мелкихъ удѣльныхъ князей никогда не была полной — внѣшнія, дипломатическія сношенія, въ особенности съ Ордою, всегда составляли прерогативу великаго князя; право начинать войну и заключать миръ самостоятельно тоже имѣлъ только онъ; татарскую дань собиралъ тоже онъ, и что онъ съ нею дѣлалъ, касалось только его — то мы поймемъ, что медіатизированный князь, пересталъ быть самостоятельнымъ государемъ, могъ и не замѣтить этого, продолжая давать жалованныя грамоты „по старинѣ, какъ давалъ дѣдъ и отецъ его", еще поколѣнія два спустя послѣ медіатизаціи. Прибавимъ, что ему трудно было бы и растолковать, что онъ пересталъ быть государемъ,—да онъ и продолжалъ имъ быть, поскольку былъ государемъ всякій землевладѣлецъ.

Но если въ практикѣ великаго княжества московскаго не было ничего, къ чему могла бы привязаться идея единой россійской монархіи, то было налицо учрежденіе, въ которомъ единство было практически достигнуто—гдѣ, стало-быть, было мѣсто и для теоріи единодержавія. Раньше, чѣмъ московскій князь сталъ называть себя царемъ и великимъ княземъ всея Руси, давно уже былъ митрополитъ всея Руси: церковное объединеніе Россіи на нѣсколько столѣтій старше политическаго. Мы видѣли, какъ этому объединенію помогала татарщина, своими ярлыками создававшая изъ русской церкви государство въ государствѣ. Мы видѣли также, какъ ускорялся этотъ процессъ финансовой организаціей церкви—какъ единство митрополичьей казны приводило, само собою, къ подавленію церковной автономіи даже тамъ, гдѣ для нея была почва. Роль церкви, какъ могучей организующей силы, подмѣчена давно, но недостаточно оцѣнена даже на западѣ: идеализмъ нигдѣ не свилъ себѣ такого прочнаго гнѣзда, какъ въ церковной исторіи, по причинамъ вполнѣ понятнымъ. Экономическое значеніе церковныхъ учрежденій обычно выводилось изъ ихъ религіозныхъ функцій — хотя сами средневѣковые церковные документы, въ своей наивности, не умѣютъ скрыть, что дѣло происходило совсѣмъ наоборотъ. Ростовщичество древне-русскихъ монастырей, которое мы могли наблюдать уже въ XII вѣкѣ — и которымъ полна церковная

*) Ключевскій. „Боярская Дума", изд. 3-е, стр. 233—240.

полемическая литература вплоть до XVI, никакъ, конечно, нельзя связать логическою связью съ тѣми чудотворными иконами и мощами, какія въ тѣхъ монастыряхъ хранились. Первые крупные землевладѣльцы современнаго типа, находимые нами въ XV — XVI вѣкахъ, были тѣ же монастыри; первое примѣненіе принудительнаго крестьянскаго труда, предвосхищавшее будущій расцвѣтъ крѣпостного права, даютъ намъ монастырскія имѣнія; первыми крупными торговцами были опять-таки монастыри *). Употребляя красивое выраженіе историка боярской думы, церковь „держала въ рукахъ нити народнаго труда“ гораздо раньше, чѣмъ этого достигли свѣтскіе землевладѣльцы — и гораздо лучше ихъ. Изучая аграрный кризисъ XVI вѣка, мы увидимъ, какъ богатства и земли плыли въ руки церкви и уплывали изъ рукъ боярства: борьба противъ церковнаго землевладѣнія, а косвенно и вся „нестяжательская“ полемика **) не имѣютъ другого основанія, кромѣ этой конкурренціи свѣтскаго и духовнаго помѣщика. Но экономическая прогрессивность средневѣковой церкви вела къ тому, что она и въ политической области, и у насъ, и на Западѣ, шла впереди свѣтскаго феодальнаго общества. Теорію общественнаго договора западно-европейскій читатель XI вѣка впервые узналъ отъ богослова. У насъ, въ Россіи, теорія политическаго единодержавія, осмыслившая и связавшая въ одно стройное цѣлое пеструю практику ощупью двигавшагося „собиранія“, тоже обязана своимъ возникновеніемъ всецѣло церковной литературѣ.

Соотношеніе свѣтской и церковной властей и необходимость первой для послѣдней, хорошо и съ большою откровенностью, резюмированы въ одномъ нашемъ памятникѣ XVI вѣка, котораго съ другихъ сторонъ намъ еще не разъ придется касаться — такъ называемой „Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ“. „Сотворилъ Богъ благовѣрныхъ царей и великихъ князей и прочія власти на воздержаніе міра сего для спасенія душъ нашихъ“, говоритъ „Бесѣда“. „Если бы не царская всегодная гроза, то по своей волѣ многіе не стали бы каяться никогда, и поповъ бы не слушались, и даже прогнали бы поповъ“. И въ западной церковной литературѣ трудно найти лучшее выраженіе средневѣковаго

*) Выше уже говорилось о томъ, что въ кіевской Руси торговля такимъ предметомъ первой необходимости, какъ соль, сосредоточивалась въ рукахъ Кіево-Печерскаго монастыря; въ московскую эпоху она была въ рукахъ Соловецкаго монастыря, продававшаго ежегодно до ста тысячъ пудовъ соли.

**) О ней см. въ слѣдующей главѣ.

церковнаго взгляда на свѣтское государство, какъ на руку церкви („плеща мірскія"), обязанную силой подчинять церковной дисциплинѣ тѣхъ, кто не слушался церкви по доброй волѣ. Отсюда съ неизбѣжной логикой вытекало то, о чемъ наставлялъ еще въ концѣ XIV столѣтія константинопольскій патріархъ Антоній москвичей, вздумавшихъ было не поминать на эктеньяхъ византійскаго императора,— т.-е. переставшихъ за него молиться. „Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собой, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга". Отношеніе между этими двумя неразрывными частями христіанскаго міра византійской литературой давно было уподоблено тому, „какое существуетъ между тѣломъ и духомъ". „Какъ жизнь человѣческая идетъ правильно только въ томъ случаѣ, когда душа и тѣло находятся въ гармоніи между собой и тѣло слѣдуетъ разумнымъ велѣніямъ души", говоритъ „Эпанагога" патріарха Фотія, „такъ и въ государственномъ организмѣ благополучіе подданныхъ и правильное теченіе ихъ жизни наступаютъ тогда только, когда священство и императорство находятся въ согласіи". Изъ вѣжливости, придворный богословъ византійскаго императора не договариваетъ, кому принадлежитъ право возстановлять „согласіе" въ случаѣ спора, но выше имъ употребленное сравненіе достаточно краснорѣчиво. „Не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются", болѣе безцеремонно разъяснялъ впослѣдствіи эту истину царю Алексѣю патріархъ Никонъ.

Эти богословскія понятія въ Византійской имперіи давно стали почти—а отчасти даже и вполнѣ—юридическими нормами. Фактическое соотношеніе силъ на Востокѣ, гдѣ православію приходилось отстаивать свое существованіе отъ цѣлой тучи ересей и въ этой борьбѣ поминутно звать на помощь „свѣтскую руку", помѣшало развить до конца аналогію души и тѣла: тѣло здѣсь было слишкомъ нужно душѣ. Но нераздѣльность церкви и государства нашли себѣ въ Византіи другое выраженіе: нельзя было оставаться подданнымъ императора, переставъ быть вѣрнымъ сыномъ церкви. Только православный христіанинъ могъ быть полноправнымъ гражданиномъ, и отлученіе отъ церкви было равносильно лишенію всѣхъ правъ состоянія. Наоборотъ, принятіе православія дѣлало человѣка, хотѣлъ онъ этого или не хотѣлъ, и даже, вѣдалъ онъ это или не вѣдалъ, подданнымъ императора.

Принятіе Владиміромъ христіанства въ X вѣкѣ было немедленно истолковано въ Константинополѣ, какъ подчиненіе Руси Восточной имперіи. „Такъ называемые руссы", писалъ тотъ же патріархъ Фотій, „въ настоящее время промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ и друзей (нашихъ)..." Кіевскій князь получилъ опредѣленное мѣсто въ византійской придворной іерархіи, ставъ стольникомъ императора, и послѣдній въ глазахъ не только своихъ подданныхъ, но и западныхъ европейцевъ, сдѣлался „сюзереномъ Руси": ему жаловались на неправомѣрные поступки русскихъ властей, когда не могли найти на нихъ управы у туземнаго князя. Символомъ этой вассальной зависимости Руси отъ „царя" и служило поминовеніе его въ эктеньи, на прекращеніе чего жаловался патріархъ Антоній въ цитированной нами выше грамотѣ.

Реально, какъ мы знаемъ, удѣльная Русь зависѣла вовсе не отъ этого царя, а отъ другого, отъ татарскаго хана. Но теорія патріарха Фотія отнюдь не была забыта, а къ послѣднимъ годамъ XIV вѣка, когда о ней напомнилъ патріархъ Антоній, обстоятельства складывались такъ, что являлась возможность использовать ее непосредственно въ пользу московскаго великаго князя. Самъ византійскій патріархъ оговаривался, что царей, „которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы", христіане могутъ и отвергать. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ въ виду настоящихъ еретиковъ, въ точномъ богословскомъ значеніи этого слова. Но примитивный умъ московскихъ книжниковъ, горделиво заявлявшихъ о себѣ, что они „эллинскихъ борзостей не текли и риторскихъ астрономій не читали, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывали", ставили понятіе „ереси" гораздо шире. Всякій, кто, въ чемъ бы то ни было, былъ не согласенъ съ православной церковью, хотя бы только въ обрядахъ, былъ еретикъ. А особенно злыми еретиками были „латиняне", т.-е. католики: и тутъ уже, кромѣ примитивности древне-русскаго богословскаго мышленія, добрую долю отвѣтственности несли на себѣ и учителя русскихъ,—греки. Крестивъ Русь въ разгарѣ своей борьбы съ западной церковью, и не безъ конкурренціи съ этой послѣдней, византійское духовенство постаралось внушить своей новой паствѣ самое совершенное отвращеніе къ „латинѣ", какое только можно вообразить,—и церковныя поученія XI—XII вв. ставятъ даже

вопросъ: можно ли ѣсть изъ одной посуды съ католикомъ, не осквернившись? Греки и не подозрѣвали тогда, что имъ самимъ можетъ когда-нибудь грозить опасность подпасть обвиненію въ „латинской ереси“. Но когда въ XIV—XV вѣкахъ константинопольскіе императоры, стѣсненные турками, обратились за помощью на западъ, и, между прочимъ, къ папѣ— отъ котораго они ждали организаціи крестоваго похода противъ турокъ,— поведеніе ихъ стало представляться ихъ русскимъ „подданнымъ“ крайне сомнительнымъ. Когда же на Флорентинскомъ соборѣ (1439 года) царь и патріархъ вынуждены были, ради обѣщанной имъ военной помощи, подписать унію съ западной церковью, а пятнадцать лѣтъ спустя Царьградъ былъ взятъ турками, смыслъ этихъ явленій и ихъ взаимная связь не оставляли уже у русскихъ книжниковъ никакихъ сомнѣній. „Разумѣйте, дѣти“, писалъ въ 1471 г. митрополитъ московскій Филиппъ въ своей увѣщательной грамотѣ новгородцамъ: „царствующій градъ Константинополь и церкви Божіи непоколебимо стояли, пока благочестіе въ немъ сіяло, какъ солнце. А какъ оставилъ истину, да соединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною, да подписали папѣ золота ради, такъ и скончалъ безгодно свой животъ патріархъ, и Царьградъ впалъ въ руки поганыхъ турокъ“.

Но, помимо этого отрицательнаго вывода, паденіе Константинополя открыло передъ политической фантазіей московскихъ богослововъ положительныя перспективы необычайной широты и грандіозности. Въ самомъ дѣлѣ, ежели центръ вселенскаго православія измѣнилъ и перешелъ къ латинамъ морально, за что и былъ наказанъ физическимъ плѣненіемъ со стороны агарянъ, то къ кому же перешла роль этого центра? Въ Москвѣ имѣли основаніе думать, что за этимъ городомъ достаточно заслугъ передъ православной вѣрой, чтобы ей не показалось тяжко даже и наслѣдство Константинополя. Недаромъ же, когда митрополитъ Исидоръ явился изъ Флоренціи обратно на свою московскую каѳедру уніатомъ, великій князь Василій Васильевичъ такъ энергически „поборолъ по божьей церкви и по законѣ и по всемъ православномъ христіанствѣ и по древнему благолѣпію“ — и впадшій въ латинскую прелесть іерархъ не только „ничто же успѣ“ на Москвѣ, но, просидѣвъ малое время въ подвалѣ подъ Чудовымъ монастыремъ, долженъ былъ украдкою и переодѣвшись, бѣжать за границу обратно *). За этотъ подвигъ

*) Подробнѣе см. обо всемъ этомъ эпизодѣ въ слѣд. главѣ.

православный преемникъ Исидора, митрополитъ Іона, первый поставленный соборомъ русскихъ епископовъ, а не присланный изъ Константинополя, впервые примѣнилъ къ Василію Васильевичу титулъ, котораго прежде удостоивались только византійскіе императоры да татарскіе ханы, назвавъ его „боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси“. На мѣсто Константинополя естественно должна была стать Москва. „Сія убо вся благочестивая царствія, греческое и сербское, басанское и арбаназское Божіимъ попущеніемъ безбожные турци поплѣниша и покориша подъ свою власть“, заключаетъ современная „Повѣсть о разореніи Царьграда безбожными агарянами“— „наша же Русійская земля, Божіей милостью и молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ, растетъ и младѣетъ и возвышается... Два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть“.

Со значеніемъ этой знаменитой теоріи о „Москвѣ—третьемъ Римѣ“ въ исторіи русскихъ религіозныхъ представленій, читатели познакомятся въ другомъ мѣстѣ. Но ея политическія,—точнѣе, политико-литературныя,— слѣдствія были не менѣе обширны. Вышивая далѣе по этой канвѣ, фантазія русскихъ книжниковъ создала цѣлый романъ, въ которомъ не безъ художественности откристаллизовалась идея преемства московскаго царства отъ византійскаго императорства. Въ этой окончательной формѣ мы и возьмемъ эту идею, не анализируя ея состава детально, и не прослѣживая постепенныхъ этаповъ ея развитія: и та и другая задача болѣе относятся къ исторіи русской литературы, чѣмъ къ сюжету настоящей главы „Русской исторіи“.

Въ самомъ началѣ XVI вѣка къ кіевскому митрополиту Спиридону, прозванному за свой сердитый нравъ „Сатаной“, обратился одинъ его знакомый, „ищучи отъ него нѣкихъ прежнихъ лѣтъ отъ историкіи“. Бывшій кіевскій митрополитъ—онъ проживалъ тогда не то на покоѣ, не то въ заключеніи въ Ѳерапонтовомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ — былъ уже очень старъ, ему былъ 91 годъ отъ роду. Просьбу тѣмъ не менѣе онъ исполнилъ и послалъ своему любознательному знакомому нѣчто въ родѣ конспекта всемірной исторіи, необычайно своеобразнаго состава. Начинается изложеніе Спиридона, какъ водилось въ тѣ времена, съ разселенія сыновей Ноевыхъ по лицу только что просохшей отъ Всемірнаго потопа земли. Прослѣдивъ судьбу Ноева потомства до единственнаго уцѣлѣвшаго въ его памяти египетскаго фараона „Сеостра“ (Сезостриса Великаго, т.-е. Рамзеса II), авторъ

очень логично переходитъ къ Александру Македонскому, который, по общепринятой въ средніе вѣка легендарной его біографіи, былъ сыномъ не македонскаго царя Филиппа, а египетскаго жреца Нектанеба. Связавъ такимъ путемъ греческаго завоевателя Египта съ туземной династіей, совершенно естественно было перейти къ греческимъ государямъ послѣднихъ вѣковъ передъ Р. Хр.—къ Птоломеямъ. Но такъ какъ ихъ было много, по конспекту—20, то авторъ и рѣшилъ ихъ „преминуть“, спѣша къ самому интересному для него пункту разсказа. У послѣдняго Птоломея была дочь, „премудрая Клеопатра“. „Въ то время Юлій, кесарь римскій, послалъ своего зятя, стратига римскаго, именемъ Антонія (въ подлинникѣ „Онтонина“) на Египетъ воинствомъ“. Но премудрая Клеопатра приняла свои мѣры, и Антоній, вмѣсто того, чтобы воевать съ египетской царицей, женился на ней. Юлію, кесарю римскому, такой исходъ дѣла не показался удовлетворительнымъ: поставилъ онъ брата своего, Августа, стратигомъ и „послалъ его со всею областію римскою на Онтонина“. Антоній былъ убитъ, а царица Клеопатра, когда ее со всѣмъ богатствомъ египетскимъ на кораблѣ везли въ Римъ, уморила себя ядомъ.

Вскорѣ послѣ того, пока Августъ былъ еще въ Египтѣ, возстали на Юлія, кесаря римскаго, „ипатіи“ его, „Врутосъ, Помпліе и Красъ“, и убили его мечомъ. Пришла объ этомъ вѣсть къ Августу стратигу; созвалъ онъ на совѣтъ вельможъ и своихъ, римскихъ, и туземныхъ, египетскихъ, и повѣдалъ имъ о смерти Юлія Кесаря. И рѣшили римляне и египтяне вѣнчать, на мѣсто Юлія, Августа стратига вѣнцомъ римскаго царства. Облекли они его въ одежду царя Сезостриса, „перваго царя Египта“, въ порфиру и виссонъ, и возложили на голову ему митру Пора, царя индійскаго, которую принесъ Александръ Македонскій изъ Индіи, а на плечи „окройницу“ (бармы) „царя Филикса, владущаго вселенною“—и, украсивъ Августа регаліями владыкъ всего міра, воскликнули великимъ гласомъ: „Радуйся, Августе, цесарю римскій и всея вселенныя!“

Такъ объясняетъ нашъ разсказъ происхожденіе всемірной Римской имперіи, легшей въ основу всемірнаго христіанскаго царства средневѣковой политической литературы. Сдѣлавшись „цесаремъ Рима и всея вселенныя“, Августъ началъ „рядъ покладати“ на вселенную“: поставилъ во главѣ различныхъ областей міра своихъ братьевъ: „Патрикія“—царемъ Египту, Августалія—Александріи, а Пруса—на берегахъ

Вислы рѣки, въ городѣ, называвшемся Мамборокъ (Маріенбургъ); оттого и страна эта стала называться Пруссіей. Потомки Августова брата и царствовали здѣсь до четвертаго колѣна. Въ это время умеръ новгородскій воевода Гостомыслъ. Передъ смертью посовѣтовалъ онъ своимъ землякамъ послать въ Прусскую землю и призвать князя отъ тамо сущихъ родовъ римскаго царя Августа рода. Такъ и сдѣлали новгородцы: нашли они „нѣкоего князя, именемъ Рюрика", „суща отъ рода римска царя Августа", и призвали его княжить въ Новгородъ. Съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ Новгородѣ сродникъ Августа, царя всей вселенной, Новгородъ сталъ называться „Великимъ". „А отъ великаго князя Рюрика четвертое колѣно князь великій Владиміръ, просвѣтившій Русскую землю святымъ крещеніемъ.., а отъ него четвертое колѣно князь великій Владиміръ Всеволодовичъ".

Итакъ, династія, правившая Русью въ началѣ XVI вѣка, происходитъ не отъ безвѣстнаго варяжскаго конунга, а отъ самого царя всея вселенныя,—государь московскій Василій Ивановичъ, дальній потомокъ Владиміра Всеволодовича Мономаха, вотчичъ не только всей Русской земли, но и всего міра. Вотъ какой прямой выводъ слѣдовалъ изъ той концепціи всемірной исторіи, какую сообщилъ своему знакомому митрополитъ Спиридонъ. Это право московскаго государя прямое, неотъемлемое; великій князь московскій—законный наслѣдникъ всемірнаго римскаго императора. Оно признано было и самими императорами восточнаго Рима, при Владимірѣ Всеволодовичѣ добровольно переславшими на Русь императорскія инсигніи, въ томъ числѣ и знаменитую шапку Мономаха, ставшую самымъ наглядньмъ символомъ московской царской власти. Владиміръ Всеволодовичъ, разсказываетъ тотъ же митрополитъ Спиридонъ, собралъ разъ на совѣтъ своихъ князей и своихъ бояръ, и сталъ къ нимъ держать такую рѣчь: „Вотъ, предки мои ходили и брали дань съ Константинополя, новаго Рима. А я ихъ наслѣдникъ: такъ не попытать ли и мнѣ тамъ счастья? Какой мнѣ совѣтъ дадите?" И сказали князья, и бояре, и воеводы: „сердце царево въ рукѣ Божіей, а мы есмы въ твоей волѣ, государя нашего по Бозѣ". Тогда Владиміръ отправилъ своихъ воеводъ походомъ на Ѳракію, и „поплѣниша ю довольно". Тогдашній византійскій императоръ, Константинъ Мономахъ, воевалъ въ это время съ персами и съ латинами—былъ, значитъ, въ очень стѣсненномъ положеніи. Не въ состояніи отразить русскаго наше-

ствія, онъ рѣшилъ склонить русскаго князя на миръ. Снялъ онъ со своей шеи крестъ „отъ самаго животворящаго древа“, снялъ свой царскій вѣнецъ, велѣлъ принести сердоликовую чашу, изъ которой пилъ на пирахъ Августъ, царь римскій, и бармы, которыя императоры носили на плечахъ,—и все это отослалъ Владиміру Всеволодовичу, какъ законному наслѣднику своей власти: „прими отъ насъ, боголюбивый и благовѣрный князь, сіи честные дары отъ начатокъ вѣчнаго твоего родства... на славу и честь, и вѣнчаніе твоего вольнаго и самодержавнаго царствія...“ Посолъ императора, митрополитъ эѳесскій Неофитъ, и вѣнчалъ Мономаха—какъ стали называть теперь Владиміра Всеволодовича—на царство всѣми присланными регаліями. Съ тѣхъ поръ и донынѣ вѣнчаются тѣмъ царскимъ вѣнцомъ великіе князья владимірскіе. Внутренняя сила наслѣдственнаго права государя московскаго была, такимъ путемъ, въ свое время закрѣплена при помощи внѣшняго обряда.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться долго на критикѣ „историкіи“, написанной митрополитомъ Спиридономъ. Что касается первой ея части, то всякому достаточно извѣстно, что Августъ не былъ вотчичемъ римскаго государства и не могъ подѣлить его между своими братьями, которыхъ притомъ у него и не было. Не могъ онъ дать одному изъ этихъ несуществовавшихъ братьевъ городъ Маріенбургъ, основанный въ XIII вѣкѣ нѣмецкими рыцарями. И самый разсказъ о коронованіи Августа въ Египтѣ коронами всего міра—такой же точно историко-политическій романъ, какъ и разсказъ о происхожденіи Александра Македонскаго отъ египетскаго „волхва“ Нектанеба. Словомъ, фантастичность этой части Спиридонова повѣствованія стоитъ внѣ всякаго спора. Но еще не такъ давно (въ кое-какихъ учебникахъ это можно встрѣтить и до сихъ поръ) придавали нѣкоторую, съ оговорками, историческую цѣну второй части разсказа, о регаліяхъ Мономаха. Однакоже, легендарность и этого разсказа ясна какъ нельзя болѣе. Ни одна подробность его не подходитъ къ тому времени и къ тѣмъ лицамъ, о которыхъ онъ говоритъ. Константинъ Мономахъ умеръ, когда Владиміру Всеволодовичу было всего два года. Онъ не могъ воевать съ персами, царство которыхъ было разрушено за сотни лѣтъ раньше арабами. Онъ не могъ посылать на Русь эѳесскаго митрополита Неофита, потому что такого митрополита не было въ Эѳесѣ ни въ то время, ни раньше, ни позже. Археологическія изслѣдованія доказали, что шапка Мономаха не

была съ самаго начала царскимъ вѣнцомъ: отличительный признакъ царской короны—полушаріе съ крестомъ наверху—придѣланъ къ ней впослѣдствіи. Сначала это была не царская корона, а просто „золотая шапка“, подъ каковымъ именемъ она и значится въ завѣщаніяхъ московскихъ князей XIV вѣка. Очевидно, не присутствіе въ великокняжеской казнѣ этой шапки напоминало московскому князю о его вселенскомъ значеніи—а, напротивъ, потому, что онъ сталъ пріобрѣтать въ своихъ глазахъ такое значеніе, ему понадобилась царская корона. То, что сейчасъ сказано о шапкѣ Мономаха, вполнѣ приложимо и ко всему разсказу: не потому стали считать московскаго царя наслѣдникомъ восточнаго—въ глазахъ православныхъ всемірнаго—императора, что какому-то досужему книжнику пришло въ голову сочинить разсказанную выше легенду; легенда понадобилась потому, что „великій князь владимірскій“, потомокъ Рюрика и Владиміра Мономаха, сталъ фактически наслѣдникомъ того „православнаго царства“, представителемъ котораго до сихъ поръ былъ восточный императоръ.

Разсказъ, который мы находимъ у митрополита Спиридона (вѣроятно, не бывшаго его авторомъ, а пересказывавшаго съ чужихъ словъ), быстро получилъ чрезвычайно широкое распространеніе. „Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ“ еще не было извѣстно въ 1480 г. въ московскихъ офиціальныхъ кругахъ: въ посланіи ростовскаго архіепископа Вассіана къ Ивану III, по поводу нашествія хана Ахмата, въ числѣ прародителей великаго князя не поминается кесарь Августъ, а по поводу Владиміра Мономаха говорится лишь о его битвахъ съ половцами—и ни слова о какихъ-либо сношеніяхъ съ Византіей. Лѣтъ 50 спустя и фантастическая родословная князей владимірскихъ, и легенда о мономаховыхъ регаліяхъ были приняты официально, и Иванъ Грозный говорилъ о своемъ происхожденіи отъ Августа Кесаря, какъ о дѣлѣ общеизвѣстномъ.

Потомками римскихъ императоровъ по этой генеологіи были, конечно, всѣ наличные рюриковичи — т.-е. не только великій, но и всѣ удѣльные князья. Но „православное царство“ могло имѣть только одного главу—даже семья великаго князя могла подняться надъ другими княжескими семьями только черезъ него, а не сама по себѣ. Неопредѣленная зависимость слабаго отъ сильнаго, лежавшая въ основѣ княжескихъ договоровъ удѣльной поры, смѣняется вполнѣ опредѣленнымъ подданствомъ удѣльнаго князя, какъ право-

славнаго христіанина, главѣ всемірнаго христіанскаго царства. Само собою разумѣется, что это новое пониманіе дѣла ни на іоту не могло измѣнить реальнаго соотношенія силъ: національные короли Западной Европы, французскій или англійскій, могли сколько угодно на словахъ признавать свою зависимость отъ западнаго императора, послѣдній могъ сколько угодно настаивать на томъ, чтобы его принимали въ ихъ столицахъ не какъ гостя, а какъ хозяина—послѣдствія всѣхъ этихъ притязаній и разговоровъ не шли дальше этикета; на практикѣ, государь священной Римской имперіи не только въ Парижѣ или Лондонѣ, а и у себя дома, въ Германіи, значилъ подчасъ меньше, нежели король французскій. Московскій князь практически былъ несравненно сильнѣе всѣхъ удѣльныхъ къ концу XV вѣка: наиболѣе крупныя изъ нѣкогда соперничавшихъ съ Москвою династій были медіатизированы, предварительно пройдя стадію подручничества у своего московскаго старшаго брата. Рязань находилась въ такомъ положеніи уже съ 1456 года: малолѣтній наслѣдникъ княжества и проживалъ въ Москвѣ, а въ его стольномъ городѣ сидѣли московскіе намѣстники. Выросши, рязанскій княжичъ самъ, въ сущности, превратился въ такого же намѣстника, а номинальная независимость при немъ Рязани объясняется, кажется, ближе всего тѣмъ, что онъ былъ женатъ на сестрѣ Ивана III и такимъ путемъ сдѣлался членомъ московской княжеской семьи. Подъ опекой Москвы въ Рязани просидѣло еще два поколѣнія потомковъ Олега Ивановича,—при чемъ территорія „независимаго“ княжества все сокращалась, такъ какъ выморочные рязанскіе удѣлы доставались прямо князю московскому. Возможно, что рязанскіе князья такъ мирно и перешли бы въ бояръ великаго князя, подобно ярославской династіи, если бы послѣдній рязанскій княжичъ, Иванъ Ивановичъ, не запутался въ какія-то подозрительныя отношенія съ татарами—что и было ближайшимъ поводомъ къ официальному „присоединенію Рязани“ въ 1520 году. Съ Тверью дѣло кончилось еще раньше и рѣшительнѣе: превращенный договоромъ 1485 г. въ московскаго подручника, князь Михаилъ Борисовичъ очень недолго вытерпѣлъ въ такомъ положеніи и, по традиціи, обратился за помощью въ Литву, къ Казиміру. Но дѣло тверского князя имѣло настолько безнадежный видъ, что король Казиміръ не нашелъ для себя выгоднымъ ссориться изъ-за него съ Москвой и отказалъ въ своей помощи. А 12 сентября 1486 года Тверь была взята московской ратью, и князь Михаилъ Бо-

рисовичъ искалъ теперь у Казиміра уже не поддержки, какъ политическій противникъ Москвы, а убѣжища, какъ эмигрантъ. Но съ паденіемъ Твери и Рязани никакихъ, имѣющихъ политическое значеніе, удѣловъ не осталось въ сѣверо-восточной Руси, внѣ предѣловъ династіи Калиты. Только родные и двоюродные братья великаго князя были теперь покрупнѣе обычныхъ феодальныхъ владѣльцевъ—но они были, даже всѣ вмѣстѣ, мельче его самого. По духовному завѣщанію Ивана III его старшій сынъ, Василій Ивановичъ, получилъ 66 городовъ съ волостями, а всѣ остальные четверо его сыновей вмѣстѣ—только 30. Въ каждую тысячу ордынской дани Василій Ивановичъ вносилъ 717 рублей, а всѣ остальные его братья 283. Даже при коалиціи всѣхъ младшихъ противъ старшаго, за послѣднимъ оставался громадный перевѣсъ. Церковная теорія была весьма кстати, чтобы освятить совершившійся фактъ. Удѣльный князь, писалъ одному изъ братьевъ Василія знаменитый волоколамскій игуменъ, Іосифъ Санинъ, родоначальникъ „осифлянскаго“ направленія московской публицистики, долженъ „отъ сердца воздавать любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должное покореніе, и послушаніе, и благодареніе, и работающе ему по всей волѣ его и повелѣнію его, яко Господеви работающе, а не человѣкомъ“.

Но наиболѣе неожиданные эффекты давала новая теорія въ области отношеній международныхъ въ настоящемъ смыслѣ—отношеній московскаго государя къ нерусскимъ землямъ. Два факта, обыкновенно украшающіе собою главу объ Іоаннѣ III въ школьныхъ учебникахъ—„сверженіе татарскаго ига“ и бракъ московскаго великаго князя съ византійской княжной Софьей Палеологъ непосредственно связаны съ разсматриваемымъ нами цикломъ идей. Относительно послѣдняго событія теперь не можетъ быть сомнѣній, что тутъ не было никакой благопріятной для московскаго государя случайности, что это былъ обдуманный шагъ московской политики—что Иванъ Васильевичъ спеціально искалъ себѣ именно такую невѣсту, и посылалъ особыхъ агентовъ въ Италію хлопотать объ этомъ бракѣ. Нѣтъ надобности объяснять, почему „царь всего православнаго христіанства“ не удовлетворялся теперь русскими княжнами и искалъ себѣ лучшей, по его мнѣнію, партіи. „Сверженіе татарскаго ига“ въ 1480 году было, собственно, торжественной формальностью: уже почти сто лѣтъ Орда могла добиться повиновенія отъ сѣверо-восточной Руси только путемъ повторныхъ военныхъ экспедицій, которыя

не всегда и удавались притомъ, какъ показывалъ примѣръ Мамая. Мѣсто монголовъ въ авангардѣ тюркскихъ племенъ давно заняли турки-османы, центромъ вниманія которыхъ была южная Европа, въ первую очередь Балканскій полуостровъ, тогда какъ русскимъ еще не приходилось съ ними соприкасаться непосредственно. Въ связи съ передвиженіемъ театра тюркскаго наступленія къ югу и среди обломковъ бывшей орды Чингисхана и Батыя выдвинулись на первое мѣсто крымскіе татары,—впослѣдствіи вѣрные союзники и вассалы турецкаго султана. Но ихъ набѣги грозили, главнымъ образомъ, юго-западной, литовско-польской Руси—а для московскаго великаго князя, именно въ силу этого, крымскій ханъ часто являлся союзникомъ. Такъ было и въ 1480 году, когда нашествіе хана большой орды, Ахмата, всѣми признаками напоминало простой разбойничій набѣгъ, а отнюдь не завоевательные походы Чингиза или Тамерлана. Тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно, и въ отраженіи этого набѣга Иванъ Васильевичъ отнюдь не обнаружилъ большой смѣлости — и рѣшимость ликвидировать начисто свои отношенія къ Ордѣ пришла къ нему, только подъ настойчивымъ вліяніемъ церкви. Участіе въ этомъ дѣлѣ епископа Вассіана было совсѣмъ не случайно—и аргументація Вассіана прямо отправлялась отъ новыхъ политическихъ понятій, возникшихъ въ XV вѣкѣ. „Какой пророкъ пророчествовалъ или какой апостолъ или святитель научилъ тебя, великаго русскихъ странъ христіанскаго царя повиноваться сему богостудному и скверненому, самозванному царю“, хану Ахмату— писалъ Вассіанъ Ивану III. Было время, когда церковь не гнушалась признавать владыку Золотой Орды „царемъ“ по преимуществу: но это время давно прошло....

„Великій русскихъ странъ христіанскій царь“ не только не могъ быть въ подчиненіи у какого-то татарскаго хана — но и дружбою своею могъ удостоить не всякаго. Во всей Европѣ былъ ему только одинъ ровня — „кесарь римскій“, императоръ западной имперіи. Но практически московскому правительству чаще приходилось имѣть дѣло не съ нимъ, а съ государями польскими и шведскими. А какъ разъ въ XVI вѣкѣ, на другой день, можно сказать, послѣ того, какъ Москва стала „Третьимъ Римомъ“, а московскій царь — преемникомъ „кесарей ромэйскихъ“, и шведскій и польскій троны оказались „плохо занятыми“ съ точки зрѣнія царскаго мѣстничества: государи на нихъ были выборные, не могшіе похвастаться своей генеалогіей. Это было безконечнымъ источникомъ

самодовольства для московскихъ государей и ихъ дипломатовъ. Грозный писалъ шведскому королю Іоанну Вазѣ: „И ты скажи, отецъ твой, Густавъ, чей сынъ, и какъ дѣда твоего звали, и съ которыми государи былъ въ братствѣ, и котораго ты роду государскаго?“ А бояре говорили шведскимъ посламъ „въ разсудъ, а не въ укоръ“ про ихъ, пословъ, государя: „котораго онъ роду и какъ животиною торговалъ и въ свейскую землю пришелъ: то недавно ся дѣяло и всѣмъ вѣдомо“. Въ 1578 году посламъ польскаго короля Стефана Баторія, ранѣе бывшаго воеводою седмиградскимъ, было сказано, что великому государю съ королемъ Стефаномъ быти въ братствѣ непригоже, потому что его государство почало отъ Августа, кесаря Римскаго, и отъ Пруса, Августова брата: что польскіе короли Сигизмундъ и Сигизмундъ Августъ (изъ династіи Ягеллоновъ) были славные великіе государи, наши братья, по всей вселенной вѣдомы, а что „Седмиградскаго государства нигдѣ есмя не слыхали“..... Позднѣе Грозный объяснялъ, что такъ и не узналъ родства Баторія, „какова онъ роду человѣкъ и которыхъ государей племя“ и что потому, „берегучи своего царства чести“, онъ допрашивалъ его пословъ, „какого родства государь ихъ, Стефанъ король? чтобы нашему царству въ томъ укоризны не было, что который не нашъ братъ, да намъ братомъ учинится“... А такъ какъ Грозный слышалъ про Баторія „въ каковой онъ низости былъ до сего времени“, то московскому государю было короля „для его родственныя низости братомъ писати не пригоже“.....

Итакъ, новая теорія вела, прежде всего къ внѣшнему, такъ сказать географическому расширенію власти великаго князя московскаго: она помогала ему обосновать свои притязанія въ той области, гдѣ старая удѣльная традиція не давала ему твердой почвы,—какъ это было въ отношеніяхъ къ удѣльнымъ князьямъ и къ Новгороду; эта же теорія сразу дала опредѣленный тонъ и дипломатическимъ сношеніямъ съ иноземными государями, тонъ очень повышенный, какъ мы сейчасъ видѣли; она, наконецъ, поскольку рѣчь шла объ отношеніяхъ къ татарамъ, помогла московскому князю сознать себя самодержцемъ въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова: какъ извѣстно, тогда подъ „самодержавіемъ“ разумѣлась не абсолютная власть царя внутри государства, а его независимость извнѣ, отъ сосѣдей,—„самодержцу“ противополагался не государь съ ограниченной властью, а вассалъ. Насколько теорія оправдывала самодержавіе въ

нашемъ смыслѣ этого слова, т.-е. абсолютизмъ? Обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ очень категорически: новая теорія освящала самыя широкія притязанія, какія только могъ заявить московскій государь. Она провозгласила его намѣстникомъ Бога на землѣ, даже земнымъ Богомъ (Іосифъ Волоколамскій писалъ о государяхъ: „Бози есте и нарицаетесь"), а неповиновеніе ему—не только преступленіемъ передъ человѣческими законами, но и тяжкимъ грѣхомъ передъ Богомъ; измѣнить царю, значитъ погубить свою душу—такъ объяснялъ Грозный эту теорію Курбскому. Соглашаясь въ этомъ случаѣ съ Грознымъ, изслѣдователи нѣсколько неосторожно подчиняются такому толкованію теоріи, какое давали заинтересованныя въ дѣлѣ лица. Присмотрѣвшись къ ней ближе, и отрѣшившись отъ условно-офиціальнаго ея пониманія, мы найдемъ, что она далеко не оправдывала той формы абсолютизма, какую пытался осуществить Грозный. Въ своихъ непосредственныхъ выводахъ она не расширяла, а ограничивала патріархальный деспотизмъ. По крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ она представляется намъ даже революціонной, и ею дѣйствительно пользовались для оправданія революцій.

Прежде всего, царь православнаго христіанства долженъ быть, конечно, православнымъ. Патріархъ Антоній, изъ грамоты котораго московскіе великіе князья, повидимому, многому научились, прямо оправдываетъ неповиновеніе царю, впавшему въ ересь. Іосифъ Волоколамскій,—этотъ, по общему мнѣнію, основатель московскаго самодержавія—тоже ставитъ вопросъ: обязанъ ли православный христіанинъ повиноваться неправославному царю?—и отвѣчаетъ на него отрицательно,—потому что Бога больше слѣдуетъ слушаться, нежели людей. Подъ перомъ Іосифа эти разсужденія носятъ еще довольно невинный академическій характеръ: самый большой практическій результатъ, на который они мѣтили, могъ состоять развѣ въ томъ, чтобы попугать нѣсколько Ивана Васильевича, иногда слишкомъ равнодушнаго къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, какъ думало тогдашнее духовенство. Политическіе враги московскаго великаго князя еще не усвоили себѣ тогда новой теоріи или не успѣли ею воспользоваться. Полвѣка спустя дѣло измѣнилось значительно для него къ худшему. При внукѣ Ивана III боярская оппозиція въ лицѣ Курбскаго очень ловко пользовалась аргументаціей, освященной авторитетомъ Іосифа Волоколамскаго. Обвиненіе, которое бросилъ Грозному Курбскій, обвиненіе въ

„небытной ереси"—въ отрицаніи страшнаго суда и мздовоздаянія грѣшникамъ—въ XVI вѣкѣ было далеко не риторической фразой, какой оно кажется намъ теперь. Въ немъ было вполнѣ реальное содержаніе: отрицаніе воскресенія мертвыхъ и страшнаго суда составляло одну изъ замѣтныхъ частей того богомильскаго толка, который вскрывался на Руси не разъ на протяженіи двухъ столѣтій, подъ именемъ стригольничества и жидовства *). Недаромъ Грозный такъ старательно опровергалъ это обвиненіе, стараясь оборотить его на противника, не одинъ разъ повторяя, что онъ-то, Иванъ, вѣруетъ страшному Спасову судищу и не причастенъ „манихейской" (т.-е. богомильской) ереси, а вотъ вѣруетъ ли Курбскій,—сомнительно. Аргументъ Курбскаго для того времени былъ очень силенъ и, употребляя его собственное выраженіе, „зѣло кусателенъ".

Обостреніе борьбы все больше и больше расширяло примѣненіе этого аргумента. Отъ смутнаго времени до насъ дошелъ одинъ весьма любопытный памфлетъ, обыкновенно приписываемый Авраамію Палицыну, — едва ли справедливо, какъ увидимъ впослѣдствіи. Авторъ этого памфлета ярый сторонникъ Романовыхъ: ихъ ссылку при Годуновѣ онъ считаетъ однимъ изъ главныхъ грѣховъ, навлекшихъ смуту на Русскую землю. Симпатіи къ Романовымъ сами собою обусловливаютъ антипатію автора къ Годунову. Въ наше время антипатія выразилась бы, вѣроятно, въ отрицаніи всякихъ заслугъ Годунова передъ Россіей — въ очерненіи всей его политики: но, къ немалому нашему удивленію, публицистъ смутнаго времени не думаетъ отрицать политическихъ заслугъ Бориса. Только въ его глазахъ вовсе не онѣ имѣютъ рѣшающее значеніе: всѣ его заботы о матеріальномъ благосостояніи его подданныхъ ничего не стоятъ, потому что Борисъ плохо заботился объ ихъ душахъ и могъ своей политикой даже повредить душевному спасенію русскаго народа. Во-первыхъ, Борисъ почиталъ иноязычниковъ—нѣмцевъ—паче „священноначальствующихъ", и даже дочь свою хотѣлъ выдать за нѣмца; потакалъ „ереси армянской и латинской" и принималъ у себя людей, зараженныхъ такими ересями. Для всего этого, однако, авторъ находитъ еще оправданіе въ богословскомъ невѣжествѣ Бориса — въ томъ, что онъ „писанію божественному не навыкъ". Но вотъ чего нельзя уже было оправдать и отсутствіемъ богословскаго образованія: во

*) См. подробнѣе объ этихъ ересяхъ слѣд. главу.

Москва XVI столѣтія.

Оригиналъ картона А. М. Васнецова *Москва XVI столѣтія* (1891 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 402) и можетъ представлять болѣе историческій, чѣмъ какой-либо художественный интересъ. Того же Апол. Васнецова картина *Старая Москва* находится въ Русскомъ музеѣ Александра III въ С.-Петербургѣ (№ 2009); она изображаетъ одну изъ замоскворѣцкихъ улицъ Москвы XVI столѣтія, ту самую, на которой находилась изображенная на правой сторонѣ нашего картона вышка съ тремя остроконечными главами. Это — Москва Ивана Грознаго послѣ взятія Казани, когда уже былъ готовъ и открытъ Покровскій соборъ на Красной площади, Москва опричнины и мѣстничества, Москва пожаровъ и безчисленныхъ казней, зарожденія типографскаго искусства и англійской торговли, Москва подготовительница Смутной эпохи, а равно выборныхъ, призванныхъ и даже самозванныхъ царей, Москва разрушительница устоевъ удѣльной Руси и ея феодальныхъ привычекъ. Объ опытахъ реставраціи внѣшняго вида старой Москвы будетъ сказано далѣе при картинахъ Москвы XVII вѣка, а здѣсь цѣннѣе всего ограничиться сопоставленіемъ Москвы XVI в. Апол. Васнецова съ литературнымъ изображеніемъ внѣшняго вида Москвы XVI в. у гр. А. К. Толстого въ повѣсти *Князь Серебряный* (гл. IV). „Если бы читатель, пишетъ гр. А. Толстой, могъ перенестись лѣтъ за триста назадъ и посмотрѣть съ высокой колокольни на тогдашнюю Москву, онъ нашелъ бы въ ней мало сходства съ теперешнею. Берега Москвы-рѣки, Яузы и Неглинной покрыты были множествомъ деревянныхъ домовъ съ тесовыми или соломенными крышами, большею частью почернѣвшими отъ времени. Среди этихъ темныхъ крышъ рѣзко бѣлѣли и краснѣли стѣны Кремля, Китай-города и другихъ укрѣпленій, возникшихъ въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Множество церквей и колоколенъ поднимали свои золоченыя головы къ небу. Подобныя большимъ зеленымъ и желтымъ пятнамъ виднѣлись между домами густыя рощи и покрытыя хлѣбомъ поля. Черезъ Москву рѣку пролегали зыбкіе живые мосты, сильно дрожавшіе и покрывавшіеся водой когда по нимъ проѣзжали возы или всадники. На Яузѣ и на Неглинной вертѣлись десятками мельничныя колеса, одно подлѣ другого. Эти рощи, поля и мельницы среди самаго города придавали тогдашней Москвѣ много живописнаго. Особенно весело было смотрѣть на монастыри, которые, съ бѣлыми оградами и пестрыми кучами цвѣтныхъ и золоченыхъ головъ, казались отдѣльными городами. Надъ всею этою путаницею церквей, домовъ, рощъ и монастырей гордо воздымались кремлевскія церкви и недавно отдѣланный храмъ Покрова Богоматери, который Іоаннъ заложилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ память взятія Казани и который мы знаемъ нынѣ подъ именемъ Василія Блаженнаго... Москвитяне мало заботились о наружности своихъ домовъ; жилища ихъ почти всѣ были выстроены прочно и просто, изъ сосновыхъ или дубовыхъ брусьевъ, не обшитыхъ даже тесомъ, по старинной русской пословицѣ: не красна изба углами, а красна пирогами“. Оба художника посмотрѣли на Москву XVI вѣка съ разныхъ внѣшнихъ точекъ зрѣнія, оба изучали подходящій матеріалъ и неодинаково пустили его въ оборотъ. Живописецъ и поэтъ, конечно, и должны были неодинаково имъ воспользоваться. Пустопорожней теплотой чувства, которая въ приведенномъ отрывкѣ частью опущена, *поэтъ* испортилъ впечатлѣніе, которое читатель могъ бы вынести изъ его описанія. Тѣмъ не менѣе, многія детали этого описанія являются прекраснымъ дополненіемъ и частью разъясненіемъ картона *живописца*. Доступная весьма широкимъ слоямъ читающей публики повѣсть *Князь Серебряный* много погрѣшила и искусственнымъ подогрѣваніемъ *внѣшняго* интереса къ отечественному прошлому и не разъ соблазняла художника-живописца (см., напр., рисунки В. Г. Шварца въ Третьяковской галлереѣ №№ 304—307).

В. Стор.

время голода Борисъ приказалъ употреблять на просфоры для евхаристіи ржаную муку вмѣсто пшеничной; это до чрезвычайности возмущаетъ нашего автора: „не гордости ли се исполнено и нерадѣнія о Богѣ?“, съ негодованіемъ спрашиваетъ онъ—и не прочь объяснить бѣдственный конецъ Бориса этимъ „нерадѣніемъ о Богѣ“.

Борисъ былъ первымъ русскимъ царемъ, которому пришлось бороться съ революціей. Революція эта—возстаніе Названнаго Димитрія — была подготовлена боярами: такъ говорилъ во всеуслышаніе самъ царь Борисъ, и современники, подтверждая его слова, въ числѣ бояръ называютъ сторонниковъ изгнанной семьи Романовыхъ и ихъ самихъ *). Мнѣнія, которыя мы находимъ въ памфлетѣ псевдо-Палицына, очень можетъ быть, имѣютъ не одно литературное значеніе: весьма вѣроятно, что боярскій кружокъ, свергнувшій Бориса, оправдывалъ свои дѣйствія и передъ самимъ собою, и передъ другими, между прочимъ, сочувствіемъ Годунова къ иновѣрцамъ и его не совсѣмъ тактичными распоряженіями касательно церковной обрядности. Такъ уже не только прямая ересь, но и мелочныя уклоненія царя отъ православія могли обратиться въ сильное оружіе противъ него въ рукахъ оппозиціи.

Смѣнившій Годунова Названный Димитрій оказался крѣпче на престолѣ, нежели этого ожидали выдвинувшіе его бояре: пришлось свергать и Названнаго Димитрія. Во главѣ заговора сталъ Василій Ивановичъ Шуйскій, тотчасъ послѣ переворота и избранный въ цари. Чувствуя потребность оправдаться и оправдать все совершившееся, новый царь разослалъ по всей Россіи грамоты, гдѣ убійство Димитрія объяснялось, прежде всего, его проектами Уніи съ римской церковью: что онъ „многое христіанство широкаго московскаго государства своимъ злохитрствомъ въ вѣру латинскую привести и укрѣпить“ хотѣлъ. За это, какъ еретикъ, онъ былъ убитъ благочестивыми людьми, съ Василіемъ Шуйскимъ впереди другихъ. Чтобы правильно оцѣнить ученіе Іосифа Волоколамскаго объ обязательномъ православіи царя, нужно прочесть эти грамоты Шуйскаго: переворотъ 17 мая 1606 года былъ прямымъ приложеніемъ этого ученія къ практикѣ. Понятно, почему самъ благочестія дѣлатель, царь Василій

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ главѣ о смутномъ времени.

Ивановичъ, спѣшилъ прежде всего поставить внѣ спора свое православіе: едва онъ вступилъ на престолъ, какъ на Руси уже появился новый угодникъ — открылись мощи царевича Димитрія.

Съ этой стороны трудно было подкопаться подъ Шуйскаго: его врагомъ оставалось только болѣе слабое, менѣе эффектное обвиненіе,—но для постановки царской власти по новой теоріи тоже очень характерное. Не находя данныхъ обвинить царя Василія въ неправославіи, враги ставили ему на счетъ отступленія отъ аскетической морали, его, будто бы, пьянство и развратъ. „Всячествованіемъ неистовенъ", писали о немъ публицисты враждебнаго лагеря: за его грѣхи кровь христіанская льется. Обвиненіе не было новостью, придуманной спеціально для Шуйскаго: мы находимъ его уже у Курбскаго въ примѣненіи къ царю Ивану. Въ первомъ посланіи „бѣглаго боярина" приведенъ длинный списокъ грѣховъ Грознаго: въ числѣ ихъ не послѣднее по значенію мѣсто занимаютъ „Афродитскія дѣла". Времяпрепровожденіе Ивана Васильевича напомнило кн. Курбскому классическія Сатурналіи—„Кроновы жертвы". Царь Иванъ не остался равнодушенъ къ обвиненію и, не отрицая факта, пытался оправдать себя тѣмъ, что онъ запилъ, что называется, съ горя—послѣ смерти жены, будто бы отравленной друзьями Курбскаго. „Только бы вы не отняли у меня юницы моея, то не было бы и Кроновыхъ жертвъ", пишетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ. Въ другомъ мѣстѣ онъ подбадриваетъ себя примѣрами угодниковъ Божіихъ, которые сначала много грѣшили, но потомъ покаялись—и прежніе грѣхи не помѣшали имъ угодить Богу. Какъ бы то ни было, самаго принципа, въ силу котораго христіанскій царь долженъ быть образцомъ христіанской нравственности для своихъ подданныхъ, Грозный не думаетъ отрицать. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли спасать души тотъ, чья душа сама не заслуживаетъ спасенія? А что на православномъ царѣ лежала обязанность руководить подданными на пути ко спасенію, это былъ одинъ изъ кардинальныхъ пунктовъ теоріи. „Всемилостивый Боже... устроилъ мя земли сей православной царя и пастыря, вождя и правителя еже правити люди его въ православіи непоколебимомъ быти..." писалъ Грозный. „Тщуся съ усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ Бога истиннаго и отъ Бога даннаго имъ государя..."

Но рѣшить вопросъ, кто непоколебимъ въ православіи,

кто нѣтъ, могла только церковь. Создавая великаго князя московскаго, царя всего православнаго христіанства, она, какъ видимъ, вовсе не думала создать себѣ господина. Ей нужны были „плеща мірскія“—и вождямъ церковно-политическаго движенія XV вѣка въ голову не приходило, что созданный церковью на потребу себѣ аппаратъ можетъ когда-нибудь быть обращенъ ротивъ нея.

Заставки и концовки

8. Заставка главы VI—заставка одной изъ главъ Евангелія, описаннаго подъ № 1. Концовка — подборъ изображеній на оборотной сторонѣ серебряныхъ монетъ Владимира I (первыя два), Святополка I (третье) и Ярослава I (пятое и шестое). Изображенія не поддаются устойчивому толкованію, и Н. П. Кондаковъ утверждаетъ, что „вѣроятнѣе всего разрѣшеніе загадки придется искать въ области восточнаго орнамента, и нѣкоторыя изображенія цвѣтка, встрѣчаемыя въ растительныхъ украшеніяхъ восточныхъ рукописей, очень можетъ быть, имѣютъ ближайшее отношеніе къ первому русскому гербу, заимствованному, въ такомъ случаѣ, съ востока“ (стр. 172). Чеканка монеты въ Кіевской Руси началась со времени Владимира I. См. книгу Н. П. Кондакова. *Русскіе клады.* Спб. 1896.

9. Заставка главы VII—изображеніе шлема XIII вѣка, хранящагося въ Московской Оружейной Палатѣ и найденнаго въ 1808 г. вмѣстѣ съ кольчугою во Владимирской губерніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Юрьева Польскаго, въ лѣсу подъ пнемъ дерева. Полагаютъ, что на этомъ мѣстѣ должна была происходить въ 1216 г. Липицкая битва за великое княженіе Владимирское между Константиномъ и Юріемъ Всеволодовичами; послѣднему помогалъ Ярославъ Всеволодовичъ. Юрій и Ярославъ были разбиты и бѣжали, сбросивъ съ себя все вооруженіе. Отсюда явилось предположеніе, что этотъ шлемъ принадлежалъ князю Ярославу (Ѳедору) Всеволодовичу. Н. П. Кондаковъ описываетъ шлемъ такъ: „Начельникъ шлема украшенъ изображеніемъ архангела Михаила на золотомъ (съ примѣсью серебра) чеканномъ листѣ, выбитомъ въ формѣ кіотца; черневая надпись, идущая отъ средины направо, гласитъ: *великыи архистратиже господень Михаиле помози рабу своему Ѳеодору*. Принадлежность шлема началу XIII вѣка доказывается стилемъ чеканныхъ изображеній и орнаментовъ, въ малѣйшихъ подробностяхъ соотвѣтствующихъ типамъ, наблюдаемымъ на вещахъ Владимиро-Суздальскихъ кладовъ, и представляющихъ русскую мѣстную работу по византійскимъ образцамъ. Черепъ шлема желѣзный, вѣнецъ обложенъ серебряною чеканною пластинкой, на которой выбиты крины, птицы, львы и грифы прекраснаго рисунка. Серебряное подвершье, въ видѣ крещатой звѣзды, представляетъ святыхъ Георгія, Ѳеодора Тирона, Василія и Спасителя, по грудь, по 4 сторонамъ. Особенно любопытно, что и здѣсь находимъ ту же сухую мелкую раздѣлку волосъ, какъ на рельефахъ Юрьева Польскаго. Надписи греческія, уставныя. Желѣзный носъ набитъ (по раскаленному желѣзу) серебромъ, а по немъ сдѣлана орнаментальная насѣчка, техника которой видимо процвѣтала въ краѣ, но была усвоена съ Востока“. Концовка—изображеніе святого князя на медальонѣ изъ клада золотыхъ предметовъ, найденнаго въ 1822 г. на землѣ Старой Рязани. Голова князя заключена въ бирюзовый нимбъ съ пурпурнымъ ободкомъ, по сторонамъ его—эмблемы: два крина, процвѣтшіе въ пустынѣ. Изображеніе князя сдѣлано эмалью: юный, безбородый, въ шапкѣ съ соболиною опушкою и лилово-коричневымъ верхомъ, съ темно-каштановыми волосами въ кудряхъ, въ синемъ плащѣ съ бѣлыми кружочками, въ которыхъ вписаны лилейные почки и кресты, и въ пурпурномъ исподѣ. Упомянутый кладъ извѣстенъ подъ именемъ *Рязанскихъ бармъ*. Медальонъ на двухъ оборотахъ изображаетъ князей Бориса и Глѣба, которые позднѣе, согласно Подлиннику, принадлежавшему Новгородской Софійской библіотекѣ, должны были изображаться такъ: „князь *Борисъ* средній, брада Козьмина, шапка на головѣ, заломъ черный, шуба на немъ бархатъ багоръ, исподь киноварь. *Глѣбъ* младъ, власы за уши повились, шапка на главѣ, заломъ чернъ, шуба киноварь камка, исподь лазорь“.

10. Заставка *предисловія* къ приложеніямъ В. Н. Сторожева—орнаментальная рѣзьба съ Никорцминды, съ храма, находящагося въ Рачинскомъ округѣ горной Имеретіи, на сѣверо-востокъ отъ Кутаиса, въ 5 верстахъ отъ селенія Хотеви. Храмъ построенъ въ XI вѣкѣ Багратомъ IV и посвященъ св. Николаю, откуда и получилъ свое названіе (Николозцминда). Фасадъ церкви отличается богатствомъ и красотой орнаментаціи. Орнаментальная рѣзьба-заставка взята съ барабана главы (низъ окна) и является образцомъ такъ называемаго *грузинскаго плетенія*. Родина плетенія—на Византійскомъ востокѣ; разработку его встрѣчаемъ и на Западѣ, и въ Россіи. Въ Грузіи орнаментъ плетенія былъ разработанъ наиболѣе полно и представляетъ особенный интересъ для сопоставленія формъ плетенія, вышедшихъ изъ одного источника, но различно разработанныхъ на разныхъ почвахъ. Концовка *предисловія* къ приложеніямъ—Спаситель, мозаика XI вѣка въ куполѣ Новгородской Софіи, представляющій по греческому образцу Господа Вседержителя съ десницею, благословляющею сложеніемъ трехъ перстовъ.

11. Заставка перваго отдѣла приложеній—фреска лѣстницы Кіево-Софійскаго собора; сюжетъ изъ древности византійской: охотникъ на лошади убиваетъ копьемъ медвѣдя; двое охотниковъ съ копьемъ и лукомъ преслѣдуютъ векшу на деревѣ. Это—охотники-варвары, близко знакомые византійцамъ, на что указываетъ ихъ типъ, сапожки, прическа, подпоясанная туника. Этой одеждой Востокъ всегда отмѣчалъ варваровъ Персіи, Средней Азіи и Скифіи. Концовка—Сигтунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Н. П. Кондаковъ признаетъ ихъ подлинно Корсунскими вратами, такими, которыя по характеру орнаментаціи и техники тождественны съ византійскими вратами Равелло, Салерно, Амальфи въ Италіи. Сигтунскія врата были вывезены изъ шведской столицы Сигтуны, при озерѣ Меларъ, въ Новгородъ уже въ 1187 г., могли быть сдѣланы въ Италіи, а по техническому исполненію рѣзьбы вглубь съ ташировкою относятся къ XI—XII столѣт. Ихъ слѣдуетъ отличать отъ такъ называемыхъ Корсунскихъ вратъ Новгородской Софіи, сдѣланныхъ въ Магдебургѣ.

12. Заставка второго отдѣла приложеній—прилѣпы сѣверной стѣны Дмитріевскаго собора во Владимірѣ, построеннаго въ самомъ концѣ XII вѣка (см. далѣе западный порталъ того же собора). Концовка—подвѣска изъ мерянскихъ могилъ, она составляетъ предметъ женскихъ украшеній. Подвѣски были отлиты или штампованы изъ серебра и, по распространенному въ литературѣ мнѣнію, не составляютъ собственно мерянскихъ древностей, а относятся къ древностямъ приднѣпровскимъ (Кіева и Смоленска), судя по ихъ совершенному тождеству съ вещами кіевскими и гнѣздовскими.

13. Заставка третьяго отдѣла приложеній—западный порталъ Дмитріевскаго собора (срв. выше). Скульптурныя украшенія сосредоточены на южной, западной и сѣверной сторонахъ храма; они заключаются въ отдѣльныхъ фигурахъ звѣрей, животныхъ, людей, эмблемъ, личинъ или масокъ и растеній условнаго характера. Фантастическія животныя, птицы и растенія повторяются множество разъ, очевидно, съ орнаментальною цѣлью. Думаютъ, что связующая ихъ мысль—слава великаго, непостижимаго въ своихъ «дивахъ», неизвѣстнаго въ своихъ тайнахъ Божьяго міра. Изъ плетеній въ собственномъ смыслѣ здѣсь встрѣчаются обычные узлы декоративнаго типа. Главный видъ растеній—чудныя райскія древа съ поющими на нихъ птицами сладкогласными. Концовка представляетъ собою изображеніе четырехъ орнаментальныхъ дробницъ съ саккоса московскаго митрополита Алексѣя, хранящагося въ Московскомъ Чудовѣ монастырѣ. Дробницы XII—XIII столѣтій, русской работы, золотыя, съ эмалью и чернью; у насъ изображены двѣ крестообразныхъ бляшки съ изображеніями Сириновъ въ царскихъ вѣнцахъ, одна бляшка съ рѣзьбою,

представляющею сплетеніе 4 птицъ, какъ бы клюющихъ одинъ плодъ въ срединѣ и одна бляшка съ птичками по сторонамъ растенія, какъ въ русскихъ серьгахъ.

14. Заставка четвертаго отдѣла приложеній—барельефъ сѣверной стѣны Дмитріевскаго собора во Владимирѣ (срв. выше)—изображаетъ Богоматерь съ младенцемъ среди четырехъ преклоняющихся пастырей. Концовка—сцена съ козой изъ лѣстничныхъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора. Варваръ съ круглымъ щитомъ (который только обитъ гвоздями) и топоромъ идетъ на другого ряженаго въ мѣховую шкуру шерстью вверхъ, съ звѣриною головою и держащаго въ рукахъ рогатину.

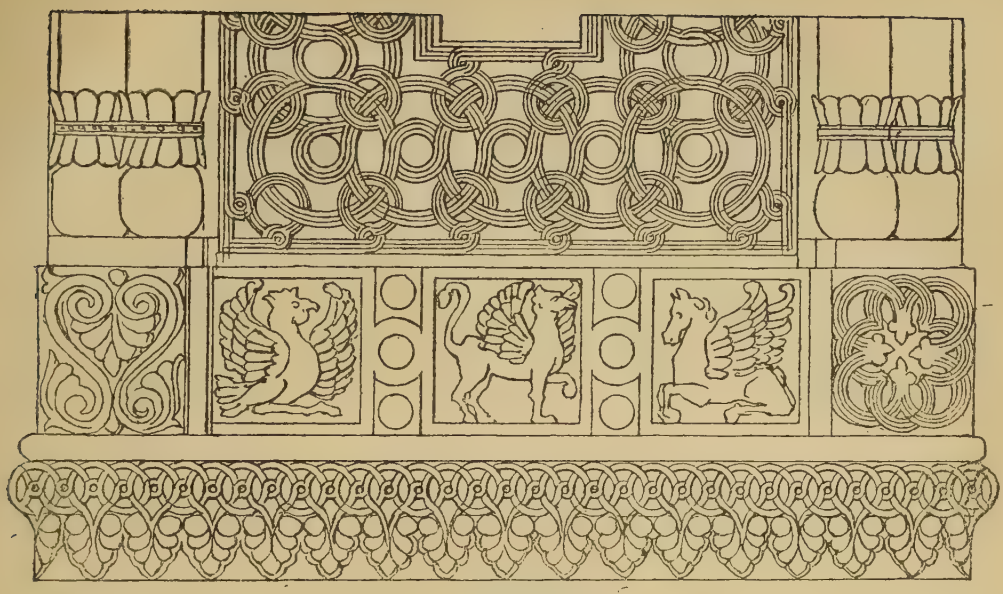
15. Заставка пятаго отдѣла приложеній—фреска Георгій Побѣдоносецъ изъ церкви XII вѣка въ Старой Ладогѣ. Георгій изображенъ въ діаконикѣ по совершеніи своего подвига, на конѣ; около него царевна, влекущая на веревочкѣ дракона. Концовка—подвѣска изъ мерянскихъ могилъ (см. выше подъ № 12).

16. Заставка шестого отдѣла приложеній—прилѣпы сѣверной стѣны Дмитріевскаго собора. Эта группа святыхъ размѣщена во фризѣ собора съ наружной стороны (ср. выше). Концовка—поливное блюдо изъ Херсонеса: *грифъ въ схваткѣ съ змѣею*. Горшечныя издѣлія съ поливою—продуктъ мѣстнаго производства, въ которомъ можно наблюдать сліяніе элементовъ восточнаго и византійскаго искусства. Животный міръ здѣсь древнеазіатскаго происхожденія (X—XII вв.).

17. Заставка седьмого отдѣла приложеній даетъ одну изъ деталей древностей на сѣверо-западѣ Россіи. Височное кольцо изъ кургановъ Вотской пятины—украшеніе изъ тонкой проволоки, чаще бронзовой, рѣдко серебряной, согнутой кольцомъ, величиною отъ двухъ до семи сантиметровъ. Подобныя кольца встрѣчаются въ изобиліи въ женскихъ могилахъ Петергофскаго, Ямбургскаго и Царскосельскаго уѣздовъ Петербургской губерніи, встрѣчаются обыкновенно парами и притомъ близъ головы. Назначеніе височныхъ колецъ, какъ можно предполагать, не висѣть свободно, а прижимать ткань головныхъ уборовъ въ видѣ теплой кики или каптури, часто мѣховой, съ капюшономъ. Концовка представляетъ собой образецъ круглой пряжки изъ Вотскихъ могилъ, украшенной рѣзьбою; пряжки разныхъ видовъ, какъ и височныя кольца, встрѣчаются здѣсь въ изобиліи.

В. Стор.

Приложенія.

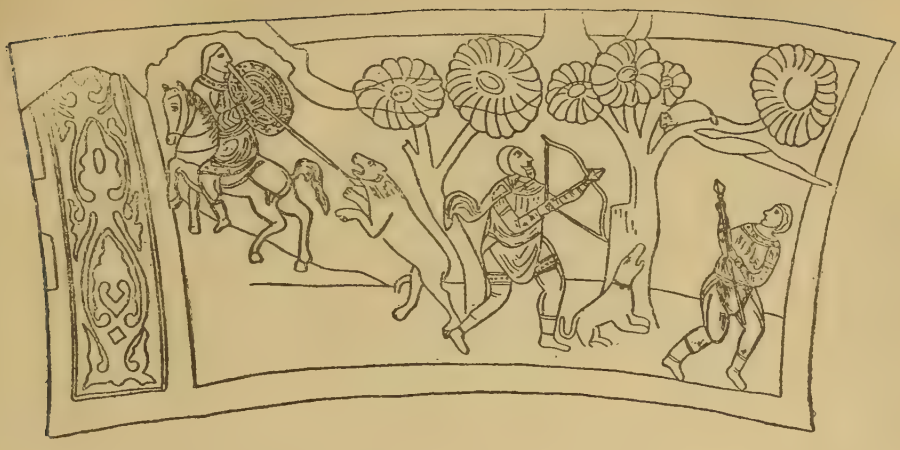


ПРЕДИСЛОВІЕ.

екстъ „Русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ", предлагаемый въ настоящемъ изданіи широкимъ слоямъ русской читающей публики, иллюстрируется двояко: 1) подборомъ произведеній художественнаго творчества, почти исключительно живописнаго, и 2) выдержками изъ письменныхъ памятниковъ, или, какъ принято говорить въ нашей наукѣ, первоисточниковъ. Какъ извѣстный подборъ произведеній художественнаго творчества съ спеціально написаннымъ къ нему историческимъ экскурсомъ даетъ не только своего рода главу по исторіи русскаго искусства, подлежащаго нынѣ изученію съ соціологической точки зрѣнія, но и конкретно разъясняетъ тѣ или другіе моменты русскаго прошлаго, такъ и рядъ выдержекъ изъ письменныхъ памятниковъ долженъ служить той же цѣли иллюстраціи русской исторіи. Прошлое представляется яснѣе и образнѣе, когда знакомишься съ нимъ по первоисточникамъ. Изученіе первоисточника въ цѣломъ—дѣло науки; знакомство съ характерными отрывками изъ него въ подлинникѣ—задача общеобразовательнаго характера. Два-три характерныхъ слова, своеобразно слаженная старинная фраза, наивная по формѣ аллегорія часто скажутъ намъ гораздо больше, чѣмъ самое хитроумное толкованіе историческаго писателя. Всѣ по учебникамъ начинаютъ знакомиться съ исторической легендой или сказаніемъ, всѣ относятся къ такому разсказу съ усмѣшкой или свысока, особливо, когда та или другая изложены историкомъ-идеалистомъ, который гегемоніи экономическихъ фактовъ боится пуще самого дьявола, но отношеніе

сразу мѣняется, когда это знакомство произведено во всеоружіи подлиннаго текста. Мы готовы признать, что въ настоящее время нѣтъ нужды распространяться по вопросу о пользѣ и необходимости для широкихъ слоевъ читающей публики читать отрывки изъ первоисточниковъ. Кажется, это стало святою истиной, и вся трудность падаетъ лишь на соображенія, слѣдуя которымъ, при ограниченности отведеннаго мѣста и при необъятномъ количествѣ памятниковъ, сдѣланы изъ первоисточниковъ тѣ или другія выдержки. Мы не считаемъ необходимымъ развивать здѣсь эти соображенія, но если бы критикѣ впослѣдствіи угодно было поставить намъ тѣ или другіе запросы, то мы, конечно, можемъ отвѣчать на нихъ съ полной опредѣленностью...

В. Сторожевъ.



I.

Происхожденіе русскаго государства.

Варяги и Русь.

Легенду о происхожденіи русскаго государства, записанную въ разныхъ редакціяхъ въ разныхъ лѣтописныхъ текстахъ, мы приводимъ по тексту, который даетъ А. А. Шахматовъ въ „Разысканіяхъ о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“ (Спб. 1909). Обыкновенно эта легенда входитъ въ ту часть лѣтописнаго свода, которая имѣетъ, напр., въ лѣтописи по списку монаха Лаврентія такое заглавіе: „Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуду есть пошла руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду руская земля стала есть“. Текстъ А. А. Шахматова для научно-популярной цѣли представляется наиболѣе удобнымъ, чѣмъ текстъ какой-нибудь опредѣленной редакціи стараго лѣтописнаго свода, ибо таковой всегда требуетъ тѣхъ или другихъ оговорокъ благодаря либо неполнотѣ, либо позднимъ вставкамъ, либо особенностямъ. Сочетаніе Новгородскаго свода 1050 года съ древнѣйшимъ Кіевскимъ сводомъ 1039 г. въ редакціи 1073 г. представляетъ, согласно изысканіямъ А. А. Шахматова, легенду о происхожденіи русскаго государства въ нижеслѣдующемъ видѣ.

Начало земли Русьстѣ. Быша три братия: единому имя Кыи, а другому Щекъ, а третиему Хоривъ; сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кыи на горѣ, къде нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на друзѣи горѣ, къде нынѣ зоветься Щековица, а Хоривъ на третиеи горѣ, отъ негоже прозвався Хоривица. И сътвориша градъ и нарекоша имя ему Кыевъ. Бяше

около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь. Бяху мужи мудри и съмысльни, нарицахуся Поляне, отъ нихъже суть Поляне Кыевѣ и до сего дьне.

По сихъ же лѣтѣхъ братия си изгыбоша, и быша обидими Деревлями и инѣми окольними. И наидоша я Козаре, сѣдяща на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козаре: „платите намъ дань“. Съдумавъше же Поляне въдаша отъ дыма мечь. И несоша Козаре къ кънязю своему. Кънязь же съзъва старѣишины своя и рече имъ: „се налѣзохомъ дань нову“. Они же рѣша ему: „отъкуду?“ Онъ же рече: „въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Дънѣпрьскою“. Они же рѣша: „чьто суть въдали?“ Онъ же показа имъ мечь. И рѣша старьци Козарьстии: „не добра дань, къняже; мы ся доискахомъ оружиемь единоя страны, рекъше саблями, а сихъ оружие обоюду остро, рекъше мечи; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ“. Се же събысться вьсе; не отъ своея воля рекъшемъ *имъ*, нъ отъ Божия повелѣния. Якоже при Фараонѣ цѣсари Егупьтьстѣ, егда приведоша Моусѣя предъ Фараона, и рѣша старѣишина Фараоня: „сии хощеть съмирити область Егупьтьску“, якоже и бысть: погыбоша Егуптяне отъ Моусѣя, а пьрвѣе бѣша работающе имъ; тако и си пьрвѣе владѣша, а послѣже самѣми владѣють, якоже и бысть: владѣють бо Козары Русьстии кънязи и до дьньшьняго дьне.

И по сихъ братии дьржати почаша родъ ихъ кънѣжение въ Поляхъ; и бѣша ратьни съ Деревлями и съ Угличи.

Въ си же времена Новъгородьстии людие, рекомии Словѣне, и Кривичи, и Меря, и Чюдь дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти насилие дѣяху Словѣномъ, и Кривичемъ, и Мери, и Чюди. И въсташа Словѣне, и Кривичи, и Меря, и Чюдь на Варягы, и изгънаша я за море, и начаша владѣти сами собѣ. Словѣне свою волость имяху; и поставиша градъ и нарекоша и Новъгородъ, и посадиша старѣишину Гостомысла; а Кривичи свою, а Меря свою, а Чюдь *свою*. И въсташа сами на ся воеватъ, и бысть межю ими рать велика и усобица. И въсташа градъ на градъ, и не бѣ въ нихъ правьды. И рѣша къ собѣ: „поищимъ собѣ кънязя, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву“. Идоша за море къ Варягомъ и рѣша: „земля наша велика и обильна, а наряда въ неи нѣту; да поидѣте къ намъ кънѣжитъ и владѣтъ нами“. Избьрашася три братия съ роды своими, и пояша съ собою дружину мъногу, и придоша Новугороду; и сѣде старѣишии Новѣгородѣ [1]) Рюрикъ, и другыи на Бѣлѣозерѣ Синеусъ, а третии Изборьстѣ Труворъ. И отъ [2]) тѣхъ Варягъ, находьникъ тѣхъ, прозъвашася Варягы, и суть Новъгородьстии людие до дьньшьняго дьне отъ рода Варяжьска.

---

[1]) Существуетъ, однако, лѣтописное извѣстіе, что Рюрикъ первоначально сѣлъ не въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ. Такое извѣстіе любопытно сопоставить съ другимъ, которое говоритъ, что есть Олегова могила въ Ладогѣ. Подобныя извѣстія интересны съ одной стороны: они передаютъ намъ память позднѣйшихъ поколѣній о *Ладогѣ*, какъ первоначальной остановкѣ Варяговъ, прежде нежели осѣсть имъ въ Новгородѣ и въ Кіевѣ.

[2]) Въ древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ здѣсь читается такъ: „Въ *си* же времена Словѣне, и Кривичи, и Меря дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у нихъ, то ти носилие дѣяху Словѣномъ, *и* Кривичемъ, и Мери: и отъ тѣхъ Варягъ прозъвашася Новъгородьци *Варягы*, прежде бо бѣша Словѣне“. Приведенныя въ настоящемъ примѣчаніи слова и замѣняютъ собою весь текстъ отъ абзаца до абзаца.

И бысть у *нихъ кънязь*, именьмь Ольгъ, мужь мудръ и храбръ. И начаша воевати вьсюду и налѣзоша Дънѣпръ рѣку и Смольньскъ градъ; и отътолѣ поидоша вънизъ по Дънѣпру, и придоша къ горамъ Кыевьскымъ, и узрѣша городъ Кыевъ, и испыташа, къто въ немь кънижить. И рѣша: „дъва брата, Асколдъ и Диръ". Ольгъ же *потаи воя своя* въ лодияхъ, и съ малъмь дружины излѣзоша на брегъ подъ Угърьскымь, творящеся гостьми, и съзъваша Асколда и Дира. Сълѣзъшема же има, выскакаша прочии вои из лодии на брегъ и убиша Асколда и Дира, и несоша на гору и погребоша *я*. И сѣде *Ольгъ* кънижа Кыевѣ; и бѣша у него мужи Варязи Словѣне [1]), и отътолѣ прозъвашася Русию. Сии же Ольгъ нача грады ставити и дани устави Словѣномъ Варягомъ и Кривичемъ и Мери, а отъ Новагорода 300 гривьнъ на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дають.

По сихъ же иде Ольгъ на Грькы и приде къ Цѣсарюграду; и Грьци замъкоша Судъ, а градъ затвориша. И вылѣзе Ольгъ на брегъ и повелѣ извлещи корабля на брегъ, и повоева около града; и мъного убиистьво сътвориша Грькомъ и разбиша мъногы полаты и цьркъви пожьгоша. И повелѣ Ольгъ воемъ своимъ колеса издѣлати и въставити корабля на колеса; и бывъшю покосьну вѣтру, въспяша пьрѣ и съ поля идоша къ граду. Видѣвъше же Грьци убояшася и рѣша, высълавъше къ Ольгови: „не погубляи града; имемъся по дань, якоже хощеши". И устави Ольгъ воя, и вынесоша ему брашьно и вино; и не прия его, бѣ бо устроено съ отравою. И убояшася Грьци и рѣша: „нѣсть се Ольгъ, нъ святыи Дьмитрии, посъланъ отъ Бога на ны". И заповѣда Ольгъ дань даяти на съто корабль по 12 гривьнѣ на чловѣкъ, а въ кораблии по сороку мужь. Самъ [2]) же възя злато и паволокы, и възложи дань, юже дають и доселѣ кънземъ Русьскымъ. И рече Ольгъ: „шиите пьрѣ паволочиты Руси, а Словѣномъ кропиньны"; и бысть тако. Повѣси же щитъ свои въ вратѣхъ, показая побѣду; и поиде отъ Цѣсаряграда. И въспяша пьрѣ Русь паволочитыя, а Словѣне кропиньныя; и раздьра я вѣтръ. И рѣша Словѣне: „имѣмъся своихъ тълстинъ; не даны суть Словѣномъ пьрѣ". И иде Ольгъ Новугороду и отътуда въ Ладогу, есть могыла его Ладозѣ.

По сихъ же Игорь сѣде Кыевѣ кънижа; и приведе собѣ жену отъ Пльскова, именьмь Ольгу; и бѣ мудра и съмысльна, отъ неяже родися сынъ Святославъ. И бѣ у него воевода, именьмь Свѣнелдъ. *И иде Игорь на Деревляны и, побѣдивъ я, възложи на ня дань. И иде на Угличь*; и не въдадяшеться единъ градъ именьмъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва възя и. Бѣша *же* сѣдяще Угличи по Днѣпру вънизъ, и по семь преидоша межю Богъ и Дънѣстръ, и сѣдоша тамо. И примучи Угличѣ: и възложи на ня дань, и въдасть Свѣнелду; и дасть же дань Деревьскую

---

[1]) Въ древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ прибавки *Словѣне* нѣтъ, что представляетъ несомнѣнный интересъ. Срв. въ сборникѣ статей Кіевская Русь подъ ред. В. Н. Сторожева (Т. I. М. 1910 въ „Библіотекѣ для самообразованія" И. Д. Сытина).

[2]) Все это мѣсто далѣе до абзаца въ древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ изложено такъ: „Повѣси же щитъ свои въ вратѣхъ, показая побѣду; и поиде отъ Цѣсаряграда. И приде Ольгъ Кыеву, несы злато, и паволокы, и вино, и овощь, и вьсяко узорочие. И прозъваша и Ольгъ вѣщии; бяху бо людие погани и невѣгласи. Иде Ольгъ Новугороду и отътуда за море, и уклюну *и* змия въ ногу и съ того умьре".

Свѣнелду; и имаше по чьрнѣ кунѣ отъ дыма. И рѣша дружина Игореви. [1]) „се далъ еси единому мужеви мъного; отроци Свѣнелжи изодѣлися суть аружиемь и пърты, а мы нази; да поиди, къняже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“. Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань. И вышьдъше изъ града Искоростѣня Деревляне убиша Игоря и дружину его; и погребенъ бысть Игорь; есть могыла его у Искоростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дьне.

[1]) Срв. разсказъ лѣтописнаго свода о дружинѣ Владимира I, которая, подвыпивъ, жаловалась, говоря: „зъло есть нашимъ головамъ: да намъ ясти древянами лъжицами, а не сребрянами“. Владимиръ, „любя дружину“ велѣлъ исковать для дружины серебряныя ложки. Оба разсказа характерны для обрисовки положенія княжеской дружины на рубежѣ X и XI вѣковъ.

II.

Убійство князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго.

Отъ Кіева къ Владимиру Суздальскому.

Разсказъ о смерти князя Андрея Боголюбскаго заимствуется далѣе изъ Лаврентьевской лѣтописи, при чемъ этому разсказу предпосылаются лѣтописныя данныя, характеризующія отношеніе этого князя къ Новгороду и Кіеву.

„Лѣтопись по Лаврентьевскому списку“ (Спб. 1872. Изданіе Археографической Комиссіи) напечатана съ оригинала, писаннаго на пергаментѣ въ 1377-мъ году; еще въ 1793 г. изъ нея былъ изданъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ отрывокъ „Поученіе Владимира Мономаха своимъ дѣтямъ“, а первое полное изданіе этого лѣтописнаго свода дано было Археографическою Комиссіей въ I томѣ „Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей“. (Спб. 1846). Оригиналъ начинается начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ подъ заголовкомъ: „*Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуду есть пошла руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду руская земля стала есть: се начнемъ повѣсть сию*“; подъ 1110-мъ г. читаемъ знаменитую въ литературѣ приписку: „игуменъ Силивестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаіла, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ (стр. 1—274). Съ 1111 г. начинается продолженіе начальнаго лѣтописнаго свода, преимущественно излагающее событія Суздальскаго княжества до 1305 года (стр. 275—464), послѣ котораго слѣдуетъ такая приписка, крайне характерная для древнерусскаго списателя: „Радуется купець прикупъ створивъ, и кормьчий въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божий Лаврентей мнихъ. Началъ есмъ писати книги сия, глаголемыи лѣтописець, мѣсяца генваря въ 14, на память святыхъ отець нашихъ аввадъ, в Синаи и въ Раифѣ избьеныхъ, князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Дионисья, и кончалъ есмъ мѣсяца марта въ 20, на память святыхъ отець нашихъ, иже в манастыри святаго Савы избьеныхъ отъ Срацинъ, в лѣто 6885, при благовѣрнѣмъ и христолюбивѣмъ князи великомъ Дмитрии Костянтиновичи и при епископѣ нашемъ христолюбивѣмъ священномъ Дионисьѣ Суждальскомъ, и Новгородьскомъ, и Городьскомъ. И нынѣ, господа отци

и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашь, сынъ Бога живаго, ему же слава и держава и честь и покланянье со Отцемъ и с пресвятымъ Духомъ, и ныня и присно въ вѣкы, аминь". Эта приписка относится къ 1377-му г. Лаврентьевскій сводъ окрашенъ интересами и взглядами человѣка сѣверо-восточной Руси. Изображая столкновеніе Андрея Юрьевича Боголюбскаго съ Новгородомъ, имѣвшее столь крупное значеніе въ исторіи междукняжескихъ отношеній второй половины XII вѣка, лѣтописецъ всю правду видитъ въ суздальской землѣ, а не въ Новгородѣ. Съ этой точки зрѣнія представляетъ интересъ лѣтописный разсказъ Лаврентьевскаго свода подъ 1169 г. и самъ по себѣ, и въ сопоставленіи съ описаніями тѣхъ же фактовъ Новгородскою лѣтописью.

„*В лѣто 6677 (1169 г.)*..... Тое же зимы князь Андрѣй посла сына своего Мстислава, съ всею дружиною, на Великый Новъгородъ, и Романъ Смолиньскый князь с братомъ Мьстиславомъ, и Рязаньскый князь сына посла, и Муромьскый сына же посла. И пришедше в землю ихъ, много зла створиша, села вся взяша и пожгоша, и люди по селомъ исѣкоша, а жены и дѣти, имѣнья и скотъ поимаша. Придоша же к городу, новгородци же затворишася в городѣ съ княземъ Романомъ, и бьяхуся крѣпко с города, и многы избиша отъ нашихъ; и не успѣвше ничтоже городу ихъ, възвратишася опять, и одва домы своя яша пѣши опять, а друзии людие помроша с голода; не бысть бо николиже толь тяжка пути людемъ симъ, друзии бо отъ нихъ и конину ѣша в великое говѣнье. Се же бысть за наши грѣхы: слышахомъ бо преже трии лѣтъ бывшее знаменье Новѣгородѣ, всѣмъ людемъ видящимъ: в трехъ бо церквахъ новгородьскыхъ плакала на трехъ иконахъ святая Богородица, провидѣвши бо Мати Божия пагубу, хотящюю быти надъ Новымъгородомъ и надъ его волостью, моляшеть Сына своего со слезами, дабы ихъ отинудь не искоренилъ, якоже преже Содома и Гомора, но яко Ниневгитяны помилуеть; якоже и бысть, очивѣсто бо Богъ и Мати Божия избави я милостью своею, зане хрестьяне суть. Наказая накажи мя, рече, Господи, а смерти не предажь мене, глаголя Давыдъ. Тако и сия люди Новгородьскыя наказа Богъ и смѣри я дозѣла за преступленье крестное, и за гордость ихъ наведе на ня, и милостью своею избави градъ ихъ. Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ [1]); но аще бы тако было, то велѣли

---

[1]) Подъ 1209 г. въ Суздальской лѣтописи по академическому списку XV вѣка говорится: „А князь велики отпусти Новогородци с Коломны, одаривъ бес числа, и да имъ уставъ старыхъ князь, егоже хотяаху Новогородци, и рече имъ: „кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните". И створиша Новогородци вѣче на посадника Дмитра, а ркучи, яко той повелѣ на Новогородцѣхъ сребро поимати, а по волости куры брати и повозы возити, и иное все зло; и дворъ его и села пограбиша, а что ся на дьскахъ остало в писмѣ, а то все князю. И посла князь великий Всеволодъ сына своего Святослава в Новъгородъ, и прииде в недѣлю мясопустную, и даша князю дьскы Дмитровы, а бяше на нихъ бо-

ли имъ преднии князи крестъ преступати, или внуки или правнуки сромляти, а крестъ честный цѣловавше ко внукомъ ихъ и к правнукомъ, то преступати? То доколѣ Богови терпѣти над нами? За грѣхы навелъ и наказалъ по достоянью, рукою [1]) благовѣрнаго князя Андрѣя" (стр. 342—344).

Тотъ же фактъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ описывается нижеслѣдующимъ образомъ (онъ послужилъ мотивомъ для новгородской иконы Знаменія):

1) *Въ Новгород. 4-ой лѣтописи*, писанной полууставомъ въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка (Полн. Собр. Рус. Лѣтописей. Т. IV. Спб., 1848, стр. 12, 13).

„*Въ лѣто 6677*..... На зиму придоша Суздальци ратью къ Новугороду, на сборъ, князь Романъ Андреевичъ, а съ нимъ князь Мстиславъ съ Смольняны, съ Рязанци, съ Муромци, съ Торопчаны, съ Полочаны, вся земля просто руская, и бысть всѣхъ князей 72, а въ Новѣгородѣ бяше князь Романъ молодъ. Владыка Іоанъ, посадникъ Якунъ вынесоша икону изъ святого Спаса, съ Ильины улици, святую Богородицю, на острогъ на Десятинѣ, и съѣздишася по три дни, въ 4-й же день въ среду, мѣсяца февраля 25-го, на память святого отца Тарасья, попустиша стрѣлы акы дождь умноженъ на острогъ, и обратися икона лицемъ на градъ, и паде на нихъ тма на полѣ, и ослѣпоша вси, и вышедше Новгородци овыхъ избиша, а иныхъ изимаша, а прокъ злѣ отбѣгоша, и продаваху суздальца по двѣ ногатѣ. Уставиша праздновати праздникъ Знаменію святѣй Богородици, мѣсяца ноября 27, на память святого мученика Іакова Перьскаго.

Въ лѣто 6678. Бысть дороговь въ Новѣгородѣ и купляхуть кадь ржи по 4 гривнѣ, а хлѣбъ по двѣ ногатѣ, а меду пудъ по 10 кунъ. Сдумавше новгородци, показаша путь князю Роману, а сами послашася къ Андрееви на миръ: „на всей волѣ нашей даждь намъ князя". Въ то же лѣто вниде князь Рюрикъ Ростиславичъ въ Новгородъ.

„*Въ лѣто 6682*. Выбѣже Рюрикъ изъ Новагорода; потомъ же Новгородци послашася къ Андрею, и вда имъ сына своего Юрья, и пріяша и съ честію".

3) *Въ Новгород. 3-ей лѣтописи*, писанной полууставомъ, переходящимъ въ скоропись XVIII вѣка (Т. III. Спб., 1841 стр. 215):

„*Въ лѣто 6677*. Нашедше Суждалцы, и съ ними 72 князи съ воин-

---

гатества бес числа. И целова князь Святославъ к Новугороду, а дѣтей Дмитровыхъ и племенникъ его всѣхъ посла къ отцу, а на иныхъ сребро поима" (стр. 466) Ярославъ I, завоевавъ съ помощью новгородцевъ Кіевъ, одѣлилъ ихъ деньгами, отпустилъ всѣхъ домой „и да имъ правьду и уставъ съписа въ грамоту, тако рекъ имъ: „по сеи грамотѣ ходите; якоже съписахъ вамъ, тако же дьржите" (1017 г.). Другое извѣстіе отъ 1036-го г. говоритъ: „Ярославъ посади сына своего Володимера Новѣгородѣ, и епископа постави. Жидяту, и людьмъ написа грамота, рекъ: „по сеи грамотѣ дадите дань". (см. у А .А Шахматова, стр. 620, 623 и 529; ср. также въ сборникѣ „*Кіевская Русь*" подъ ред. В. Н. Сторожева).

[1]) Вторая половина приведеннаго лѣтописнаго отрывка характерна своей неприкрытой тенденціозностью. Вслѣдствіе этого получаютъ большой интересъ данныя Новгородскихъ лѣтописей.

ствомъ, на градъ сей, и молящуся Іоанну архіепископу, и гласъ бысть: веляше вынести на градъ икону Богородицыну изъ храма Спасова съ Ильины улицы; посла же святитель архидіакона, и не движеся икона, самъ же пришедъ со кресты, и образъ самъ по себѣ двигнуся на градъ, и слезы источи; абіе противніи ослѣпоша и побѣждени быша. И до сего дни та святая Богородицына икона чудодѣйствуетъ и цѣлбы даруетъ".

2) *Въ Новгород. I-ой лѣтописи* по рукописямъ XIV—XV вѣковъ (Т. III, стр. 14—15):

„Въ лѣто 6677..... на зиму придоша подъ Новгородъ Суждальци съ Андреевищемъ, Романъ и Мьстиславъ съ Смольняны и съ Торопьцяны, Муромьци и Рязаньци съ двѣма князьма, полоцьскый князь съ Полоцяны, и вся земля просто русьская. Новгородьци же сташа твердо о князи Романѣ о Мьстиславлици, о Изяславли внуцѣ, и о посадницѣ о Якунѣ, и устроиша острогъ около города, и приступиша къ граду въ недѣлю, на сборъ, и съѣздишася по три дни, на 4-ый же день, въ среду приступиша силою и бишася весь день. И къ вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородьци, силою крестною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыки Иліѣ, мѣсяця февраля въ 25 день, на святого епископа Тарасія, овы изсѣкоша, а другыя изымаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша, и купляху суждалець по двѣ ногатѣ.

Въ лѣто 6678. Бысть дороговь въ Новгородѣ: и купляху кадь ржи по 4 гривнѣ, а хлѣбъ по 2 ногатѣ, а медъ по 10 кунъ пудъ. И съдумавше Новгородьци показаша путь князю Роману, а сами послаша къ Ондрѣеви по миръ на всей воли своей. Въ то же лѣто вьниде князь Рюрикъ Ростиславиць въ Новгородъ, мѣсяца октября въ 4, на святого Іероѳея".

4) *Въ Новгород. 2-ой лѣтописи*, писанной полууставомъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка (Т. III, стр. 125):

„Въ лѣто 6677. Пріидоша Суздальци къ Новугороду Романъ Андреевичъ, а съ нимъ 70 князей и два удѣльныхъ, и вся руская земля при архіепископѣ Иліи".

О разгромѣ Кіева войсками князя Андрея Боголюбскаго „Лѣтопись по Ипатскому списку" (Спб. 1871), относящемуся къ концу XIV или началу XV в., разсказываетъ подъ 1170—1171 гг.

„В лѣто 6678..... то же веремя бѣ Андрѣй Гюргевичь в Суждали княжа, и тъ бѣ не имѣя любьви къ Мьстиславу.

Том же лѣтѣ прислашася Новгородци къ Мьстиславу, просяче сына у него, и дасть имъ Романа; и болши вражда бысть на Мьстислава отъ братьѣ, и начашася снашивати рѣчьми братья вси на Мьстислава, и тако утвердившеся крестомъ братья.

Той же зимѣ посла Андрѣй сына своего Мьстислава, с полкы своими, исъ Суждаля, на Киевьского князя на Мьстислава на Изяславича, с Ростовци, и с Володимирци, и съ Суждалци, и инѣхъ князий 11, и Бориса Жидиславича: Глѣбъ ис Переяславля Дюргевичь, Романъ и(зъ) Смоленьска, Володимиръ Андрѣевичь из Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручего, Давыдъ из Вышегорода, братъ его Мьстиславъ, Олегъ Святославичь, Игорь

братъ его и Всеволодъ Гюргевичь, Мьстиславъ внукъ Гюргевъ. Тогда же бяше послалъ Мьстиславъ Михалка князя Дюргевича Новугороду, къ сынови, с Коуи и Бастеевою чадью; и бысть вѣсть Рюрикови и Давыдови, оже Андрѣевичь (и) Романъ близъ идеть съ Смолняны, и посласта и яста Михалка за Межимостьемъ, ко Мозырю идуща; ту же льсть издѣя Бастий надъ Михалкомъ.

В лѣто 6679. Сняшася братья Вышегородѣ, и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святымъ Куриломъ, Ѳеодоровы недѣли, и второѣ недѣли оступиша вьсь градъ Киевъ. Мьстиславу затворившюся в Киевѣ, бьяхуться из города, и бысть брань крѣпка отвсюду; Мьстиславу изнемагающю въ градѣ, Берендичи же и Торци льстяху подъ Мьстиславомъ.

И стояша 3 дни у города, и снидоша всихъ князий дружина Серховицею, и ринушася к нимъ доловъ, у задъ Мьстиславу начаша стрѣляти. Мьстиславу же начаша дружина молвити: „что, княже, стоиши? поѣди из города; намъ ихъ неперемочи". И поможе Богъ Андрѣевичю Мьстиславу съ братьею, и взяша Киевъ. Мьстиславъ же Изяславичь бѣжа ис Киева на Василевъ; и постигше и Бастѣева чадь, начаша стрѣляти въ плечи ему, и много изоимаша дружины около его: яша Дмитра Хороброго и Олексу дворьского, Сбыслава Ярославича и Иванка Творимирича, Рода тивуна его, и ины многы; съ братомъ же Ярославомъ сняся за Уновью, и тако идоста Володимирю. Взятъ же бысть Киевъ мѣсяца марта въ 8, въ второѣ недѣли поста въ середу, и грабиша за 2 дни весь градъ, Подолье и Гору, и манастыри, и Софью, и Десятиньную Богородицю, и не бысть помилованія никому же ниоткуда же, церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемомъ, другымъ вяжемымъ, жены ведоми быша въ плѣнъ, разлучаеми нужею отъ мужий своихъ, младенци рыдаху зряще материй своихъ; и взяша имѣнія множьство, и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами, и колоколы изнесоша всѣ, Смолняне и Суждалци и Черниговци, и Олгова дружина, и вся святыни взята бысть; зажьже(нъ) бысть и манастырь Печерьскый святыя Богородица отъ поганыхъ, но Богъ молитвами святыя Богородица съблюде и отъ таковыя нужа; и бысть в Киевѣ на всихъ человѣцехъ стенание и туга, и скорбь неутѣшимая, и слезы непрѣстаньныя. Си же вся сдѣяшася грѣхъ ради нашихъ"

О смерти Андрея Боголюбскаго, погромившаго Кіевъ, боровшагося съ Великимъ Новгородомъ и посылавшаго туда въ періоды мира князей, Лаврентьевскій лѣтописный сводъ сѣвернаго извода разсказываетъ такъ:

„В лѣто 6683. (1175 г.)..... О убьеньи Андрѣевѣ.

В то же лѣто убьенъ бысть великый князь Андрѣй, сынъ великаго князя Георгия, внукъ Мономаха Володимера; убьенье же его послѣди скажемъ. Сей благовѣрный и христолюбивый (великий) князь Андрѣй отъ млады версты Христа возлюби и всепречистую его Матерь; смыслъ бо очистивъ и умъ, яко полату красну сию създа въ Володимери и в Боголюбѣмь, златомъ же и каменьемъ драгымъ и женчюгомъ украси ю, иконами безъцѣнными и всякыми узорочьями удиви, в нейже чюдотворная Мати Божия, к нейже вси хрестьяне съ страхомъ пририщюще и с вѣрою исцеления приимають. И ина всяка святыни и церкви различны

постави, и манастыри многы созда: на весь бо церковный чинъ и на церковникы отверзлъ ему Богъ очи сердечнѣи. Не омрачи бо ума своего пьяньствомъ, кормитель бѣ черньцемъ и черницямъ и убогымъ, и всякому чину яко възлюбленый бяше отець; паче же на милостыню зѣло охотивъ: ибо брашно свое и медъ по улицамъ на возѣхъ слаше, болнымъ и по затворомъ. Слыша бо Господа глаголюща: аще створисте братьѣ моей меншей, то мнѣ створисте; и паки Давыдъ глаголеть: блаженъ мужь милуя и дая весь день, о Господѣ ходяй не поткнется. Мужьство же и умъ в немъ живяше, правда же и истинна с нимъ ходяста, и иного добродѣянья много в немь бяше, вторый мудрый Соломонъ бывъ. Тѣмь достойно отъ Бога побѣдный вѣнець всприялъ еси, Андрѣю, мужьству тезоимените; братома бо богоумныма вслѣдовалъ еси, кровью омывъся страданья ти; аще бо не напасть, то не вѣнець, аще ли не мука, (то) ни дарове: всякый бо держася добродѣтели не можеть безъ многыхъ врагъ быти; и враждебное убийство слышавъ напереди до себе, духомь божественымъ разгорѣвъся и нивочтоже вмѣни. Тѣмь в память убьенья твоего удивишася небеснии ангели, видяще кровь твою прольемую за Христа; рыдаеть же множьство правовѣрныхъ, зряще отця сирымъ и коръмителя, омраченымъ звѣзду свѣтоносну помрачаему; оканьнии же твои убийцѣ огнемь крестятся конечнымъ, иже ижжигаеть всякого грѣха купину, рекше дѣянье. Ты же, страстотерпче, молися къ всемогущему Богу дати миръ мирови.

Убьенъ же бысть мѣсяця июня въ 29 день, на память святою апостолу Петра и Павла, в суботу на ночь. Началникъ же убийцямъ Петръ Кучковъ зять, Аньбалъ Ясинъ ключникъ, Якымъ Кучковичь, а всѣхъ невѣрныхъ убийцъ числомъ 20, иже ся были сняли на оканьный совѣтъ, того дни, у Петра у Кучкова зятя. Постигши бо ночи суботьнѣй, вземше оружье, яко звѣрье дивии, придоша идеже бѣ блаженый князь лежа в ложници, и силою отломиша двери у сѣний. Блаженый же вскочи и хотѣ взяти мечь, и не бѣ ту меча, бѣ бо вынялъ Аньбалъ того дни ключникъ его: той бо мечь бяше святого Бориса. Оканьнии же всовашася в ложницю вси, (и) иссѣкше его саблями и мечи, идоша прочь. Онъ же во торопѣ въскочь по нихъ, начатъ ригати и глаголати в болѣзни сердця; они же гласъ услышавше, воротишася на нь опять. Онъ же подъбѣже подъ сѣни; налѣзъше его ту и скончаша и́, Петръ же ему оття руку десную. Убьенъ же бысть в суботу на ночь, и освѣте заутра мертвъ в недѣлю, на память 12 апостолъ, налѣзоша и́ подъ сѣньми лежаща, вземше и́ на коврѣ клирошане Боголюбьскыи, внесоша и въ божницю, пѣвше над нимь вложишя и́ в гробъ каменъ. Горожане же Боголюбьскыи и дворяне разграбиша домъ княжь, и дѣлатели, иже бяху пришли к дѣлу, злато и сребро, порты и паволокы и имѣнье, емуже не бѣ числа; и много зла створися в волости его, посадникъ его и тиуновъ его домы пограбиша, а самѣхъ избиша, дѣтьцкыѣ и мечникы избиша, а домы ихъ пограбиша, не вѣдуче глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидъ [1]) много.

И паки Павелъ апостолъ глаголеть: всяка душа властелемъ пови-

---

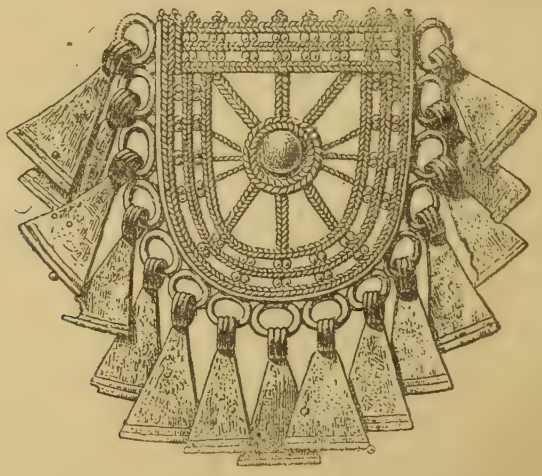
[1]) Въ лѣтописи по Ипатскому списку здѣсь прибавлено: „грабители же, и исъ селъ приходяче, грабяху“. Въ Ипатскомъ спискѣ весь разсказъ подробнѣе и богаче деталями.

нуется, власти бо отъ Бога учинени суть. Естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цесарь, властью же сана яко Богъ, вѣща бо великый Златоустець; тѣмже противяся волости, противиться закону Божью, князь бо не туне мечь носить, Божий бо слуга есть. Но мы на предняя възвратимся.

Ѳеодулъ же игуменъ святое Богородици Володимерьское с клирошаны, с Луциною чадью и с Володимерци ѣхаша по князя в Боголюбое, и вземше тѣло его въ 5 день, въ четвертокъ, привезше его в Володимерь с честью, положиша и́ у чюдное и хвалы достойное у святыя Богородици Златоверхое, юже бѣ самъ создалъ. Не вда бо в животѣ своемъ тѣлу своему покоя и очима своима дрѣманья, дондеже обрѣте домъ истины, прибѣжище всѣмъ хрестьяномъ, Цесарици небесныхъ чиновъ и госпожи всея вселеныя, всякого человѣка многыми путьми к спасенью приводящи. Якоже апостолъ учить: егоже любить Господь, казнить, бьеть же всякого сына, его же приемлеть; аще бо наказанья терпите, яко сыномъ вамъ обрѣтается Богъ. Не постави бо прекраснаго солнця на единомъ мѣстѣ, а доволѣюща и оттуду всю вселеную осияти, но створи ему встокъ, полъдне и западъ: тако и угодника своего Андрѣя князя не приведе его туне к собѣ, а могущаго таковымъ житьемь и тако душю спасти, но кровью мученичьскою омывся прегрѣшений своихъ, с братома с Романомъ и с Давыдомъ единодушно къ Христу Богу притече и в райстѣй пищи неиздреченьно с нима водваряяся, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, яже уготова Богъ любящимъ его, тѣхъ благъ сподобився видѣти в вѣкы. Радуешися, Андрѣю княже великый,— дерзновенье имѣя ко всемогущему и богатыхъ богатѣйшему, на высокыхъ сидящему Богу; молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему побѣду на противныя и многа лѣта, съ княгынею и съ благородными дѣтми, и мирну державу ему и царство небесное, ныня и присно, в бесконечныя вѣкы, аминь.

Увѣдѣвше же смерть княжю Ростовци, и Сужьдалци, и Переяславци, и вся дружина, отъ мала до велика съѣхашася к Володимерю, и рѣша: „се ся уже тако створило, князь нашь убьенъ, а дѣтей у него нѣту, сынокъ его в Новѣгородѣ, а братья его в Руси: по кого хочемъ послати в своихъ князехъ? намъ суть князи Муромьскыѣ и Рязаньскыи близь в сусѣдехъ, боимся льсти ихъ, еда поидуть изънезапа ратью на насъ, князю не сущю у насъ; пошлемъ къ Глѣбу, рекуще: „князя нашего Богъ поялъ, а хочемъ Ростиславичю Мстислава и Ярополка, твоею шюрину“. А хрестънаго цѣлованья забывше, цѣловавше къ Юргю князю на меншихъ дѣтехъ, на Михалцѣ и на братѣ его; и преступивше хрестное цѣлованье посадиша Андрѣа, а меншая выгнаша; ни здѣ по Андрѣи помянушася, но слушаху Дѣдиля и Бориса, Рязаньскою послу. И утвердившеся святою Богородицею, послаша ко Глѣбови: „тобѣ своя шюрина, а наша князя; да се утвердившеся межю собою, послахомъ к тобѣ послы своя, атъ приставишь к нимъ своя послы, атъ идуть по князи наши в Русь“. Глѣбъ же слышавъ радъ бысть, оже на него честь вскладываютъ, а шюрину его хотять. И утвердивъшеся хрестънымъ цѣлованьемъ и и святою Богородицею, послаша по нею, рекуще: „отець ваю добръ былъ, коли княжилъ у насъ; а поѣдита к намъ княжитъ, а инѣхъ не хочемъ“. И приѣхавше сли, повѣдаша рѣчь дружинью; и сущю ту Михалку Гюргевичю с нима у Святослава князя Черниговѣ, и рекоста Мстиславъ и

Ярополкъ: „помози Богъ дружинѣ, оже не забывають любве отца нашего“. И здумавше сами рекоша: „любо лихо, любо добро всѣмъ намъ, поидемъ вси 4, Гюргевича 2, а Ростиславича 2“. (И поидоста преди два, Михалкъ Гургевичь) и Ярополкъ Ростиславичь, утвердившеся межи собою, давше старѣйшиньство Михалку, и цѣловавъше (честный) крестъ у епископа Черниговьскаго из рукы; и приѣхаста [1]) на Москву. И слышавше Ростовци негодоваша, рекоша Ярополку: „ты поѣди сѣмо“, а Михалку рекоша: „пожди мало на Москвѣ“. Ярополкъ же поѣха отай брата к дружинѣ Переяславлю, Михалко же видѣвъ брата ѣхавша, и ѣха Володимерю; а дружина вся видѣвше князя Ярополка, цѣловаша и́, утвердившеся крестнымъ цѣлованьемь с нимъ, ѣхаша к Володимерю на Михалка. Михалко же затворися в городѣ, не сущимъ Володимерцемъ Володимери, ѣхали бо бяху, по повелѣнью Ростовець, противу князема с полторы тысячѣ, и ти тако цѣловаша крестъ. Приѣхаша же со всею силою Ростовьская земля на Михалка к Володимерю, и много зла створиша, Муромцѣ и Рязанцѣ приведоша и пожгоша около города; Володимерци бьяхутся с города, святѣй Богородицѣ помогающи имъ; и стояша около города 7 недѣль, и святая Богородиця избави градъ свой. Володимерци же не терпяче глада, рѣша Михалку: „мирися, а любо, княже, промышляй о собѣ“. Онъ же отвѣщавъ рече: „прави есте, ци хотите мене дѣля погынути?“ поѣха в Русь, и проводиша его Володимерци с плачемъ. И потомъ Володимерци утвердивъшеся с Ростиславичема крестнымь цѣлованьемъ, яко не створити има в городѣ никакого зла, выидоша съ кресты противу Мстиславу и Ярополку из города; и вшедшимъ в городъ утѣшиста Володимерцѣ, и роздѣливше волость Ростовьскую сѣдоста княжитъ, а Ярополка князя посадиша Володимерци с радостью в городѣ Володимери на столѣ, въ святѣй Богородицѣ, весь порядъ положше. Не противу же Ростиславичема бьяхутся Володимерци, но не хотяще покоритися Ростовцемъ, (и Суждалцемъ и Муромцемъ), зане молвяхуть: „пожьжемъ и́, пакы ли (а) посадника в немь посадимъ; то суть наши холопи каменьници“. Потомъ же Ростовци посадиша у собе Мстислава Ростовѣ, на столѣ дѣдни и отни, с радостью великою“.



[1]) См. ниже на стр. 26.

III.

Монгольское иго.

Лѣтописный разсказъ о движеніяхъ монголовъ по восточно-европейской равнинѣ представляетъ значительный бытовой интересъ. Такъ называемое монгольское иго есть вполнѣ опредѣленный фактъ древней русской исторіи, вызывавшій когда-то споры и разнообразныя толкованія. При современномъ состояніи исторической науки интересъ къ этому факту, какъ таковому, имѣетъ второстепенное значеніе. Знакомство же съ его внѣшней стороной по первоисточнику—лѣтописному преданію—представляется вполнѣ необходимымъ. Знакомство это будетъ вполнѣ достаточнымъ по тремъ приводимымъ далѣе отрывкамъ.

1.

Битва на Калкѣ.

(По Ипатской лѣтописи подъ 1224 г.).

Алецское побоище. Въ лѣто 6732. Приде неслыханая рать: безбожнии Моавитяне, рекомыи Татарове, придоша [1]) на землю Половецькую. Половцемь же ставшимъ, Юргий Кончаковичь бѣ болийше всихъ Половець, не може стати противу лицю ихъ; бѣгающи же ему, и мнози избьени

---

[1]) Лаврентьевская лѣтопись говоритъ подъ 1223 г. о появленіи татаръ, описывая послѣднихъ болѣе подробно: „Явишася языци, ихже никтоже добрѣ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я Татары, а инии глаголють Таумены, а друзии Печенѣзи.....Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша, премудрии мужи вѣдять я добрѣ, кто книгы разумно умѣеть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но сдѣ вписахомъ о нихъ ради Русскыхъ князий бѣды". Къ тому же году авторъ свода относитъ рядъ явленій необычныхъ. Нпр.: „бѣ ведро велми, и мнози борове и болота загарахуся, и дымове силни бяху, яко недалече бѣ видѣти человѣкомъ; бѣ бо яко мгла к земли прилегла, яко и птицамъ по аеру не бѣ лзѣ лѣтати, но падаху на земли и умираху".

быша, до рѣкы Днепра; Татарове же возвратишася, идоша в вежа своя. Прибѣгшимъ же Половцемь в Рускую землю, глаголющимъ же имъ Русскимъ княземь: „аще не поможете намъ, мы нынѣ исѣчени бѣхомъ, а вы наутрѣе исѣчени будете“. Бывшю же съвѣту всихъ князѣй, во градѣ Кыевѣ, створиша совѣтъ сице: „луче ны бы есть прияти я на чюжей землѣ, нежели на своей“. Тогда бо бѣахуть Мьстиславъ Романовичь въ Кыевѣ, а Мьстиславъ в Козельскѣ и в Черниговѣ, а Мьстиславъ Мьстиславичь въ Галичѣ: то бо бѣаху старѣйшины въ Руской земли; Юрья же князя великого Суждальскаго не бы в томъ съвѣтѣ; се же паки млади князи: Данилъ Романовичь, Михаилъ Всеволодичь, Всеволодъ Мьстиславичь Кыевскый, инии мнозии князи; тогда же великый князь Половецкый крестися Басхы; Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ младъ.

Оттуду же придоша мѣсяца априля и придоша к рѣцѣ Днѣпру, ко острову Варяжьскому. И приѣха ту к нимъ вся земля Половецкая, и Черьвниговцемь приѣхавшимъ и Кияномъ и Смолняномъ, инѣмь странамъ; вся намъ по суху же Днѣпръ перешедшимъ, якоже покрыти водѣ быти отъ множества людий, а Галичане и Волынци кийждо со своими князьми, а Куряне, и Трубчяне, и Путивлици и кийждо со своими князьми, придоша коньми, а выгонци Галичькыя придоша по Днѣпру и въидоша въ море; бѣ бо лодей тысяща, и воидоша во Днѣпръ, и возведоша порогы, и сташа у рѣкы Хортицѣ на броду у протолчи; бѣ бо с ними Домамѣричь Юрьгій и Держикрай Володиславичь. Пришедши же вѣсти во станы, яко пришли суть видѣтъ олядій Рускыхъ; слышавъ же Данилъ Романовичь, и гна всѣдъ на конь видѣти невиданьноя рати, и сущии с ними коньници, и инии мнозии князи с нимь гнаша видити невидѣное рати.

Онѣмъ же отшедшимъ, Юрьги же имъ сказываше, яко стрѣлци суть; инии же молвяхуть, яко простии людье суть, пуще и Половець; Юрьги же Домамиричь молвяшеть: „ратници суть и добрая вои“. Приѣхавъше же сказаша Мьстиславу, Юрьги же все сказа, и рекшимъ молодымъ княземь: „Мьстиславе и другий Мьстиславе! не стойта, пойдемь противу имъ“. Переидоша же вси князи, Мьстиславъ и другий Мьстиславъ Черниговьскый, рѣку Днѣпръ, инии князи предоша, и поидоша в поле Половецкое; переидоша же Днѣпръ во день во вторникъ.

И усрѣтоша Татареве полкы Рускыя, стрѣлци же Рускыи побѣдиша и, и гнаша в поле далеце, секуще, и взяша скоты ихъ, а со стады утекоша, яко всимъ воемъ наполнитися скота. Оттуду же идоша 8 дни до рѣкы Калкы, стрѣтоша и сторожьеве Татарьскыи; сторожемъ же бившимъся с ними, и убьенъ бысть Иванъ Дмитріевичь, иная два с нимъ; Татаром же отъѣхавшимъ напрочьне рѣцѣ Калкѣ. Устрѣтоша и Татарове Половецкыя полкы и Рускыя, Мьстиславъ же Мьстиславличь повелѣ впередъ перейти рѣку Калку Данилови с полкы, инѣмь полкомъ с нимъ; а самъ по нем перейде, еха же самъ во сторожѣ; видившу же ему полкы Татарьскыя, приѣхавъ рече: „воружитеся“. Мьстиславу же и другому Мьстиславу, сѣдящема во стану, не вѣдущема, Мьстиславъ же не повѣда има зависти ради: бѣ бо котора велика межю има. Съразившимся полкомъ на мѣсто, Данилъ же выѣха напередъ, и Семьюнъ Олюевичь и Василко Гавриловичь, поткоша в полкы Татарьскыя; Василкови же сбодену бывшю, а самому Данилу бодену бывшю в перси, младъства ради и буести не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его: бѣ бо возрастомъ 18 лѣтъ, бѣ бо силенъ. Да-

нилови же крѣпко борющися, избивающи Тотары, видивъ то Мьстиславъ Нѣмый, мнѣвъ яко Данилъ сбоденъ бысть, потче и самъ въ нѣ, бѣ бо мужь и тъ крѣпокъ: понеже ужика сый Роману отъ племени Володимеря, прирокомъ Маномаха, бѣ бо велику любовь имѣя ко отцю его, ему же поручивше по смерти свою волость, дая князю Данилови.

Татаром же бѣгающимъ, Данилови же избивающи ихъ своимъ полкомъ и Олгови Курьскому, крѣпко бившимся, инѣмъ полкомъ сразившимся с ними, грѣхъ ради нашихъ Рускимъ полкомъ побѣженымъ бывшимъ. Данилъ видивъ, яко крѣпцѣйши брань належить в ратныхъ, стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпцѣ обрати конь свой на бѣгъ, устрѣмления ради противныхъ. Бѣжащю же ему, и вжада воды, пивъ почюти рану на телеси своемь, во брани не познася крѣпости ради мужьства возраста своего: бѣ бо дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немь порока. *Бысть побьда на всі князи Рускыя, такоже не бывало никоіда же* [1]). Татаром же побѣдившимъ Русьскыя князя, за прегрешение крестьяньское пришедшимъ и дошедшимъ до Новагорода Святополчьского: не вѣдающимъ же Руси льсти ихъ исходяху противу имъ со кресты, они же избиша ихъ всихъ. Ожидая Богъ покаяния крестьяньскаго, и обрати и воспять на землю Восточную, и воеваша землю Таногустьску и на ины страны; тогда же и Чаногизъ канъ ихъ Таногуты убьенъ бысть; их же прельстивше и послѣди же льстию погубиша, иные же страны ратми, наипаче лестью погубиша.

2.

Покореніе Руси Сѣверо-Восточной.

(По Лаврентьевской лѣтописи подъ 1237 г.).

В лѣто 6745. Благовѣрный епископъ Митрофанъ постави кивотъ в святѣй Богородицѣ зборнѣй, надъ трапезою, и украси его златомь и сребромъ, при благовѣрнѣмь князи велицѣмь Георгии; того же лѣта исписа притворъ святое Богородици. Того же лѣта, на зиму, придоша отъ всточныѣ страны на Рязаньскую землю, лѣсомъ, безбожнии [2]) Татари, и почаша воевати Рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска; поплѣнивше Рязань весь и пожгоша, и князя ихъ убиша, ихже емше овы растинахуть, другыя же стрѣлами растрѣляху в ня, а ини опакы руцѣ связывахуть; много же святыхъ церкви огневи предаша, и манастырѣ и села пожгоша; имѣнья не мало обою страну взяша; потомъ поидоша на Коломну. . . . . .

Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава, и ѣха на Волъгу с сыновци своими, с Василькомъ и со Всеволодомъ и с Володимеромъ, и ста на Сити станомъ, а ждучи к собѣ брата своего Ярослава с полкы, и Святослава с дружиною своею; и нача Юрьи князь великый совкупляти

---

[1]) Въ Лаврентьевской лѣтописи послѣ разсказа объ избіеніи татарами русскихъ князей прибавлено: „И бысть плачь и туга в Руси и по всей земли слышавшимъ сию бѣду".

[2]) Ипатская лѣтопись разсказъ подъ тѣмъ же годомъ начинаетъ словами: „Придоша безбожнии Измалтянѣ, преже бившеся со князи Рускими на Калкохъ; бысть первое приходъ ихъ на землю Рязаньскую и взяша градъ Рязань копьемъ". Въ той же лѣтописи читается извѣстный разсказъ о взятіи Батыемъ Козельска („градъ злый").

воѣ противу Татаромъ, а Ярославу Михаиловичю приказа воеводьство в дружинѣ своей.

Тое же зимы придоша Татарове к Володимерю, мѣсяца февраля въ 3, на память святаго Семеона, во вторникъ, преже мясопуста за недѣлю. Володимерци затворишася в градѣ, Всеволодъ же и Мстиславъ бяста, а воевода Петръ Ослядюковичь. Володимерцемъ не отворящимся, приѣхаша Татари к Золотымъ воротомъ, водя с собою Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстиславля; и начаша просити Татарове князя великого Юрья, есть ли в градѣ. Володимерци пустиша по стрѣлѣ на Татары, и Татарове такоже пустиша по стрѣлѣ на Золотая ворота; и по семъ рекоша Татарове Володимерцемъ: „не стрѣляйте". Они же умолчаша. И приѣхаша близь к воротомъ и начаша Татарове молвити: „знаете ли княжича вашего Володимера?"—бѣ бо унылъ лицемъ. Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотыхъ воротѣхъ, и познаста брата своего Володимера. О умиленое видѣнье и слезъ достойно! Всеволодъ и Мстиславъ с дружиною своею, и вси гражане плакахуся, зряще Володимера. А Татарове отшедше отъ Золотыхъ воротъ, и обьѣхаша весь градъ, и сташа станомъ предъ Золотыми врата назрѣмѣ, множство вой бесчислено около всего града. Всеволодъ же и Мстиславъ сжалистаси брата своего дѣля Володимера, и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: „братья! луче ны есть умрети передъ Золотыми врата за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру хрестьяньскую"; и не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь. И рекоста оба князя: „си вся наведе на ны Богъ грѣхъ ради нашихъ". Якоже пророкъ глаголеть: нѣсть человѣку мудрости, ни есть мужства, ни есть думы противу Господеви; яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть, буди имя Господне благословено в вѣкы. Створися велико зло в Суждальской земли, якоже зло не было ни отъ крещенья якоже бысть нынѣ. Но то оставимъ.

Татарове станы своѣ урядивъ у города Володимеря, а сами идоша, взяша Суждаль и святу Богородицю разграбиша, и дворъ княжь огнемъ пожгоша, и манастырь святаго Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша; а черньци и черници старыя и попы, и слѣпыя и хромыя и слукыя и трудоватыя, и люди всѣ иссѣкоша, а что чернець уныхъ и черниць, и поповъ и попадий и дьяконы и жены ихъ, и дчери и сыны ихъ, то все ведоша в станы своѣ, а сами идоша к Володимерю. Въ суботу мясопустную почаша наряжати лѣсы, и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города Володимеря; в недѣлю мясопустную по заутрени приступиша к городу, мѣсяца февраля в 7, на память святаго мученика Феодора Стратилата. И бысть плачь великъ в градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ и неправды; за умноженье безаконий нашихъ попусти Богъ поганыя, не акы милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ встягнулися отъ злыхъ дѣлъ. И сими казньми казнить насъ Богъ, нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся [въспомянемся] отъ пути своего зла его; сего ради в праздникы намъ наводить Богъ сѣтованье, якоже пророкъ глаголаше: преложю праздникы ваша в плачь и пѣсни ваша в рыданье. И взяша градъ до обѣда. Отъ Золотыхъ воротъ у святаго Спаса внидоша по примету чересъ городъ, а сюдѣ отъ сѣверныя страны отъ Лыбеди ко Ориниимъ воротомъ и к Мѣдянымъ, а сюдѣ отъ Клязмы к Волжьскымъ воротомъ; и тако вскорѣ взяша Новый градъ.

И бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бѣжаша в Печерний

городъ. А епископъ Митрофанъ, и княгыни Юрьева съ дчерью и с снохами и со внучаты, и прочиѣ княгини, Володимеряя с дѣтми, и множство много бояръ и всего народа людий затворишася в церкви святыя Богородица, и тако огнемъ безъ милости запалени быша. И помолися боголюбивый епископъ Митрофанъ, глаголя: Господи Боже силъ, Свѣтодавче, сѣдяй на хѣрувимѣхъ, и научи Осифа, и окрѣпивъ пророка своего Давыда на Гольяда, и въздвигнувый Лазаря четвородневнаго из мертвыхъ! простри руку свою невидимо, и приими в миръ душа рабъ своихъ"; и тако скончашася. Татарове же силою отвориша двери церковныя, и видѣша овы огнемъ скончавшася, овы же оружьемъ до конца смерти предаша; святую Богородицю разграбиша, чюдную икону одраша, украшену златомъ и серебромъ и каменьемь драгымъ, и манастырѣ всѣ и иконы одраша, а иныѣ исѣкоша, а ины поимаша, и кресты честныя и ссуды священныя и книгы одраша, и порты блаженыхъ первыхъ князий, еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ, то же все положиша собѣ в полонъ. Якоже пророкъ глаголеть: Боже! придоша языци в достоянье твое, осквернiша церковь святую твою, положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупья рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плотъ преподобныхъ твоихъ звѣремъ земнымъ; прольяша кровь ихъ аки воду. И убьенъ бысть Пахоми архимандритъ манастыря Рожества святы Богородица, да игуменъ Успеньскый, ‖ Феодосий Спасьскый, и прочии игумени и черньци и черници, и попы и дьяконы, отъ уного и до старца и сущаго младенца; и та вся иссѣкоша, овы убивающе, овы же ведуще босы и безъ покровенъ въ станы своѣ, издыхающа мразомъ. И бѣ видѣти страхъ и трепетъ, яко на хрестьяньскѣ родѣ страхъ и колѣбанье и бѣда упространися. Согрѣшихомъ, казними есмы, якоже ны видѣти бѣдно пребывающа, и се намъ сущюю радость скорбь, да и не хотяще всякъ в будущий вѣкъ обрящемъ милость: душа бо сдѣ казнима, всяко в будущий судъ милость обрящеть и лгыню отъ мукы. О неиздреченьному ти человѣколюбью! и тако подобаетъ благому Владыцѣ казати; и се бо и азъ грѣшный много и часто Бога прогнѣ‖ваю, и часто согрѣшаю по вся дни. Но нынѣ на предреченая взидемъ.

Татарове поплѣниша Володимерь, и поидоша на великого князя Георгия оканнии ти кровопийци, и ови идоша к Ростову, а ини къ Ярославлю, а ини на Волгу на Городець, и ти плѣниша все по Волзѣ, доже и до Галича Мерьскаго; а ини идоша на Переяславль, и тъ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша, доже и до Торжку, и нѣсть мѣста, ни вси, ни селъ тацѣхъ рѣдко, идеже не воеваша на Суждальской земли; и взяша городовъ 14, опрочь свободъ и погостовъ, во одинъ мѣсяць февраль, кончевающюся 45-тому лѣту.

Но мы на предняя взидемъ. Яко приде вѣсть къ великому князю Юрью: „Володимерь взятъ и церкы зборъная, и епископъ и княгини з дѣтми и со снохами и со внучаты огнемь скончашася, а старѣйшая сына Всеволодъ с братомъ внѣ града убита, люди избиты, а к тобѣ идуть", онъ же се слышавъ възпи гласомь великымъ, со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ хрестьяньстѣй преже, и наипаче о церкви и епископа ради и о людехъ, бяше бо милостивъ, нежели собе и жены и дѣтий; и въздохнувъ из глубины сердца, рекъ: „Господи! се ли бы годѣ твоему милосердью?", новый Иовъ бысть терпѣньемъ и вѣрою яже к Богу. И нача молитися, глаголя: „Увы мнѣ, Господи! луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь; нынѣ же что ради остахъ азъ единъ?" И сице ему моля-

щюся со слезами, и се внезапу поидоша Татарове, онъ же отложивъ всю печаль, глаголя: „Господи! услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ своимъ, яко не оправдится предъ тобою всякъ живый; яко погна врагъ душю мою“. И паки второе помолися: „Господи Боже мой! на тя уповахъ, и спаси мя, и отъ всѣхъ гонящихъ избави меня“. И поидоша безбожнии Татарове на Сить противу великому князю Гюргю; слышавъ же князь Юрги, с братомъ своимъ Святославомъ, и с сыновци своими, Василкомъ и Всеволодомъ и Володимеромъ, и с мужи своими, поидоша противу поганымъ. И сступишася обои, и бысть сѣча зла, и побѣгоша наши предъ иноплеменники: и ту убьенъ бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожнии, и поведоша в станы своѣ.

Се же зло здѣяся мѣсяца марта въ 4 день, на память святою мученику Павла и Ульяны. И ту убьенъ бысть князь великый Юрьи на Сити на рѣцѣ, и дружины его много убиша; блаженый же епископъ Кирилъ взя князя мертва, идый зъ Бѣлаозера, и принесе и в Ростовъ, и пѣвъ над нимъ обычныя пѣсни со игумены и ç клирошаны и с попы, со многами слезами, вложиша и въ гробъ у святое Богородици. А Василка Костянтиновича ведоша со многою нужею до Шерньского лѣса, и яко сташа станомъ, нудиша и много проклятии безбожнии Татарове обычаю поганьскому, быти въ ихъ воли и воевати с ними; но никакоже не покорися ихъ безаконью, и много сваряше я, глаголя: „о глухое цесарьство осквернъное! никакоже мене не отведете хрестьяньское вѣры, аще и велми в велицѣ бѣдѣ есмъ; Богу же какъ отвѣтъ дасте, емуже многы душа погубили есте бес правды? ихже ради мучити вы имать Богъ въ бесконечныя вѣкы, и стяжеть бо Господь душѣ тѣ, ихже есте погубили“. Они же въскрежтажа зубы на нь, желающе насытитися крове его. Блаженый же князь Василко помолися, глаголя: „Господи! Исусе Христе! помагавый ми многажды, избави мя отъ сихъ плотоядець“. И паки помоливъся рече: „Господи Вседержителю и нерукотвореный Цесарю! спаси любящихъ тя и прошенья, егоже азъ прошю, дажь ми; помози хрестьяномъ и спаси рабы твоя, чада моя Бориса и Глѣба, и отца моего, епископа Кирила“. И паки 3-ее помолися: „Благодарю тя, Господи Боже мой! кую похвалную память мою вижю, яко младая моя память желѣзомъ погыбаеть, и тонкое мое тѣло увядаеть?“ и прочее помолися: „Господи Исусе Христе Вседержителю! приими духъ мой, да и азъ почию в славѣ твоей“. И се рекъ, абье безъ милости убьенъ бысть. И повержену на лѣсѣ, видѣ и етера жена вѣрна, и повѣда мужю богобоязниву поповичю Андрияну, и взя тѣло Василка и понявицею обитъ, реку саваномъ, и положи его в скровнѣ мѣстѣ. Увѣдѣвъ же боголюбивый епископъ Кирилъ и княгыни Василкова, послаша по князя, принесоша и в Ростовъ; и яко понесоша и в градъ, и множство народа изидоша противу ему, жалостныя слезы испущающа, оставше такого утѣшенья.

Рыдаху же народа множство правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя отходяща, печалнымъ утѣшенье великое, омрачнымъ звѣзду свѣтоносну зашедшю; на весь бо церковный чинъ отверзлъ бяшеть ему Богъ очи сердечнѣи, и всѣмъ церковникомъ и нищимъ и печалнымъ яко възлюбленый бяше отець, паче же и на милостыню [прилежа], поминая слово Господне, глаголющее: блаженнии милостивии, яко ти помиловани будуть; и Соломонъ глаголеть: милостынями и вѣрою очищаются грѣси; тѣмже и не погрѣши надежи, егоже просяше у Бога: Господи! спаси любящихъ тя. Сего бо блаженаго князя Василка спричте Богъ смерти

подобно Андрѣевѣ, кровью мученичьскою омывъся прегрѣшений своихъ, с братомъ и отцемъ Георгиемъ с великимъ княземъ. Се бо и чюдно бысть, ибо и по смерти совкупи Богъ телеси ею, принесоша Василка и положиша и в церкви святыя Богородица в Ростовѣ, идеже и мати его лежить, тогда же пренесоша голову великаго князя Георгия, и вложиша ю в гробъ к своему тѣлу. Бѣ же Василко лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемь легокъ, до бояръ *(срв. выше на стр. 8)* ласковъ; никтоже бо отъ бояръ, кто ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ, и чашю пилъ и дары ималъ, тотъ никакоже у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слугы свои любляше. Мужьство же и умъ в немъ живяше, правда же и истина с нимъ ходяста; бѣ бо всему хытръ и гораздо умѣя, и посѣдѣ в добродеяньстви на отни столѣ и дѣдни, и тако скончася, якоже слышасте.

3.

Взятіе Кіева татарами.

(По Ипатской лѣтописи подъ 1240 г.).

Въ лѣто 6748. Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжьцѣ, многомь множьствомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила Татарьская, и бысть градъ во обьдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города и отроци его обьсѣдяху градъ, и не бѣ слышати отъ гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его, и рьжания отъ гласа стадъ конь его. И бѣ исполнена земля руская ратныхъ. Яша же в нихъ Татарина, именемь Товрулъ, и тъ исповѣда имъ всю силу ихъ; се бяху братья его силныи воеводы: Урдюй, Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечакъ, и Меньгу, и Кююкь, иже вратися увѣдавъ смерть канову и бысть каномь, не отъ роду же его, но бѣ воевода его перьвый, се Бѣдяй богатуръ и Бурунъдай богатырь, иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую; инѣхъ бес числа воеводъ, ихъ же не исписахомъ зде.

Постави же Баты порокы городу, подълѣ вратъ Лядьскыхъ, ту бо бѣаху пришли дебри; порокомъ же беспрестани бьющимъ день и нощь, выбиша стѣны, и возиидоша горожани на избыть стѣны и ту бѣаше видити ломъ копѣйны и щетъ скѣпание, стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣженымъ; и Дмитрови ранену бывшу, взиидоша Татарѣ на стѣны и сѣдоша того дне и нощи. Гражанѣ же создаша паки другий градъ, около святое Богородицѣ. Наутрѣя же прідоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика; людем же узбѣгшимъ на церковь и на комары церковныя, и с товары своими, отъ тягости повалишася с ними стѣны церковныя, и принятъ бысть градъ сице воими. Дмитрья же изведоша язвена и не убиша его, мужьства ради его.

IV.

Происхожденіе московскаго княжества.

Первое упоминаніе о Москвѣ въ лѣтописяхъ встрѣчается подъ 1147 годомъ. Подъ этимъ годомъ въ „Лѣтописи по Ипатскому списку“ (стр. 240—241) читаемъ:

„Иде Гюрги (т.-е. князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, отецъ Андрея Боголюбскаго) воевать Новгорочькой волости, и пришедъ взя Новый Торгъ и Мьсту всю взя. А ко Святославу (т. е. Олеговичу, сѣверскому князю) присла Юрьи, повелѣ ему Смоленьскую волость воевати; и шедъ Святославъ и взя люди Голядь [1]), верхъ Поротве, и тако ополонишася дружина Святославля. И прислав Гюрги и рече:

„Приди ко мнѣ, брате, в Москову“.

Святославъ же к нему ѣха съ дѣтятемъ своимъ Олгомъ, въ малѣ дружинѣ, поима съ собою Володимира Святославича; Олегъ же ѣха напередъ къ Гюргеви и да ему пардусъ. И приѣха по немъ отець его Святославъ, и тако любезно цѣловастася, въ день пятокъ, на похвалу святѣй Богородици, и тако быша весели. На утрий же день повелѣ Гюрги устроити обѣдъ силенъ, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многы, съ любовию, и сынови его Олгови, и Володимиру Святославичю, и муже Святославле учреди, и тако отпусти и. И обѣщася Гюрги сына пустити ему, якоже и створи“.

Въ 1147 г. Москва представляетъ собою городокъ—сельцо въ Суздальскомъ княжествѣ, въ которомъ сидитъ порою князь Юрій Долгорукій, зоветъ туда гостей и задаетъ пиры. Характерно, что первое упоминаніе о Москвѣ связано съ устройствомъ *обѣда сильнаго*. „Сильный обѣдъ“, угощеніе черезъ край, кормежка, какъ на убой, сразу сдѣлались исторической принадлежностью Москвы, не исчезнувшей и въ наши дни...

---

[1]) И. Забѣлинъ предлагаетъ читать не „люди Голядь“, а „городъ Людогощь“. Тотъ же авторъ считаетъ Москву 1147 г. княжескимъ вотчиннымъ сельцомъ Это довольно вѣроятно, такъ какъ въ Тверской лѣтописи подъ 1156 г. читаемъ: „Князь великій Юрій Володимеричь **заложи градъ Москову** на устниже Неглинны, выше рѣки Аузы“. Позднѣйшія лѣтописныя записи съ явной неудачей стремились начало Москвы пріурочить къ временамъ Олега. Вотъ одна изъ такихъ лѣтописныхъ вставокъ: „Олегъ же нача грады ставити многіе и прииде на рѣку, глаголемую Москву въ нея же прилежатъ рѣки Неглинная и Яуза, и постави градъ не малъ, и прозва его Москва, и посади на княженіе сродниковъ своихъ“.

Второе упоминаніе о Москвѣ встрѣчаемъ подъ 1175 — 1177 годами по смерти князя Андрея Боголюбскаго въ связи съ домогательствами сидѣть во Владимирѣ старѣйшаго оставшагося въ живыхъ сына Юрія Долгорукаго, Михаила. Хотя два Юрьевича, Михаилъ и Всеволодъ, и два Ростиславича, Мстиславъ и Ярополкъ, т.-е. дядья съ племянниками, и договорились дать „старѣйшиньство Михалку“ и, договорившись „пріѣхаста на Москву“, тѣмъ не менѣе, ростовцы вознегодовали, позвали Ярополка въ Ростовъ, а Михалку сказали: „пожди мало на Москвѣ“. Михаилъ не остался сидѣть въ Москвѣ, отправился добывать Владимирскій столъ, не успѣлъ въ своемъ намѣреніи и въ 1176 г. вновь оказался въ Москвѣ, куда на него двинулся Ярополкъ Ростиславичъ: „и Божьимъ промысломъ, говоритъ „Лѣтопись по Лаврентьевскому списку“, минустася въ лѣсѣхъ, Михалко с Москвы поѣха с братомъ со Всеволодомъ Володимерю, а Ярополкъ инѣмъ путемъ ѣха на Москву“.

Послѣ битвы подъ Владимиромъ съ Мстиславомъ Михаилъ Юрьевичъ сѣлъ на Владимирскомъ столѣ. „Лѣтопись по Ипатскому списку“ (стр. 407—408) подъ 1176 г. разсказываетъ по этому поводу слѣдующее (нѣсколько иначе, чѣмъ Лаврентьевская, и опять съ упоминаніемъ *обѣда*):

„Пойде Михалко и Всеволодъ братъ его изъ Чернигова, Святославъ же пристави сына своего Володимѣра с полкомъ, мѣсяца мая въ 21 день, въ празникъ Костянтина и Олены. Вышедъшю же Михалкови и уя и болезнь велика на Свинѣ, и възложивше на носилицѣ несяхуть токмо еле жива, идоша с нимь до Куцкова, рекше до Москвы; и ту стрѣтоша и Володимѣрьци съ Андрѣевичемъ Юрьемъ, одини бо Володимѣрци бяху ему добри. Сѣдшю ему обѣдати, и приде ему вѣсть, оже сыновѣць его Ярополкъ идеть на нь; и выйдоша изъ Москве и поидоша къ Володимѣрю. Услышавъ же Ярополкъ, и уступи имъ на сторону. Москьвляни же слышавше, оже идеть на нѣ Ярополкъ, и възвратишася въспять, блюдуче домовъ своихъ.

И переѣха рѣку Кулашку, и быша на полѣ Белеховѣ; ѣдущю же Володимѣру Святославичю напередѣ, и выступи полкъ изъ загорья, вси во броняхъ яко во всякомъ леду, и удари(ша) на нихъ изнезапа и подъяша стягъ. Михальку же доспѣвающю с братомъ Всеволодомъ, наряживающи полкы своя, пойдоша (къ нимъ). Мьстиславъ же съ Суждалчи, а Всеволодъ с Володимирци и с Володимѣромъ, нарядяче полкы пойдоша к нимъ. И пойдоша Мьстиславичи кличюче, яко пожрети хотяще, стрѣлчемъ стрѣляющимъ обоимъ межи полкома. Михалко бѣ ѣще боленъ бяшеть, несяху на носилицахъ, онѣхъ бо бяшеть сила множьство, а правда бяшеть и святый Спасъ с Михалкомъ. Мьстиславичи же, не доѣхавше, повергоша стягъ и побѣгоша, гоними гнѣвомъ Божиимъ и святѣй Богородици, поможе Богъ Михальку и брату его Всеволоду, Богу помогающю и оправившю предо всими человѣкы; и побѣди сыновца своего мѣсяца июня въ 15 день, святаго пророка Амоса, в недѣлю, и прогна ѣ; и бѣжа к Новугороду, а Ярополкъ бѣжа къ зяти в Рязань.

Михалко же и Всеволодъ, одаривша Володимѣра Святославича, отпусти и восвояси. Потомъ же Михалко и Всеволодъ поѣхаста въ Володимиръ, съ славою и съ честью великою, ведущю предъ нимь колодникы, Богу наказавшю князѣ креста не переступати и старѣйшаго брата честити, а злыхъ человѣкъ не слушати, иже не хотять добра межи братьею. Тогда же Володимѣрци, узрѣвше князя своя, выйдоша со кресты, и с радостью и честью великою. И вниде Михалко въ городъ къ святѣи

Богородици, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего. Того же дни, в недѣлю, бысть радость велика въ градѣ Володимѣрѣ. И потомъ посла Святославъ жены ихъ Михалковую и Всеволожюю, приставя к нимъ сына своего Олга проводити ѣ до Москвѣ; Олегъ же, проводивъ и, възвратися во свою волость к Лопасну".

Въ 1177 г. князь Михаилъ Юрьевичъ умеръ во Владимирѣ, на владимирскомъ столѣ сѣлъ братъ его Всеволодъ. Попытка Мстислава Ростиславича отнять столъ у Всеволода не удалась, онъ долженъ былъ уйти изъ Новгорода, пріѣхалъ въ Рязань и „подъмолви Глѣба (т.-е. Ростиславича), рязаньскаго князя, зятя своего, Глѣбъ же на ту осень приѣха на Московь, и пожже городъ весь и села... а Глѣбъ, пожегъ Москву, иде Рязаню" (стр. 363). Такъ второе упоминаніе лѣтописи о Москвѣ говоритъ уже о томъ, что вся она съ селами была сожжена.

Третье упоминаніе о Москвѣ, относящееся къ 1207—1208 гг. (стр. 408 и сл.), разсказываетъ слѣдующее:

„Всеволодъ же Чермный пришедъ сѣде в Кыевѣ, много зла створивъ землѣ Рустѣй. Того же лѣта слышавъ великый князь Всеволодъ Гюргевичь, внукъ Володимерь Мономаха, оже Олговичи воюють с погаными землю Рускую, и сжалиси о томь, и рече: „то ци тѣмъ отчина однѣмъ Руская земля, а намъ не отчина ли?" и рече: „како мя съ ними Богъ управить, хочю поити к Чернигову"; и посла Новугороду по сына своего Костянтина. Слышавъ же Костянтинъ вѣсть отъ отца своего, нача совокупляти воѣ многы, и совокупя Новгородци, Плесковичи, Ладожаны, Новоторжьци, и поиде скоро доспѣвъ со всѣми силами, и дождася отца на Москвѣ; якоже рече Приточникъ: сынъ быхъ послушливъ отцю, и възлюбленъ предъ лицемъ матере своея; сынъ благоразумный послушливъ отцю (сынъ же непокоривый въ погибель) и плода праведнаго снѣсть. И потомъ посла в Рязань по Романа и по братью его, и в Муромъ по Давыда; они же доспѣвше, поидоша възлѣ рѣку Оку горѣ.

Всеволодъ же князь великый доспѣвъ весь, поиде мѣсяца августа въ 19 день, в недѣлю, и приде на Москву, и срѣте и Костянтинъ со всѣми Новгородци, и цѣловаша и́ с радостью великою; яко же рече Приточникъ: сынъ разумивъ, чтяй отца, възвеселить душю свою, и препояшеть истиною чресла своя. И пребывшю ему ту нѣколико дни, бысть ему вѣсть, оже Рязаньстии князи свѣщалися суть со Олговичи на нь, а идуть на льстехъ к нему. О сицѣхъ бо рече Давыдъ: мужь крови и льстивъ не препловить дний своихъ; и мужа неправедна зло уловить въ истлѣнье; и пакы рече: възлюбиша и усты своими, и языкомъ своимъ солгаша, сердце же ихъ не бѣ право с нимь. Всеволодъ же великый князь рече слово Давыдово: ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть; и пакы рече: не убоюся зла, яко ты еси со мною, Господи. И поиде съ Москвы, совкупяся с сынми своими с Костянтиномъ, и Юргемъ, и Ярославомъ, и с Володимеромъ, и придоша до Окы, и сташа възлѣ рѣку шатры, на березѣ на пологомъ.

Того дне придоша к нему и Рязанскыѣ князи, Романъ, Святославъ братъ его з двѣма сынома, а Игоревіча 2 братья его Инъгваръ и Юрги, и Володимерича 2 Глѣбъ и Олегъ, а Всеволодъ бяше умерлъ в Проньскѣ братъ ихъ, и из Мурома Давыдъ; и цѣловавъ ихъ, повелѣ имъ сѣсти в шатрѣ, а самъ князь великый сѣде в полъстници, и нача к нимъ слати князя Давыда Муромскаго и Михаила Борисовича, мужа своего, на обличенье ихъ; и ходящимъ имъ долго время межи ими, онѣмъ же кленущимся и ротящимъ, яко нѣсть то тако, Глѣбъ же и Олегъ Володимерича, братичича

имъ своя, пришедше обличиста ихъ; князь же великый слышавъ, яко въображена бысть истина, повелѣ изъимати ихъ с своими думцами, и вести ихъ в Володимерь, мѣсяца семтября въ 22 день, святаго Ѳоки, в день суботный. И сбыться на нихъ Давыдово слово, глаголющее: се болѣ неправдою, зачатъ болѣзнь, и роди безаконье; ровъ изры и ископа, и впадеся в яму, юже створи; и обратися болѣзнь его на главу ему, и на верхъ его неправда его снидеть.

А самъ князь великый наутрий день перебродися чересъ Оку, в день недѣлный и поиде къ Проньску; слышавъ же Кюръ Михаилъ, оже ему стрыеве изимани, а отець ему мертъ, а се на нь рать идеть, онъ же убоявъся бѣжа ко тьсти своему Чернигову. Проняне же пояша к собѣ Изяслава Володимерича и затворишася с нимъ в градѣ, князь же великый пришедъ ста у города Проньска в день суботный, и не хотя видѣти крови пролитья, и посла к нимъ мужа своего Михаила Борисовича омиритъ ихъ; они же не внушиша глаголъ его, надѣющеся на градную твердость, не вѣдуще реченаго пророкомъ Давыдомъ: аще не Господь сзижеть дому, всуе трудишася зижющеи, аще не Господь стрежеть града, и прочая. Слышавъ же князь великый рѣчь ихъ буюю, и повелѣ приступіти ко граду со всѣ страны, они же приступивше отъяша отъ нихъ воду, они же бьяхутся крѣпко из града, и мнози отъ обоихъ уязвляеми бяху, и выходяща нощью крадяху воду. То слышавъ князь Всеволодъ, повелѣ стрещи въ оружьи день и нощь около града, и роставля полкы по вратомъ: Костянтину, сынови своему, с Новгородци и Бѣлозерци одина врата на горѣ, а Ярославу с Переяславци 2-я врата, Давыду с Муромци третьяя врата, а самъ князь великый ста за рѣкою с поля Половецьскаго, с сынма своима Юргемъ и Володимеромъ, и с нимъ Глѣбъ и Олегъ Володимерича. Они же бьяхутся, излазящи из града не брани дѣля, но жажы ради водныя, измираху бо мнози людье въ градѣ.

Тогда же посла великый князь полкъ свой к лодьямъ, по кормъ, на Оку, и приставі к нимъ Олга Володимерича; и бывшимъ у Ужеска, бысть имъ вѣсть, оже вышелъ из Рязаня Романъ Игоревичь с полкомъ и бьеться с лодейникы у Олгова. Они же гнаша наскорѣ к лодьямъ, си же видѣвше полкъ нашь, отступиша отъ лодьи и поставиша полкъ, наши же поставиша противу имъ, а по единой странѣ лодейници; и побѣди Олегъ Романа, и възвратишася наши опять к Проньску с побѣдою ко князю великому. И стояша около города 3 недѣли, и передашася людье в четвергъ 3-иѣ недѣли, мѣсяца октября въ 18 день, на память святаго апостола Лукы еуангелиста; князь же великый омиривъ ихъ, и посади у нихъ Олга Володимерича, а самъ поиде к Рязаню, посадникы посажавъ своѣ по всѣмъ городомъ ихъ. И бывшю ему у Добраго, въста и хотяше наутрия бродитися чересъ Проню рѣку и поити к городу; Рязанци же прислашася к нему с поклономъ, молящеся, дабы не приходилъ к городу; и епископъ ихъ Арсений моляся, часто шля и глаголя: „князь великый! не опусти мѣстъ честныхъ, не пожжи церквий святыхъ, в нихъ же жертва Богу и молба стваряется за тя; а нонѣ всю волю твою стваряемъ, чего то хощеши.“ Князь же великый, милосердъ сы, послуша молбы ихъ и поиде отъ нихъ къ Коломнѣ. То же слышавъ Рюрикъ князь, оже Всеволодъ великый князь стоить у Рязаня, и князи ихъ изимавъ, онъ же совокупяся и гна изъѣздомъ къ Кыеву, и выгна Всеволода Чермнаго ис Кыева, а самъ сѣде в немь“.

„Тое же зимы Кюръ Михаилъ со Изяславомъ пришедша, начаста

воевати волость Всеволожю великаго князя **около Москвы. Се слышавъ** великый князь, посла сына своего Гюрга, и побѣди ею Юрги, сама князя утекоста, а люди овѣхъ избиша, а иныхъ извязаша, и возвратися князь Юрги ко отцю своему, славя Бога"

Дальнѣйшія извѣстія „Лѣтописи по Лаврентьевскому списку" записаны:

1) Подъ 1213 г. „Володимеръ, сынъ Всеволожь великаго князя, ѣха в Москву. Того же лѣта во второе приходи Юрги съ Ярославомъ к Ростову, и створша порядъ с Костянтиномъ, и идоста отъ Ростова к Москвѣ, и изведъ Гюрги изъ Москвы Володимера, и посла и в Руский Переяславль на столъ, на отчину свою".

2) Подъ 1237 г. „Тое же зимы [1]) поиде Всеволодъ, сынъ Юрьевъ, внукъ Всеволожь, противу Татаромъ, и сступишася у Коломны, и бысть сѣча велика, и убиша у Всеволода воеводу Еремѣя Глебовича, и иныхъ мужей много убиша у Всеволода, и прибѣжа Всеволодъ в Володимерь в малѣ дружинѣ, а **Татарове идоша к Москвѣ.** Тое же зимы взяша **Москву** Татарове, и воеводу убиша Филипа Нянка за правовѣрную хрестьяньскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди избиша оть старьца и до сущаго младенца; а градъ и церкви святыя огневи предаша, и манастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья въземше отъидоша" (въ 1293 г. Москва была вновь взята Татарами).

3) Подъ 1304 г. послѣднее извѣстіе о Москвѣ въ „Лѣтописи по Лаврентьевскому списку гласитъ: „В лѣто 6812, мѣсяца марта въ 5, на безъимѣньной недѣли во вторникъ, преставися князь Данило Олександровичь на Москвѣ, в своей отчинѣ, в черньцѣхъ и в скимѣ"

[1]) См. выше на стр. 19.

V.

Духовныя грамоты великихъ князей московскихъ.

Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ представляютъ собою одинъ изъ основныхъ источниковъ для изученія государственнаго быта удѣльной Руси и получаютъ нынѣ съ постановкой вопроса о феодальныхъ отношеніяхъ этой эпохи особый интересъ и значеніе. Знакомство хотя бы съ немногими образцами названнаго первоисточника даетъ въ распоряженіе читающихъ „Русскую исторію съ древнѣйшихъ временъ“ рядъ конкретныхъ деталей, способныхъ создать извѣстное впечатлѣніе. Обзоръ этихъ грамотъ, какъ историко-географическаго источника, представленъ Н. Н. Дебольскимъ, а какъ источника для изученія русской государственности — Б. Н. Чичеринымъ въ „Опытахъ по исторіи русскаго права“. Духовныя и договорныя грамоты были напечатаны въ началѣ прошлаго вѣка въ изданіи „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“, т. I и приспособлены для семинарскихъ занятій въ высшей школѣ С. В. Бахрушинымъ въ серіи „Памятники русской исторіи“ Н. Н. Клочкова (М. 1909 г.). Само собою разумѣется, что указанный первоисточникъ отнюдь не закрытъ для изученія очень многихъ сторонъ и общественно-хозяйственнаго строя въ удѣльное время.

1.

Грамота Ивана Даниловича Калиты 1328 г.

† Во имя Отця и Сына и святого Духа. Се язъ, грѣшный худый рабъ Божий, Иванъ пишу душевную грамоту, ида въ Орду, ни кимь не нуженъ, цѣлымь своимь умомъ, въ своемь здоровьи. Аже Богъ что роз-

гадаетъ о моемь животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгини своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву. А се есмь имъ роздѣлъ учинилъ.

Се далъ есмь сыну своему болшему *Семену*: Можаескъ со всими волостьми [1]), Коломну со всими Коломеньскими волостьми, Городенку, Мѣзыню, Пѣсочну и Середокоротну [2]), Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Ивани деревни, Маковець, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ въ Похряньскомъ уѣздѣ, село Костянтиновское, село Орининьское, село Островьское, село Копотеньское, селце Микульское, село Малаховьское, село Напрудьское у города. А при своемь животѣ далъ есмь сыну своему Семену: 4 чепи золоты, 3 поясы золоты, 2 чаши золоты съ женчюги, блюдце золото съ женчюгомь съ каменьемъ; (а къ тому еще далъ есмь ему) [3]) 2 чума золота болшая; а исъ судовъ исъ серебрьнихъ далъ есмь ему 3 блюда серебрьна.

А се даю сыну своему *Ивану*: Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминьское, Суходолъ, Великую свободу, Замошьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатьеву свободку, Скирминовьское, Тростну, Нѣгучю. А села: село Рюховьское, село Каменичьское, село Рузьское, село Бѣлжиньское, село Максимовское, село Андрѣевское, село Вяземьское, село Домонтовьское, село въ Зомошьской свободѣ, село Семциньское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: 4 чепи золоты, поясъ золотъ [4]) болший съ женчюгомъ съ каменьемь, поясъ золотъ съ капторгами, поясъ сердоличенъ золотомь окованъ, 2 овкача золота, 2 чашки круглыи золоты, блюдо серебрьно ѣздниньское, 2 блюдци меншии.

А се далъ есмь сыну своему *Андрѣю*: Лопастну, Сѣверьску, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичихи, Щитовъ, Перемышль, Растовець, Тухачевъ. А се села: село Талежьское, село Серпоховьское, село Колбасиньское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговьское, село Труфоновьское, село Ясиновьское, село Коломниньское, село Ногатиньское. А изъ золота далъ есмь сыну своему Андрѣю: 4 чепи золоты, поясъ золотъ фрязьский съ женчюгомъ съ каменьемь, поясъ золотъ съ крюкомь на червьчатѣ шелку, поясъ золотъ Царевьский, 2 чары золоты, 2 чумка золота меншая. А изъ блюдъ: блюдо серебрьно, а два малая.

А се даю *княгини своей съ меншими дѣтьми*: Сурожикъ, Мушкину гору, Радонѣжьское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроновьская, Вохна, Дѣйково Раменье, Данилищова свободка, Машевъ, Селна, Гуслиця, Раменье, что было за княгинею. А села: село Михайловьское, село Луциньское, село у озера, село Радонѣжьское, село Дѣйгуниньское, село Тыловьское, Ротожь, село Протасьевское, село Аристовское, село Лопастеньское, село Михайловское на Яузѣ, 2 селѣ Коломеньскии.

---

[1]) Словъ „со всими волостьми“ нѣтъ въ первой грамотѣ. Великій князь Семенъ Ивановичъ также написалъ духовную грамоту (1353 г.). Любопытенъ ея конецъ: „А по отца нашего (т.-е. Калиты) благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, такоже и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ. А лихихъ бы есте людий не слушали и хто иметь васъ сваживати,—слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, такоже же *старыхъ бояръ*, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ. А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителий нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла“.

[2]) Словъ „и Середокоротну“ нѣтъ въ первой грамотѣ Калиты.

[3]) Слова въ скобкахъ взяты изъ первой грамоты Калиты.

[4]) Слова „золотъ“ нѣтъ въ первой грамотѣ.

А изъ городскихъ волостий даю княгини своей осмничее. А тамгою и иными волостми городскими подѣляться сынове мои: такоже и мыты, которыи въ которого уѣздѣ, то тому. А оброкомь (медовымъ) [1]) городьскимь Василцева вѣданья подѣляться сынове мои. А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, которыи въ которой росписи, то того.

А по моимъ грѣхомъ ци имуть искати Татарове которыхъ волостий, а отыимуться, вамъ сыномъ моимъ и княгини моей подѣлити вы ся опять тыми волостми на то мѣсь [2]). А численыи люди вѣдають сынове мои собча, а блюдуть вси съ одиного. А что мои люди куплении въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлять сынове мои.

А что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи, 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковалъ; а чело и гривну, то есмь далъ при собѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмь далъ княгини своей съ меншими дѣтми.

А исъ портъ изъ моихъ сыну моему *Семену* кожухъ черленый женчужьный, шапка золотая; а *Ивану* сыну моему кожухъ желтая обирь съ женчугомь, коць великий съ бармами; *Андрѣю* сыну моему бугай соболий съ наплечки съ великимь женчугомь съ каменьемъ, скорлатное портище (сажено) [3]) съ бармами. А что есть нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ аламы съ женчугомь, а то есмь далъ меншимъ дѣтемъ своимъ Марьи же Федосьи ожерельемъ. А что моихъ поясовъ серебрьныхъ, а то роздадять по попьямъ. А что мое 100 рубли у Ески, а то роздадять по церквамъ. А что ся остало изъ моихъ судовъ изъ серебрьныхъ, а тымъ подѣляться сынове мои и княгини моя. А что ся останеть моихъ портъ, а то роздадять по всимъ попьямъ и на Москвѣ. А блюдо великое (серебрьное) [4]) о 4 колця, а то даю [5]) святѣй Богородици Володимерской.

А что есмь далъ сыну своему *Семену* стадце, а другое *Ивану*; а иными стади моими подѣлятся сынове мои и княгини моя.

А опрочь [6]) Московьскихъ селъ, даю сыну своему *Семену* села своя купленая: село Аваковское въ Новѣгородѣ на Улалѣ, другое въ Володимери Борисовское. А что есмь купилъ село Петровское и Олексиньское, Вседобричь и Павловьское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ..... а селця на Масѣ, что есмь купилъ у Афинѣя, то даю сыну своему *Ивану*. А что есмь купилъ село Варварьское и Мѣловьское у Юрьева, что есмь смѣнилъ на Матфѣищовьское село, то даю сыну своему *Андрѣю*. А что село Павловское бабы нашее купля, и новое селце, что есмь купилъ, и Олександръ святый, что есмь купилъ на Костромѣ, то даю княгини своей.

А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское [7]) а далъ есмь Бориску Воръкову, аже иметь сыну моему которому служити, село будеть за нимь; не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, село отоимуть.

А что есмь прикупилъ селце на Кержачи у Прокофья у игумна,

---

[1]) Слово въ скобкахъ взято изъ первой грамоты Калиты.
[2]) Въ первой грамотѣ читается: „мѣсто“.
[3]) Слово въ скобкахъ взято изъ первой грамоты Калиты.
[4]) Слово въ скобкахъ взято изъ первой грамоты.
[5]) Въ первой грамотѣ вмѣсто „даю“ читается „есмь далъ“.
[6]) Этого и двухъ слѣдующихъ раздѣловъ вовсе нѣтъ въ первой грамотѣ.
[7]) См. упоминаніе объ этомъ селѣ ниже на стр. 33.

другое Леонтиевское, третье Шараповское, а то даю святому Олександру собѣ въ поминанье.

А приказываю тобѣ сыну своему *Семену* братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печалникъ. А кто сю грамоту порушить, судить ему Богъ. А на се послуси: отецъ мой душевный Ефрѣмъ, отецъ мой душевный Федосий, отецъ мой душевный попъ Давыдъ [1]).

2.

Грамота Димитрія Ивановича Донского 1389 года.

† Во имя Отця и Сына и святого Духа. Се язъ, грѣшный худый рабъ Божий, Дмитрий Ивановичь пишю грамоту душевную цѣлымъ своимъ умомъ. Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ. Приказываю дѣти свои своей княгинѣ. А вы, дѣти мои, жывите за одинъ, а матери своее слушайте во всемъ.

А приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ князю Василью, князю Юрью, князю Аньдрѣю, князю Петру. А братъ мой князь Володимеръ вѣдаетъ свою треть, чѣмъ его благословилъ отець его князь Аньдрѣй. А сына своего князя *Василья* благословляю на стариший путь въ городѣ и въ станѣхъ моего удѣла двою жеребьевъ половина; а тремъ сыномъ моимъ половина, и въ пошлинахъ въ городьскихъ половина. А тамга изъ двою моихъ жеребьевъ княгинѣ моей половина, а сыномъ моимъ половина; а восмьничее мои два жеребья княгинѣ моей.

А на стариший путь сыну моему *князю Василью* Василцево сто и Добрятиньская борть съ селомъ зъ Добрятиньскимъ. А бортъници въ станѣхъ въ городьскихъ, и конюший путь и соколничий и ловчий, тѣмъ сынове мои подѣлятся ровно. А численыхъ людий моихъ двою жеребьевъ сыномъ моимъ по частемъ, а блюдутъ съ одиного. А се даю сыну своему *князю Василью*: Коломну со всѣми волостми, и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью, и съ селы и со всѣми пошлинами. А волости Коломеньскиѣ: Мещерка, Раменка, Бѣсочна, Брашева съ селцемъ зъ Гвоздною и съ Иванемъ, Гжеля, деревни Лѣвичинъ, Скулневъ, Маковець, Каневъ, Кочема, Комаревъ зъ берегомъ, Городна, Похряне, Устьмерьско. А изъ Московъскихъ селъ даю сыну своему *князю Василью*: Митинъ починокъ, Малаховъское, Костянтиновъское, Жырошкины деревни, Островъское, Ориниьское, Копотеньское, Хвостовъское, у города лугъ великий за рѣкою. А изъ Юрьевъскихъ селъ даю сыну своему *князю Василью*: своего прикупа Красное село съ Елезаровъскимъ, съ Проватовымъ, да село Василевъское въ Ростовѣ.

А се даю сыну своему *князю Юрью*: Звенигородъ со всѣми волостми и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью, и съ селы и со всѣми пошлинами. А волости Звенигородьскиѣ: Скирменово зъ Бѣлми, Тростна, Нѣгуча, Су-

---

[1]) „А грамоту писалъ дьякъ князя великого Кострома“ — прибавлено въ первой грамотѣ. Духовная грамота Ивана Калиты имѣется въ двухъ редакціяхъ („Собр. Гос. Гр. и Догов.“, т. I, подъ №№ 21 и 22). У насъ напечатана грамота *второй* редакціи; изъ примѣчаній видно, что она съ небольшими перемѣнами повторяетъ первую редакцію; самымъ важнымъ представляется во *второй* редакціи дополненіе ея упоминаніемъ о вновь купленныхъ великимъ княземъ селахъ. Обѣ грамоты писаны на пергаментѣ и снабжены печатями.

рожыкъ, Замошъская слобода, Юрьева слобода, Руза городокъ, Ростовци, Кремична, Фоминьское, Угожъ, Суходолъ съ Истею съ Истервою, Вышегородъ, Плѣснь, Дмитриева слободка. А изъ Московьскихъ селъ даю сыну своему *князю Юрью*: село Михалевъское, да Домантовъское, да лугъ Ходыньский. А изъ Юрьевъскихъ селъ ему: прикупа моего село Кузмыдемъяньское, да Красного села починокъ за Везкою, придалъ есмъ къ Кузмыдемъяньскому, да село Богородицьское [1]) въ Ростовѣ.

А се даю сыну своему *князю Аньдрѣю*: Можаескъ со всѣми волостми, и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью, и съ селы и со всѣми пошлинами, и съ отъѣздными волостми. А волости Можайскиѣ: Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, вышнее Глиньско, Пневичи съ Загорьемъ, Болонескъ, а Коржань да Моишинъ холмъ придалъ есмъ къ Можайску; а се волости отъѣздныѣ: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушовъ, да село Рѣпиньское, да Ивановъское Васильевича въ Гремичахъ. А Колуга и Роща сыну же моему *князю Аньдрѣю*; и что вытягалъ бояринъ мой Федоръ Аньдрѣевичъ на обчемъ рѣшѣ Товъ и Медынь у Смолнянъ, а то сыну же моему князю Аньдрѣю. А изъ Московъскихъ селъ ему: Напрудьское село, да Луциньское на Яузѣ съ мелницею, Дѣуниньское, Хвостовъское въ Перемышлѣ, да лугъ Боровъский, а другий противу Воскресенья. А изъ Юрьевъскихъ селъ ему Олексиньское село на Пѣкшѣ.

А се даю сыну своему *князю Петру*: Дмитровъ со всѣми волостми, и съ селы, и со всѣми пошлинами, и съ тамгою и съ мыты, и зъ бортью. А се Дмитровскиѣ волости: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна съ отъѣздьцемъ, Инобашъ. А изъ Московъскихъ волостий *князю Петру*: Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка Княжа Иванова, Вори, Корзенево, Рогожъ, Загарье, Вохна, Селна, Гуслеця, Шерна городокъ. А изъ Московъскихъ селъ *князю Петру*: Новое село, Сулишинъ погостъ. А изъ Юрьевъскихъ селъ ему прикупа моего село Богородицьское на Богонѣ.

А се даю сыну своему *князю Ивану*: Раменейце зъ бортъники, и что къ нему потягло, да Звѣрковъское село съ Сохоньскимъ починкомъ, что отошло ото князя отъ Володимера; а Сохна сыну же моему *князю Ивану*. А въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ.

А се благословляю сына своего *князя Василья* своею отчиною Великимъ Княженьемъ. А сына своего благословляю *князя Юрья*, своего дѣда куплею, Галичемъ со всѣми волостми, и съ селы, и со всѣми пошлинами, и съ тѣми селы, которыѣ тягли къ Костромѣ, Микульское и Борисовъское. А сына своего *князя Аньдрѣя* благословляю куплею же дѣда своего, Бѣлымъ озеромъ со всѣми волостми, и Вольскимъ съ Шаготью, и Милолюбъский ѣзъ и съ слободками, что были дѣтий моихъ. А сына своего *князя Петра* благословловляю куплею же своего дѣда, Углечимъ полемъ, и что къ нему потягло, да Тошною и Сямою.

А се даю своей княгинѣ: изъ Великого Княженья, у сына у своего у князя у Василья исъ Переяславля Юлку, а исъ Костромы Иледамъ съ Комелою; а у князя у Юрья изъ Галича Соль; у князя у Оньдрѣя изъ Бѣлаозера Вольское съ Шаготью, и Милолюбъский ѣзъ. А изъ Володимерьскихъ селъ княгинѣ моей Оньдрѣевъское село, а исъ Переяславъскихъ

---

[1]) См. упоминаніе объ этомъ селѣ выше на стр. 31.

селъ Доброе село, и что къ нимъ потягло. А изъ удѣла сына своего княжа Васильева Каневъ, Пѣсочну, а исъ селъ, Малиньское село, Лысцево. А исъ Княжа удѣла изъ Юрьева, Юрьева слобода, Суходолъ съ Истею съ Истервою, да село Оньдрѣевъское, да Каменьское. А изо княжа удѣла изъ Оньдрѣева Верея, да Числовъ, да село Луциньское на Яузѣ съ мелницею. А изъ княжа удѣла исъ Петрова Ижво, да Сяма. А что есмъ далъ своей княгинѣ изъ удѣла сына своего княжа Васильева, и изо княжа изъ Юрьева, изо княжа Оньдрѣева, изо княжа исъ Петрова волости и села, а что Богъ розмыслитъ о моей княгинѣ, и тѣ волости и села во чьемъ удѣлѣ, то тому и есть.

А се даю своей княгинѣ: свой примыслъ Скирменовьскую слободку съ Шепковымъ, Смоляныѣ съ Митяевъскимъ починкомъ и зъ бортью, съ Вышегородскими бортъники, Кропивну зъ бортники съ Кропивеньскими, и съ Исменьскими, и зъ Гордошевъскими, и съ Рудьскими, Желѣскова слободка зъ бортью съ Ивановымъ селомъ съ Хороброва, Исконьская слободка, Кузовъская слободка, и что княгини моее прикупъ, и что къ ней потянуло, то моей княгинѣ. А по которая мѣста слободъскиѣ волостели судили тѣ слободы при мнѣ, и княгини моее волостели судятъ по та же мѣста, какъ было при мнѣ. А что княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломнѣ мой примыслъ Самойлецевъ починокъ зъ деревнями, Савельевъский починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевъское, а то княгини моей. А что ее село Рѣпеньское и прикупъ, то ее и есть.

А изъ Московъскихъ селъ даю своей княгинѣ: Семциньское село съ Ходыньскою мелницею, да Остафьевъское село, да Илмовъское. А изъ Юрьевъскихъ селъ даю ей куплю свою Петровъское село, да Фроловъское, да Елохъ; а Холхолъ и Заячковъ, то моей княгинѣ. А что ми дала княгини Федосья Суду на Бѣлѣозерѣ, да Колашну и слободку, и что благословила княгиню мою Городкомъ да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ княгини Федосья до своего жывота; а по ее жывотѣ, то княгинѣ моей. А тѣми своими примыслы всѣми благословляю княгиню свою, а въ тѣхъ примыслѣхъ волна моя княгини, сыну ли, которому дастъ, по души ли дастъ; а дѣти мои въ то не въступаютъся. А которыѣ деревни отоималъ былъ князь Володимеръ отъ Лыткиньского села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянутъ къ Лытъкинскому селу моее княгини.

А по грѣхомъ которого сына моего Богъ отъиметъ, и княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ; которому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ее воли не вымутъ. А дастъ ми Богъ сына, и княгини моя подѣлитъ его, возма по части у болшиѣ его братьи. А у которого сына моего убудетъ отчины, чѣмъ есмъ его благословилъ, и княгини моя подѣлитъ сыновъ моихъ изъ ихъ удѣловъ: а вы, дѣти мои, матери слушайте.

А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего *князя Василья*, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгини. А вы, дѣти мои, слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть. А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей отчинѣ, чѣмъ есмъ ихъ благословилъ, и сынъ мой *князь Василей* возметъ съ своего удѣла съ Коломны и со всѣхъ Коломеньскихъ волостий триста рублевъ и сорокъ и два рубли, и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Пѣсочны пятьдесятъ рублевъ безъ трехъ, а съ Канева дватцять рублевъ и два рубли.

А *князь Юрьи* возметъ съ Звенигорода и со всѣхъ Звенигородскихъ волостий двѣстѣ рублевъ и семъдесятъ рублевъ и два рубли, и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Юрьевы слободы пятьдесятъ рублевъ, а съ Суходола полъпятадесять рублевъ, а съ Смоляныхъ девять рублевъ, а съ Скирменовъскиѣ слободки девять рублевъ. А *князь Оньдрьй* возметъ съ Можайска и со всѣхъ волостий Можайскихъ сто рублевъ и семъдесятъ рублевъ бесъ трехъ, а съ отьѣздныхъ мѣстъ семъдесятъ рублевъ безъ дву, и княгини моя даетъ ему въ то серебро дватцять рублевъ и полътретья рубля съ Вереи, а съ Числова полъосма рубля, а съ Заячкова дватцять рублевъ и два, съ Холъхла десять рублевъ, съ Желѣсковы девять рублевъ, съ Исконьскиѣ слободки полъсема рубля, съ Кропивны полъсема рубля. А *князь Петръ* возметъ съ своего удѣла сто рублевъ и одинънатцять, и княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Ижва тритцять рублевъ. А *князь Иванъ* дастъ князю Василью съ Сохны пять рублевъ, а съ Раменейця дастъ князю Петру пять рублевъ, а то возмутъ въ тысячю рублевъ; а будетъ боле или менши, ино по тому розочту. А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть.

А что есмъ подавалъ своей княгинѣ волости и села изъ удѣловъ дѣтий своихъ, и свой примыслъ и слободы и села, и Холхолъ и Заячковъ, а съ тѣхъ волостий, и съ слободъ, и съ селъ что возметъ княгини моя, то ей и есть; а дѣти мои въ то не въступаютъся. А исъ тѣхъ волостий, и слободъ, и селъ, что есмъ вымалъ у дѣтий своихъ изъ удѣловъ, а подавалъ княгинѣ своей, а кому будетъ жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ людемъ учинитъ исправу княгини моя; а дѣти мои въ то не въступаютъся. А что есмъ далъ сыну своему князю Аньдрѣю Заберегу, за то дѣти мои вси даютъ оброкъ святому Спасу пятьнатцять рублевъ на годъ на Спасовъ день.

А се благословляю дѣтий [1]) своихъ: сыну моему старишему *князю Василью* икона Парамшина дѣла, чепь золота, что ми дала княгини Василиса, поясъ золотъ великий съ каменьемъ безъ ремени, поясъ золотъ съ ременемъ Макарова дѣла, бармы, шапка золота. А сыну моему *князю Юрью* поясъ золотъ новый съ каменьемъ съ жемчюгомь безъ ремени, поясъ золотъ Шышкина дѣла, вотола сажена. А сыну моему *князю Оньдрѣю* снастъ золота, поясъ золотъ старый Новгородьский. А сыну моему *князю Петру* поясъ золотъ съ каменьемъ пѣгий, поясъ золотъ съ калитою да съ тузлуки, да наплечки, да аламъ. А сыну моему *князю Ивану* поясъ золотъ татауръ, да два ковша золоты по двѣ гривенки. А что ся останетъ золото или серебро, или иное что ни есть, то все моей княгинѣ.

А что ся останетъ стадъ моихъ, тѣмъ моя княгини подѣлитъся съ моими дѣтми по частемъ. А хто будетъ моихъ казначѣевъ, или хто будетъ

---

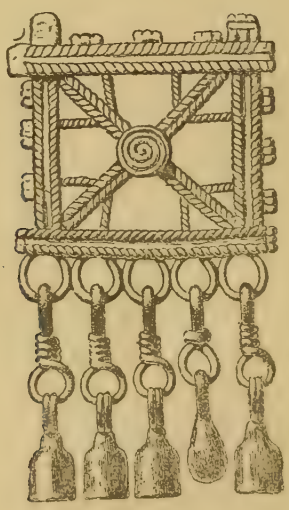
[1]) Самъ князь Димитрій по грамотѣ отца своего (1356 г.) получилъ: „икону святый Олександръ, чепь золоту великую врану съ крестомъ золотымъ, чепь золоту колчату, икона золотомъ кована Парамшина дѣла, шапка золота, бармы, поясъ великий волотъ съ каменьемъ съ женчуги, что мя благословилъ отецъ мой князь великий, поясъ волотъ съ крюкомъ, обязь золота, сабля золота, и серга волота съ женчугомъ, чечакъ волотъ съ каменьемъ съ женчуги, два овкача волота, ковшь великий золотъ гладъкий, коропка золотомъ кована сердонична, бадья серебрена съ наливкою серебреною,... па волота съ каменьемъ, опашень скорлатенъ саженъ".

моихъ дьяковъ прибытокъ мой отъ мене вѣдали, или посельскихъ, или тиуновъ, или хто женилъся у тѣхъ, тѣ всѣ не надобѣ моей княгинѣ и моимъ дѣтемъ.

А приказалъ есмъ свои дѣти своей княгинѣ: а вы, дѣти мои, слушайте своее матери во всемъ, изъ ее воли не выступайтеся ни въ чемъ. А который сынъ мой не имѣтъ слушати своее матери, а будетъ не въ ее воли, на томъ не будетъ моего благословенья. А дѣти мои, молодшая братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старишего князя Василья въ мое мѣсто своего отца: а сынъ мой *князь Василий* держытъ своего брата князя Юрья и свою братью молодшюю въ братьствѣ безъ обиды. А хто моихъ бояръ иметъ служыти моей княгинѣ, тѣхъ бояръ дѣти мои блюдите съ одиного.

А хто сю грамоту мою порушитъ, судитъ ему Богъ, а не будетъ на немъ милости Божии, ни моего благословенья ни въ сий вѣкъ, ни въ будущий.

А писалъ есмъ сю грамоту передъ своими отци, передъ игуменомъ передъ Сергиемъ, передъ игуменомъ передъ Савастьяномъ; а туто были бояре наши Дмитрий Михайловичь, Тимофѣй Васильевичь, Иванъ Родивоновичь, Семенъ Васильевичь, Иванъ Федоровичь, Олександръ Аньдрѣевичь, Федоръ Аньдрѣевичь, Федоръ Аньдрѣевичь, Иванъ Федоровичь, Иванъ Аньдрѣевичь. А писалъ Внукъ [1]).



[1]) Къ 1389-му г. относится *вторая* духовная грамота князя Димитрія Донского („Собр. Госуд. Грам. и Догов.“, т. I, № 34); отъ первой грамоты 1371 г. до насъ дошелъ только отрывокъ (тамъ же, № 30). Обѣ грамоты писаны на пергаментѣ и снабжены печатями.

VI.

Договорныя грамоты великихъ князей московскихъ.

I.

Грамота Димитрія Ивановича Донского 1362 г.

† По благословенью отця нашего Олексѣя митрополита всея Руси. Се язъ, князь великий *Дмитрий Ивановичь*, докончали есмы зъ братомъ своимъ съ молодшимъ со княземъ съ Володимеромъ Андрѣевичемъ, цѣловали есмы крестъ у отця своего у Олексѣя у митрополита всея Руси. Быти ны за одинъ, имѣти ми брата своего старѣйшего князя великого Дмитрия въ отця мѣсто; а жити ны по тому, какъ то отци наши жили съ братомъ своимъ съ старѣйшимъ, зъ дядею нашимъ со княземъ съ великимъ съ Семеномъ. А тобѣ брату моему молодшему *князю Володимеру* держати ти подо мною княженье мое великое честно и грозно, а добра ти мнѣ хотѣти во всемь; а мнѣ *князю великому* тобе брата своего держати въ братъствѣ, безъ обиды во всемь.

А что мя благословилъ отець мой князь великий Иванъ удѣломъ дяди моего князя великого Семеновымъ, того ти не искати: тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина. А кто будеть мнѣ брату твоему старѣйшему другъ, то и тобѣ другъ; а кто будеть мнѣ недругъ, то и тобѣ недругъ. А тобѣ брату моему молодшему безъ мене не докончивати ни съсылатися ни съ кѣмже; такоже и мнѣ безъ тобе. А что ти слышавъ о мнѣ отъ крестьянина ли, отъ поганина ли о моемь добрѣ или о лисѣ, или о нашей отчинѣ и о всѣхъ крестьянехъ, то ти мнѣ повѣдати въ правду, безъ примышленья, по целованью; а мнѣ такоже тобѣ повѣдати.

А тобѣ брату моему молодшему въ моемь удѣлѣ селъ ти не купити, ни твоимъ бояромъ, ни закладневъ ти, ни оброчниковъ не держати: такоже и мнѣ въ твоемь удѣлѣ селъ не купити, ни моимъ бояромъ, ни закладневъ ми, ни оброчниковъ не держати. А что наши Ординци и Дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, како было при нашихъ отцѣхъ. А коли ми будеть слати свои данщики въ городъ и на перевары, и которыи волости за княгинею за Ульяною и въ Бѣли; а тобѣ свои данщики слати съ моими данщики вмѣстѣ. А въ твой ми удѣлъ данщиковъ своихъ и приставовъ не всылати; такоже и тобѣ въ мой удѣлъ данщиковъ своихъ ни приставовъ не всылати, ни во все мое великое княженье.

А которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникомъ, тыхъ ны въ службу не приимати, но блюсти ны ихъ съ одиного, такоже и численыхъ людий. А которыи суды издавна потягли къ городу,

а тѣ и нынѣча къ городу. А бояромъ и слугамъ вольнымъ [1]) воля. А кто будеть бояръ и слугъ къ тобѣ брату моему молодшему отъ мене отъѣхалъ до сего докончанья, или по семь докончаньи къ тобѣ приѣдеть, на тыхъ ми нелюбья не держати; такоже и отъ тобе, отъ брата моего молодшего, ко мнѣ бояръ и слугъ кто приѣхалъ до сего докончанья или ли по семь докончаньи, или по семь докончаньи ли кто приѣдеть, тобѣ брату моему молодшему на тыхъ ти нелюбья не держати. А чего ми будеть искати на твоихъ боярехъ, или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ собе по боярину, тѣ тому дѣлу учинять исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межи собе сопрутся, ѣхати имъ на третий, кого собѣ изберуть, тамо ѣхавъ перемолвятся.

А чего ны будеть поискати тобѣ ли, мнѣ ли, а тому такоже межи насъ исправа. А Ординьская тягость и проторъ дати ти мнѣ, брату своему старѣйшему, съ своего удѣла по давнымъ сверткомъ. А коли ми будеть, брате молодший, и дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ княженьи, а кто будеть твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ княженьи, (и на тыхъ) ми дань взяти, какъ и на своихъ (на целованью, безъ хитрости) . . . . . въ городѣ, и въ варяхъ или въ городьскихъ . . . . на тыхъ . . . . по силѣ, а тобѣ брату моему со мною.

А въ твой ми удѣлъ грамотъ жаловальныхъ не давати; такоже и тобѣ въ мой удѣлъ и во все мое великое княженье не давати своихъ грамотъ. А которыи грамоты буду подавалъ, а тѣ ми грамоты отоимати; а тобѣ такоже брату моему молодшему грамоты отоимати, кому будешь подавалъ въ моемь княженьи. А который бояринъ поѣдеть исъ коръмленья отъ тобе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отъслуживъ, тому дати коръмленье по исправѣ; а любо служба, отъслужити ему.

А коли ми будеть гдѣ отпущати своихъ воеводъ изъ великого княженья, а кто будеть . . . . твоихъ бояръ и слугъ, тобѣ послати своихъ воеводъ съ моими воеводами вмѣстѣ, безъ ослушанья; а кто ся ослушаеть, того ми казнити, а тобѣ брату моему со мною. А кого коли оставити у тобе бояръ, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадцѣ: кому будеть слично ся остати, тому остатися; кому ѣхати, тому ѣхати. А тобѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанья по згадцѣ, како будеть мнѣ слично и тобѣ брату моему молодшему; а мнѣ тобе кормити по твоей службѣ. А коли ти будеть всѣсти со мною на конь, а кто будеть твоихъ бояръ и слугъ, гдѣ кто ни живеть, тѣмъ быти подъ твоимъ стягомъ.

На семь на всемь целовали есмы межи собе крестъ по любви въ правду, безо всякое [2]) хитрости.

---

[1]) „А вольнымъ слугамъ воля, кто въ *кормленьи* бывалъ и въ *доводѣ* при нашемъ отци и при насъ“—въ грамотѣ 1341 г. вел. кн. Семена Ивановича (т. I, № 23). „А хто иметъ жити моихъ бояръ и моего сына княжихъ Васильевыхъ и моихъ дѣтей въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ какъ и своихъ, и дань взяти какъ и на своихъ; а хто иметъ жити твоихъ бояръ въ моемь удѣлѣ и въ великомъ княженьи, а тѣхъ намъ блюсти какъ и своихъ, и дань взяти какъ и на своихъ. А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на *большихъ* и на *путныхъ*, тогды ти взяти на своихъ такъ же по *кормленью* и по *путемъ*, да дати ти мнѣ, а то опроче того урока трехсотъ рублевъ и двадцати“—въ грамотѣ 1388 г. вел. кн. Димитрія Ивановича (№ 33).

[2]) См. „Соб. Гос. Грам. и Дог.“, т. I, № 27. Въ 1388 г. былъ вновь заключенъ договоръ съ кн. Владимиромъ Андреевичемъ (см. тамъ же, подъ № 33).

2.

Грамота Василія Васильевича Темнаго около 1451 г.

† Божьею милостью и пречистые его Богоматери, и по благословенью отца нашего Ионы митрополита киевъского и всея Руси. На семъ на всемъ, брате *князь велики Василей Васильевичь*, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату, къ *великому князю Борису Александровичю*, и съ своимъ сыномъ съ *великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ*, и съ своимъ сыномъ съ княземъ съ Юрьемъ Васильевичемъ, и къ моему сыну къ *князю Михаилу Борисовичю*, и съ своими дѣтми съ меншими и къ моимъ дѣтемъ, кого ми еще Богъ дастъ, и къ моей братье молодшей къ князю Дмитрею Юрьевичю и къ князю Ивану Юрьевичю, и къ меншей къ моей братье. Добра вы намъ хотѣти во всемъ въ Ордѣ и на Руси безъ хитрости; а што вамъ слышевъ о нашемъ лихе, что намъ на пакость, или о добрѣ, то вы намъ повѣдати въ правду безъ примышления. А ци имутъ насъ сваживати Татарове, а учнутъ вамъ давати домъ святого Спаса, а нашю отчину великое княженье Тфѣрь и Кашинъ: и вамъ ся, брате, не имати за домъ святого Спаса и за нашю отчину за великое княженье, тобѣ великому князю Василью подо мною подъ великимъ княземъ Борисомъ, и твоимъ дѣтемъ великому князю Ивану и князю Юрью, и подъ моимъ сыномъ подъ княземъ подъ Михайломъ, ни меншимъ твоимъ дѣтемъ и подъ моими дѣтми, кого ми Богъ дастъ, ни подъ моею братьею молодшею подъ княземъ Дмитреемъ Юрьевичемъ и подъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, ни вашимъ внучятомъ ни подъ моею братьею меншею.

А которые земли и воды потягли къ нашей отчинѣ ко Тфѣри и къ Кашину при моемъ пращурѣ при великомъ князю Михайлѣ Ярославиче, и при моемъ прапрадѣде при великомъ князю Александре Михайловиче, и при князи Костянтинѣ и при князи Василье Михайловичехъ, и при моемъ прадѣде при великомъ князи Михайлѣ Александровиче, и при моемъ дѣде при великомъ князи Иванѣ Михайловиче, и при моемъ отци при великомъ князи Александре Ивановиче, и при мнѣ при великомъ князи Борисе Александровиче: того вы, брате, подо мною подъ великимъ княземъ Борисомъ Александровичемъ не искати тобѣ и твоимъ дѣтемъ, ни подъ моими дѣтми, ни подъ моею братьею молодшею подъ княземъ Дмитреемъ Юрьевичемъ и подъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, и подъ нашею братьею меншею, и подъ нашими братаничи и подъ внучяты. А быти намъ, брате, на Татаръ, и на Ляхи, и на Литву, и на Немци за одинъ, и на всякого нашего недруга.

А што отъ тебе отступилъ князь Иванъ Можайской, да княжь Дмитреевъ сынъ Шемякинъ князь Иванъ, или который ти иный братъ згрубитъ: и мнѣ великому князю Борису и моимъ дѣтемъ, и братье моей молодшей къ собѣ ихъ не приимати; а быти намъ съ тобою на нихъ за одинъ и съ твоими дѣтми. Такожъ, брате, которой мой братъ молодшей и изъ меншии моее братьи згрубятъ мнѣ великому князю Борису Александровичю, и моему сыну князю Михайлу, и меншимъ моимъ дѣтемъ, кого ми Богъ дастъ: и тобѣ великому князю Василью, и твоимъ дѣтемъ великому князю Ивану и князю Юрью, и меншимъ твоимъ дѣтемъ тѣхъ вамъ къ себѣ не приимати; а быти вамъ со мною съ великимъ княземъ Борисомъ и съ моими дѣтми на тѣхъ за одинъ.

А ци, брате, по грѣхомъ пойдетъ на насъ Царь ратью, или рать Татарьская; и тебѣ, брате, намъ помочь послати въ правду, безъ хитрости. А пойдутъ, брате, на насъ Литва, или Ляхове, или Немци, и тебѣ, брате, къ намъ на помочь самому всѣсти на конь и съ своею братьею молодшею въ правду, безъ хитрости. А которой ти братъ надобѣ оставити собѣ на сторожѣ, и тобѣ его оставити, а кормъ взяти, а не користоватися ни чемъ. А на кого будетъ пеня давная, и въ ратное время того не имати, ни искати на обѣ стороны. А къ Ордѣ ти, брате, и ко Царю путь чистъ, и твоимъ дѣтемъ, и внучятомъ, и твоимъ людемъ.

А што судилъ Киприянъ митрополитъ судей нашихъ опчихъ Полукарпа, и Михайла, и Ивана, и Климянтеа, или што судили судьи наши опчии, и грамоты подавали, и што будетъ взято, то взято; а што будетъ не взято, а то есмя погренули, и грамоты тѣхъ судовъ подрали; а кто выложитъ тѣхъ судовъ грамоты, ино ихъ подрати же.

А рубежъ Тфѣри и Кашину, какъ было при моемъ пращурѣ при великоомъ князи Михайлѣ Ярославиче, и при моемъ прапрадѣде при великомъ князи Александре Михайловиче и при князи Костянтинѣ, и при князи Василье Михайловичехъ, и при моемъ прадѣде при великомъ князи Михайлѣ Александровиче, и при моемъ дѣде при великомъ князи Иванѣ Михайловиче, и при моемъ отцѣ при великомъ князи Александрѣ Ивановиче, и при мнѣ при великомъ князи Борисе Александровиче, што потягло къ Тфѣри и къ Кашину.

А съ Новымъ ми городомъ жити по старинѣ, какъ было при вашемъ прапрадѣде при великомъ князи Иванѣ Даниловиче, и при великомъ князи Семенѣ Ивановиче, и при вашемъ прадѣде при великомъ князи Иванѣ Ивановиче, и при вашемъ дѣде при великомъ князи Дмитрее Ивановиче, и при твоемъ отци при великомъ князи Василье Дмитреевиче, и при тебѣ при великомъ князи Василье Васильевиче; такъ же и при моемъ прапрадѣде при великомъ князи Александре Михайловиче, какъ жилъ безъ великого княженья, и при князи Костянтинѣ, и при князи Василье Михайловичехъ, и при моемъ прадѣде при великомъ князи Михайлѣ Александровиче, и при моемъ дѣде при великомъ князи Иванѣ Михайловиче, и при моемъ отци при великомъ князи Александре Ивановиче, и при мнѣ при великомъ князи Борисе Александровиче.

А которые земли и воды отошли отъ нашие отчины Тфѣри и Кашина отъ великого княженья при твоемъ отци при великомъ князи Василье Дмитреевиче, и при тебѣ при великомъ князи Василье Васильевиче, а при моемъ дѣде при великомъ князи Иванѣ Михайловиче, и при моемъ отци при великомъ князи Александре Ивановиче, и при мнѣ при великомъ князи Борисе Александровиче: а тѣмъ, брате, землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны.

А новыхъ вы мытовъ не замышляти, а на старыхъ мытехъ имати пошлины съ воза денга, а костокъ съ человѣка денга же; а поедетъ на верьсѣ съ торговлею, ино денга же. А кто ся промытитъ, ино съ воза промыты 6 алтынъ, а заповѣди 6 алтынъ, колко бы возовъ ни было. А промыта то, кто обьедетъ мытъ. А проедетъ мытъ, а мытника у забора не будетъ, ино промыты нѣтъ; а състижетъ его мытникъ, инъ возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ.

А съ лодьи пошлина съ доски по два алтына, а болши того пошлинъ нѣтъ, а съ струга алтынъ. А тамги и осминичего отъ рубля алтынъ; а тамга и осминичее взяти, аже иметъ торговати; а поедетъ мимо, инъ зна-

етъ свой мытъ да костъки, а болѣ того пошлинъ нѣтъ; а поедетъ безъ торговли, ино съ того мыта нѣтъ и пошлинъ. А межи насъ людемъ нашимъ и гостемъ путь чистъ безъ рубежа; а кто учинитъ рубежъ и выводъ, рубещика и выводщика по исправѣ выдати.

А обидному всему межи насъ судъ опчей отъ того веремени, какъ твой дѣдъ князь велики Дмитрей Ивановичь къ Богу отшелъ; а межи насъ судити судъ опчей людемъ старѣйшимъ, цѣловавъ крестъ. А сужено не посужати; а татя, розбойника, грабежника, душегубца гдѣ имутъ, тутo судятъ; а иметъ ся просити на изводъ, ино его на изводъ пустити; а холопу, робѣ, даному, положеному, заемному, поручному, земли и водѣ отъ вѣка судъ. А кто иметъ холопа или должника, а поставитъ передъ волостелемъ, въ томъ ему вины нѣтъ; а выведетъ изъ волости, а передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина. А холопъ и роба почнетъ ся тягати съ осподаремъ, а пошлеться на правду, а не будетъ по холопѣ и по робѣ поруки, ино ихъ выдати осподарю; а по должникѣ не будетъ поруки, ино его обинити; а пошлины съ семьи три алтына, а зъ головы алтынъ; а кой ся не иметъ тягати, съ того пошлины нѣтъ.

А кто моихъ князей служебныхъ къ тебѣ отъедетъ, въ тѣхъ ти отчину не въступатися, кого ми Богъ поручилъ, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоей братье молодшей. А бояромъ и слугамъ межи насъ волнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ [1]) нихъ не въступати. А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ. А на холопѣхъ дани не имати, на которыхъ ключники цѣлуютъ. А которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ. А закладневъ вы, брате, въ дому святого Спаса и въ моей отчинѣ въ великомъ княженье во Тфѣри и въ Кашинѣ не дръжати; а людей вы нашихъ Тфѣричь и Кашинцовъ блюсти какъ и своихъ.

А отъиметъ Богъ которого изъ насъ, и вамъ, брате, печаловатися нашими княинями и нашими дѣтми. А на семъ на всемъ, брате князь велики Василей Васильевичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату къ великому князю Борису Александровичю, и съ своимъ сыномъ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, и съ своимъ сыномъ со княземъ Юрьемъ Васильевичемъ, и къ моему сыну къ князю къ Михайлу къ Борисовичю, и съ своими дѣтми съ меншими, и къ моимъ дѣтемъ, кого ми Богъ дастъ, и къ моей братье къ молодшей къ князю Дмитрею Юрьевичю и князю къ Ивану Юрьевичю, и къ меншей моей братье, по любви въ правду, безъ хитрости. А сего намъ цѣлованья не сложити, а правити; а се намъ докончанье и нашимъ дѣтемъ, и нашей братье молодшей и меншей, и нашимъ внучятомъ и ихъ [2]) дѣтемъ.

---

[1]) „А городная осада, гдѣ хто живетъ, тому тутo сѣсти, опричь *бояръ введеныхъ и путниковъ*“ — въ грамотѣ вел. кн. Василія Васильевича около 1433 г. (№ 45). „А князей ми твоихъ служебныхъ съ вотчинами въ службу собѣ не приимати. А которыи князи мнѣ имуть служити, и имъ въ вотчину свою не въступатися, а вотчины лишены“—въ грамотѣ того же князя отъ 1433 г. (№ 49).

[2]) „Собр. Госуд. Грам. и Догов.“, т. I, №№ 76 и 77 (грамотъ двѣ: одна на имя в. к. Василія Московскаго и другая на имя в. к. Бориса Тверского).

3.

Договорная грамота великаго князя Василія Димитріевича съ митрополитомъ Кипріаномъ 1392 г.

Се язъ князь великій (Василей Дмитріевичъ), сѣдъ съ своимъ отцемъ (Кипреяномъ) митрополитомъ [1]) кіевскимъ и всеа Руси, управили есмь о домѣхъ о церьковныхъ и о волостехъ, и о земляхъ, и о водахъ, и о всѣхъ пошлинахъ о церковныхъ.

Судити митрополиту Луховца съ волостелемъ или съ доводщикомъ, а судьѣ моему великого князя не быти. А бояромъ и слугамъ князя великого и митрополичимъ земль Луховскихъ не купити, а которыи будутъ покупили, а тѣмъ лѣзти вонъ, а серебро свое взяти.

А имати мнѣ князю великому дани съ Луху въ выходъ по своей грамотѣ по оброчной, а лише того оброка не имати. А бѣлки, ни рѣзанки не имати князю великому, но митрополиту. А что Луховци ставливали хоромы на князя великого дворѣ въ Володимерѣ, ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлинѣ, а нынѣча ненадобѣ Луховцемъ ставити хоромовъ на князя великого дворѣ.

А Сенегъ его—по тому, какъ обыскано и управлено по старинѣ: кое—князя великого, то князя великого, а кое—церковное митрополичь, а то митрополичье. А дань имати съ Сенгу въ выходъ по моей грамотѣ князя великого по оброчной, а лише того оброка не имати.

А что села отца нашего митрополичи церковныи, которыи даваны издавна и до Олексѣа митрополита, и тѣ села потянутъ къ митрополиту, какъ и при Олексѣи митрополитѣ тягли. А на тѣхъ селѣхъ данщику и бѣлщику моему князя великого не быти. А дань имати съ тѣхъ селъ въ выходъ по оброку по моей грамотѣ князя великого по оброчной, а лише того оброка не имати.

А ямъ по старинѣ шестый день, а коли мои села князя великого дадутъ, тогды и митрополичи дадутъ.

А что люди митрополичи живутъ въ городѣ, а тянутъ къ дворцу, а тѣхъ описавъ, да положить на нихъ оброкъ, какъ и на моихъ князя великого дворчанъ.

А Костянтиновскій манастырь — извѣчный митрополичь и съ селы, такъ же и Борисоглѣбьскій манастырь и съ селы, какъ тягли издавна и при Олексѣи митрополитѣ: потомужь и нынѣча потянуть. А что села пошлые манастырскіи, въ тѣ села мнѣ, князю великому, не всылати, ни судити: вѣдаютъ ихъ и судятъ игумены. А будетъ судъ смѣсной, ино прибытокъ наполы.

А которыи человѣкъ мой князя великого ударитъ челомъ на игумена или на попа, или на черньца, ино судъ вобчой. А не пригодиться митрополита въ великомъ княженіи, коли кудѣ отъѣдетъ въ свою митрополію далѣ, а ударитъ кто челомъ мнѣ, князю великому, на митрополича, и мнѣ князю великому судити. А будетъ судъ смѣсной, ино прибытокъ наполы. А будетъ митрополичь судъ, ино судитъ митрополичь намѣстникъ. А такъ же будетъ кто ударитъ челомъ мнѣ, князю великому, на митрополича намѣстника, или на десятинника или на волостеля, и мнѣ, князю великому, судить самому.

А митрополичимъ людемъ церковнымъ тамги не давати, какъ было

---

[1]) См. выше на стр. 40 упоминаніе о митрополитѣ Кипріанѣ.

и при Олексѣи митрополитѣ. Кто продастъ свое домашнее, тотъ тамги не дастъ; а которыи иметъ прикупомъ которымъ торговати, а тотъ тамгу дасть.

А коли дань дати въ Татары, тогды и оброкъ дати церковнымъ людемъ. А коли дани не дати въ Татары, тогды и оброкъ не дати церковнымъ людемъ. А съ Луху по тому же отца нашего митрополита кіевского и всеа Руси.

А про войну, коли язъ самъ, князь великій, сяду на конь, тогды и митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводою, а подъ стягомъ моимъ великого князя. А кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Олексѣю митрополиту, а приказался ново митрополиту, а тѣ поидутъ подъ моимъ воеводою великого князя; гдѣ которыи живетъ, инъ подъ тѣмъ воеводою и есть.

А сборного митрополиту имати съ церкви шесть алтынъ, а заѣзда три денги, а болши того не надобѣ ничто. А десятиннику на десятину насѣдъ имати за въѣздное, и за Рожественое, и за Петровское, пошлины шесть алтынъ, а болѣ того не надобѣ ничто. А имати сборное о Рождествѣ Христовѣ, а десятиннику имати своя пошлина о Петровѣ дни. А которые съборные церкви по городомъ не давывали сборного при Ѳеогностѣ митрополитѣ и при Олексѣи митрополитѣ, тѣмъ и нынѣча не давати.

А слугъ моихъ князя великого и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити.

А который поповичъ, хотя будетъ писанъ въ мою службу, а въсхочетъ стати въ попы или въ діаконы, ино ему волно стати. А поповичь, который живетъ у отца, а хлѣбъ ѣстъ отцовъ, ино той митрополичь. А который поповичь отдѣленъ и живетъ опричь отца, а хлѣбъ ѣстъ своій, а то мой великого князя.

А писана грамота [1]) на Москвѣ мѣсяца іюня въ 28 день, индикта въ 12, въ лѣто 6900.

1) См. „Акты Археографической Экспедиціи", т. I, № 9, стр. 4—6.

VII.

Новгородъ Великій.

I.

Отношенія Новгорода Великаго къ великимъ князьямъ тверскимъ и московскимъ.

1.

Договорная грамота съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михайловичемъ 1327 г.

† Благословление отъ владыцѣ Моисѣя, поклонъ отъ посаднику Данила, отъ тысяцкого Аврама и отъ всего Новагорода къ господина великому князю Олександру. На семь, княже, цѣлуй крестъ ко всему Нову городу, на чемь цѣловалъ дѣдъ твой Ярославъ.

Новъгородъ держати ти въ старой пошлинѣ. Что волости Новогородьскыхъ, тѣхъ ти волостий, княже, тобѣ своими мужи не держати, держати мужи Новгородьскыми. А даръ тобѣ, княже, имати отъ тѣхъ волостий. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни грамотъ давати, ни волостий роздавати. А безъ вины ти, княже, мужа волости не лишити.

А что ти, княже, пошло на Торжьку и на Волоцѣ, тиунъ свой держати на своей части, а Новгородца на своей части. А въ Бѣжицахъ тобѣ, княже, и твоимъ бояромъ, и твоей княгыни, и твоимъ слугамъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородьской. А что Олександровыхъ княжихъ селъ купленыхъ, или его мужь, а то поидеть Олександру князю по исправѣ, по хрестьѣ-

ному цѣлованью, по заводъ. А исъ тыхъ селъ суда имъ не судити, ни дворяномъ ѣздити, ни людий Новгородьскыхъ приимати, ни земли.

А се, княже, волости Новгородьскыи: Волокъ съ всѣми волостьми, Торжекъ, Бѣжици, Городець, Палець, Мелеча, Шипинъ, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда. А кто будеть купилъ села въ всей волости въ Новгородьской при дѣдѣ моемь *Ярославѣ*, и при *Василью*, при *Дмитрии*, при *Андрѣи*, и при отци моемь при *Михаилѣ*, и при князи при *Юрьи*, при *Дмитрии*, кто будеть даромь отъялъ,—или сильно,—а то поидеть бесъ кунъ къ Новугороду. А кто купилъ будеть въ Новгородьской волости, знати имъ своего истьца; или не будеть истьца, како не вѣдаеть истьца своего, цѣловавъ ему крестъ, куны ему взяти у Новагорода, колько будеть далъ, а земля поидеть къ Новугороду; или не окупять, сѣдѣти ему, доколѣ окупять.

А нелюбья ти, княже, не держати къ Новугороду до посадника, и до тысяцкого, и до всего Новагорода отъ мала и до велика, не мьщатися ни судомь, ни чимь же. А што ся дѣяло до твоего княжение, и въ твое княженье, того ти не поминати; што продано княжихъ волостий до Велика дни, а што будеть не продано по Велицѣ дни, то по цѣлованью повѣдати.

А въ Русу ти, княже, ѣздити на третьюю зиму, по грамотѣ дѣда своего *Ярослава*; а лѣгѣ на Вьзвадъ звѣрий гонитъ. А въ Ладогу ти, княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ дѣда своего *Ярослава*; а въ Ладогу ти, княже, ѣздити на третьее лѣто. А изъ Бѣжиць ти людий не выводити въ свою волости, ни изы иной волости Новгородьской, ни грамотъ давати, ни закладниковъ приимати, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ, ни смерда, ни купчины. А безъ вины ти мужа волости не лишити; а грамотъ ти не посужати. А пожни, княже, что твои и твоихъ мужь, то твое, что пошло. А што будеть дѣдъ твой сильно дѣялъ или иный князь Новѣгородѣ, того ти не дѣяти. А рубежь ти, княже, дати правый бесъ перевода межю отчиною своею и Новгородьскою всею волостью.

А Новгородьцемъ волости и оброковъ княжихъ не таити. А дворяномъ твоимъ, како пошло, отъ князя по 5 кунъ погонъ имати, а отъ тиуна по 2 кунѣ. А что, княже, мытъ по Суждальской земли и въ твоей волости, отъ воза имати по двѣ вѣкшѣ, и отъ лодьи, и отъ хмельна короба, и отъ льняна. А дворяномъ твоимъ у купцевъ повоза не имати, развѣ ратной вѣсти; а свободъ и мытъ на Новгородьской волости не ставити. Холопъ или роба почнеть вадити на господаря, тому ти вѣры не яти.

А на Низу, княже, Новгородця не судити, ни даний роздавати; а кто почнеть къ тобѣ вадити, тому ти вѣры не яти. А гости гостити по Суждальской земли Новгородьскому бесъ пакости, безъ рубежа, по царевѣ грамотѣ. А въ Немецкомь дворѣ тобѣ, княже, торговати нашею братьею; а двора ти не затваряти, а приставовъ не приставляти. А села святой Софии исправи святой Софии. А судьи слати на Петровъ день, како пошло: кто купець, тый поидеть въ сто, а смердъ въ свой погостъ. А ряду вольного не посужати, а самосуда въ Новъгородьской волости не замышляти, по пошлинѣ. А Сужьдальскому гости гостити въ Новъгородъ безъ рубежа, бесъ пакости. А свиньи ти, княже, гонити за шестьдесятъ верстъ около города; а въ той шестидесятъ Новгородьцю гонити, князя

докладая князя, а дале куды кому годно. А за Волокъ ѣздити судьи, како пошло по Новгородьской пошлинѣ.

На семь на всемь князь великый цѣловалъ крестъ къ всему Новугороду. Тако же посадникъ и тысяцкый и весь Новъгородъ цѣловали къ великому князю по любви, въ правду, безъ всякого извѣта *).

2.

Договорная грамота съ вел. кн. тверскимъ Борисомъ Александровичемъ около 1451 г.

† А на семъ на всемъ, господине князь великий Борисъ Олександровичь, челуй крестъ ко всему Великому Новугороду.

А старый, господине князь великий, рубежь земли и водѣ дай промежи Тферью и Кашиномъ, и Новгородчкой отцинѣ, и Торжкомъ, и Бѣжичкымъ Верхомъ. И князь великий Борисъ Олександровичь далъ рубежь земли и водѣ промежъ своего великого княженья Тфери и Кашина, и промежи Новгорочкой отцинѣ и Новоторжской земли и воды и Бѣжичкой по великого князя грамотѣ Ивана Даниловича. А какъ почелуетъ крестъ князь великий Борисъ Олександровичь къ Великому Новугороду, а земли и водѣ дасть старый рубежь по великого князя грамотѣ Ивана Даниловича, ино дати князю великому Борису Олександровичу своего боярина судьею на рубежь, а Великому Новугороду дати своего боярина судьею на рубежь: а тымъ судьямъ судити порубежныхъ людий, татей и розбойниковъ съ обѣ половинѣ по хрестному целованью.

А на кого възговорятъ изъ Новгорочкыхъ волостей на Тферьского татя или на розбойника, а възмолвятъ нѣтъ; ино ему и потомъ не быти во Тферьскыхъ волостехъ; а будетъ, ино его бесъ суда выдати по хрестному челованью. А на кого взговорятъ изо Тферьскыхъ волостей на Новгорочкого татя или розбойника, а възмолвятъ нѣтъ; ино ему и потомъ не быти въ Новгорочкыхъ волостехъ и въ Новоторжскыхъ; а будетъ, ино его бесъ суда выдати по хрестному челованью.

А судьи слати князю великому Борису Олександровичу и Великому Новугороду на рубежь чересъ годъ. А князю великому Борису Олександровичу, и его братьи, и его дѣтемъ, и его княгини, и ихъ бояромъ земли и воды Новгорочкой и Новоторжской не купити, ни даромъ не приимати, ни закладщиковъ не держати. А хто почнетъ Новгородцевъ или Новоторжцовъ во Тфери жити, или во Тферьскомъ княженьи, или въ Кашини; земля ихъ къ Новугороду, а князю великому Борису Олександровичу то не надоби. Или хто почнетъ Тферичъ жити въ Новѣгородѣ, или въ Торжку; земля ихъ князю великому Борису Олександровичу, а Новугороду то не надоби.

А имутъ чего искати на Новгородцехъ или на Новоторжчехъ: судъ съ Новгородцомъ въ Новѣгородѣ, а съ Новоторжцомъ въ Торжку; или цего имуть искати Новгородци или Новоторжци на Тферитинѣ: судъ имъ

---

1) См. «Собраніе Госуд. Грам. и Догов.», т. I, № 15.

во Тфери, а судити съ обѣ половинѣ по хрестному челованью, а посула не взяти съ обѣ половинѣ.

А въ Русѣ и въ Торжку имати у Тферичь гостинное по старинѣ; а во Тфери у Новгородцевъ и у Новоторжцовъ имати гостинное и мытъ по старинѣ.

А приведутъ Тферитина съ поличнымъ къ Новгорочкому посаднику или къ Новоторжскому; судити его по хрестному челованью, а посула не взяти съ обѣ половинѣ. А приведутъ Новгородца или Новоторжца съ поличнимъ на Тфери къ великому князю, или къ его намѣстнику; судите его по хрестному челованью, а посула не взяти съ обѣ половинѣ; а гдѣ орудье почнетъ, ту его и концать.

А гостю гостити всякому съ обѣ сторонѣ, путь чистъ безъ рубежа; а воротъ ти не затворяти, и всякый гость пустити въ Новгородъ; а силою ти гостя Новгородчкого и Новоторжского во Тферь не переимати. А чересъ рубежь ти въ Новгородчкую волость и въ Новоторжскую дворянъ и приставовъ не всылати; а посломъ Новгорочкымъ, и Новгородцемъ, и Новоторжцемъ ѣздити сквозѣ князя великого отцину Бориса Олександровича, путь чистъ бесъ пакости. А холопы, и робы, и беглецы выдати съ обѣ сторонѣ по исправѣ и по хрестному челованью.

А на томъ на всемъ князь великий Борисъ Олександровичь челуй, господине, крестъ къ Великому Новугороду по любви, въ правду. А похоцетъ князь великий на той грамотѣ за то ятися, и Великий Новъгородъ повелѣлъ за то ятися Павлу Ѳедоровичу. Или князь великий Борисъ Олександровичь того не похочетъ, ино Великому Новугороду на Павла не помолвити [1]).

3.

Договорная грамота съ великимъ княземъ московскимъ Димитріемъ Ивановичемъ 1372 г.

Се пріѣхали ко мнѣ, къ великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси, отъ отца моего владыки Олексѣя, и отъ посадника Юрья, отъ тысятцкого Олисѣя, и ото всего Новагорода Иванъ посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ Поповичь, Василей Огаѳоновъ.

Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиначство, цѣловали есмы крестъ съ своимъ братомъ со княземъ съ Володимеромъ Андреевичемъ: а на томъ къ намъ цѣловали крестъ Иванъ посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, Воиславъ Поповичь, Василей Огаѳоновъ. На томъ цѣловати крестъ ко мнѣ, ко князю къ великому къ Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и къ моему брату ко князю къ Володимеру, въ одиначство всему Новугороду.

Ажъ будетъ обида со князми Литовскими, или съ Тферьскимъ

---

[1]) См. «Собраніе Госуд. Грам. и Догов.», т. I, № 18. Срв. выше на стр. 40, гдѣ упоминается старина князя великаго Ивана Даниловича въ отношеніяхъ къ Великому Новгороду.

княземъ съ Михаиломъ, Новугороду всѣсти на конь со мною со княземъ съ великимъ, и съ моимъ братомъ со княземъ съ Володимеромъ, съодного. А коли будетъ мнѣ великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Руси и моему брату князю Володимеру, всѣсти на конь на князя на Литовского, или на Тферьского на князя на Михаила, мнѣ князю великому самому быти въ Новѣгородѣ, а любо брата ми послати князя Володимера въ Новгородъ всѣсти. Или будетъ обида Новугороду съ Литовскимъ княземъ, или съ Тферьскимъ княземъ съ Михаиломъ, или съ Нѣмци, мнѣ князю великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату князю Володимеру, всѣсти по Новѣгородѣ съодного, по цѣлованью. А доколѣ ся Новъгородъ съ Литовскимъ княземъ, и со Тферьскимъ княземъ Михаиломъ, не умиритъ, или съ Нѣмци, мнѣ князю великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси, и моему брату князю Володимеру, Новагорода не метати, любо ми самому быти князю великому въ Новѣгородѣ, или брата пошлю, доколѣ Новъгородь умирю, а быти ми въ Новѣгородѣ или брата пошлю. А пойдетъ на насъ рать, ѣхати ми отъ васъ или брату моему безъ хитрости, а то намъ не въ измѣну.

А княженье бы великое мое держати честно и грозно, безъ обиды. А мнѣ князю великому Дмитрею Ивановичю всеа Руси держати Новъгородъ въ старинѣ, безъ обиды [1]).

4.

Договорная грамота съ вел. кн. московскимъ Василіемъ Васильевичемъ 1434 г.

По благословенію преподобнаго священноинока Еуѳимья отъ посадника Ноугородьскаго Михаила Ивановича, отъ тысяцкаго Новьгородского Ананьи Васильевича и отъ всего Великого Новагорода.

Се пріѣхали послове къ великому князю Василью Васильевичу всея Руси, отъ Великого Новагорода, посадникъ Оѳонасъ Ѳедоровичь и посадникъ степенный Михайло Онаньичь, отъ черныхъ людей Козма Тарасьинъ и Михайло Семеновъ, докончали миръ, по старымъ грамотамъ крестнымъ, съ княземъ великимъ Васильемъ Васильевичемъ всея Руси.

Какъ цѣловалъ князь великый Андрей, князь великый Иванъ, князь великый Семенъ, и прадѣдъ твой князь великый Иванъ [1]), и дѣдъ твой князь великый Дмитрій, и отецъ твой князь великый Василей: цѣлуй, господине князь великый, по тому же крестъ къ всему Великому Новугороду. Новъгородъ ти держати по старинѣ (по пошлинѣ), безъ обиды. А намъ, мужемъ Ноугородцемъ, княженіе твое великое держати честно и грозно, безъ обиды; а пошлинъ твоихъ великого князя не таити, по цѣлованью.

А что волостей Ноугородскыхъ всѣхъ, ти не держати своими мужми, а держати мужми Ноугородскыми, а даръ имати отъ тѣхъ волостей. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей роздавати, ни грамотъ давати. А что ти, княже, пошлина въ Торжьку и на Волоцѣ,

---

[1]) См. „Акты Археографической экспедиціи," т. I. № 8.
[2]) Т. е. Иванъ Даниловичъ *Калита*.

тивуни свои держати на своей части, а Ноугородцевъ на своей части. А въ Бѣжицахъ тѣбѣ князю великому, и твоей княгинѣ, и бояромъ и слугамъ твоимъ, селъ не держити, ни купити, ни даромъ не пріимати, по всей волости по Новьгородской.

А се ти, княже, и волости Ноугородьскыя: Волокъ съ всѣми волостьми, Торжекъ, Бѣжици, Городець, Палець, Шипино, Мелеча, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда [1]). А въ Русу ти, княже, ѣздити на третью зиму; а лѣтѣ ти, княже, ѣздить на Вьзвадъ звѣрь гонити; а въ Ладогу ти слать осетреникы и медовары, по старымъ грамотамъ (по крестнымъ); а въ Ладогу ти, княже, ѣздити на третье лѣто.

А изъ Бѣжиць ти, княже, людей не выводити въ свою волость, и изъ иныхъ волостей Ноугородскыхъ ни грамотъ имъ давати, ни закладней не пріимати, ни твоей княгинѣ, ни твоимъ бояромъ, ни смерда, ни купчины.

А безъ вины ти, княже, мужа волости не лишити, а грамотъ не посужати. А пожни, княже, что твой и твоихъ мужей, то твой и твоихъ мужей; а что пожни Новгородскые, то къ Новугороду, какъ пошло. А дворянамъ твоимъ, какъ пошло, погонъ имать ото князя по пяти кунъ, а отъ тивуна по двѣ куны. А что ти, княже, мытъ по Суждальской земли, въ твоей волости, отъ воза имати по двѣ вѣкшѣ, и отъ лодьи, и отъ хмѣлева короба и ото лняна. А дворяномъ твоимъ у купцовъ повоза не имати, развѣе ратные вѣсти. А слободъ и селъ съступился, а на Ноугородской земли волостей не ставити; а на Имоволожскомъ погостѣ куны имати. А холопъ или роба иметъ на господу вадити, а тому ти вѣры не няти.

А на Низу ти, княже, Новьгородца не судити, ни дани роздавати, ни приставовъ не всылати въ всю Ноугородскую волость. А что, княже, гнѣвъ будетъ на владыку, или на посадника и на весь на Великый Новъгородъ, то ти, княже нелюбіе отложити; а про Дмитрея про Тарасова не мщатись, ни, судомъ, ничимъ же. А кто почнетъ вадити, тому ти вѣры не няти.

А про послы, княже, и про купци про Ноугородскые по твоей земли, тѣхъ ти не пріимати.А въ Нѣмецкомъ ти дворѣ торговати нашею братьею, а двора ти не затворити, ни приставовъ не приставливати: на томъ ти, княже, крестъ цѣловати къ всему Новугороду. А гостемъ гостити безъ рубежа, по царевѣ грамотѣ.

А судій ти слати по волостемъ на Петровъ день, какъ пошло. А вывода межи Суздалской земли и Ноугородской не чинити. А закладней ти, княже, ни твоей княгинѣ, ни твоимъ бояромъ, въ Торжьку не держати, ни по всей Ноугородской волости. А купецъ пойдетъ въ сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ, какъ пошло, къ Новугороду. На томъ на всемъ, княже, крестъ цѣлуй къ всему Великому Новугороду по любви и въ правду, безо всякого извѣта. Также и посадникы, и тысяцкые, и весь Великій Новгородъ на семъ же цѣлуйте крестъ къ великому князю Василью Васильевичу всея Руси по любви, въ правду, безъ хитрости [2]).

---

[1]) См. выше на стр. 45.
[2]) См. „Акты Историческіе“, т. I, № 258.

5.

Грамота великому князю московскому Василію Васильевичу на черный боръ въ Новоторжскихъ волостяхъ около половины XV вѣка.

Отъ посадника Великого Новагорода степенного Ѳѳонаса Остафьевича, и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ, и отъ тысяцкого Великого Новагорода степенного Михайла Ондреевича, и отъ всѣхъ старыхъ тысяцкихъ, и отъ бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, и отъ всего Великого Новагорода.

На вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ се дахомъ черный боръ на сей годъ великому князю Василью Васильевичю всея Руси, а послалъ князь велики на черный боръ Семена Яковлича въ Торжокъ. А брати князя великого черноборцемъ на Нозоторжьскихъ волостѣхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ по новой, а писцу княжу мортка съ сохи; а въ соху два коня да третьее припряжь, да тшанъ кожевничской за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшци за соху, лодья за двѣ сохи, црѣнъ за двѣ сохи. А кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи. А гдѣ будетъ Ноугородець заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ, или староста, на томъ не взяти. А кто будетъ одерноватый емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти. А кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ боярьскій дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличатъ, на томъ взяти вины вдвое за соху.

А кормъ съ десяти сохъ князя великого черноборцемъ взяти тридцать хлѣбцовъ, баранъ а любо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкарь соли. А коневого корму пять коробей овса въ старую коробью, три возы сѣна съ десяти сохъ, какъ пошло; по двѣ подводы отъ стану до стану. А брати имъ, куды и переже сего черноборци брали по старинѣ [1]).

---

1) См. «Акты Археографической Экспедиціи», т. I, № 32. Срв. въ изданіи „Русская Лѣтопись по Никонову списку“ (ч. VI Спб. 1790. Стр. 97): Въ 6986-мъ г. 8 января къ великому князю Ивану III въ Москву изъ Новгорода явились „владыка съ посадники, и зъ житьими, и съ черными бити челомъ“, чтобъ государь пожаловалъ свою отчину. „И князь великій велѣлъ съ ними бояромъ говорить о дани, чтобъ явили дани со всѣхъ волостей новгородскихъ съ сохи по полугривнѣ. По 7-й день велѣлъ ихъ спросити, что ихъ сохъ. И они сказали: три обжи соха, а обжа одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ, а хто на трехъ лошадяхъ и самъ третей оретъ, ино то соха“. См. о сохѣ у П. Н. Милюкова въ «Спорныхъ вопросахъ финансовой исторіи московскаго государства». Спб. 1892; срв. также о земельныхъ мѣрахъ въ извѣстной диссертаціи Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ». М. 1899.

II.

Отношенія Новгорода Великаго къ Литвѣ и Польшѣ.

6.

Договорная грамота съ Литовскимъ великимъ княземъ Казимиромъ половины XV вѣка

Се язъ великій князь Казимиръ, королевичъ, всее Литовскоѣ земли и Жомойтскоѣ и многихъ Рускихъ земель, докончалъ есми миръ вѣчный со владыкою Новгородскимъ съ Евѳимьемъ, и съ посадникомъ съ Ѳедоромъ съ Олисѣевичомъ, и съ тысячскимъ Семеномъ Тимоѳѣевичомъ и съ Великимъ Новымъ городомъ. А прыѣхали отъ Новагорода Есифъ Васильевичъ, сынъ посадничъ, а отъ жытьихъ Тимоѳей Ивановичъ,—съ тыми есми миръ кончалъ.

А што моихъ людей, или Литвинъ, или Витбленинъ, или Полочанъ нинъ, или Смолнянинъ, или съ иныхъ нашыхъ Рускихъ земель,—тымъ путь чыстъ изо всее моее отчыны: торговати имъ въ Новѣгородѣ, безвсякоѣ пакости, по старынѣ, а торговати съ Новгородцы; а хто прыѣдетъ съ великого князя товаромъ, торговати имъ съ Новгородцы въ Нѣмецкомъ дворѣ. Такожъ и Новгородцомъ изо всее Новгородскоѣ волости торговати, безъ пакости, по всей Литовской земли.

А мнѣ великому князю Казимиру, королевичю, блюсти Новгородца, какъ и своего Литвина; такожъ и Новгородцомъ блюсти Литвина, какъ и своего Новгородца. А мнѣ великому князю Казимиру, королевичю, на Новгородскомъ пути и на всихъ путѣхъ, во всей Новгородской волости, пути не переймати гостя никакоже, хто поѣдетъ въ Новгородъ или изъ Новагорода. А гдѣ Новгородца въ ратномъ имуть, пустити его съ товаромъ, безъ пакости; или Новгородцы Литвина въ ратномъ имуть, пустити его, а ему, право рекъ, свое взяти.

Аже узгономъ, ... возмуть Новгородское, или чоловѣкъ или лошадь: ѣхавъ съ тоѣ волости чоловѣку къ воеводѣ, а право рекъ, свое взяти, а имъ дати; или черезъ то село . . . возмуть, или два . . . или вже . . . измѣна, а правда . . . да новъ . . . А межы собою намъ будучы въ любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за розбойника и за смерда не стояти ни мнѣ, ни вамъ, а выдати его по исправѣ.

А вчыниться пеня гостю Новгородцу въ Литвѣ, тамо ему и кончати, по княжой правдѣ и по хрестному цѣлованію; или вчыниться пеня въ Новѣгородѣ Полочанину, или Витблянину, или Литвину, или Русину зъ нашого великого княженья, кончати въ Новѣгородѣ, по княжой правдѣ и по хрестному цѣлованію.

А рубежъ Новугороду зъ Литвою по старому рубежу, земли и воды, и съ Полочаны и съ Витбляны и съ Торопьчаны. А на Молвятичохъ взяти мнѣ, князю великому, два рубли, а тивуну рубль за петровщыну. На Кунску взяти мнѣ князю великому рубль, а тивуну полтина. На Березовцы взяти мнѣ, князю великому, полтора рубля да двадцать куницъ; на Стержи тридцать куницъ да шестьдесятъ бѣлокъ, а петровщыны рубль; у Моревѣ сорокъ куницъ да два сорока бѣлокъ, да петровщыны рубль; а въ Сенянѣ полъ-рубля, а въ Жабнѣ дванадцать куницъ

да сорокъ бѣлокъ, да петровщыны рубль. А пиво съ перевары, а медъ сытити по силѣ.

А на Лопастичохъ и на Буйчохъ у чорнокуньцовъ по двѣ куницы да по двѣ бѣлки, а слугамъ тремъ по бѣлцѣ. А на Лукахъ вашъ тивунъ, а нашъ тивунъ: судъ имъ наполъ. А Торопецкому тивуну по Новгородскимъ волостямъ не судити, ни Ржовскому. А въ Любоковѣ и въ Заклиньи по двѣ куницы да по двѣ бѣлцѣ. А медъ сытити по силѣ съ перевары; а тивуну ѣздити по переваромъ у пятинадцати человѣкохъ, а по чернокуньцомъ по тому жъ въ пятинадцати человѣкохъ.

А въ Новгородской волости не надобѣ ништо иное Литвѣ: ни на Демяни, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ, не надобѣ брати чорноѣ куны, ни иное ничтожъ.

А кончалъ я князь великій Казимиръ, королевичъ, миръ со всимъ Великимъ Новымъгородомъ и съ прыгороды и со всею волостью Новгородскою, по сей грамотѣ. Ажъ вчыниться нелюбовь мнѣ великому князю Казимиру, королевичу, до Великого Новагорода, или Новугороду до мене великого князя Казимира, или будетъ . . . сослався и грамоту отославъ, а послѣ грамоты мѣсецъ не воевати; а какъ мѣсецъ изойдетъ, тогдажъ ся воевати. А на всемъ на семъ я великій князь Казимиръ, королевичъ, крестъ цѣловалъ, также и послы Новгородскіи, Есифъ Васильевичъ, сынъ посадничъ, и отъ житьихъ Тимоѳей Ивановичъ, крестъ цѣловали отъ всего Великого Новгорода, по любви, въ правду, безъ всякого извѣта Литовскимъ посломъ по Новгородской волости подводъ не имати, а Новгородскимъ посломъ по Литовской волости подводъ не имати жъ [1]).

7.

Договорная грамота съ польскимъ королемъ Казимиромъ IV 1471 года.

Се язъ честны король Полскій и князь велики Литовьскій докончялъ есми миръ съ нареченнымъ на владычьство съ Ѳеофиломъ, и съ посадники Новогородцкими, и съ тысяцкими, и съ бояры, и съ житьими, и съ купци, и со всемъ Великимъ Новымгородомъ. А пріѣхаша ко мнѣ послове отъ нареченаго на владычьство Ѳеофила, и отъ посадника степеннаго, и отъ тысяцкого степеннаго Василья Максимовича, и отъ всего Великого Новагорода мужей волныхъ, посадникъ Новогородцкій Ѳѳонасъ Остафьевичь, посадникъ Дмитрей Исаковичь и Иванъ Кузминъ, сынъ посадничь а отъ житьихъ Панфилей Селифонтовичь, Кирило Ивановичь, Якимъ Яковличь, Яковъ Зиновьевичь, Степанъ Григорьевичь. Докончалъ есми съ ними миръ и со всемъ Великимъ Новымгородомъ, съ мужи волными.

А держать ти, честны король, Велики Новгородъ на сей на крестной грамотѣ. А держати тобѣ, честному королю, своего намѣстника на Городищѣ отъ нашей вѣры отъ греческой, отъ православнаго хрестьянства. А намѣстнику твоему безъ посадника Новогородцкого суда не судити, а отъ мѣста кунъ не имати; а Великому Новугороду у твоего намѣстника суда

---

[1])См. «Акты Западной Россіи», т. I, № 39.

не отъимати, опричь ратной вѣсти и городоставленіа. А судити твоему намѣстнику по Новогородцкой старинѣ. А дворецкому твоему жити на Городищѣ на дворцѣ, по Новогородцкой пошлинѣ; а дворецкому твоему пошлины продавати съ посадникомъ Новогородцкимъ по старинѣ, съ Петрова дни. А тіуну твоему судити въ одринѣ съ Новогородцкими приставы.

А намѣстнику твоему и дворецкому и тіуну быти на Городищѣ въ пятидесятъ человѣкъ. А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшего, такъ и селянина. А судити ему въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно; а пересудъ ему имати, по Новогородцкой грамотѣ по крестной, противу посадника, а опричь пересуда посула ему не взяти. А во владычень судъ и въ тысяцкого, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ манастырскіе суды, по старинѣ.

А пойдетъ князь велики Московскій на Велики Новъгородъ, или его сынъ, или его братъ, или которую землю подъиметъ на Велики Новгородъ, ино тебѣ нашему господину честному королю всѣсти на конь за Велики Новгородъ, и со всею со своею радою Литовскою, противъ великого князя, и боронити Велики Новгородъ. А коли, господине честны король, не умиривъ Великого Новагорода съ великимъ княземъ, а поѣдешь въ Лятцкую землю или въ Нѣмецкую, а безъ тебе, господине, поидетъ князь велики, или его сынъ, или его братъ, или кою землю подойметъ на Велики Новгородъ, ино твоей радѣ Литовской всѣсти на конь за Велики Новгородъ, по твоему крестному цѣлованію и боронити Новгородъ.

А что Ржова, и Великіа Луки, и Холмовски погостъ, четыре перевары, а то земли Новгородцкія, а въ то ся тебѣ, честному королю, не вступати, а знать тебѣ своя черна куна, а тѣ земли къ Великому Новугороду. А Ржевѣ, и Лукамъ, и Холмовьскому погосту, и инымъ землямъ Новгородцкимъ и водамъ, отъ Литовской земли рубежь по старинѣ. А сведется Новгородцу судъ въ Литвѣ, ино его судити своимъ судомъ, а блюсти Новгородця какъ и своего брата Литвина, по крестному цѣлованью. А сведется судъ Литвину въ Великомъ Новѣгородѣ, ино его судити своимъ судомъ Новгородцкимъ, а блюсти его какъ и своего брата Новгородця, по крестному цѣлованію, такожъ. А сведется поле Новгородцу съ Новогородцомъ, ино намѣстнику твоему взяти отъ поля гривна, а двѣма приставомъ двѣ денги; а учнутъ ходити за срѣчкою на поле, ино взяти твоимъ приставомъ двѣ денги.

А въ Русѣ ти имати за проѣзжей судъ, черезъ годъ, сорокъ рублевъ, а держати десять варниць въ Русѣ. А въ Водцкой землѣ имати за проѣзжей судъ, черезъ годъ, тридцять рублевъ. А въ Ладогѣ ти пятнадцять рублевъ, а съ Ижеры два рубля, а съ Лопци рубль, за проѣзжей судъ, черезъ годъ. А по инымъ волостемъ по Новогородцкимъ имати тобѣ пошлины по старинѣ, а Новугороду пошлинъ не таити по крестному цѣлованію.

А вывода ти, честны король, изъ Новогородцкой отчины не чинити, а челяди не закупати, ни даромъ не примать. А подводъ по Новогородцкой отчинѣ не имати, ни твоимъ посломъ, ни твоему намѣстнику, ни иному ни кому жъ въ твоей державѣ.

А черна куна имати по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ: а на Молвотицяхъ взяти ти два рубля, а тіуну рубль за петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи тридцять куниць да

шестьдесятъ бѣлъ; а съ Моревы сорокъ куниць да восмьдесятъ бѣлъ, а петровщины рубль; а въ Осенинѣ полрубля; а въ Жавнѣ двадцать куниць да восмьдесятъ бѣлъ, а петровщины рубль; а медъ и пиво съ перевары по силѣ. А на Лопастицяхъ и на Буйцяхъ у чернокунцовъ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а слугамъ бѣла; а на Лукахъ нашъ тіунъ, а твой другой, а судъ имъ наполы, а Торопецкому тіуну по Новогородцкой волости не судити. А въ Лубоковѣ и въ Заклиньѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а петровщины сорокъ бѣлъ. А во Ржевѣ по двѣ куници и по двѣ бѣли, а съ перевары медъ и пиво по силѣ. А въ Новогородцкихъ волостѣхъ, ни на Демонѣ, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ, не надобѣ иное Литвѣ ничто жъ, ни черны куны не брати. А иныхъ пошлинъ тобѣ, честны король, на Новогородцкія волости не вкладывать черезъ сію крестную грамоту.

А сведется вира, убьютъ сотцкого въ селѣ, ино тебѣ взяти полтина, а не сотцкого, ино четыре гривны. А намъ виръ не таити въ Новѣгородѣ, а о убиствѣ виръ нѣтъ.

А что волости, честны король, Новгородцкія, ино тебѣ не держати своими мужи, а держать мужми Новогородцкими; а что пошлина въ Торжку и на Волоцѣ тивунъ свой держать на своей части, а Новугороду на своей части посадника держати.

А се волости Новогородцкія: Волокъ со всѣми волостми, Торжокъ, Бѣжици, Городець, Палець, Шипино, Мелеця, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда съ волостми [1]). А пожни, честны король, твои и твоихъ мужь, а то твои, а что пожни Новогородцкія, а то къ Новугороду, какъ пошло. А дворяномъ съ Городища и извѣтникомъ позывать по старинѣ.

А на Новгородцкой землѣ тебѣ, честны король, селъ не ставити, ни закупать, ни даромъ ни примать, ни твоей королевой, ни твоимъ дѣтямъ, ни твоимъ княземъ, ни твоимъ паномъ, ни твоимъ слугамъ. А холопъ, или роба, или смердъ, почнетъ на осподу вадити, а тому ти, честны король, вѣры не нять. А купецъ пойдетъ во свое сто, а смердъ потянетъ въ свой потугъ къ Новугороду, какъ пошло. А приставовъ тебѣ, честны король, не всылати во всѣ волости Новогородцкія.

А у насъ тебѣ, честны король, вѣры греческіе православные нашей не отъимати; а гдѣ будетъ намъ Великому Новугороду любо въ своемъ православномъ хрестьянствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей воли; а Римскихъ церквей тебѣ, честны король, въ Великомъ Новѣгородѣ ни ставити, ни по пригородомъ Новогородцкимъ, ни по всей земли Новогородцкой.

А тіуну твоему въ Торжку судити судъ съ Новогородцкимъ посадникомъ, такожъ и на Волоцѣ, по Новогородцкой пошлинѣ, Новогородцкимъ судомъ, и виры и полевое по Новгородцкому суду. А что во Псковѣ судъ и печять и земли Великого Новагорода, а то къ Великому Новугороду по старинѣ.

А умиришь, господине честны король, Велики Новъгородъ съ великимъ княземъ, ино тебѣ взяти честному королю черны боръ по Новогородцкимъ волостемъ по старинѣ одинова, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы черны боръ не надобѣ.

---

[1]) См. выше на стр. 45 и 49.

А Нѣмецкого двора тебѣ не затворяти, ни приставъ своихъ не приставливати; а гостю твоему торговати съ Нѣмцы нашею братьею. А посломъ и гостемъ на обѣ половины путь имъ чистъ, по Литовской землѣ и по Новогородцкой. А держать тебѣ, честны король, Велики Новгородъ въ воли мужей волныхъ, по нашей старинѣ и по всей крестной грамотѣ.

А на томъ на всемъ, честны король, крестъ цѣлуй ко всему Великому Новугороду за все свое княжество и за всю раду Литовскую, въ правду, безо всякого извѣта: а Новогородцкіе послове цѣловаша крестъ Новгородцкою душею къ честному королю за весь Велики Новгородъ, въ правду, безъ всякаго извѣта [2]).

III.

Псковъ.

8.

Договорная грамота Литовскаго великаго князя Казимира со Псковомъ 1440 г.

Се язъ великій князь Казимиръ, королевичъ, и зъ своею братьею коньчали есмо миръ со Пьсковомъ. А прыѣхали къ намъ со Пьскова Ларыонъ Селивестровъ, сынъ посадничъ, Стефанъ Арыстовичъ, а Лука Михайловичъ, да били намъ чоломъ ото Пьскова, и съ тыми есмо миръ кончали, а кончали есьмо такъ.

Што жъ послу изъ нашее земли изъ Литовскоѣ, и гостю—или Ляхъ или Русинъ, или Полочанинъ, или Вигблянинъ, или Смолнянинъ,—тымъ путь чыстъ изо всее моее отчыны въ Псковскую землю. А гостю торговати во Пьсковѣ, безъ пакости, по старой пошлинѣ, со всякимъ гостемъ. Такожъ и Псковичомъ, послу и гостю, изо всее отчины Псковскоѣ тымъ всимъ путь чыстъ во всю мою отчину, въ Литовскую землю. А гостю торговати во всей Литовской земли по старынѣ, безъ пакости, по старой пошлинѣ, со всякимъ гостемъ.

Такожъ и послу Псковъскому, кого коли пошлютъ ко князю великому Московъскому, на Москву, путь чыстъ черезъ нашу отчыну, на Смоленескъ, тамъ ѣхати и назадъ отъѣхати, коли мы, великій князь Казимиръ, будемъ съ княземъ великимъ Московъскимъ въ любви.

А мнѣ великому князю Казимиру блюсти Псковитина, какъ и своего Литвина; такожъ и Псковичомъ блюсти Литвина, какъ и Псковитина. А межы собою будучы въ любви, за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за розбойника не стояти ни мнѣ, ни вамъ, а выдати по исправѣ. А обиднымъ дѣломъ уложили есмо рокъ: которыи будуть вчынилися отъ великого князя Витовтовы смерти до сихъ мѣстъ, тымъ дѣломъ на обѣ сторонѣ судъ и справу учынити; а которіи будутъ пени вчынили перьво великого князя Витовътовы смерти, или пожжено, или силно пограблено, или головы побиты, и иныи такъ дѣла: то есмо

---

[2]) См. „Акты Археографической Экспедиціи“, т. I, № 87.

такъ все на обѣ сторонѣ вчынили, отложыли, того не надобѣ искати ни нашымъ на Псковичахъ, ни Псковичомъ на нашыхъ.

Аже вчыниться пеня гостю въ Литвѣ Псковьскому, коньчать по великого князя правдѣ и по цѣлованію; аже вчыниться пеня нашымъ, или Литвину, или Полочанину, или Витьбляномъ, или Смольняномъ во Пьсковѣ, коньчати по Псковьской правдѣ и по цѣлованію. А рубежъ водѣ и земли со Пьсковомъ мнѣ великому князю, а то намъ старый рубежъ.

А сконьчалъ великій князь Казимиръ со всимъ Псковомъ и со всими прыгороды Псковьскими и со всею волостью Псковскою, по сей грамотѣ. Аже вчыниться нелюбовь мнѣ великому князю до Пскова: и мнѣ великому князю тую грамоту крестную не слати, ни на Москву ко князю великому Василью, ни къ Новугороду, но положыти мнѣ тую грамоту крестную во Пъсковѣ; а отъ того дни, какъ грамота положена, олижъ мѣсяцъ пройдеть, чотыры недѣли, тогдыжъ воевати. Такожъ аже вчыниться Псковичомъ нелюбовъ со мною зъ великимъ княземъ Казимиромъ, и Псковичомъ грамота хрестная положыти у Вилни; а отъ того дни, какъ грамота положена, олижъ мѣсяць пройдеть, чотыри недѣли, тогды жъ воевати.

А на всемъ на семъ я, великій князь Казимиръ, крестъ цѣловалъ, такъ же и послове Псковьскіе крестъ цѣловали отъ всего Пскова по правдѣ, безъ всякого извѣта. А писанъ у Вилни, мѣсяца декабря въ 30 день, подъ лѣты Рождества Господа нашего Исуса Христа 1440 лѣтъ, индиктъ 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

Стр.

Предисловіе. 1. *М. Н. Покровскаго и Н. М. Никольскаго*.. 5
2. *В. Н. Сторожева* 7

ГЛАВА I.

Великая россійская равнина въ прошломъ.

В. К. Агафонова.

Древность русской равнины. . . . 9
Архейская эра. Образованіе финно-скандинавскаго „щита“ и днѣпровской кристаллической полосы. 9
Металлы и драгоцѣнные камни въ пластахъ архейской эры 10
Распредѣленіе суши и моря. Алгонскій періодъ 11
Зависимость распредѣленія морей отъ колебаній земной коры . . . 12
Палеозойская эра и измѣненіе конфигураціи суши и моря въ Европейской Россіи 12
Каменноугольный періодъ 13
Пермскій періодъ. Увеличеніе площади суши и образованіе Уральскаго хребта 14
Общая характеристика измѣненій животнаго и растительнаго царства въ различные геологическіе періоды 15
Мезозойская эра 17
Распредѣленіе суши и моря въ эту эпоху. 18
Обмелѣніе русскаго моря въ мѣловой періодъ. 18
Господство пресмыкающихся. Морская фауна. 19
Фауна юрскаго періода. Распространеніе насѣкомыхъ. Первыя млекопитающія. 20
Мѣловой періодъ. Вымираніе пресмыкающихся. Костистыя рыбы. 21
Кайнозойская эра. Распредѣленіе суши и моря 21
Побѣда лиственныхъ растеній. Появленіе флоры умѣреннаго климата 24
Расцвѣтъ млекопитающихъ 24
Четвертичный періодъ. Ледниковая эпоха. 25
Великій скандинаво-русскій ледникъ 26
Измѣненіе границъ морей. Ледниковыя отложенія 26
Флора и фауна ледниковаго періода. 29
Остатки доисторическаго человѣка. 30
Каменный вѣкъ. 31
Неолитическая эпоха. Современный періодъ. 33
Остатки доисторической культуры на побережьѣ Ладожскаго озера и на Днѣстрѣ. 34
Бронзовый и желѣзный вѣка. Южно-русскіе курганы 37

ГЛАВА II.

Слѣды древнѣйшаго общественнаго строя.

М. Н. Покровскаго.

Съ чего начала древняя Русь. . . 39
Взгляды Шторха. Славянофилы и западники 40
Скудость лѣтописныхъ данныхъ . 41
Лингвистическія данныя. Славяне, какъ „лѣсной“ народъ 42
Славяне, какъ автохтоны восточной Европы. Вопросъ о „прародинѣ“ славянскаго племени 43
Культура россійской равнины по Геродоту 43
Культура „праславянъ“ по даннымъ лингвистики 44
Старая схема экономическаго развитія, ея ошибочность. 45

Стр.

„Мотыжное“ земледѣліе 46
Древнѣйшіе тексты: показанія арабовъ 47
Древнѣйшая общественная организація 50
Дворище и печище 51
Слѣды матріархата 53
Экономическія основы древне-славянской семьи 54
Семья—государство 54
Власть отца 56
Племя. Происхожденіе князей; условія ихъ появленія 57
Слѣды власти отца въ княжеской власти 60

ГЛАВА III.

Феодальныя отношенія въ древней Руси.

М. Н. Покровскаго.

Что такое *феодализмъ* 64
Крупное землевладѣніе въ древней Россіи 65
Совпадало ли крупное землевладѣніе съ крупнымъ хозяйствомъ? . 66
„Вотчинное хозяйство“: натуральный оброкъ 67
Появленіе денежнаго оброка и барщины 68
Связь *вотчины* съ *печищемъ*; процессъ феодализаціи 69
Вопросъ объ осѣдлости древне-русскаго крестьянства; „старожильцы“ 70
Вопросъ объ *общинѣ* 72
Эволюція древне-русской деревни . 73
Какъ возникло крупное землевладѣніе? 75
Пожалованіе. Захватъ 77
Задолженность мелкаго землевладѣнія: черносошное крестьянство сѣвера Россіи въ XVII в. 79
Закупы „Русской Правды“ и изорники Псковской грамоты 81
Размѣры земельной мобилизаціи въ XVI вѣкѣ 83
Соединеніе политической власти съ землею 84
Вотчинное право, какъ пережитокъ патріархальнаго 86
Вотчинный судъ; вотчинныя таможни 86
Боярскія дружины 87
Вассалитетъ; феодальная лѣстница въ Московской Руси 88
Феодальная курія и боярская дума 91
Охрана права въ древней Руси . . 92
Можно ли разсматривать феодализмъ, какъ *юридическую* систему 93

Стр.

ГЛАВА IV.

Заграничная торговля, города и городская жизнь X—XV вв.

М. Н. Покровскаго.

Торговля и „натуральное хозяйство“ въ древней Руси; мнѣніе историковъ 95
Показанія современниковъ; скандинавы и арабы 97
Средневѣковой купецъ на Западѣ и въ Россіи; размѣры торговли . 98
Составъ товара; значеніе работорговли 101
„Разбойничья торговля“ 102
Вооруженное купечество 105
Торговый складъ и лагерь, торговый дворъ и крѣпость 106
Организація древне-русскаго города. Тысяцкій. Вѣче 109
Событія 1146—1147 гг. въ Кіевѣ . 111
Положеніе князя по отношенію къ городу; князь, какъ главнокомандующій; князь и вѣче 114
Соціальный составъ городской общины: *огнищане* 120
Разложеніе патріархальныхъ формъ въ городѣ 121
Эволюція кіевскаго вѣча 122
Кіевскія событія 1068 года 123
Торговый и ростовщическій капитализмъ въ Кіевѣ 126
Революція 1113 года; „Уставъ“ Владимира Всеволодовича Мономаха 128
Положеніе массы сельскаго населенія 130
Смерды и княжеская власть . . . 132
Два права древней Руси: „городское“ и „деревенское“ 134
Упадокъ Кіевской Руси и его причины 135
Новый типъ князя; убійство Андрея Боголюбскаго 136
Разложеніе города 140
Роль татарщины 141
Значеніе татарской дани 143
Передвижка торговыхъ путей . . . 147

ГЛАВА V.

Первобытныя религіозныя вѣрованія и появленіе христіанства.

Н. М. Никольскаго.

Скудость источниковъ для исторіи древнѣйшаго христіанскаго быта. Значеніе пережитковъ этнографическаго матеріала 149
Природно-хозяйственная обстановка и анимистическое міровоззрѣніе . 150
Слѣды тотемизма 154
Фетишизмъ 155
Примитивный культъ 156

Стр.

Представленіе о душѣ и загробной жизни 159
Культъ мертвыхъ и предковъ. . . 160
Земледѣльческіе культы. 167
Циклъ обрядовъ, связанныхъ со смѣною временъ года: зимняя коляда, встрѣча весны, праздникъ урожая 168
Особенности религіозныхъ вѣрованій городского купеческо-дружиннаго класса 175
Религіозная реформа Владимира. . 176
Внѣшній характеръ обращенія. . . 177
Синкретизмъ стараго язычества и христіанства 178
Теорія бѣса, роль святыхъ, двоевѣріе въ похоронныхъ и поминовенныхъ обрядахъ 179

ГЛАВА VI.

Новгородъ.

М. Н. Покровскаго.

Новгородъ, какъ сѣверный торговый центръ и причины его устойчивости 182
Оптовая торговля съ Западомъ; развитіе торговаго капитала 185
Событія 1209 года и ихъ послѣдствія 187
Строй вѣчевыхъ общинъ Пскова и Новгорода. 190
Грамота 1265 года; ограниченіе власти князя 192
Права князя и вѣча. 193
Крушеніе патріархальнаго общественнаго строя 196
Новая группировка общественныхъ элементовъ; бояре, житьи, купцы, черные люди 197
Уменьшеніе власти демократіи; судная грамота 1440 г. 198
Упадокъ мелкой поземельной собственности; закрѣпленіе крестьянъ 200
Политическія формы соціальнаго господства имущихъ классовъ. . 201
Волненія 1418 года; возстаніе должниковъ противъ кредиторовъ . . 203
„Колоніальныя войны“ Новгорода . 205

ГЛАВА VII.

Образованіе Московскаго государства.

М. Н. Покровскаго.

Обычное представленіе о „собираніи Руси“. 208
Можно ли провести раздѣльную черту между Кіевской и „удѣльной Русью. 209
Значеніе личностей „собирателей“ въ процессѣ собиранія 210
Коллективный характеръ московской политики XIV вѣка 211
Экономическія условія возвышенія Москвы; значеніе рѣчныхъ путей. 212
Московско-новгородскій союзъ. Гости-сурожане 213
Размѣры Москвы къ концу XIV вѣка. 214
Московская буржуазія. Событія 1382 года. 215
Московское боярство и политика „собиранія“ 216
Роль церкви, какъ феодальной организаціи; Церковь и татарщина. . 218
Ханскіе ярлыки. 220
Можно ли отдѣлить московскую и церковную политику въ XIV вѣкѣ? 221
Церковь и удѣльные противники московскихъ князей 222
Церковь и Новгородъ 226
Покореніе Новгорода, какъ крестовый походъ 229
Экономическія условія этого покоренія: конкуренція московской и новгородской буржуазіи 230
Финансовая политика Москвы . . . 231
Характеръ „собиранія“; вело ли оно къ образованію „единаго государства? 234
Присоединеніе Пскова, какъ обращикъ московской политики . . . 235
Консерватизмъ этой послѣдней; ея новшества сводятся къ новымъ налогамъ 237
Остатки политической самостоятельности удѣловъ въ XVI вѣкѣ . . 238
Экономическія основанія церковнаго обединенія 241
Государственная власть и церковь въ Византіи. 242
Всемірное христіанское царство въ представленіи московскихъ книжниковъ XV вѣка 244
Приложеніе теоріи къ практикѣ. 246
Удѣльные князья, какъ подданные великаго князя; царское мѣстничество 250
Послѣдствія этой теоріи въ международныхъ отношеніяхъ 252
Оборотная сторона медали: православіе царя, какъ необходимое условіе его легальности 255
Религіозное оправданіе оппозиціи въ XVI в. и революціи въ началѣ XVII в. 256

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Стр.

Предисловіе. В. Сторожева 3

I. Происхожденіе русскаго государства.

Варяги и Русь.

Начало земли Русьстѣ. (Сочетаніе Новгородскаго лѣтописнаго свода 1050 г. съ Кіевскимъ 1039 г. въ редакціи 1073 г.) 5

II. Убійство князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго.

Отъ Кіева къ Владимиру Суздальскому.

Отрывокъ изъ „Лѣтописи по Лаврентьевскому списку“ 9
Отрывки изъ Новгородской 4-ой и 3-ей лѣтописи 11
Отрывки изъ Новгородской 1-ой и 2-ой лѣтописи. 12
Отрывокъ изъ Лаврентьевскаго лѣтописнаго свода сѣвернаго извода. 13

III. Монгольское иго.

1. Битва на Калкѣ (по Ипатской лѣтописи подъ 1224 г.). Алецкое побоище 17
2. Покореніе Руси Сѣверо-Восточной (по Лаврентьевской лѣтописи подъ 1237 г.). 19
3. Взятіе Кіева татарами (по Ипатской лѣтописи подъ 1240 г.) . . . 23

IV. Происхожденіе Московскаго княжества.

Отрывокъ изъ лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1147 г. . . . 24
Отрывки изъ лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1176, 1177, 1207, 1208 гг. 25
Отрывки изъ лѣтописи по Лаврентьевскому спику подъ 1213, 1237, 1304 гг. 28

V. Духовныя грамоты великихъ князей московскихъ.

1. Грамота Ивана Даниловича Калиты 1328 г. 29
2. Грамота Димитрія Ивановича Донского 1389 г. 32

Стр.

VI. Договорныя грамоты великихъ князей московскихъ.

1. Грамота Димитрія Ивановича Донского 1362 г. 37
2. Грамота Василія Васильевича Темнаго около 1451 г. 39
3. Договорная грамота великаго князя Василія Димитріевича съ митрополитомъ Кипріаномъ 1392 г.. 42

VII. Новгородъ Великій.

I. Отношенія Новгорода Великаго къ великимъ князьямъ тверскимъ и московскимъ.

1. Договорная грамота съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михайловичемъ 1327 г. 44
2. Договорная грамота съ вел. кн. тверскимъ Борисомъ Александровичемъ около 1451 г. 46
3. Договорная грамота съ вел. кн. московскимъ Димитріемъ Ивановичемъ 1372 г. 47
4. Договорная грамота съ вел. кн. московскимъ Василіемъ Васильевичемъ 1434 г. 48
5. Грамота великому князю московскому Василію Васильевичу на черный боръ въ Новоторжскихъ волостяхъ около половины XV вѣка. 50

II. Отношенія Новгорода Великаго къ Литвѣ и Польшѣ.

6. Договорная грамота съ литовскимъ великимъ княземъ Казимиромъ половины XV вѣка . . . 51
7. Договорная грамота съ польскимъ королемъ Казимиромъ IV 1471 г.. 52

III. Псковъ.

8. Договорная грамота литовскаго великаго князя Казимира со Псковомъ 1440 г. 55

ИЛЛЮСТРАЦІИ I ТОМА.

Стр.

Иллюстраціи къ статьѣ „Великая Россійская равнина въ прошломъ“ В. К. Агафонова.

1. Таблица I. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды 8
2. Таблица II. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды 8
3. Таблица III. Морская фауна кембрійскаго періода: трилобиты, медузы, полипы, слизняки 16
4. Таблица IV. Фауна девонскаго періода 16
5. Таблица V. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды: № 5. Распредѣленіе моря и суши въ пермскій періодъ. 24
   № 6. Распредѣленіе моря и суши въ юрскій періодъ 24
6. Таблица VI. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды: № 7. Распредѣленіе моря и суши въ началѣ мѣлового періода 24
   № 8. Распредѣленіе моря и суши въ концѣ мѣлового періода . . . 24
7. Таблица VII. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды: № 9. Распредѣленіе моря и суши въ концѣ міоценовой эпохи 32
   № 10. Обледенѣніе Европы.—Скандинаво-русскій ледникъ 32
8. Таблица VIII. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды: № 11. Распредѣленіе моря и суши въ ледниковую эпоху 32
   № 12. Іольдіево море. 32
9. Таблица IX. Флора каменноугольнаго періода 36
10. Таблица X. Ландшафтъ юрскаго періода 36
11. Таблица XI. Великая россійская равнина въ различныя геологическія эпохи: № 13. Анциловое озеро. 40
    № 14. Литориновое море 40
12. Таблица XII. Фауна плейстоценоваго періода 40

Иллюстраціи съ объяснительнымъ текстомъ В. Н. Сторожева.

1. Мозаическій образъ „Нерушимой Стѣны“ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ Ярослава I. 48

Стр.

2. Алтарная фреска „Богоматери Великой Панагіи“ въ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода Великаго. 64
3. Богоматерь Кіевскаго Владимирскаго собора В. М. Васнецова . . 80
4. Фреска южной стѣны Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода Великаго съ изображеніемъ князя-строителя. 96
5. Похороны Руса въ Булгарѣ. Съ картины Г. И. Семирадскаго. . . 112
6. Богатыри. Съ картины В. М. Васнецова 128
7. Послѣ побоища Игоря Святославича съ Половцами. Съ картины В. М. Васнецова. 136
8. Городъ строятъ—Старая Русь. Съ картины Н. К. Рериха. 144
9. I. Видѣніе отроку Варѳоломею. Съ картины М. В. Нестерова 176
   II. Юность Преподобнаго Сергія. Съ картины М. В. Нестерова 225
   III. Труды Преподобнаго Сергія. Съ картины М. В. Нестерова 240
10. Москва XVI столѣтія. Съ рисунка А. М. Васнецова. 256

Заставки и концовки.

1. Заставка *предисловія* — золотая стленгида изъ женской гробницы Большой Близницы (IV в.). . . . 5
2. Концовка *предисловія* — отрывокъ изъ древней мозаики Кіево-Софійскаго собора. 8
3. Заставка главы I—ожерелье изъ серебряныхъ позолоченныхъ бляшекъ. 9
4. Концовка главы I — серебряная подвѣска изъ рязанскаго клада . 38
5. Заставка главы II — фреска керченской катакомбы 39
6. Концовка главы II — фреска керченской катакомбы 63
7. Заставка главы III—золотое ожерелье жрицы Деметры, погребенной въ Большой Близницѣ (IV—III вв. до Р. Х. 64
8. Концовка главы III—гривна (шейное кольцо) царя изъ гробницы Куль-Обскаго кургана 94
9. Заставка главы IV — образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора 95
10. Концовка главы IV — образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора 148

Стр.

11. Заставка главы V—снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава I. 149
12. Концовка главы V—снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава I 181
13. Заставка главы VI — заставка одной изъ главъ рукописнаго новгородскаго евангелія 182
14. Концовкаглавы VI—изображенія на оборотной сторонѣ серебряныхъ монетъ Владимира I (первыя два), Святополка I (третье) и Ярослава I (пятое и шестое) . . 207
15. Заставка главы VII—изображеніе шлема XIII вѣка 208
16. Концовка главы VII—изображеніе святого князя на медальонѣ изъ клада золотыхъ предметовъ, найденныхъ на землѣ Старой Рязани 259
17. Заставка *предисловія* къ приложеніямъ—орнаментальная рѣзьба съ Никорцминды 3
18. Концовка *предисловія* къ приложеніямъ — Спаситель, мозаика XI вѣка въ куполѣ Новгородской Софіи. 4
19. Заставка перваго отдѣла приложеній—фреска лѣстницы Кіево-Софійскаго собора 5
20. Концовка перваго отдѣла приложеній—Сигтунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. . 8
21. Заставка второго отдѣла приложеній—прилѣпы сѣверной стѣны Дмитріевскаго собора во Владимирѣ 9

Стр.

22. Концовка второго отдѣла приложеній — подвѣска изъ мерянскихъ могилъ. 16
23. Заставка третьяго отдѣла приложеній—западный порталъ Дмитріевскаго собора 17
24. Концовка третьяго отдѣла приложеній — изображеніе четырехъ орнаментальныхъ дробницъ (XII—XIII вв.) съ саккоса московскаго митрополита Алексѣя 23
25. Заставка четвертаго отдѣла приложеній—барельефъ сѣверной стѣны Дмитріевскаго собора во Владимирѣ. 24
26. Концовка четвертаго отдѣла приложеній — сцена съ козой изъ лѣстничныхъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора 28
27. Заставка пятаго отдѣла приложеній—фреска Георгій Побѣдоносецъ изъ церкви XII вѣка въ Старой Ладогѣ 29
28. Концовка пятаго отдѣла приложеній—подвѣска изъ мерянскихъ могилъ. 36
29. Заставка шестого отдѣла приложеній—прилѣпы сѣверной стѣны Дмитріевскаго собора 37
30. Концовка шестого отдѣла приложеній — поливное блюдо изъ Херсонеса 43
31. Заставка седьмого отдѣла приложеній — височное кольцо изъ кургановъ Вотской пятины . . . 44
32. Концовка седьмого отдѣла приложеній — круглая пряжка изъ Вотскихъ могилъ 56

Обложка—работы И. Билибина.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка сверху*	*Строка снизу*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ.*
42	19	—	Этонъ	Этотъ
44	6	—	югѣ-востокѣ	юго-востокѣ
51	16	—	является	являются
55 *примѣчаніе*	—	—	гл. III	гл. V
60 *примѣчаніе*	—	—	гл. III	гл. V
61	—	12	Олеговича	Ольговича
82	—	14	интереса	интересамъ
1 3	1	—	добывались	добывали
108 *примѣчаніе*	—	—	гл.,	гг.,
111 *примѣчаніе*	—	—	Князь	Князь“
124	17	—	вызвали вмигъ	вызвали
125	21	—	Остреемъ	Остріемъ
125	—	14	То лѣтопись	Лѣтопись
128	21	—	характерная	характерно:
160	—	11	всесокрущающей	всесокрушающей
164	—	3	хмельной	хмѣльной

Duke University Libraries
D036968650